Н. П. КАМАНИН

СКРЫТЫЙ КОСМОС

Annotation

Автор этой книги, будучи с 1960 по 1971 год помощником Главнокомандующего ВВС по космосу, зафиксировал в своих дневниках многие важнейшие события «утра космической эры», в которых он принимает самое непосредственное участие. Собранные воедино, «Космические дневники генерала Каманина» — так озаглавил свои записи сам автор — читаются как увлекательная повесть о людях, готовивших и осуществлявших первые пилотируемые полеты в космос. В книге отражена острая борьба идей, мнений и интересов тех, кто определял развитие отечественной космонавтики на начальном этапе освоения космического пространства.

- Н. П. Каманин
  - Книга вторая
    - 1964 год
    - 1965 год
    - 1966 год
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6

Н. П. Каманин
СКРЫТЫЙ КОСМОС

Книга вторая
1964–1966 гг.

1964 год

Все советские пилотируемые корабли выполнили полеты без замечаний и не имели ни одного серьезного срыва при их подготовке, но наши лунники, межпланетные станции, спутники связи и телевидения, а также другие беспилотные космические аппараты имеют очень много досадных недоработок… Научные организации авиационной промышленности и ВВС могли бы продвинуть вперед и этот участок освоения космоса, но ведомственная «драчка» мешает делу.

3 января.

Приехал сегодня в штаб ВВС на Военный Совет. С 23 декабря я отдыхал на даче, отпуск у меня еще до 15 января. Был у Главкома, он разрешил продолжать отпуск. Военный Совет будет рассматривать записку заведующего административным отделом ЦК Миронова о воспитательной работе в Центре подготовки космонавтов. В записке нет ничего нового: изложены давно известные мне факты и события, описаны похождения Титова и ошибки в поведении других космонавтов, нет ни одного конкретного предложения. На записке есть резолюция Брежнева и Малиновского: «Вершинину — принять необходимые меры». Вот Военный Совет и решил поговорить. Дай Бог, чтобы от этой «говорильни» появилась хоть капелька пользы. А пока что Вершинин и Рытов против подписания приказа о снятии Титова с должности заместителя командира отряда космонавтов. Проект такого приказа, завизированный Руденко, Брайко и мной, уже две недели лежит у генерала Горегляда.

Только что ознакомился с Постановлением ЦК КПСС от 3 декабря 1963 года о создании космического комплекса «Союз». Оно изложено в директиве министра обороны, согласно которой головная роль заказчика определена ракетным войскам, а ВВС и ПВО «принимают участие» в создании «Союза», разработке тактико-технических требований и в летных испытаниях. Первые испытательные полеты кораблей 7К должны начаться в 1964 году, а всего комплекса «Союз» — в 1965–1966 годах. «Союз» будет использоваться для полетов к Луне и планетам, предусматриваются научные и военные варианты

кораблей. В Постановлении нет ни слова о тренажерах и о подготовке космонавтов.

15 января.

Сегодня приступил к работе. Более двух недель отдыхал на даче: ходил на лыжах, катался на коньках и санках, очищал от снега дорогу. Много занимался с Оленькой. Вчера, например, мы с ней ходили на лыжах в Коровий лес и катались там с гор, а вечером вместе катались на коньках. Отдохнул я хорошо и чувствую себя вполне удовлетворительно.

В понедельник Мусю положили в госпиталь имени Мандрыки — ей предстоит операция по удалению грыжи. Муся опасается, что при операции у нее могут обнаружить более серьезное заболевание. Но я думаю, что для этих опасений нет оснований. Будем надеяться, что все пройдет хорошо.

11 января был в Центре на вечере, посвященном 4-й годовщине части. Гагарин выступал с докладом, было много приветствий. Я передал коллективу ЦПК приветствия от Главкома и Военного Совета ВВС.

Сегодня был у Руденко и Главкома. Вершинин подписал приказ по итогам проверки представителями ЦК КПСС воспитательной работы в ЦПК. Этим же приказом Герману Титову объявлен выговор. Руденко показал мне бумагу из КГБ, в которой высказываются опасения, что герои-космонавты много пьют и часто нарушают правила уличного движения. В КГБ собрали целый «букет» происшествий за два года, но в нем нет ничего нового; все факты нам уже раньше были известны, и мы принимали по ним необходимые меры.

Только что у меня был А. В. Беляков (штурман в перелетах Чкалова), минут тридцать мы с ним уделили воспоминаниям. Александр Васильевич работает в одном из московских институтов и приезжал с просьбой об организации встречи студентов с космонавтами.

16 января.

Вчера, когда я был у Муси в госпитале, она еще не знала о дне предстоящей операции. А сегодня она позвонила мне и сказала, что операция назначена на 17 января. Хочется успокоить и ее, и себя. Хочется верить, что операция не опасна. Для того, чтобы избавить

Мусю от большого нервного напряжения, я сам бы лег под нож хирурга, но, к сожалению, это невозможно.

Началась вторая половина января, но по-прежнему нет никакой ясности со сроком и программой очередного пилотируемого космического полета. С 1 февраля мы начнем подготовку командиров кораблей «Восток» и экипажей для «Союзов». В программах подготовки пока много условностей, но мы не можем терять время из-за неясности и волокиты с увязкой программ и сроков полетов. Мы подготовим космонавтов к очередному полету в июне 1964 года (раньше июня полет невозможен из-за неготовности кораблей), а если он состоится на 1–2 месяца позже, это нас не обескуражит. Подготовку экипажей «Союза» можно было бы начинать и позже, но хочется занять людей делом, ввести их в режим подготовки к полетам и оторвать от бесконечных приемов, встреч, поездок и выпивок.

Сегодня Терешкова, Николаев и Быковский в здании Политехнического музея будут выступать с докладами о своих впечатлениях от поездок в Индию, Индонезию, Бирму, Непал и на остров Цейлон. 20 января Терешкова вылетает в Африку (Гана) и Ливан, а 31 января — в Англию. Сегодня с Кузнецовым и Подцеробом и МИДа согласовали план поездок космонавтов на первую половину 1964 года. Врачи разрешили Терешковой поездки только до 15 февраля.

17 января.

Сегодня Мусю прооперировали. Я звонил в госпиталь и говорил с начальником хирургического отделения. Он заверил меня, что операция прошла хорошо и что Мария Михайловна чувствует себя нормально. Я просил разрешения сегодня приехать к ней, но мне дали понять, что в день операции посещения не рекомендуются. Буду надеяться на лучшее и терпеливо ждать.

Сегодня мне принесли из АПН (Комолов) редкие фотографии военного времени. На КП-1 Украинского фронта на Букринском плацдарме 28 октября 1943 года товарищ Гапочка сфотографировал группу военных (командующий фронтом генерал армии Ватутин, член Военного Совета Н. С. Хрущев, командующий 2-й Воздушной армией Красовский, командир 5-го ШАК Каманин, командир штурмовой дивизии Витрук, генерал Ненашвили и другие).

Говорил по телефону с Ивановским. Выяснилось, что до сих пор нет докладов Зверева и Королева о программе предстоящего полета. По словам Ивановского, Королев, вопреки имевшейся ранее договоренности, предлагает использовать не один, а три из четырех кораблей «Восток». В ближайшие дни нужно будет добиться окончательного согласования планов по использованию «Востоков».

21 января.

19 января Терешкова улетела в Гану. Ее сопровождают Аристов, Кутаманова и другие.

Вчера провели заседание партийного комитета ЦПК с обсуждением вопроса о состоянии воспитательной работы в Центре по результатам комиссии ЦК КПСС. На заседании присутствовали все космонавты, слушатели и руководящие работники Центра; были Рытов, Миронов (ЦК) и Миролюбов (партком ВВС). Доклад сделал Трофимов, в прениях выступили Попович, Быковский, Филипченко, Демин и другие. Попович и Быковский выступили хорошо, Филипченко опять (в четвертый раз) говорил о необходимости присвоения очередных званий слушателям, а Демин выступил с огульным охаиванием всей системы и опыта подготовки слушателей и космонавтов. Он заявил, что ему не ясна цель учебного процесса и летной подготовки и что он не знает задач и перспектив развития космонавтики. По его мнению, нужно немедленно организовать встречи слушателей с Королевым, Келдышем и другими руководителями. Пришлось выступить и отчитать этого «умника», который не задумываясь «оплевал» весь коллектив и работу Центра. Сегодня утром, когда я рассказал Руденко о выступлениях Филипченко и Демина, он, не долго думая, сказал: «Надо выгнать обоих. Если слушателями они произносят такие речи, то что они скажут нам, когда слетают в космос?» Я не думаю, что их нужно выгонять, но выслушав эти два выступления, я понял, что мы очень мало работали со слушателями.

Вчера пятерка космонавтов встречалась в Кремле с Фиделем Кастро, а сегодня ЦК и правительство устраивают в честь Фиделя большой прием. Вчера Вершинин приказал мне вместе с космонавтами ехать в резиденцию Фиделя. Первый раз в жизни я не выполнил приказ: Муся в больнице, и я не мог позволить себе заниматься пирушками и пустой болтовней.

Сегодня с 10 до 12 часов вместе с А. А. Кобзаревым и группой товарищей заседали у Руденко по вопросу о центрифуге ЦФ-16. Уточнили сроки исполнения работ и задачи различных организаций. Центрифуга будет стоить 15 миллионов рублей, по решению правительства она должна быть сдана в эксплуатацию в 1967 году. Подтвердили необходимость строительства помещений под ЦФ-16 на территории ЦПК со сроком сдачи их в конце 1965 года. Это будет самая большая центрифуга в нашей стране.

23 января.

Вчера на несколько минут забегал к Мусе. Ее состояние резко ухудшилось… Сегодня после 16 часов я снова был у Муси, ей стало немного лучше, но до хорошего самочувствия еще далеко. Завтра уже неделя со дня операции, а ей еще не разрешают сидеть и не снимают швы.

Сегодня по моему настоянию Главком собрал Военный Совет. Присутствовали: Вершинин, Руденко, Рытов, Брайко, Пономарев, Агальцов, Миронов, Полынин и Кобликов. Я доложил Военному Совету два вопроса: 1) о результатах набора летчиков-испытателей в группу слушателей космонавтов; 2) об организации подготовки командиров кораблей «Восток» и экипажей для «Союза».

Из четырех летчиков-испытателей, проходивших медицинскую комиссию, только один — полковник Береговой — признан годным к космическим полетам. Но мандатная комиссия под моим председательством решила не рекоменловать Берегового в число слушателей. Береговой — летчик-испытатель с 15-летним стажем, летчки 1-го класса и во всех отношениях образцовый офицер (он воевал у меня в корпусе, и я представлял его к званию Героя Советского Союза). Было бы неплохо послать в космический полет опытного летчика-испытателя, но Береговому уже 43 года, а по приказу министра обороны предельный возраст для слушателей-космонавтов — 35 лет. Береговому предстоит ускоренная подготовка с большой нагрузкой (парашютные прыжки, термокамера, центрифуга, невесомость и т. д.). Есть опасение, что мы можем не подготовить из него космонавта и «искалечим» его как летчика-испытателя. Кроме того, я считал и считаю, что главным возражением против ускоренной подготовки и назначения в космический полет Берегового является наличие в Центре 11 космонавтов и 15 слушателей-космонавтов,

которые уже подготовлены и стоят в очереди на полет. Кое-кто из них ждет полета уже более 3–4 лет. В этой обстановке внеочередной полет Берегового будет встречен самым энергичным протестом со стороны всех космонавтов и создаст в Центре нездоровые настроения. На Военном Совете я решительно высказался против приема Берегового в отряд космонавтов. Агальцов, Полынин, Миронов и Кобликов поддержали меня, а Вершинин еще ранее согласился с решением мандатной комиссии по этому вопросу. Но Руденко и Пономарев очень энергично защищали кандидатуру Берегового, Рытов держался нейтрально. Под нажимом Руденко и Пономарева Вершинин без голосования объявил о своем решении принять Берегового в число слушателей-космонавтов и ускоренно готовить его командиром корабля «Восток». Вершинин и Руденко заявили, что «очередь на полет можно поломать», и это, по их мнению, не должно беспокоить космонавтов. Большие, но недальновидные руководители, они своими руками ломают то, что мы четыре года создавали упорным трудом.

Военный Совет решил: 1) с 25 января 1964 года начать подготовку шести командиров кораблей «Восток» — Волынова, Хрунова, Беляева, Леонова, Комарова и Берегового; 2) с 1 февраля 1964 года приступить к подготовке четырех экипажей для кораблей «Союз»: 1-й экипаж — Николаев, Шонин, Демин, Кугно; 2-й экипаж — Быковский, Заикин, Артюхин, Гуляев; 3-й экипаж — Попович, Горбатко, Пономарева, Колодин; 4-й экипаж — Титов, Шаталов, Соловьева, Жолобов.

24 января.

В газетах объявлено о смерти адмирала Фокина — первого заместителя Главнокомандующего ВМФ. Фокин только на 2 года старше меня, он был одним из лучших наших флотоводцев. Последний раз я встречался с ним три месяца назад, тогда он был совершенно здоров, весел и жизнерадостен.

Вчера направили в ЦК КПСС наши предложения о поездке в марте 1964 года Гагарина и Быковского в Швецию и Норвегию. Я не бывал в этих странах, и у меня было желание побывать там, но из-за болезни Муси пришлось отказаться от этой поездки. Вместо себя я предложил генерала Н. Ф. Кузнецова; Руденко и Вершинин «со скрипом», но согласились с такой заменой. Я договорился и с аппаратом ЦК — Усков и Миронов обещали поддержать кандидатуру Кузнецова.

Вчера был большой переполох из-за того, что Терешкова вынуждена была вылетать из Ганы на сутки раньше: по решению ЦК она должна была находиться в Гане до 25 января, но по просьбе президента этой страны визит закончен 24 января. В Ливан, по ранее согласованному графику, Терешкова должна была прибыть 26 января, поэтому с борта самолета запросили Цыбина: «Где переждать сутки?» Цыбин позвонил мне, я связался с МИДом (Лапин, Корнев, Сытенко, Подцероб). К этой поездке имеют отношение три отдела МИДа, и они более двух часов не могли принять никакого решения. Пришлось нажать на Лапина и за его и моей подписью дать нашему послу в Ливане телеграмму: «Терешкова прибудет в Ливан не 26, а 25 января в 14 часов. Организуйте прием». Казалось, все было согласовано, но только что позвонил Лапин и сказал, что наш посол в Ливане категорически возражает против прилета Терешковой 25 января. Теперь выход один — задержать Терешкову на сутки в Алжире. Но по графику самолет через два часа должен вылететь, и есть опасение, что мы не успеем задержать вылет.

27 января.

Только что пришел на работу и… приятная неожиданность: позвонила Муся. Оказывается, ей уже вчера разрешили ходить и дня через три обещают выписать.

Вчера весь день провел на даче. Я, Лева, Люда и Оля ходили на лыжах. Оля впервые прошла на лыжах около шести километров. Катались с горы, Оля съехала три раза и упала только один раз. Вечером мы с ней катались на коньках.

Пришла целая куча шифровок: наши послы из Бейрута, Алжира, Лондона и Стокгольма интересуются сроками прибытия космонавтов, сообщают о проектах программ их пребывания и т. д. Звонил Главком и приказал сегодня мне и Николаеву быть на приеме у индийского посла. Надоели эти приемы, но не всегда можно от них открутиться.

В субботу Главком подписал приказ о зачислении полковника Берегового слушателем-космонавтом, одновременно он приказал написать доклад министру о мотивах его зачисления. Маршал Руденко присутствовал при этом разговоре, и его передернуло, когда Вершинин давал мне задание написать доклад министру, который может и отменить приказ о Береговом.

И снова у меня большой конфликт с маршалом Руденко. Редактируя окончательный текст решения Военного Совета о подготовке командиров кораблей «Восток» и экипажей для «Союза», я оставил Волынова в числе шести кандидатов для полета на «Востоке». А Руденко, вопреки решению Военного Совета, исключил Волынова из этой группы и включил его в экипаж Быковского, исключив при этом из подготовки к полетам на «Союзах» Колодина. Я обратился к маршалу за разъяснением такой поправки, но Руденко не нашел ничего более умного, как выпалить: «Делай, как записано в решении Военного Совета». Я сказал маршалу, что такого решения Военного Совета не было. Я пытался объяснить ему, что беспричинное отстранение Волынова (наиболее подготовленного из всех для полета на «Востоке») вызовет неприятные настроения у космонавтов, а отстранение от подготовки из группы инженеров только одного Колодина обострит наши отношения с ракетными войсками (Колодин — ракетчик), а также с Королевым и Келдышем, которые лично знают Колодина и ходатайствовали за него при наборе космонавтов. Все это — очередная глупость, допущенная маршалом Руденко. Можно было все сделать умнее, не вызывая лишних осложнений.

29 января.

Вчера я не был у Муси — было партийное собрание. Но и вчера и сегодня я говорил с ней по телефону — она ходит, и самочувствие ее улучшается.

Начались неприятности в связи с решением Военного Совета о зачислении в слушатели Берегового и о переводе Волынова из группы командиров кораблей «Восток» в группу подготовки экипажей для «Союза». Все космонавты встретили это решение в штыки, они великолепно понимают, что это им очередная пощечина, и они ее запомнят. Гагарин уже звонил Рытову и передал, что среди ребят «пошел порох». Трудно сейчас предсказать последствия этих решений, но ясно одно: Руденко и Главком много потеряют в глазах космонавтов, будет очень много неприятных разговоров.

Только что был у меня полковник Береговой. Я направил его в ЦПК, предварительно объяснив ему всю сложность его положения в Центре и попросив сделать все возможное, чтобы не повторить печальный опыт генерала Одинцова. Я был категорически против зачисления Берегового слушателем, но решение Военного Совета

нужно выполнять. Правда, я могу так «выполнить» это решение, что Береговой никогда не увидит космоса. Но может случиться и так, что через 7-10 месяцев Береговой станет дважды Героем Советского Союза и первым космонавтом с генеральскими погонами. Я еще сам не знаю, какой из этих вариантов лучше — тут есть над чем подумать. Во всяком случае многое будет зависеть от самого Берегового. Сумеет он найти правильный путь во взаимоотношениях с космонавтами, сможет перенести большие перегрузки при форсированном режиме подготовки к космическому полету — тогда он может рассчитывать на успех. Через некоторое время я должен буду решить: поддержать ли Берегового или убрать его с дороги в космос. Это будет трудное решение: Береговой был одним из лучших ведущих в моем корпусе, более трех лет мы вместе воевали, а теперь он отличный летчик-испытатель. Жаль обижать Берегового, но я не могу забывать и интересы космонавтов, интересы Центра. Я твердо знаю, что против Берегового из-за его возраста и ускоренной подготовки будут многие члены Государственной комиссии, а у нас мало веских аргументов в его защиту и нет уверенности в ее необходимости и справедливости.

30 января.

Накануне вечером был в госпитале у Муси, она надеется, что в пятницу (31-го) ее выпишут и разрешат поехать не в дом отдыха, а прямо на дачу.

Вчера в Колонном зале Дома Союзов провели вечер встречи поколений. Вечер открыл генерал армии Лелюшенко. Выступали бывший комиссар «Авроры» Белышев, я, Чечнева, Коккинаки, Попович, Быковский и другие. Вчера же Терешкова вернулась из поездки в Гану и Ливан. Аристов доложил, что поездка прошла нормально, встречи были очень теплыми, Валя держалась хорошо. Аристов и Терешкова считают, что врача Кутаманову в заграничные поездки брать больше нельзя (она плохо переносит самолет и автомашину, паникует, скандалит из-за мелочей, совершенно не умеет одеваться и держать себя в обществе). Окончательно определился срок и программа пребывания Терешковой в Англии — с 4 по 10 февраля. Приступили к подготовке пяти выступлений Терешковой в Англии.

Группа Леонова (будущие командиры «Востоков») выехала вчера в город Киржач для выполнения программы парашютных прыжков. Ясности с программами предстоящих космических полетов все еще

нет. Просил Зверева, Королева, Ивановского и других ускорить их заключения по нашему проекту. Все обещают, но затягивают ответ.

31 января.

Вчера я привез Мусю из госпиталя домой. Чувствует она себя вполне удовлетворительно.

Ко мне вчера заходила Терешкова и рассказала о поездке в Гану и Ливан. Договорились с ней о всех вопросах предстоящей поездки в Англию. За три месяца замужней жизни Валя заметно изменилась, стала как-то потише и женственнее. Она жалуется, что пополнела и все платья стали ей малы.

1 февраля.

Главком рассказал мне о своей последней встрече с Королевым. Сергей Павлович просит отдать в новый институт (ИМБП — Ред.) Яздовского, Генина, Шепелева и еще 3–4 ценных работников. Я посоветовал Вершинину отпустить только Яздовского и одного-двух других специалистов. По словам Главкома, Королев намерен добиваться изготовления еще 8 «Востоков», в том числе 2–3 для пусков с животными. По моей просьбе Главком приказал Брайко сохранить группу инженер-полковника Шубралова.

3 февраля.

Весь день был в ЦПК. Рассмотрел и утвердил план индивидуальной подготовки полковника Берегового, рассчитанный на 10 месяцев. Пускай теперь Руденко «волевым» решением сокращает его до шести месяцев, как он обещал сделать это на Военном Совете ВВС. Одобрил проект приказа Главкома о создании комиссии по написанию истории ЦПК и сохранению всех ценных исторических материалов о первых полетах людей в космос (кино, фото, книги, статьи, подарки, личные вещи и снаряжение космонавтов и т. д.). Рассмотрел и утвердил все планы и программы работ Центра на 1964 год. Беседовал с Гагариным, Николаевым, Титовым и Поповичем. Всех космонавтов и слушателей очень волнует вопрос об ускоренной подготовке к космическому полету полковника Берегового, а также исключение из группы командиров кораблей «Восток» Волынова и перевод его в экипаж «Союза». Эти неумные решения, навязанные Военному Совету маршалом Руденко, недооценивают и унижают космонавтов гагаринского набора и больно бьют по их самолюбию. С

Кузнецовым, Гагариным и Поповичем договорились по всем вопросам предстоящих поездок в Австрию, Швецию и Норвегию.

В 15:00 в Доме офицеров чкаловского гарнизона состоялась встреча пятерки первых Героев Советского Союза (Молоков, Ляпидевский, Слепнев, Водопьянов, Каманин) с прославленной шестеркой героев-космонавтов (Гагарин, Титов, Николаев, Попович, Быковский и Терешкова). Было много фотокорреспондентов — сфотографировались отдельно пятеркой, шестерка и общей группой.

Звонил С. П. Королев, он пригласил 5 февраля приехать к нему с космонавтами и посмотреть макет «Союза».

4 февраля.

Рытов рассказал мне о беседе с Гагариным о том, как космонавты встретили полковника Берегового. Рытов сказал также, что Вершинин, узнав о содержании беседы, приказал по телефону маршалу Руденко готовить скафандр и на Волынова. Главком позвонил вчера мне в Центр и сказал, чтобы я не объявлял решение Военного Совета космонавтам. Сегодня придется говорить с Главкомом о необходимости принять твердое решение, чтобы завтра его можно было объявить и космонавтам, и Сергею Павловичу Королеву.

«Нажимал» на Вершинина, но пока ничего путного не добился. Он рекомендовал сообщить Королеву список космонавтов, готовящихся для полетов на «Востоках» и «Союзах», в алфавитном порядке с добавлением, что этот список не предрешает очередности полетов. Беседовали долго и очень мило, но почти бесполезно. Последнее время таких бесед становится все больше. Главком отличный руководитель, но он катастрофически быстро стареет и уже не способен, как раньше, подняться на серьезную борьбу за свое мнение или решение, очень легко отступает от принятых решений не только под давлением вышестоящего начальства, но и при возражениях своих заместителей.

Заходил Попович — завтра он летит в Австрию. Я подробно проинструктировал его, настоятельно рекомендовал тщательно готовиться к каждому выступлению и обязательно вместе с послом составлять тезисы речей. В последнее время Попович несколько раз выступал довольно путанно, и мои предупреждения должны пойти ему на пользу.

5 февраля.

Весь рабочий день был с космонавтами в ОКБ-1 и на заводе, изучали макет трехместного космического корабля 7К и проект «Востока», переделываемого в многоместный корабль с экипажем из трех человек. Занятия и беседы вели Королев, Цыбин, Фролов и другие специалисты ОКБ. От ВВС были: Руденко, я, Кузнецов, Яковлев, все космонавты и слушатели. Сергей Павлович подарил всем слушателям и Н. Ф. Кузнецову копию нашего лунника (остальные присутствующие получили от него этот подарок значительно раньше).

Королев только вчера получил распоряжение: корабли «Восток» больше не делать, а с использованием имеющихся четырех «Востоков» подготовить и осуществить в 1964 году полет экипажа в составе трех космонавтов. Такое решение созрело в верхах по двум причинам:

1. Корабль «Союз» в 1964 году летать еще не будет.

2. Американцы, готовящиеся запустить в космос корабли «Джемини» и «Аполлон», могут обогнать нас в 1964 году.

Таким образом, наши руководители хотят любыми средствами и даже с большим риском удержать наше первенство в космосе. Еще в 1961 году мы предлагали приспособить «Восток» для полета 2–3 человек, но, к сожалению, о нашем предложении вспомнили только три года спустя. Полеты «Востоков» с экипажами из 2–3 человек можно было бы осуществить уже в 1962–1963 годах, но тогда «верхи» отказывались строить «Востоки» вообще, надеясь на скорый выход «Союзов». А теперь, когда все убедились, что «Союзы» будут готовы не раньше 1965 года, наши высокие руководители решили в пожарном порядке латать «Восток».

Главная цель, которую преследовал Королев этой встречей — заручиться поддержкой ВВС и космонавтов в переделке «Востока». Я еще три года назад был за такую переделку «Востока», можно поддержать ее и теперь. Жаль только, что сейчас она будет выполняться за счет сокращения военной программы, рассчитанной на «Востоки», и в очень сжатые сроки. Полет на переделанном «Востоке» — это большой риск: при старте такого корабля целых 40 секунд исключается аварийное спасение космонавтов. Нет еще данных, подтвержденных опытом, что система кондиционирования способна в нужном объеме обеспечить воздухом экипаж из трех человек. При спуске в корабле без индивидуальных парашютов и при отсутствии запасного парашюта для корабля могут возникнуть очень опасные

ситуации. Перегрузки при приземлении могут быть от 10 до 25. Космонавты готовы лететь хоть верхом на палочке, но надо прямо сказать, что после шести отличных полетов на одноместных «Востоках» нас теперь тянут на скоропалительный и потому сомнительный эксперимент с многоместным «Востоком».

Первый раз я увидел Королева в полной растерянности. Сергей Павлович очень огорчен, что ему отказали продолжать строить «Востоки», и он не видит еще ясного пути, как в короткое время переделать одноместный корабль в трехместный. Он несколько раз повторял: «Не понимаю, как можно отказаться от продолжения постройки «Востоков»… Невозможно за несколько месяцев превратить одноместный корабль в трехместный…» Королеву нужна наша помощь, и мы сделаем все возможное, чтобы ему помочь. Будет очень обидно, если из-за плохого руководства и отсутствия твердых согласованных планов нам придется уступить Америке наше первенство в космосе.

6 февраля.

Попович улетел вчера в Австрию. Терешкова третий день находится в Англии и побывала уже у английской королевы. Готовим поездки в Швецию, Норвегию и Италию. Можно сказать, что наши международные дела идут нормально. Но с главным — с подготовкой к новым космическим полетам — дело обстоит плохо. Америка наступает нам на пятки. Выведение на орбиту с помощью ракеты «Сатурн-1» 17-тонного груза переполошило наше руководство. Дано указание форсировать изготовление «Союза», а до его появления в космосе сделать все возможное, чтобы удержаться в положении ведущей космической державы.

Сегодня отложил все другие дела и написал несколько страниц предисловия к книге Терешковой «Вселенная — открытый океан». Эта книга уже печатается в «Правде» и скоро выйдет отдельным изданием. Редактирование книги заняло у меня много времени, но она будет лучше гагаринской. Валя сама много и добросовестно работала над материалом.

Только что звонил Гапочка и обещал выслать мне несколько фронтовых снимков с Хрущевым, Ватутиным, Красовским и другими товарищами.

7 февраля.

Сегодня у меня была ленинградская поэтесса Людмила Попова. Она много пишет о летчиках и космонавтах, была лично знакома с Чкаловым, хорошо знала многих летчиков — участников обороны Ленинграда. Попова подарила мне свою последнюю книгу стихов «Музыка века» и от имени ленинградского Союза писателей настойчиво просила организовать встречу космонавтов с писателями Ленинграда. Таких просьб от писателей, художников, скульпторов, композиторов поступает сотни. Для Ленинграда надо будет сделать исключение и организовать встречу в апреле.

Маршал Руденко сегодня собирает представителей Центра и институтов, чтобы выработать наше отношение к перестройке «Востока» из одноместного в трехместный. Я еще не говорил с Вершининым по этому вопросу, но из разговора с Руденко понял, что Главком не торопится поощрять «трюки и загибы» Военно-промышленной комиссии. Д. Ф. Устинов и Л. В. Смирнов будут принимать все меры, чтобы любыми средствами прикрыть назревающие провалы в наших космических планах. Пожалуй, мы поступим разумно и честно, если не поддержим их в этих сомнительных комбинациях.

8 февраля.

На вчерашнем совещании у Руденко по определению позиции ВВС в вопросе о переделке «Востока» в многоместный корабль присутствовали: Пономарев, Мишук, Холодков, В. А. Смирнов, Волынкин, Яздовский, Карпов, Генин, Газенко, Шепелев, Кузнецов, Яковлев, Ковалев, Горегляд и я. Руденко заявил следующее: «Мы вступили в эту кооперацию и должны сделать все возможное, чтобы полет экипажа из трех человек на переделанном «Востоке» осуществить весной этого года… Мы не можем предъявлять Королеву требований, которые он не сможет выполнить в указанный срок». Мишук, Холодков, Бабийчук и другие высказались примерно так: «Задача очень тяжелая, времени мало, необходимо многое уточнять с ОКБ-1 и немедленно начинать испытания и исследования, особенно по системам жизнеобеспечения и приземления корабля… Риск полета очень большой». Решили, что к исходу 11 февраля все представят маршалу Руденко предварительные письменные соображения о путях решения этой задачи и вопросы, на проработке которых необходимо сосредоточить особое внимание. С совещания все ушли с убеждением,

что ВВС, спасая промахи промышленности и руководителей нашей космической программы, вешают себе на шею очень тяжелый хомут.

10 февраля.

Открылся Пленум ЦК КПСС по интенсификации сельскохозяйственного производства. Непрерывная болтовня, ежегодные ломки и организационные перестройки — это, пожалуй, сейчас главные причины отставания нашего сельского хозяйства.

Вчера Терешкова на английском рейсовом самолете «Комета» вернулась из Лондона в Москву. Сегодня полковник Аристов подробно доложил мне об итогах визита в Англию. Наш посол в Англии Солдатов хорошо спланировал и осуществил ряд важных мероприятий (встреча с королевой, встреча в парламенте, большие митинги и несколько пресс-конференций). Газеты, радио и телевидение широко освещали визит. Валя выступала удачно и чувствовала себя вполне удовлетворительно. На этом заграничные поездки Терешковой прерываем до осени.

Вчера мне звонил мой однокашник генерал-лейтенант А. С. Благовещенский. Он просил принять и рассмотреть как кандидата в космонавты инженер-полковника Владимира Николаевича Бендерова, работающего летчиком-испытателем в ОКБ А. Н. Туполева. Я дал согласие принять его.

Звонил Ивановский — он обижается, что к нему долго не едет Н. Ф. Кузнецов. Я обещал ему сегодня после обеда представить нового начальника Центра подготовки космонавтов и одновременно поговорить о наших космических делах.

Была у меня Маргарита Карловна Раценская — председатель комитета планерного спорта ДОСААФ. Она жаловалась, что после моего ухода из ДОСААФ планеризм постепенно отмирает и в 1964–1965 годах может совсем погибнуть. Я ей прямо сказал, что военные не смогут поддерживать планерный спорт, что нужно добиваться поддержки в ЦК ВЛКСМ, ВЦСПС и Центральном спортивном совете. Планеризм отмирает как средство подготовки кадров для авиации, но он может и должен жить как прекрасный вид спорта.

12 февраля.

Н. Ф. Кузнецов, В. Н. Холодков и я вчера были в Кремле и более двух часов беседовали с О. Г. Ивановским. Главная тема беседы: ВВС очень пассивны и не «теребят» высокие инстанции предложениями о

том, как и на чем готовить космонавтов к будущим космическим полетам, включая облет Луны и высадку людей на Луне. Этот разговор вызван появлением ряда сообщений о том, что американцы уже имеют тренажер для отработки прилунения.

Как всегда, Олег Генрихович очень горячился и наговорил в адрес ВВС много нелепостей, но в основном он прав. Мы отстаем от Америки в создании необходимых для подготовки космонавтов тренажеров и стендов. ВВС вносили уже десятки предложений по этим вопросам, но на большинство из них не было никакого реагирования. Да и наши НТК (Мишук), Центр по космической технике (Холодков) и другие организации ВВС мало делают в этом направлении. Главная причина такого положения в том, что не ВВС, а ракетные войска — заказчик космической техники. Министерство обороны и лично Малиновский тормозят дело освоения космоса, не используя все имеющиеся возможности.

Ивановский сообщил нам, что есть одобренный ЦК КПСС план посылки экспедиции на Луну в 1968–1970 годах. Для этой цели будет использована ракета Н-1, способная вывести на орбиту 72 тонны, а так как вес корабля, рассчитанного на полет к Луне, прилунение и возвращение на Землю, будет составлять около 200 тонн, то потребуются три ракеты Н-1 и две стыковки на орбите. Весь этот проект у нас еще только на бумаге, а американцы уже многое сделали для осуществления полета на Луну. Короче говоря, у меня нет былой уверенности, что мы будем на Луне раньше американцев. Конечно, многое в этих прогнозах можно еще изменить в нашу пользу, но для этого нужны срочные и решительные мероприятия. Смирнов и Келдыш с такой задачей не справятся, и в этом им крепко «помогут» Малиновский, Крылов и Руденко.

Перспектив укрепления руководства космонавтикой в государственном масштабе не видно, нет и попыток целенаправленно объединить усилия всех ведомств. Нет твердого планирования, нет конкретного и ответственного руководства; средства и усилия не концентрируются, а продолжают распыляться. В такой обстановке невозможно добиться больших успехов. Из разговора с Ивановским я для себя сделал вывод: не переоценивать достижения наших ОКБ и институтов, «шевелить» их как можно чаще и многое делать своими силами.

13 февраля.

С утра был в Монино на ученом совете академии ВВС (ныне академия имени Ю. А. Гагарина — Ред.). Генерал Н. Ф. Кузнецов защищал диссертацию на тему, посвященную совершенствованию руководства полетами. Работа полезная, единогласно решили присвоить Кузнецову ученую степень кандидата военных наук.

Сегодня поступили материалы о подготовке в США пусков кораблей «Джемини». В апреле и середине года планируется выполнить полеты кораблей с манекенами, а в октябре-декабре — полет двух астронавтов продолжительностью 4,5 часа.

14 февраля.

Получены данные о работе американцев в 1957–1963 годах над космическими объектами.

Годы Общее Число Процент
число пусков успешных пусков успешных пусков
1957 1 0 0
1958 17 5 29
1959 19 11 58
1960 29 16 55
1961 40 30 75
1962 68 59 87
1963 49 38 77,5
Итого 223 159 71,5

В 1963 году продолжалось усовершенствование носителей «Атлас», «Центавр» и «Сатурн-1». В 1963 году было осуществлено четыре пуска первой ступени «Сатурна-1», а в январе 1964 года запущен его двухступенчатый вариант с грузом общим весом 17 тонн. По состоянию на 1 января 1964 года на орбитах находилось 77 американских спутников и более 200 других объектов. Всего за 1963 год в США успешно запущено 52 спутника, 48 из них (92 процента!) являются спутниками военного назначения.

Вчера у маршала Руденко было второе большое совещание по переделке «Востока» в «Восход» (такое официальное название получил многоместный вариант корабля «Восток» — Ред.). Генерал Мишук и я высказались за то, чтобы пока никаких авансов Королеву не давать, а начать ускоренную проработку основных вопросов модернизации «Востока» вместе с Ворониным, Ткачевым и

Севериным. Генерал Холодков доложил, что результаты первых прикидочных совещаний с сотрудниками ОКБ — благоприятные, но нужно немедленно организовывать и проводить целый ряд испытаний. Поручили Холодкову до 18 февраля подготовить проект плана необходимых экспериментов.

15 февраля.

Более двух часов инструктировал генерала Кузнецова по поводу предстоящей поездки Гагарина, Быковского и сопровождающих их лиц в Швецию и Норвегию с 1 по 15 марта. Кузнецов впервые поедет за границу, и для него это будет своеобразным экзаменом.

Изучал материалы об освоении Америкой космического пространства в военных целях. В материалах много фантастических проектов, рекламы и нереальных планов, но что самое важное — это широкий фронт работ и большие финансовые вложения. Шелуха отпадет, и из нее «вылупится» новое грозное космическое оружие. Сейчас это пока средства разведки, а через 3–5 лет появятся средства перехвата и удара. Большое значение будет иметь создание орбитальных станций, маневрирующих космических кораблей, а также освоение Луны как научной и военной базы.

Наш Генеральный штаб и министр Малиновский недооценивают усилий вероятного противника и мало делают для использования космоса в целях обороны. Я подготовил несколько вариантов письма Н. С. Хрущеву с изложением основных недостатков и ошибок в нашей космической программе. Но, откровенно говоря, я еще не решил твердо, хватит ли у меня смелости и сил подняться на серьезный бой с Министерством обороны и Военно-промышленной комиссией Совета Министров. Такой бой можно выдержать только при личной поддержке Хрущева, а у меня нет достаточной уверенности, что такая поддержка будет оказана.

18 февраля.

Весь день был в ЦПК. Обсуждали план мероприятий по созданию серии тренажеров. Особые трудности будут при создании тренажера для отработки посадки на Луну и взлета с ее поверхности.

Гагарин, Титов, Николаев, Попович и Быковский усиленно готовятся к экзаменам, а Терешкова приступила к систематической подготовке для вступительного экзамена в академию. Титов на совещании сидел с громадным синяком около левого глаза — это

«украшение» он заработал в воскресенье во время игры в хоккей. Николаев жаловался на боль в горле, врачи рекомендовали ему постельный режим. Валя заметно округляется, и черты лица у нее становятся более расплывчатыми. Пожалуй, один Быковский из всей шестерки всегда свеж, подтянут и жизнерадостен.

Кроме большой нагрузки по работе и учебе, ребятам приходится очень много отрываться на различные общественные мероприятия. Сегодня, например, вся шестерка в одно и то же время приглашалась: на правительственный прием в честь болгарской делегации, на встречу с Сайрусом Итоном, в непальское посольство, на конференцию комсомольцев Москвы и на ряд других важных мероприятий.

21 февраля.

Вчера я выступал с докладом о 46-й годовщине Советских Вооруженных Сил перед студентами МАИ. После меня выступал с воспоминаниями о боях в воздухе генерал-полковник Кожедуб, потом с рассказом о своем полете выступил подполковник Быковский. Более двух часов продолжались выступления, было очень много вопросов, вечер прошел хорошо. Сегодня вечером мне придется с таким же докладом выступать в Доме ученых. Перед 23 февраля и 8 марта заявок на выступления тысячи. Все очень обижаются, что мы не можем удовлетворить и сотой доли просьб о встречах с космонавтами. По этому поводу на меня идет непрерывный поток жалоб в ЦК КПСС.

Сегодня у меня был гонец от Михаила Александровича Шолохова, некто Пугач. Ему 53 года, он удивительно похож на Горького, каким я знал его тридцать лет назад. Пугач привез письмо, адресованное Хрущеву и Брежневу, подписанное Шолоховым, Фединым, Твардовским, Симоновым и многими другими известными людьми. В письме приводятся факты хищнического истребления лесов в Карпатах и защищается идея создания государственных заповедников. К письму приложен проект соответствующего решения Совета Министров СССР. Я с большим удовольствием подписал эти документы и настоятельно рекомендовал подписать их у Гагарина и Терешковой. Пугач, как на крыльях, полетел на Чкаловскую за подписями космонавтов. Я уверен, что решение о заповедниках будет подписано. В отношении к лесу у нас еще много варварства. Сохранение и обогащение флоры и фауны нашей Родины должны быть

государственной и всенародной задачей, но пока мы от этого очень далеки.

24 февраля.

Праздник прошел нормально. Сегодня все космонавты работают в ЦПК. 28 февраля у ребят экзамен по электротехнике.

С поездкой Гагарина в Италию дело опять осложнилось. Наш посол Козырев прислал шифр-телеграмму, в которой сообщает, что итальянцы снова заколебались с официальным приглашением Гагарина. Они хотели бы, чтобы он был гостем посла, и обещают прием в Риме, Генуе, Флоренции и других городах. Почти три года итальянское правительство тормозит приезд Гагарина, мы имеем десятки приглашений из Италии (приглашают мэры городов, общественные организации), и поездка туда была бы очень полезной.

26 февраля.

Весь вчерашний день провел с группой космонавтов и инженеров в ЦНИИ-30 в Ногинске, где ознакомились с тренажером по стыковке космических кораблей на орбите. Тренажер почти полностью готов, и мы посмотрели его в работе, хотя на нем нет еще телевизионного и оптического оборудования, поставку которого задерживают смежники из Ленинграда и Свердловска. На тренажере макет корабля 7К устанавливается неподвижно (может только вращаться вокруг центра масс), а модели кораблей 9К и 11К, выполненные в 1/30 натуральной величины, могут сближаться с 7К, имея три степени свободы. Космонавт по телевидению или по оптическим прицелам наблюдает приближающийся объект «в натуральную величину». Сближение начинается с дистанции 300 метров со скоростью 2 метра в секунду. С уменьшением дистанции уменьшается и скорость: на расстоянии двух метров скорость сближения составляет 10 сантиметров в секунду.

Кроме тренажера по стыковке генерал Иоффе показал нам несколько новых авиационных тренажеров и электронно-вычислительных машин, в том числе и бортовую ЭВМ для космического корабля. Она весит всего 40 килограммов, но может вести полный контроль за работой оборудования корабля и решать задачи космической навигации. Я убежден, что ЦНИИ-30, ЦПК и ГКНИИ ВВС могут сделать любой космический тренажер лучше какой-либо другой организации, и, что особенно важно, могут сделать его быстро.

27 февраля.

Главком сегодня поехал к маршалу Малиновскому: на совещании у министра в присутствии главкомов и руководства МО будет решаться вопрос о структуре космических учреждений и задачах видов Вооруженных Сил по освоению космоса. В проекте решения данного совещания задачи видов Вооруженных Сил почти не меняются: за ВВС остаются заказы систем жизнеобеспечения и спасения космонавтов во всех обитаемых кораблях, подготовка космонавтов, а также поиск и эвакуация спускаемых аппаратов кораблей; за ракетными войсками заказы и пуски космических аппаратов; за ПВО — наблюдение космического пространства и перехват космических целей. Я долго убеждал Главкома, что на совещании у министра обороны надо защищать необходимость объединения космоса в ВВС и, как минимум, настаивать на предоставлении нам права заказов и пуска обитаемых космических кораблей. Главком полностью согласился с моими доводами, но он не уверен, что ему удастся переубедить Малиновского. В жизни, к сожалению, очень часто бывает так, что решающее слово принадлежит не специалистам. Вот и сейчас самые насущные вопросы освоения космоса будут решать люди, которые не знают его. Генералы Белюнов и Холодков, присутствовавшие при нашем разговоре с Главкомом, также высказали ряд полезных аргументов в защиту позиций ВВС.

Заходил полковник Аристов и доложил, что генерал Н. Ф. Кузнецов на беседе в МИДе был очень застенчив и все жаловался, что он просился в поездку за границу вместе с Каманиным, а его посылают одного. Надо будет подбодрить этого «дипломата».

Вчера в Кремле был прием премьер-министра Дании Отто Крага, а сегодня состоится прием в посольстве ГДР. Завтра космонавты сдают экзамены по электротехнике и настойчиво просят освободить их от встреч и приемов. Вчера на приеме был только Гагарин, а на сегодняшнюю встречу я решил не посылать никого.

Более двух часов беседовал с маршалом Руденко о насущной необходимости реорганизации Центра подготовки космонавтов в Государственный научно-исследовательский испытательный центр космических полетов. Маршал целиком согласен с нашими мотивировками этого мероприятия, но он считает, что в сложившейся обстановке (заказы и пуски кораблей в ведении РВСН) Малиновский

отвергнет любое предложение о расширении ЦПК. Договорились написать Малиновскому письмо с просьбой разрешить усилить Центр высококвалифицированными специалистами по космической навигации, учебным космическим кораблям и тренажерам, а также тренерами экипажей и инженерами-испытателями. Чтобы реорганизовать ЦПК в исследовательский центр, нужно решиться воевать с большими «головотяпами» в ранге министров, а на такую борьбу Вершинина и Руденко уже не поднять. Признаюсь, и мне трудновато вести непрерывные «бои» с начальством.

4 марта.

Вместе с маршалом Руденко вчера весь день были в ЦПК. Все время ушло на беседу со слушателями-космонавтами и космонавтами. Космонавты, как более опытные, молчали, а слушатели проявили значительную активность (перспективы развития космоса, связи с Академией наук, участие в конструкторских работах, программы подготовки, посещение ОКБ и т. д.). Беседа началась не совсем удачно: на первые два вопроса Руденко дал такие ответы, что у слушателей отпала охота задавать новые вопросы, но потом, несколько осмелев, они выложили все, что имели на уме. После беседы Руденко сделал вывод, что майора Воробьева, майора Филипченко и инженер-капитана Кугно необходимо отчислить из группы слушателей. Больших оснований для их отчисления нет, но и особой ценности они не представляют. Воробьев в беседе с Руденко вел себя нетактично и даже глупо. Кугно на политзанятиях задавал вопросы: «Почему у нас одна партия? Почему мы помогаем другим, когда у нас у самих нехватки?» Кугно 27 лет, он холост и ведет себя с женщинами легкомысленно, в партию вступать желания не изъявил. Майор Филипченко четыре раза выступал на партийных собраниях, заявляя всякий раз о необходимости присвоения ему звания подполковника.

9 марта.

Прошлое воскресенье я ходил на лыжах при температуре -19 градусов и сильном ветре и немного простудился. Первые два дня я чувствовал только боль в горле, а в среду заболела голова, и поднялась температура. По настоятельному совету врачей пришлось четверг, пятницу и субботу пролежать в постели. Температура выше 38 градусов не поднималась, но артериальное давление было высоким (200/100). Вчера и сегодня температура нормальная, но немного

побаливает голова. Придется начинать пить всякие снадобья, чтобы снизить давление.

Отредактировал окончательно книгу Терешковой «Вселенная — открытый океан». Большинство глав книги уже опубликованы в «Правде». Королев по этим главам высказал недовольство: «Нельзя так легковесно писать о Главном конструкторе». Я особенно внимательно просмотрел все места, где упоминается Королев, — мне кажется, что его обиды и капризы неосновательны: наоборот, в книге слишком часто упоминается Главный конструктор. Переговорю с Валей, и кое-что сократим.

Все космонавты в разъездах: Гагарин и Быковский — в Норвегии, Терешкова и Николаев — в Чебоксарах, Попович — в Киеве, а Титов — во Владивостоке. Вся шестерка соберется в Москве только 15 марта.

11 марта.

Сегодня собирались приехать с дачи в Москву на автомашине вместе с Мусей, но заболела Оля, и Мусе пришлось остаться на даче. Утром у Оли температура была 38,1. Вчера она наелась снегу и наглоталась холодного воздуха через открытую форточку. Муся тоже еще не совсем поправилась, она постоянно жалуется на боли в животе. Врачи уверяют, что идет естественный послеоперационный процесс, а Муся вбила себе в голову, что кроме грыжи у нее есть и другие болезни, чуть ли не рак.

12 марта.

Начальник Гознака Бабаханов сделал пять замечательных альбомов «Первая космическая свадьба». Каждый альбом стоит не менее 200 рублей, но мы за них ничего не платили. Один альбом Николаевы преподнесут Хрущеву, второй Малиновскому, третий — Вершинину, четвертый — Гознаку, а пятый оставят себе. Р. Я. Малиновская обещала переговорить с Н. П. Хрущевой, чтобы Хрущевы написали несколько слов приветствия Терешковой и Николаеву.

14 марта.

Вчера на заседании Военно-промышленной комиссии Совета Министров СССР рассматривался вопрос о переделке «Востока» в «Восход»: решили делать трехместный корабль. Поручили ВВС

готовить экипаж в составе: космонавт, ученый, врач. Пуск намечается на первую половину августа.

Сегодня Бабийчук, Волынкин, Карпов, Газенко, Хлебников и я два часа совещались у маршала Руденко о возможности выполнения поставленной задачи. Все единодушно согласились, что за три месяца подготовить двух пассажиров для космического полета можно. Необходимо немедленно приступать к отбору кандидатов и закончить его не позднее 30 апреля. Решили пропустить через медицинскую комиссию 30 врачей и 30 ученых, чтобы отобрать из 60 человек только 6. Мое личное мнение о предстоящем полете по этому поводу таково: подготовить пассажиров можно, есть значительная доля уверенности, что и полет трехместного корабля можно успешно выполнить, но поспешность и бесплановость, с которой это делается, отдают духом авантюризма. Все это уже привело нашу космическую программу к большим трудностям, а может привести и к грандиозным провалам. Я понимаю, что для Смирнова, Келдыша и Королева сейчас нет другого выхода. Они должны были бы честно и прямо признать, что США догоняют СССР, что в 1964 году Америка может вырваться вперед, а в 1965 году она прочно займет ведущее место в космосе, но они всеми средствами будут оттягивать и маскировать наше поражение. Попытка быстро переделать одноместный «Восток» в трехместный «Восход» и посылка в космос пассажиров это не тщательно подготовленный дальнейший шаг вперед в деле освоения космоса, а отчаянный рывок. Но за рывками часто следуют срывы, и дай Бог, чтобы мы и на этот раз не сорвались. Положение таково, что сейчас ничего лучшего и не предложишь. Придется делать все возможное, чтобы не допустить срыва, но не все зависит только от нас…

16 марта.

Генерал Н. Ф. Кузнецов очень обстоятельно доложил о поездке Гагарина и Быковского в Швецию и Норвегию. Для него это была первая заграничная поездка. Ребята вели себя нормально, послы довольны, замечаний нет — поездка прошла хорошо.

17 марта.

Оказывается, вчера генерал Кузнецов доложил мне не все о поездке по Швеции и Норвегии. Сегодня звонили из КГБ и сообщили, что в Швеции был случай срыва программы выступлений Гагарина якобы из-за бомбы, подложенной на месте встречи. Реакционные

газеты писали: «Бомба для Гагарина — это бомба Хрущеву». Реакционеры были очень озлоблены массовостью и радушием встреч советских космонавтов и пытались любыми средствами смазать эффект от выступлений героев космоса. За все время поездок космонавтов за границу это, пожалуй, первая серьезная провокация против нас.

Руденко передал мне сегодня, что маршал Бирюзов «дал добро» на набор пассажиров. Генерал Бабийчук уже формирует медицинскую комиссию, а мне маршал поручил возглавить мандатную комиссию по отбору кандидатов.

20 марта.

Почти весь день провел вчера с мамой. Ей пошел уже 86-й год, последние четыре года она прикована к постели. Вчера мама два раза по 2–3 часа сидела в кресле. Из кресла в кровать и с кровати в кресло она передвигается только с посторонней помощью. У нее хороший слух, хорошая память, но она почти не говорит. На вопрос Маруси: «Ты рада, что Коля приехал?», — мама ответила: «А как же!» — и ничего не добавила. Уход за мамой в таком ее состоянии — это тяжелый труд, и он целиком лежит на Шуре, Марусе и Александре. Мама получает 30 рублей пенсии, ежемесячно я высылаю ей 50 рублей. Формально я содержу мать, но мой вклад в заботы о маме не идет ни в какое сравнение с ежедневным трудом по уходу за ней со стороны Маруси, Шуры и Александра. Я чувствую, что делаю далеко не все, что должен был бы делать для матери.

Вчера провел встречу с учениками и преподавателями меленковской средней школы, которую я окончил в 1927 году. Из моих учителей были Анна Георгиевна Новосельцева (Введенская) и Тельш — оба уже на пенсии. Прошло 37 лет, большинство моих учителей уже в могиле (Успенский, Широкогоров, Бельский и другие), а остальные все — на пенсии. Был в классе, в котором я учился в 1925–1927 годах, посидел за своей партой. Учащиеся преподнесли мне альбом с видами города, мы несколько раз сфотографировались. Закончилась встреча хорошим концертом учащихся.

21 марта.

Часа два занимался вчера с Николаевыми. Валя чувствует себя хорошо, но смущается из-за своей фигуры и избегает массовых встреч с людьми. Во время полета в Чебоксары ее мутило в воздухе. В

субботу они собираются поехать в Ярославль: сестра Вали родила вторую дочь. Вместе мы еще раз просмотрели все наши замечания по материалам книги «Вселенная — открытый океан». Замечаний много: в книге описываются долгие мечтания о космосе (письмо, разговоры, думы, сомнения), а в жизни все было иначе — до появления представителя из Москвы и разговора с ним у Вали не было и мысли о полете в космос; в книге инструктор ярославского аэроклуба Морозычев задолго до поступления Терешковой в ЦПК называет ее «Гагариным в юбке», хотя это меткое прозвище ей дали уже в Центре за 2–3 месяца до ее полета. Есть много и других замечаний — по описанию встреч и бесед с Королевым. Но учитывая, что книга фактически готова к печати и ее желательно выпустить к третьей годовщине полета Гагарина, мы решили не вносить в текст существенных изменений.

Валя и Андриян с удовольствием рассматривали фотоальбом «Первая космическая свадьба», только что присланный мне Гознаком. Всего изготовлено шесть экземпляров альбома (в записи от 12 марта 1964 года упоминается о пяти экземплярах альбома — вероятно, шестой экземпляр был изготовлен дополнительно для Н. П. Каманина — Ред.). Валя, по-видимому, до сих пор переживает свою уступку Андрияну при выборе фамилии. Она спросила меня: «Как подписывать альбом, Терешкова или Николаева?» Я ответил: «Конечно, Терешкова!» «Вот видишь, — обратилась она к мужу и с обидой добавила: Националисты вы, националисты…» Перед свадьбой Валя и Андриян были у меня, и тогда мы договорились, что Валя оставляет фамилию Терешкова. Но в ночь перед свадьбой Николаев, под влиянием родных и гостей из Чувашии, настоял, чтобы Валя носила двойную фамилию.

Был Гагарин, рассказал о поездке в Швецию и Норвегию. Его тревожит вопрос о составе экипажа для предстоящего полета. Кроме недостаточной надежности «Восхода», Гагарина беспокоит и малый срок подготовки экипажа. Он высказал пожелание, чтобы командиром «Восхода» был назначен еще нелетавший космонавт. Пожалуй, с предложением Гагарина нужно согласиться. Полет будет продолжаться не более суток, научные задачи программы полета ограничены, а его риск будет значительно большим, чем был до сих пор. Кроме того, летавшие космонавты сейчас далеко не в летной форме, и за 2–3

месяца их будет трудно подготовить. Я разделяю сомнения и беспокойство Гагарина.

Я уже докладывал Главкому, что на затею с полетом «Восхода» реагирую так: как военный, я буду выполнять приказ о наборе и подготовке людей для полета, подготовке самого полета и его осуществлении, буду делать все возможное, чтобы он прошел как можно успешнее, но я заявлял и заявляю, что этот полет будет подготовлен хуже любого предшествующего. Корабль «Восход» менее надежен, чем «Восток»; экипаж будет подготовлен для преодоления отрицательных факторов космического полета значительно хуже Быковского и даже Терешковой. Удача в осуществлении полета совсем не исключается, но ее вероятность резко снижена.

Вершинин и Руденко мою точку зрения и мои опасения знают, но они считают, что у нас нет сейчас другого пути, и мы вынуждены принимать участие в этом сомнительном эксперименте. В сложившейся обстановке для поддержания престижа Родины такой полет, может быть, и нужен, но он имеет сотни «но», и это меня очень беспокоит. Малиновский и Хрущев, конечно, ничего не знают о рискованности этого полета, а открыть им глаза на это крайне сложно — они могут расценить наши сомнения как панику или, в лучшем случае, передать их разбор тем, кто является инициатором полета «Восхода» (Устинов, Смирнов, Королев, Келдыш).

24 марта.

Вчера весь день работал в ЦПК. Занимался вопросами строительства и организацией отбора пассажиров, провел беседу со слушателями-космонавтами. Все слушатели высказались за сохранение в структуре Центра второго отряда космонавтов. Они считают, что до конца учебного года (декабрь) в программу их подготовки никаких изменений вносить не надо. Углубленную специальную подготовку следует начать после госэкзаменов в составе экипажей с определенной нацеленностью на конкретный корабль и на конкретный полет.

Гагарин, Николаев, Титов, Попович, Быковский и Терешкова решительно высказались против эксперимента с космическими пассажирами. Главный мотив их возражений: мало времени на подготовку к полету и трудности для всего экипажа в случае, если хотя бы один из его членов будет чувствовать себя плохо. Надо признать,

что подобные сомнения не покидают и меня. Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов и вероятность поспешных выводов по вопросам отбора и подготовки космонавтов при благополучном исходе полета. Найдется много легкомысленных академиков и руководителей, которые немедленно потребуют снизить жесткость отбора и уменьшить срок подготовки космонавтов. Королев и другие легко забудут, что требования абсолютного здоровья и натренированности космонавтов — не каприз врачей, а функция состояния космической техники. С улучшением техники требования к пассажирам космических кораблей в принципе могут снижаться и когда-нибудь станут близки к требованиям, которые сейчас предъявляются к пассажирам самолетов. Но упрощать требования к отбору и подготовке людей для космических полетов сейчас, по крайней мере, преждевременно и легкомысленно — это чистейший авантюризм, неуважение к науке и опыту, который мы уже имеем. В Центре все руководство и специалисты поддерживают соображения, высказанные космонавтами, и все очень обижаются на Карпова и ученых Института авиационной и космической медицины, легко и быстро давших добро на новую идею Королева.

Дал задание Титову и штурманам подготовить соображения и требования к проектированию здания планетария (примерно такого, какое мы с Титовым видели в США на выставке в Сиэтле).

27 марта.

Вчера звонил в Меленки. Мама заболела воспалением легких, в возрасте 86 лет ей будет трудно перенести это новое тяжелое испытание. Говорил с Таней (племянница Н. П. Каманина — Ред.), она собирается сегодня на неделю поехать к ней.

Был у меня генерал Бабийчук. Он предложил разрешить медицинской комиссии несколько снизить требования по здоровью к кандидатам на предстоящий полет. Мы договорилились с ним, что никаких серьезных скидок в требованиях к пассажирам не будет. В связи с набором кандидатов на полет космический институт Минздрава проявляет большую активность, Минздрав пытается взять на себя функции по отбору космонавтов. Пока что все их атаки в этом направлении отбиты, но война на этой почве будет продолжаться.

Через час после того, как я записал предыдущие строки, ко мне приходил порученец Зверева (ГКОТ) с проектом доклада в

правительство о наборе кандидатов в экипаж «Восхода». И даже этот, значительно исправленный, доклад несет следы попыток Минздрава активно включиться в систему отбора и подготовки космонавтов. Я потребовал исправить три пункта:

1) командир корабля — космонавт (добавил «не обязательно летавший»);

2) набор только гражданских (вычеркнул «только» и добавил «и военных»);

3) поручить ВВС и Минздраву отбор и подготовку космонавтов (вычеркнул «и Минздраву»).

Решением ВПК № 59 от 13 марта 1964 года одобрены предложения ГКОТ об изготовлении кораблей «Восход». Решение обязывает исполнителей изготовить корабли и носители для них и отправить их на полигон в следующие сроки: 1-й комплект — 15 июня 1964 года, 2-й комплект — июнь 1964 года, 3-й и 4-й комплекты — июль 1964 года. В пункте № 9 этого решения записано: «Поручить Министерству обороны (ВВС) совместно с ГКОТ, Минздравом и Академией наук СССР в месячный срок разработать и согласовать программу предполетной подготовки летчиков-космонавтов и медико-биологического обеспечения полетов кораблей «Восход». Решением утверждены также графики изготовления оборудования для кораблей и доработки тренажеров для Центра подготовки космонавтов.

Сегодня я более часа беседовал с О. Г. Газенко и Е. А. Карповым — это наши «боги по космической медицине и биологии». Оба твердо высказались за то, чтобы командиром «Восхода» был летавший космонавт, а также подтвердили свое мнение о реальности подготовки пассажиров в трехмесячный срок.

Последние две недели я много думал и много беседовал со специалистами и космонавтами по вопросам отбора кандидатов и их подготовки к полету на «Восходе». Страсти вокруг отбора членов экипажа разгораются все больше. Раньше все было очень просто: космонавтов отбирали и готовили только ВВС. Когда стали готовить к полету девушек, то на выбор кандидатов для полета пытались влиять ОКБ-1, Академия наук и ДОСААФ. А теперь, когда в полет кроме космонавта отправятся врач и инженер, количество организаций, заинтересованных в отборе кандидатов, значительно возросло. Я все больше склоняюсь к тому, чтобы командиром «Восхода» назначить

Быковского, Поповича или Титова. Врача отберем из кандидатов Института авиационной и космической медицины, а инженера — из ОКБ-1. В понедельник проведу первое заседание мандатной комиссии по отбору кандидатов на полет. Это будет только ознакомление с кандидатами перед их направлением на госпитальные обследования.

1 апреля.

Вчера похоронили мою маму, Каманину Стефаниду Даниловну. Она умерла около 7 часов вечера 29 марта. Я узнал об этом через несколько минут после ее кончины и немедленно решил ехать в Меленки автомашиной. Мама умерла на 86 году (1876–1964), она прожила долгую и очень трудную жизнь. Мой отец, Петр Иванович Каманин, умер в 1919 году на 49 году жизни. На руках матери осталось семеро детей. В труднейшие годы гражданской войны, разрухи и голода мама сумела найти в себе силы и мужество, чтобы не только вырастить нас, но и дать всем нам образование. Я всегда любил свою мать и восхищался ею, она для меня всегда была примером для достойного подражания. Трудолюбивая, спокойная и рассудительная, она пользовалась большим авторитетом у родственников и знакомых.

Похороны мамы превратились для Меленок в большое событие. Тысячи граждан непрерывным потоком проходили у ее гроба и провожали на кладбище. Собралось очень много родственников: брат моего отца — Александр Иванович Каманин (ему 85 лет, он отлично выглядит и пользуется среди верующих репутацией святого, более 50 лет живет отшельником), брат моей матери Забалуев Михаил Данилович (ему 73 года, он очень много помогал нашей семье в 20-е годы), двоюродная сестра мамы — Колычева (ей 70 лет, она очень похожа на маму). На похороны собрались все мои сестры: Маруся, Полина, Тоня, Лида и брат Александр. Было много моих двоюродных братьев и сестер. Пришли проститься с моей матерью и мои товарищи по средней школе — И. И. Вощинский, А. В. Ермилов, А. Я. Назаров.

Почти месяц не виделся с Главкомом. Сегодня более часа обсуждали с ним наши космические дела, Главком согласился с моими предложениями:

1) немедленно начать подготовку Титова, Поповича и Быковского с расчетом, что одному из них уже в этом году придется лететь в космос второй раз в качестве командира трехместного корабля «Восход»;

2) сформировать из числа нелетавших космонавтов (инженеров) группу из 6 человек и начать готовить их как членов экипажа «Восхода»;

3) одновременно проводить отбор кандидатов в пассажиры из числа врачей, гражданских инженеров (от Королева) и ученых (от Келдыша).

Я изложил Вершинину (в присутствии А. Н. Пономарева) свое мнение о большом риске полета на корабле «Восход» и легкомысленности затеи с пассажирами из-за недостатка времени на их подготовку. Вершинин понимает риск, сопутствующий полету «Восхода», и возможные неблагоприятные для пассажиров последствия полета. Он заверил меня, что будет отстаивать наш вариант формирования экипажа «Восхода» из числа космонавтов и слушателей-космонавтов.

3 апреля.

Вчера у меня были генерал Бабийчук, полковники Карпов и Газенко. Бабийчук доложил, что у него на совещании были академики Лебединский и Парин. Специалисты по космической медицине и биологии согласились с нашими требованиями к параметрам и здоровью пассажиров космических кораблей: возраст — до 40 лет, рост — от 160 до 175 сантиметров, вес — до 80 килограммов, более жесткие требования к вестибулярной устойчивости (с учетом малого срока подготовки), снижение требований к зрению, слуху и допустимость некоторых дефектов здоровья, не имеющих отношения к переносимости факторов космического полета.

Вчера исполняющий обязанности президента Академии наук СССР Кириллов (Келдыш в Японии) прислал мне список 18 кандидатов от Академии наук в число первых космических пассажиров.

4 апреля.

Вчера был в Центре и объявил Титову, Поповичу и Быковскому решение о необходимости начать их подготовку к полету на «Восходе». Приказал также готовить четырех космонавтов и двух слушателей-космонавтов из числа инженеров для полета в качестве пассажиров. На совещании были Кузнецов, Трофимов, Гагарин, Николаев и другие. Гагарин и Николаев еще раз решительно высказались против гражданских пассажиров. Обязал Кузнецова 6

апреля доложить мне программу подготовки всех четырех групп (летавшие космонавты, нелетавшие космонавты, слушатели-космонавты и пассажиры).

Слушал вчера по радио, как Хрущев вручал в Будапеште Яношу Кадару звезду Героя Советского Союза. Фидель, Ульбрихт, Кадар стали Героями Советского Союза. «За что?» — вот вопрос, с которым ко мне обращались сотни людей. «За что?» — спрашиваю и я — и не нахожу ответа: здравый смысл против таких злоупотреблений. Всех этих деятелей можно было наградить орденом Ленина, но при чем тут звание Героя Советского Союза? Есть только одно объяснение — это намек на то, что 17 апреля, когда исполнится 70 лет Хрущеву, самому Никите должны преподнести это высокое звание. На войне он его не заслужил, подвигов не совершал, но он будет Героем — подхалимы дадут ему это высокое звание.

Тридцать лет я ношу звание Героя, я гордился этим званием, но сейчас оно для меня поблекло. Хрущев оскорбляет самые высокие чувства народа. Хрущева не только не любят, его проклинают и смеются над ним все, с кем мне приходилось говорить о нем (военные, рабочие, крестьяне, служащие, молодежь). Хрущев наделал очень много ошибок: грубейшие нападки на Сталина, возвеличивание самого себя и своих родственников, целина, кукуруза, травосеяние, ошибки в отношениях с Югославией, Албанией, Китаем и в других международных делах, обман, ложь и очковтирательство (восхваление Рязани за три плана по мясу). Не надо быть пророком, чтобы предсказать, что после смерти Хрущева имя Сталина вновь засверкает и поведет народы вперед, а Хрущева с презрением забудут. «Знаток» сельского хозяйства, он своими «идеями» и советами привел наше сельское хозяйство на грань развала. Особенно плохо у нас с животноводством: до революции в подмосковной деревне Заборье было более 150 коров, осталось — 9; в Домнино (село во Владимирской области — Ред.) коров было более 200, осталось — 28. И такая картина типична для большинства сельских районов. В ближайшие годы мы не можем ждать чуда в деревне. Нужно опасаться дальнейшего ухудшения положения в сфере сельскохозяйственного производства. Хрущев разбазаривает советское добро по всему миру, а наше население терпит невзгоды (нет мяса, плохо с молоком, нет белого хлеба). Особенно грубо ошибся Хрущев с новым

районированием (введение двух обкомов, ломка районов, перекрещивающееся подчинение предприятий и так далее).

6 апреля.

Весна затягивается. Больше недели температура около нуля. Тепла все еще нет, на полях много снега, три больших снегопада прошли в марте и апреле. Приближаются знаменательные дни: 12 апреля — День космонавтики, а 13 апреля — тридцатилетие Челюскинской эпопеи. Очень много просьб от прессы, радио, кино, телевидения и других организаций — всем нужны космонавты. Гагарин, по просьбе В. Гагановой, уже ездил к ткачихам в Вышний Волочок, а 10 апреля поедет в Ярославль на областную конференцию. Быковский на 7–8 апреля полетит в Сталинград в Качинское училище. Всем другим героям-космонавтам предстоит провести много выступлений в Москве.

8 апреля.

Вчера у меня собралась вся шестерка: Гагарин, Титов, Николаев, Попович, Терешкова и Быковский. Договорились по всем вопросам проведения пресс-конференции в Государственном комитете по культурным связям с зарубежными странами (отчет о пресс-конференции опубликован сегодня в «Красной звезде»). Обсудили и уточнили планы поездок и встреч космонавтов с трудящимися: в апреле на каждого придется по 10–12 выступлений. Николаев, например, только вчера выступал три раза (пресс-конференция, Гознак и Государственный комитет химической промышленности). Рассмотрели и завизировали статьи в газеты и журналы (не удовлетворили при этом и одной десятой всех просьб редакций и корреспондентов).

На пресс-конференцию я не поехал, отправил с космонавтами полковника Аристова. Терешкова на пресс-конференцию тоже не поехала, а осталась у меня и подписала альбомы «Первая космическая свадьба» Хрущевым, Малиновским, Вершинину, Бабаханову и мне. Я еще не отказался от намерения убедить Терешкову, что в дальнейшем она должна заняться государственной и общественно-политической деятельностью. На этом пути она сможет сделать много полезного и для народа, и для космонавтики. Из ответов Вали на мои вопросы я понял, что она много размышляла после наших предыдущих разговоров на эту тему и по существу готова работать в

рекомендуемом мной направлении, но ее смущают неопределенность в выборе пути и возможное неодобрение товарищей-космонавтов. Нам помешали обсудить этот вопрос до конца, в ближайшие дни мы вернемся к нему. Нужно решать, где осенью будет учиться В. В. Терешкова — в академии Жуковского, как считают все, в том числе и она сама, или на одном из гуманитарных факультетов, как хотел бы я. От решения этого вопроса будет зависеть многое для Терешковой, а может быть, и для космонавтики. Парадоксально, но я убежден, что Терешкова сделает для космонавтики тем больше, чем меньше она будет ею заниматься. К концу нашей беседы вернулся с пресс-конференции Николаев, и разговор переключился на другие темы. Валя заявила, что она ждет девочку и что назовет ее Леной — в честь своей матери Елены Федоровны. Андриян сказал, что будет сын, а я пожелал им и сына и дочь одновременно. Валя спросила меня: «Николай Петрович, если будет мальчик, как его назвать, может быть, Никитой?» Я посоветовал ей не связывать имена детей с именами политических деятелей, да и вообще не торопиться с выбором имени для первенца — есть еще время подумать над этим.

10 апреля.

В Доме ученых провели вчера собрание, посвященное 30-й годовщине Челюскинской эпопеи. Были: Ляпидевский, Молоков, Слепнев, Решетников, Комова, Кренкель, Погосов, Ремов, Фарих, Алексеев, два сына Отто Юльевича Шмидта и другие товарищи. По предложению Ляпидевского принято решение обратиться с письмом к Хрущеву с напоминанием об Указе Калинина (1934 год) о создании памятника челюскинцам и с просьбой о претворении в жизнь этого Указа.

Вчера дважды звонил С. П. Королев. Он говорил о необходимости встретиться и уточнить ряд вопросов по «Восходу» и подготовке для него экипажа. Сергей Павлович просил также послать одного из космонавтов вместе с его заместителем К. Д. Бушуевым в Калугу на празднование Дня космонавтики. Я направил в Калугу Павла Поповича.

Недавно созданный Институт медико-биологических проблем начинает «показывать зубы»: от его руководства на имя Микояна поступило письмо, в котором предлагается наш институт переселить на Чкаловскую, а все помещения и оборудование на Масловке

передать ИМБП. Я вызвал Бабийчука и показал ему этот документ. Бабийчук был обескуражен — до него только сейчас стало доходить все значение совершенной им, Мишуком и маршалом Руденко ошибки создание нового института. Сейчас эту и несколько других атак мы отобьем, но атаки будут продолжаться, и новый институт через 3–5 лет полностью будет руководить космической биологией и медициной в масштабе страны, а космический институт ВВС превратится в узковедомственное заведение. Так осуществляется идея Руденко «поставить институт ВВС на новые рельсы». Я всегда был против этой идеи, доказывал не раз Руденко ее гибельные последствия для ВВС, но я, по-видимому, не все сделал для того, чтобы помешать осуществлению этого проекта.

Сегодня вышла из печати книга Терешковой «Вселенная — открытый океан». Я редактировал эту книгу и написал к ней предисловие, поэтому мне трудно давать ей оценку, но я уверен, что 140 тысяч экземпляров первого издания немедленно разойдутся, и книгу придется несколько раз переиздавать.

11 апреля.

Вчера в Доме офицеров чкаловского гарнизона провели торжественное собрание Центра подготовки космонавтов, посвященное Дню космонавтики. На вечере были: Гагарин, Титов, Николаев, Быковский и Терешкова (Попович был в Калуге), представители ЦК КПСС, ЦК ВЛКСМ и другие. Хорошо выступила пионерка из Ленинграда. Скульптор Постников рассказал о своей работе над портретами космонавтов и преподнес музею ЦПК бюсты Гагарина, Поповича, Николаева и мой. Обратно с нами в машине ехали скульптор Лев Ефимович Кербель и композитор… (фамилия не названа — Ред.). Оба непрерывно «тарахтели» всю дорогу о последних заседаниях Комитета по Ленинским премиям, они считают бесспорными кандидатами на получение премии Майю Плисецкую, Николая Черкасова и Ирину Архипову.

13 апреля.

Этот день для меня особенный: ровно 30 лет тому назад — 13 апреля 1934 года — я, Молоков и Водопьянов вывезли со льдины последнюю шестерку челюскинцев и тем самым полностью завершили эпопею по спасению 104-х человек из ледяного плена. В числе последних из «Лагеря Шмидта» улетели капитан «Челюскина»

Воронин, Кренкель, Погосов. Сегодня в 16:00 «Комсомольская правда» собирает большую группу Героев Советского Союза для беседы на тему «Истоки подвига». Я и Гагарин обещали быть на этой встрече. Мне уже звонили Гагарин, Титов и Попович — доложили, что праздники прошли нормально и что они приступили к подготовке для полета на «Восходе».

В субботу 11 апреля на заседании в Большом театре очень хорошо выступил Быковский. Как обычно, удачно говорил Гагарин. От Академии наук выступал Седов. После заседания был большой концерт. Я настоял, чтобы Муся побывала со мной на вечере в ЦПК и на заседании в Большом театре. Она с удовольствием послушала два хороших концерта, самочувствие ее заметно улучшается.

Только что был у меня генерал Кузнецов и рассказал о встрече космонавтов на квартире у Королева 12 апреля. Сергей Павлович в кругу своих заместителей и космонавтов высказался категорически против того, чтобы командиром «Восхода» был один из летавших космонавтов. Кроме того, он очень упрощенно относится к подготовке пассажиров. Все эти неосмотрительные разговоры Королева вносят путаницу в планы подготовки космонавтов и в конечном счете вредят делу. Космонавты, с легкой руки Королева, называют маршала Руденко «шефом Руденковым». Год назад они генерала Одинцова прозвали «Огурцовым», а теперь издеваются и над Руденко. У Руденко есть много ошибок, но космонавты делают еще большую ошибку, если они так зло шутят над руководством ВВС в угоду Королеву. Королев наговорил космонавтам горы небылиц. Он считает, что в 1968 году можно будет слетать на Луну и обратно без стыковок на орбите и без предварительного облета Луны. У Сергея Павловича полный сумбур в голове, и напрасно он свои идеи излагает космонавтам. Для подготовки космонавтов к полетам нужны твердые, хорошо продуманные планы полетов, а не прожекты и мечтания. А в том, что в СССР нет таких планов, больше всего виноваты Королев и Келдыш.

14 апреля.

Вчера я и Гагарин были в редакции «Комсомольской правды». В беседе на тему «Истоки подвига» приняли участие многие Герои Советского Союза. Я выступил первым и рассказал о первых Героях и о подвигах наших летчиков во время войны. Гагарин, выступая вторым, говорил о космических полетах. В основе подвига всегда

лежат титанический труд больших коллективов людей, любовь к своей профессии, глубокое знание дела, мастерство и безграничная любовь к Родине, желание прославить свою страну, стремление выполнить долг коммуниста, комсомольца, гражданина Советского Союза.

Из редакции Гагарин к 17:15 поехал на встречу в ЦК КПСС. До Охотного ряда мы ехали в одной машине, и Юра дорогой рассказал мне подробности встречи на квартире у С. П. Королева. Подтвердилась неприязнь Королева к Руденко, его несогласие с нашими наметками по составу экипажа «Восхода» и с программой подготовки полета. Гагарин просил разрешить выезд на охоту группе космонавтов (15–17 человек). Охоту на глухарей организует секретарь Ярославского обкома партии в субботу и воскресенье (18–19 апреля).

15 апреля.

Накануне в редакции газеты «Правда» участвовал в большом сборе Героев Советского Союза, посвященном тридцатилетию установления этого звания. Были: Молоков, Водопьянов, Ляпидевский, Слепнев, Байдуков, Беляков, Кренкель, Маресьев, Конев, Чечнева, Таран и другие. Главная цель совещания — как использовать подвиги и опыт Героев для воспитания молодежи.

Вчера больше часа беседовал с Главкомом по актуальным вопросам освоения космоса. Главком приказал написать два доклада Малиновскому: в первом документе изложить все имеющиеся данные о военных усилиях США в космосе, сравнить их с тем, что делается у нас в этой области, и сформулировать нашу программу на ближайшие 5–7 лет; во втором — дать нашу оценку «Восхода» и предложения по составу экипажа. Вершинин согласен, что «Восход» малонадежен, и считает, что экипаж для него нужно составить не из пассажиров, а из числа хорошо подготовленных космонавтов. Между прочим, США объявили, что первый трехвитковый полет на борту «Джемини» будут осуществлять майор Вирджил Гриссом и капитан-лейтенант Джон Янг. Гриссом уже летал по баллистической траектории (15 минут).

16 апреля.

День 30-летия установления звания Героя Советского Союза. В «Правде» опубликован снимок большой группы Героев и краткий отчет о встрече в редакции. Вчера в Кремле был митинг польско-советской дружбы, поэтому все сегодняшние газеты заполнены выступлениями Хрущева и Гомулки.

Вчера я ездил в Кунцево в Кремлевскую больницу к маршалу Руденко. До мая он будет проходить курс лечения по поводу экземы. Я рассказал маршалу о наших мероприятиях по подготовке к полету «Восхода», о взаимоотношениях с Минздравом и ОКБ-1. В течение двух часов мы обсудили основные космические вопросы и, что редко у нас бывает, кажется, остались довольны друг другом. Руденко по всем вопросам сейчас занимает более гибкую позицию и избегает поспешных решений. Ясно одно: Руденко, как и Вершинин, не хочет допустить вмешательства Минздрава и промышленности в наши военные дела. В этой части они правы: сейчас, после создания Института медико-биологических проблем это единственно правильный курс.

Провел короткое совещание (Горегляд, Мишук, Холодков, Бабийчук) по вопросу наших взаимоотношений с Минздравом. Договорились, что не будем допускать новый институт к руководству отбором и подготовкой космонавтов, к организации ближайших полетов в космос. Пусть ИМБП занимается теми вопросами, для решения которых он и был создан — обеспечением длительных пилотируемых полетов к Венере, Марсу и другим планетам.

Сегодня Главком подписал приказ об отчислении из ЦПК слушателя-космонавта инженер-капитана Кугно. Он идеологически и морально неустойчив. На вопрос замполита: «Почему не вступаешь в партию?», — он ответил: «Я в эту партию жуликов и подхалимов вступать не буду!» Очень неприятно слышать подобное от любого советского гражданина, а в устах кандидата в космонавты эти слова звучат, как приговор. По-видимому, мы наделали много глупостей, если стали возможными подобные разговоры.

Был у меня Герман Титов. Я поинтересовался его мнением по составу экипажа «Восхода». Герман за то, чтобы в составе экипажа были пассажиры (врач и инженер), а командиром корабля — уже летавший космонавт.

17 апреля.

Хрущеву исполнилось 70 лет. Объявлен Указ о присвоении ему звания Героя Советского Союза и Героя Социалистического Труда Болгарии. Все газеты заполнены материалами о юбилее. Хрущев поступает далеко не по-ленински, скромности и такта у него нет ни на грош. Он объявил борьбу с культом Сталина, а сам всеми силами

раздувает свой собственный культ. Но все его усилия только вредят ему. Я тысячу раз убеждался, что народ не любит Хрущева, а многие просто ненавидят его и издеваются над его попытками стать выше Сталина. За 10–11 лет правления Никиты мы многое потеряли из наследства Сталина и почти ничего не приобрели. Особенно плохо обстоит дело с сельским хозяйством и воспитанием молодежи. Промышленность хоть и продвигается вперед, но в повышении качества продукции и производительности труда, в совершенствовании организации производства мы по существу почти ничего не добились.

В 16 часов в Кремлевском Дворце начались чествования Хрущева. Все социалистические страны наградили юбиляра самыми высокими орденами, а руководители этих стран зачитали приветствия. Приветствия прислали короли и президенты, премьер-министры и руководители партий, даже Мао Дзэ-дун и его соратники не решились замолчать это событие. Пятнадцать лет назад я присутствовал на праздновании 70-летия Сталина в Большом театре — оно прошло в десять раз скромнее. Народ любил Сталина и очень тепло о нем отзывался. А сейчас в народе настойчиво говорят: «Хрущев непрерывно пьет и гуляет, раздает иностранцам наше добро, возвел свою персону и родственников в такой культ, какого никогда не было при Сталине».

20 апреля.

Сегодня ровно 30 лет, как семерым нашим летчикам, и в том числе мне, присвоили звание Героя Советского Союза за участие в спасении челюскинцев. Газеты и журналы широко отметили эту дату («Правда», «Красная звезда», «Комсомольская правда», «Советский воин», «Литературная Россия», «Неделя», «Авиация и космонавтика» и другие). Очень тепло обо мне написал в «Неделе» Ю. А. Гагарин. Слова «батька», «наставник», «воспитатель», «руководитель космонавтов» пестрят в десятках статей.

Вечером 17 апреля после окончания юбилейных торжеств в Кремле мы с Левой и группой космонавтов выехали на охоту. Всего собралось человек двадцать: Гагарин и Николаев с женами, В. Терешков (брат В. В. Терешковой Ред.), Комаров, Шонин, Леонов, Хрунов, Волынов, Никерясов, Лева, я и шоферы. Охотничье хозяйство «Нагорье» расположено в 70 километрах севернее Переславля-Залесского. Хозяйство огромное, отличные помещения для охотников,

много всякой дичи, но… охоты не было. Охота разрешена только с 26 апреля, к тому же довольно холодно, и глухарь и тетерев еще не токуют. Рано утром группа Леонова охотилась на лося; подстрелить сохатого удалось Хрунову. За обедом все с удовольствием ели лосиную печень, даже Лева похвалил печенку, хотя раньше он вздрагивал при этом слове. Вечером переехали в военное охотничье хозяйство в 25 километрах восточнее Переславля-Залесского чудесное озеро, великолепные леса. Часа четыре бродили по лесу. Гагарин и Николаев убили глухаря, Комаров подстрелил зайца — вот и все наши небогатые трофеи. Две Вали — Терешкова и Гагарина — приготовили нам чудесный завтрак. Поездка прошла хорошо, все были очень довольны, хотя многим пострелять и не удалось. В 4–6 километрах западнее Переславля-Залесского есть исторический памятник — часовня «Крест», построенная по распоряжению Ивана Грозного на месте рождения его сына Федора в 1557 году. Более 400 лет стоит часовня, открытая всем дождям и ветрам, и время ее меньше состарило, чем некоторые «ценители» старины. Вся наша группа сфотографировалась на фоне этого памятника.

21 апреля.

Вчера был у меня В. А. Семенов (Совмин), около двух часов мы беседовали по вопросам перспектив освоения космоса. Семенов и Ивановский пытаются уговорить нас принять участие в составлении плана Минздрава и МО по медико-биологическому обеспечению длительных космических полетов и в представлении этого совместного плана на утверждение правительству. Я доложил Вершинину, что у нас нет таких вопросов, которые нужно было бы докладывать правительству. Вершинин, переговорив с Бирюзовым, дал согласие все космические планы готовить только от имени Министерства обороны, а в планах Минздрава принимать участие лишь с целью использования их в интересах МО.

23 апреля.

Два часа занимался вчера в Центре подбором кандидатов в экипажи «Восхода». В связи с тем, что пока еще нет твердого решения о формировании экипажа, а время идет, я приказал готовить к полету девять человек (Быковский, Попович, Титов, Волынов, Леонов, Хрунов, Беляев, Комаров и Демин). Полетят из этой девятки один или трое, а готовить пока будем всех.

Сегодня получил документ от Тюлина с резолюциями Смирнова — Бирюзову, Бирюзова — Вершинину и Вершинина — мне. Тюлин предлагает решить вопрос о составе экипажа для «Восхода» и назначить командиром корабля летчика-космонавта, а членами экипажа — врача и инженера или корреспондента. Вершинин приказал мне выполнять то решение, которое я доложил ему вчера на подпись для направления Малиновскому: мы высказались за назначение в полет кандидатов только из числа космонавтов, так как за 2–3 месяца подготовить к космическому полету пассажиров очень трудно и нет уверенности в том, что они смогут хорошо перенести полет. Предстоит длительная борьба против авантюристов, способных ради рекорда послать в космос совсем неподготовленных людей.

24 апреля.

Получили директиву маршала Бирюзова с изложением решения ЦК КПСС и Совета Министров СССР об изготовлении четырех «Восходов» для обеспечения полета экипажа в составе трех человек, а также об изготовлении во второй половине 1964 и начале 1965 годов пяти модернизированных кораблей «Восток» для обеспечения выхода человека в космическое пространство. Это решение, принятое 13 апреля, отодвигает на длительный срок наши попытки решить вопросы военного космоса. Хотя решение о полете многоместного корабля и выходе в космическое пространство косвенно и имеет военное значение, но это далеко не то, что нужно было бы делать в интересах обороны страны. На наших космических планах отчетливо отражается недооценка Малиновским военного значения космонавтики.

Выход человека в открытый космос — очень сложное дело, и на подготовку этой операции потребуется не меньше года. Необходимо будет в мае уточнить с Королевым сроки изготовления и предназначение всех пяти новых «Востоков» и организовать практическую подготовку к полетам на них животных и космонавтов. Наибольшие трудности будут связаны с оборудованием кораблей и изготовлением скафандров и аппаратуры, обеспечивающей выход человека в открытый космос и возвращение его в корабль. По-видимому, потребуется не менее одного-двух полетов космонавтов совместно с животными.

27 апреля.

Сегодня Николаев вместе с полковником Аристовым улетают на несколько дней в Венгрию. Приглашали Терешкову и Николаева, но Валя вынуждена была отказаться от этой поездки из-за беременности.

Звонил С. П. Королев, он ратует за создание специальной комиссии (Тюлин, Королев, Келдыш, Мрыкин, Гагарин и я), которая приняла бы решение о формировании экипажа для «Восхода». Я сказал ему, что мы не против такой комиссии, если она будет рассматривать только те кандидатуры, которые предварительно отобраны комиссией ВВС. Сергей Павлович согласился с моим условием, но высказался против назначения командиром «Восхода» уже летавшего космонавта. Я заверил Королева, что мы не видим серьезных оснований для спора о том, кто будет командиром «Восхода» — летавший или нелетавший космонавт. Есть много доводов за то, чтобы полетел нелетавший космонавт, и главные из них следующие:

1) у нас станет больше космонавтов, уже побывавших в космосе;

2) в случае неприятностей с «Восходом» будет легче предотвратить их широкую огласку;

3) полетное задание будет простым, а сам полет — непродолжительным.

По вопросу о пассажирах корабля Королев ничего не говорил — он, по-видимому, считает, что мы безоговорочно согласны с его точкой зрения, но именно в этом вопросе у нас главные расхождения.

28 апреля.

Сегодня Вершинин, я, Гагарин, Титов, Попович и Быковский были на приеме у маршала Бирюзова и генерала армии Епишева. Эту встречу организовал я с целью довести до руководства Министерства обороны необходимость срочно решать целый ряд вопросов военного использования космоса. Космонавты преподнесли Бирюзову и Епишеву свои книги и фото с дарственными надписями. Перед поездкой космонавты собрались у меня, и мы договорились, какие вопросы будем поднимать перед начальством, но все прошло несколько иначе, чем мы предполагали. Старики «зажали» молодых и сами очень много говорили о значении для страны их подвигов и долго призывали «держаться на высоте». После получасовой беседы и фотографирования все перешли в столовую. Мы пили за маршалов, а они — за космонавтов и их руководителей. Бирюзов сказал, что он и

Епишев пришли к выводу о необходимости объединения военного космоса под руководством ВВС, и рекомендовал написать за подписью космонавтов доклад министру по основным проблемам космонавтики, заверив нас, что этот материал не пройдет мимо Генштаба и что он и Епишев всегда поддержат ВВС. Епишев и Бирюзов, вспоминая о совместной работе в Харькове в 1938–1940 годы, высказали много лестного в мой адрес. Епишев, обращаясь к космонавтам, сказал: «У вас есть с кого брать пример, учитесь у Николая Петровича, будьте такими, как ваш руководитель…» Встреча была полезной, и она не должна пройти бесследно.

29 апреля.

Сегодня приехал на работу в 8 часов утра, а в 8:20 Главком вызвал меня к себе. Я доложил ему справку для выступления на заседании ВПК по проекту «Положения о межведомственной комиссии по космической медицине и биологии». В «Положении» этой комиссии ей присваивается роль руководителя всех проводимых в Министерстве обороны работ, связанных с обеспечением пилотируемых космических полетов. Вершинин обещал добиться полной переработки проекта «Положения».

Более пяти часов писал письмо космонавтов маршалу Малиновскому. В конце письма предлагается объединить весь военный космос под руководством ВВС. Я старался написать это письмо так, чтобы в нем отражалась как бы точка зрения космонавтов. Через час буду докладывать его Главкому.

Только что сообщили резолюцию министра обороны на нашем письме о составе экипажа для «Восхода»: «Бирюзову. Потребовать от ОКБ-1, чтобы все требования ВВС были выполнены». Надо понимать, что это указание министра относится и к «Восходу», и к его экипажу.

30 апреля.

Вершинин одобрил письмо космонавтов министру обороны, но просил сделать так, чтобы с этим письмом раньше Малиновского был ознакомлен Бирюзов. В письме изложены четыре вопроса:

1. В стране отсутствует план пилотируемых космических полетов. Нет даже плана на 1964 год. Сейчас — апрель, а до сих пор неизвестно, кто, когда и с каким заданием отправится в полет. Это плохо отражается на подготовкеа и качестве полетов и может быть причиной тяжелых срывов и происшествий.

2. США опережают СССР в военном космосе, наша военная программа не выполняется.

3. Заедает ведомственность — в МО все виды Вооруженных Сил занимаются космосом. Необходимо все усилия по военному использованию космоса сосредоточить в ВВС.

4. Штат ЦПК ВВС не соответствует новым задачам. Необходимо создать на его базе научно-исследовательский испытательный центр космических полетов.

Позвонила Терешкова и сообщила, что она получила фотоальбом «Первая космическая свадьба» со следующей надписью: «Дорогие Валя и Андриян! Желаем Вам большого счастья и новых больших успехов. Н. Хрущев, Н. Хрущева».

Кроме того, Нина Петровна прислала очень теплое личное письмо с пожеланиями Вале и Андрияну здоровья, счастья и благодарностью за подаренный ими альбом.

4 мая.

Все праздничные дни 1, 2 и 3 мая провел на даче. Много работал в саду: подрезал и привязывал старую малину, посадил 60 кустов новой, белил деревья, убирал и сжигал мусор, восстановил летний водопровод и делал еще сотни более мелких дел. Работал физически по 13–14 часов в сутки и чувствовал себя превосходно. Вчера прошли хорошие дожди, но тепла еще нет.

5 мая.

Забыл записать: 30 апреля перед самым концом рабочего дня мне позвонил Главком и радостным голосом сообщил: «Звонил Бирюзов, сказал, что он «обработал» маршала Гречко. Гречко обещал во время поездки с Хрущевым в Египет переговорить с ним по вопросу объединения военного космоса под руководством ВВС».

Итак, три главные фигуры, окружающие министра обороны — Гречко, Бирюзов, Епишев — за объединение военного космоса в ВВС.

Сегодня Гагарин, Титов, Николаев, Попович, Быковский и Терешкова подпишут письмо министру — посмотрим, как будет Малиновский отбиваться от такой атаки. Но радоваться еще рано, надо продолжать бой до полной победы. Даже в случае согласия министра на объединение военного космоса под эгидой ВВС будет еще немало трудностей внутри самих ВВС: Руденко, Пономарев, Брайко и Мишук способны влиять на Вершинина и тормозить полное объединение. Вся

эта компания наделала уже много ошибок, но самая грубая ошибка Руденко, Мишука и Бабийчука — это создание ИМБП Министерства здравоохранения. Вчера звонил Ивановский и сказал, что Королев, Челомей, Зверев, Дементьев, Калмыков и Келдыш написали письмо в ЦК КПСС с просьбой передать запланированную для ЦПК ВВС центрифугу ЦФ-16 новому институту. Почти каждый день приходится отбивать претензии Минздрава на командование пилотируемыми космическими полетами.

Уже 5 мая, а от Королева все еще нет кандидатов для отбора в состав экипажа «Восхода». Из 50 кандидатов нашего института, Минздрава и Академии наук 36 уже отчислены, лишь 14 человек заканчивают медицинские обследования.

7 мая.

Вчера с утра до 16 часов был в ЦПК. Осмотрел строительство, был на занятиях у космонавтов, беседовал с Гагариным, Титовым, Поповичем, Николаевым, Терешковой, Соловьевой и Пономаревой, разобрал целый ряд текущих вопросов.

С 17 до 19 часов того же дня был на совещании у Королева. От ВВС кроме меня были: Кузнецов, Гагарин, Холодков, Смирнов, Покровский; от РВСН генерал Керимов. Кроме того, были Строев, Галлай, Северин, Ткачев, Цыбин и другие. В короткой речи Королев высказался категорически против каких-либо мероприятий по повышению надежности «Восхода» из-за недостатка времени. Он заявил, что в 14 полетах «Зенитов» и 10 полетах «Востоков» случаев разгерметизации не было, и это дает ему основание утверждать, что мероприятия, страхующие экипаж на случай разгерметизации, излишни. На самом деле Королев не хуже нас знает, что на «Востоках», в случае разгерметизации, космонавт мог 4–6 часов жить и работать за счет спасательного скафандра и специального обеспечения кислородом, а при разгерметизации на «Восходе» экипаж немедленно погибнет. Сергей Павлович высказался и против индивидуальных парашютов для космонавтов. Он считает, что космонавты не смогут использовать парашюты в случае аварийной ситуации. Он сказал также, что не видит необходимости в натурных испытаниях «Восхода». Строев, Ткачев, Северин и другие товарищи поддержали Королева. В защиту предложений ВВС выступили Смирнов и Гагарин. Принято решение еще раз в рабочем порядке под

руководством Королева и с участием представителей ВВС просмотреть наши предложения и дать по ним окончательное заключение. Эта процедура будет излишней, так как Королев заявил, что он намерен твердо отстаивать свое мнение. Я понимаю Сергея Павловича — у него нет другого выхода: «Восход» может быть только ухудшенным вариантом «Востока». Он докладывал Хрущеву, что риск полета на «Восходе» больше, чем на «Востоке», и получил согласие на этот риск в надежде на большой политический эффект от полета трехместного космического корабля.

ВВС сделали все возможное, чтобы обратить внимание промышленников и руководства на серьезные недостатки корабля «Восход», и высказали конкретные предложения по улучшению некоторых его систем. Наши предложения не принимаются — придется лететь на таком «Восходе», каким его сможет сделать промышленность. В таком случае военные могут сказать только: «Есть!» Получим приказ, и хоть на метле улетим на Луну без всяких надежд возвратиться на родную Землю. Ради политики и поддержания престижа Родины приносились и большие жертвы.

9 мая.

День Победы над фашистской Германией. 9 мая 1945 года я был в Чехословакии. Утром под городом Брно мы начали последнее наступление с целью ликвидации группировки немецких войск, которая еще не капитулировала. Немцы не приняли боя, они поняли всю бессмысленность дальнейшего сопротивления и подняли руки.

Сегодня исполняется 80 лет со дня рождения Бориса Илиодоровича Россинского. Кое-кто, а в первую очередь он сам, утверждает, что Ленин назвал его «дедушкой русской авиации». Заслуги Россинского перед авиацией ничтожны, личные его качества оставляют желать много лучшего (хвастлив, навязчив, нескромен, беззастенчиво искажает историю), но он один из старейших русских летчиков — старику уже 80 лет, может быть, это последний его юбилей. По совету Главкома и Рытова решили послать ему от ВВС скромное приветствие.

11 мая.

Первый раз в этом сезоне играли с Мусей в теннис. Я играл неважно, а Мусе после операции нельзя еще быстро двигаться, и наши постоянные партнеры В. А. Смирнов и Е. Н. Шестаков — впервые за

два года одержали над нами победу. Через 2–3 игры мы войдем в норму и сумеем добиться прошлогодних результатов, а тогда все игры были за нами.

В субботу в Главный штаб ВВС привезли проект письма Смирнову Л. В. от Тюлина, Королева и Келдыша о составе экипажа для «Восхода». Королев упорно хочет навязать нам свою волю и послать в космос, кроме космонавта, двух почти неподготовленных пассажиров. В марте с этой идеей согласился маршал Руденко, тогда с оговорками и мы поддержали ее, имея в виду, что на подготовку членов экипажа у нас будет 3–4 месяца. Королев впустую потерял два месяца и до сих пор не выделил от ОКБ-1 ни одного кандидата. За срок менее 2-х месяцев подготовить пассажиров нельзя — с этим согласился Вершинин, и даже Руденко понял, что Королев «тянет» нас на бессмысленный риск; маршалы отказались визировать письмо. Руденко позвонил Тюлину и сказал, что сейчас уже поздно рассчитывать на включение в экипаж пассажиров.

На этой неделе предстоят решительные бои с Королевым: он и в требованиях к технике, и по формированию экипажа пока не отступил ни на шаг от своих позиций. По-видимому, мы будем вынуждены уступить ему в вопросах повышения надежности «Восхода», но отправлять на нем в космос плохо подготовленный экипаж нельзя.

12 мая.

С. П. Королев, К. Д. Бушуев и я были сегодня в авиагоспитале в Сокольниках (Королев звонил мне вчера, и мы договорились об этой поездке). Сергей Павлович заехал за мной в Главный штаб ВВС и по дороге в Сокольники наговорил мне целую кучу новых своих идей. Он считает возможным четвертый экземпляр «Восхода» подготовить для выхода человека в космос к очередной годовщине Октября, мечтает подготовить облет Луны со стыковкой на орбите или с использованием носителя Н-1 (в Куйбышеве он уже обозначен в металле). Для отработки выхода в космос Королев предлагает переделать пять «Востоков» в «Восходы». Сергей Павлович просил продумать эти предложения и поддержать их. Вчера Королев по телефону выразился так: «Николай Петрович, я надеюсь, что мы, как и во всех предыдущих пусках, союзники?» Я ответил ему, что я за союз интеллектов, но без эмоций — полет должен быть подготовлен надежно.

В госпитале Королев нажимал на врачей (Усанов, Федоров, Бабийчук и другие) с целью сокращения сроков обследования кандидатов с 20–25 дней до 10–12. Врачи не выдержали натиска и согласились ограничить обследование 15–17 сутками. Королев настоятельно просил нас сократить программу подготовки пассажиров, он неоднократно повторял: «Вполне достаточно покрутить кандидатов на центрифуге и потренировать их вестибулярный аппарат». Сергей Павлович явно недооценивает необходимость тщательной подготовки людей к полету на «Восходе». Он собирается вместе с Келдышем приехать в космоцентр (так он называет ЦПК) и убедить всех космонавтов и специалистов в возможности сокращения четырехмесячной программы подготовки пассажиров до двух месяцев. В этом, ничем не обоснованном, намерении Королева много риска, но есть и свой заманчивый смысл: в СССР такие надежные космические корабли, что на них уже летают пассажиры — это большая политика. Придется еще раз очень внимательно изучить программу подготовки и все, что можно, сократить.

13 мая.

В конце вчерашнего рабочего дня Главком вернулся от маршала Бирюзова и сразу вызвал Руденко, Рытова, Мишука, Холодкова и меня. Оказывается, министр уже рассмотрел письмо космонавтов и написал на нем: «Бирюзову. Изучить вопрос и доложить предложения». Во исполнение этой резолюции Бирюзов собрал своих заместителей и помощников (Турантаев, Герасимов, Повалий, Алексеев, Серегин и другие) и в присутствии Вершинина дал им указание готовить предложения по объединению всего военного космоса в ВВС. Для этой цели создана группа из представителей ВВС (Руденко, Каманин, Гагарин, Мишук, Холодков) под руководством Вершинина и представителей Генерального Штаба во главе с Турантаевым.

Сегодня мы поедем к Турантаеву и начнем завершающие бои за объединение космоса. Сейчас, когда нас поддерживают Бирюзов, Гречко и Епишев, можно на 90 процентов быть уверенным, что весь военный космос будет передан в ВВС. Самые большие трудности я предвижу теперь внутри ВВС. Для дела было бы лучше объединить все службы (Кузнецов, Холодков, Волынкин, Карась, Керимов) под руководством заместителя Главкома по космосу, но против этого будет

бешено сопротивляться Пономарев. Вершинин и Руденко пока стоят на позиции «двух крыльев», то есть хотят иметь два командования — боевое и техническое.

15 мая.

Два дня работаем в Генеральном штабе над объединением космоса в ВВС: я, Мишук, Холодков, Гагарин (от ВВС), Турантаев, Серегин, Харичев и другие (от Генштаба). Бирюзов и Турантаев поддерживают нас, но добрая половина их подчиненных почти открыто делают все, чтобы сорвать принятое решение. Серегин — наш серьезный противник, а Харичев нас поддерживает. Вчера все наши собирались у Главкома, обсуждали план работы группы. Сегодня и завтра на специальных занятиях будем изучать космические средства всех видов Вооруженных Сил.

Только что позвонил Вершинин и передал распоряжение Бирюзова: Гагарину и Полежаеву не разрешается присутствовать на сегодняшних занятиях. Это распоряжение — дело рук генерала Серегина: он запугал Бирюзова возможностью разглашения военной тайны. В общем можно сделать вывод, что, пока добьемся объединения космоса, придется испортить много крови.

18 мая.

Турантаев, Мишук и Серегин сегодня улетели на полигоны, завтра Вершинин и Руденко улетят во Владимировку на сборы командующих воздушными армиями. Работу по объединению космоса в течение этой недели будут продолжать: от Генштаба Юрышев и Харичев, от ВВС — я и Холодков.

Звонил С. П. Королев, договорились с ним встретиться завтра и утрясти все вопросы подготовки «Восхода» и его экипажа. Кроме того, я хочу с ним посоветоваться по основным вопросам объединения космоса. До последнего времени Королев был за передачу военного космоса в ВВС, но какую линию он займет сейчас, сказать трудно. Во всяком случае надо попытаться заполучить его в союзники.

Из 14 кандидатов ОКБ-1 в экипаж «Восхода» при первичном отборе отсеялись 6 (в частности, О. И. Козюба и Е. А. Фролов — Ред.), остальных положили на обследование в госпиталь (В. Н. Волков, Г. М. Гречко, В. П. Зайцев, В. Н. Кубасов, О. Г. Макаров, А. М. Сидоров, К. П. Феоктистов и В. А. Яздовский Ред).

21 мая.

Продолжаем работать в Генштабе: от ВВС — я и генерал Холодков, от Генерального штаба — генерал Юрышев, полковники Харичев и Морозов. Наиболее трудными из обсуждаемых вопросов оказались: полигоны, противокосмическая оборона, система контроля космического пространства. Эта работа для меня лично полезна в плане уяснения общих задач военного использования космоса и состояния разработок по различной космической тематике. Я все больше убеждаюсь в необходимости как можно быстрее передать руководство военной космонавтикой в ВВС, любая другая организация для этого менее пригодна.

Сегодня был в ОКБ-1, более часа беседовал с Королевым и Бушуевым. Отредактировали доклад Смирнову об экипажах для «Восхода»; решили, что командиров экипажей выберем из четверки нелетавших космонавтов (Волынов, Комаров, Леонов, Хрунов). Сергей Павлович показал мне чертежи «Восхода», который приспосабливается для выхода человека в космическое пространство. На основном люке будет вырезан второй люк, к которому будет присоединена «гармошка» выходного шлюза, — решение простое и смелое. Меня смущает только вопрос о скафандре. Королев надеется, что для выхода в открытый космос можно использовать уже имеющийся скафандр для «Востоков», а мне он кажется слишком громоздким для этой операции. Но в общем идея хорошая, ради решения проблемы выхода человека из корабля в космос нужно идти и на некоторый риск. Я рассказал Королеву о новом туре попыток объединения космоса. Сергей Павлович заверил меня, что он, как и раньше, стоит за передачу военной космонавтики в ВВС. «Рожденный ползать — летать не может», — Королев несколько раз повторил эту крылатую горьковскую фразу.

26 мая.

23 мая в ОКБ-1 отметили пятидесятилетие Константина Давыдовича Бушуева — одного из лучших заместителей С. П. Королева. Бушуев очень скромный и приятный человек, с ним легко и хорошо работается. Более 30 организаций прислали свои приветствия и адреса юбиляру. В этот же день похоронили генерал-лейтенанта Ф. Ф. Жеребченко. Два года назад он перенес инфаркт, прочного зарубцевания не произошло, и в том же месте порвались ткани сердца.

Вчера у Турантаева продолжали работу по объединению космоса.

27 мая.

Вчера провел заседание мандатной комиссии по отбору врачей в экипажи «Восхода». Присутствовали Мишук, Холодков, Кузнецов, Бородин, Бушуев, Правецкий, Карпов, Федоров, Рудный и другие — всего 23 человека. Рассмотрели 8 кандидатур: Лазарев В. Г., Егоров Б. Б., Поляков Б. И., Сорокин А. В., Сенкевич Ю. Н., Ярошенко Г. Л., Иванов И. С. и Простакишин Г. П. Решили: рекомендовать Главкому ВВС и Государственной комиссии зачислить в группу первых четырех кандидатов. Из всех врачей наилучшее впечатление производят Лазарев, Поляков и Егоров. Думаю, что лучшим из этой тройки будет Поляков. Он гражданский человек, а для политических целей полета это очень важная деталь, и можно быть уверенным, что подавляющее большинство членов Госкомиссии будет за него. Предварительно рассмотрели и две кандидатуры ученых (Катыс Г. П., Москалев О. Б.). Катыс — доктор технических наук, хороший кандидат в экипаж «Восхода» и сильный конкурент всем кандидатам из ОКБ-1. Через несколько дней будем рассматривать кандидатуры инженеров из ОКБ-1 и тогда решим судьбу Катыса. На подготовку врачей и инженеров (пассажиров) остается всего полтора месяца — это очень мало, но с учетом политических задач полета «Восхода» могут послать в полет и этих «голеньких птенцов».

28 мая.

8 часов утра, а Главком уже прибыл на работу. С минуты на минуту он вызовет меня и будет интересоваться ходом наших совещаний по объединению военного космоса и другими космическими делами. Вершинин, Руденко и другие только вчера вернулись из Владимировки, где в течение 8 дней проводились сборы командующих воздушными армиями.

Н. С. Хрущев выступал вчера по телевидению с докладом об итогах своей поездки в ОАР (Объединенная арабская республика — Ред.). Мне было неприятно слушать Хрущева, а многие слушали его с озлоблением. Генерал Г. П. Лешуков заявил: «Неужели он не понимает, что встречали не его, а советские деньги… Присвоение Насеру и Амеру званий Героя Советского Союза граничит с преступлением… Обирает свой народ и одаривает черномазых…» Я твердо знаю, что так же думают большинство советских людей.

Умер премьер-министр Индии Джавахарлал Неру. Это большая утрата, она может сказаться на наших отношениях с Индией. Неру был умным государственным деятелем и обаятельным человеком.

Вчера два раза звонил С. П. Королев, его интересовало мое мнение о кандидатах-врачах в состав экипажа «Восхода». Сегодня он принимает у себя всех проходивших комиссию, а завтра, наверное, окончательно решим, кого будем готовить к полету.

29 мая.

Королев звонил вчера и сегодня, он очень доволен кандидатами, отобранными для подготовки в качестве членов экипажа «Восхода». Сегодня Главком подписал приказ о зачислении в группу подготовки экипажа для «Восхода» Лазарева, Егорова, Полякова, Сорокина и Катыса. Завтра я еще раз соберу этих товарищей, побеседую с ними и отправлю в ЦПК, а с 1 июня их «поставят на режим» и начнут подготовку к полету.

Сегодня был на совещании у заместителя начальника Генерального штаба генерал-полковника Герасимова. Обсуждали вопрос о передаче центрифуги из ВВС (Чкаловская) в Минздрав (Планерная). Генерал Юрышев высказался за передачу, пришлось «дать ему бой», меня поддержали Герасимов и Ивановский. Решили считать эту единственную в стране большую центрифугу межведомственной, оставить ее в Чкаловской, но обязать ВВС предоставлять возможность использования ее другим ведомствам.

4 июня.

Вчера у С. П. Королева провели первое техническое совещание по «Восходам» с представителями всех заинтересованных организаций. От ВВС были: я, Холодков, Кузнецов, Карпов, Гагарин, Титов, Николаев, Попович, Быковский, Леонов, Комаров, Волынов, Хрунов, Беляев. Выступили: Северин, Алексеев, Ткачев, Воронин, Исаев, Винокур, Быков, Мнацаканян, Раушенбах, Богомолов, Цыбин, Холодков, Щеулов, Леонов и другие. Все выступавшие указывали на трудности качественной подготовки объектов ЗКВ и ЗКД в короткие сроки. Королев потребовал от всех смежников выполнить поставки комплектующих изделий до 12 июня. Он рассчитывает 15 июня первые два «Восхода» отправить на полигон и в июле запустить их с манекенами. В августе — вывести на орбиту «Восход» с тремя космонавтами, а в сентябре — осуществить полет с выходом в космос.

Трудностей в подготовке техники и людей к предстоящим полетам больше, чем когда-либо раньше, а шансов на успех меньше, чем при любом предыдущем полете. Все сознают это, но обстановка (США уже вывели на орбиту технологические корабли «Джемини» и «Аполлон») требует попытаться еще раз продемонстрировать всему миру, что мы продолжаем лидировать в космосе.

В конце вчерашнего дня был в ЦПК. Уточнили специализации и программы подготовки космонавтов. Решили на роль командира «Восхода» готовить двух, а для выхода в космос — трех космонавтов.

11 июня.

Целую неделю ничего не писал в дневник… Подготовительные работы по объединению космоса продолжаются. Каждый день обсуждаем с Руденко, Вершининым, Турантаевым и другими возникающие трудности и намечаем пути их решения. В трудностях много надуманного — нужно смело разрубать все «узлы» и быстрее передавать космос в руки ВВС.

7 июня около 15 часов Терешкова почувствовала приближение родов. Николаев вызвал доктора медицинских наук Калганову. После осмотра было решено отправить Валю в Институт акушерства и гинекологии. 8 июня в 12:30 консилиум врачей решил провести операцию кесарева сечения. Операция прошла хорошо — родилась девочка весом 3,1 килограмма и ростом 51 сантиметр. Послеоперационное состояние матери и ребенка удовлетворительное. Вчера ТАСС сообщил об этом событии, а сегодня в газетах появились фото и статьи.

Провели заседание мандатной комиссии по отбору инженеров в экипаж «Восхода». Отобрали и направили для подготовки в ЦПК К. П. Феоктистова, но необходимо отобрать еще двух кандидатов. Теперь решающее слово за С. П. Королевым, так как от него поступило пять инженеров. Нам все равно, кого готовить, так что пусть принимает трудное решение: из пяти хороших кандидатов выбрать двух лучших.

12 июня.

Были вчера с Мусей на приеме у Вальтера Ульбрихта. В Доме приемов было более 1000 человек. Были все космонавты, кроме Терешковой. Лотта Ульбрихт, знакомясь с Мусей, сказала: «О, вы такая же милая, как и ваш муж!» Сегодня утром я был в Кремле в резиденции Ульбрихта, оттуда мы вместе с Лоттой поехали навестить

Терешкову. Нас встретили Николаев и руководители института. Валя чувствует себя хорошо, а новорожденная Леночка превосходно.

13 июня.

Вчера у Главкома почти четыре часа совещалась рабочая группа по объединению космоса (Руденко, Турантаев, Пономарев, Мишук, Юрышев, Серегин, я и другие). Окончательно отредактировали доклад министру и схему организации центрального аппарата. Инженерная часть передается Пономареву, а для руководства «боевым космосом» вводится должность заместителя Главкома по космосу. Пономарев неоправданно усложняет дело, а Главком и Руденко слабо сопротивляются его нажиму.

18 июня.

15 июня у маршала Бирюзова было совещание. Вершинин и Турантаев доложили наши предложения по объединению космоса. Бирюзов настоял на том, чтобы исключить из доклада раздел о введении в ВВС должности заместителя Главкома по космосу. Он сказал: «Сейчас такое предложение может только затруднить решение вопроса о передаче военного космоса в ВВС; когда решится главное, тогда и вернемся к этому предложению». Решение плохое, но ради передачи космоса в ВВС можно принять и его.

16 июня весь день был в ЦПК, уточнял программы подготовки экипажей для кораблей «Восход» и «Выход» (первоначальное название корабля 3КД для выхода космонавта в открытое космическое пространство — Ред.). Проверил план показа Центра маршалу Гречко и Миронову (заведующий административным отделом ЦК).

Вчера стало известно, что Гречко улетел в Ташкент. Сегодня в ЦПК приедут только работники ЦК (Миронов, Корионов, Толкунов) и маршалы Вершинин и Руденко.

19 июня.

Весь день вчера был в ЦПК. Встреча с работниками ЦК прошла хорошо. Вершинин и все остальные довольны порядком, людьми и организацией дела. Существенных замечаний не было.

Вчера вечером у нас в семье было много волнений и переживаний. Дело в том, что Оля уже пятый день болеет, у нее температура резко и часто колеблется от 38 до 39,7. Врачи не могут установить причину заболевания, а Оля ни на что не жалуется. Вчера врач поликлиники ВВС — хирург Стрельцова высказала подозрение на аппендицит, по ее

совету Муся и Люда повезли Олю в детскую больницу имени Филатова. Там Олю обследовали и исключили возможность аппендицита, но просили в 10 часов вечера еще раз показать ее врачам. Вечером Оля крепко спала, и мы решили не возить ее в больницу. Ночью она спала хорошо, утром проснулась бодрой и, как обычно, ни на что не жаловалась. Врачи ВВС сегодня будут еще раз ее осматривать. В такие минуты я и Муся особенно ощутимо чувствуем, как дорога нам Оля. Все неприятности по службе, а их бывает немало, в сравнении с переживаниями за родных и близких теряют всякую значимость.

На первой странице этой тетради (обычно Н. П. Каманин вел свои записи в общих тетрадях — Ред.) я высказал предположение, что она будет «пустой» в смысле возможности осуществления очередного пилотируемого космического полета и описания этого события на страницах данной тетради. Тетрадь кончается, полетов не было, но на этих страницах записано немало интересных подробностей о нашей борьбе за объединение космоса в ВВС, а также о подготовке полетов первых многоместных космических кораблей и первого выхода космонавта из корабля в космическое пространство.

Сегодня я прочитал большое интервью Вернера фон Брауна о сроках и возможностях полета на Луну. Он подтвердил свою уверенность в том, что до 1970 года американцы побывают на Луне и вернутся на Землю. Он высказался и о возможных новых космических подвигах русских, но твердо заявил, что достигнутый размах работ в США скоро должен обеспечить им ведущую роль в космосе. К сожалению, он прав. Мы способны еще продемонстрировать несколько захватывающих дух трюков, но у нас уже нет оснований утверждать, что мы сохраним лидерство в космосе. Полеты «Восхода» и «Выхода» могут на 1–2 года замаскировать наше отставание от Америки и удовлетворить честолюбивые устремления Хрущева, но для специалистов уже сейчас ясно, что мы отстаем, а в случае неудач с «Восходом» или «Выходом» провал нашей космической программы станет очевидным для всех.

20 июня.

Вчера звонили Бушуев и Северин — оба обеспокоены тем, что кандидаты в члены экипажа «Восхода» оказались «великанами». У Катыса и Бендерова рост сидя — 95 сантиметров, а у подполковника

Демина — даже 98 сантиметров (у других космонавтов рост сидя — до 90 сантиметров). Придется всех троих снимать с подготовки к полету и готовить других кандидатов. По настоянию Королева мы значительно отступили от жестких требований при отборе кандидатов в члены экипажа (возраст, рост, вес, зрение и прочее) и вот теперь будем расплачиваться за эти уступки. Нам и ранее хорошо было известно, что большие рост и вес — это не благо для космонавта, а сейчас, конкретно для «Восхода», предельным ростом сидя может быть 90–91 сантиметр. Такое ограничение возникло только в последние дни в связи с переделкой амортизации кресел и увеличением их хода с 20 до 40 миллиметров.

До запланированного на 15 августа пуска «Восхода» осталось меньше двух месяцев, а у нас в подготовке техники и экипажей столько «дыр», что их будет очень трудно залатать в оставшееся до полета время. Еще не утверждены задание на полет и программа подготовки экипажей (утверждает председатель Госкомиссии по пуску) и много других неопределенностей. Все это — результат отсутствия государственного плана пилотируемых полетов в космос и последствия спешки. Для значительного улучшения руководства нашей космонавтикой необходимо не только немедленное объединение космоса в ВВС, но и создание государственного органа по управлению всеми космическими исследованиями. ВПК занимается космосом от случая к случаю, а им нужно заниматься непрерывно.

23 июня.

Звонил Королев, он недели на две едет отдыхать в Чехословакию. Говорили с ним о кандидатах для полетов на пяти первых кораблях «Союз». Состав экипажа каждого корабля будем подбирать в зависимости от программы и продолжительности полета. Руденко высказал мнение, что командирами экипажей «Союзов» нужно назначить Берегового и Шаталова, но мне кажется, что командирами кораблей «Союз» могут быть только летчики-космонавты, то есть люди, уже побывавшие в космосе.

24 июня.

Сегодня будем хоронить генерал-полковника Василия Ивановича Кузнецова. Он был на 14 лет старше меня, мы работали года четыре вместе с ним в ДОСААФ, последние десять лет он был в отставке. А вчера Валентина Терешкова с дочерью Леночкой выписалась из

родильного дома и уехала на Чкаловскую. Жизнь идет: одни умирают, другие появляются на свет — происходит непрерывное обновление поколений, но этот процесс становится заметным для каждого отдельного человека в те редкие моменты, когда он затрагивает его лично или близких ему людей. В работе, как в бою, не замечаешь потерь и не думаешь, что придет и твоя очередь. Для здорового и работающего человека это, по-видимому, нормальное состояние. Только бездельники и больные имеют время для всяких грустных размышлений, а пока здоров и занят любимым делом, надо «болеть» работой.

25 июня.

Уже кончается июнь — в этом году он выдался сухой и жаркий. Дождя не было более месяца, все сохнет, на полях и лугах раньше времени появились светлые и желтые тона.

Сегодня у меня были Гагарин и Николаев, оба жалуются на перегрузки встречами и выступлениями. Им смертельно надоели «встречи с народом», и я делаю все возможное, чтобы сократить их отрывы от работы и учебы до минимума, но часто приходится получать категорические приказы. Вот и сегодня Гагарин и Николаев едут к маршалу Бирюзову; он проводит встречу с пионерами, а космонавты нужны ему «для фона».

Владимиру Константиновичу Коккинаки сегодня исполнилось 60 лет. Я знаю Володю около сорока лет. Он настоящий орел и много сделал для авиации. Космонавты и я послали ему приветствия.

Вчера был в мастерской скульптора Постникова. Бюст Николаева он сделал блестяще. Попович, Гагарин и Терешкова «схвачены» хорошо, но с Титовым и Быковским ему не повезло. Он показал мне два эскиза монумента «Юность и авиация». Я одобрил тот, где символическая фигура юности с лицом Аркадия (старший сын Н. П. Каманина, в возрасте 15 лет освоивший полеты на самолете По-2 — Ред.) устремляется в небо. Поговорили мы с Постниковым и о новом космическом значке (типа значка «Восток»).

26 июня.

Тяжелая выдалась неделя. Все мы жили надеждой, что в эти дни состоятся решения по объединению космоса, но… наш доклад еще не дошел до маршала Малиновского. Мне известно, что доклад подписали Бирюзов, Епишев, Вершинин, Алексеев, Повалий. По

словам Бирюзова, согласны были подписать доклад маршалы Гречко и Крылов, но сведений о подписании ими документа ни у Вершинина, ни у Руденко нет. Наш проект «наскочил» на большой подводный риф. Но кораблекрушения не будет: объединение космоса — это насущная государственная задача, и она будет решена против воли спесивого Малиновского и наперекор безволию моих шефов — Вершинина и Руденко.

Сегодня получили приказ министра обороны от 18 июня 1964 года о планах космической разведки на пять лет. Кроме «Зенита», «Моря-1» и других беспилотных космических аппаратов есть в этом плане и орбитальный самолет «Р» и космический корабль «Союз». В приказе ставятся задачи Генштабу, РВСН, ВВС и ВМФ. Думаю, что перед подписанием этого приказа у Малиновского был разговор с Бирюзовым на космическую тему и в итоге — охлаждение «объединительных усилий» у начальника Генерального штаба.

27 июня.

Опять большие неприятности с Германом Титовым. По словам Гагарина, вчера около одиннадцати часов ночи Титов возвращался из Москвы домой. В Измайлове, на Первомайской улице, у троллейбусной остановки две женщины подняли руки с просьбой подвезти их. Титов остановил машину и сказал, что он едет до Щелковского шоссе, а дальше — направо. Одна женщина сказала, что ей не по пути, а вторая попросила подвезти ее до станции метро. Первомайская улица плохо освещена; Титов ехал с большой скоростью и поздно заметил на дороге кучу старого асфальта и камней — он затормозил, но машина передком ударилась о камни и перескочила через них. Герман отделался легкими ушибами, а его попутчица, по-видимому, получила более серьезные травмы, но крови и других заметных следов ушибов у нее не было. Девушка сама вышла из машины, подождала такси и уехала. Титов перегнал свою машину на буксире в гараж ЦПК и ушел домой спать. Часа в три ночи на квартиру Титова в ЦПК приехали следователи ОРУДа — оказалось, что девушка, не доехав до больницы имени Склифосовского, скончалась в такси. Сейчас это дело расследуют комендант Москвы генерал-лейтенант Колесников и прокурор Московского гарнизона.

За день до этого с Титовым было еще одно происшествие. На его машину якобы наскочил пьяный мотоциклист (это случилось около

полуночи на Можайском шоссе, за рулем был шофер). Несмотря на целый ряд автопроисшествий, которые ранее случались с Титовым, и невзирая на внушения начальства и полученные взыскания, он продолжает пьянки, встречи с женщинами и бесконечные нарушения правил вождения автомобиля. Несколько дней назад у меня с ним был очень серьезный разговор, я прямо сказал Герману, что настаивал на освобождении его от должности заместителя командира отряда и что его «спасло» лишь слабоволие Вершинина. Я не верю версии вчерашнего происшествия, изложенной Гагариным со слов Титова. По-видимому, он посадил эту девушку в свою машину не на троллейбусной остановке и не с целью подвезти. Впрочем, не буду гадать…

Приезжали Гагарин, Николаев и Титов (с заплатками на подбородке). Пока точно установлено, и Титов сам подтвердил, что он был за рулем не совсем трезвым (выпивал часа за 2–3 до происшествия). Сегодня в 5:00 врачи записали: «Трезв, но со следами алкоголя». Титов написал рапорт о происшествии, он пишет, что до 22 часов был вместе с председателем Краснопресненского райисполкома. Следствие по делу ведет военная прокуратура.

29 июня.

Утром разговаривал с секретарем Краснопресненского райкома товарищем Колчиным и председателем райисполкома товарищем Федоровым. Оба подтвердили, что Титов уехал от них 26 июня около 23 часов. Секретарь парткома ЦПК подполковник Новиков был у директора 619-й школы Капитанчук Ирины Павловны, которая рассказала, что пострадавшая — учительница английского языка Фоменкова Галина Федоровна — ушла со школьного выпускного бала в 23:15. Таким образом, можно считать доказанным, что Титов никогда ранее не встречался с Фоменковой и не знал ее, а посадил в машину на остановке по ее просьбе. В семье погибшей восьмилетний сын Славик и отчим Иванов Михаил Алексеевич 62 лет, проживающий в Смоленске. Титов выделил 150 рублей на похороны Фоменковой, а Новиков обещал Иванову устроить его внука в суворовское училище. Титова, по-видимому, судить не будут, но моральная его вина в гибели 33-летней женщины огромна: нетрезвым сел за руль и ехал с большой скоростью ночью по плохо освещенной улице.

30 июня.

Около часа беседовал вчера с Вершининым о дисциплине летчиков-космонавтов и по некоторым другим вопросам. Маршал подтвердил давно уже известное положение, что наше положительное влияние на космонавтов недостаточно, а пагубное влияние верхов, связанное с приемами, встречами, выпивками и восхвалениями, продолжается. Вершинин разрешил разобрать дело Титова в партийном порядке и дал согласие на приказ по ЦПК о строгом наказании Титова. По вопросу объединения космоса Главком рассказал следующее: все подготовленные документы лежат у Бирюзова; Крылов отказался их подписывать и написал свое письменное возражение против них; маршалу Гречко документы еще не докладывали, а Бирюзов почему-то медлит с докладом министру — по-видимому, он ждет более благоприятной обстановки для рассмотрения данного вопроса. Вершинин внимательно изучил задание на полет экипажу «Восхода» и утвердил его.

Вчера получили от Тюлина и Королева замечания по программе подготовки членов экипажа космического корабля «Восход». Королев своей рукой написал, что для них упражнения по полетам на самолетах и по парашютным прыжкам следует считать необязательными. Эти замечания мы принять не можем — полеты и прыжки будут выполнены.

Дня три назад получили ответ Генерального штаба за подписью Штеменко на письмо Вершинина о необходимости дополнительных заказов «Востоков» и «Союзов» на 1966–1967 годы. Штеменко пишет: «На 1964–1965 годы заказано 4 «Восхода» и 5 «Востоков» для отработки выхода в открытый космос, а на 1966 год заказано 4 «Союза». На последующие годы заказы будут уточняться». Короче говоря, в ближайшие 2–3 года мы ничего не будем предпринимать по отработке элементов боевого применения пилотируемых космических кораблей. Ничего не предпринимается и для подготовки полета человека на Луну. Все это результат незаинтересованности ракетных войск в развитии пилотируемых космических полетов и недальновидности маршала Малиновского. Сейчас, после шести наших и четырех американских пилотируемых полетов, не понимать, что человек, а не автомат будет решающим звеном в освоении космоса — значит ничего не понимать в космических делах и не чувствовать перспективы.

2 июля.

Весь вчерашний день провел в ЦПК. Занимался вопросами подготовки экипажей «Восхода». Бендерова и Полякова по состоянию их здоровья пришлось освободить от дальнейших занятий. У Бендерова после центрифуги устойчиво держится кровь в моче, а Поляков плохо чувствовал себя и в термокамере, и на центрифуге, и при вестибулярных тренировках. Для дальнейшей подготовки к полету осталось семь человек: Волынов, Катыс, Комаров, Егоров, Сорокин, Лазарев и Феоктистов. Шестеро первых могут успешно закончить подготовку, а Феоктистова нельзя допускать к парашютным прыжкам и полетам: у него, оказывается, острота зрения только 0,3.

Во второй половине дня был на заседании бюро парторганизации первого отряда космонавтов. Разбирали дело Германа Титова. Выступали Новиков, Беляев, Николаев, Гагарин, Попович и я; Пономарева, Быковский, Волынов, Заикин и Кузнецов поддержали нас. За три года, прошедших после блистательного полета в космос, Титов так много наделал глупостей и ошибок, что необходимы очень крутые меры в последней попытке удержать его от недостойного поведения. Товарищи гневно, прямо в лицо, говорили Герману горькую правду: «Оторвался от коллектива, плохо живешь с Тамарой, «задрал нос», заводишь много сомнительных знакомств, много выпиваешь, садишься за руль в нетрезвом состоянии, часто нарушаешь правила уличного движения, своим поведением позоришь всех космонавтов и вредишь делу, которому все мы посвятили свою жизнь». Много было высказано и других упреков и предупреждений, в том числе такое: «Взлетел очень высоко, но, потеряв доверие коллектива и народа, можешь упасть очень низко». Я при всех сказал Титову: «Своими поступками ты уже поставил себя вне партии и вне коллектива космонавтов. Есть все основания для исключения тебя из партии и лишения всех званий — депутат, Герой, летчик-космонавт, подполковник…» Но Титова знает не только советский народ, его знает весь мир. Позор Титова будет позором всех космонавтов, позором нашего народа. Мы не можем допустить этого и сделаем еще одну, последнюю попытку оставить Титова и в партии, и в отряде космонавтов. Все единогласно проголосовали за строгий выговор Титову. По строевой линии понизим его в должности, запретим выступления, посещения приемов и управление автомобилем. Я приказал Кузнецову подчинить Титова

Береговому и перевести его на режим подготовки к полету на «Союзе». Это делается не для того, чтобы Титов полетел на «Союзе» одним из первых, а в целях восстановления и сохранения его как космонавта.

Сегодня Финогенов (начальник полигона ВВС во Владимировке — Ред.) доложил, что летные испытания системы приземления «Восхода» не возобновляются уже более двух недель из-за отсутствия кольца новой конструкции для крепления парашютов. Одно из колец новой конструкции разрушилось при статических испытаниях.

3 июля.

В Москве уже третий день идут ливневые дожди, а на даче все выгорело от засухи: температура 30–32 градуса, и более 40 дней нет дождя.

Во вчерашнем бюллетене ТАСС есть интересные сообщения о Джоне Гленне. Американский врач Вагнер, побывавший в СССР и встречавшийся с В. В. Париным, сообщил корреспондентам, что у Гленна после его падения в ванной в феврале этого года до сих пор продолжаются сильные головокружения. Он высказывает предположение, что у Гленна, Шепарда и Титова могут быть отклонения в ориентации, вызванные полетами в космос. Наши врачи не находят у Титова никаких отклонений, но характер Германа после полета изменился до неузнаваемости. Он излишне тороплив: всегда спешит и везде опаздывает. Ему трудно сосредоточиться на каком-либо одном деле, он с трудом может просидеть 10 минут на одном месте. Он недисциплинирован, увлекается встречами и выпивками, безумно любит быструю езду на автомашине. У меня уже не первый раз возникает мысль о возможной связи поведения Германа с воздействием на его организм факторов космического полета.

Только что говорил по телефону с полковником медицинской службы Хлебниковым (начальник медицинской службы ЦПК), он еще раз подтвердил, что ни у одного из наших космонавтов, в том числе и у Титова, после полета не отмечается никаких отклонений от медицинских норм, зафиксированных для каждого перед полетом. Дал задание генералу Бабийчуку и полковнику Хлебникову провести тщательное обследование всех летавших космонавтов и особое внимание обратить на Титова и Быковского: на Титова — из-за его поведения, а на Быковского — как на космонавта, больше всех пробывшего в космосе. Мне кажется, что в наших медицинских

обследованиях много субъективного и поверхностного, что врачи не в состоянии фиксировать мельчайшие изменения в организме. А эти изменения безусловно есть и они влияют на настроение, работоспособность и поведение человека.

6 июля.

В субботу весь день был в ЦПК. Обсудили вопрос о составе экипажей для «Восхода». Выслушав соображения врачей, Кузнецова, Гагарина и других, я принял решение сформировать первый экипаж в составе Волынова, Катыса и Егорова; второй — в составе Комарова, Феоктистова и Сорокина. Лазарев будет запасным для обоих экипажей. Сегодня Руденко и Вершинин согласились с этим моим решением.

Для полета с выходом космонавта в открытый космос мы готовим Беляева, Леонова, Хрунова и Горбатко. На мой вопрос: «Кто из вас желает готовиться для выхода в космос?» — все ответили: «Я». Они понимают, что главная задача этого полета — выход в космос, и каждый считает для себя честью выполнить это задание. Для выхода в космос нужны очень выносливые и волевые люди. Желательно, чтобы, возвратясь из космоса, космонавт мог хорошо проанализировать свою работу, ощущения, переживания и все виденное. Лучшие кандидатуры для этой цели — Леонов и Хрунов. Беляева и Горбатко будем готовить командирами кораблей.

Сегодня Вершинин, Руденко, Брайко и я осмотрели новый музей Вооруженных Сил. Музей небольшой, но в десять раз лучше существующего. Здание нового музея еще строится и будет открыто в феврале 1965 года. Специально для видов Вооруженных Сил не будет выделено отдельных помещений. Армия будет показана как единое целое по этапам ее развития: зарождение, гражданская война, мирный период, Великая Отечественная война (решающие битвы), послевоенное развитие Вооруженных Сил. Два зала специально отводятся освоению космоса. Главком поручил Брайко и мне контролировать вопросы освещения истории авиации и космонавтики в новом музее.

7 июля.

Вчера мне позвонил следователь по особо важным делам полковник Днесперов, который ведет дело Г. С. Титова, и сообщил, что показания Титова и шофера такси расходятся с заключением медицинской экспертизы, согласно которой смерть Фоменковой

наступила мгновенно, а Титов и шофер такси говорят, что после аварии она 20–30 минут ходила по тротуару, а затем остановила такси и уехала. Следователь подозревает, что ее положили в такси уже мертвую. Пока нет достоверных данных, как все было в действительности. Ясно одно, что Титову не верят и для этого есть все основания. Нам Титов доложил, что на его вопрос: «Где пассажирка?» — ему ответил милиционер: «Она только что уехала на такси», а следователю Титов сказал, что на этот его вопрос так ответили какой-то молодой человек и девушка. Следователь мне сказал: «Титов и шофер такси сговорились, но детали не подтверждают их версию». По-видимому, Титов пал значительно ниже, чем я себе представлял.

11 июля.

Только что звонил следователь по делу Титова. Следствие заканчивается; состава преступления со стороны Титова не обнаружено, происшествие квалифицируется как несчастный случай. Но Титов должен нести серьезную партийную и административную ответственность за неоднократные случаи управления автомобилем в нетрезвом состоянии и другие нарушения правил уличного движения.

9 июля в Феодосии провели третье испытание системы приземления «Восхода». Парашютная система и тормозные движки сработали нормально, но пока нет данных о скорости корабля в момент приземления. Овчаренко просит ускорить направление в Феодосию четырех специалистов, он не может своим персоналом обеспечить своевременную обработку результатов испытаний.

Вчера в Академии наук встречался с одним из руководителей американской космической программы Вильямом Ловелейсом, близким другом президента Джонсона. Ловелейс приехал в СССР на 2–3 недели вместе с женой и двумя дочерьми 14-ти и 16-ти лет. Он подтвердил, что Джон Гленн и Шепард не совсем здоровы, но головокружения у Гленна врачи объясняют его падением в ванной комнате, а болезнь уха у Шепарда связывают с неудачной операцией по удалению гланд.

Сегодня неожиданно открылся пленум ЦК КПСС. На пленум из отпуска вызвали Малиновского, а Бирюзова не вызвали — это дает основание думать, что ЦК не будет обсуждать военные вопросы. Но возможны решения пленума о перемещении Малиновского, о создании Министерства гражданской авиации и о введении 8-часового рабочего

дня с двумя выходными днями в неделю. Все эти решения могут резко изменить обстановку в МО и ВВС и благоприятно сказаться на осуществлении планов объединения космоса. Только бы не назначили Вершинина министром ГВФ (Гражданский воздушный флот — Ред.), его уход из ВВС повредит нашему делу и мало поможет гражданской авиации. Пусть уж министром ГВФ ставят Логинова, хотя он и не совсем подходит для этой роли.

16 июля.

Вчера закончила свою работу сессия Верховного Совета СССР. А. И. Микоян избран председателем Президиума Верховного Совета вместо Л. И. Брежнева. Брежнев будет замещать Хрущева по работе в ЦК. Сессия приняла законы о пенсиях для колхозников и о повышении зарплаты врачам, учителям и другим работникам обслуживающих профессий. Вопросы о перемещении Малиновского и о создании Министерства ГВФ не рассматривались. Пока в Министерстве обороны нет никаких перемен, и это очень плохо для дела объединения космоса. Малиновский и Бирюзов в отпуске, а с 25 июля уходит в отпуск Вершинин. Практически до октября никто не будет заниматься вопросами космоса.

Подготовка к полету «Восхода» идет плохо, очень много технических неполадок, особенно с системой приземления. Все сроки пуска технологического «Восхода» прошли, и нет никакой определенности, когда будет пуск «Восхода» с экипажем. Два командира корабля (Волынов, Комаров), три врача (Лазарев, Егоров, Сорокин) соответствуют своему назначению, и подготовка их к полету идет нормально. С кандидатами на полет из числа ученых дело обстоит хуже. Имеется всего два кандидата — Катыс и Феоктистов. Подготовка Катыса идет неплохо, а у Феоктистова кроме слабого зрения выявлены дефекты позвоночника и двенадцатиперстной кишки. В связи с задержкой полета «Восхода» я отправил в дом отдыха «Чемитоквадже» четверку космонавтов, готовящихся для полета с выходом в космос (Леонов, Хрунов, Беляев, Горбатко).

17 июля.

Вчера более двух часов провел в военной прокуратуре. Беседовал с главным прокурором Вооруженных Сил генерал-лейтенантом Горным, с его заместителями и со следователем по особо важным делам полковником Днесперовым. Читал уголовное дело о гибели Г. Ф.

Фоменковой. Выводы следствия таковы: «Произошел несчастный случай, для привлечения Г. С. Титова к судебной ответственности оснований нет». Из материалов следствия и разговоров с работниками прокуратуры мне стало абсолютно ясно, что если бы на месте Титова был рядовой офицер, его бы судили. Следствие прошло мимо целого ряда ложных показаний Титова. Он показал, что 26 июня выпивал только до 14 часов, а фактически пил до 22 часов. Титов управлял машиной в нетрезвом состоянии, а в акте экспертизы записано: «Был трезв, но со следами алкоголя». Он доложил следователю, что до 26 июня не имел автопроисшествий, а он имел их, и не одно. Только за сутки до этого происшествия он имел столкновение с мотоциклистом. Короче говоря, я больше не верю Титову. Я еще попытаюсь вытащить его из грязи, но у меня нет уверенности, что он сможет от нее очиститься.

Сегодня Титову в присутствии Кузнецова и Трофимова прокурор объявит результаты следствия. Позже с ним будет беседовать и Главный маршал авиации Вершинин. Подобных бесед было уже много, но они, пожалуй, приносят больше вреда, чем пользы.

20 июля.

В субботу был в ЦПК, наблюдал за тренировкой Волынова, Катыса и Егорова в корабле. Экипаж размещен очень плотно, позы космонавтов не совсем удобны, но отсутствие скафандров несколько компенсирует этот недостаток «Восхода». Катыс не умещается в стандартное кресло, его голова на 3–4 сантиметра выходит за заголовник кресла. Гай Ильич Северин обещал сделать для Катыса индивидуальный заголовник. Я рассказал экипажу о ходе испытаний «Восхода» в Феодосии и о приземлении очередного «Зенита». Он опустился в Уральских горах на 30-градусный склон, тормозной движок сработал уже после того, как корабль, прокатившись метров 300, остановился. Учитывая недостаточно надежную систему приземления «Восхода», целесообразно каждому члену экипажа иметь специальное приспособление для защиты головы и лица. Дал задание Кузнецову и Холодкову продумать конкретные средства защиты для каждого члена экипажа. Академия наук не дала еще всех рекомендаций по проведению научных экспериментов в полете на «Восходе». Я договорился с Г. А. Скуридиным об ускорении этого дела, он обещал завтра дать все исходные данные и указания, как

проводить научную работу. Оба экипажа «Восхода» жалуются на чрезмерную перегрузку программы полета медицинскими наблюдениями и исследованиями. Я дал задание генералу Бабийчуку сократить эту часть программы.

24 июля.

Вчера снова был в ЦПК. Подготовка экипажей «Восхода» идет нормально; план подготовки был рассчитан до 1 августа, но в связи с тем, что пуск, судя по всему, состоится не раньше сентября, я разрешил продлить подготовку до 15 августа. Специалисты ИАКМ высказались за проведение суточного зачета экипажам «Восхода», а космонавты и врачи ЦПК считают, что зачетную тренировку в корабле можно провести за 6–8 часов. По-видимому, хотя бы для одного экипажа нужно провести суточный эксперимент.

Заходил на квартиру к Титовым, долго беседовал с Тамарой. Все мои худшие предположения подтвердились. Герман много и часто пьет, несколько раз не ночевал дома, при управлении автомашиной ведет себя как лихач. Тамара утверждает, что ему нельзя доверять руль. Он ездит на очень больших скоростях, обижается, когда его обгоняют, старается обогнать своего «обидчика» и для этой цели нередко меняет свой маршрут. Потом пришел Герман, он сказал, что сможет собственными силами поправить дело и восстановить доверие к себе.

27 июля.

Титов вчера сдал высшую математику на пятерку и улетел с Тамарой в Киев навестить свою дочку. Я приказал ему быть на работе в 9:00 во вторник.

29 июля.

27 и 28 июля проводил совещания в Институте авиационной и космической медицины. В совещаниях участвовали генералы Волынкин, Клоков, Бабийчук, Строганов, Холодков, Кузнецов и другие. Подготовили план создания тренажеров и испытательных стендов для ИАКМ и ЦПК на 6–7 лет. В план включены учебные космические корабли, тренажеры для прилунения и взлета с Луны, макет тяжелого межпланетного корабля. Для размещения стендов институту необходимо построить новый корпус площадью 6–7 тысяч квадратных метров. Тренажеры и стенды ЦПК можно разместить в корпусе «Д» ангарного типа, который только что закончили строить. Решили передать из ГКНИИ в ЦПК термобарокамеру ТБК-60 и один

утепленный ангар. Для размещения в ЦПК лунных тренажеров, тренажера по космической навигации и боевому применению космического корабля надо строить новое здание, проектирование которого необходимо закончить в 1965 году. Кузнецов и Клоков внесли предложение: Институт авиационной и космической медицины переместить в Чкаловскую, а на его место в Москву перевести ЦНИИ-30. Это предложение отвечает перспективам развития обоих институтов, его реализация значительно улучшит контакт Института авиационной и космической медицины с Центром подготовки космонавтов, но на такое решение трудно будет поднять руководство ВВС.

1 августа.

Позавчера Руденко, Рытов и я беседовали с Титовым. Герман признал свою вину в происшествии 26 июня, он заявил: «Дошел до ручки, дальше идти некуда». Титов дал правильный анализ причин своих «неудач»: оторвался от коллектива, завел много сомнительных знакомств с богемой (артисты, художники, литераторы и так далее), много пил, нарушал дисциплину и режим, не ночевал дома — все это не могло не привести к ЧП. Руденко и Рытов объявили Титову, что кроме понижения его в должности руководство ВВС приняло еще целый ряд мер с целью помочь ему исправиться. Титову до особого распоряжения запретили управлять автомашиной и убывать из гарнизона без личного разрешения начальника ЦПК, выезжать за границу и на полигон, выступать на ответственных собраниях. За Титовым будет организовано систематическое медицинское наблюдение. Придется побольше загрузить его работой и установить за ним более жесткий контроль.

Месяц тому назад я сказал Титову, что больше не верю ему, что он обманул партийную организацию, товарищей и меня, утверждая, что при столкновении служебной машины с мотоциклом (25 июня) не он, а шофер управлял автомашиной. Я настоятельно советовал тогда Титову признать свою вину в этом происшествии и снять с шофера-солдата тяжелую обузу ложного показания. Герман долго не решался сказать всю правду, но 30 июля он по своей инициативе рассказал, как все было на самом деле. Это запоздалое честное признание меня порадовало и вселило надежду на возможность исправления Германа. Только что разговаривал с Тамарой Титовой по телефону. Она сказала,

что в поездке в Киев Герман вел себя хорошо, последние дни он много занимается, но тяга к поездкам в Москву у него есть, и сегодня он собирается поехать в АПН. Я посоветовал Тамаре не отрываться от него и, если потребуется, напоминать ему о наложенных на него взысканиях и ограничениях.

Из переговоров с Королевым и Ивановским окончательно выяснилось, что в августе пуска «Восхода» с экипажем не будет и что «Выход» в этом году в космос не поднимется. Экипажи для «Восхода» полностью закончат подготовку к 10 августа, после чего я разрешил отправить всех кандидатов на полет в дом отдыха «Чемитоквадже».

Вчера американский космический аппарат «Рейнджер-7» в 16:25 по московскому времени врезался в поверхность Луны со скоростью 7,5 тысяч километров в час. За 15 минут до встречи с Луной на АМС включились телевизионные камеры и передали на Землю 4 тысячи снимков. Все наши газеты сообщают об этом полете, но считают нужным напомнить об американских неудачах с лунниками и о том, что советская АМС «Луна-3» еще в 1959 году сфотографировала обратную сторону Луны. Информация о полете «Рейнджера-7» пока очень скупа, но я чувствую, что американцы добились в освоении Луны результатов, перекрывающих наши прежние успехи. Глупо недооценивать это новое большое достижение в освоении космоса.

10 августа.

Десять дней отдыхал на даче. Много работал физически, отремонтировал мостик и дорогу у ворот. Каждый день ходил с Олей в лес. Появились первые грибы, но пока их очень немного.

6 августа похоронили генерал-полковника Миронова. Недавно мы поздравляли его с пятидесятилетием, желали ему прожить еще столько же, но он не прожил и месяца… Отдыхая в Светлогорске, он в шторм пошел купаться и утонул. На пляже он был один, и никто не видел, как он погиб. Вскрытие показало, что он захлебнулся, сломаны четыре ребра, на теле много ушибов и ссадин, большой синяк на виске. Обидная и тяжелая потеря. Формально Миронов был моим непосредственным начальником, но фактически я уже три года подчиняюсь только Руденко и Вершинину. Было бы неплохо, если бы генерала Катрича выдвинули на должность заместителя Главкома ВВС по боевой подготовке. Эту должность могут предложить и мне: назначение на нее разрешило бы проблему присвоения мне очередного

звания «генерал-полковник», но я готов еще двадцать лет ходить генерал-лейтенантом, лишь бы заниматься только космосом. Я не верю в перспективы военной авиации, а присутствовать на ее похоронах в качестве могильщика не имею желания.

13 августа.

Вчера в ЦПК провели первое заседание Государственной комиссии по пуску космического корабля «Восход». Председательствовал Тюлин, кроме членов комиссии (Королев, Руденко, я, Правецкий, Мрыкин, Керимов) присутствовали: Бурназян, Бабийчук, Кузнецов, Волынкин, Бородин, Гагарин, Николаев, Гуровский, Карпов и другие. Обсуждали вопрос о составе экипажа корабля «Восход». Доклады о состоянии здоровья и итогах подготовки кандидатов на полет сделали Хлебников, Карпов и Кузнецов. К полету подготовлены два экипажа: основной — Волынов, Катыс, Егоров — и дублирующий — Комаров, Феоктистов, Сорокин; запасным для обоих экипажей является врач-летчик Лазарев. Все эти товарищи успешно закончили программу подготовки к полету, но Феоктистова врачи забраковали по здоровью, а Егорова по результатам обследований они оценивают значительно ниже Лазарева и Сорокина. Королев, Правецкий, Мрыкин и другие высказались за сохранение Феоктистова в числе кандидатов на полет, учитывая его большую ценность как специалиста. Наши врачи и Руденко были против допуска к полету Феоктистова. Королев просил не отчислять Феоктистова, а еще раз внимательно оценить все его возможности и дополнительно доложить о них Госкомиссии. После жарких споров решили пока продолжать подготовку всей семерки, имея в виду, что первыми кандидатами на полет будут Волынов, Катыс и Егоров, но любой из них решением Госкомиссии может быть заменен запасным кандидатом. Запасными утвердили Комарова, Лазарева и Сорокина. Вопрос о Феоктистове будет рассмотрен после специального доклада врачей о состоянии его здоровья.

15 августа.

Сегодня день рождения Оленьки — ей уже пять лет. Муся много труда и здоровья вложила в ее воспитание. У нас есть все основания надеяться, что рядом с нами растет и набирается сил хороший человек.

Вчера был в ОКБ-1. Тюлин и Королев проводили техническое совещание по носителю и космическому кораблю «Восход».

Докладывали Шубралов, Черток, Косберг, Богомолов, Исаев, Воронин, Северин, Ткачев и другие главные конструкторы. Общий вывод: за короткий срок коллективами институтов, КБ и предприятий проделана громадная работа и значительно повышена надежность всех систем носителя и корабля «Восход». Второй этап летных испытаний парашютно-реактивной системы приземления «Восхода» прошел успешно. Из 10 приземлений 9 осуществлены со скоростью не более 7,5 метров в секунду, из них 6 — со скоростью от 0 до 1,5 метров в секунду. Решено провести еще 3 зачетных испытания. Есть все основания надеяться, что система приземления не подведет, но для большей гарантии успешной посадки необходимо выбрать район приземления с мягким грунтом и проводить посадку при умеренном ветре. Решено, что ОКБ-1 отправит корабли на космодром в период 18–25 августа. Пуск технологического корабля с манекенами планируется осуществить до 5 сентября, а полет «Восхода» с экипажем — в период с 15 по 20 сентября. Будем делать все возможное, чтобы пилотируемый полет провести не позже конца сентября.

Сегодня вместе с четырьмя братьями-летчиками из Болгарии и генералом Захариевым были на приеме у маршала Малиновского. Болгары «просились в космос», но маршал отделался шуточками и не дал никаких конкретных обещаний. Сегодня же в ЦПК приезжал Сергей Никитович Хрущев, с ним была группа специалистов от Челомея. Этот визит связан с решением Президиума ЦК КПСС о поручении Челомею подготовить пилотируемый облет Луны на базе «пятисотки» (ракета-носитель УР-500 — Ред.) в 1967 году.

17 августа.

С 14 августа всех космонавтов отправил в отпуск. Гагарин поехал на охоту в Ленинград. Титовы и Быковские уехали в Киев. Поповичи — в Липецке, Марина переучивается на МиГ-21. Экипажи «Восхода» отправились на короткий отдых в Архангельское. Терешкова и Николаев остались в Москве. Только что разговаривал по телефону с Андрияном и Валей, уговорил их присутствовать сегодня на торжественном заседании, посвященном Дню авиации. Валя уже два месяца сидит с дочкой дома, пора ей показаться на людях.

Позвонил полковник Масленников и доложил, что 16 августа Павел Попович повредил ногу. Попович был в гостях у своих соседей,

уходя от них и поднимаясь по лестнице, он поскользнулся и упал, получив серьезную травму ноги. Часом позже позвонил генерал-полковник Рытов, ему о происшествии с Поповичем уже звонили Н. Р. Миронов и министр общественной безопасности Тиунов. Последний собирается писать доклад в ЦК КПСС. По версии Тиунова 17 августа в 00:40 Поповича доставили в институт Склифосовского на «Волге» в состоянии легкого опьянения и с переломом ноги. С ним были две подвыпившие женщины и мальчик лет 15-ти, все вели себя вызывающе. Я приказал Масленникову провести официальное расследование и завтра доложить о его результатах, но и без расследования ясно, что Попович грубо нарушил режим космонавта (правда, он в отпуске): выпивал и не лег спать в 23 часа. После происшествия он не вызвал наших врачей, а поехал в институт Склифосовского. Сейчас даже самые незначительные происшествия с космонавтами становятся известными секретарям ЦК: о них спешат доложить со смаком разные «бдительные» услужливые люди, хотя очень часто причины происшествий ведут к этим же людям.

18 августа.

Сегодня отмечаем День авиации. Вчера в президиуме торжественного собрания были: маршалы Малиновский, Бирюзов, Конев, Соколовский и другие; открыл заседание Вершинин. Из космонавтов были: Гагарин, Николаев и Терешкова.

16 августа в газете «Красная звезда» опубликованы статья и фото о приеме Малиновским четырех болгарских братьев-летчиков, желающих стать космонавтами.[1]Сегодня в 8:30 Вершинин уже на работе, он был в отпуске всего три недели, 20 августа он летит с визитом в Польшу.

В 11 часов я принимал делегацию пионеров из Караганды. 14 юных «космонавтов» привезли летчикам-космонавтам подарки (шахтерские каски, лампы и т. д.) и очень хотели встретиться с ними. От имени космонавтов я вручил ребятам фото, книги и модели ракет с портретами и автографами героев космоса.

Полковник Трофимов привез письменные объяснения от Поповича и врачей, которые оказывали ему первую помощь. Из донесения Поповича и других ясно, что он был выпившим и вел себя не лучшим образом. К сожалению, многие космонавты попивают и «задирают нос», и на этой почве возникает немало неприятностей.

Звонил Правецкий и сообщил, что после специального ознакомления с материалами о здоровье Феоктистова все врачи — и ВВС, и Минздрава единогласно решили: допускать Феоктистова в космический полет нельзя.

19 августа.

Звонили Королев и Ивановский, оба сообщили, что в пятницу, 21 августа состоится заседание ВПК, на котором будут рассматриваться вопросы готовности к пуску корабля «Восход» и экипажей. На заседание приглашают Вершинина, меня, Гагарина, Николаева и семерых кандидатов на полет. Затем позвонил Якунин и сообщил, что завтра в 15:00 состоится заседание Госкомиссии по пуску. По-видимому, Тюлин хочет перед заседанием ВПК окончательно договориться о сроках полета и о составе основного экипажа. Тюлин, Королев, Келдыш и другие будут упорно отстаивать кандидатуры Катыса и Егорова как гражданских людей, способных выполнить полет. Но у наших врачей нет полной уверенности, что Катыс и Егоров хорошо перенесут невесомость. Лучшим (по состоянию здоровья кандидатов) экипажем был бы такой: Волынов, Комаров и Лазарев.

21 августа.

Под председательством Тюлина вчера заседала Госкомиссия по пуску «Восхода». Присутствовали: Келдыш, Королев, Руденко, Мрыкин, Карась, другие члены комиссии и все главные конструкторы. Комиссия рассмотрела вопросы технической готовности систем и приняла решение: запустить «Восход» с манекенами до 5 сентября, а корабль с экипажем — в период 15–20 сентября.

Вчера и сегодня изучал решение ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 655–268 от 3 августа 1964 года. Решение обязывает В. Н. Челомея на базе ракеты-носителя УР-500 подготовить и осуществить в 1967 году пилотируемый облет Луны. Королева обязали готовить экспедицию для осуществления в 1968 году высадки космонавтов-исследователей на Луну и возвращения их на Землю. Для осуществления этих грандиозных задач, а также в целях дальнейшего изучения Венеры, Марса и околоземного космического пространства этим же постановлением утвержден график работ по созданию искусственных спутников Земли и космических кораблей до 1968 года включительно. Для реализации этой четырехлетней программы нам

необходимо продумать задачи подготовки космонавтов и создания тренажной аппаратуры и учебных космических кораблей.

22 августа.

Вчера был на заседании ВПК. Присутствовали: Келдыш, Зверев, Тюлин, Королев, Руденко, Кобзарев, Мрыкин, Пилюгин и другие. О готовности носителя и корабля «Восход» докладывал С. П. Королев.

Полгода назад, когда КБ и институты только приступали к переделке «Востока» в «Восход», казалось почти невозможным за такой короткий срок построить надежный многоместный космический корабль. Но наша промышленная и научная космическая кооперация под руководством ВПК и лично Королева за этот короткий срок проделала громадную работу, провела сотни дополнительных исследований и испытаний, и сегодня мы имеем качественно новый корабль. Для «Восхода» характерны следующие отличительные качества по сравнению с «Востоком»: 1) корабль трехместный; 2) имеет резервную тормозную двигательную установку; 3) имеет ионную систему ориентации, что позволяет ориентировать корабль вручную вне видимости Солнца; 4) исключено катапультирование космонавтов — они приземляются в корабле и не нуждаются в громоздких скафандрах; 5) приземление корабля осуществляется при скорости снижения, близкой к нулю.

К недостаткам «Восхода» надо отнести следующее: 1) при старте до 20-й секунды полета в случае аварии ракеты нет средств спасения экипажа; 2) объем корабля для трех членов экипажа мал, в кабине тесно; 3) в случае отказа парашютной системы нет средств спасения экипажа; 4) исключается возможность посадки корабля за счет естественного торможения (малы запасы воздуха, воды и пищи, высока вероятность перегрева корабля при длительном полете).

Комиссия ознакомилась с кандидатами на полет, но вопрос о составе основного экипажа не рассматривался. Комаров, Волынов, Катыс, Феоктистов, Егоров, Сорокин и Лазарев коротко рассказали о себе, каждый из них заявил о своей готовности к полету. Вопросов к космонавтам не было. ВПК одобрила решение Госкомиссии о пуске технологического «Восхода» до 5 сентября и о полете корабля с экипажем в период 15–20 сентября.

По просьбе Тюлина и Руденко я сегодня подобрал на должность секретаря Госкомиссии инженер-подполковника Бебутова Абессалома

Петровича. Думаю, что Бебутов будет надежно охранять интересы Госкомиссии и ВВС. Я вызывал к себе генерала Холодкова и подполковника Бебутова и подробно проинструктировал их по работе в Госкомиссии.

24 августа.

21 августа в Крыму на 72-м году жизни скончался секретарь ЦК Итальянской коммунистической партии Пальмиро Тольятти. Более 40 лет он был видным деятелем мирового коммунистического движения.

Решением ЦК и Совета Министров от 3 августа 1964 года утвержден состав Государственной комиссии по пуску «Восхода»: Тюлин (председатель), Королев, Келдыш, Кобзарев, Руденко, Каманин, Мрыкин, Карась, Керимов, Правецкий, Булычев, Касатиков, Якунин, Нариманов, Захаров, Гусев. В составе комиссии 9 членов из 16 — военные, и при желании на Госкомиссии всегда можно провести любое решение, в котором заинтересовано МО. Главные конструкторы систем, начальники служб и руководители ведомств привлекаются к работе Госкомиссии на правах ее членов.

22 августа на орбиту выведен спутник «Молния» (второй экземпляр), но на нем не полностью развернулись антенны, и он не может выполнить своих задач по ретрансляции связи и телевидения. Наша первая «Молния» не вышла на орбиту, а недавно США вывели в космос аналогичный спутник, и он у них надежно работает. У нас остался еще один экземпляр «Молнии». Будем надеяться, что третий запуск будет более удачным.

26 августа.

Вчера с маршалом Руденко еще раз говорили о составе экипажа для «Восхода». Я ему со всей откровенностью сказал, что у меня нет полной уверенности в Катысе и Егорове. И тот, и другой перенесли испытания на невесомость только удовлетворительно, вестибулярные тренировки не укрепили уверенности врачей в том, что они способны выполнить полет. Если из трех членов экипажа хоть один будет плохо себя чувствовать в полете, то это может сорвать полет и стать причиной вынужденной посадки корабля или еще более тяжелого происшествия. Я предлагал маршалу настаивать на более надежном составе экипажа: Волынов, Комаров, Лазарев. Руденко в душе согласен со мной, но ему трудно решиться на борьбу с Королевым, Келдышем, Тюлиным и другими членами Госкомиссии, хотя при наличии военного

большинства в Госкомиссии Королеву и Келдышу можно было бы навязать нашу волю. Завтра вернется из Польши Вершинин, и я буду говорить с ним по этому щекотливому вопросу.

Группа космонавтов (Беляев, Хрунов, Леонов, Заикин) продолжает работать на заводе № 918 и в ЛИИ над вопросами обеспечения выхода космонавта из корабля в космос. Решение основных вопросов — скафандр, шлюз, люки, связь, управление и контроль — наметилось, но раньше октября мы не будем иметь все необходимое для тренировки космонавтов. Мы вынуждены направлять их в ОКБ и ЛИИ для участия в поисках конструкторских решений ряда проблем. Было бы разумнее решать эту задачу в два этапа: сначала вывод в открытый космос собаки в скафандре, а уж потом — пилотируемый полет с выходом космонавта. Но, как всегда, Королев торопится, он больше склонен к штурмам «на ура», чем к хорошо продуманным и методически подготовленным наступлениям на «космические крепости». Надо признать, что ему часто везло (все полеты космонавтов успешные), но мы не можем пройти спокойно и мимо серии его неудач — АМС «Венера» и «Марс», лунники, спутники «Молния» и другие. Большинство этих неудач — результат спешки, неорганизованности и недостаточной методичности подготовки к пускам.

27 августа.

Говорил по телефону с Тюлиным и Королевым. Тюлин сегодня уже улетел в Тюра-Там, а Сергей Павлович собирается вылетать через 2–3 дня. Оба рекомендовали мне вылетать на полигон не раньше 1–2 сентября. Я повезу с собой 15 слушателей-космонавтов и начальника ЦПК Н. Ф. Кузнецова. Он еще не был на полигоне, и его еще много надо «натаскивать».

Сегодня я вместе с генералом Бабийчуком опять «атаковал» маршала Руденко. Мы доказывали ему необходимость сформировать экипаж «Восхода» из наиболее подготовленных для полета людей (Волынов, Комаров, Лазарев), но маршал не принял наших доводов. Вчера он с Тюлиным и Королевым был у Сербина и, по-видимому, там на него был оказан сильный нажим. Руденко заявил: «Сейчас уже поздно предлагать новые варианты состава экипажа, можно только выбирать: командир корабля — Волынов или Комаров, ученый — Катыс или Феоктистов, врач — или Егоров, или Лазарев, или

Сорокин». Маршал сказал также, что заместитель министра здравоохранения Бурназян и его специалисты собираются дать Госкомиссии письменное заключение о возможности допустить в полет К. П. Феоктистова. Руденко пытался «перетащить» нас на свою сторону, но мы заявили ему, что решения Госкомиссии и командования ВВС мы будем выполнять, но сейчас мы отстаиваем свое мнение и уверены в своей правоте.

Рассмотрел и утвердил списки космонавтов, слушателей-космонавтов, врачей, инженеров и других специалистов, выезжающих на полигон, в район приземления и на КП для обеспечения предстоящего полета. Только от ВВС выезжают более 150 человек, а всего в подготовке пуска и его обеспечении заняты десятки тысяч людей, не считая работников КБ, институтов, заводов и других организаций.

29 августа.

Звонил Королев, завтра он улетает на полигон. Пуск «Восхода» с манекенами Сергей Павлович планирует на 7–8 сентября, а пуск корабля с экипажем — не раньше 20 сентября. Я полечу на полигон 2–3 сентября. С Королевым я посылаю подполковника Н. Ф. Никерясова с поручением проверить подготовленность нового здания для размещения космонавтов. В прошлом году мы с Руденко осмотрели это здание, оно неплохое, но прилегающий к нему район неблагоустроен.

Сегодня полковник М. И. Голышев преподнес мне приятный сюрприз — только что изданную Воениздатом книгу «Обитаемые космические станции», авторами которой являются И. Н. Бубнов и мой сын. Книга получилась неплохая (для авторов это несомненный успех), жаль только, что Воениздат долго ее «мурыжил» и некоторые материалы устарели.

31 августа.

Меня постоянно тревожит мысль о составе экипажа «Восхода». Оказывается, у Катыса кроме расстрелянного отца есть еще брат и сестра (по отцу) в Париже, и Катыс ничего не написал о них в своей автобиографии. Правда, они уехали в Париж еще в 1910 году, за 16 лет до рождения Катыса, но тем не менее все это очень портит портрет кандидата в космонавты. Можно было найти и более подходящего кандидата. Феоктистов и Егоров имеют серьезные претензии врачей к их здоровью, и у нас нет уверенности, что они хотя бы

удовлетворительно перенесут состояние невесомости в ходе суточного полета. В последние дни ТАСС, АПН, центральные газеты и журналы упорно добиваются информации о членах экипажа для предстоящего полета. Все они клянутся соблюдать полную секретность и хранить эти сведения в своих сейфах. Пока приходится всем отказывать, но мы проводим киносъемки (Макаров), фотографирование (ТАСС, Черединцев) и подготовку автобиографических очерков о каждом кандидате (полковник Черемных). Все материалы до моего особого распоряжения хранятся в ЦПК и будут размножены и опубликованы немедленно после сообщения ТАСС о выходе космического корабля «Восход» на орбиту. Во всех предшествующих полетах мы поступали так же. Эти мероприятия обеспечивают секретность, но качество подготовленных материалов оставляет желать лучшего.

Нежиданно меня вызвал к себе Вершинин. Он в отпуске до 12 сентября и к тому же болеет гриппом, и все-таки он не усидел на даче и приехал на службу. Его беспокоят вопросы подготовки предстоящего космического полета. Я подробно доложил Вершинину о степени технической готовности и надежности «Восхода» и о трудностях формирования экипажа. Вершинин согласился с моим предложением подготовить точку зрения МО по формированию экипажа и сказал, что он обяжет Руденко согласовать этот вопрос с Бирюзовым или Малиновским, чтобы на Госкомиссии можно было провести линию МО. Главком подробно рассказал о его последней поездке в Польшу, об отдыхе в Судаке и на даче. Он сказал, что на даче его часто беспокоят налеты ребят. Не далее, как вчера, двое мальчишек забрались в сад и поломали яблони. Я посоветовал ему не обращать внимание на эти мелочи и вспоминать иногда и наши детские годы.

Звонил с полигона подполковник Никерясов и доложил, что новый дом для размещения космонавтов готов, но территория вокруг него только еще разравнивается, зелени и спортплощадок нет. В новом доме удобств пока немного, но, если мы хотим в будущем иметь что-то лучшее, чем гостиница в нулевом квартале, мы должны занять дом и облагораживать его и прилегающую территорию своими средствами.

У меня были Г. Н. Остроумов, Н. В. Макаров и Г. М. Косенко. Им поручено снимать фильм о первом многоместном космическом корабле и его экипаже. Договорились о плане съемок, с 1 сентября они приступают к работе. Звонил редактор «Известий» Шумилов и

приезжал ко мне из АПН Пищик Борис Яковлевич. Все редакции лихорадит в предчувствии нового космического полета, все хотят получить как можно раньше сведения о готовящихся событиях. Приходится охлаждать горячие головы ссылками на строжайшие решения ЦК и возможные неприятности. Излишняя засекреченность подготовки полетов, по-моему, приносит большой вред стране и служит ширмой для сокрытия неполадок и срывов наших планов.

2 сентября.

Накануне весь день провел в ЦПК. Беседовал с Волыновым, Комаровым, Катысом, Феоктистовым и Егоровым. В подготовке экипажей для полета на «Восходе» выявились некоторые недоработки. Например, нет четкой установки о действиях экипажа после посадки, об установлении связи с аэродромами и самолетами, о сдаче космического корабля под охрану, о пользовании НАЗом. Приказал Н. Ф. Кузнецову подготовить программу занятий с экипажами до 15 сентября; в программе предусмотреть отработку и повторные занятия по наиболее актуальным и менее усвоенным, если таковые выявятся, вопросам.

Катыс сообщил, что он не знал о существовании у него брата и сестры. Отец Катыса женился на его матери в 1924 году, то есть через 14 лет после того, как распалась его первая семья и его бывшая жена с двумя детьми уехала в Париж. В 1931 году отца Катыса арестовали. Сыну было в это время всего 5 лет, и он, естественно, мог ничего не знать о первой семье отца.

С Катысом, Феоктистовым и Егоровым беседовал о переносимости ими невесомости. Они уверяли, что тренировки в невесомости переносили хорошо. Просмотрев кинокадры об их полетах, я убедился, что все трое, пребывая в состоянии невесомости, закрывали глаза; были и другие признаки сильного волнения. Каждый выполнил 10–12 сеансов пребывания в невесомости, но по халатности врачей на киноленте зафиксировано только 1–2 сеанса. По этим ограниченным материалам трудно дать оценку поведения человека в невесомости. Приказал начальнику Центра провести для гражданских кандидатов еще по одной тренировке и иметь не менее 4–5 сеансов, заснятых на кинопленку.

Вчера, после отпуска, к занятиям приступили Гагарин, Титов, Николаев и Быковский. Титов вчера на теннисном корте ухитрился

слегка повредить ногу. Остальные космонавты чувствуют себя хорошо. Заезжал на квартиру к Поповичу. Нога у него в гипсе, но по квартире он уже ходит. Врачи говорят, что для полного его выздоровления потребуется еще больше месяца. Павел Романович чувствовал себя неловко, но я не заводил разговора о причинах его травмы. На эту тему мы с ним поговорим позже, когда он будет здоров. Говорил с Гагариным и Николаевым о значении их личного примера, об их влиянии на космонавтов и слушателей-космонавтов. Я дал им понять, чтобы они усилили свою роль начальников и руководителей, что от их примера зависит многое.

Сегодня с космодрома позвонил Никерясов и доложил, что Тюлин рекомендовал отложить на 2–3 дня наш вылет. На полигон еще не прибыл носитель, и есть другие задержки в подготовке пуска. На испытаниях «Восхода» в Феодосии в субботу, 29 августа, при подвеске объекта к самолету произвольно открылся люк парашютной системы. Нормально он должен открываться после сбрасывания корабля с самолета на высоте 7–8 километров по сигналу от датчика барометрического давления. До сегодняшнего дня установить причину открытия люка не удалось, и проведение зачетного испытания задерживается. Испытания в Феодосии выявили уже целый ряд крупных дефектов системы приземления «Восхода». Как глупо мы выглядели бы сейчас, если 2–3 месяца назад согласились бы с Королевым и не стали проводить натурные испытания объекта, лишний раз подтверждающих торопливость и непродуманность некоторых решений работников ОКБ-1. Переносы пусков на более поздний срок вошли в систему. Теперь уже всем ясно, что пуск корабля с манекенами будет осуществлен не раньше 10–15 сентября, а полет экипажа — в конце сентября или начале октября. С. П. Королев теребит всех смежников и уверяет, что еще в этом году он выведет на орбиту корабль 3КД — «Выход». Но нам уже ясно, что полет с выходом космонавта из корабля в космос можно осуществить не раньше 1965 года.

Вчера я беседовал с Леоновым из группы «Выход». Всех космонавтов группы беспокоит вопрос о скафандре. Институт авиационной и космической медицины настаивает на том, чтобы делать скафандр с АСУ. Но при этом скафандр получается менее прочным и более громоздким, он будет значительно ограничивать

подвижность космонавта. Космонавты склонны согласиться с последним вариантом скафандра, сделанным заводом № 918 без АСУ. Я не мог на ходу решить этот непростой вопрос и сегодня советовался с работниками Центра и института. Я склоняюсь к точке зрения космонавтов, но для принятия окончательного решения нужно будет уточнить ряд вопросов с Севериным.

Сегодня у меня были генерал-лейтенант Волынкин и полковник Генин. Они подняли новый и очень важный вопрос о температуре внутри «Восхода» после его посадки. По их расчетам из-за полной герметизации «Восхода» немедленно после посадки температура внутри корабля будет быстро расти и через 11 минут превысит 40 градусов, а еще через 5–8 минут — 60 градусов. Перегрев происходит за счет передачи тепла с корпуса корабля, разогретого во время спуска. Предупредить перегрев экипажа можно более ранним включением вентилятора (сейчас он включается через 11 минут после посадки) и поддержанием более низкой температуры внутри космического корабля перед спуском, а также другими мерами.

3 сентября.

Из Феодосии сообщили причину нештатного открытия люка космического корабля «Восход». Открытием люка управляют барометрические датчики и датчики крена, последние предусмотрены на случай аварийного накренения ракеты при выведении корабля на орбиту. При подвеске космического корабля под самолет датчики крена забыли заблокировать, а корабль крепили с креном, большим допустимого, и, естественно, датчики выдали команду на отстрел люка. Виновата в этом досадном происшествии не техника, виноваты люди, в частности, и наши специалисты: генерал Холодков и полковник Смирнов. Несколько позже от Холодкова пришла телеграмма, в которой он объясняет самопроизвольный отстрел люка конструктивным дефектом его автоматики, но ОКБ-1 отвергает это предположение.

Наш посол в Югославии Бузанов телеграммой подтвердил, что правительство Югославии приглашает в свою страну космонавта Николаева в середине сентября. Решил направить в Югославию с Николаевым генерала Горегляда. Рейсовым самолетом Ил-18 они вылетят 11 сентября, а возвратятся в Москву 19 сентября. Советовался с ЦК и МИДом по оформлению поездки Николаева. Решили

письменно просить согласия ЦК на поездку Николаева в Югославию. Николаев и Горегляд должны быть на старте «Восхода», думаю, что они вполне успеют попасть на полигон.

5 сентября.

Вчера Руденко и я несколько раз звонили на космодром. В последнем разговоре Тюлин рекомендовал нам вылетать на полигон утром 7 сентября и не брать с собой слушателей-космонавтов. На полигоне предстоит большой показ ракетной и космической техники, поэтому там сейчас очень трудно с размещением и обеспечением гостей. Полетим на самолете Ан-10, но не 7, а 8 сентября (так сегодня рекомендовал Тюлин).

Холодков и Овчаренко прислали из Феодосии несколько телеграмм. Там на испытаниях «Восхода» выявлено еще несколько дефектов при приводнении корабля. Если добиваться устранения обнаруженных недостатков, то пуск в этом году может вообще не состояться. Думаю, что недостатки корабля при приводнении можно проигнорировать: вероятность приводнения «Восхода» незначительна, и нужно идти на риск.

7 сентября.

Только что получил телеграмму из Феодосии — там опять неприятности. «Восход» был сброшен с самолета на высоте 10 тысяч метров, но люк парашютной системы не отстрелился, парашюты не раскрылись, и объект полностью разрушился. Причины этого происшествия пока точно не установлены. Предполагают, что при доработке электросхемы отстрела люка для самолетных испытаний где-то была допущена ошибка. Королев обещал до 22 сентября подготовить для испытаний новый корабль, а это — очередная задержка полета «Восхода» и новое доказательство того, что корабль недостаточно надежен.

9 сентября. Тюра-Там.

На самолете Ан-10 прилетели на полигон. Летели всего 3 часа 40 минут. Время полета прошло незаметно. Крылов, Руденко, адъютант Крылова и я играли в преферанс. Я знаю Крылова с 1931 года — тогда он был начальником штаба дивизии во Владивостоке. Он неплохо воевал, получил звание дважды Героя Советского Союза. Крылов был на месте, когда командовал общевойсковой армией и даже округом, но в роли Главнокомандующего ракетными войсками он явно «не тянет».

Он не имеет академического образования и «не нуждается в нем» — так маршал Малиновский написал в его аттестации. Крылов далек от техники, а должен командовать самыми передовыми войсками, оснащенными ракетной и космической техникой. Кстати сказать, последней он совершенно не интересуется и только тормозит ее развитие. Когда-то он был смел и энергичен, а сейчас он уже настолько постарел, что было бы благом для армии и страны отправить его в отставку.

Г. А. Тюлин ознакомил нас с обстановкой на полигоне. Наши прогнозы подтвердились: пуск «Восхода» с экипажем затягивается до октября. К уже известным неприятностям добавилась еще одна, но очень крупная. При очередном пуске «Зенита-4» из-за отказа блока «А» (вторая ступень) ракета не ушла со старта. Носители «Зенита» и «Восхода» одинаковые. Осуществлено уже более сотни пусков с использованием блока «А», но такого отказа не было давно.

10 сентября.

Вчера утром был произведен пуск боевой ракеты Р-36 Янгеля. По рассказу маршала Крылова, ракета пролетела 14 тысяч километров, отклонение от точки прицеливания составило менее одного километра. При стрельбе с такой точностью из пистолета на дистанции в 50 метров пуля должна попадать в булавочную головку. Ракета Р-36 может нести ядерную боеголовку мощностью 40 мегатонн. Этого заряда более чем достаточно для полного разрушения такого города как Нью-Йорк. В разговоре с Крыловым Руденко справедливо заметил, что теперь все зависит от того, кто первым нажмет кнопку. Крылов не согласился с ним и сказал: «Это теперь не имеет значения. Если США пустят против нас ракеты, то мы будем знать об этом через 10 минут, а еще через 10 минут полетят наши ракеты. Так что ответный удар состоится, и обе стороны понесут колоссальные потери». Я склонен думать, что прав Руденко, а не Крылов. Крылов прав теоретически, а на практике решающее преимущество будет за тем, кто начнет ядерную войну первым.

Вчера прошло заседание Госкомиссии по пуску «Восхода». Королев доложил, что неприятности на испытаниях в Крыму объясняются плохой доработкой специальных самолетных схем и слабой подготовкой испытателей. Он также сообщил, что ОКБ-1 приняло ряд мер по повышению надежности всех систем «Восхода».

Комиссия решила: 14 сентября запустить очередной «Зенит-4»; 18–20 сентября — вывести на орбиту «Восход» с манекенами; 23 сентября в Феодосии провести еще одно испытание со сбросом с самолета макета корабля «Восход». Пуск «Восхода» с экипажем решили назначить на конец сентября.

11 сентября.

В 7 часов утра Руденко, Н. Ф. Кузнецов и я вылетели во Фрунзе. На полигоне за старшего от ВВС я оставил полковника Масленникова, приказав ему немедленно с нами связаться, если мы потребуемся на полигоне раньше 14 сентября. Во Фрунзе нас встретили заместитель командующего 73-й Воздушной армией генерал-майор Платонов и начальник летного училища генерал-майор Кобяков. В этом училище мы готовим примерно 500 иностранных летчиков (египтяне, сирийцы, афганцы и другие). Обучение летчиков-иностранцев началось еще в 1957 году, когда я командовал 73-й Воздушной армией и училище подчинялось мне. Часа два занимались делами училища, потом пообедали и на «Волге» отправились на озеро Иссык-Куль. Долина реки Чу прекрасна, много зелени, видны хорошо обработанные поля и сады. Справа и слева узкую долину окаймляют высокие горные хребты со снеговыми вершинами. К шести часам вечера мы добрались до санатория ТуркВО (Туркестанский военный округ — Ред.) на южном берегу озера Иссык-Куль, где встретились с командующим округом генералом армии И. И. Федюнинским. Искупались в озере, вода в нем идеально чистая. Ужинали у Федюнинского, его жена Елена Владимировна так настойчиво нас угощала, что мы наелись на неделю вперед.

12 сентября. Пржевальск.

Нас с маршалом разместили в небольшой комнате в отдельном домике недалеко от дачи Федюнинского. Руденко спал плохо, его мучила изжога и переполненный желудок. После завтрака у Федюнинских отправились на катере в Пржевальск. Нас сопровождали Федюнинский, начальник санатория и их жены. Катер шел со скоростью 50–60 километров в час, было довольно прохладно, и нам пришлось облачиться в бушлаты. Чудесное озеро Иссык-Куль расположено на высоте 1610 метров над уровнем моря. Длина озера более 200 километров, ширина — 30–50 километров, а глубина — 900 метров. Со всех сторон блестят на солнце снежные вершины гор.

В Пржевальске стоит дивизион морских катеров, моряки проводят здесь испытания торпед. Член Военного Совета ТуркВО генерал-лейтенант Демин рассказал мне, что приезжавший в августе этого года в Пржевальск Н. С. Хрущев спросил его: «Что здесь делают моряки?» — Демин ответил: «Испытывают торпеды», — на что Хрущев сказал: «Мы торпеды продаем всему миру, а они здесь секретничают…» Мы осмотрели памятник и музей Пржевальского. Барельеф Пржевальского очень похож на Сталина. Начальник Пржевальского военкомата рассказал нам, что когда Хрущев и сопровождающие его лица подошли к памятнику, то Хрущев и маршал Малиновский в один голос спросили: «Кто это?» Они успокоились только после того, как узнали, что барельеф Пржевальского был установлен более 70 лет тому назад.

На аэродроме мне передали телефонограмму от полковника Масленникова: «Работа будет завтра». Это означало, что решили запускать «Зенит-4» не 14, а 13 сентября. Пришлось отказаться от поездки в Фергану и возвращаться на полигон.

12 сентября. Борт самолета Ил-14.

Летим в Тюра-Там, погода отличная. Через час после взлета пролетели над Фрунзе, через несколько минут будет Луговая, а затем — Джамбул. Эти трассы я облетал десятки раз еще до войны и в 1957–1958 годах, когда командовал 73-й Воздушной армией. Средняя Азия стремительно меняет свой облик. Когда 80 лет назад Пржевальский открывал для человечества неизвестные районы Центральной Азии, здесь был край нищих, безграмотных, униженных людей, и лишь 20 лет назад наша Средняя Азия стала изменяться к лучшему; и сейчас она процветающий, индустриальный, культурный край. Я был в Афганистане и Иране и могу сказать, что наша Средняя Азия очень далеко опередила эти и многие другие азиатские страны.

13 сентября. Тюра-Там.

Очень сожалею, что я не дома: сегодня моей Мусе исполнилось 55 лет. Тридцать три года мы вместе. Я люблю ее, как и тридцать лет назад, и желаю ей прежде всего здоровья. За последние годы она стала мнительной и боязливой, часто нервничает по пустякам и очень много трудится по дому. Я плохо помогал ей, а она нуждается в моей помощи. Теперь я буду беречь ее по-настоящему. Послал Мусе записку и небольшой подарок.

Сегодня в 12:45 по московскому времени вывели на орбиту «Зенит-4». Пуск прошел отлично. Руденко, Тюлин, Королев, Кузнецов и другие во время пуска были на веранде ИП-1. Обычно мы с Королевым по 5-минутной готовности уходили от ракеты в бункер и весь процесс пуска «видели» из-под земли, а во время этого старта нам можно было не сидеть в бункере. Все были очень довольны зрелищем взлета ракеты.

14 сентября.

Утром маршал Руденко улетел в Оренбург. Я начинаю привыкать к Сергею Игнатьевичу, но его чрезмерное увлечение утренней физзарядкой, музыкой и пустой болтовней надоедает и отвлекает от дела. Проводив его, я поехал на вторую площадку. Часа два изучал систему аварийного спасения (САС) «Восхода». Для нее характерны четыре периода с момента старта ракеты:

1) до 27-й секунды полета спасение экипажа в случае аварии носителя фактически невозможно;

2) с 27-й до 44-й секунды полета спасение затруднено, но возможно;

3) при срабатывании САС в период с 44-й до 501-й секунды обеспечивается приземление корабля на территории СССР;

4) в период с 501-й секунды и до выхода на орбиту (на 523-й секунде) аварийная посадка возможна лишь вне территории СССР.

Во всех случаях члены экипажа остаются в корабле, который приземляется с помощью парашютно-реактивной системы.

Во время моих занятий в секретный отдел зашел Королев. Он предложил мне побеседовать один на один. Через несколько минут мы встретились в комнате технического руководства и более двух часов обсуждали вопросы подготовки полетов «Восхода» и «Выхода», организации «штурма» Луны и проблемы объединения космоса в ВВС. Договорились, что после полета «Восхода» с экипажем вплотную займемся Луной. Королев сказал, что здесь, на полигоне, он еще раз беседовал с маршалом Крыловым по вопросу объединения космоса в ВВС и убеждал Крылова в необходимости такого шага. Крылов ответил, что он не против передачи космоса в ВВС, но его смущает вопрос использования ракетных полигонов. Королев рассказал мне и о том, как обсуждались и решались в ЦК и правительстве вопросы подготовки облета Луны и экспедиции на Луну. По мнению Сергея

Павловича, Челомей с использованием своей ракеты УР-500 не сможет без стыковки выполнить облет Луны. Королев предлагал Челомею вместе заняться стыковкой, но последний решил делать новую ракету УР-700 и обойтись без стыковки.

Самым трудным моментом в нашей беседе был вопрос о составе экипажа «Восхода». Я откровенно изложил Королеву свою точку зрения. Условия полета в «Восходе» будут несравненно более трудными, чем в «Востоке», и поэтому было бы целесообразно послать в полет физически наиболее крепких ребят, то есть Комарова, Волынова, Лазарева — это мой вариант № 1. Но учитывая политические и научные интересы, можно было бы сформировать и такой экипаж: Комаров, Феоктистов, Лазарев. В этом случае в составе экипажа будет гражданский человек — ученый, который, уже много лет работая над созданием космической техники, участвовал в разработке «Востоков», «Зенитов», «Восходов», «Выходов» и других космических аппаратов. Правда, давая согласие на полет Феоктистова, мы отвергаем мнение 20 наших специалистов-врачей, которые считают, что допускать его в космический полет нельзя. Хорошо зная Феоктистова как специалиста по космической технике и проанализировав весь ход его подготовки в ЦПК, я считаю возможным допустить его в этот полет при условии, что третьим членом экипажа будет Лазарев. Королев настаивал на экипаже: Комаров, Феоктистов, Егоров. В итоге мы договорились, что командиром «Восхода» будет Комаров, а научным сотрудником — Феоктистов. Вопрос о кандидатуре врача остался нерешенным. Королев очень настойчиво добивался моего согласия на кандидатуру Егорова, но я заявил ему, что включать в экипаж одновременно двух «инвалидов» — значит идти на риск срыва ответственного космического полета. Сергей Павлович остался недоволен итогами нашей беседы и несколько раз повторил, что он будет категорически против Лазарева. Королев считает, что Егоров более подготовлен и для полета, и для будущей деятельности в качестве ученого. Я сказал Сергею Павловичу, что в сравнении с Лазаревым Егоров — мальчишка, к тому же у него слабое зрение и он плохо переносит невесомость, а Лазарев — врач-летчик, который имеет 15-летнюю практику исследовательской работы по авиационной медицине и сможет отлично выполнить полет. К сожалению, это не

первое мое серьезное расхождение во мнениях с Королевым. Мне не хотелось с ним ссориться, но в данном вопросе уступать было нельзя.

15 сентября.

Обычный рабочий день. Утром вместе с Н. Ф. Кузнецовым, Масленниковым и Никерясовым осмотрели вновь выстроенную гостиницу космонавтов. Строительство гостиницы было задумано еще маршалом Неделиным. Я несколько раз просил Вершинина и Руденко взять это строительство в свои руки, но и в этом вопросе мои шефы не проявили должного интереса и настойчивости, и строительство гостиницы для космонавтов по-прежнему ведут ракетные войска. За 4 года они лишь возвели небольшой двухэтажный дом с 18 комнатами и ничего не сделали по физкультурному комплексу. Территория, прилегающая к гостинице, не обработана, вокруг сплошной сыпучий песок. Дом открыт всем ветрам и палящим лучам солнца. Мы выбрали места для строительства спортплощадок и пришли к выводу, что рядом с этой гостиницей необходимо немедленно за счет средств ВВС строить солидный трехэтажный корпус и полный комплекс физкультурных сооружений, а к прилегающей территории подвести воду и заняться ее озеленением. Буду настойчиво добиваться, чтобы Вершинин и Комаровский поддержали нас. Пока что на полигоне мы во всем зависим от ракетчиков. Представители ВВС терпят много неприятностей и даже мелких издевательств со стороны администрации полигона.

Днем занимались готовностью «Восхода» и носителя. Звонил Королев и выражал неудовольствие тем, что инструкцию экипажу «Восхода» по САС и радиосвязи подписал Гагарин, а утвердил Вершинин. Его возмутило не только то, что в таком важном документе обошлись без него, но и то, что в инструкции якобы допущены ошибки. В инструкции написано: «Главный командный пункт — в Москве», а Королев считает, что главный КП — полигон. Группы специалистов, выезжающие на ИПы, в инструкции названы оперативными группами, а Сергей Павлович признает оперативными только группы, располагающиеся на полигоне. Я согласился переделать этот документ. Утвердят инструкцию Тюлин, Королев и я. Сергей Павлович настойчиво отстаивает интересы и авторитет Главного конструктора и болезненно реагирует на любую попытку

решать без него даже мелкие вопросы. Он хочет все знать и все решать сам.

16 сентября.

Утром шел дождь, до 10 часов была сплошная облачность. Полчаса занимались с Руденко физзарядкой, было сыро и холодно.

Гарнизон усиленно готовится к правительственному показу ракетной техники. 24–25 сентября на полигон должен прибыть Н. С. Хрущев. Пуск «Восхода» с манекенами 18 сентября уже не реален. Завтра будет заседать Госкомиссия, будут рассматриваться вопросы технической готовности пуска, сроки окончания работ, а также предложения Цыбина, Чертока, Холодкова и Винокура о доработках посадочной системы корабля и о результатах феодосийских испытаний. По всей вероятности, пуск корабля с манекенами будет перенесен на конец сентября, а полет экипажа — на октябрь.

17 сентября.

Заседание Госкомиссии перенесли на 18 сентября, так как группа испытателей еще не готова доложить результаты феодосийских испытаний. Тюлин в беседе с Руденко и мной пытался выяснить нашу точку зрения на состав экипажа. Мы заявили, что отправлять в полет на «Восходе» надо наиболее сильных космонавтов. Полет будет очень трудным; от членов экипажа потребуются большая выдержка и умение. Тюлин нам не возражал, но своих соображений не высказал. По-видимому, он еще колеблется с выбором кандидатов на полет.

18 сентября.

Состоялось заседание Госкомиссии. Б. Е. Черток доложил, что неотстрел парашютного люка на «Восходе» при испытаниях в Феодосии произошел по вине ОКБ-1: электросхема отстрела люка имела серьезные дефекты и не была продублирована. Королев в своем выступлении признал вину ОКБ-1 и доложил, что схема переработана, основные ее элементы продублированы и она будет подвергнута тщательным испытаниям. Королев согласился подготовить и вновь провести испытания «Восхода» в Феодосии, но просил Госкомиссию разрешить пуск «Восхода» с манекенами независимо от феодосийских испытаний. В связи с необходимыми доработками «Восхода» и показом ракетной техники 24–25 сентября Госкомиссия решила назначить пуск с манекенами на 28–30 сентября.

После заседания Госкомиссии Тюлин попросил остаться Королева, Мрыкина, Керимова, Руденко и меня. Он сообщил, что ЦК и Совет Министров интересуются составом экипажа «Восхода». От себя и от имени Королева он внес предложение послать в полет Комарова, Феоктистова и Егорова. Мрыкин и Керимов тоже высказались за такой состав экипажа. Мне пришлось произнести довольно длинную речь. Обрисовав трудности полета на «Восходе» и указав на возможность цепной реакции «космической болезни», я высказался за экипаж в составе: Волынов, Комаров, Лазарев. Королев несколько раз пытался меня прервать; его возмущала моя оценка условий полета на «Восходе», он не соглашался с моей сравнительной характеристикой Егорова и Лазарева. Тюлину и Мрыкину стоило большого труда успокоить Сергея Павловича. В заключение я сказал, что против назначения Комарова командиром корабля у меня возражений нет, можно согласиться и с назначением в экипаж Феоктистова, но при одном непременном условии: что третьим членом экипажа должен быть подполковник Лазарев. В этот момент Королев опять не выдержал и выкрикнул: «Этого никогда не будет! Лазарев не полетит!» Потом выступил Руденко, он полностью согласился с моим мнением, но допустил ошибку, сказав, что эти наши предложения мы доложим правительству. Заявление маршала вызвало новую вспышку гнева у Королева, он наговорил много неприятного в наш адрес: «ВВС всегда ставят нам палки в колеса… Придется мне готовить своих космонавтов-испытателей…»

19 сентября.

Сегодня утром маршал Крылов на самолете Ан-10 вылетает на полигон. На этом же самолете примерно в 16 часов мы вылетим в Москву. Генералы Кузнецов, Холодков и все наши офицеры уже улетели на Ил-14. Несколько дней на полигоне все будет посвящено показу ракетной техники, и нам здесь в это время делать нечего. Можно было бы и нам вылететь утром, но маршал Руденко уговорил меня лететь вместе с ним на Ан-10.

До обеда грелись на солнце и купались — сегодня очень тепло, температура около 32 градусов. Я ушел с реки первым. В отсутствие Руденко ко мне зашел Тюлин и сказал, что он еще не докладывал правительству о составе экипажа и хотел бы доложить согласованное решение Госкомиссии. Я сказал Тюлину, что наше мнение остается

неизменным, и говорить сейчас на эту тему с Руденко бесполезно. Договорились, что в Москве мы с Главкомом еще раз взвесим все «за» и «против» и в понедельник 21 сентября по «ВЧ» позвоним сюда на полигон и сообщим согласованное мнение ВВС. Когда заканчивался наш разговор, в комнату вошел маршал Руденко, но при нем Тюлин уже не поднимал этот вопрос. Я передал Руденко наш разговор с Тюлиным. Руденко был уязвлен тем, что Тюлин не стал при нем повторять свои предложения, и выпалил: «Ну, если так, то значит у них тоже не очень крепкая позиция…» Я пытался укрепить его в этой мысли и необходимости твердо отстаивать нашу позицию. Руденко сперва во всем соглашался со мной, а потом совершенно неожиданно спросил: «А может, позвонить им и сказать, что мы согласны?» Мне стоило большого труда уговорить маршала не отступать так быстро, а встретиться с Вершининым, обрисовать ему всю обстановку и вместе выработать точку зрения ВВС. Я надеюсь, что Вершинин поддержит меня. Он уже несколько раз соглашался со мной в подобных вопросах.

21 сентября. Москва.

Маршал Руденко часа три сидел у Главкома, по-видимому, они решали, какую позицию должны занимать ВВС в вопросе о составе экипажа «Восхода». Я терпеливо ждал вызова, но его так и не последовало. В конце дня я зашел к Вершинину и спросил его, как решился вопрос о составе экипажа. Опустив глаза, Главком ответил, что он согласился с предложением Руденко. Я понял, что Руденко полностью капитулировал перед Королевым, а Вершинин трусливо согласился с его изменой. Оба маршала не хотят серьезной борьбы с прихотями и капризами Королева. Мнения космонавтов, специалистов ЦПК, ИАКМ и авиагоспиталя они и в грош не ценят, а больше заботятся о собственном спокойствии. Чтобы навязать Королеву свою волю, с ним нужно «воевать», а маршалы уже не способны на это. Моя задача неимоверно усложнилась: теперь мне нужно бороться не только против Королева, но и против моих прямых начальников.

Я еще не решил, что нужно предпринять в такой обстановке. В одном я убежден твердо: полет корабля с двумя слабо подготовленными космонавтами на борту при любом его исходе будет вреден для дела освоения космоса. Есть большая вероятность срыва полета, а может быть, и тяжелого происшествия. При благополучном исходе полета мы также будем иметь большие осложнения: будет

поставлена под сомнение вся система отбора и подготовки космонавтов, которая целиком себя оправдала в предшествующих полетах.

23 сентября.

Меня одолевают ТАСС, АПН, редакторы газет и журналов — все первыми пытаются хоть что-нибудь узнать о предстоящем полете в космос. Звонили Песков, Денисов, Романов, Комолов и другие. Всем даю один ответ: «Терпеть и ждать».

Сегодня Главком улетел в Тюра-Там, где он вместе с Малиновским и Хрущевым будет осматривать ракетную и космическую технику. Это подходящий случай раскрыть Хрущеву глаза на наше серьезное отставание от Америки в космосе, но там, на полигоне, военные сделают все возможное, чтобы убедить Хрущева в обратном.

24 сентября.

Был в ЦПК. Беседовал с Волыновым, Комаровым, Катысом, Феоктистовым, Егоровым, Сорокиным, Лазаревым. Выглядят они хорошо, полностью закончили подготовку и терпеливо ждут вызова на полигон. Каждый из них надеется, что полетит именно он. Я постарался поддержать в них эту уверенность, сказав: «Все вы подготовлены к полету, ваши шансы равны, все зависит только от вас самих. Берегите свое здоровье и хорошо, настойчиво готовьтесь к полету. Кто из вас полетит — этого пока еще никто не знает, вы узнаете об этом за 2–3 дня до полета». Хотя по Комарову и Феоктистову, а может быть, и по Егорову решение уже предопределено, но оно не окончательное — времени до полета еще много, и любой из этой тройки может быть заменен другим кандидатом.

Вместе с Масленниковым, Хлебниковым и Целикиным проверили все вопросы готовности выезда на старт, утвердил списки выезжающих. Беседовал с Андрияном Николаевым и предупредил его, что 26 сентября он должен быть готов к вылету на полигон.

Вызывал к себе Германа Титова. На мой вопрос: «Как идут дела?», Герман ответил: «Занимаемся «Восходом», все в порядке, дома все хорошо». Он не знал, что полчаса назад мне позвонила Тамара и сказала: «Я звонила вам несколько раз, вы были в командировке, за время вашего отсутствия у Германа были срывы». А часом раньше

подполковник Новиков доложил: «Титов два раза выпивал и поздно приезжал домой». За каждым шагом Титова нужно следить и умело его направлять. Руководство Центра, парторганизация и сами космонавты многое делают в этом направлении.

Гагарин сейчас на космодроме, он вместе с Беляевым и Хруновым должен будет докладывать Хрущеву о космическом корабле «Выход». Звонила Марина Попович, благодарила за помощь в организации ее поездки в Чехословакию. Она очень довольна поездкой и уверяет, что все прошло отлично. Марина просила разрешения поехать вместе с Павлом на курорт. Я сказал ей, что до полного выздоровления Поповича о курорте не может быть и речи. Врачи уверяют, что еще не менее месяца его ногу необходимо держать в гипсе и он должен пользоваться костылями. При отъезде из Центра встретился с Быковским. Мы без слов поняли друг друга: Быковский уже седьмой день подряд выезжает на приемы и встречи, и ему все это очень надоело. Он настоятельно просил дать ему возможность работать. Я сказал: «Все знаю. Завтра можешь поднимать бунт, если куда-нибудь снова будут направлять, но сегодня в Доме дружбы нужно обязательно встретиться с финнами». Быковскому скоро предстоит поездка в Финляндию, и он сам понимает, что уклониться от сегодняшней встречи нельзя.

Разговаривал с маршалом Руденко, он подтвердил, что говорил по телефону с Тюлиным и от имени ВВС дал согласие на экипаж в составе: Комаров, Феоктистов и Егоров. Только что позвонил генерал Бабийчук и доложил о своем разговоре с Руденко. На вопрос Бабийчука: «Можно ли ему выступать на Госкомиссии против этих кандидатур?», — Руденко ответил: «Выступайте, если хотите оказаться в очень глупом положении». После такого намека у Бабийчука тоже отпадет охота бороться за правду. Лбом стенку не прошибешь, а перед нами — крепчайшая стена. Я открыто высказал всем свое мнение, но навязывать его Госкомиссии не стану.

25 сентября.

В 10 часов заезжала Валя Терешкова. Выглядит она хорошо, в семье у нее все в порядке. От меня она поехала в АПН, там ей предстоят две встречи с корреспондентами Западной Германии и Венгрии. Вчера я получил из ЦПК материалы на представление капитана Терешковой к очередному воинскому званию. Юридически к

этому имеются все основания, но, по существу, присваивать ей сейчас звание «майор», пожалуй, вредно и для нее, и для дела. Я сказал об этом Вале, и она, как всегда, быстро нашла правильное решение сама попросила не давать хода представлению к званию. Валя сказала: «Мне будет неудобно перед девчатами… Кроме того, я еще совсем не работала инструктором-космонавтом». Я одобрил ее решение.

Сегодня у меня большой поток посетителей и непрерывные телефонные звонки: 3–4 телефона звонят одновременно. Завтра в 9 утра Руденко, я, группа офицеров и представителей промышленности вылетаем на полигон. Вся подготовительная работа к полету «Восхода» здесь, в Москве, заканчивается, теперь дело только за готовностью корабля. Будем надеяться и верить, что полет пройдет успешно. За последние полгода было очень много сомнений, но многие из них уже отсеяны, а оставшиеся нужно отбросить волевым усилием.

26 сентября. Тюра-Там.

Сегодня на самолете АН-10 Руденко, Кузнецов, Ващенко, Никерясов и я прилетели на полигон. Здесь только что закончилась горячая работа по показу правительству ракетной техники. На показе были: Хрущев, Малиновский, Гречко, Крылов, Бирюзов, Епишев, Вершинин, Горшков, Судец, Устинов, Смирнов, Пашков, Сербин, Калмыков, Зверев. Главные конструкторы Королев, Челомей, Янгель, Глушко и другие показывали свою технику. По отзывам Хрущева, Малиновского и других руководителей показ прошел отлично. Было проведено пять показательных пусков боевых ракет Королева, Челомея и Янгеля. Все пуски прошли без замечаний. Хрущев внимательно осмотрел космический корабль «Выход» и очень тепло побеседовал с Гагариным, Беляевым и Леоновым. Алексей Леонов в скафандре продемонстрировал выход из корабля и возвращение в него.

27 сентября.

В этот выходной день собрались на второй площадке у Королева. Готовность «Восхода» к пуску еще не определилась; Королев собирается на один день слетать в Москву, а после возвращения заняться конкретной подготовкой пуска. Ясно, что полет корабля с манекенами в сентябре уже не состоится. Тюлин, Королев и Мрыкин разрешили присутствовать группе слушателей-космонавтов при пуске

технологического корабля. Я позвонил в Москву и приказал завтра отправить слушателей-космонавтов на полигон.

28 сентября.

Погода резко изменилась: низкая облачность, пыльная буря, температура 15 градусов. Днем аэродром Тюра-Там не выпускал и не принимал самолеты. К вечеру ветер немного стих, и Ан-12 с Королевым и Ан-10 со слушателями-космонавтами благополучно приземлились. Прилетели все слушатели: Береговой, Шаталов, Демин, Артюхин, Колодин, Филипченко, Воронов, Куклин, Добровольский, Воробьев, Губарев, Матинченко, Гуляев, Жолобов и Буйновский. В программе их занятий предусмотрены изучение старта, средств связи и управления, ознакомление с ходом подготовки носителя и космического корабля к полету и присутствие при пуске. Всех слушателей разместили в новой гостинице для космонавтов.

29 сентября.

Утром маршал Руденко улетел в Челябинск. В 9:30 я был уже на проходной МИКа, где встретился с Королевым. Сергей Павлович очень расстроен — его жена, Нина Ивановна, лежит в кремлевской больнице. На четверг, 1 октября, ей назначена операция. Трудно при таких обстоятельствах оставаться спокойным и думать только о деле, а от Главного конструктора именно сейчас, в эти дни, требуется максимальная работоспособность и самое пристальное внимание ко всем «мелочам». В МИКе нас встретили полковник Кириллов (начальник 1-го управления полигона) и ведущий инженер корабля Фролов. Они доложили, что задерживается установка второго кресла в корабле. При детальном разборе причин задержки выяснилось, что болты на кресле на 3 миллиметра не подходят к отверстиям на борту корабля.

В 10 часов Королев провел совещание по расстановке сил и средств на случай аварии на старте. Сергей Павлович многое делает, чтобы спасти экипаж в случае аварии, он лучше всех знает, что надежность «Восхода» недостаточна, но все эти мероприятия носят скорее психологический характер и малоэффективны.

В 17 часов собрались на заседание Госкомиссии. Не открывая заседания, Тюлин объявил, что поступило сообщение об отказе на «Восходе» «Трала» 1П; характер отказа выясняется. Заседание Госкомиссии началось на час позже. Все, понуря головы, слушали

доклады о готовности носителя и корабля к пуску; уже было достоверно известно, что обнаруженная на «Восходе» неполадка задержит его пуск на 6–7 суток: А. Ф. Богомолов подтвердил отказ «Трала» и необходимость разборки корабля. Комиссия утвердила руководителей и состав оперативных групп для руководства полетом. Руководителем первой группы назначили генерала К. А. Керимова, второй — меня, третьей — В. Н. Правецкого. Маршала Руденко утвердили руководителем посадочной группы, а меня — его заместителем. После официальной части заседания Тюлин попросил остаться только членов Госкомиссии и предоставил слово Королеву. Сергей Павлович доложил, что условия работы в МИКе не обеспечивают безопасность людей, и упрекнул руководство полигона и РВСН в пассивности в этих вопросах. Генералы Мрыкин, Захаров, Керимов и полковник Кириллов выступили против предложения Королева о поручении группе товарищей подготовить предложения по мерам усиления безопасности при проведении работ. Пришлось выступить и поддержать предложения Сергея Павловича, поддержали его также Тюлин и Правецкий. Ракетчики долго сопротивлялись, но под нашим давлением вынуждены были уступить.

Сегодня Королев сильно нервничал и ругался с Фроловым, Кирилловым, Богомоловым, Косбергом, Мрыкиным, Захаровым, Керимовым и другими. Все его разносы сейчас уже не так эффективны, как 3–4 года тому назад. Королев зарывается и не может понять, что главная причина недостатков и промахов в нашей работе заключается в отсутствии твердого плана, в спешке и бессмысленном дерганье людей. Еще полгода назад было ясно, что пуск «Восхода» в августе нереален, но Королев упорно настаивал на пуске сначала в августе, затем на первой, а потом во второй половине сентября. И вот сейчас все окончательно убедились, что пуск двух «Восходов» даже в октябре недостаточно подготовлен. Сейчас нас «поджимают» корабли морского флота. Они вышли в заданные районы в Тихом и Индийском океанах еще в августе, все их ресурсы иссякают 5-10 октября. Тюлин уговорил Бакаева оставить корабли на месте до 15 октября. До 15 октября мы должны провести два пуска. Подготовка обоих кораблей «Восход» должна вестись параллельно, разрыв между пусками будет не более 5–6 суток. Не позже 3–4 октября на полигон должны прибыть экипажи и врачи.

30 сентября.

Сегодня Королев улетел на двое суток в Москву. Окончательно выяснилось, что пуск корабля с манекенами будет не раньше 7–8 октября. Слушатели-космонавты вчера занимались в МИКе, а сегодня — на ИП-1. Сегодня холодный и очень ветреный день. Позвоню в Москву и попрошу, чтобы очередным самолетом мне выслали шинель и сапоги.

1 октября.

График разборки и сборки «Восхода» составлен в расчете на 146 часов, а вчера вечером Богомолов хвалился, что работы идут с опережением графика на 40 часов. Все эти срывы и опережения — результат плохого планирования. Для подготовки космических кораблей к полету нужны жесткие планы, а у нас таких планов нет. 29 сентября на одном из совещаний Королев опять объявил, что в ноябре будем пускать еще два «Восхода», хотя всем хорошо известно, что раньше марта-апреля 1965 года сделать это невозможно. Спешка, нечеткое планирование, погоня за перевыполнением планов вредят делу, резко снижают качество работ и создают много других неприятностей.

2 октября.

Маршал Руденко вчера вернулся из Челябинска, там он немного простудился, и врачи уложили его в постель. Я дал предварительную команду в Москву о подготовке к вылету на полигон нашей команды утром завтрашнего дня. Тюлин и Мрыкин согласны с тем, что пора вызывать экипажи и врачей, но без согласия Королева они не решаются заявить об этом. Королев прилетит сегодня вечером, и я согласую этот вопрос с ним, а ночью дам команду на вылет. Подготовка обоих «Восходов» по новому графику идет пока успешно, и, вероятно, пуск корабля с манекенами состоится 6–8 октября, а старт экипажа 12–14 октября. Я уже передал жене, что раньше 15–20 октября в Москву не вернусь. Будет неплохо, если нам удастся уложиться в эти сроки.

3 октября.

Вчера Королев в Москве разговаривал с Главкомом и сказал ему, что экипажи на полигоне раньше 5–6 октября не потребуются. Он пожаловался Вершинину на нас за то, что мы не принимаем его самолет ночью. Главком приказал мне лично осмотреть новую ВПП и

решить, можно ли принять самолет Королева ночью. Вместе с командиром авиаполка полковником Жуковым и специалистами осмотрели ВПП. Я доложил Вершинину, что до 10 октября принимать самолеты ночью нельзя: идут ремонтные работы, днем можно садиться только на старую ВПП, которая принимает Ил-14 и Ан-12.

Вечером 2 октября на борту «Восхода» обнаружили «минус». Все работы были прекращены на несколько часов. Сегодня утром Тюлин, Мрыкин, Шабаров и я разбирались со специалистами с этой новой неполадкой. Установили, что «минус» связан с прибором «Сигнал», установленным в спускаемом аппарате и работающим после отделения приборного отсека. Решили продолжать работы по графику и завтра утром вывозить ракету на старт. Шабаров считает, что отсутствие космонавтов тормозит подготовку корабля «Восход», предназначенного для пилотируемого полета. Вопреки мнению Королева, который находится сейчас в Феодосии, решили 4 октября вызвать на полигон нашу команду.

4 октября.

Вчера вечером впервые на космодроме играли в теннис. Рядом с гостиницей космонавтов мы строим спортивный комплекс; теннисная, баскетбольная и волейбольная площадки уже готовы. Я играл в паре с Богомоловым против генерала Кузнецова и подполковника Суринова. Мы выиграли четыре сета: 6:1, 6:2, 6:2, 6:3. Богомолов играет хорошо, он был в восторге от возможности размяться. «За десять лет моего пребывания на полигонах сегодня у меня был самый приятный день отдыха», — так оценил Алексей Федорович нашу встречу на корте.

В семь часов утра из Феодосии прилетел Королев и сразу поехал на вторую площадку, где в это время вывозили на старт технологический корабль «Восход». Вчера в Феодосии отлично прошел сброс с самолета макета «Восхода». Скорость приземления была небольшой, тормозной движок сработал нормально.

В 15:30 по местному времени на самолете Ан-10 прилетели космонавты, на аэродроме их встречали Тюлин, Королев, Мрыкин, Захаров, Керимов и другие. Из самолета вышли Гагарин, Николаев, Комаров, Волынов, Феоктистов, Катыс, Егоров, Лазарев и Сорокин. Вместе с космонавтами прилетели Горегляд, Бабийчук, Карпов, Целикин, Хлебников. По лицам Волынова и Катыса было заметно, что

они уже знают о решении Госкомиссии послать в полет Комарова, Феоктистова и Егорова.

Вечером я в паре с Егоровым играл в теннис против Комарова и Феоктистова и был приятно удивлен: Егоров и Феоктистов прилично играют, а Комаров играет слабее. Мы выиграли со счетом: 6:1 и 6:2.

5 октября.

В 15 часов Руденко, Тюлин, Королев, Мрыкин, Керимов и я приехали в гостиницу к космонавтам. Вчера подполковник Никерясов с группой товарищей наловили много рыбы, и сегодня космонавты угостили нас ухой. Они еще точно не знали, кто полетит на «Восходе», и настороженно ждали, не прояснится ли что в беседе с нами. После обеда все пошли на спортивные площадки. Мы с Королевым немного поиграли в теннис. Чувствуется, что Сергей Павлович когда-то играл неплохо, но сейчас отяжелел и много мазал, правда, и мне после обеда и в военной форме было нелегко играть.

После игры мы поехали на заседание Госкомиссии. Целый час «молотили» А. Ф. Богомолова за отказ «Трала» 1П — Алексей Федорович яростно защищался. Потом заслушали доклады о готовности ракеты и корабля к полету и приняли решение запустить «Восход» с двумя манекенами 6 октября в 10:00 по московскому времени.

6 октября.

Поднялись в 6 утра и после легкого завтрака все члены Госкомиссии поехали на вторую площадку. В 7:00 началось заседание комиссии. Заслушали обычные доклады о готовности ракеты, корабля и старта. Все главные конструкторы систем доложили: «Замечаний нет, можно лететь». Погода на старте: облачность — 7 баллов, ветер — 8-10 метров в секунду, с порывами до 15 метров в секунду, температура — 9-12 градусов тепла. В районах посадки по прогнозу скорость ветра до 15 метров в секунду. Метеоусловия для старта вполне удовлетворительные, а сильный ветер в районах посадки нас не пугает. Мы заинтересованы в том, чтобы испытать систему приземления корабля при сильном ветре. Госкомиссия решила: «Заправлять ракету и всю подготовку к полету вести по тому же графику, по какому будем работать при пуске корабля с экипажем».

До 30-минутной готовности я был у ракеты. Вся подготовка проходила точно по графику, люди работали точно и уверенно. Был

спокоен даже Королев: обычно он до 5-минутной готовности не отходил от ракеты, а сегодня он все доверил своему заместителю по пуску Шабарову и полковнику Кириллову. Королев, Тюлин и Руденко решили остаться в бункере, а я поехал наблюдать пуск с ИП-1. За 20 минут до пуска на веранде ИПа собралось до 50 человек: 15 слушателей-космонавтов, 7 кандидатов на полет, генералы, офицеры, конструкторы. Точно в 10:00 ракета плавно оторвалась от старта и через 30 секунд, озарив нас нестерпимо ярким пламенем, ушла в облака. Все внимательно слушали отсчет секунд: 10, 20, 30… и так — до 523-й секунды. На 120-й секунде отделяются боковушки, на 150-й — сбрасывается обтекатель, на 290-й начинает работать последняя ступень, а на 523-й секунде корабль выходит на орбиту и становится спутником Земли (корабль ЗКВ № 2, запущенный 6 октября 1964 года, получил официальное название «Космос-47» — Ред.).

Я дежурил на КП с 16 до 24 часов по московскому времени. В моей смене генералы: Кузнецов, Захаров, Бабийчук, многие главные конструкторы (всего в смене более 50 человек). Наша задача — каждую секунду знать, где находится корабль и как работает его оборудование. Информация поступает исправно, все параметры корабля в норме. Дежурство прошло спокойно.

7 октября.

Спал только с 3 до 6 часов ночи: в 7 утра началась работа посадочной комиссии. В ее составе: Руденко, я, Кузнецов, Гагарин, Николаев, Карпов, Большой, Раушенбах, Северин, Воронин, Ткачев и другие. Рассмотрели данные о ходе полета и метеообстановку в районе приземления. Приняли решение сажать корабль в начале 17-го витка в районе Кустаная и Петропавловска при порывах ветра до 15–17 метров в секунду. Руководство Госкомиссии одобрило наше предложение о посадке корабля.

Посадка прошла нормально и в заданном районе. Парашютно-реактивная система «Восхода» сработала отлично, и он приземлился с нулевой скоростью. Корабль оставил на пахоте след глубиной 90 миллиметров. Сильный ветер протащил корабль метров 160, но экипаж «Восхода» может немедленно после приземления отцепить парашюты и тем самым исключить протаскивание. Анализ данных по контролю пуска и полета подтвердил хорошую работу всех систем ракеты и корабля, кроме третьей ступени ракеты. В работе двигателя

этой ступени был трехсекундный спад тяги на 10 процентов, но потом нормальная работа двигателя восстановилась, и корабль набрал необходимую скорость. Причина спада тяги пока не установлена.

8 октября.

В 11:30 по московскому времени на самолете Ан-12 корабль «Восход» доставили на полигон. Пуск, полет, посадка, поиск и доставка корабля на полигон прошли отлично — все мы радовались, что через 2–3 дня выведем на орбиту пилотируемый корабль. Однако из Воронежа пришло очень неприятное известие: при очередном огневом испытании двигателя Косберга в одной из камер возникли высокочастотные колебания (ВЧ-колебания), и двигатель разрушился. Немедленно собрали членов Госкомиссии и в результате обсуждения происшествия пришли к решению: пуск «Восхода» с экипажем задержать на 3–4 дня и попытаться установить причины возникновения ВЧ-колебаний. С этой целью послали в Воронеж Мрыкина, Керимова и специалистов. Двигатели Косберга уже 60 раз были в полете, и при этом ни разу ВЧ-колебания не возникали. При проведении огневых испытаний двигателей на стенде (всего проведено около 400 таких испытаний) это четвертый случай возникновения ВЧ-колебаний. Королев считает, что они являются следствием специфических особенностей стенда (горизонтальное положение двигателя, большая длина трубопроводов и т. д.). Большинство специалистов придерживается такого же мнения, но оно пока не подтверждено испытаниями. Будем ждать возвращения специалистов из Воронежа и после их доклада примем решение о пуске. Пока не исключено, что задержка пуска окажется более длительной, чем мы предполагаем.

Вечером из Москвы прилетели семь корреспондентов: Денисов — «Правда», Остроумов — «Известия», Мельников — «Красная звезда», Песков «Комсомольская правда», Романов — ТАСС, а также обозреватели из АПН и радиокомитета. После ужина я встретился с ними, и мы обсудили план их работы.

9 октября.

В 10 часов в МИКе у побывавшего в космосе технологического корабля «Восхода» собрались Тюлин, Королев, Руденко, Ткачев и я. Состояние корабля, парашютов и внутреннего оборудования кабины наглядно доказывало, что корабль совершил мягкую посадку. «Восход»

— первый космический корабль, который сразу после полета вернули на старт. Сюда привозили и гагаринский «Восток», но через три года после его полета — он изображал макет космического корабля «Выход», который осматривал и одобрил Н. С. Хрущев. Все разработчики систем тщательно осмотрят «Восход» и официально доложат нам о его состоянии и работе оборудования. От технологического «Восхода» мы направились в южный конец МИКа, где у «Восхода-3» (имеется в виду заводской № 3 — Ред.) собрались космонавты, готовящиеся к обсидке корабля. Гагарин и Фролов руководили посадкой в корабль Комарова, Феоктистова и Егорова. После доклада о готовности экипажа Руденко и я поднялись к открытому люку корабля, осмотрели размещение космонавтов в креслах и задали Комарову несколько контрольных вопросов. После нас к люку поднимались Королев и Тюлин, Кузнецов и Николаев, Ткачев и Северин, другие товарищи. Размещение космонавтов очень тесное, позы у них неудобные, изменение положения тела затруднено, жизненного пространства раз в пять меньше, чем на «Востоках». В общем, условия полета на «Восходе» значительно хуже, чем на «Востоке».

Королев, Тюлин, Руденко и я около часа беседовали с полковником Шубраловым, который вместе с технологическим «Восходом» прибыл сюда с места его посадки. Королев и Тюлин проявили большой интерес к докладу Шубралова и предложили ему написать короткий отчет о посадке и поиске корабля.

С 16 до 17 часов провел встречу корреспондентов с экипажем. Эту, не совсем приятную для космонавтов необходимость, я совместил с игрой в теннис. Пока корреспонденты «терзали» вопросами Комарова, Феоктистов и Егоров играли в теннис, и так — по очереди. Вечер был тихий и теплый (три предыдущих дня были очень ветреными и холодными).

Вчера провел совещание со специалистами службы космической медицины. Кроме врачей присутствовали: Кузнецов, Горегляд, Бабийчук, Гагарин и Николаев. Перечень заболеваний членов экипажа в полете, при возникновении которых требуется срочная вынужденная посадка корабля, пришлось забраковать и предложить врачам переделать и сократить его. Обсудили и утвердили распорядок предстартового и стартового дней для экипажа. Все резко возражали

против предложения генерала Бабийчука о том, чтобы экипаж после полета поместить в госпиталь на трое суток. Решили поддержать предложение врачей о трехсуточном медицинском наблюдении за членами экипажа после полета в гостинице космонавтов.

10 октября.

На заседании Госкомиссии вчера более часа обсуждали доклад Косберга о возникновении ВЧ-колебаний в его двигателях. Выступали Левин, Солдатов, Королев, Мрыкин и другие. Все считают, что наиболее вероятной причиной возникновения ВЧ-колебаний являются недоработки стенда. ВЧ-колебаний ни разу не было в полетах, поэтому нет оснований опасаться их возникновения в предстоящем полете. Косберг заявил, что двигатель надежен и можно лететь. Королев доложил о двух последних удачных сбросах «Восхода» с самолета в Феодосии и об отличных результатах полета и посадки «Восхода» с манекенами. По докладам разработчиков систем и представителей полигона о готовности к полету ракеты и корабля приняли решение: 12 октября в 10:30 по московскому времени произвести пуск «Восхода» с экипажем.

Вчера вечером было проведено официальное заседание Госкомиссии, которое снималось на кинопленку и записывалось на магнитофон. На заседании присутствовали корреспонденты. Королев доложил о полной готовности к пуску ракеты и корабля. Я доложил о готовности к полету семи космонавтов и внес предложение о назначении в состав экипажа «Восхода» командиром корабля подполковника Комарова, научным сотрудником — Феоктистова, врачом — Егорова; их дублерами — Волынова, Катыса, Сорокина, Лазарева. Госкомиссия единогласно утвердила основной состав экипажа и дублеров. Гагарин, Руденко, Королев, Тюлин и Мрыкин выступили с приветствиями и пожелали космонавтам успешного полета.

11 октября.

В 9 часов провели заседание посадочной комиссии. Определили районы для вынужденной посадки на каждом витке. В бортжурнал записали данные на случай вынужденной посадки с любого витка (время включения ТДУ, район посадки и т. д.). После определения параметров реальной орбиты корабля передадим экипажу уточненные данные по радио. Погода на ближайшие три дня в районе старта и

районах посадки ожидается хорошей: ясно, ветер — 5 метров в секунду. Провел краткую беседу с экипажем по основным вопросам готовности к полету и вручил Комарову портрет Маркса, принадлежавший Ленину, фото Ленина с «Правдой» в руках и красный бант со знамени Парижской коммуны. Газета «Правда» и музей Ленина просили взять эти реликвии в космос и потом вернуть в музей.

В 16 часов провели на старте встречу космонавтов с гарнизоном 2-й площадки. Экипаж «Восхода» приветствовали полковник Кириллов, представитель промышленности и сержант стартовой команды. Комаров, Феоктистов и Егоров очень взволнованно благодарили собравшихся и выражали решимость оправдать оказанное им доверие. После митинга Королев с экипажем поднялся к кораблю и провел предполетный инструктаж.

Около 18 часов Тюлин, Руденко, Правецкий и я собрались в кабинете Королева. Вскоре к нам зашел Главный конструктор А. Ф. Богомолов и доложил, что в 14:30 на ракете обнаружили дефект «Трала» и что необходимо заменить его передатчик. Королева это сообщение взбесило, больше всего его возмутило отсутствие своевременного доклада (потеряли 3 часа!) и легкомысленное заявление Богомолова о том, что на замену передатчика потребуется 10 минут (полковник Кириллов сказал, что для замены передатчика нужно два часа). Сергей Павлович «взорвался», назвал Богомолова мальчишкой, трусом и заявил: «Уходи, я не хочу больше иметь с тобой дела. Я не могу быть и не буду с тобой в одной комнате». Неприятно было наблюдать эту сцену. Королев своей вспышкой гнева сам сбросил себя с пьедестала талантливого организатора в болото мелких и грязных страстей. Я впервые за четыре года совместной работы видел Королева в таком состоянии, было больно и обидно за него. Минут через 15 Сергей Павлович успокоился и толково доложил Д. Ф. Устинову по «ВЧ» о предстоящем завтра пуске.

Да, завтра первый в мире трехместный корабль поднимется в космос. Полгода тревог, сомнений, огорчений и большой работы позади. Ракета, корабль и экипаж готовы к полету. Сегодня я больше надеюсь на успех полета «Восхода», чем полтора-два месяца назад, хотя знаю, что общая надежность корабля и экипажа ниже, чем в любом из наших предыдущих космических полетов. Буду верить в успех! Сегодня надо забыть все сомнения и работать!

12 октября.

Ровно три с половиной года прошло после полета Гагарина. Завтра исполнится полгода с момента решения ЦК о создании «Восхода». Промышленники, конструкторы и космонавты за полгода проделали такую работу, которую, казалось, невозможно выполнить и за год.

Мы с маршалом Руденко проснулись ровно в шесть. Тихое морозное утро, температура — минус 8 градусов. После небольшой физзарядки и легкого завтрака выехали на вторую площадку. Метеоусловия для старта идеальные: ветер — 3–4 метра в секунду, видимость — более 20 километров, высокие перистые облака. По пути заехали в домик космонавтов. Врач, подполковник Никитин, доложил, что космонавты спали хорошо. Когда мы вошли в домик, Комаров и Егоров еще завтракали, а Феоктистов уже съел свой космический паек и спокойно занимался маникюром.

В 8:00 по местному времени в 200-х метрах от ракеты состоялось предстартовое заседание Государственной комиссии. Коротко и четко все конструкторы систем ракеты и корабля доложили: «Все готово, сомнений нет, можно лететь». С. П. Королев заключил доклады конструкторов: «Можно заправлять ракету и лететь». Е. А. Карпов доложил о готовности экипажа, я подтвердил готовность авиационных средств поиска и эвакуации.

У экипажа сегодня следующий распорядок:

6:30 — подъем;

6:40 — термометрия;

6:40-7:20 — утренний туалет, медицинский осмотр;

7:20-7:50 — завтрак бортовым пайком;

8:00 — прибытие в МИК;

8:00-8:45 — надевание белья с датчиками и снаряжением;

8:45-9:00 — регистрация физиологических функций на аппаратуре «Вега»;

9:00-9:30 — проверка спецснаряжения;

9:30 — выезд на старт.

Сейчас, когда не нужно облачаться в громоздкие скафандры, подготовка космонавтов к старту резко сократилась по времени и упростилась. В 9 часов космонавты уже были готовы ехать на старт, но позвонил Королев и попросил без его сигнала не выезжать и добавил,

что в ходе подготовки ракеты к пуску выявлен небольшой дефект, но он надеется, что старт состоится в намеченное время. Я еще раз повторил с космонавтами порядок их докладов о самочувствии и параметрах кабины. Слово «отлично» означает, что у экипажа нет сомнений в возможности продолжать полет; «хорошо» — нет полной уверенности в этом, а «удовлетворительно» — надо решать вопрос о посадке. Мы не возлагаем больших надежд на КВ-связь (помехи от радиационных поясов), но решили ее основательно проверить. В 9:30 к нам приехали Королев и Тюлин, оба они остались довольны видом космонавтов и, перебросившись парой шуток, уехали на старт.

В 10:10 я, Гагарин, Николаев и Королев вновь встретились у ракеты. Заправка ракеты топливом шла нормально. В 10:15 подъехал автобус с космонавтами, одетыми в легкие шерстяные костюмы серого цвета, на головах у них были белые шлемофоны. Впервые в космос отправлялись сразу трое космонавтов и впервые — без скафандров. Комаров четко доложил председателю Госкомиссии генералу Г. А. Тюлину: «Экипаж «Восхода» к полету готов. Инженер-подполковник Комаров». Королев, Тюлин, Руденко, Мрыкин, Пилюгин, я и другие члены Госкомиссии обнялись и поцеловались с космонавтами. Первыми к космическому кораблю поднялись на лифте Феоктистов и Егоров, а за ними вторым рейсом — Комаров. Первым в корабль сел Егоров, потом — Феоктистов, последним — Комаров. В 10:35 экипаж закончил посадку в корабль и занялся проверкой оборудования корабля.

По часовой готовности у ракеты остались Королев, Кириллов, Гагарин, я и стартовый боевой расчет. Королев внешне был спокоен, но я-то знал, что он волнуется больше обычного. Видимо, пытаясь отвлечься от сомнений, он дважды обращался ко мне: «Николай Петрович, волнуешься? Что поделаешь, я сам весь дрожу». По пятиминутной готовности мы ушли в бункер. Точно в 12:30 по местному времени (в 10:30 по московскому) ракета с первым трехместным космическим кораблем «Восход» начала подъем. Томительные 523 секунды и… вздох облегчения — корабль вышел на орбиту! Во время выведения Гагарин и Комаров отлично поддерживали связь в УКВ-диапазоне.

…На часах 23:00. Пять часов назад моя оперативная группа приняла дежурство на КП управления полетом «Восхода». В составе

моей группы Захаров, Кузнецов, Бабийчук, Гусев, Винокур, Воронин, Даревский, Николаев и еще человек 60 специалистов. Сейчас корабль совершает уже девятый виток. На шестом и седьмом витках мы наблюдали космонавтов по телевидению и имели с ними хорошую радиосвязь на УКВ. Самочувствие экипажа отличное, все параметры кабины в норме. Теперь, до 13-го витка, космонавты не появятся над территорией СССР; мы будем пытаться поддерживать с ними связь только через систему «Сигнал» и по КВ. В данном полете надежно и четко работает только радиосвязь на УКВ, связь на КВ — плохая из-за слабой проходимости волн через радиационные пояса Земли. Шесть витков (с 8-го по 13-й) у нас фактически не будет радиосвязи, и мы не будем иметь данных о состоянии экипажа и обстановке на борту, но оснований для тревоги нет. В начале 7-го витка все параметры воздуха в кабине — давление, температура, влажность, содержание углекислого газа — были в пределах нормы. Я оставил за себя на КП генерала Кузнецова, а сам устроился в кабинете Королева и пытаюсь кое-что записать в дневник об этом напряженном и счастливом дне.

Нам безумно везет. После старта все члены Госкомиссии собрались в кабинете у полковника Кириллова. Всем уже было ясно, что мы одержали новую большую победу в космосе, но каждому хотелось еще и еще раз убедиться, что все идет хорошо. Через час генерал Карась доложил, что орбита «Восхода» почти совпадает с расчетной, а еще через 30 минут мы увидели экипаж по телевидению и переговорили с космонавтами по радио. Доложили о полете Хрущеву, Брежневу, Устинову и Смирнову, отредактировали сообщение ТАСС. По моему настоянию, Вершинин доложил Малиновскому проект приказа о присвоении Комарову звания «инженер-полковник», Егорову — «капитан медицинской службы», а Феоктистову — «капитан запаса». С 15 до 17 часов я немного отдохнул в домике космонавтов, а в 18 часов снова заступил на дежурство. Королев и Тюлин несколько раз звонили и справлялись о ходе полета; я посоветовал им отдыхать и не беспокоиться, так как полет проходил отлично. Были, правда, три момента, которые немного встревожили нас.

1. На седьмом витке у Егорова пульс во время сна снизился до 46 ударов в минуту. Генерал Бабийчук стал пугать меня самыми страшными картинами космической болезни. Я попросил Комарова измерить пульс у Егорова. Комаров доложил: «Пульс — 68», а еще

через несколько минут данные телеметрии подтвердили хорошее самочувствие Егорова.

2. Раушенбах высказал неуверенность в исправности системы ориентации. Запрашивали Комарова, более двух часов разбирались в схемах и пришли к выводу, что система ориентации в порядке.

3. Меня беспокоило повышение температуры в кабине корабля, за шесть первых витков она поднялась с 15 до 21 градуса. Мне казалось, что было бы лучше и надежнее держать температуру ниже 20 градусов.

Я ушел с дежурства в 3 часа утра. В третьей смене дежурит Гагарин. Дал ему задание обязательно связаться с экипажем на 13-м витке и уточнить данные о состоянии космонавтов и параметрах кабины. Я попросил Гагарина немедленно звонить мне при малейших сомнениях в нормальном ходе полета.

13 октября.

В 8 часов утра наша опергруппа провела совещание. После анализа обстановки на борту, состояния здоровья экипажа, метеоусловий в районе приземления и условий передачи команд на спуск мы решили доложить Госкомиссии, что посадку «Восхода» целесообразно произвести в начале 17-го витка. Орбита корабля и ресурсы системы жизнеобеспечения позволяли летать трое суток, но программа полета рассчитывалась на одни сутки. Главная цель полета — испытание нового трехместного корабля — была достигнута; лишний день полета (экипаж просил продлить полет еще на сутки) ничего не мог прибавить к одержанной победе. Госкомиссия утвердила все наши предложения о посадке «Восхода».

В 9 часов по московскому времени на командном пункте управления полетом остались Тюлин, Королев, Руденко, я, Гагарин, Николаев, Кузнецов, Бабийчук и несколько связистов. Все остальные члены Госкомиссии, конструкторы, военные специалисты остались в кабинете Кириллова и в зале заседаний Госкомиссии. В обоих помещениях были установлены радиоприемные устройства, и каждый мог слушать и наши команды, и донесения о ходе посадки. Первые сообщения о прохождении команд мы могли получить от Комарова телеграфом по КВ, но из-за плохой проходимости коротких волн этот канал связи не работал.

Несколько минут с экипажем не было вообще никакой связи, но потом стал слабо прослушиваться сигнал «ПО» (контрольный сигнал прохождения команды на отделение спускаемого аппарата от приборного отсека — Ред.). Через 2–3 минуты ИПы доложили о прохождении команд «Спуск-1» и «Спуск-2». Наши морские суда, стоящие у восточного и западного берегов Африки, сообщили о прохождении команд на включение ориентации и ТДУ, однако эти сообщения запаздывали и не давали полной уверенности в нормальном ходе спуска. Когда спускались Николаев и Быковский, они сообщали нам о прохождении всех команд по КВ-каналу, теперь же в ходе спуска было много неясного. Все мы, и особенно Сергей Павлович, волновались и, напрягая слух, с нетерпением ждали сигналов, но все ИПы и радиопеленгаторы молчали. Напряжение росло, по времени ТДУ уже сработала и, если все идет нормально, то корабль, замедляя скорость, спускается уже в плотных слоях атмосферы. В 10:22:30 Москва сообщила, что слышит сигнал «СА», — это означало, что ТДУ сработала, спускаемый аппарат корабля отделился от приборного отсека и пошел на посадку. Через 3–4 минуты наши мощные радиопеленгаторы «Круги» «поймали» «Восход» над Кавказом и сопровождали его до посадки. «Корабль пролетел Каспийское море… Пролетел Аральск… Подходит к району Кустаная… Отстрелилась крышка парашютного люка…» — следовали доклады генерала Кутасина с КП ВВС.

…По времени должны уже раскрыться парашюты, и антенна в стропах парашюта должна излучать сигнал для пеленгации корабля. Но сигнала нет! Пеленгов нет! В лучшем случае произошел отказ передатчика или порыв антенны, а в худшем — мог не раскрыться парашют, и тогда неминуема гибель экипажа. Каждая секунда кажется вечностью, все затаили дыхание — воцарилась тревожная, гнетущая тишина… Но вот в эфире голос Кутасина: «50-й, я 52-й. Летчик Михайлов на самолете Ил-14 в 40 километрах восточнее Марьевки видит в воздухе объект». Я облегченно вздохнул, для меня стало ясно, что спуск идет нормально. Но этот доклад Кутасина не удовлетворил Королева, он вырвал микрофон у радиста и, сильно волнуясь, запросил: «52-й, я — 20-й. Скажите, видит ли Михайлов парашюты и сколько парашютов — один или два?» Кутасин ответил: «Михайлов видит объект с двумя куполами парашютов». Теперь оставалось ждать,

как приземлится корабль: сработает тормозной движок скорость приземления будет почти нулевой; если откажет движок, то «Восход» соприкоснется с Землей на скорости 7–8 метров в секунду. В последнем случае могут быть травмы у членов экипажа.

Но вот опять докладывает Кутасин: «Летчик Михайлов видит объект на земле и около него трех человек, машущих руками». Последние слова доклада заглушил гром аплодисментов. Наконец-то все ясно — полет благополучно завершен. Королев тихо шепчет: «Неужели все кончено, и экипаж вернулся из космоса без царапин? Никогда бы никому не поверил, что из «Востока» можно сделать «Восход» и трем космонавтам слетать на нем в космос». Да, у всех у нас было много сомнений и тревог, но теперь все волнения позади. Наша Родина одержала еще одну выдающуюся победу в космосе.

По моему предложению Госкомиссия приняла такое решение: с места посадки доставить космонавтов самолетом не в Куйбышев, как это делалось до сих пор, а в Тюра-Там. Здесь лучше можно организовать их медицинское обследование, все конструкторы смогут послушать доклад экипажа о полете, и меньше будет всяких встреч и шумихи. На место посадки еще вчера вылетели генералы Горегляд и Войтенко. Я поставил им задачу: как можно быстрее доставить космонавтов на полигон и оградить их от восторженной толпы и лобзаний местных руководителей.

В 18:30 по местному времени самолет Ил-18 приземлился на аэродроме полигона, на нем из Кустаная прилетел экипаж «Восхода» (с места посадки, в 60 километрах восточнее Марьевки, экипаж был доставлен вертолетом Ми-6 в Кокчетав, а оттуда самолетом Ил-14 — в Кустанай). Феоктистов и Егоров выглядели очень хорошо, а Комаров — немного утомленным.

14 октября.

Вчера нам стало известно, что Хрущев вылетел из Пицунды и в 14:00 будет в Москве. Мы ждали, что в Кустанае космонавтам придется разговаривать с Хрущевым по телефону, но около 15 часов нам из аппарата Смирнова сообщили: «Космонавты не дождутся разговора с Хрущевым, можно улетать на полигон». В гостинице космонавтов (17-я площадка), где разместился экипаж, мы опять ждали разговора по телефону с Хрущевым, и опять разговор не состоялся.

К 10 часам в спортивном зале гостиницы космонавтов собралось человек 200 военных и представителей промышленности. Комаров, Феоктистов и Егоров доложили о результатах полета. Доклады, вопросы и ответы космонавтов записаны на пленку. Коротко об итогах полета можно сказать следующее. Полет трех специалистов дал возможность выполнить несравненно больше наблюдений и научных исследований, чем в предыдущих полетах. Феоктистов честно доложил, что в невесомости он иногда «чувствовал себя вверх ногами», но это не мешало ему работать. Егоров все время чувствовал себя стоящим на коленях и с опущенной вниз головой. На 6–7 витках у Егорова появились незнакомые ранее ощущения в желудке, но после сна эти ощущения прошли.

Руководители Госкомиссии и экипаж «Восхода» пообедали вместе: выпили за космонавтов, за здоровье Королева и всех, кто готовил полет. В 17 часов экипаж провел встречу со стартовой командой и представителями промышленности в 50 метрах от места старта. В ходе встречи генерал Горегляд передал приказание Вершинина: «Маршалу Руденко немедленно вылететь в Москву». По дороге на десятую площадку мы «ломали головы», стараясь угадать причину экстренного вызова. Приехав в нулевой квартал, Руденко по «ВЧ» связался с Вершининым, который сказал ему: «Сегодня в 18:00 состоится пленум ЦК КПСС, вылетайте немедленно». Известие о пленуме было неожиданным. Руденко вылетел в Москву в 17 часов по московскому времени. По всему чувствовалось, что в Москве происходит что-то необычное, но что именно, мы не знали.

15 октября.

Вчера и сегодня продолжаем самолетами отправлять участников экспедиции и космические корабли в Москву. Всего улетело пять Ан-12, два Ил-18 и пять Ил-14.

Подготовленный нами рапорт Комарова и выступления членов экипажа на Красной площади забракованы. Москва еще вчера вечером намекнула, что заголовок рапорта (обращение к Хрущеву) будет другим. А сегодня утром мы уже официально узнали о смещении Хрущева и о назначении Брежнева Первым секретарем ЦК КПСС, а Косыгина — председателем Совета Министров СССР. Это событие ошеломило нас. Я знал, что Хрущев делает много глупостей (культ, семейственность, непрерывные оргии, звания Героев Советского

Союза иностранцам, путаница в международных отношениях, пренебрежение коллегиальностью и так далее), и был уверен, что он «влипнет» в историю и никогда не займет в ней место, подобное тому, какое заняли Ленин и Сталин, но я не думал, что он сорвется так быстро. Брежнев, Суслов и Косыгин проявили большую смелость и перехитрили одного из самых хитрых людей современности. Смещение Хрущева можно только приветствовать — это благо для СССР и лагеря социализма, — но глупо не видеть, что подобные перевороты наносят ущерб авторитету нашей политической системы. Нашей стране не хватает твердых конституционных законов. Вредно, когда министры и «вожди» сидят в своих креслах по 20–30 лет. Необходимо и в партии, и в правительстве менять руководящих лиц через каждые 4–5 лет и никогда повторно не назначать на одну и ту же должность. Если такого твердого порядка не будет, то вельможи, князья и царьки будут расти, как грибы.

В 10 часов к нам приехали Тюлин и Королев. В нашей беседе приняли участие генералы Кузнецов и Чугунов, а также космонавты. О переменах в верхах не говорили, хотя это событие занимало мысли всех. Мы с Тюлиным пытались убедить Королева не спешить с пуском «Выхода». Я сказал Сергею Павловичу, что в создавшейся обстановке нет никакой надобности спешить с очередным космическим полетом. Слово, данное Королевым Хрущеву о пуске в ноябре, потеряло силу, а успех «Восхода» может «заполнить» 3–4 месяца, которые уйдут на доработку скафандра для выхода в космос. Королев хотя и не дал согласия на перенос пуска «Выхода» на 1965 год, но был явно поколеблен в своих прежних намерениях. Тюлин целиком согласен со мной, так что пуск «Выхода» будет осуществлен в марте-апреле 1965 года.

Примерно в полдень мы проводили Королева и Тюлина на аэродром. Опустел Тюра-Там, здесь с экипажем остались я, Кузнецов, Чугунов, журналисты, кинооператоры и три офицера (Никитин, Никерясов, Омельчак). День нашего вылета в Москву пока неизвестен, ясно только, что раньше 18–19 октября мы не полетим.

19 октября. Борт самолета Ил-18.

Летим в Москву. Распорядок встреч на сегодня и три последующих дня уже известен. Сегодня в 12:30 состоится встреча на аэродроме Внуково. Комаров, Феоктистов и Егоров от самолета к

правительственной трибуне идут фронтом, останавливаются за полметра от микрофонов, и Комаров говорит: «Докладываю Центральному Комитету Коммунистической партии Советского Союза, Президиуму Верховного Совета, Совету Министров СССР…» и так далее. Сегодня же в 14 часов состоится митинг на Красной площади, а в 17:00 — прием в Кремле. Завтра пройдет митинг в ОКБ-1 у Королева, послезавтра — пресс-конференция в МГУ, а 22 октября — встреча в ЦПК.

Последние дни в Тюра-Таме была отличная солнечная погода. Комаров, Феоктистов и Егоров часа по 2–3 в день играли в теннис, готовили свои выступления на Красной площади и доклады для пресс-конференции. Вчера вечером я прослушал рапорт Комарова и выступления членов экипажа на Красной площади. Комаров подготовился к рапорту отлично и хорошо прочитал текст своего выступления. По выступлению Феоктистова замечаний тоже не было. Егоров прочитал текст небрежно, торопился, проглатывал слова.

Вчера мне исполнилось 56 лет. Очень хотелось встретить этот день дома, я соскучился по своим, особенно по Мусе и Оленьке. Меня радует, что сегодня кончается наша разлука. Всякие официальные встречи и проводы надоели смертельно, но от них никуда не денешься. Эта неделя будет тяжелой, предстоит много пустой болтовни и «деловых» встреч.

У меня много надежд на то, что маршала Малиновского наконец-то уберут и будут приняты меры к объединению космоса. Сейчас, на пути к освоению Луны, это особенно необходимо. Можно было бы быстрее и при меньших затратах добиться ощутимых результатов в освоении космоса и укрепить за счет этого наш военный потенциал. Выход из корабля в космос, стыковка на орбите, облет Луны, посадка на Луну, увеличение продолжительности пилотируемых полетов до 20–30 суток — вот основные направления наших космических усилий до 1970 года.

…Сегодня проснулись в 7 часов по местному времени, провели небольшую зарядку, позавтракали и начали собираться в путь. В 8:45 расселись по машинам. В первой машине — начальник полигона генерал Захаров, во второй кинооператоры и фотокорреспонденты, в третьей — Комаров, Феоктистов, Егоров и я, а за нами еще около двух десятков машин. Вся эта колонна машин проехала по главным улицам

и через центральную площадь военного городка. Все население вышло проводить космонавтов, было много цветов, много возгласов и приветствий. Один из офицеров выкрикнул: «Передайте привет Никите Сергеевичу!» Трудно было понять, насмешка ли это над свергнутым правителем или проявление уважения к нему — и то, и другое было неуместным.

На аэродроме космонавтов встретили представитель Министерства гражданской авиации генерал Бугаев и командир самолета Ил-18. Группа пионеров преподнесла экипажу «Восхода» цветы. Мы тепло попрощались с руководителями полигона и заняли места в Ил-18. По маршруту погода была хорошая, а в районе Москвы — низкая облачность (150 метров): эскорт истребителей пришлось не поднимать.

Ровно в 12:30 самолет подрулил к трибуне, и экипаж «Восхода» вышел для доклада. Комаров доложил очень четко и с хорошей дикцией. На трибуне были Брежнев, Микоян, Косыгин, Суслов, все летчики-космонавты, Малиновский, Вершинин и родственники Комарова, Феоктистова и Егорова. С аэродрома я поехал прямо домой и митинг на Красной площади смотрел по телевизору. Космонавты прочитали свои выступления хорошо. Последним выступил Брежнев, его речь была выдержанной и спокойной. Не было ругани и упреков в адрес Хрущева, были обещания процветания, мира и дружбы.

В 17:00 состоялся прием в Большом Кремлевском Дворце. Комарову, Феоктистову и Егорову вручили награды, Микоян и Косыгин поздравили награжденных. В ходе торжеств я узнал от Раисы Яковлевны Малиновской жуткую новость: на самолете Ил-18 недалеко от Белграда разбилась наша военная делегация, погибли 17 человек, в том числе маршал С. С. Бирюзов, начальник административного отдела ЦК КПСС Н. Р. Миронов и другие товарищи. Жаль погибших, я всех их знал лично, а с экипажем самолета неоднократно летал. 13 октября этот экипаж на том же самом самолете Ил-18 доставил из Кустаная на полигон Комарова, Феоктистова и Егорова после их приземления на корабле «Восход».

20 октября.

В 10 часов собрались в ОКБ-1 в кабинете С. П. Королева. В 10:30 на заводе провели встречу с экипажем «Восхода». Присутствовали 7–8 тысяч рабочих. Кроме Комарова, Феоктистова и Егорова выступили

еще 9 человек, в том числе Келдыш, Тюлин, Королев и я. По сложившейся традиции экипаж на митинге вручил Главному конструктору Королеву бортовой журнал «Восхода». По моему приказанию в ЦПК сняли пять копий с бортжурнала, они крайне необходимы для научных организаций ВВС при анализе итогов полета. После митинга вновь собрались у Королева и подняли несколько тостов за «виновников» успеха «Восхода» и за будущие победы в космосе, выпили и «за Луну».

С 18 до 20 часов в кабинете у Келдыша готовили материалы к пресс-конференции. Кроме экипажа были Келдыш, Тюлин, Пашков, Скуридин, Мозжорин, Румянцев и другие товарищи. Доклады Комарова, Феоктистова и Егорова не вызвали замечаний по существу, но все высказались за сокращение их до 15–20 минут. Я предложил, чтобы в докладах и ответах на вопросы космонавты сообщали все те данные, которые потребует от нас ФАИ (тяга, вес, размеры и другие параметры носителя и корабля), но Келдыш и Тюлин заняли более осторожную позицию: «Для ФАИ дадим, а сейчас не надо».

21 октября.

В 11:30 все герои-космонавты собрались у Келдыша и через несколько минут выехали в МГУ на пресс-конференцию. Конференция длилась более трех часов. Комаров, Феоктистов и Егоров сделали приличные доклады и уверенно отвечали на десятки вопросов. Конференцию вел М. В. Келдыш. Мстислав Всеволодович очень приятный человек и большой ученый, но как руководителю конференции и докладчику ему нельзя и тройку поставить: он медлителен, неактивен, выглядит безумно уставшим и совершенно незаинтересованным в происходящем. Публика проявила большой интерес к докладам Феоктистова и Егорова, в которых было немало интересных деталей о полете. Все выступления будут полностью опубликованы.

22 октября.

Сегодня в ЦПК экипаж «Восхода» провел встречу с личным составом Центра. Потом девятка героев-космонавтов сфотографировалась, после чего часа четыре мы занимались уточнением итогов полета. На совещании присутствовали все космонавты, слушатели-космонавты, представители всех организаций ВВС, занимающихся космосом. Разобрали вопросы связи,

жизнеобеспечения, управления полетом. Присутствовавшие задавали вопросы, а Комаров, Феоктистов и Егоров обстоятельно на них отвечали.

28 октября.

За последние шесть дней я не успел ничего записать в дневник, было очень много работы, встреч, звонков и других забот. Комаров, Феоктистов и Егоров вместе с представителями институтов ВВС готовят итоговые отчеты о полете «Восхода». Сегодня эта работа будет, в основном, закончена. С 29 октября уходят в отпуск все космонавты, кроме членов экипажа «Восхода» — они ложатся в госпиталь на обследование, которое продлится четыре дня.

Сегодня я провел совещание с девяткой космонавтов и руководящим составом Центра. Обсудили ряд важных вопросов. Решили, что пуск корабля «Выход» целесообразно произвести в первом квартале 1965 года. Еще пять космических кораблей, которые будут построены в первой половине 1965 года, целесообразно готовить по следующей программе: два корабля — для полетов на 12–15 суток (один космонавт без скафандра), два корабля — для специальных научных исследований и один — для повторного выхода космонавта из корабля в космос.

За эти дни несколько раз разговаривал по телефону с Королевым. 20 октября после митинга в ОКБ-1 Сергей Павлович в присутствии многих руководящих деятелей по освоению космоса заявил, что очередной полет космонавтов состоится в ноябре этого года. По нашему мнению, такой полет возможен не раньше первого квартала 1965 года. Космонавты Беляев, Леонов, Хрунов, Горбатко, готовящиеся к полету на корабле «Выход», еще не были в отпуске. Я поставил перед Сергеем Павловичем вопрос об отдыхе космонавтов, и он вынужден был согласиться на их отпуск в ноябре. Королев рассказал, что здоровье Нины Ивановны почти не улучшается, врачи не разрешают ей ехать на юг и «заточили» ее в Барвиху. Сам Сергей Павлович еще не отдыхал, и в такой обстановке ему сейчас не до отдыха.

30 октября.

Звонил академик Борис Павлович Константинов. По рекомендации С. П. Королева я устроил Константинову встречу с К. П. Феоктистовым. Академик занимается «антивеществом» и

«антимирами» и жаждет задать первому ученому-космонавту несколько вопросов.

Космонавты с 28 октября ушли в отпуск. Попович уже уехал в Сочи, Титов и Быковский — в Сухуми. 1 ноября уезжают в Сочи Гагарины и Николаевы. Вершинин улетел в Алжир, а Руденко — в Германию. Главная работа сейчас — это подведение итогов полета «Восхода» и подготовка к работе космической секции второй научной конференции ВВС. Я договорился с Главкомом, что мы не будем увязывать по срокам работу этой секции с проведением конференции, секция будет работать во второй половине декабря.

2 ноября.

Масса событий, встреч, новых людей, впечатлений и планов. В субботу экипаж «Восхода» провел встречу с литераторами. Писатели и поэты преподнесли космонавтам свои книги с дарственными надписями. К. Федин, К. Чуковский, Б. Полевой, Л. Ошанин, Е. Рябчиков и другие товарищи от имени Союза писателей горячо благодарили за организацию встречи. В тот же день я, Гагарин, Комаров, Феоктистов и Егоров выступали по радио. Новый председатель радиокомитета Месяцев и его заместители очень тепло встретили нас.

В субботу в ЦПК отпраздновали женитьбу мастера парашютного спорта Киселева на космонавтке Ирине Соловьевой. Ирина оставила свою девичью фамилию.

Вчера в Сочи вылетели Гагарин, Николаев и Терешкова. Отдохнуть по-настоящему Гагарину не дадут. Сегодня уже звонили из ЦК и предупредили, что 4 ноября Гагарин должен выступать в Москве на открытии обелиска в честь покорителей космоса, а 11 ноября состоится учредительное собрание общества «СССР-Куба», где Гагарина будут избирать президентом общества.

Сегодня утром у меня был инженер-полковник Комаров, я отправил его выступать перед участниками октябрьского парада. Я предложил Комарову должность заместителя начальника ЦПК по политической части. Комаров, не долго думая, стал отказываться от этой работы. Я дал ему сутки на размышления, завтра будем решать этот вопрос окончательно.

Вчера, на даче, был отличный солнечный осенний день. Все мы усиленно работали. Муся и я собираемся 5 ноября поехать в Сочи, а

Лева с Людой и Олей на октябрьские праздники поедут на автомашине в район Калинина. Лева готовил автомобиль к поездке, а все остальные занимались подготовкой дачи к зиме и переезду в Москву. У меня нет большого желания ехать на курорт, меня вполне устроил бы отдых на даче. Но для Муси очень полезно изменить обстановку, оторвать ее от Оли хотя бы на 3–4 недели. Это будет полезно и Оле. Она привыкла всеми нами командовать и капризничать, не проявляет уважения к старшим. Ей, по-видимому, крайне необходимо общество сверстников. Мы устроим ее в детскую группу при доме.

3 ноября.

Вчера неожиданно позвонил из ЦК Сербин и сообщил, что 4 ноября на открытии обелиска должны присутствовать все космонавты, кроме того, им обязательно нужно быть 7 ноября на параде на Красной площади, а вечером — на правительственном приеме. Звонил в Сочи, говорил с Н. Ф. Кузнецовым и Гагариным и приказал: 3 ноября, к исходу дня, Гагарину, Николаеву, Поповичу и Терешковой быть в Москве. Титова и Быковского я разыскал в Одессе (они там, под Одессой, три дня охотились) и приказал им возвращаться в Москву. Выступление Гагарина подготовлено и согласовано с Миллионщиковым (заместитель Келдыша, который сейчас в Варшаве) и секретарем МГК КПСС Кузнецовым. До 9-10 ноября вся девятка космонавтов будет в Москве. Ребят задергали встречами и всякими мероприятиями и не дают им возможности ни работать, ни отдыхать.

Общая обстановка в Москве и стране сейчас какая-то неопределенная. Хрущева убрали, но все его подхалимы сидят на своих местах, а народ чего-то настороженно ждет. Я думаю, что ждать кардинальных перемен нет оснований.

Появились слухи о том, что якобы Гагарин разбился со своей семьей на автомашине. Сегодня позвонил даже Малиновский и спросил: «Что там у вас с Гагариным, почему не докладываете?», на что я ответил: «К счастью, пока нечего докладывать, Гагарин здоров, и никаких происшествий с ним не было. Сегодня по моему вызову он прилетает из Сочи в Москву».

Звонил Г. А. Тюлин, я рассказал ему о наших планах на ноябрь и попросил не планировать пуск «Выхода» с манекенами раньше второй половины декабря. Георгий Александрович целиком поддерживает

нашу позицию и считает, что полет корабля с выходом человека в космос состоится не ранее первого квартала 1965 года.

На днях мы получили директиву министра обороны о создании ЦУКОС (Центральное управление космических средств — Ред.). Директиву подписали Иванов и Малиновский. Новая организация будет заниматься только заказами космической техники, она подчиняется Главкому ракетных войск, а начальник ЦУКОС одновременно является заместителем Главкома РВСН по космосу. В ВВС, ПВО и ВМФ все остается так, как было. Надо признать, что это решение — удар по ВВС. Малиновский нанес его через неделю после гибели маршала Бирюзова, который настаивал на другом решении. Решение о создании ЦУКОС состоялось, а космос остался разобщенным. Необходимо объединять все работы по космосу, а не только заказы техники. Много сил и времени мы потратили на борьбу за объединение космоса, но ощутимых результатов не достигли. Главная причина наших неудач в нерешительности Вершинина, он все время пытался решить эту задачу за счет численности других видов Вооруженных Сил и скупился сделать что-либо за счет сокращения ВВС. После гибели маршала Бирюзова и выхода директивы о создании ЦУКОС добиться передачи руководства космонавтикой в ВВС будет очень трудно, но добиваться этого я буду. Если не удастся объединить космос под эгидой ВВС, тогда руководство космонавтикой надо будет сосредоточить непосредственно в аппарате министра обороны.

5 ноября.

Вчера Гагарин, Титов, Николаев, Попович, Терешкова и Быковский, прервав отдых в Сочи и Сухуми, возвратились в Москву. В 13 часов я встретился с ними в ЦПК. Пообедали вместе, а потом более часа мы беседовали по ряду вопросов. Рассказал им о том, как Рытов, генерал-лейтенант Калашник и я осматривали в академии Жуковского «Выставку подарков космонавтам». За два месяца академия сделала очень много, выставка интересная, но ее нужно и можно сделать еще лучше за счет передачи подарков из ЦПК и из квартир космонавтов. Ребята согласились частично передать имеющиеся у них подарки. Я рассказал им о положении с нашими космическими делами и о ближайших задачах. В 14:30 на четырех «Волгах» и автобусе мы выехали в Москву.

В 16 часов состоялся митинг по поводу открытия монумента покорителям космоса. В президиуме встретились с Брежневым, Косыгиным, Микояном и другими руководителями партии и правительства. От Министерства обороны в президиуме были Малиновский, Епишев, я и вся девятка космонавтов. Митинг открыл секретарь МГК КПСС Егорычев, выступали Келдыш, рабочий Клюев и Гагарин. Брежнев официально открыл монумент, перерезав красную ленту. После окончания митинга мы осмотрели монумент со всех сторон: он прост, величествен и красив.

Звонили из ЦК и сообщили, что премьер-министр Вьетнама Фам Ван Донг выехал в Москву. Он собирается 6 ноября лично вручить Комарову, Феоктистову и Егорову звезды Героев социалистического труда Вьетнама. Космонавтам предстоит еще присутствовать на торжественном заседании, на параде, на правительственном приеме и провести не менее шести встреч.

6 ноября.

Сегодня мой последний рабочий день в ноябре, 7–8 ноября — праздники, а с 9 ноября по 20 декабря я буду в отпуске. Утром 8 ноября все космонавты, кроме Егорова и Гагарина, вылетают на курорт. Гагарин прилетит в Сочи 12 ноября, а Егоров по непонятным причинам отказался от отпуска. Правда, он объясняет свой отказ необходимостью работать над диссертацией, но вряд ли можно принимать всерьез этот аргумент. В 13 часов вся блистательная девятка соберется у меня в кабинете, мы договоримся по всем вопросам их работы на сегодня и завтра. Предстоит множество встреч, заседаний, приемов и очень много литературных дел (статьи, приветствия, тексты выступлений и т. д.). Только что позвонил генерал Маслов (отдел внешних сношений МО) и передал просьбу сотрудников вьетнамского посольства прибыть к ним сегодня в 15:00 на церемонию вручения экипажу «Восхода» золотых звезд Героев социалистического труда Вьетнама. Вьетнам больше, чем любая другая социалистическая страна, уделяет внимание нашим успехам в космосе. Гагарин, Титов, Николаев, Попович, Терешкова и Быковский уже носят звание Героев социалистического труда Вьетнама, а сегодня к ним присоединятся Комаров, Феоктистов и Егоров.

21 декабря.

Вышел на работу после отпуска. Первый раз в жизни полностью использовал положенный отпуск. С 10 по 28 ноября мы с Мусей отдыхали в Сочи. Вместе с нами на Ленинских дачах санатория имени Фрунзе отдыхали Гагарины, Комаровы, Феоктистовы, Николаев и Терешкова. Попович отдыхал в это же время в санатории имени Фабрициуса, а Титовы и Быковские — в Сухуми. Сегодня генералы Горегляд и Кузнецов официально доложили: «Все летчики-космонавты вернулись из отпусков, все здоровы, происшествий нет. Космонавты приступили к занятиям».

Звонил мне Андриян Николаев. На мои вопросы: «Как дела? Как здоровье Вали?», — он ответил: «Все отлично, все хорошо». Но я-то знаю, что до отличного очень далеко, что космонавты много пьют, что Валя Терешкова серьезно больна, а ее брак с Андрияном — ошибка.

Плохое состояние Вали я заметил еще более трех месяцев тому назад. На мои вопросы о состоянии здоровья она всегда отвечала, что все худшее уже позади; во всем виноваты роды и операция, но она скоро поправится. Время шло, а заметного улучшения не наступало. Все причины ее нервного возбуждения, ее болезни и невыдержанность стали мне предельно ясны 21 ноября. В тот день, часов около семи вечера Валя зашла в наш люкс и ошеломила нас с Марией Михайловной неожиданной просьбой: она попросила разрешения уехать одной в Москву завтра, 22 ноября. Причина преждевременного отъезда — развод с Николаевым. На наши уговоры и просьбы не торопиться с решением такого серьезного дела Валя высказалась откровенно, что это уже не первое решение — она твердо решила, что не будет жить с Андрияном. Она сделала из него кумира и безумно любила его, а он оказался совсем другим. Он плохой отец для Аленки, много пьет, каждый день у него встречи с приятелями, особенно много приезжих из Чувашии.

Ее, больную, Андриян часами заставлял ухаживать за пьяной компанией, а когда она пыталась образумить его, он обижался, что она не ценит его друзей и родственников, не проявляет уважения к его матери. Уже не раз дело доходило до крупных ссор, а один раз Андриян даже ударил Валю. Она уверяла, что Андрияна никакими силами не затащить в театр, он не любит музыку, мало читает…

Я помню, когда более года тому назад Валя рассказала мне о своей любви к Андрияну и об их намерении пожениться, передо мной

возникла смутно строка стихотворения: «…В одну телегу впрячь нельзя коня и трепетную лань…» Да, я ничего хорошего не ждал от этого брака, но не хотел омрачать счастья Вали и надеялся, что ей будет под силу переделать такого увальня, как Андриян. Непосредственной причиной теперешнего разлада явился скандал, имевший место 20 ноября. В этот день все космонавты и мы с Мусей ездили на Черную речку ловить форелей. День был дождливый, все промокли и поэтому немного выпили. На обратном пути Гагарин, Николаев и другие космонавты в автобусе еще немного «добавили». После ужина Валя уговаривала Андрияна лечь спать и никуда не ходить, но он дал обещание сыграть с друзьями в преферанс и рвался уйти. Когда Валя закрыла комнату на ключ, Андриян сделал вид, что собирается выбраться через балкон. Валя испугалась повторения гагаринского падения и отдала ему ключ… Явился Андриян только в 4 часа утра, и сильно выпившим.

Вскрылись еще несколько пьянок Гагарина, Николаева и других космонавтов. 22 ноября я собрал всех космонавтов, отдыхавших в Сочи, и потребовал строгого соблюдения режима отдыха и прекращения пьянок. Николаев после неоднократных бесед с ним дал слово вообще бросить пить, признал себя виновным и обещал немедленно извиниться перед Валей. Гагарин резко сократил свои сомнительные встречи и стал больше уделять внимания жене. Комаров, Феоктистов, Волынов, Шонин, Беляев, Хрунов вели себя на отдыхе отлично. Через два дня состоялось полное примирение Терешковой и Николаева. После всего, что мне стало известно о первом годе брачной жизни Николаева и Терешковой, я уже не могу тешить себя надеждой, что они будут счастливы. Буду делать все возможное, чтобы помочь обоим. Я прямо сказал Андрияну: «Имей в виду, мы с тебя очень крепко спросим за малейшую обиду Вали».

22 декабря.

Вчера звонили Кузнецов и Гагарин, оба просили разрешения поехать сегодня в ЛИИ к Строеву. В ЛИИ уже готов для полетов самолет Ту-104, оборудованный для тренировок по выходу космонавтов в открытый космос. После доклада Гагарина я лично займусь ходом испытаний скафандра и всем комплексом подготовки космонавтов по теме «Выход». Я еще не встречался и не говорил с Королевым и другими «вершителями судеб» пилотируемых полетов в

космос, но по предварительным впечатлениям очередной полет маловероятен раньше марта-апреля 1965 года. Полет корабля с манекеном можно провести в январе-феврале. Вершинин до 5 января — в отпуске, Руденко — на работе, но гриппует, а с 28 декабря тоже собирается в отпуск. Вчера я беседовал с Руденко. Ни он, ни я не поднимали деловых вопросов; маршал их не знает, а я не хочу толочь воду в ступе. Без Вершинина все равно ни одно дело не продвинется ни на шаг.

Вчера дал задание генералу Бабийчуку провести тщательное госпитальное обследование летавших космонавтов и особое внимание обратить на здоровье Терешковой. Кроме родов, операции и семейных неурядиц на состояние здоровья Вали влияет щитовидная железа и плохая культура питания. Валя почти не ест мяса и мучного, не понимает необходимости регулярного питания.

29 декабря.

По настоянию врачей пять суток лежал дома. Мне кололи пенициллин, ставили банки, давали глотать порошки: устраняли хрипы в легких последствия гриппа. Последние анализы крови — неважные. Врачи Князев, Хохлова и Рудный настаивают на госпитальном обследовании. Чувствую, что они правы и провериться мне нужно.

Вчера был в ЦПК на отчетно-выборном партийном собрании. Отчитывался секретарь парткома подполковник Новиков. В прениях выступили 15 человек. Персональной критики не было, но докладчик и ряд выступавших (Черкасов, Хрунов, Николаев) говорили о больших трудностях в работе, возникающих из-за отсутствия конкретного плана космических полетов, просили новые штаты на вновь вводимые объекты (бассейн, корпус «Д», стадион и другие), критиковали партбюро за недостаточную работу с личным составом.

Видел Терешкову, но поговорить с ней не удалось. Говорил с Андрияном, он уверяет, что после возвращения из Сочи у них все идет отлично, в семье все здоровы, и полное согласие во всем. Валя выглядит немного лучше, но до хорошего состояния ей еще далеко. Приказал Кузнецову и Хлебникову после Нового года положить Терешкову в госпиталь на тщательное обследование.

Беляев, Леонов, Хрунов и Горбатко уже летают на Ту-104 и тренируются по выходу в открытый космос. После Нового года

вплотную займусь темой «Выход».

30 декабря.

Поступает много докладов из ЛИИ, ЦПК, ИАКМ и других организаций о тревожном положении со сроками окончания работ по всем видам подготовки «Выхода» (тренажер, скафандр, шлюзовая камера и т. п.). После Нового года нужно будет всех «встряхнуть».

Только что звонили из АПН. Сотрудники этого агентства имели намерение открыть полемику с одним бельгийским профессором, который на днях выступил с заявлением о том, что все космонавты, побывавшие в космосе, имеют серьезные психические расстройства, что работоспособность людей в космосе низкая и предел пребывания в невесомости для человека не превышает пяти суток, что русские и американцы знают об этом, но почему-то молчат. Я посоветовал сотрудникам АПН не реагировать на это заявление. Американцы хотели бы послушать наши обоснованные возражения бельгийцу, но мы не доставим им такого удовольствия.

В 1965 году для нас вполне реально осуществить программу «Выход» и довести продолжительность полета одного космонавта до 10–12 суток, а экипажа из двух человек — до 5–6. 1966 год будет годом освоения стыковки и подготовки облета Луны. К сожалению, мы делаем много ошибок. Все советские пилотируемые корабли выполнили полеты без замечаний и не имели ни одного серьезного срыва, но наши лунники, межпланетные станции, спутники связи и телевидения, а также другие космические аппараты имеют очень много досадных недоработок. По-видимому, это не случайно: спутниками и межпланетными станциями занимаются ракетные войска, а пилотируемыми кораблями — ВВС. Громадный опыт авиационной промышленности не используется при разработке беспилотных космических аппаратов. Научные организации ВВС могли бы продвинуть вперед и этот участок освоения космоса, но ведомственная «драчка» мешает делу. Сейчас Малиновский и Захаров все больше и больше «перетягивают» космос в ракетные войска и тем самым наносят громадный ущерб развитию космонавтики. Отстранение Хрущева и гибель Бирюзова нанесли сокрушительный удар делу объединения космоса под руководством ВВС. Сейчас для ВВС очень трудное время, но я верю, что мы в конце концов победим.

Звонили из управления делами МО. Оказывается, маршал Крылов написал ходатайство Малиновскому с просьбой о переводе космонавта Комарова из ВВС в ракетные войска. Это очередная попытка укрепить космические позиции РВСН и ослабить наши силы. Я попросил прислать эту «грамоту» на наше заключение. Комаров и Главком дадут категорический отказ, но ясно, что подобные попытки будут продолжаться. Нам нужно не только умело отбивать их, но и перейти в подходящий момент в решительное контрнаступление.

Несколько дней назад Л. И. Брежнев высказал желание приехать к космонавтам в ЦПК. Надо будет хорошо обдумать, подготовить и организовать такую встречу. До мая 1965 года нам нужно обновить и расширить оборудование и тренажерную базу ЦПК, полностью задействовать учебные корабли и тренажеры в корпусе «Д», освежить и дооборудовать все стенды, классы, лаборатории. Строительство жилого городка идет хорошо. Один дом на 75 квартир уже готов, а в 1965 году будут полностью готовы 11-этажный дом для космонавтов, еще один 75-квартирный дом для личного состава ЦПК, а также школа, ясли, детсад, магазин и другие объекты. Можно было бы в 1965 году построить еще один высотный дом для космонавтов (генерал Комаровский согласен на это), но боюсь, что его некем будет заселять. Сейчас у нас 17 космонавтов и 13 слушателей-космонавтов. Думаю, что в будущем году мы наберем еще примерно 40 слушателей-космонавтов. Для такого количества жильцов хватит одного дома, строительство которого уже заканчивается. Закладку второго дома для космонавтов перенесем на 1966 год. От ЦПК до Чкаловского гарнизона 7 километров плохой извилистой дороги. Решили построить хорошее прямое шоссе длиной 5 километров по правую сторону от железной дороги Монино-Щелково. Это сократит время поездок и повысит их безопасность. Правда, генерал Пушко пытался внести в эту трассу три крутых излома, но я сегодня уговорил маршала Руденко утвердить наш (прямой) вариант прокладки дороги.

1965 год

Подвиги первых космонавтов и труды всех, кто готовил первые космические полеты людей, дали человеческому роду бессмертие: Земля может погибнуть, но человечество скоро получит возможность освоить другие планеты…

Королев, бесспорно, сделал для наших побед в космосе больше, чем кто-либо другой, и его имя должно быть не рядом, а впереди имен всех космонавтов. Я глубоко убежден, что так и будет.

4 января.

Три дня праздновали Новый год. Впервые после рождения Оли Новый год встречали не на даче, а в Москве. В кабинете установили большую елку, письменный стол превратили в праздничный, и всей семьей отпраздновали приход 1965 года. 1–3 января Муся, Оля, Ольга Карловна и я были на даче, а Лева и Люда — в Москве. Уступая настойчивым требованиям врачей, я сидел дома, на лыжах все равно ходить было нельзя (температура воздуха +2 градуса).

Сегодня был на консультации у профессора Преображенского. Он считает, что мне более трех лет удается диетой поддерживать удовлетворительное состояние здоровья. Он рекомендует только диету, считая, что пока нет надобности вмешиваться с медицинскими препаратами. А врачи ВВС настаивают на немедленной госпитализации с целью обстоятельного обследования. Решил пока на обследование не ложиться и руководствоваться указаниями профессора Преображенского.

Просмотрел фильм, посвященный полету экипажа «Восхода». По-моему, фильм сделан удачно, но Королеву он не понравился. Сергей Павлович не доволен якобы тем, что в нем много выступает Титов (Герман выступает не совсем удачно и снимался небритым), а фактически Королеву не нравится мое руководство работами над фильмом и то, что он вышел раньше полнометражного фильма на эту же тему, подготовкой которого руководит сам Сергей Павлович. Он звонил нам и, не застав меня, высказал свое неудовольствие полковнику Аристову. Королев, как всегда, излишне горячился и собирался звонить Месяцеву, Смирнову и Тюлину, чтобы высказать им

свое возмущение нашим фильмом. Сергей Павлович терпеть не может конкурентов.

5 января.

3 января умер академик Лебединский — директор Института медико-биологических проблем Минздрава. В этот же день наша космонавтика понесла еще одну большую утрату: в автомобильной катастрофе погиб Семен Ариевич Косберг — Главный конструктор авиационных и космических двигателей. На 3-й ступени ракеты, запускавшей корабли с космонавтами, стоял двигатель Косберга, который ни разу нас не подвел. С Косбергом я был близко знаком большого специалиста и прекрасного человека потеряла советская космонавтика.

Просмотрел 10-минутный фильм о Луне, снятый американским «Рейнджером-7». Мы располагаем одним-единственным экземпляром этого фильма; надо будет показать его Главкому, Королеву и Смирнову. В фильме есть очень ценные кадры, дающие представление о поверхности Луны и технике телесъемки.

Звонил В. И. Яздовский. Больше года он ведет себя «тише воды, ниже травы». Он пытается заняться «чистой» наукой, но о какой настоящей науке можно говорить, если не увязывать ее самым тесным образом с практикой космических полетов.

6 января.

Полковник Крышкевич вступил в должность замполита ЦПК ВВС. Полковника Трофимова пришлось освободить от этой должности. Я несколько раз предупреждал его о необходимости более энергичной деятельности, но у Трофимова «лень родилась» раньше него самого, и он был больше наблюдателем, чем участником всех дел Центра. Крышкевича я знаю больше шести лет и верю, что он неплохо покажет себя на этой работе.

Звонил Н. С. Строев из ЛИИ. Завтра у него будет совещание по методике полетов на Ту-104 с тренировкой выхода космонавтов в открытый космос. Космонавты Беляев и Леонов почти закончили тренировки, по их докладам они получили достаточную практику по выходу из корабля. Завтра просмотрим все материалы этой подготовки и решим, как и на чем совершенствовать дальше готовность космонавтов к операции «Выход».

Сегодня из отпуска возвратился Вершинин, и ушел в отпуск Руденко. Мне предстоит убедить Главкома в необходимости нового набора 40 слушателей-космонавтов, увеличения штатной численности ЦПК на 60–70 человек, заказа тренажеров и ряда других важных мероприятий по дальнейшему развитию пилотируемых космических полетов.

Вчера в «Красной звезде» опубликована большая статья Н. Т. Котыша «Стриженок». Статья посвящена Аркадию. Мне трудно судить о достоинствах статьи, могу сказать только, что все приведенные в ней факты правдивы. Аркадий уже в 15 неполных лет начал самостоятельно летать на самолете По-2 и был самым молодым летчиком во время войны.

9 января.

7 января весь день был в ЛИИ, разбирались в вопросах хода подготовки космонавтов. Просмотрели фильмы о полетах на Ту-104 с тренировками испытателей и космонавтов по выходу из макета корабля в «космическое пространство» в условиях невесомости. 8 января более пяти часов работали на 918-м заводе, разбирались в конструкции и надежности скафандра «Беркут» и шлюза «Волга», а также других агрегатов, предназначенных для обеспечения операции «Выход». На обоих совещаниях присутствовало по 50–60 представителей от всех организаций, участвующих в подготовке полета. От ОКБ-1 присутствовали: Цыбин, Шабаров, Анохин, Феоктистов и другие; от ВВС были: Гагарин, Николаев, Титов и специалисты. Беляев и Леонов считают, что тренировка в количестве семи полетов на Ту-104 вполне достаточна и дает хорошие навыки по «выходу». Они уверены, что в условиях космического полета выход будет осуществлен с меньшими затратами энергии и с большей надежностью.

Сегодня весь день провел в ЦПК. С Беляевым, Леоновым и специалистами Центра разобрались во всех вопросах хода подготовки к очередному полету. Я еще раз предупредил Беляева, Леонова и всех других космонавтов, чтобы они не давали никаких заключений и ответов промышленникам по вопросам новой аппаратуры и оборудования корабля «Выход» без самой тщательной консультации с соответствующими организациями ВВС.

На 14 января назначены экзамены для слушателей-космонавтов. Проверил и рассмотрел все вопросы организации экзаменов. Приказал Кузнецову и Гагарину больше уделять внимания организации и контролю подготовки космонавтов. Гагарина назначил ответственным за подготовку космонавтов в ЛИИ, Николаева на 918-м заводе, Титова — в ТБК-60, а Поповича и Быковского — в ОКБ-1 и других организациях. Резкое повышение роли инструкторов-космонавтов и их активности должно положительно сказаться на качестве подготовки космонавтов.

Главком подписал ходатайство министру обороны о наборе 40 слушателей-космонавтов. Королев против этого набора, Руденко тоже долго был против него. Но новый набор нам нужен для более эффективного «штурма» Луны и расширения контингента ученых, «понюхавших» космос. Будем набирать, в основном, летчиков, инженеров, штурманов, геофизиков, астрономов, врачей и других специалистов.

Особо стоит вопрос об участии в освоении космоса женщин. После блестящего полета Терешковой, осуществленного по моей инициативе, у нас пока нет никаких планов дальнейшего участия женщин в космических полетах. Наоборот, есть серьезные высказывания против женских полетов; Королев, в частности, давно и твердо высказался против них. Сегодня Гагарин уговаривал меня разогнать, как он выразился, «капеллу космонавток». Кроме Терешковой у нас есть еще четыре женщины-космонавта. Пономарева и Соловьева — неплохие кандидаты на полет. Я дал согласие присвоить им звания старших инженер-лейтенантов, а пока они лейтенанты, имеющие дипломы гражданских инженеров. Лейтенант Жанна Еркина полностью закончила программу подготовки космонавта, имеет высшее образование (гуманитарное), но из-за недостатков в технической подготовке, физическом развитии и характере не может быть надежным кандидатом на полет. Рядовая Кузнецова — до сих пор слушатель-космонавт, и есть большие сомнения, нужно ли ее переводить в космонавты. В такой обстановке у многих законно возникает вопрос: «А не разогнать ли нам баб?» Обдумав проблему, я решил продолжать подготовку женщин, и в 1965–1966 годах или позже добиться нового участия женщин в космическом полете. Вполне реален длительный полет двух женщин на «Восходе»

или выход одной из них из корабля в космос. Женщины будут продолжать летать в космос, в этом нет никаких сомнений, а значит, необходимо продолжать их подготовку к полетам. Можно по тем или иным причинам отстранить от полета любую из наших космонавток, но тогда ее придется заменить более достойной кандидаткой, так как вообще отстранить женщин от космических полетов уже нельзя. Одна из них уже была в космосе, и они будут бороться за свое дальнейшее участие в его освоении.

12 января.

Вчера с Мусей были в Чкаловской на пятилетии ЦПК ВВС. Среди гостей были: Глушко, Цыбин, генералы Комаровский, Волков, Волынкин и многие другие. Валентин Петрович Глушко преподнес Центру очень ценный подарок — комплект ракетных двигателей. Для оснащения ЦПК — это лучшее из того, чего только можно было желать к юбилейной дате.

До и после торжественного вечера в клубе заходили к Николаевым. Повидали Аленушку, она — вылитый портрет отца — уже сидит. Андриян и Валя уверяли Мусю, что сейчас у них все хорошо. Валя выглядит немного посвежей, но все же еще не так хорошо, как перед свадьбой. Вчера мне звонил наш посол во Франции Виноградов и настойчиво просил ускорить решение ЦК о поездке Терешковой и Николаева с дочерью во Францию в мае 1965 года. Обычно мы обращались в ЦК КПСС за 1,5–2 месяца до выезда, но ради лучшей организации данной поездки есть смысл получить согласие на нее ЦК и пораньше. Кроме того, надо решить вопрос о поездке Терешковой в Алжир и Монголию; от этих стран есть правительственные приглашения, и целесообразно их принять.

13 января.

Вчера позвонил С. П. Королев и пригласил меня на техническое совещание на сегодня к 15:00. Сергей Павлович выразил сожаление, что мы давно не встречались. Он разыскивал меня весь день 31 декабря, но так и не смог найти, а ему хотелось «испортить мне предновогоднее настроение». Со слов Аристова я знал о его разговоре с Королевым по поводу нашего нового фильма и через Аристова же передал Сергею Павловичу, что считаю фильм хорошим и кроме небритого Титова в нем нечего убирать. Сейчас Королев пытался превратить этот инцидент в шутку и замять его, но теперь я уже твердо

знаю, что 31 декабря он поступил опрометчиво, наговорив о фильме массу нелепостей в присутствии режиссера и его помощников.

Вчера провел большое совещание, на котором присутствовали: Вершинин, Пономарев, Мишук, Волынкин, Иоффе, Холодков, Бабийчук, Кузнецов, Горегляд, космонавты, врачи, инженеры и военпреды (всего более 60 человек). Просмотрели фильм о ходе тренировок космонавтов на Ту-104 по программе «Выход» и американский фильм о Луне (снимки поверхности Луны, сделанные «Рейнджером-7»). Потом заслушали доклады полковника Гагарина, полковника медицинской службы Карпова и инженер-полковника Смирнова. Докладчикам было задано очень много вопросов и высказано много замечаний и предложений. Общий вывод: в техническом, медицинском и организационном отношении полет с выходом космонавта в открытый космос достаточно хорошо подготовлен. До 15 февраля могут быть полностью закончены все испытания, проверки и доработки. К этому же сроку полностью закончит подготовку группа космонавтов.

Выход из космического корабля в космос — сложная, ответственная и опасная операция. Вот почему я так настойчиво добивался, чтобы этот полет был осуществлен не в ноябре 1964 года, как хотел Королев, а в феврале-марте 1965 года. Сейчас можно уверенно сказать, что в марте мы успешно проведем этот полет. Правда, надо еще добиться дублирования кислородного питания космонавта на время его выхода из корабля, так как мы не можем на все 100 процентов доверять кислородному прибору КП-55. После полета Гагарина выход человека из корабля в космическое пространство будет крупнейшей нашей победой. Операция «Выход» обеспечит нам в будущем стыковку и сборку кораблей на орбите, сделает возможной замену экипажей в космосе, позволит космонавтам выходить на поверхность Луны и планет.

Я уж не говорю о безграничных возможностях для наблюдений и обзора, которые откроются перед человеком, свободно плавающим в космическом пространстве. Для первого выхода в космос подготовлен Алексей Леонов, а запасным «выходящим» будет Евгений Хрунов. Оба они — отличные, сильные космонавты, а Леонов, кроме того — художник. Он, безусловно, лучше других почувствует все своеобразие

и красоту этого эксперимента и сумеет конкретно передать свои наблюдения и переживания после возвращения на Землю.

14 января.

Вчера был на техническом совещании в ОКБ-1. Совещанием руководили Королев и Тюлин (присутствовало человек 200). Выступали: Цыбин, Шабаров, Пилюгин, Богомолов, Хлебников, Виноградов, Северин, Строев, Ткачев, Воронин, Быков, Исаев и другие. От ВВС выступали я, Холодков и Волынкин. Общий вывод по докладам: носители и два корабля ЗКД, в основном, готовы к пускам; все испытания могут быть закончены к 15 февраля, космонавты будут полностью готовы к 10 февраля. Пуск технологического корабля можно выполнить в конце января или начале февраля, а полет двух космонавтов с выходом одного из них в космическое пространство — в марте.

Договорился с Королевым и Севериным о пошиве скафандра для Заикина, дал согласие снять все металлические детали со скафандра Горбатко, с тем чтобы ускорить изготовление скафандра для Заикина. Гай Ильич Северин обещал сделать скафандр для Заикина к 5 февраля. Подарил Королеву фильм о Луне. После совещания все остались для просмотра этого фильма.

Во время совещания Королев со всеми представителями ВВС держался подчеркнуто уважительно, но один раз все же не выдержал и заговорил о трещинах во взаимоотношениях с ВВС. Ему не нравится наша настойчивость при рассмотрении замечаний и доработок по системам корабля. Правда, Сергей Павлович быстро «остыл» и в конце концов согласился еще раз рассмотреть все замечания ВВС по технике и испытаниям.

15 января.

Слушатели-космонавты вчера сдавали экзамены в ЦПК. В составе экзаменационной комиссии генералы Горегляд, Кузнецов, Чугунов, Бабийчук, космонавты Гагарин, Николаев, Комаров, академик Сисакян, конструкторы Воронин, Ткачев и другие. Экзамены сдавали 15 человек, в том числе Пицхелаури (Кузнецова). В первый день проверялось знание материальной части космических кораблей «Восток», «Восход», «Выход» и их оборудования. Все слушатели держались хорошо и отвечали четко и обстоятельно. 13 слушателей получили оценку «отлично» и двое (Добровольский и Пицхелаури) —

«хорошо». Лучше других отвечали Шаталов, Губарев и Демин. Хуже всех отвечал Добровольский. Говоря о теплозащитной обмазке «Востока», он сказал, что максимальная ее толщина достигает 440 миллиметров (правильно — 140 миллиметров); давая характеристику пеленгаторам «Круг», Добровольский дважды сказал, что эти пеленгаторы установлены на самолетах, допустил он и другие ошибки. В целом экзамены прошли хорошо. Все члены комиссии остались довольны знаниями слушателей.

Гагарин, Николаев и другие космонавты, а также генерал Кузнецов настойчиво просили меня о том, чтобы проводить медицинское обследование космонавтов не в госпитале, а в ЦПК. За обследования в госпитале ратует генерал Бабийчук, но я не уверен, что он прав. Не нравятся мне и «забастовочные» настроения космонавтов. Придется на днях собрать всех представителей медицины ВВС, разобраться в этом затянувшемся споре и решить, как и где проводить обследования космонавтов.

Кузнецов, Яковлев и другие товарищи из Центра выражают недовольство плохими взаимоотношениями ЦПК с Институтом авиационной и космической медицины. Особенно много нареканий в адрес полковника Карпова. По-видимому, Карпов занял ошибочную позицию, и его необходимо «поприжать».

Сегодня Беляев и Леонов выполняют упражнения на центрифуге. К Леонову у врачей не было и пока нет никаких замечаний, а к Беляеву — были. Ему уже почти 40 лет, и здоровье его несколько ослаблено. У меня нет полной уверенности, что он не «сдаст» на одном из этапов подготовки. Поэтому, кроме включения в подготовку Заикина (вместо Горбатко — Ред.), я приказал подготовить Хрунова не только как выходящего в космос члена экипажа, но и как командира корабля. Пара Хрунов-Леонов безусловно сильнее пары Беляев-Леонов, но, учитывая, что в предстоящем полете особенно важна роль выходящего пилота, мы наиболее сильных космонавтов Леонова и Хрунова в первую очередь готовили к выходу, а теперь, когда они к этой роли готовы, подготовим хотя бы одного из них и в качестве командира корабля.

16 января.

Звонил Гагарин и просил разрешить 2–3 полета Ту-104, необходимых для подготовки Хрунова к роли командира корабля

«Выход». Я дал такое разрешение. Одновременно Гагарин доложил, что послал Титова и специалистов проверить вместе с Цыбиным ход подготовки к эксперименту в ТБК-60. Королев и Северин отстают от графика работ в ТБК-60 и, если на них не нажать, то это отставание может задержать подготовку космонавтов.

Сегодня слушали доклад Вершинина и смотрели кинофильм «Весна» о боевых возможностях ВВС, снятый у Финогенова во время смотра авиационной техники. Доклад бледный, а фильм создает хорошее впечатление. Мне особенно понравилась атака на встречном курсе: за четыре таких атаки сбито 4 самолета «противника». Действие самолетов по малоразмерным и подвижным целям также показано неплохо.

Вчера вечером я в гражданской одежде поехал на дачу общественным транспортом. В автобусе какой-то пьянчуга горланил песни и ругался матом. Пришлось вмешаться — пьяный присмирел и ответил: «Ладно, отец, не обижайся, больше не буду…» А через несколько минут он на весь автобус выкрикнул: «Хрущев пропил всю Россию… Я бы его собственными руками расстрелял!» Все молчали. На этот раз промолчал и я.

18 января.

В субботу я, Горегляд и Аристов ездили в Госкомитет по кинематографии на просмотр фильма о полете первого космического экипажа (Комаров, Феоктистов, Егоров). Тюлин и я предложили сократить кадры о войне и итальянской опере, яснее рассказать о полете без скафандров и высказали ряд замечаний по дикторскому тексту. Нас всех буквально убил своим выступлением председатель Госкомитета Романов. Он заявил: «Длинная, серая, скучная картина. В ней нет ничего нового. У нас ее никто не купит. Стоит ли ее вообще выпускать?» Пришлось мне выступить в защиту фильма. Я сказал, что в картине много исторически ценных материалов и что выпускать за три года пятую картину на тему о космических полетах — дело очень сложное. Трудности создания хороших фильмов излишне усугубляются засекречиванием самых интересных кадров о корабле, его пуске и приземлении, а также запретом показа людей (Тюлин, Руденко, Королев и другие). Кроме того, киносъемки нужно начинать не после полета, а до него. Ставить эти вопросы перед ЦК и добиваться их решения должен в первую очередь сам Романов.

Сегодня ко мне заходил генерал Холодков, он в беседе с Главкомом необдуманно высказал пожелание послать в полет командиром корабля «Выход» полковника Берегового. Береговой — неплохой кандидат, но выдвигать его в командиры «Выхода» сейчас, когда после шести месяцев обучения и тренировок экипажи заканчивают подготовку к полету, до которого остался один месяц, едва ли разумно. Кроме того, рост и вес Берегового идут вразрез с требованиями, которые предъявили нам конструкторы в начале подготовки. Для Берегового еще не начинали шить скафандр, а на это требуется 1,5–2 месяца. Короче говоря, я против этого предложения, даже если Главком поддержит его.

Американцы завтра собираются запустить беспилотный корабль «Джемини». Эта программа у них отстает на 16 месяцев из-за двух первых неудачных пусков. На 1965 год американцы намечают 3–4 полета с экипажем. В этом году они не догонят нас, а если мы полностью используем наши возможности и проведем 2–3 удачных полета, то мы оторвемся от США еще на 2–3 года вперед.

19 января.

Провел совещание медицинских работников ВВС. Присутствовали: Бабийчук, Волынкин, Бородин, Усанов, Карпов, Хлебников, Федоров, Кузнецов, Горегляд и другие. Обсудили вопрос о месте и периодичности обследований летчиков-космонавтов. Космонавты, Кузнецов и Хлебников настоятельно просят проводить эти обследования в ЦПК, а все остальные специалисты считают, что обследования нужно проводить в госпитале. Принял такое решение: один раз в год, в течение 7-10 дней, проводить обследование космонавтов в госпитале, а квартальные обследования осуществлять в ЦПК ВВС. Космонавты будут знать, что раз в год им придется встречаться с серьезной медицинской проверкой, и это должно положительно сказаться на соблюдении ими режима и предостеречь их от излишеств. Космонавты боятся обследований в госпитале, их настроения выразил Гагарин: «Пойду в госпиталь только под пистолетом». Врачи ЦПК многое прощают героям космоса и потакают их нездоровым настроениям. В целях ломки таких настроений и в интересах более глубокого и квалифицированного обследования космонавтов я приказал приступить к обследованию Гагарина, Титова, Николаева, Поповича, Быковского, Терешковой, Комарова,

Феоктистова и Егорова в Центральном военном научно-исследовательском авиационном госпитале.

На совещании я дал плохую оценку докладу Карпова о медицинских проблемах космического полета с выходом космонавта в открытый космос. Отметил 2–3 факта несерьезного отношения к изучению этих проблем и потребовал в недельный срок ликвидировать отставание медицины в ходе подготовки полета.

Доложил Вершинину о нецелесообразности подготовки полковника Берегового к полету на корабле «Выход». Главком полностью согласился со мной, но приказал готовить его к полету в 1965 году. Для полета на корабле «Выход» мы подбирали космонавтов поменьше ростом и с небольшим весом.

Космонавт Рост, Вес,
сантиметры килограммы
Беляев 170 72
Леонов 172 78,2
Горбатко 168,5 69
Хрунов 171 70,8
Заикин 167 69,3

Береговой имеет рост 180 сантиметров и весит 84,5 килограмма. Рост Берегового на 10 сантиметров больше среднего роста космонавтов, проходящих подготовку по программе «Выход», а вес больше среднего на 15 килограммов. Учитывая это, неразумно было ставить вопрос о замене Заикина Береговым, хотя Береговой как командир и испытатель на голову выше любого из группы. Берегового мы подготовим к длительному полету.

Кузнецов доложил, что в субботу, во время проведения тренировок в ОКБ-1 в корабле 3КД при приподнятых креслах, ни один из космонавтов не смог выйти из корабля даже при отсутствии наддува скафандров, что очень опасно в случае приводнения корабля. Кроме того, корабль 3КД № 4 в ОКБ-1 при работах с ним уронили и помяли шлюз. Это происшествие несколько задержит полет, но в марте он будет осуществлен.

20 января.

США запустили вчера «Джемини» с двумя манекенами. Для запуска была использована ракета «Титан-2». Странно, что они пустили корабль по баллистической траектории: через 20 минут после

старта капсула «Джемини» приводнилась на парашюте примерно в 3400 километрах от мыса Кеннеди. Скорее всего, это третья неудача с «Джемини», а не намеренный баллистический пуск[2]. Мало смысла испытывать орбитальный корабль с манекенами не в реальных условиях предстоящего полета: баллистический пуск настолько отличается от полета по орбите, что после его осуществления нельзя быть уверенным в возможности осуществления орбитального полета.

Вчера я предупредил Главкома, что в Совете Министров СССР у Л. В. Смирнова готовится решение о передаче проектируемой для ЦПК центрифуги ЦФ-16 в космический институт Минздрава. Сегодня Главком был в Совете Министров и после возвращения оттуда позвонил и предупредил меня, что в пятницу в Центр приедут представители Смирнова с целью еще раз проверить, насколько необходима для нас ЦФ-16. Мы примем все меры, чтобы убедить Смирнова в правильности нашей позиции. Но у меня нет большой уверенности, что ЦФ-16 войдет в строй раньше 1970 года, а центрифуга нам нужна уже сегодня. Я решил форсировать разработку и строительство центрифуги ЦФ-7, которую проектирует для ЦПК опытно-экспериментальный завод ВВС. Сегодня НТК ВВС рассмотрел и одобрил проект ЦФ-7. Будем добиваться, чтобы она вошла в строй в 1966 году.

22 января.

Вчера закончились госэкзамены в ЦПК. Отряд космонавтов увеличился на 15 человек. Лучше других экзамены сдали полковник Береговой, подполковник Шаталов, майор Губарев и инженер-подполковник Демин. Я долго колебался с принятием решения о «космической карьере» Кузнецовой. Она отстала от своих подруг на два года, к ее здоровью есть претензии медиков, среди слушателей, имеющих высшее образование, она слабее своих товарищей по общему развитию и по специальной подготовке. Сегодня я, наконец, принял решение, и Главком согласился с ним — присвоить Кузнецовой звание космонавта. Можно было и не делать этого, но отрицательное решение подчеркнуло бы бесперспективность участия женщин в освоении космоса и посеяло бы неуверенность и уныние у других космонавтов-женщин. Я понимаю, что принятое решение обязывает меня готовить для женщин очередной космический полет, но это сейчас очень непростое дело. Келдыш, Королев и Тюлин пока

настроены против такого полета. Придется начать кропотливую подготовку почвы для его осуществления.

Сегодня прочитал отчет ВВС о проведенных в СССР полетах космонавтов на «Востоках» и «Восходе». Этот отчет по моему приказанию два месяца готовили ЦПК и институты ВВС. Работа выполнена хорошо и в достаточном объеме. После просмотра Главкомом отчет пошлем министру обороны.

23 января.

Вершинин подписал приказ о назначении 15 слушателей-космонавтов на должность «космонавт». Теперь в ВВС 32 космонавта, из них 7 уже побывали в космосе. Кроме того, один космонавт работает в ОКБ-1 (К. П. Феоктистов) и один — в Минздраве (Б. Б. Егоров). Таким образом, всего в СССР 34 космонавта, из них 9 (больше 25 процентов) уже летали в космос. В этом году мы наберем еще 40 слушателей-космонавтов. Этого контингента нам хватит для освоения полетов на Луну и эксплуатации одной орбитальной станции.

25 января.

Был в Центре. Принял решение о создании второго отряда космонавтов, командиром отряда назначил полковника Берегового, а его заместителем подполковника Шаталова. У Берегового в отряде будет 14 вчерашних слушателей. Для этого отряда главная задача — готовиться к космическим полетам. Для отряда Николаева основные задачи — учиться в академии, готовиться к космическим полетам самим и помогать в подготовке к полетам другим космонавтам. Дал указание в недельный срок подготовить конференцию на тему «Специализация космонавтов и организация взаимодействия ЦПК с промышленностью, КБ и институтами». Никерясову дал задание приступить к работе по набору нового отряда слушателей. Этот набор будем проводить более требовательно и без спешки. Принимать будем только абсолютно здоровых людей, имеющих высшее образование, не старше 30–32 лет и с ограничениями: по росту — до 175 сантиметров, по весу — до 75 килограммов.

Вчера был на даче. Ходили с Олей на лыжах в «Коровий лес», катались с горы. Оля уже несколько дней занимается с преподавателем английского языка, ей хорошо помогает бабушка. Я доволен этими занятиями бабушки и внучки.

26 января.

Вместе с В. М. Комаровым в моем служебном кабинете принимали главного редактора газеты «Вечерняя Прага» Зденека Кожелуга. Его сопровождали главный редактор «Вечерней Москвы» Сырокамский Виталий Александрович и специальный корреспондент Русовский Анатолий Леонидович. Вопросы гостя касались быта и учебы космонавтов, подготовки экипажа к полету на «Восходе» и самого полета. Зденек Кожелуг настойчиво приглашал экипаж «Восхода» и меня посетить Прагу. Беседа прошла очень непринужденно. Комаров держался хорошо.

Говорил с Келдышем об очередном наборе космонавтов. Просил его определить специальности и профессиональные требования к ученым — кандидатам в космонавты. Келдыш выделил академика Сисакяна в состав мандатной комиссии по отбору космонавтов. От Госкомитета по вооружению в состав этой комиссии Тюлин выделил Румянцева. В комиссии будут также представители всех видов Вооруженных Сил, КГБ и Главного политического управления. Я думаю, что комиссия начнет работу в марте и закончит ее в августе текущего года. Если будут затруднения с отбором кандидатов, то мы пойдем на то, чтобы в этом году набрать только 20 слушателей, а еще 20 наберем в 1966 году.

29 января.

Утром был мороз до -26 градусов. Это хорошо, будем надеяться, что мороз задержит эпидемию гриппа. Очень много заболеваний в Москве, а особенно тяжелая обстановка — в Ленинграде и Баку. Там много смертельных случаев, въезд и выезд в эти города запрещен.

Косыгин во главе правительственной делегации 4 февраля едет во Вьетнам. Все наши летчики-космонавты — Герои труда Вьетнама. Вершинин, который входит в состав делегации, приказал подготовить подарки от имени космонавтов лидерам Вьетнама. Пришлось срочно мобилизовать возможности ТАСС, АПН и службы ремонта ВВС. Готовим альбомы, модели ракет, фото и многое другое.

Вчера в ТБК-60 провели первое испытание шлюза. Пустой (без людей) шлюз «подняли» на высоту 35 километров, опробовали наполнение его воздухом, открытие люков, их закрытие и вновь наполнение воздухом. Вся автоматика управления шлюзовой камерой работает хорошо, герметичность шлюза и люков вполне удовлетворительна. Сегодня в 11 часов начнутся испытания шлюза с

людьми. Генерал Кузнецов доложил по телефону, что на испытаниях будут Цыбин, Ивановский, Финогенов, Пушко и специалисты из ЦПК.

30 января.

Вчера был на испытаниях в ТБК-60, на которых присутствовало около 60 представителей науки и промышленности: Тюлин, Бурназян, Ивановский, Цыбин, Финогенов, Северин и другие. Два испытателя в скафандрах на «высоте 15 километров» должны были пройти через шлюз корабля «Выход». Эксперимент закончился неудачно: испытатель вошел в шлюз, но закрыть люк корабля не смог из-за конструктивных недостатков люка. Кроме того, обнаружилась ненадежность работы «Веги» (аппаратура регистрации состояния космонавта). Первый недостаток будет быстро устранен, а с «Вегой» придется повозиться. Эта аппаратура создавалась для регистрации физиологических функций космонавта в полете в спокойном состоянии (в кресле), а при выходе из космического корабля она в любой момент может отказать.

Во второй половине дня вместе с Ивановским были в ЦПК. Ивановский пытался убедить нас, что центрифуга ЦФ-16 не нужна для подготовки космонавтов, а крайне необходима для исследовательских работ института Минздрава. Космонавты Комаров и Терешкова при поддержке руководства ЦПК доказывали обратное. Ивановский давно понял, что ЦФ-16 очень нужна нам, но он обещал Королеву, Келдышу и Бурназяну поддержать их точку зрения и добиться передачи ЦФ-16 в Минздрав. В такой обстановке ему невозможно официально высказаться в поддержку нашей позиции. Из-за ведомственных споров мы уже потеряли больше года, а дальнейшие проволочки могут и совсем «зарезать» создание центрифуги.

2 февраля.

В ЦПК провел вчера большое совещание со всеми космонавтами и руководящим составом Центра. После моего вступительного слова короткие доклады сделали Береговой и Николаев, затем выступили 17 космонавтов. Тема докладов и выступлений одна — как лучше и полезнее для дела организовать и спланировать работу космонавтов и ЦПК. В результате обмена мнениями я приказал генералу Кузнецову в недельный срок подготовить план работы по 7 тематическим направлениям:

1. Боевое применение космических средств (разведка, перехват, ударные действия).

2. Космическая навигация.

3. Средства жизнеобеспечения и спасения космонавта.

4. Радиотелеметрические устройства.

5. Научные орбитальные станции.

6. Облет Луны.

7. Экспедиция на Луну.

Потом я добавил еще одну тему: «Невесомость». Все космонавты и специалисты Центра будут распределены по группам в соответствии с избранным направлением работы. В каждой из таких групп будет старший группы и научный руководитель темы. Каждая группа будет систематически работать в соответствующих институтах и ОКБ с задачей — глубоко знать все аспекты исследуемой проблемы, формировать позиции ЦПК по конкретным вопросам и отстаивать их перед конструкторами и учеными.

Вечером я доложил Главкому о намечаемых нами мерах по улучшению планирования работы космонавтов. Вершинин согласился с нами, но предупредил: «Не нажимайте на Луну». Он сказал, что на последнем заседании коллегии МО маршал Малиновский заявил буквально следующее: «Мы не можем и не будем заниматься сверхмощными космическими носителями и полетами на Луну, пускай этими делами занимается Академия наук…» Я ответил Вершинину, что это высказывание Малиновского не ново и что оно характерно для его позиции в космических делах, но нам тем не менее необходимо резко активизировать участие организаций ВВС в освоении Луны. Вершинин при мне переговорил по телефону с маршалом Крыловым, они договорились вместе защищать перед Малиновским необходимость наращивать усилия военных в космосе. Вершинин и Крылов поручили мне подготовить от их имени письмо министру с обоснованием активизации космической деятельности МО.

3 февраля.

Весь вчерашний день провел на аэродроме Чкаловская. В ТБК-60 «поднимали» двух испытателей на высоту 37 километров. На испытании были Королев, Пономарев, Цыбин, Алексеев, Микоян, Пушко, Кузнецов, космонавты и другие специалисты (всего человек 60). После «подъема» на высоту 37 километров испытатели заполнили

шлюз воздухом, уравняли давление в корабле и шлюзе и открыли люк корабля. Второй пилот вышел в шлюз, люк корабля закрыли, стравили воздух из шлюза и открыли наружный люк. Во время проведения этих операций пульс у второго пилота был в пределах 90-108 ударов в минуту. Потом испытатели закрыли люк шлюза, наддули его воздухом, уравняли давление между кораблем и шлюзом и открыли люк корабля, после чего второй пилот вернулся на свое место. Эксперимент продолжался более двух часов. Королев остался доволен ходом испытаний и еще раз подтвердил их большую ценность.

Полеты на Ту-104 с выходом космонавтов из корабля в условиях невесомости и несколько испытаний и тренировок в ТБК-60 показали огромную сложность и опасность предстоящего космического полета. Это будет очень трудный полет, но он широко распахнет двери в космос. После первого успешного выхода в открытый космос сборка на орбите и выход на поверхность планет станут более реальным делом. Стыковка кораблей на орбите и сборка конструкций орбитальных станций не потребуют сложнейшей автоматизации — в значительной мере их можно будет доверить человеку. Успех этого полета неизмеримо повысит роль человека в проведении космических исследований; он докажет, что в космосе, как и на Земле, человек есть и будет самой совершенной «машиной» и руководителем машин.

Вчера в разговоре с Королевым я, Пономарев и космонавты пытались убедить Сергея Павловича не чинить нам препятствий в споре о принадлежности центрифуги ЦФ-16. Королев остался недоволен нашей настойчивостью и заявил: «ЦФ-16 для подготовки космонавтов не нужна, она очень нужна промышленности и институту Минздрава. Я за то, чтобы ВВС объединяли космос, но я прошу не мешать и нам, а сейчас вы нам мешаете. Вторая ЦФ-16 будет вашей». Для меня стало совершенно ясно, что Королев пытается создать в промышленности все необходимое для подготовки к космическим полетам не только техники, но и людей. Он стремится развязать себе руки и не зависеть от военных при испытательных полетах. Он уже не раз заявлял мне: «Зря я связал себя с ВВС, я буду в испытательные полеты посылать своих космонавтов-испытателей». Эта позиция Королева с точки зрения государственных интересов обороны страны совершенно неприемлема. В стране уже есть хорошо зарекомендовавший себя Центр подготовки космонавтов, его нужно

укреплять и расширять, а не пытаться создавать «курсы по подготовке космонавтов».

Комаров, Феоктистов и Егоров выступали вчера с докладами в Генштабе. Феоктистов заявил, что в полете все члены экипажа чувствовали себя одинаково хорошо и что на подготовку космонавтов к полету достаточно 3–4 месяца. Оба эти заявления ошибочны. Нам хорошо известно, что работоспособность Комарова была значительно выше, чем у Егорова и Феоктистова.

4 февраля.

Вчера был в ОКБ-1. С Королевым договорились о плане дальнейших работ в ТБК-60 и о тренировке космонавтов. Решили, что пуск технологического корабля можно провести в середине февраля, а полет космонавтов — в конце февраля или начале марта. Во всяком случае, космонавты будут полностью готовы к полету 20 февраля. «Подъем» космонавтов в ТБК-60 на высоту 37 километров запланировали на 6–8 февраля. Если представится возможность, то до отъезда на полигон проведем еще один «подъем» космонавтов.

Испытания в ТБК-60 показали, что, в основном, шлюз, скафандр и другое оборудование корабля «Выход» к полету готовы. Требуется доработка прибора «Вега» (регистрация пульса и частоты дыхания) и шлемофона космонавта. У «Веги» сползают датчики и прекращается выдача сигналов, а в шлемофоне напряжение доходит до 26 вольт, в то время как предел допустимого напряжения только 12 вольт. Во время одного из испытаний в ТБК-60 испытателя ударило током: цепь 23-вольтового напряжения была плохо заизолирована и находилась в условиях повышенной влажности.

Проводятся еще несколько доработок оборудования корабля, все они будут закончены до 10 февраля.

Сегодня утром маршал Вершинин в составе правительственной делегации, возглавляемой Косыгиным, улетел во Вьетнам. Американцы «завязли» в войне во Вьетнаме, они давят на Северный Вьетнам, а мы пытаемся припугнуть США. Кроме того, эта поездка бесспорно рассчитана и на выяснение наших отношений с Китаем. Пролетая через Китай, Косыгин встретится с Мао Цзе-дуном и попытается восстановить наши дружественные контакты.

5 февраля.

Детально рассмотрел единую инструкцию экипажу корабля «Выход» (он же «Восход-2», или 3КД). Название корабля для печати еще не определилось, в различных документах его называют по-разному, но мне кажется, что название «Выход» наиболее кратко и удачно выражает главную цель предстоящего полета. Ранее космонавтам давалось более 10 инструкций по их деятельности в полете: по управлению кораблем вручную, по использованию средств связи, по действиям в аварийной ситуации и т. д. Для предстоящего полета все инструкции объединены в один документ. Особенно подробно изложен раздел: «Действия экипажа по обеспечению выхода из корабля второго космонавта в космическое пространство».

Со вчерашнего дня оба экипажа корабля «Выход» проходят тренировки в барокамерах. На 8 февраля назначен «подъем» Беляева и Леонова на высоту 37 километров. После полетов на Ту-104 в условиях невесомости, тренировка в ТБК-60 и самая сложная, и наиболее необходимая. Большинство тренировок космонавтов, проводимых на земле и в воздухе, значительно тяжелее тех нагрузок, которые им придется испытать в космосе. Но мы обучаем космонавтов по суворовскому принципу: «Тяжело в ученье — легче в бою».

Сегодня у меня были писатель Рябчиков и работник Мосфильма Макаров. Я утвердил план киносъемок, согласно которому снимать будут в основном Беляева и Леонова. Мы задумали подготовить интересную кинокартину о полете корабля «Выход». Создать шестой по счету интересный фильм на космическую тему и избежать в нем повторений очень трудно. Многие трудности могли бы отпасть, если бы удалось подсократить число перестраховщиков, а их очень много. Есть указания Главкома, министра обороны и секретарей ЦК об ограничении допуска людей к космической тематике, и те же руководители требуют быстро создавать хорошие кинофильмы после каждого космического полета. Делать фильм после полета и трудно, и долго, а проводить съемки до полета — значит идти на риск нежелательных разглашений. Но другого выхода нет. Придется уже сейчас проводить съемки, все материалы сделать секретными, ограничить круг допускаемых к ним лиц, и только после полета определять, что из этих материалов можно показать широкой публике.

Звонил Тюлин, просил чтобы завтра на заседание Госкомиссии приехали только Руденко, я и один-два специалиста. Пришлось резко

сократить список участников (я намеревался вызвать 17 человек).

6 февраля.

Провели первое заседание Госкомиссии по ходу подготовки полета «Восхода-2». Комиссия заслушала доклады Королева, Цыбина, Северина и других разработчиков систем. Принято решение признать подготовку кораблей и носителей, в основном, законченной и наметить пуск с манекенами на 14–16 февраля, а пуск с экипажем — на 25–27 февраля.

Я доложил Госкомиссии о полной готовности к предстоящему полету двух экипажей и авиационных средств поиска, отметив при этом, что надежность поиска «Восхода-2» меньше, чем «Зенитов» и «Востоков», из-за недостаточной отработки радиосистем кораблей серии «Восход». На «Востоках» в стренгах парашюта были установлены антенны КВ- и УКВ-станций (П-57), что давало возможность пеленговать корабль еще при спуске как наземными КВ-пеленгаторами («Круги»), так и самолетными средствами. На «Восходе» радиостанция П-57 не установлена, и пеленгация объекта на УКВ возможна только через 8-10 минут после посадки корабля. При этом в большинстве испытаний отстреливаемая антенна попадала под нижнюю полусферу спускаемого аппарата и не работала. Королева не устроило мое заявление о ненадежности средств поиска корабля и он произнес маловразумительную речь, пытаясь затушевать недостатки «Восхода»: «Нам, наверное, надо расти и не считать, что если было на корабле пять станций, а стало три, то от этого вся система стала менее надежной… Одна станция может быть надежнее пяти…» Забыл Королев только об одном: на «Восходе» установлены те же самые станции, что и на «Востоке», но их меньше и работают они в худших условиях.

Келдыш в своем выступлении высказал пожелание уточнить температурные, электростатические, радиационные и другие условия, в которых окажется космонавт при выходе в полный вакуум. Пожелание правильное, но президенту Академии наук нужно было бы подумать об этом месяцев на шесть раньше. Имеющиеся в нашем распоряжении данные не дают повода думать, что аппаратура и человек могут не справиться с работой за бортом космического корабля.

Звонил А. Н. Туполев. Старик вторично ходатайствовал за Бендерова. Я сказал Андрею Николаевичу, что в ближайшие годы людей старше 30 лет в космонавты брать не будем, а Бендерову уже почти сорок.

8 февраля.

Провели тренировку Беляева и Леонова в ТБК-60. «Подъем» на 37 километров прошел хорошо, но опять не работал прибор «Вега». Все заверения Волынкина и Карпова о том, что «Вега» будет работать, оказались «липой». На эту тренировку я пригласил генерала Бабийчука, и он сам убедился в плохой работе его подчиненных. Институт авиационной и космической медицины плохо работал по подготовке пилотируемого полета на «Восходе-2», руководство института не только не проявляет инициативы, но даже не выполняет своих планов и торжественных обещаний. Я уговорил Главкома подписать приказ о наказании Волынкина и Карпова.

Получил от Королева план изготовления в 1965 году пяти кораблей «Восход» и проект плана их использования. Три корабля будут изготовлены до октября и могут быть использованы уже в этом году. На этот год запланированы: полет корабля с животными продолжительностью 30 суток, полет двухместного корабля (летчик и врач) продолжительностью 15 суток и полет двухместного корабля (летчик и ученый) для проведения эксперимента с искусственной тяжестью. Два других корабля будут готовы к октябрю для полетов по программе «Выход» в марте 1966 года. Я не успел еще подробно изучить эти предложения, но, в основном, они вполне приемлемы. Нужно будет уточнить задачи полетов, требуемое оборудование кораблей и состав экипажей. Сегодня я вызвал подполковника Лазарева и капитана Сорокина и приказал им с 10 февраля приступить к подготовке к космическому полету. Они были дублерами Егорова и имеют реальные шансы рассчитывать на участие в одном из очередных полетов в качестве врача. Королев будет возражать против этих кандидатур, но сейчас у нас больше оснований бороться за них.

Были у меня Рябчиков и Макаров. Я утвердил им план киносъемок по двум сценариям: по первому сценарию они снимают Беляева, Леонова, Заикина и Хрунова, а по второму — Звездный городок. Наш Звездный будет полностью готов к съемкам через 2–3

года, но и сейчас здесь многое представляет большой интерес — все зависит от изобретательности Рябчикова и искусства кинооператоров.

9 февраля.

На заседании Госкомиссии рассматривали в предварительном порядке состав экипажей для корабля «Восход-2». Присутствовали: Зверев, Тюлин, Королев, Руденко, Правецкий, Мрыкин, Керимов, я, Кузнецов, Беляев, Леонов, Заикин и Хрунов. Доклад о готовности космонавтов и о предлагаемом от имени ВВС составе экипажей сделал маршал Руденко. Маршал предложил назначить: командиром корабля — подполковника Павла Ивановича Беляева, вторым пилотом (выходящим в космос) — Алексея Архиповича Леонова, дублером командира Дмитрия Алексеевича Заикина, дублером второго пилота — Евгения Васильевича Хрунова. Последние трое имеют воинское звание «майор». Все четверо учатся на третьем курсе Академии имени Жуковского, все начали подготовку к космическим полетам одновременно с Гагариным. Члены Госкомиссии заслушали короткие доклады космонавтов о готовности к полету, задали им несколько вопросов и единогласно приняли предложение ВВС. После заседания Госкомиссии я провел с космонавтами разбор вчерашнего «полета» в ТБК, дал указания о заключительных тренировках и о проведении предполетного медицинского освидетельствования. Ребята держатся хорошо, особенно мне нравятся Леонов и Хрунов.

Сегодня в 17 часов кандидаты на полет будут утверждаться у заместителя председателя Совета Министров СССР Л. В. Смирнова. Ничего нового на этом очередном заседании не произойдет, оно носит чисто формальный характер. Завтра в 9:00 на самолете Ил-18 я вылетаю в Тюра-Там, со мной летят 19 военных и 30 гражданских товарищей. Экипаж «Восхода-2» пока не вылетает на полигон, летит только один космонавт — В. М. Комаров. Предстоящая на старте работа по подготовке и пуску технологического «Восхода-2» с манекенами должна дать окончательную оценку нашей готовности к полету с выходом космонавта за борт космического корабля. Работа по подготовке техники и космонавтов к предстоящему полету проделана огромная. Все трудились больше и продуктивнее, чем при подготовке предыдущих полетов. Сейчас у всех больше уверенности в успехе, чем перед стартом экипажа Комарова, но тем не менее для успешного осуществления полета нужно еще очень много работать. Малейшая

ошибка одного человека может сорвать полет или привести к тяжелому происшествию. Мы обязаны выработать такую технологию подготовки и проведения полета, которая должна исключить случайные ошибки. Поэтому очень важно, чтобы уже в технологическом пуске участвовали инженеры, врачи, космонавты, руководители подготовки космонавтов и руководители полета.

С 17 до 19 часов просидели на заседании у Л. В. Смирнова. Кроме четверки космонавтов присутствовали Зверев, Калмыков, Пашков, Тюлин, Королев, Крылов, Руденко, Керимов, Карпов, Карась, Кузнецов, Северин, Ткачев, Воронин, Быков, Богомолов и другие. Королев, Северин и Руденко доложили, что все готово для пуска космического корабля «Восход-2». Проведена очень большая исследовательская и испытательная работа по технике, созданы новые уникальные скафандры, шлюз, кислородный прибор КП-55 и другие системы. Проведены сложнейшие тренировки космонавтов в условиях невесомости, в барокамерах и на других стендах. Тюлин и Королев очень резко высказались в адрес А. Ф. Богомолова по поводу частых отказов его систем. Алексей Федорович неудачно оправдывался и получил внушительную отповедь от Смирнова. В заключение Смирнов предложил Госкомиссии еще раз разобрать «богомоловские огрехи» и, если нужно, отменить полет из-за неуверенности в надежности телеметрических систем и официально доложить об этом правительству.

10 февраля. Борт самолета Ил-18 — Ташкент.

Взлетели в 9:00 и взяли курс на полигон. Облачная погода, земля не просматривается, самолет часто заходит в облака, изредка проглядывает белесое Солнце. На подлете к Тюра-Таму получили сообщение, что там очень плохая погода, — пришлось лететь в Ташкент. Произвели посадку на ташкентском аэродроме ГВФ. Идет дождь, снег «прячется» только в тени и по оврагам. Погода в Тюра-Таме по прежнему плохая. Нам предлагают из Ташкента лететь на одном Ил-14 и двух Ли-2. Обсудив обстановку, мы решили вечером выехать на полигон поездом.

Заезжал в авиагородок, заглянул в штаб Воздушной армии, заходил на КП и в свой бывший кабинет. Грустно вспоминать далекое прошлое, но приятно встретить сослуживцев, с которыми работал перед войной и в 1957–1958 годы.

11 февраля.

Давно не ездил поездом. Тягуче медленно идет время… Хорошо, что едем ночью: можно выспаться…

На станции Тюра-Там нас встретили с машинами и автобусами. Здесь значительно холоднее, чем в Ташкенте, много снега, температура -10 градусов. Все промышленники уехали на 2-ю площадку, а я, Кузнецов, Комаров и другие офицеры ВВС разместились на 17-й площадке в доме космонавтов. После шумных октябрьских дней прошлого года дом всю зиму был закрыт и лишь сейчас он вновь ожил. Разговаривал с Москвой: доложил Руденко о нашем прибытии на место, а он сообщил, что вчерашний «подъем» в ТБК-60 Заикина и Хрунова на 37 километров прошел хорошо и «Вега», наконец, заработала, но на пульте командира все же не было индикации параметров дыхания второго пилота.

Восемь часов вечера. Все уехали на ужин и в кино, и я остался один. Идеально тихо, даже дежурный внизу не подает признаков жизни. Везде темно, где-то испортилась электропроводка; у меня на столе колеблется пламя обычной свечи — давно я не пользовался таким освещением. Через окно моей комнаты я вижу огни большого города. Это чисто военный город, он быстро растет — за последние пять лет в нем появились сотни новых домов, по масштабам строительства, количеству жителей и потребляемой энергии он не уступает областным городам, а по своей значимости гораздо выше их — это наш самый мощный ракетный и космический центр.

12 февраля. Борт самолета Ил-14 — Москва.

Я, Кузнецов, Комаров, Крышкевич и Хлебников на самолете Королева летим в Москву. Сегодня около десяти утра мы приехали на вторую площадку и зашли в МИК. Там была полнейшая тишина. Военные занимались политучебой, гражданские отсыпались по гостиницам. Около «Восхода-2» и технологического корабля не было ни души. Подполковник Беляев — начальник космической команды полигона доложил, что Е. В. Шабаров проводит очередное совещание. Через несколько минут появился и сам Евгений Васильевич. Он сообщил, что кроме уже известных нам неполадок и задержек, появилась новая — отказ второго комплекта «Трала». Придется вновь разбирать корабль, а на его сборку и полную проверку потребуется 7–8 дней. Пуск технологического корабля возможен теперь не раньше 22–

23 февраля, а полет «Восхода-2» отодвигается на март. Королев находится пока еще в Москве, а Богомолов (главный виновник задержки) — во Львове. В такой обстановке не было надобности почти целую неделю впустую торчать на полигоне, и я решил вернуться в Москву, оставив здесь группу врачей и инженеров.

Самолет, на котором мы летим, привез из Львова новые комплекты «Трала». Поужинали мы в Пензе, угощал нас В. М. Комаров: он обыграл нас в преферанс и по законам преферансистов должен был угощать всех игравших. Выиграл Комаров 5 рублей, а заплатил за ужин — 14. В 22 часа наш самолет сел на аэродроме Внуково, а через час я был уже дома.

13 февраля.

Сегодня ровно 31 год со дня гибели «Челюскина» и 20 лет со дня освобождения Будапешта — обе эти даты памятны для меня.

Несколько раз был у Руденко. Он подписал приказ о плохом отношении к работе по теме «Выход» руководства ИАКМ. При мне генерал Бабийчук доложил маршалу итоги обследования в госпитале летавших космонавтов. Никаких последствий космических полетов не обнаружено, но из-за нарушений режима дня, питания и физподготовки у некоторых космонавтов имеются небольшие отклонения от нормы. Гагарин и Попович прибавили в весе (4 и 5 килограммов), Быковский за год после полета 7 раз болел (грипп, простуды и т. п.).

15 февраля. Москва — борт самолета Ил-14 — Тюра-Там.

Вчера весь день провел на даче. Ходил с Олей на лыжах. Температура была около нуля, снег очень сильно прилипал к лыжам. На обратном пути Оля еле шла, несколько раз очищал ее лыжи от снега, но это почти не помогало…

В 12 часов по московскому времени я, Кузнецов, Комаров, Крышкевич и Хлебников на Ил-14 вылетели на полигон. Нас посадили в Актюбинске и заставили полностью дозаправиться горючим, так как в Тюра-Таме к нашему прилету ожидался туман. К счастью, прогноз не оправдался, и в 23:00 по местному времени мы уже были на десятой площадке полигона.

16 февраля. Тюра-Там.

Разместился в прежней «своей» квартире в нулевом квартале. На семнадцатой площадке шумновато, да и мое присутствие там

сковывает моих подчиненных.

С 10 часов С. П. Королев проводил техническое совещание по отказам телевизионной и радиокомандной аппаратуры. Присутствовали Тюлин, Керимов, Правецкий, представители львовского завода. А. Ф. Богомолов в своих неоднократных высказываниях так и не нашел удачных формулировок предложений для выхода из сложной ситуации. Положение у Богомолова трудное — слишком много отказов «Тралов», в ряде случаев причины их неясны, велика вероятность новых отказов. Королев делал вид, что хочет помочь Богомолову разобраться в недостатках его работы как Главного конструктора, но своими окриками и угрозами только накалял обстановку. Королев добивался, чтобы Богомолов признал, что его работа над «Тралами» неудовлетворительна, и для большей убедительности рассказал, как ГКОТ недавно записал ему неудовлетворительную оценку по работе над «Зондами». Но даже эта самообличительная речь Сергея Павловича не тронула Алексея Федоровича. Богомолов — хороший ученый, отличный конструктор, но плохой дипломат — поэтому ему больше всех и попадает.

После небольшого перерыва обсуждали еще несколько технических вопросов. Появилось опасение негерметичности люка шлюзовой камеры после ее раскрытия и наддува (этот дефект выявлен в ТБК-60). Решили создать комиссию (Северин, Шабаров, Холодков) и поручить ей найти лучший вариант решения этой проблемы. При испытаниях в ТБК-60 установлено также, что за 33 минуты давление в спускаемом аппарате (СА) можно уменьшить только до 0,256 атмосферы, а дальше оно не снижается (мал диаметр трубки клапана стравливания). При таком остаточном давлении нельзя открыть люк СА и, следовательно, командир корабля не сможет выйти в шлюз для оказания, при необходимости, помощи пострадавшему товарищу.

Последним обсуждался вопрос о возможности ИПов передавать на борт радиокоманды на открытие и закрытие люка шлюза. Такие команды могут давать только ИП-7 (Ключи) и ИП-6 (Елизово). Зоны этих ИПов накладываются одна на другую, и одновременно они работать практически не могут (будут мешать друг другу). Однако Королев настойчиво требовал, чтобы ИПы работали, дублируя один другого. Это требование разумно: использование двух ИПов должно повысить надежность прохождения радиокоманд на борт.

Обсуждение технических проблем эксперимента по теме «Выход» убедило меня в том, что вместо манекена на первом корабле «Восход-2» должен быть космонавт. Но на это никто не пойдет: политика требует новых эффектных полетов в космос. Каждый полет человека в космос, по мнению многих, должен быть крупным шагом вперед. Это мнение ошибочно — для подготовки больших достижений нужны «черновые» пилотируемые полеты в космос для решения частных задач, для проверки оборудования и тренировки космонавтов.

17 февраля.

Вчера поздно вечером успешно закончен полный комплекс предстартовых проверок космического корабля. Пока все идет по графику. Если не обнаружатся новые дефекты, то стыковка корабля с носителем возможна 20 февраля и в тот же день — вывозка изделия на старт, а пуск — 21–22 февраля.

А. С. Кириллов сегодня высказал предположение, что пуск «Восхода-2» с экипажем, возможно, придется перенести на вторую половину марта. Дело в том, что в узком временном коридоре (в районе 13 марта) нужно запустить объект Е-6 (лунник). На подготовку этого запуска потребуется 20 дней, а одновременно готовить к пуску «Восход-2» и лунник невозможно. Таким образом, есть вероятность, что подготовка Е-6 начнется 21–22 февраля, и пилотируемый полет «Восхода-2» будет перенесен на конец марта.

С генералом Холодковым и Главным конструктором Ткачевым договорились о необходимости работ по совершенствованию спускаемых космических устройств, с тем чтобы резко повысить надежность их поиска в воздухе и на земле. Для этой цели необходимо металлизировать парашютные системы и установить более надежные КВ и УКВ-передатчики в стренгах парашютов и на самих объектах. Хотя Королев в принципе и согласен выполнять эти работы, но, по-видимому, будет разумнее записать в решении Госкомиссии задание Королеву, Ткачеву и Быкову провести доработку размещения радиостанций на корабле и испытать их до пуска «Восхода-3».

Только что звонил подполковник Никерясов, приглашал на уху: наши товарищи вместе с местными рыбаками заводили сети под лед Сырдарьи, им удалось поймать двух жерехов по 3–4 килограмма каждый. Сегодня в Москве было минус 2 градуса, в Батуми — плюс 15, а у нас — 20-градусный мороз с ледяным ветром.

18 февраля.

Был сегодня у Северина, смотрел окончательную сборку шлюза. Впечатление от технологии сборки неважное: работают толпой, нет необходимого строгого контроля за каждой операцией с отметкой в ведомости о ее выполнении. Попросил генерала Холодкова, чтобы завтра при содействии военпредов проверили технологию всех работ по аппаратуре Северина.

Присутствовал на двух небольших совещаниях у Королева. На первом «добивали» Богомолова, а на втором Королев заявил, что разобрался во всех деталях работы люков шлюза и у него нет сомнений в их надежности. Он считает, что корабль с манекенами можно пускать раньше окончания работ в ТБК-60, с тем чтобы по результатам полета технологического «Восхода-2» и акту испытаний в ТБК-60 принять окончательное решение о полете корабля с экипажем.

Сегодня же Королев проводил с руководством гарнизона и строителями совещание по носителю Н-1. В перерыве он высказал большое недовольство ракетчиками и в сотый раз повторил: «Я твердо за то, чтобы космосом занимались летчики». Через несколько часов после этого очередного «объяснения в любви» к ВВС, я узнал из разговора по телефону с генералом Гореглядом, что Королев прислал генералу Волынкину официальное письмо, смысл которого можно передать одной фразой: «Я не хочу иметь с вашим институтом никаких дел по вопросам медико-биологического обеспечения космических полетов — в этом деле я буду опираться на институт Минздрава, а вы можете присутствовать иногда как военные наблюдатели». Горегляд сказал, что это письмо шокировало Волынкина и Бабийчука, и добавил, что маршал Руденко уже ведет расследование причин такого отношения ОКБ-1 к институту ВВС. Расследование можно не проводить: все это можно и нужно было предвидеть три года назад, когда недальновидные действия Руденко, Бабийчука и Мишука привели Королева к мысли о необходимости создания нового института в Минздраве. Такой институт теперь есть, и Королев его всячески поддерживает.

Встретил здесь генерал-полковника авиации Самохина, он работает начальником местного филиала ОКБ-1. Королев верен себе: он ценит авиаторов и опирается на них, но одновременно настойчиво ищет пути, ведущие к его полной автономии. Вот здесь он совершает

большую ошибку. Значительные достижения в космосе могут быть только результатом координированных усилий ряда министерств и ведомств при все более возрастающей роли ВВС.

19 февраля.

Провели заседание Госкомиссии, на котором вывоз изделия на старт наметили на 20 февраля, а пуск — на 21–22 февраля в 10:00 по московскому времени. По технической готовности ракеты, корабля и всех средств обслуживания замечаний не было. Пуск корабля «Восход-2» с экипажем ориентировочно намечен на 4–5 марта, программа полета будет зависеть от результатов полета корабля с манекенами.

Почти год мы готовили этот полет. Конструкторы, ученые, космонавты, инженеры и рабочие вместе создавали все необходимое для выхода человека в открытый космос. Создан новый скафандр, сконструирован шлюз, разработаны новые системы жизнеобеспечения, введены десятки усовершенствований в системы индикации и управления кораблем и различными его агрегатами. Многое предусмотрено, изучено, проверено опытом. Проведены тысячи экспериментов (только Северин провел их более 4000), сотни испытаний, исследований и тренировок. Но в земных условиях невозможно проверить корабль так, как он будет проверяться в самом космическом полете. Могут быть и неожиданности. Полный вакуум, высокие и низкие температуры, радиация, невесомость в вакууме (этого еще никто не испытал) и некоторые другие проблемы операции «Выход» еще тревожат нас. Точнее, по этим проблемам не все еще ясно, хотя и по ним принимаются необходимые меры. Перед пилотируемым полетом «Восхода-2» будут выведены на орбиту три спутника серии «Космос» с задачей передавать на Землю данные по уровню радиации, активности Солнца и другим факторам открытого космоса.

После Госкомиссии Королев, Тюлин и я рассмотрели специальные дополнения к программе полета, в которой предусмотрено, что выход в космос будет совершен на втором витке над территорией СССР. Рассмотрев все возможные ситуации, мы приняли решение: «Предоставить экипажу право производить выход на любом из витков от второго до шестого, если выход почему-либо не удастся произвести на втором витке. Крайне желательно проводить выход над территорией

СССР (контроль, наблюдение), но в случае необходимости разрешить экипажу и небольшую (2–3 минуты) затяжку операции».

Потом Сергей Павлович высказал свои соображения о составе экипажа для «Восхода-3». Этот полет планируется на 15 суток для решения ряда чисто инженерных проблем создания искусственной гравитации. У нас совпали мнения о Волынове как кандидате на роль командира корабля. Вторым членом экипажа Сергей Павлович назвал Катыса. Я пока не могу согласиться с этим предложением Королева, но если Катыс сумеет внести что-то ценное в решение проблемы искусственной тяжести, то его кандидатура будет одной из сильнейших.

20 февраля.

Сегодня вывоз ракеты на старт не состоялся: стыковка корабля с ракетой заняла больше времени, чем было отведено жестким графиком. Кроме того, во многом наши планы спутал и приезд В. Семичастного: председателя Комитета госбезопасности встречало все начальство полигона — Тюлин, Королев и другие главные конструкторы. Я не уважал и не уважаю этого хрущевского подхалима. Узнав о скором появлении Семичастного на второй площадке, я собрал всех присутствующих на полигоне представителей ВВС и уехал с ними на 17-ю площадку. На этот раз встреча не состоялась, но только что позвонил генерал Кузнецов и доложил, что Семичастный разместился в домике Челомея и имеет намерение прийти к космонавтам смотреть кино. Запретить Семичастному это посещение я не могу, но и встречаться с ним не хочу. 10 лет назад, когда я был первым заместителем председателя ЦК ДОСААФ, Семичастный был у нас членом президиума ЦК. Будучи секретарем ЦК ВЛКСМ, он не только не поддержал мое разоблачительное выступление на пленуме ЦК ДОСААФ, но и первым доложил о нем в ЦК КПСС по телефону, извратив его содержание. После разбора в ЦК КПСС материалов моего выступления все руководство ЦК ДОСААФ было заменено. С тех пор я не встречался с Семичастным.

21 февраля.

В 8 часов по местному времени ракету вывезли на старт. Завтра в 10:30 по московскому времени состоится пуск. Погода на полигоне холодная (-22 градуса), но для пуска хорошая. Значительно хуже с погодой в районе посадки (Кустанай); низкая облачность, снегопады,

метель могут затруднить поиск корабля, но задерживать из-за этого пуск не будем.

22 февраля.

В восемь часов на «козырьке» провели заседание Госкомиссии. Приняли решение приступить к заправке ракеты и в 12:30 по местному времени осуществить пуск. На Госкомиссии от ВВС были Холодков, Кузнецов, Крышкевич, Комаров и Хлебников. Для наблюдения за ходом подготовки и полетом ракеты все представители ВВС по часовой готовности уехали на наблюдательный пункт, а я остался в бункере.

Старт, как обычно, прошел четко, без замечаний. (Корабль 3КД № 1, запущенный 22 февраля 1965 года, получил официальное название «Космос-57» Ред.) Королева, Тюлина и других больше всего волновали операции со шлюзом. Все они проходили четко по расписанию: подпитка шлюза, открытие и закрытие люка, наполнение шлюза воздухом, герметичность — все было в норме. На первом витке Симферополь и Москва наблюдали корабль по телевидению, мы тоже собрались у телевизора, но орбита была далека от нас, и не было уверенности, что мы увидим корабль. Но совершенно неожиданно появилось четкое изображение, было видно примерно 2/3 передней части шлюза и, судя по всему, он был нормально заполнен и вел себя устойчиво. Наблюдая хорошее состояние шлюза, мы проявляли много восторгов, но Сергей Павлович поступил правильно, передав генералу Карасю категорическое требование принять все меры, чтобы изображение шлюза до особого решения Госкомиссии не рассекретили. Решением Госкомиссии Керимов, я и Правецкий назначены старшими оперативных групп по руководству полетом. Моя смена должна заступить на дежурство в 16:00 по московскому времени, поэтому, просмотрев первый виток полета, я ушел обедать и отдыхать. Королев и Тюлин также поехали отдыхать, старшим на КП остался генерал Керимов.

…Через два часа я вернулся на КП, в кабинете Кириллова были уже Королев, Тюлин, Керимов и Правецкий. Все были заметно возбуждены, а на мое приветствие: «Добрый вечер!», — Королев ответил: «Нет, Николай Петрович, вечер кажется не добрый. Похоже на то, что корабль взорвался…» Я был ошеломлен этим сообщением. Зазвонил телефон, Москва (Л. В. Смирнов) хотела немедленно знать,

что у нас произошло. Из докладов Королева и Тюлина Смирнову ясно было только, что в начале третьего витка над территорией СССР в зоне видимости ИП-4, ИП-6 и ИП-7 внезапно прекратилась всякая связь с космическим кораблем: не поступало никаких сигналов, не работали «Тралы», не было телеметрии. На третьем, четвертом и последующих витках корабль на орбите не наблюдался.

Решением Госкомиссии для выяснения причин гибели корабля была создана комиссия под руководством Керимова, от ВВС я рекомендовал в состав комиссии полковника Комарова. Кроме комиссии Керимова приступили к работе несколько групп специалистов. В результате анализа докладов из Москвы, с ИПов и разбора хода полета уже через 2–3 часа нам стало ясно, что на корабле включился цикл спуска, сработала ТДУ, но корабль не сошел с орбиты, а только несколько изменил ее, и через 29 минут после окончания работы ТДУ он был подорван включением системы АПО. Необходимо было выяснить, откуда поступила команда на спуск, — сформировалась ли она из-за неисправностей на борту или борт принял эту команду с «Земли»? Если претензии к кораблю отпадут и виновником происшествия окажется «Земля», то полет «Восхода-2» с экипажем можно готовить, в противном случае полет придется отменить.

23 февраля.

После дежурства на КП я часа четыре отдыхал на второй площадке в домике космонавтов, проснулся в восемь, а в девять уже опять был на КП.

Королев вчера простудился, и теперь лежит в своем домике с высокой температурой, но непрерывно теребит нас и Москву по телефону. Причины происшествия пока неясны, ждем пленки и другие документы с Камчатки, из Москвы и Колпашева. Установлено только, что в момент работы ИП-6 в накладку с ним сработал ИП-7. Это могло привести к искажению команд и стать главной причиной происшествия (по штатному расписанию работа ИПов в накладку категорически воспрещается).

Вечером к нам в гостиницу космонавтов пришли гости: Шабаров, Кириллов, Юдин и другие товарищи из ОКБ-1. Выпили с ними по две рюмки коньяка, попотчевали гостей свежей рыбой и бифштексом из сайгака.

24 февраля.

Работа аварийной комиссии Керимова затянулась. Пленки с Камчатки еще не прибыли, более того, до 15 часов мы не знали, где находятся посланцы с пленками. Только в 16 часов оба «делегата» с ИП-6 (Елизово) и с ИП-7 (Ключи) пересели в Омске с рейсовых самолетов Ту-104 на наш Ил-12. Казалось, что через 2–3 часа долгожданные пленки будут получены, но опять неудача: резко ухудшилась погода у нас, в Джусалы и Ташкенте — пришлось посадить Ил-12 в Кустанае. Сейчас 23 часа по местному времени, только что заходили Тюлин и Керимов, их беспокоит задержка с прибытием пленок. В Тюра-Таме порывы ветра до 16–18 метров, принимать самолеты ночью при снегопаде и сильном боковике опасно. Дал команду задержать вылет самолета из Кустаная и выпустить его только при улучшении погоды.

Несколько раз говорил с Москвой, вылет к нам космонавтов задержал. Говорил с маршалом Вершининым, он знает, что у нас несчастье с кораблем, но не представляет, что же произошло и почему. Объяснил ему, насколько это можно было по телефону, причину взрыва корабля на орбите и рассказал о наших поисках источника команды на спуск. Из бесед с Тюлиным, Керимовым и многими специалистами у меня складывается твердое убеждение, что корабль и его оборудование не виноваты в происшествии, и если бы на борту корабля был пилот, то и происшествия не было бы, и мы получили бы более ценные данные по полету. Год назад, при первом обсуждении идеи «Выхода» я предлагал первый корабль пускать не с манекенами, а с космонавтом, но Королев не согласился с моим предложением; его смущали не технические, а чисто политические соображения — такой испытательный суточный полет не мог быть очередным триумфом в космосе. Сейчас все видят, что необходимы «черновые» испытательные полеты людей в космос. С человеком на борту мы быстрее добьемся новых побед, но для этого надо одно: летать не ради шумихи и всенародных парадных встреч, а для дела освоения космоса.

Сегодня Тюлин принял решение о пуске 12 марта лунника Е-6 — это значит, что полет «Восхода-2» отодвигается, как минимум, на вторую половину марта. Проводить расследование аварии космического корабля, готовить к полету лунник и «Восход-2» одновременно нельзя — это понимают все, кроме Королева. Сергей

Павлович еще делает вид, что «Восход-2» с экипажем можно запустить в начале марта. Но теперь, после случившегося происшествия это исключается: хотя первый виток полета и был удачным и многое нам дал, но мы не проверили в полете отстрел шлюза и спуск корабля с кольцом от основания шлюза. Правда, имеющиеся расчетные данные и проведенные опыты по отстрелу шлюза на земле, а также феодосийский спуск с 10000 метров объекта с кольцом от основания шлюза не дают оснований для беспокойства за исход полета. К тому же сейчас у нас нет «лишнего» космического корабля для проведения этих двух экспериментов, а если для этой цели использовать корабль, предназначенный для полета экипажа, то полет с выходом человека в космос нужно будет переносить на последний квартал этого года. Взвесив все «за» и «против», я считаю возможным осуществить полет «Восхода-2» с выходом Леонова в открытый космос во второй половине марта. В таком полете есть доля риска, но она мне представляется меньшей, чем при полете «Восхода» в октябре 1964 года.

25 февраля.

Буря за ночь утихла, и в 11 часов по местному времени самолет Ан-12 (полковник Сибиряков доложил ранее, что летит Ил-12) доставил, наконец, к нам пленки с Камчатки. Утром с Комаровым ездили на вторую площадку, но там пока затишье: Королев болеет, а его заместители и помощники заняты расследованием аварии.

В 16 часов на расширенном заседании аварийной комиссии выступили с докладами Главный конструктор Мнацаканян и полковник Большой. Первый докладчик убедительно доказал, что причиной аварии является работа в накладку шестого и седьмого ИПов. На пленках ИП-7 зафиксировано время образования на корабле команды на спуск и квитанция, подтверждающая, что корабль ее принял. В Москве по приказанию Смирнова провели лабораторные исследования возможности образования на корабле команды на спуск в условиях одновременной работы двух ИПов. Опытные данные и теоретические расчеты подтвердили, что в определенных условиях (аналогичных условиям аварии) при одновременной работе двух ИПов две команды № 42 (перепуск воздуха в шлюз) могут быть восприняты как одна команда № 5 (спуск). Полковник Большой доложил, что генерал Карась дал ИПам обычные инструкции, где записано, что

команды передает ИП-6, а ИП-7 является резервным и может передавать команды только по дополнительному распоряжению из Москвы. После доклада полковника Большого стало ясно, что генерал Карась не принял специальных мер, которые могли бы полностью исключить возможность работы ИПов в накладку, а начальник ИП-7 нарушил приказ и передал команду на борт корабля в то время, когда его ИП обязан был «молчать».

Итак, космический корабль полностью реабилитирован. Главными виновниками происшествия с технологическим «Восходом» являются ИП-7 и служба генерала Карася. Но это не единственные виновники аварии; после окончания совещания я так и сказал лично Главному конструктору Мнацаканяну. Дело в том, что из 45 команд, которые мы можем передавать на корабль, четыре команды, управляющие его спуском, являются самыми незащищенными. При таком положении наши корабли смогут легко сажать не только спецслужбы США, но и просто радиолюбители. За последние пять лет конструкторское бюро Мнацаканяна ничего не сделало для повышения надежности и защищенности передаваемых в космос команд.

26 февраля.

Сегодня Шабаров провел техническое руководство. На совещании присутствовал Тюлин, Королева не было — он еще болен. Все разработчики систем и главные конструкторы Северин, Ткачев, Николаев, Быков, Кожевников, Мнацаканян и другие высказались за осуществление пилотируемого полета «Восхода-2». Северин выразил уверенность в надежности работы шлюза и скафандра, но сказал, что его несколько беспокоят непроверенные в полете технологического «Восхода-2» отстрел шлюза и спуск корабля с кольцом от шлюза. Шабаров по поводу отстрела шлюза заявил: «Проведено более 20 отстрелов шлюза на Земле, есть заключение ОКБ-1 о допуске системы отстрела в полет, но в связи с тем, что ее испытания были проведены не по штатной схеме (это нам подтвердил сегодня и полковник Смирнов при разговоре с ним по «ВЧ»), ОКБ-1 уже проводит новую серию отстрелов по штатной схеме».

Надежность системы отстрела шлюза не удалось проверить в условиях космического полета, но подобные системы отстрела уже десятки раз проверялись в космосе и в наземных испытаниях. Учитывая, что система дублирована и имеется возможность отстрела

шлюза космонавтом, ее можно допустить в полет. Хуже обстоит дело с кольцом основания шлюза. Кольцо выступает над поверхностью корабля на 27 миллиметров и при спуске может вызвать закрутку спускаемого аппарата, что может затруднить раскрытие парашютов, а при скорости вращения корабля около двух оборотов в секунду привести к гибели экипажа. Учитывая серьезность наших опасений, мы (представители ВВС) внесли предложение проверить надежность спуска с кольцом в полете беспилотного «Зенита». Большинство высказалось против нашего предложения, нас поддержали только Северин и Богомолов.

После совещания я окончательно убедился, что пилотируемый полет «Восхода-2» раньше второй половины марта осуществить не удастся и, переговорив с маршалом Руденко, решил отправить Кузнецова с группой офицеров в Москву на самолете Ан-12. Через несколько минут после вылета позвонил С. П. Королев и попросил навестить его.

Когда мы вместе с генералом Холодковым приехали к Сергею Павловичу, он извинился, что принимает нас, лежа в постели. Врачи обнаружили у него очаговое воспаление легких и требуют строго выдерживать постельный режим. Сегодня температура у него не поднималась выше 37, а два дня назад была около 40. Сергей Павлович болеть «не умеет» — ему приходилось отвечать на частые телефонные звонки, мешавшие нашей беседе. Королева так же, как и нас, беспокоит только вопрос спуска корабля с кольцом; он принял решение и дал уже команду готовить «Зенит» к этому эксперименту. Мы одобрили его решение и обещали отстаивать его на Госкомиссии. Обращаясь ко мне, Сергей Павлович в сотый раз выразил свое недовольство медиками ВВС, сказав, что ему не понравилась статья в журнале «Авиация и космонавтика» с обоснованием более жестких норм отбора космонавтов. Мне не хотелось раздражать больного и утомлять его длинными рассуждениями, но я все же сказал: «Сергей Павлович! Для разового полета можно послать в космос и таких, как вы и я, но для профессии космонавта нужны только абсолютно здоровые люди». Сергей Павлович остался недоволен моим отпором, но спорить не стал и примирительно сказал: «Может быть, вам, военным, для боевой работы в космосе действительно нужны только Гагарины».

Поговорили мы и о планируемых полетах. Королев настойчиво повторял, что ВВС могут делать для освоения космоса много больше того, что делают сейчас, и, поясняя эту мысль, сказал: «Мы ведь не чисто космическое бюро, на нас «висят» боевые ракеты — мы перегружены до предела и часто делаем не то, что хотелось бы делать…» Да, Королев абсолютно прав, мы — ВВС и, особенно, Министерство обороны в целом — не делаем и десятой доли того, что могли бы делать для освоения космоса. Виноват в этом прежде всего маршал Малиновский, недооценивающий значения космонавтики.

27 февраля.

Восемь часов утра, взошло солнце, начинается хороший весенний день. В 12 часов состоится заседание Госкомиссии. Наиболее важным вопросом будет принятие решения о проведении спуска «Зенита» с кольцом от шлюза; вчера большинство было против нас, но мы будем настаивать на этом эксперименте.

Вчера Королев в ходе беседы сообщил нам о том, что назначение генерал-полковника Добыша начальником ЦУКОС не состоялось, Крылов и Добыш полетели в Бухару, очевидно, Добыш будет перебазироваться. Кандидатом на эту должность называют генерала Карася. Королев выразил свое возмущение подобным проектом и сказал: «Я не понимаю вас, военных. Разве в ВВС получше людей не найдется?» Это упрек мне: Королев приветствовал бы мое назначение начальником ЦУКОС. О необходимости моего назначения на эту должность говорили мне и генералы Мишук и Холодков. Но такой акт был бы не только изменой авиации, он противоречит всем моим представлениям о развитии военного космоса. Я остаюсь глубоко убежденным в том, что авиация — лучшая база для совершенствования космических полетов, и это свое убеждение не променяю на повышение в должности и в звании.

27 февраля. Борт Ил-14.

В 16 часов по московскому времени я, Холодков, Комаров и другие наши товарищи вылетели в Москву. Заседание Госкомиссии прошло очень спокойно и было коротким. О причинах аварии технологического корабля было принято решение в несколько строчек: «В результате одновременной работы ИП-6 и ИП-7 (внакладку) борт космического корабля вместо команды на перепуск воздуха в шлюз получил команду на спуск. Главной причиной происшествия является

плохая организация работ на ИП-7 и слабая защищенность радиокоманд от помех». По вопросам планирования полетов решили: «Запустить «Зенит» 4–8 марта, запустить лунник Е-6 12 марта, пуск «Восхода-2» с экипажем планировать на 15–20 марта». После окончания заседания Госкомиссии я уговорил Тюлина отпустить представителей ВВС на неделю в Москву, и вот мы в самолете…

1 марта. Москва.

Сегодня более трех часов обсуждали с Вершининым и Руденко сложившуюся обстановку. Оба шефа внимательно выслушали мой подробный доклад о происшествии с космическим кораблем, о наших сомнениях и планах. Вершинин задавал много вопросов, его интересовали все детали и причины происшествия. Он высказал сомнение в безопасности спуска корабля с кольцом от шлюза. По-видимому, нам надо будет в ближайшие 2–3 дня еще раз детально изучить со специалистами все особенности такого спуска и меры предосторожности, которые можно предпринять до полета. Из представителей ВВС на старте сейчас остались только два врача и три военпреда. Завтра надо будет послать в Тюра-Там полковников Карпова и Смирнова, а 9 марта я и сам полечу на старт вместе с космонавтами и всеми нашими специалистами.

3 марта.

Вчера был в ЦПК, проводил занятия с экипажами. Беляев, Леонов, Заикин и Хрунов подготовку по программе «Выход» полностью закончили. Они хорошо знают обстоятельства и причины аварии корабля ЗКД и их, как и всех нас, несколько беспокоит вопрос о спуске корабля с кольцом от шлюза. Вчера мы окончательно установили, что при штатном отстреле шлюза остается буртик высотой 27–40 миллиметров, а при аварийном отстреле — 70–80 миллиметров (меньшие размеры соответствуют началу спуска корабля с неповрежденной теплозащитной обмазкой). В обоих случаях буртик остается значительный, и при спуске он может вызвать закрутку корабля. При скорости вращения корабля 1,5–2 оборота в секунду может возникнуть опасная закрутка парашютной системы, а при большей скорости появляется уже реальная угроза для жизни экипажа. Если удачно пройдет эксперимент на «Зените», неопределенность с закруткой корабля будет устранена. А если этот эксперимент не проведут, или его результаты будут недостаточно убедительными, то

как быть в этом случае? Королев пока за проведение эксперимента, но большинство членов Госкомиссии и главных конструкторов уже твердо высказалось за пуск пилотируемого «Восхода-2» без испытания с «Зенитом».

Нам известен случай при испытаниях в Феодосии, когда корабль с лентой, шириной всего в 9 миллиметров, при сбросе его с самолета на высоте 5000 метров вращался со скоростью один оборот в секунду, а к земле подошел, делая два оборота в секунду. На «Восходе-2» буртик будет в несколько раз больше, правда, специалисты утверждают, что при спуске основная часть буртика сгорит, а оставшаяся его часть будет находиться вне основного потока. Они полагают, что при штатном отстреле шлюза корабль будет вращаться со скоростью 160 градусов в секунду, а при аварийном — 280 градусов в секунду. Эти цифры — результат теоретических прикидок, а на практике они могут быть значительно большими. Кроме того, и при таких значениях скорости вращения, совмещенного со штатными перегрузками, в процессе спуска могут создаться очень тяжелые условия для экипажа. Дал задание врачам, инженерам и космонавтам еще раз изучить весь комплекс вопросов, связанных со спуском «Восхода-2», и в субботу доложить мне предложения по их решению.

Звонили Королев, Цыбин и Строев, все трое высказались за дополнительные тренировки космонавтов на самолете Ту-104. Я дал согласие на полеты. Завтра полетят Заикин и Хрунов, послезавтра — Беляев и Леонов. Руководителем полетов назначил В. М. Комарова.

4 марта.

Накануне открылся Второй съезд писателей России. Съезд открыл Михаил Шолохов, с докладом выступил Леонид Соболев. Докладчик обстоятельно разобрал достоинства и недостатки нашей современной литературы, обрисовал ее задачи и, в частности, говорил о необходимости создавать произведения о современном воине — высококультурном, вооруженном самой современной техникой, мечтающем о мире, но ежесекундно готовом вступить в бой.

Вчера еще раз в предварительном порядке обсуждали с маршалом Руденко позицию ВВС на Госкомиссии при рассмотрении проблемы спуска корабля «Восход-2». Руденко подвержен резким колебаниям: вчера он утверждал, что в этой проблеме пока еще очень много неясного и опасного, а сегодня, без всяких видимых оснований,

высказался за пилотируемый полет «Восхода-2» без проведения эксперимента на «Зените».

Звонил из ЛИИ Н. С. Строев. Он сообщил, что сегодня полеты космонавтов на Ту-104 из-за плохой погоды не состоятся. Одновременно он хотел узнать, нужно ли планировать экипажам «Восхода-2» повторные полеты для отработки закрытия и открытия люка шлюза вручную. Я сказал ему, что если на старт не полетим раньше 11–12 марта, то обязательно проведем по одному тренировочному полету, а полеты для работы с люком вручную проводить не будем.

Сегодня получил монографию генерала Ануреева «Боевые возможности космического оружия». Книга имеет гриф «Совершенно секретно» и является докторской диссертацией автора. В книге много длиннот, излишне подробных таблиц и расчетов; но в общем это полезная работа, убедительно доказывающая, что космическое оружие — стратегическое оружие ближайшего будущего, и поэтому необходимо уже сейчас готовить технику, кадры и разрабатывать тактику его использования. Автор высказывается за необходимость создания космических частей и соединений, за объединение всех военных усилий в космосе в новом виде Вооруженных Сил — Военно-космических силах. Стратегическая разведка уже ведется космическими средствами. В ближайшие 2–3 года будут созданы средства перехвата и уничтожения вражеских объектов в космосе, а лет через 7-10 полностью оформятся Военно-космические силы как отдельный вид Вооруженных Сил. Освоение стыковки космических кораблей и осуществление экспедиции на Луну станут решающим этапом в развитии военного космоса.

Говорил по «ВЧ» с Тюлиным, он сказал, что работы по оборудованию «Зенита» кольцом от шлюза и датчиками для замера угловых скоростей идут полным ходом. Завтра будет выполнена стыковка корабля с ракетой, а 7 марта пуск «Зенита». Тюлин и Королев считают, что космонавтам нужно прибыть на полигон 7 марта.

Заходил ко мне генерал Кузнецов, его вызывали в административный отдел ЦК КПСС, где с ним беседовали Усков и Москалев. По словам Кузнецова, в ЦК интересовались поведением и учебой героев-космонавтов, учебной базой и ходом подготовки к полету. Думаю, что эта беседа вызвана личными недостатками

Кузнецова. До ЦК, наверное, стали доходить слухи о его иждивенческих настроениях и об использовании им своего служебного положения в личных интересах. Кандидатская диссертация Кузнецова готовилась, в основном, инженер-майором Моисеенко. Кузнецов «перетащил» его из Чернигова в ЦПК и создал ему на новом месте несколько привилегированное положение. Он часто говорит о малом (280 рублей) должностном окладе, с большими натяжками пытался получить 600 рублей за подтверждение звания летчика 1-го класса, жалуется на неясность перспектив ЦПК и своих собственных. Я сказал Кузнецову, что для него перспективой является вся Вселенная. Кузнецов дисциплинирован, но не инициативен и малотребователен. Перед героями он заискивает, а с «рядовыми» грубит. Я пытаюсь поправлять его, но заметных успехов в этом деле пока не добился.

5 марта.

С. П. Королев еще в феврале прислал мне «Исходные данные по кораблям «Восход» (3КВ и 3КД) серии 1965 г.». Только сегодня я сумел ознакомиться с этим документом, содержащим план изготовления и пусков космических кораблей в 1965 году, и изучил заключение по нему организаций ВВС.

1. Корабль 3КВ № 5 — изготавливается в июне, выводится на орбиту в июле-августе в беспилотном варианте на срок от 15 до 30 суток; корабль оборудован кабиной для размещения животных и системой АПО.

2. Корабль 3КВ № 6 — изготавливается в августе, полет с экипажем (командир корабля и научный сотрудник) длительностью до 15 суток осуществляется в сентябре-октябре; в полете проводится эксперимент по созданию искусственной гравитации.

3. Корабль 3КВ № 7 — изготавливается в декабре, пилотируемый полет длительностью 15–18 суток выполняется в марте-апреле 1966 года; экипаж (командир корабля и научный сотрудник — специалист в медико-биологической области) в течение 3–4 суток находится в условиях искусственной гравитации.

4. Корабли 3КД № 8 и № 9 — изготавливаются в сентябре, дата пуска устанавливается дополнительно, продолжительность полета до 3–5 суток; экипаж (командир корабля и второй пилот) осуществляет 2–

3 выхода в открытый космос с удалением на 50-100 метров от корабля и производит посадку в режиме ручного управления.

В плане полетов на 1965 год, разработанном ОКБ-1, мало экспериментов военного назначения, хотя их перечень, подготовленный ВВС, у Королева имеется. Я говорил с Королевым на эту тему. Он ответил и едко, и метко: «Николай Петрович! Вы сами понимаете, что летаем мы мало и обеспечить широкий поток исследований не можем. Вот если бы для этих целей ваш министр заказал десяток кораблей, тогда бы вы смогли осуществить свои планы». Королев очень хорошо знает, что мы неоднократно пытались и пытаемся уговорить министра обороны заказать для МО несколько космических кораблей, но нам не удается «расшевелить» этого тугодума.

Позвонил генерал Кузнецов и доложил, что Беляев и Леонов сегодня выполняли полет на Ту-104. Еще раз в условиях невесомости Леонов совершил «выход в космос», а также провел эксперимент по открытию и закрытию люка шлюза вручную. Сегодня же это упражнение выполнит и второй экипаж (Заикин и Хрунов).

Очень много звонков от корреспондентов, все хотят хоть что-то узнать о предстоящем полете. Приходится изворачиваться и ловчить. Мы подготовили десять экземпляров пакетов фотографий и биографические справки космонавтов членов экипажей «Восхода-2» и немедленно после объявления ТАСС о выходе космического корабля на орбиту передадим их в печать.

7 марта.

Был в ЦПК, проводил подготовку к вылету на полигон. Долго беседовал с Беляевым, Леоновым, Заикиным и Хруновым. Леонов рассказал о последнем полете на Ту-104. Ему удалось выйти из шлюза за первые три горки, а три последние горки космонавты использовали на операцию по открытию и закрытию люка шлюза вручную. Все прошло хорошо. Хрунов также успешно справился с упражнением. В задании на полет открытие люка шлюза вручную не предусматривалось, однако по итогам работ в ТБК-60 Цыбин, Смирнов и другие пришли к выводу, что недублированный автоматический способ открытия люка недостаточно надежен. Выслушав их доводы, Королев согласился на доработку люка с целью предоставить космонавтам возможность открыть и закрыть люк вручную. При

открытии люка требуются значительные усилия (45 килограммов); скафандр, узкий шлюз, невесомость и другие психофизиологические факторы полета очень усложняют выполнение этой операции. Открывая люк вручную, космонавт до выхода из шлюза сильно устает и не может точно уложиться в график. Мы договорились с Леоновым и Хруновым, что после открытия люка вручную надо обязательно отдохнуть в течение 3–5 минут. Все космонавты просили дополнить группу врачей, едущих на полигон, специалистами по вестибулярному аппарату; я дал соответствующее распоряжение.

Вечером 6 марта Гагарин, Муся и я ездили к Терешковой, ей в этот день исполнилось 28 лет. Мы поехали к ней с целью сделать все возможное, чтобы укрепить ее семью. Валя и Андриян в беседах с Мусей и мной заверяли нас, что они очень благодарны за поддержку в трудную минуту и что сейчас у них отношения хорошие. Валя выглядит неважно. Когда она вернется из Алжира, придется лично проследить за мерами по укреплению ее здоровья. На вечере было человек 40, были герои-космонавты и будущие герои. Все вели себя в пределах нормы, а Беляев, Леонов и другие кандидаты на ближайшие полеты строго выдерживали режим. Гагарин, Комаров, Быковский и другие настойчиво просили меня отстоять Волынова как основного кандидата на очередной (после «Восхода-2») полет. Волынов и его друзья опасаются, что полковник Береговой может оказаться впереди, и их опасения имеют основания: маршал Руденко недооценивает Волынова и переоценивает Берегового. Волынов четыре раза был дублером, он пять лет готовится к полету и способен летать 15–20 суток. Я буду бороться за него, хотя знаю, что и Береговой хороший кандидат.

8 марта.

Вчера весь день провел на даче, «воевал» со снежными заносами, расчистил дорогу от гаража до асфальта, запустил машину и немного проехался для разминки и зарядки аккумулятора.

Сегодня готовились к завтрашнему вылету на полигон. Полетим на Ан-10, всего в самолете будет около 50 человек. Сегодня же дал приказание генералу Кузнецову начать подготовку к 15-суточному космическому полету Волынова, Берегового, Шаталова, Демина и Артюхина. Беседовал с Г. П. Катысом, он рассказал о работах Института автоматики АН СССР по подготовке ряда научных

исследований в условиях космического полета. Катыс ведет энергичную деятельность, надеясь быть участником полета.

В присутствии генералов Волынкина, Бабийчука, Бородина и Горегляда провел беседу с врачами Ярошенко, Ивановым и Воскресенским, которые год назад рассматривались нами как вероятные кандидаты на полет. Они подтвердили свое желание лететь в космос и доложили свои соображения о программе медицинских исследований. Ярошенко готовится к проведению хирургической операции в космосе. Иванов готовит программу психофизиологических исследований. Воскресенский работает над проблемами сердечно-сосудистой деятельности в условиях невесомости и других факторов космического полета, интересуется видами и дозировкой физических упражнений в полете. Мне особенно понравился Воскресенский — это уже сложившийся серьезный ученый (кандидат наук, имеет 30 работ, знает английский язык). Дал задание Бабийчуку и Волынкину до конца марта помочь Ярошенко, Иванову и Воскресенскому подготовить три варианта задания на полет врачу-космонавту. Волынкин, Бабийчук и Бородин высказались за отмену длительного полета корабля с животными и за выполнение такого полета с участием врача-космонавта.

Маршал Руденко согласился с этим предложением и выразил намерение поговорить по этому вопросу с Королевым. Этого намерения Руденко я опасаюсь: он плохой дипломат и может не добиться желаемого результата. Придется переговорить с Королевым до его встречи с Руденко и изложить ему все преимущества полета корабля с экипажем. Авария технологического корабля 22 февраля «подготовила» Королева к такому разговору, и у меня есть уверенность, что он согласится с нашей идеей.

9 марта. Тюра-Там.

В 7:45 на самолете Ан-10 вылетели на полигон. В самолете нас было человек 50, в том числе Руденко, Бабийчук, Горегляд, Кузнецов, Гагарин, Комаров, Леонов, Беляев, Хрунов, Заикин.

В Тюра-Там прибыли в 11:45, а ждали нас в 12:10. Тюлин и Королев опоздали на встречу с нами. Королев был очень недоволен, что ему неправильно доложили время прилета самолета. Виновниками этого «происшествия» были КП ВВС и подполковник Никерясов. Маршалу Руденко и мне было неприятно выслушивать ворчание

Королева… Тюлин, Королев, Керимов, Войтенко, Правецкий поздоровались с космонавтами. Королев интересовался настроениями экипажей, а также результатами их последнего полета на Ту-104.

Вечером под руководством Тюлина на второй площадке состоялось совещание. Присутствовали: Руденко, Королев, я, Захаров, Керимов, Правецкий, Шабаров, Северин, Горегляд, Бабийчук, Кузнецов, Гагарин, Комаров, Карпов, Смирнов и Целикин. Обсуждали вопрос о составе экипажа «Восхода-2». Открывая совещание, Тюлин сказал: «Вопрос о составе экипажа давно уже решен, но, может быть, за последнее время в подготовленности и в здоровье космонавтов появились какие-то изменения?» Королев попросил еще раз дать сравнительную характеристику каждого космонавта. Я доложил, что по всем результатам подготовки, по состоянию здоровья, по общему развитию и готовности к полету четверка космонавтов распределяется так: Леонов, Хрунов, Беляев, Заикин; но, учитывая, что Беляев — Леонов уже более полугода тренируются вместе, целесообразно первый экипаж в составе Беляева и Леонова не разбивать, а Хрунова готовить запасным на место того и другого. Мое предложение поддержал Руденко и все другие представители ВВС. Северин высказался в том смысле, что, по его наблюдениям, Хрунов как кандидат на полет сильнее Беляева. Чувствовалось, что у Королева, Тюлина и Правецкого тоже есть сомнения в Беляеве, но ни один из них прямо не сказал об этом. После того, как все представители ВВС твердо высказались за кандидатуру Беляева, Королев заявил, что у него нет вопросов для дальнейшего обсуждения. Постановили: «Совещание подтверждает ранее принятое решение о составе экипажей. Экипаж основной Беляев и Леонов, экипаж запасной — Заикин и Хрунов».

Королев неоднократно говорил, что у него нет никаких сомнений в Леонове, высоко оценивал он и Хрунова, а вот Беляеву он не дал никакой оценки. Я никогда не был в восторге от Беляева. Человек он замкнутый, малообщительный, вяловатый и имеет только средние способности, но сейчас уже поздно ставить вопрос о его замене, тем более что к данному полету он подготовлен хорошо.

10 марта.

Вчера поздно вечером Леонов проводил примерку скафандра и подгонку кресла. Сегодня под контролем Гагарина и Комарова эту операцию проделали Беляев, Хрунов и Заикин. Приняли

окончательное решение: в день полета одевать в скафандры только троих — Беляева, Леонова и Хрунова. Посылать в космос Заикина у меня нет никакого желания, поэтому запасным фактически будет только Хрунов, он подготовлен для замены и Леонова, и Беляева.

Беседовал с Беляевым и Леоновым, рассказал им о последнем решении Госкомиссии по составу экипажа и о сомнениях в Беляеве. Поводом для сомнений являются излишняя скромность Беляева и срыв задания при проведении им эксперимента в барокамере. Два месяца назад полковник Карпов доложил мне: «С Беляевым плохо, наверно, придется его заменять, он плохо показал себя на испытаниях в барокамере». Я приказал тогда Карпову не спешить и внимательно разобраться в происшествии. Через два дня генерал Бабийчук доложил мне, что здоровье Беляева сомнений не вызывает и что причина происшествия — в неправильных записях по телеметрии. А сегодня Леонов рассказал мне об этом инциденте следующее. Беляев в ходе эксперимента в барокамере начал задыхаться из-за непоступления кислорода. Но он проявил блестящую выдержку, обнаружил неисправность и устранил ее. В неисправности системы подачи кислорода была виновна группа товарищей с 918-го завода, но Беляев «не выдал» их и все взял на себя.

Вечером с маршалом были у космонавтов и смотрели арабский фильм «Черные очки». Е. А. Фурцева сдержала свое слово и прислала нам самолетом пять кинокартин.

Сегодня на полигон прилетели академики М. В. Келдыш и А. Ю. Ишлинский.

11 марта.

Утром в МИКе Гагарин доложил мне, что вчера вечером Хрунов, узнав о том, что на сегодня для второго экипажа не планируется тренировка в скафандрах в космическом корабле, заявил в присутствии группы офицеров: «Очень жаль, что нам не дают поработать на боевом корабле в скафандрах, я вынужден буду сказать на Госкомиссии, что я не полностью подготовлен к полету». Это необдуманное высказывание Хрунова прошло незамеченным у генералов Кузнецова и Горегляда. Гагарин тоже поступил глупо, рассказав о заявлении Хрунова Королеву. Сергей Павлович реагировал, как всегда, очень бурно: «Мне не нужны такие космонавты, которые на полигоне заявляют о своей неподготовленности и пытаются мешать нам готовить космический

корабль к полету!» Из-за пустяка мог разразиться большой скандал. К счастью, до беседы Королева с Хруновым мне удалось предупредить последнего об ошибочности его заявления. Хрунов понял свою оплошность и сумел загладить ее в разговоре с Сергеем Павловичем.

Руденко, Королев, Келдыш, Тюлин и другие присутствовали при надевании скафандров космонавтами, наблюдали за посадкой их в корабль и ходом тренировки в корабле. Королев и Правецкий, Руденко и я, Кузнецов и Бабийчук парами поднимались к люку «Восхода-2», беседовали с экипажем и уточняли отдельные вопросы. Экипаж и руководство Госкомиссии остались довольны проведенной тренировкой.

12 марта.

На сегодня в 12:24 запланирован запуск лунника — автоматической станции мягкой посадки. С 9 до 12 часов маршал Руденко и я были на 17-й площадке, проводили занятия с космонавтами. Занимались главным образом вопросами выхода в открытый космос. Леонов и Беляев твердо знают программу полета и представляют всю его сложность, знают возможные отклонения от расчетных норм и меры, которые необходимо принять при возникновении нештатных ситуаций. В полете необходимо следить за возможной закруткой корабля при выпуске шлюзовой камеры, наполнении и стравливании из нее воздуха, при выходе и входе Леонова в шлюз и при отстреле шлюза. Во все эти моменты очень важно своевременно заметить начало и направление закрутки корабля и быстро стабилизировать его.

Около 13 часов мы приехали на старт. Шел дождь, облачность почти задевала конус ракеты, холодный ветер пробирал нас до костей. В комнате Госкомиссии встретили Келдыша, Ишлинского, Пилюгина, Керимова, Захарова и Рязанского. Все разговоры были о предстоящем пуске и о Луне. Келдыш спросил Руденко: «А кто будет руководить пилотируемым полетом на Луну — ВВС или ракетные войска» Руденко не нашелся, что ответить, а Керимов сказал, что это — функция ВВС. Ишлинский, я и Керимов выразили желание быть первым начальником космического порта на Луне.

Я наблюдал пуск лунника вместе с космонавтами с ИП-1. Ракета стартовала хорошо, правда, в самый последний момент была задержка на 1 минуту 41 секунду из-за заедания башмаков фермы

обслуживания. Через 10–12 минут было уже известно, что ракета вышла на промежуточную орбиту. Все руководство (Тюлин, Королев, Келдыш, Руденко и другие) собралось на КП. Нужно было более часа ждать запуска четвертой ступени, она должна была вывести объект на лунную трассу. Но четвертая ступень не включилась, и полет к Луне не состоялся. Уже шесть лунников не дошли до цели, были подобные случаи и при пусках на Марс и Венеру. Более 10 мощных ракет с автоматическими станциями не выполнили задания. Пора кончать с этим пагубным увлечением автоматикой и начинать строить лунные корабли для космонавтов, такой путь будет надежнее и дешевле. Королев был очень расстроен неудачей и выглядел так, будто он сразу постарел лет на десять. Для расследования происшествия назначили комиссию под руководством Б. Е. Чертока.

13 марта.

Сегодня с утра С. П. Королев провел контрольные занятия с космонавтами; кроме экипажей присутствовали: Руденко, я, Кузнецов, Гагарин, Комаров и Целикин. Разбирали вопросы связи экипажа с «Землей» по УКВ- и КВ-каналам. Договорились, что над территорией СССР космонавты непрерывно информируют КП о ходе полета на УКВ, а по КВ докладывают только время выполнения основных операций по выходу (выпуск шлюзовой камеры, наполнение шлюза, выход, возвращение и т. д.). Договорились также, что Леонов после выхода из шлюза доложит: «Вышел из корабля в космос, нахожусь вблизи корабля…» Командир корабля также должен докладывать о выходе и самочувствии второго пилота. Разобрали десятки мелких, но важных вопросов (запись переговоров на магнитофон, списывание «Землей» информации с магнитофонной ленты, контроль коммуникаций и т. д.). В заключение Королев сказал: «Я не сомневался, что вы лучше меня знаете корабль, его оборудование и все операции по выходу. Наша беседа была полезной для всех, и особенно для меня: я не только убедился в вашей готовности к полету, но и сам теперь знаю больше и чувствую себя уверенней. Я хочу еще раз предупредить вас, что главное в вашем полете вернуться на Землю здоровыми. Нам не нужно лихое и необдуманное геройство. Конечно, очень желательно, чтобы вы полностью выполнили программу «Выход», но всегда нужно сохранять спокойствие и не допускать

излишнего риска. Желаю вам, товарищи, удачи! Уверен, что вы справитесь с задачей…»

После того, как ушли космонавты и мы остались втроем (Королев, Руденко и я), Сергей Павлович попросил нас дать медикам ВВС команду установить более тесное взаимодействие с космическим институтом Минздрава и согласовать с ним медико-биологическую программу для пяти новых кораблей «Восход». В конце беседы Королев неожиданно заявил: «Ну, что ж, друзья, наверное, я последний раз с вами на пуске: «Востоки» и «Восходы» слишком дорого мне обошлись… Пускай молодежь выходит на большую космическую дорогу… Меня на старте вполне может заменить Шабаров». Он назвал Е. В. Шабарова лучшим своим заместителем, но нас это мало утешило. Подобрать хорошую замену С. П. Королеву очень трудно, — такие люди, как он, создаются десятками лет практики.

Вечером в столовой в нулевом квартале собрались Келдыш, Руденко, Тюлин, Керимов, Ишлинский и я. Выпили по рюмке коньяку за авиацию, поговорили о лунных проблемах, потом все, кроме меня, пошли смотреть кино «Черные очки». Я уже видел эту картину, смотреть ее второй раз не было никакого желания ушел к себе и занялся дневником.

14 марта.

В 8:00 по местному времени Келдыш и Ишлинский улетели в Москву. После завтрака ходили в дом офицеров голосовать на выборах в местные советы. Провел совещание со связистами и космонавтами, на котором единогласно решили не списывать записи с магнитофонной пленки из-за риска потерять важную информацию о процедуре выхода в открытый космос.

Сегодня всем дали выходной день, но космонавтов врачи донимают осмотрами, а кинооператоры — съемками. До обеда все работы закончили. Сейчас время отдыха, ребята играют в волейбол, Бабийчук проигрывает очередную партию в шахматы Смирнову, Горегляд и Кузнецов спят (очень много!). После обеда мы с Комаровым и Заикиным сыграли несколько партий в бильярд.

Утром на полигон прилетели журналисты — все мои старые знакомые: Денисов, Романов, Мельников, Песков, Михайлов и другие. Вечером с удовольствием посмотрели кинокомедию «Дайте жалобную книгу».

Завтра предстоит посадка «Зенита», выведенного на орбиту 7 марта. Для нас посадка этого корабля может принести еще большую уверенность в благополучном осуществлении предстоящего полета, или наоборот — усилить наши сомнения.

15 марта.

В 12:09 «Зенит» благополучно произвел посадку в 170 километрах южнее Кустаная (на 50 километров севернее расчетной точки посадки). Парашюты сработали нормально, можно предположить, что корабль не получил большой закрутки при входе в плотные слои атмосферы. Через несколько часов мы точно будем знать и скорость вращения корабля при спуске, и характер процесса сгорания основания шлюза.

В задании на полет «Восхода-2» категорически исключалась вынужденная автоматическая посадка на первом, втором и третьем витках первых суток, а возможность вынужденной посадки вручную исключалась на первом и втором витках. Сегодня вместе с космонавтами, Раушенбахом и Анохиным мы установили, что в случае крайней необходимости имеется техническая возможность произвести в начале второго витка вынужденную посадку на территории СССР как в автоматическом, так и в ручном режиме. В беседе со мной Беляев и Леонов предложили вариант нештатных действий экипажа в случае неотстрела шлюза. Отстрел шлюза достаточно надежен и дублирован, но если все же шлюз не отстрелится? При возникновении такой ситуации Леонов предлагает наполнить шлюз воздухом, открыть люк корабля, ножом перерезать все дутики, возвратиться в корабль и выпустить воздух из шлюза. Есть вероятность, что шлюз при ненаполненных дутиках резко сократится в объеме и не окажет большой помехи работе ТДУ и снижению корабля в атмосфере. Сегодня же с экипажами провели занятия главные конструкторы Северин, Воронин и Ткачев. Тюлин и Королев подтвердили возможность пуска 18 марта. К этому дню мы полностью закончим подготовку техники и космонавтов.

В 17 часов по московскому времени генерал Кутасин доложил, что «Зенит» уже в Кустанае, погружен в самолет Ан-12 и часа через три может быть доставлен к нам. По словам Кутасина, при приземлении корабль протащило по земле 17 метров, в результате чего оторвался один фотоаппарат, но в целом «Зенит» в хорошем состоянии. Завтра

утром по внешнему виду коабля и по пленкам телеметрии мы оценим скорость его вращения при спуске. Первое впечатление о посадке «Зенита» благоприятное — будем надеяться, что полет «Восхода-2» состоится в намеченные сроки.

Вечером Беляев, Леонов, Гагарин и Комаров побеседовали с журналистами, а я рассказал представителям прессы и радио о характере предстоящего полета.

16 марта.

Сегодня уже неделя, как мы с космонавтами прилетели на полигон. Всю неделю погода была холодной и ветреной, на утренней зарядке мерзли уши и руки. А сегодня чудесное, тихое, солнечное утро. Минут 25 занимались с Руденко физзарядкой на берегу. Температура воздуха минус 8 градусов, но заниматься приятно.

В 11 часов провели заседание Госкомиссии. Королев в течение 40 минут докладывал о ходе разработки и испытаний всех систем корабля. Затем Северин доложил о готовности шлюза, скафандра и других систем 918-го завода, а генерал Кузнецов — о выполнении плана подготовки космонавтов. Кроме этих докладчиков Госкомиссия заслушала всех главных конструкторов (Воронин, Ткачев, Быков, Пилюгин, Бармин, Даревский, Исаев, Сапожников и другие) и представителей полигона (генерал Захаров, полковник Кириллов и другие). Я доложил о готовности авиационных средств обнаружения и эвакуации космического корабля после его приземления. Госкомиссия решила: «Утром 17 марта вывезти ракету и корабль на старт и осуществить пуск 18 или 19 марта, по готовности». После Госкомиссии маршал Руденко провел заседание посадочной комиссии, где мы рассмотрели все возможные варианты штатной и аварийной посадки корабля и поручили специалистам подготовить расчеты районов посадки на семи первых витках.

В 16 часов состоялось специальное традиционное заседание Госкомиссии для утверждения состава экипажа «Восхода-2». Королев коротко доложил о готовности корабля. Я от имени ВВС внес предложение утвердить командиром корабля подполковника Беляева, а летчиком-космонавтом, выходящим в космическое пространство, — майора Леонова. Командиром запасного экипажа утвердили майора Заикина, а запасным летчиком-космонавтом, выходящим из корабля — майора Хрунова.

Вчера вечером «Зенит-4» был доставлен на полигон. Сегодня утром Руденко, я и космонавты осмотрели корабль. К сожалению, на пленках не оказалось записи скорости вращения корабля при спуске, но, судя по внешним признакам (стренга вытяжного парашюта сделала только два оборота за 18 секунд, буртик кольца шлюза обгорел так, как мы и предполагали, обгар обшивки корабля проходил так же, как и при посадке других кораблей), «Зенит-4» вращался со скоростью не более 40-100 градусов в секунду. Такая скорость вращения корабля удовольствия экипажу не доставит, но она не будет опасной ни для корабля, ни для экипажа. Итак, вся подготовка к полету, в основном, закончена. Предстоит очень трудный и опасный полет, но мы сделали очень много для его успеха, и я верю в успех!

17 марта.

Рано утром ракету и корабль вывезли из МИКа и установили на стартовой площадке. Беляев, Леонов и Хрунов после завтрака переехали на 2-ю площадку и поселились в домике космонавтов. Они живут и занимаются по распорядку предстартового дня. Около 12 часов я заходил к ним в домик, ребята заканчивали заполнение бортжурналов и собирались ко второму завтраку.

В 16 часов на старте, в полусотне метров от ракеты, провели встречу экипажа «Восхода-2» со стартовой командой и представителями промышленности. Беляев выступил спокойно и хорошо, а Леонов очень волновался. Он сказал: «…Я волнуюсь не от того, что завтра мне предстоит трудный космический полет, а потому, что мне трудно подобрать слова благодарности всем вам, товарищи, всем тем, кто создал ракету, корабль, оборудование, кто подготовил нас к полету…» На митинге присутствовало 600–700 человек, в том числе Королев, Келдыш, Руденко, Тюлин, Керимов, Правецкий, Ишлинский, Пилюгин и десятки других виднейших представителей космической кооперации.

После митинга, когда мы собрались в кабинете у Королева, Тюлин стал звонить в Москву, чтобы от имени Госкомиссии доложить Смирнову, Устинову, Косыгину и Брежневу о нашей готовности запустить «Восход-2» завтра в 10:00 по московскому времени. Первые двое были на заседании Совета Министров, а помощники Косыгина и Брежнева сказали, что их уже нет на работе, и записали наше сообщение.

Кутасин сообщил, что министр дал согласие объявить о присвоении очередных воинских званий тем, кто завтра будет на орбите. Из Кустаная полковник Сибиряков доложил: «Все авиационные средства поиска заняли исходное положение и готовы к работе». Завтра на самолете Ан-10 отправим в Кустанай генералов Горегляда и Войтенко. Я поставил им задачу: оградить космонавтов от бурных встреч с местным населением в районе посадки, от назойливости корреспондентов и, главное, как можно быстрее доставить их на полигон.

18 марта.

12 часов ночи, я на командном пункте по руководству космическим полетом. Сейчас здесь тихо, «Восход-2» до 13-го витка не будет проходить над территорией СССР — связи с кораблем нет…

Бурный и незабываемый день мы пережили сегодня. Впервые в истории человек вышел из корабля в космическое пространство, и это сделал наш советский человек — Леонов Алексей Архипович. Мы наблюдали за его выходом по телевидению, он плавно «парил» в космосе, помахал нам сперва левой, а затем — правой рукой, несколько раз специально переворачивался, отходил и подходил к кораблю. Мы видели его на фоне Земли в 3–5 метрах от корабля. Сейчас самые опасные испытания уже позади. Правда, нас немного беспокоит вращение корабля со скоростью 20 градусов в секунду (это в несколько раз больше обычного) и высокое содержание кислорода (45 процентов) в кабине. Вращение корабля можно остановить, но, экономя расход воздуха (давление в баллонах уже только 100 атмосфер) и посоветовавшись с экипажем, мы решили сделать это перед посадкой. На седьмом витке полковник Беляев спал, а с подполковником Леоновым у нас состоялся сеанс радиосвязи. Леонов доложил: «Самочувствие отличное, корабль делает один оборот за 20–40 секунд, это нас не беспокоит, все параметры корабля в норме». Во время семи первых витков полета связь с «Восходом-2» по УКВ была отличной, а по КВ удовлетворительной.

…Рано начался для меня этот день — проснулся в 5 часов. В 7:30 провели на старте предпусковое заседание Госкомиссии. В 8:30 Королев, Тюлин, Руденко и я наблюдали процесс надевания скафандров. В 9:20 мы встретили экипаж у ракеты. Объятия, рукопожатия, поцелуи — и вот уже космонавты поднимаются в

корабль. Беляев вел себя спокойно, а Леонов заметно волновался. До 10-минутной готовности Королев, Кириллов, Шабаров, Гагарин и я оставались у ракеты, а потом перешли в бункер. Старт прошел отлично, но первые 40 секунд полета казались особенно долгими (в случае аварии до 40-й секунды спасение экипажа почти невозможно). Да и все 526 секунд выведения корабля на орбиту были полны тревог, недаром некурящий Королев после отсчета 530-й секунды дрожащими руками взял папиросу и закурил.

Затем все переехали на КП. Здесь мы провели 3–4 часа в очень большом напряжении, ожидая сообщений от экипажа по всем этапам операции «Выход». Я верил в успех «Выхода», но такого триумфа не ожидал. Полет еще не закончен, все еще может случиться, но главная задача полета уже блестяще выполнена. Посадка корабля тоже трудное дело, хотя она уже десятки раз осуществлялась нами, и не может волновать нас так, как волновал каждый шаг Леонова, выходящего в открытый космос.

19 марта.

Сегодня у меня, как и у большинства присутствующих на полигоне, самый тревожный день в практике наших космических полетов. Я ушел с КП в домик космонавтов в три часа утра по местному времени, а в семь часов меня подняли тревожным звонком. Когда я пришел на КП, Королев был уже там, он рассказал мне о том, что за последний (13-й) виток резко упало давление (с 75 до 25 атмосфер) в баллонах наддува корабля. Дальнейшее падение давления могло привести к полной разгерметизации корабля и вынужденной посадке. После тщательного анализа полученных данных мы пришли к выводу, что оснований для большого беспокойства нет: у экипажа хватит воздуха и кислорода до 17 витка, на котором запланирована штатная посадка. Главный конструктор Воронин твердо заявил, что давление в корабле не может упасть ниже 500 миллиметров ртутного столба, а кислорода хватит еще на три часа. Когда на 14-м витке мы связались с экипажем, Беляев доложил, что падение давления в баллонах остановилось на 25 атмосферах, параметры кабины в норме, самочувствие членов экипажа хорошее. Мы подтвердили экипажу наше решение сажать корабль по автоматическому циклу на 17-м витке.

Первая команда автоматического цикла посадки прошла нормально, началось томительное ожидание данных о ходе спуска, но спуска не последовало: не сработала автоматическая ориентация, и ТДУ не включилась — корабль остался на орбите. Решили сажать корабль вручную на 18-м или 22-м витке (у нас это первая попытка вручную посадить корабль). Начался второй тур ожиданий посадки. На этот раз мы довольно быстро получили с парохода «Ильичевск» данные о прохождении команд, но потом в течение четверти часа было полное отсутствие какой-либо информации. Первые засечки о снижении корабля мы получили из Одессы, затем — из Саранска. «Восход-2» приземлился в 12:06 недалеко от деревни Щучино (25–30 километров на юго-запад от Березников, севернее Перми), но о приземлении корабля мы узнали только через четыре часа. Корабль пеленговался «Кругами», однако точность определения точки посадки составляла 50–70 километров; по УКВ самолеты корабль не пеленговали, так как основная группа наших самолетов была в 600–800 километрах от Перми.

Более четырех часов у нас не было достоверных данных о состоянии экипажа. Правда, Алма-Ата несколько раз по КВ приняла телеграфом»… ВН, ВН, ВН…» Это был сигнал от экипажа — «Все нормально». Приятно было знать о наличии пеленга и сигналов «ВН», но хотелось иметь более достоверную информацию о самочувствии космонавтов. Наконец мы получили доклад вертолетчиков: «Между деревнями Сороковая и Щучино в лесу видим красный парашют и двух космонавтов. Космонавты сидят, обедают. Корабль приземлился в густом лесу, далеко от населенных пунктов. Кругом глубокий снег».

Скоро уже десять часов вечера по московскому времени, а еще ни один человек не добрался до космонавтов. Два часа назад в пяти километрах от них сел вертолет, с которого к космонавтам пешком отправилась группа людей; две автомашины с солдатами полка ПВО также пробиваются к месту посадки «Восхода-2». Температура в районе посадки — минус 5 градусов. С вертолета сбросили ребятам летное обмундирование, в их распоряжении громадный парашют и рядом корабль. Они, конечно, не замерзнут, но вспоминать эту ночь будут долго.

20 марта.

Беляев и Леонов ночевали в лесу. Рано утром над ними летал вертолет, командир экипажа вертолета доложил: «Вижу двоих у корабля, один рубит дрова, другой подкладывает их в костер, оба одеты в летное обмундирование». Два члена экипажа вертолета, пытавшиеся ночью идти к космонавтам, вернулись в вертолет. Группа солдат из полка ПВО также еще далеко от места посадки «Восхода-2».

В 7:30 полковник Сибиряков высадился из вертолета Ми-4 (на зависании в 1,5 метра) в полутора километрах от космонавтов, с ним врач Туманов и техник. В 8:30 они направились на лыжах к космонавтам. В том же районе вертолеты высадили еще нескольких человек, которые начали расчистку площадки для посадки вертолета. Группа Сибирякова за три часа преодолела 1,5 километра и в 11:35 первой добралась до космонавтов. Самолет Ил-14 установил по УКВ связь с космонавтами и поддерживал ее до вечера. Беляеву и Леонову по их просьбе сбросили теплое белье и унты. К вечеру в районе приземления космического корабля было уже 22 спасателя. Вертолеты сбросили продовольствие, палатки, теплую одежду. Врач доложил: «Космонавты здоровы, травм и обморожения нет».

Еще утром экипаж «Восхода-2» можно было эвакуировать вертолетом: на зависании в 5–6 метрах от земли можно было по лестнице поднять космонавтов в вертолет и высадить их в Перми, а еще через 3–4 часа они могли бы быть у нас на полигоне. Но маршал Руденко приказал эвакуировать космонавтов только автомашинами, а когда убедился, что это невозможно, дал распоряжение вывезти их вертолетами, но только обязательно с посадкой, а не с зависания. Эти непродуманные распоряжения маршала связали инициативу Сибирякова, Кутасина, Картакова и других сотрудников службы поиска и, в конечном счете, сорвали доставку космонавтов на полигон в течение сегодняшнего дня.

Итак, в 70–80 километрах от областного центра Беляев и Леонов еще одну ночь проведут в лесу. Для них вторая ночевка в лесу не будет затруднительной, но для службы поиска ВВС — это большой провал. Трудно будет объяснить и нашему народу, и зарубежной общественности, почему мы после такого блестящего полета двое суток держали космонавтов в тайге. Я пытался доказать маршалу Руденко необходимость и безопасность подъема космонавтов в вертолет по лестнице, меня горячо поддержал Королев, но Руденко

убедил Смирнова и Брежнева, что такой подъем опасен, и мы получили приказ готовить посадочную площадку для вертолета и только после этого эвакуировать космонавтов. Обидно было наблюдать всю эту перестраховку, но формально маршал был прав, и его решение одобрило самое высокое начальство.

21 марта.

Хотя я и верил, что Беляев и Леонов благополучно перенесут вторую ночевку в тайге, но спалось неспокойно — просыпался несколько раз. В 6:00 я уже говорил с Москвой, дежурный по КП ВВС подполковник Гузенко доложил: «В 3:46 взлетел первый Ил-14, второй — в 4:28. Оба самолета полетели в район посадки космонавтов для установления связи и наблюдения. Погода: высота облачности — 600 метров, видимость — 10 километров». В 4:59 была установлена связь с космонавтами, и они доложили: «Самочувствие хорошее».

В 5:04 два Ми-6 вылетели на большую посадочную площадку, там ночевали три Ми-4, один из которых вылетел к космонавтам, а другой — для облета малой площадки. Большая (в 5 километрах от «Восхода-2») и малая (в 1,7 километрах) площадки были уже подготовлены для взлета и посадки вертолетов. В 6:50 группа в составе 7 человек (Беляев, Леонов, Туманов, Сибиряков и другие) начала движение к малой площадке и в 8:06 подошла к Ми-4. Через 20 минут Ми-4 высадил космонавтов на большой площадке, там они пересели в Ми-6, который в 9:50 доставил их на аэродром Перми. На 11:00 был назначен вылет самолета Ан-10 с Беляевым и Леоновым из Перми в Тюра-Там. Вылет задержался на час с небольшим из-за переговоров Брежнева с космонавтами.

Перед выездом на аэродром для встречи космонавтов в маршальской столовой 10-й площадки собрались Королев, Келдыш, Тюлин, Руденко, Ишлинский, Пилюгин, Правецкий, Керимов, Бармин, Шабаров и я. Королев предложил тост за сотрудничество, он сказал: «Друзья, перед нами Луна, давайте же дружно работать ради великой цели освоения Луны! Помните, как дружно работал наш коллектив?» Сидевший рядом со мной Бармин прошептал: «Работали дружно, когда все были главными, а теперь один Главный конструктор и один Главный теоретик…»

Да, былой дружбы в большом коллективе главных конструкторов давно уже нет, и виноват в этом в немалой степени сам Королев — он

деспотичен и часто опрометчив в своих решениях. Местные остряки прозвали Королева «Скорпионом-4». Дело в том, что, когда полигону Байконур угрожает опасность со стороны какой-либо разведывательной агентуры, Генштаб немедленно сообщает об этом короткими кодированными сигналами: «Скорпион-1» — означает, что в поезде мимо полигона едут разведчики, они могут пеленговать работу радиостанций и тем самым установить координаты и количество стартовых площадок; «Скорпион-2» означает пролет разведчиков в самолетах ГВФ, а «Скорпион-3» — другие более серьезные акции вражеской разведки. По любому из этих сигналов жизнь на полигоне на несколько минут замирает… 18 марта на старте имел место такой инцидент. До пуска «Восхода-2» было еще более двух часов, подготовка ракеты, корабля и экипажа шла точно по графику, все было спокойно. Королев, Бармин, Северин и я находились у ракеты и вели разговор о задачах подготовки очередных полетов. В одну из пауз Северин неожиданно спросил Бармина: «А вы знаете, как на полигоне называют Сергея Павловича?», — и начал рассказывать о «Скорпионах». Королев бурно реагировал, вспыхнув, он заявил: «Фашистским скорпионом я никогда не был, «Скорпион-4» — неумная выдумка недалекого человека. Я надеюсь, что мои друзья не будут распространять обо мне подобные пошлости». Выпалив эту тираду, Королев отошел от нас, наступило неловкое молчание. Больше всех переживал Северин. Своей неудачной шуткой он очень больно задел своего старшего друга. Сергей Павлович относится к Гаю Ильичу с отеческой добротой, он ценит его инженерный талант и ждет от него многого. Королев, бесспорно, сделал для наших побед в космосе больше, чем кто-либо другой, и его имя должно быть не рядом, а впереди имен всех наших космонавтов. Я глубоко убежден, что так и будет. Королев отличный организатор, талантливый конструктор, у него много хороших идей, он многое делает для того, чтобы советский человек первым ступил на Луну.

…В 17:30 мы встретили космонавтов. Все дружно расхохотались, когда в дверях самолета показались Беляев и Леонов, одетые в летное обмундирование и унты. Большой кортеж машин проехал по улицам Звездограда, космонавтов встречало все население города. В спортивном зале гостиницы Беляев и Леонов рассказали нам о своих первых впечатлениях о полете (они записаны на пленку).

Вечером Королев говорил с Брежневым. Москва ждет космонавтов 23 марта. Все наши планы резко сокращаем и готовимся лететь в Москву.

22 марта.

С 10 до 13 часов провели заседание Госкомиссии, заслушали доклад экипажа. Беляев говорил 45 минут, а Леонов — 1 час 15 минут. В полете «Восхода-2» получено очень много новой ценной информации. В 13 часов Королев, Келдыш, Тюлин, Руденко и я говорили по телефону с Брежневым. Мы доложили Леониду Ильичу общее мнение Госкомиссии о том, что полет дал много нового и по значимости его можно сравнить с полетом Гагарина. Брежнев согласился с нашим мнением и рекомендовал немедленно написать сообщение ТАСС. Академик Ишлинский и я за 30 минут написали такое сообщение, и Госкомиссия одобрила его.

В 16 часов провели митинг на 2-й площадке. Выступали ракетчики, Беляев, Леонов, я и Королев. Вечером я готовил космонавтов к их выступлениям в Москве.

23 марта. Борт самолета Ил-18.

В 7:35 по московскому времени вылетели в Москву. Кроме меня и космонавтов летят генералы Кузнецов и Чугунов, Никерясов, врач Никитин, представители прессы и радио, кинооператоры. Сейчас летим над Волгой, она еще покрыта льдом, а на полях уже появились значительные проталины. Беляева и Леонова около часа «терзали» корреспонденты, сейчас космонавты готовятся к выступлениям на Красной площади и в Кремле.

27 марта. Москва.

Уже пятый день, как я вернулся с космодрома, но до сих пор не имел ни одной минуты, чтобы записать что-либо о триумфальной встрече космонавтов в Москве.

…23 марта при подлете к Москве погода заметно улучшилась, в районе Москвы была рваная облачность на высоте более 500 метров. К нашему Ил-18 подстроились семь истребителей, и в сопровождении почетного эскорта мы несколько раз пролетели над Москвой. Беляев довольно четко отдал рапорт правительству, а затем, после объятий и поцелуев с членами Президиума ЦК и родственниками, он и Леонов обошли ряды встречающих. Раньше космонавтов сопровождал

Хрущев, а теперь они совершали обход одни. На Красную площадь я не поехал: нужно было привести себя в порядок перед приемом.

В 17:00 в Большом Кремлевском дворце состоялся правительственный прием. На приеме я был вместе с Мусей. Все шло, как обычно. Беляев выступил бледновато, но зато Леонов произнес хорошую речь. К концу приема все летавшие и нелетавшие космонавты собрались в одном из уголков Грановитой палаты, где расположились ракетчики, промышленники и ученые. К нам подошли Брежнев и Косыгин, и фотокорреспондент Устинов («Правда») сфотографировал Беляева, Леонова и меня вместе с ними. Брежнев и Косыгин поздравили всех с победой, выпили с нами по 2–3 рюмки вина. Брежнев сказал мне, что через 2–3 недели нужно будет встретиться и поговорить о космических делах. То же самое он сказал и Гагарину.

24 марта Беляев и Леонов готовили свои выступления на пресс-конференции. В 14 часов Беляев, Леонов, Кузнецов и я были на совещании у Келдыша. Присутствовали академики Седов, Сисакян и другие. Я выступал несколько раз, доказывая необходимость правдивого доклада о всех трудностях полета «Восхода-2» (отказ автоматической ориентации, значительный перелет при ручном спуске, две ночевки в тайге). Келдыш был категорически против моих предложений и настаивал на том, чтобы написать в докладе Беляева, что космический корабль приземлился в расчетной точке, а экипаж двое суток отдыхал в районе приземления.

25 марта в 9:00 я встретился с Королевым и рассказал ему о наших вчерашних спорах с Келдышем. Королев поддержал мое мнение. Он при мне поговорил по телефону с Келдышем, Ветошкиным и Смирновым и убедил их в необходимости сказать на пресс-конференции всю правду о полете «Восхода-2». Келдыш и Смирнов вначале сопротивлялись, но после того, как Королев заявил, что будет говорить по этому вопросу с Брежневым, оба дали согласие учесть наши замечания. В 10:30 в ОКБ-1 состоялся большой митинг, на котором присутствовали все 11 космонавтов. От ВВС выступали Вершинин, Гагарин, Беляев и Леонов. После митинга человек 60 в кабинете Королева отметили успех полета «Восхода-2».

26 марта с утра мы с Беляевым и Леоновым занимались подготовкой к пресс-конференции, рассмотрели около 60 возможных

вопросов и ответы на них. Особенно внимательно обсудили ответы на вопросы по отказам техники, по району приземления, по эвакуации экипажа и корабля с места посадки. На все вопросы мы намеревались дать правдивые ответы, считая, что у нас нет никаких оснований скрывать некоторые неполадки в полете, большой перелет при посадке и трудности эвакуации космонавтов из района приземления. В 13 часов Беляев и Леонов с семьями, я и группа корреспондентов были на обеде в Доме приемов на Воробьевых горах. В 15 часов в актовом зале МГУ провели пресс-конференцию. Народу было очень много. Келдыш, Беляев и Леонов выступили хорошо, на вопросы лучше всех отвечал Леонов. Я недоволен ответами на вопросы: в них было много неправды даже в таких мелочах, где нам нет никакого смысла что-либо скрывать. После закрытия пресс-конференции корреспондентам был показан небольшой фильм о выходе Леонова в космос. Я видел эти кадры еще в день полета, потом — 25 марта у Королева и 26 марта — у Келдыша перед пресс-конференцией…

27 марта утром Беляев, Леонов, Горегляд и я просматривали все киноматериалы о выходе в открытый космос, снятые внешними и внутренними киноаппаратами корабля и самими космонавтами. Кинокадры очень четкие и вместе с телевизионными съемками из них можно создать прекрасный фильм.

В 12 часов я, Беляев и Леонов были в АПН, встречались с болгарскими, немецкими и французскими журналистами. Минут 10 я беседовал с корреспондентом французского журнала «Пари матч». Этот журнал дал очень хорошую информацию о полете «Восхода-2».

Сегодня получили сообщение о программе предстоящего полета «Джемини», намечаемого на 8 июня 1965 года. Продолжительность полета — четверо суток, экипаж — Джеймс Макдивитт и Эдвард Уайт. Предполагается, что Макдивитт откроет люк кабины корабля и «высунет голову в космическое пространство». Обсуждается возможность повторения эксперимента, выполненного Леоновым.

29 марта.

Вчера я, Муся и Оля провели день на даче. У Оли все четыре предшествующих дня была повышенная температура, и мы не пускали ее на улицу. Вчера она около часа погуляла, вечером и сегодня утром температура у нее в норме.

В субботу вечером с 20 до 23 часов Беляев, Леонов, Генин, я и другие товарищи выступали по телевидению. Мне кажется, что эта встреча на телевидении прошла лучше предыдущих.

Сегодня утром звонил А. И. Микоян, он выразил пожелание, чтобы Терешкова вылетела из Алжира 1 апреля и утром 2 апреля присоединилась к нему в Будапеште. Микоян с партийно-правительственной делегацией вылетает 1 апреля в ВНР — 4 апреля в Будапеште празднуют 20-летие освобождения Венгрии.

Только что договорился с Маликом (МИД), чтобы в Алжир передали следующее сообщение: «Космонавтам и сопровождающим 1 апреля вылететь рейсовым самолетом на Москву через Будапешт. В Будапеште сойти с самолета Терешковой, Крышкевичу и Кассировой, а Николаеву и Сомову возвращаться в Москву».

Был у Главкома, доложил ему о звонке Микояна и моих распоряжениях по поездке Терешковой.

Вершинин очень торопился на заседание коллегии Министерства обороны и на ходу принял мои предложения о плане выступлений экипажа «Восхода-2» на эту неделю. Сегодня Беляев и Леонов выступали на митинге в ЦПК, во второй половине дня они будут выступать для итальянского телевидения. Завтра митинг на 918-м заводе у Г. И. Северина, а потом — встречи в Монинской академии, Союзе писателей, Союзе художников и десятки других встреч.

30 марта.

Вчера Б. Б. Егоров прибыл в Берлин для чтения лекций по космической медицине и биологии. Беляев, Леонов и я вчера более четырех часов провели в АПН: выступали для итальянского и бельгийского телевидения, московской кинохроники и телевидения ГДР. Ребята держатся еще скованно, смущаются, не знают, куда девать руки, и на вопросы отвечают слишком кратко. Перед выездом в АПН Беляев и Леонов были у меня, мы около двух часов беседовали по итогам пресс-конференции и выступлению по московскому телевидению. Я указал ребятам на их ошибки, советовал держаться спокойнее, отвечать обстоятельно, не торопясь. Но для свободного поведения на встречах и при выступлениях нужны не советы, а практика, которой у ребят еще нет. Сегодня в 13 часов на 918-м заводе будет проведено итоговое совещание по работе шлюза, скафандра и другой аппаратуры, изготавливаемой заводом. После совещания

состоится встреча с коллективом завода. На завод поедут Беляев, Леонов, Гагарин и другие космонавты.

Фотокорреспондент «Правды» Устинов принес мне фотоснимки, сделанные им в Кремле во время приема космонавтов 23 марта: Брежнев и Косыгин стоят в группе с космонавтами и их руководителями (я, Кузнецов, Горегляд, Чугунов и другие).

Судя по зарубежной печати, по письмам и телеграммам, идущим мощным потоком в адрес Беляева и Леонова, люди разных стран правильно понимают величие подвига Алексея Леонова. Пройдут века, забудутся многие события и лица, но имена Леонова, Терешковой всегда будут рядом с именем Гагарина, их вечно будет помнить благодарное человечество. Подвиги первых космонавтов и труды тех, кто готовил первые космические полеты людей, дали человеческому роду бессмертие: Земля может погибнуть, но человечество скоро получит возможность освоить другие планеты и существовать вечно.

31 марта.

Два раза звонил Королев, просил организовать поездку Беляева и Леонова в Калугу. Я дал согласие осуществить такую поездку 7 апреля. Сергей Павлович сказал, что в субботу он опять собирается на полигон для пуска лунника. Вопрос о наших неудачах с Луной рассматривался в Совете Министров СССР, и там рекомендовали всем главным конструкторам лично быть на пусках лунников. Королеву очень не хочется отрываться от больших дел здесь, в Москве, но он вынужден повиноваться и опять ехать в надоевший ему Байконур. Я понимаю Сергея Павловича: его здоровье серьезно подорвано, здесь он нужнее и, главное, более полезен для осуществления всей космической программы. Но формально правы и наши руководители, требующие преодоления неприятностей с лунной программой.

Вечером был в Монино на праздновании 25-летия академии ВВС. Маршал Красовский сделал короткий доклад об истории академии, заслушали поток приветствий. Выступали Беляев и Леонов. Встретил много знакомых и, в частности, генерала Смирнова, который 27 лет назад — в годы моей учебы в академии имени Жуковского — руководил командным факультетом. Все уверяют меня, что я очень молодо выгляжу, что я «законсервировался». Внешне я выгляжу сносно, но внутренне начинаю сдавать — это особенно чувствуется при выступлениях.

1 апреля.

По нашему ходатайству Президиум ЦК КПСС включил А. Г. Николаева в состав партийно-правительственной делегации для поездки в Венгрию. Завтра Терешкова и Николаев прилетят из Алжира в Будапешт и останутся там до 8–9 апреля.

Звонили из ЦК и горкома партии, просили высказать мои соображения о порядке проведения Дня космонавтики. Я рекомендовал для выступления на торжественном заседании Терешкову, Комарова, Беляева и Леонова. Разрешил Комарову вместе с Рокоссовским и Родимцевым на 4 дня вылететь в Мурманск и Ленинград. На первую половину апреля запланировали много выступлений для космонавтов, особенно для Беляева и Леонова, но этот план не удовлетворяет и одной десятой доли запросов на встречи.

Был у меня генерал Кузнецов. Беседа была малоприятной, он просил ходатайствовать за него о подтверждении звания летчика 1-го класса, намекнул на возможность присвоения ему звания генерал-лейтенанта. Я не понимаю таких откровений. Я 22 года хожу в звании генерал-лейтенанта, и никогда у меня не появлялась мысль о разговоре с кем-либо на эту тему, а генерал Кузнецов считает вполне нормальным выпрашивать очередное звание. Это или глупейшая доверительность, или безграничная нескромность. Ни то, ни другое не украшает генерала Кузнецова.

2 апреля.

Утром был у С. П. Королева, более часа беседовали один на один. Я рассказал Сергею Павловичу о вероятной встрече космонавтов и руководства ВВС с Брежневым и Косыгиным, на которой мы будем добиваться следующего: 1) объединения космоса на базе ВВС; 2) передачи в ВВС права заказов космической техники; 3) заказа для ВВС 8-10 учебных космических кораблей типа «Восход» и 7К; 4) преобразования ЦПК ВВС в научно-исследовательский испытательный институт космической техники. Королев обещал поддержать все наши предложения. Правда, он сказал: «Это вы сейчас хорошие, а когда все объедините в своих руках, к вам и не подступишься… Меня особенно смущают Руденко и Пономарев. С вами и Вершининым я буду работать с удовольствием…» Я заверил Сергея Павловича, что мы как обходили, так и будем обходить

«трудные характеры» некоторых руководителей ВВС и сделаем все, чтобы интересы дела не страдали.

Затем мы согласовали с Королевым составы экипажей для очередного полета: Волынов — Катыс, Береговой — Демин, Шаталов — Артюхин. Будем готовить три экипажа, полетит в этом году один из них, наиболее вероятно, что это будет экипаж Волынова, но нельзя исключать и другие варианты. Предстоит, в частности, борьба за кандидатуру Волынова. Маршал Руденко настроил Главкома в пользу Берегового, оба они будут отстаивать его кандидатуру. Я сделаю все возможное, чтобы полетел Волынов, Королев обещал поддержать меня и в этом вопросе. Волынов пять лет готовится к полету, четыре раза был дублером, и хотя Береговой очень хороший кандидат, но мы его еще не видели в роли дублера. Традиция дублеров замечательная и полезная, ее нужно укреплять, а не ломать, как этого хотел бы Руденко.

Последний вопрос нашей беседы был более деликатный. Я очень хорошо помню все наши переживания во время полета Терешковой. Волнений было много, и когда корабль с Терешковой, наконец, приземлился, Королев сказал: «Чтобы я еще когда-нибудь связался с бабами…» И все-таки с «бабами» дело иметь надо. Я предложил Королеву готовить Соловьеву и Пономареву для повторения полета Беляева и Леонова. Выход женщины из космического корабля с более широкой программой исследований, а может быть, и с автономными средствами передвижения в космосе вызовет во всем мире не менее широкий отклик, чем это было при полете «Восхода-2». Повторный полет мужского экипажа с такой программой не вызовет большого восхищения. Излагая эти соображения Королеву, я наблюдал за ним. Вначале он помрачнел, глаза его стали темными, он с трудом сдерживался, чтобы не вспылить. Я попросил Сергея Павловича не торопиться с ответом, и когда до него дошло все значение предлагаемого мной полета, он начал улыбаться и сказал: «Ах, старая мышь, что придумал…» Мы договорились, что он серьезно обдумает это предложение и даст мне ответ. Я заверил Королева, что для подобного полета Соловьева подготовлена лучше, чем любой космонавт-мужчина, что за год мы подготовим экипаж в составе Пономаревой и Соловьевой лучше, чем экипаж «Восхода-2».

К концу нашей беседы в кабинет зашел Павел Владимирович Цыбин — он старый мой друг, мы вместе работали еще в ЦК

ДОСААФ. Сейчас Павел Владимирович работает заместителем Королева, он очень много труда и таланта вложил в «Восходы». Сергей Павлович остался готовиться к совещанию у нового секретаря ЦК КПСС Д. Ф. Устинова, а мы с Цыбиным пошли в конференц-зал, где собралось сотни две конструкторов и разработчиков систем «Восхода-2». Беляев и Леонов около 4-х часов отвечали на конкретные, а иногда и придирчивые вопросы создателей космического корабля. Оба космонавта перед лицом промышленников показали глубокие инженерные знания.

Вечером Беляев и Леонов выступали на встрече в Главном штабе ВВС. Встреча прошла очень хорошо.

3 апреля.

Сегодня в ЦПК экипаж «Восхода-2» держал отчет о полете перед специалистами Центра, ЛИИ и некоторых ОКБ. Беляев и Леонов в ответах на многочисленные вопросы специалистов и товарищей по работе очень подробно изложили свои соображения о ходе подготовки к полету, о недостатках и отказах техники в полете, о ручной посадке, об ошибках при эвакуации с места посадки. Вечером Беляев и Леонов ездили в киностудию для участия в озвучивании фильма о полете.

8 апреля.

Только что звонила Муся. Ура! У нас родился внук: рост — 42 сантиметра, вес — около 9 фунтов. Профессор Вера Ивановна Калганова позвонила Мусе и сообщила, что Люда чувствует себя хорошо, а малыш «ревет благим матом». Вера Ивановна добавила, что у новорожденного большая голова, и что он будет математиком-космонавтом. Меня очень обрадовало появление внука, давно я не переживал такой семейной радости.

За последние 4 дня было очень много событий, но я не имел ни секунды времени, чтобы хоть что-то записать в дневник…

В понедельник 5 апреля Беляев и Леонов выступали в Союзе писателей, а вечером в тот же день встречались с московскими художниками. Леонов выступает, как правило, хорошо. Беляев приобретает уверенность и опыт, и его выступления заметно улучшаются.

6 апреля с утра космонавты и я работали в ЦПК, редактировали отчеты о полете. После обеда Беляев и Леонов выступали перед рабочими Первого часового завода. В тот же день вечером состоялось

их выступление в Политехническом музее. Кроме космонавтов, на этой встрече выступали Газенко, Парин, Горбов, я и Сисакян.

Вчера Беляев, Леонов, Попович и я ездили в Калугу. Встреча была чудесной, мы побывали в доме-музее К. Э. Циолковского. Я много раз был в Калуге, много читал и слышал о Константине Эдуардовиче: поражают скромность быта и средств для научной деятельности и величайшая глубина мысли и предвидения ученого. Но даже великий Циолковский не мог предвидеть, что его дочь и внучка будут беседовать с людьми, побывавшими в космосе. Поездки космонавтов в Калугу после каждого полета входят в традицию: космонавты мысленно отчитываются перед отцом космонавтики за выполненный полет. В Калуге заканчивается строительство музея имени Циолковского, в 1961 году Юрий Гагарин в моем присутствии заложил первый камень этого здания. В городском театре мы провели торжественное собрание, сфотографировались у памятника Циолковскому. Вечером часа три провели на обкомовской даче в кругу руководства области. Первый секретарь обкома Кандренков, председатель облисполкома Демидов и секретарь горкома Смирнов очень гостеприимны, но организаторы неважные: были давки на улицах, много времени мы потратили впустую. Выехали мы из Калуги в 20:30, когда было уже темно. Впереди нашей колонны шла «Волга» с работниками КГБ; в пяти километрах от Малоярославца встречный самосвал задел «Волгу» и перебросил ее на противоположную сторону шоссе. В этой аварии сильно пострадали подполковник, майор и капитан КГБ, а также шофер «Волги».

Сегодня с генералом Гореглядом ездили в киностудию, просматривали новый кинофильм «Дневник космонавта» о полете Беляева и Леонова. Фильм удачный, я высказал единственное пожелание: заменить телевизионные кадры о выходе Леонова из корабля кадрами, снятыми внешней кинокамерой.

9 апреля.

Сегодня у всех космонавтов очень загруженный день. У Беляева и Леонова он складывается так: до 12 часов — работа над итоговым докладом о полете, в 12:30 — позирование для художников и фотокорреспондентов, в 14:30 — встреча в АПН с иностранными журналистами, в 15:30 — выступление по радио, в 17:00 съемка для телевидения, а в 18:30 — участие в устном выпуске журнала «Авиация

и космонавтика». Примерно так же загружены и другие космонавты. Сегодня вечером из поездки в Алжир и Венгрию возвращаются Терешкова и Николаев.

Только что у меня был корреспондент «Вечерней Москвы». Он сообщил следующее: польская и московская «Вечерки» объявили конкурс на лучшее выражение, характеризующее движение и работу Леонова вне корабля в открытом космосе (в воде — плавать, по земле — ходить, а как в космосе?). Редакции получили более 8000 писем, большая часть авторов которых предлагает ввести в обиход новый глагол, производный от фамилии Леонов — «леоновать» (я леоновал, ты леоновуешь, они леоновуют и т. д.). На первый взгляд слово кажется труднопроизносимым и необычным, но не надо забывать, что новые ботинки всегда жмут, новый костюм сковывает и т. д. Пройдет несколько лет, и новый русский глагол «леоновать» станет международным словом — это будет живой памятник Леонову и русскому народу. В русском языке есть тысячи иностранных слов, которые для нас звучат как родные, но и наши чисто русские слова «спутник», «Восток», «Восход», «лунник», «леоновать» будут международными словами. С каждым годом растет авторитет нашей Родины во всех делах человечества, и вполне естественно, что наш язык будет оказывать влияние и на новые словообразования в языках других народов.

10 апреля.

Вчера в АПН Беляев и Леонов выступали перед иностранными журналистами. Было очень много острых вопросов, были заданы вопросы и мне. В своем выступлении я рассказал об инициативе варшавской и московской «Вечерок» и о том, что наши лингвисты считают более приемлемым глагол «леонить» вместо «леоновать».

Вечером в ЦДСА провели устный выпуск журнала «Авиация и космонавтика», выступали Кожедуб, Попков, Чечнева, Беляев и Леонов. В сегодняшней «Правде» и других газетах есть отчет об этом выпуске журнала. Вчера в радиокомитете я заслушал пленку о проведении в меленковской средней школе № 1 (где я учился) собрания, посвященного Дню космонавтики. Ученики школы в своих выступлениях говорили и обо мне. Пришлось выступить по радио и поблагодарить земляков за внимание к нашим космическим делам.

Сегодня в 10 часов утра все одиннадцать летчиков-космонавтов СССР по моему приказанию собрались в Доме офицеров на Чкаловской; фотокорреспонденты Устинов, Черединцев и другие выполнили в нескольких вариантах съемки группы. Все труднее становится собирать эти звезды в одно созвездие. Терешкова и Николаев только вчера вернулись из Будапешта. Валя выглядит плохо, хотя и уверяет, что чувствует себя прекрасно. Дочка Николаевых развивается нормально, Андриян со счастливой улыбкой похвастался, что Леночка уже говорит «папа».

Сегодня все ребята во главе с генералом Кузнецовым едут в ЦК ВЛКСМ, а завтра будут участвовать в открытии музея подарков космонавтам в Академии имени Жуковского и проведут в ЦПК вечер, посвященный Дню космонавтики.

Вчера звонил Руденко, он беспокоился о подготовке общемосковского собрания и о составе президиума. Собрание назначено на 17:00 12 апреля в Кремлевском Дворце съездов. От ВВС в президиуме будут Вершинин, Руденко, Рытов, Каманин и все летавшие космонавты, выступят на собрании Комаров, Беляев и Леонов.

12 апреля.

Печать, радио и телевидение очень широко отмечают День космонавтики. Сегодня у Быковского родился второй сын. Три дня назад на мой вопрос: «Когда?» — Быковский ответил: «Тянем до Дня космонавтики». И дотянули: для космонавтов это приятное совпадение.

Получил сообщение ТАСС: «В газете «Нью-Йорк геральд трибюн» за 10 апреля опубликовано открытое письмо генералу Каманину московского корреспондента этой газеты Стюарта Лури по поводу статьи «Кому нужны космические небылицы?», опубликованной в «Красной звезде»…» Стюарт Лури признает, что СССР идет впереди по пилотируемым спутникам, что небылиц много, но он в них не верит. Одновременно он считает, что США уже обогнали СССР по полетам автоматических устройств к Луне, Марсу и Венере, по телевизионным спутникам и спутникам связи, и полагает, что для борьбы с ложными слухами есть только один способ: заранее объявлять о каждом намеченном полете и допускать иностранных корреспондентов на старт. Мне кажется, что письмо написано в

дружеском тоне и, в основном, правильно отражает сложившуюся обстановку, но над ответом придется серьезно подумать.

Говорил с Вершининым о моем предложении послать в начале 1966 года в космический полет двух женщин. Главком одобрил это предложение и обещал поддержать его. Одновременно он высказал пожелание послать в первый очередной полет полковника Берегового. Я объяснил Главкому, что прыжок Берегового через очередь будет болезненно встречен космонавтами, что ломать дублерские традиции вредно, и напомнил, что Волынов уже пять лет готовится к полету и четыре раза был дублером. Я уверен, что оба маршала(Вершинин и Руденко — Ред.) по вопросу о Береговом останутся в одиночестве. Королев обещал поддержать меня в этом деле, и есть надежда, что он сдержит слово.

Вчера в ЦПК ВВС провели вечер, посвященный Дню космонавтики. Присутствовали Королев, Глушко и другие. Я не был на этом вечере, но, судя по докладу полковника Аристова, вечер прошел хорошо, а по словам генерала Кузнецова, между Королевым и Глушко произошло заметное примирение. Последнее сомнительно — уж очень крепко они поссорились и долгое время упорно избегали встреч, но если примирение состоялось, от этого будет только польза для общего дела.

13 апреля.

Вчера в Кремлевском Дворце съездов состоялось торжественное собрание по случаю Дня космонавтики. В президиуме были Брежнев, Косыгин и другие руководители страны. Впервые от ВВС в президиуме, кроме космонавтов, были четверо: Вершинин, Руденко, Рытов, Каманин, а раньше был только Вершинин. Но, к сожалению, в президиуме не было Королева и других конструкторов. Я говорил с секретарем МГК КПСС Егорычевым о желательности приглашения в президиум Королева и других главных конструкторов. Егорычев сказал, что этот вопрос неоднократно ставился в ЦК КПСС, но пока решено ничего не менять, то есть по-прежнему «играть в секретность». Выступали Келдыш, Комаров, Беляев и Леонов. После собрания мы с Мусей с удовольствием послушали концерт. Говорил с Келдышем о женском космическом экипаже. Мстислав Всеволодович хорошо помнит Пономареву и Соловьеву, он сразу оценил преимущества полета женского экипажа в глазах мировой

общественности и дал слово, что поддержит эту идею. Итак, Королев, Келдыш и Вершинин проявили интерес к космическому полету женского экипажа, но, пока этой идеей по-настоящему не загорится Королев, нельзя считать завершенной «обработку» руководителей.

Сегодня говорил с маршалом Руденко о подготовке новых космических экипажей. Я предложил готовить для полета с экспериментом по созданию искусственной гравитации три экипажа: Волынов — Катыс (основной экипаж), Береговой — Демин, Шаталов — Артюхин (запасные экипажи). Руденко пытался уговорить меня назначить основным экипаж Берегового, я же защищал экипаж Волынова. Споров было много, но мне показалось, что маршал уже не уверен в своих позициях. Для полета в начале 1966 года с выходом из корабля в космическое пространство я предложил готовить пять космонавтов: Соловьеву, Пономареву, Хрунова, Горбатко и Заикина; основным назначить женский экипаж, мужской экипаж считать запасным, но можно составить и смешанный экипаж. Я сказал Руденко, что идею полета женского экипажа поддерживают Королев, Келдыш и Вершинин, но маршал не был готов сразу высказать свое мнение по этому вопросу и дал согласие решать его по моему усмотрению. Руденко сегодня собирается лечь в госпиталь, и у него не было ни времени, ни желания вести со мной длительные дебаты.

14 апреля.

Вчера Беляев и Леонов более пяти часов были заняты на телевизионных съемках для США. Съемки с разрешения ЦК КПСС проводились в АПН группой американских специалистов, они задавали массу технических вопросов, их особо интересовали скафандр, конструкция шлюза и оборудование корабля. Беляев и Леонов отвечали на вопросы очень кратко и сдержанно, они чувствовали себя несколько стесненно.

Говорил по телефону с Королевым. Я назвал ему 12 космонавтов, подготовку которых мы намерены начать в ближайшее время. Три экипажа (Волынов — Катыс, Береговой — Демин, Шаталов — Артюхин) будем готовить для длительного полета на ЗКВ, а три других экипажа — для полета на ЗКД с выходом в космос (Пономарева — Соловьева, Заикин — Хрунов, Шонин Горбатко). Королев, в основном, согласился с нашим предложением, но о Пономаревой отозвался в том духе, что «уж больно она занудна». Это выражение по адресу

Пономаревой я неоднократно слышал и от Гагарина. Все космонавты будут против полета женского экипажа. Придется еще много поработать, чтобы убедить Госкомиссию послать в полет женщин. Через 2–3 дня я дам официальное распоряжение готовить Пономареву и Соловьеву к космическому полету. Королев выразил пожелание для полета на ЗКВ подобрать врача из института Минздрава, я не стал по телефону спорить по этому вопросу, но при очередной встрече предложу вместо врача и животных установить дополнительный двигатель для осуществления маневра корабля с целью изменения его орбиты. Я говорил по данному вопросу с Вершининым, и он одобрил мое предложение.

16 апреля.

Вчера итальянский посол вручил Гагарину золотую медаль астронавтического общества Италии. Беляев и Леонов выступали вчера в ЛИИ у Н. С. Строева. Коллектив ЛИИ многое сделал по подготовке космонавтов и вполне заслужил большую благодарность от них и руководства ЦПК ВВС.

Генерал Холодков, полковник Смирнов и Северин уже несколько раз докладывали о том, что анализом пленок телеметрии точно установлено: Леонов, находясь вне корабля, все время обеспечивался кислородом из ранца и с борта корабля одновременно, а должен был перейти только на автономное питание от кислородного ранца.

Выявляется очень много противников женского космического полета, категорически против него Гагарин и почти все космонавты. Сегодня против такого полета высказались генерал Холодков и полковник Смирнов. Убежден, что прав я, защищая идею полета женского экипажа, но придется еще потратить немало времени, терпения и нервов, чтобы доказать его целесообразность.

Звонил генерал-лейтенант Захариев Захарий Семенович (атташе посольства Болгарии). Он выяснял возможности приглашения на май в Болгарию Беляева и Леонова. Я сказал ему, что мы планируем отдых космонавтам с 15 мая. Захариев загорелся идеей организовать им отдых в Болгарии. Завтра он летит в Софию, где организует официальное приглашение космонавтам, и вернется в Москву 29 апреля.

Вчера Беляев и Леонов легли в авиационный госпиталь на обследование, которое продлится шесть суток. На это время я до

минимума сокращаю их общение с «внешним миром».

Очень большое беспокойство вызывает состояние Терешковой. Она сейчас имеет вес на 4–5 килограммов меньше, чем перед полетом; худоба очень старит ее. Меры, предпринимаемые врачами, пока не дают положительных результатов. Сама Терешкова и все врачи в один голос утверждают, что она здорова, а здоровья не видно. Все замечают, что Валя выглядит неважно, и только она сама еще не осознала этой резкой перемены к худшему. Я уже несколько раз на ее вопрос: «Как вы меня находите?» — отвечал: «Плохо, надо больше есть и набрать минимум 4–5 килограммов веса». Сегодня Валя должна была выступать на заводе Ильича, но она позвонила и попросила заменить ее Поповичем.

17 апреля.

Был в ЦПК. Говорил с Гагариным и Николаевым о кандидатах для очередных космических полетов. Нам необходимо одновременно начинать подготовку экипажей для четырех «Восходов» (два длительных полета и два полета с выходом из корабля). Все летавшие космонавты во главе с Гагариным высказались против женского экипажа и против Берегового и Шаталова. А Терешкова ничего не имеет против Соловьевой, но вместо Пономаревой предлагает включить в женский экипаж Кузнецову или Еркину. К чести Терешковой надо признать, что она не настаивает на своем предложении. Обращаясь ко мне, она сказала: «Николай Петрович, это мое сугубо личное мнение. Вам виднее, решайте вы — мы будем выполнять любое ваше решение». С ребятами дело обстоит хуже: чувствуется, что они решили упорно защищать интересы своих однокашников (Волынов, Хрунов, Заикин, Шонин), еще не побывавших в космосе. Они считают, что Заикин и Горбатко ничем не хуже Берегового и Шаталова, хотя объективно двое первых не идут ни в какое сравнение с последними. Не взирая на возражения космонавтов, я собрал все руководство ЦПК и объявил о назначении для подготовки к космическим полетам следующих экипажей:

1) Волынов — Катыс (основной экипаж ЗКВ);
2) Береговой — Демин (дублеры);
3) Шаталов — Артюхин (дублеры);
4) Пономарева — Соловьева (основной экипаж ЗКД);
5) Заикин — Хрунов (дублеры);

6) Шонин — Горбатко (дублеры).

Из шести экипажей слетать должны четыре. В октябре этого года планируется полет экипажа Волынова продолжительностью 8-10 суток с экспериментом по созданию искусственной гравитации. На первую половину 1966 года намечаются полеты экипажей Берегового и Пономаревой. Однако в связи с тем, что американцы до конца этого года собираются запустить еще три корабля «Джемини» и будут пытаться довести продолжительность полета до 7–8 суток, нам нужно будет кое-что пересмотреть в своих планах.

После официального объявления состава экипажей я беседовал с Пономаревой и Соловьевой. Я сказал им, что имеются серьезные противники нового женского полета, а кое-кто утверждает, что женщинам просто не под силу полет с выходом в открытый космос. Такая обстановка обязывает нас организовать особо тщательную подготовку женщин к полету. Я верю, что такое задание по плечу Пономаревой и Соловьевой, остается подкрепить эту уверенность отличной подготовкой их к полету. Пономарева и Соловьева обещали доказать, что они справятся с заданием не хуже мужчин.

19 апреля.

Вчера весь день, как вол, работал на даче. Работал лопатой, граблями, метлой, убирал накопившийся за зиму мусор и жег его на костре. Учил Олю кататься на двухколесном велосипеде, велосипед великоват, и его освоение пойдет не быстро. Муся весь день возилась с цветочной рассадой. Лева и Люда с малышом остались в Москве. Малыш пока никого не беспокоит, он только спит и ест, ест и спит.

Показал Вершинину и членам Военного Совета ВВС кинофильм о полете Беляева и Леонова. В нем есть очень четкие цветные кадры с видами Земли, горизонта и космонавта вне корабля. Этот фильм, кроме Л. В. Смирнова и С. П. Королева, еще никто не видел, но он предназначен для показа широкой публике. Главкому он понравился, и я предложил показать фильм маршалу Малиновскому. Сегодня Вершинин и я были у Малиновского, показали ему наш фильм и американский фильм о Луне (съемки с «Рейнджера-7»). Просмотр произвел впечатление на министра. Мы с Вершининым при комментировании фильмов пытались неоднократно, но безуспешно, завязать с Малиновским разговор о состоянии космических дел в МО. После просмотра наша попытка продолжить разговор с министром на

космические темы также не удалась. Малиновский не хочет даже пальцем шевельнуть в интересах развития космонавтики.

Вечером в Большом Кремлевском дворце проходил правительственный прием в честь монгольской партийно-правительственной делегации во главе с Цеденбалом. Мы с Мусей побыли на приеме не больше часа и уехали на дачу. На приеме было свыше 600 человек, из космонавтов были только Комаров, Титов и Феоктистов. Приемов так много, что посещения их космонавтами приходится ограничивать.

20 апреля.

Получил письмо Келдыша, в котором он настоятельно рекомендует повторно рассмотреть как кандидата в космонавты математика Егорова (однажды медкомиссия ВВС уже забраковала его по состоянию здоровья, да и в моральном плане он не совсем чист). Звонил В. П. Глушко, а Ф. Д. Ткачев прислал письмо оба просят в ближайшие дни организовать встречу космонавтов с рабочими и учеными их предприятий. Звонил Л. О. Утесов, 23 апреля отмечается его 70-летие, и он приглашает ребят на юбилей. Просьб, писем, звонков сейчас даже больше, чем было после полета Гагарина. В апреле и мае много больших праздников (День космонавтики, 95-летие со дня рождения Ленина, Первое мая, 20-летие победы над Германией), все хотят видеть на своих торжественных собраниях летчиков-космонавтов, и хотя их уже одиннадцать, но удовлетворить все просьбы мы не можем. Более 90 процентов заявок остаются неудовлетворенными, много обид и жалоб.

Из Франции получена шифр-телеграмма от нашего посла Зорина, он просит продлить пребывание Терешковой и Николаева во Франции на 2–3 дня. Предполагается, что космонавты будут приняты сенатом, национальным собранием и правительством Франции. На это лето намечается очень много заграничных поездок космонавтов: поступили уже заявки из Франции, Монголии, Финляндии, Норвегии, Греции, Ирана, Румынии, США, Чехословакии, Югославии и других стран. По заграничным поездкам космонавты не выполняют и одной трети имеющихся приглашений.

Был у Главкома и просил его позвонить Дементьеву, чтобы он дал указание Строеву (ЛИИ) о постройке для ЦПК ВВС космического тренажера. Кроме того, я доложил Вершинину, что генерал-полковник

Пономарев более шести месяцев «тормозит» перевозку из Ногинска в ЦПК тренажера по стыковке, и что его же «усилиями» уже целый год идет переоборудование самолета Ту-104 для полетов на невесомость. Вершинин при мне приказал Пономареву передать тренажер в ЦПК и ускорить оборудование Ту-104. Пономарев не только ничего не делает по космосу, но даже вредит нашему делу. Он звонил мне и пытался обвинить меня в неправильном докладе Главкому. Я ему заявил, что мой доклад основан на фактах, и его главная цель — ускорить создание базы для тренировок космонавтов, в чем мы почти не чувствуем помощи от организаций, подчиненных Пономареву.

Звонил академик Сисакян и просил разрешения взять с собой в поездку во Францию новый фильм «В скафандре над планетой». Я помог ему в этом деле. Одновременно Сисакян сообщил, что Келдыш утвердил его предложение о наборе кандидатов в космонавты из числа ученых — биологов, астрономов и физиков. Практическую часть этой работы АН СССР поручила Скуридину.

21 апреля.

Беляев и Леонов заканчивают сегодня недельное обследование в авиационном госпитале. Пока у них не отмечается никаких последствий космического полета.

Звонили Гагарин и Комаров. Окончательно договорился с ними о поездке в Ленинград. 23 апреля поездом «Красная стрела» в Ленинград выезжают: Гагарин, Титов, Комаров, Беляев, Леонов, Каманин, Никерясов, Гагарина и Комарова. Сегодня в Ленинград выезжают сотрудники журнала «Авиация и космонавтика», а писатель Рябчиков и руководитель киносъемок Макаров уже уехали туда. Мы проведем в Ленинграде устный выпуск журнала «Авиация и космонавтика», организуем несколько встреч космонавтов с трудящимися города и молодежью, а вечером 24 апреля поедем на охоту. Об этой поездке мы поставили в известность секретаря ЦК КПСС Устинова, все вопросы пребывания в Ленинграде согласованы с секретарем обкома Толстиковым и командующим войсками округа.

В этой тетради дневников остается всего четыре листа, до отъезда в Ленинград я сделаю в ней еще некоторые заметки. Сейчас я бегло просмотрел ее содержание. Подготовка и осуществление полетов «Восхода» и «Восхода-2» — вот главная тема моих записей в этой тетради. Записи я вел кратко, между делами, разговорами и

телефонными звонками, часто приходилось прерывать запись на полуслове. Но многие факты настолько интересны сами по себе, что им и не требуется «художественное оформление». Не знаю, будут ли когда-нибудь мои записки представлять общественный интерес, но для меня лично они стали необходимостью. Мне кажется, что я не выполню своего служебного и морального долга до конца, если не запишу самое главное о первых шагах советских людей в космосе.

Сегодня провел второе заседание мандатной комиссии по отбору космонавтов, пропустили шесть человек, впечатление хорошее, но очень большой отсев по медицинским данным. Прошлый раз мы из семи кандидатов пропустили шесть, а медкомиссия из шести забраковала четверых. Из всех тринадцати рассмотренных нами кандидатов, инженер-капитан Колесников, бесспорно, лучший, и я буду рад, если он успешно пройдет всю процедуру отбора.

Совещались у Пономарева (Мишук, Иоффе, Холодков и я) по космическому тренажеру. Пономарев неожиданно согласился с моим предложением поручить институту генерала З. А. Иоффе делать новый тренажер для ЦПК. Такое решение позволило бы нам не связываться с «конторой Даревского», и, главное, процесс создания тренажера мы могли бы держать под постоянным контролем.

22 апреля.

Страна отмечает 95-ю годовщину со дня рождения Ленина. Все газеты, журналы, кино, радио и телевидение заполнены ленинскими материалами. Чем дальше в историю уходит великое имя Ленина, тем шире и значительнее становится все, свершенное Ильичом и его партией. Придет время, и имя Ленина будет единым знаменем планеты Земля.

Вчера прямо из госпиталя ко мне заезжали Беляев и Леонов. Они доложили, что врачи не обнаружили никаких отклонений в их здоровье. В момент их прихода у меня в кабинете проходила беседа с одним из новых кандидатов в космонавты — летчиком Бредихиным. Мы придирчиво разбираем каждого кандидата, пытаемся понять мотивы, побуждающие его искать пути в космос, объясняем, что освоение космоса — трудная и опасная работа; «пугаем» 80-градусной жарой, большими перегрузками, длительным одиночеством в замкнутом пространстве и возможностью тяжелых происшествий. Я попросил Беляева и Леонова рассказать Бредихину всю правду о

трудностях космических полетов. Беляев, обращаясь к Бредихину, сказал коротко: «Если вы только по газетам и по триумфальным встречам космонавтов имеете представление о космосе, то вы глубоко заблуждаетесь. За время прохождения комиссий присмотритесь поближе к условиям нашей работы и вы поймете, что у «космических роз» не только приятный запах, но и очень острые колючки». А Леонов сказал еще короче: «Страшно все то, что незнакомо. Не надо бояться трудностей и не надо пугать ими. Человек все может преодолеть ради ясной и осознанной цели». Молодой летчик Бредихин (ему 24 года) твердо заявил нам: «Трудностей я не страшусь. Уверен, что смогу быть полезным и в космосе».

Вчера Беляев и Леонов выступали на встрече ветеранов в Кремлевском Дворце съездов. Сегодня и завтра они будут работать над докладом об итогах полета. Гагарин, Николаев, Титов и Попович сегодня ездили к В. П. Глушко на занятия по двигателям.

До 15 мая все обучающиеся в академии Жуковского космонавты должны сдать зачеты по ряду дисциплин. У всех обучение идет вполне удовлетворительно, только Быковский имеет хвосты по пяти предметам. Быковский много болеет, а врачи не находят у него ничего серьезного, но он часто простужается, температурит и не выходит на службу. За прошлый год у него было восемь простудных заболеваний, а за 4 месяца этого года — уже три. Придется «потрясти» врачей по состоянию здоровья Быковского, оно меня начинает беспокоить.

По последним американским данным космический корабль «Джемини-3» под управлением Вирджила Гриссома не долетел до расчетной точки посадки 96 километров — такая ошибка в пределах нормальных отклонений. Все наши «Востоки» и «Восход» садились с большой точностью, но они выполняли посадку в автоматическом режиме. Беляев производил посадку «Восхода-2» вручную на 18-м витке, на котором нет благоприятных районов для приземления на территории СССР (часть трассы проходит над густозаселенной местностью, а часть — над тайгой и горами). Беляев правильно выбрал район для посадки, мы на КП согласились с его решением, но он опоздал с включением ТДУ на 46 секунд, и это опоздание привело к перелету на 368 километров от расчетной точки. Беляев отлично справился с посадкой корабля вручную — другой на его месте мог бы и не посадить корабль. Дело в том, что космонавтам в скафандрах и в

условиях невесомости было очень трудно сориентировать корабль вручную. Для ориентации корабля «по-посадочному» обоим космонавтам пришлось «выйти» из кресел, причем Беляев лег поперек кресла, и только в таком положении ему удалось сориентировать корабль. При нахождении космонавтов вне кресел нельзя было запускать ТДУ (при измененном положении центра масс космический корабль мог получить нежелательную закрутку), поэтому Беляев и Леонов после окончания ориентации быстро заняли свои места в креслах, выправили корабль и включили ТДУ, но на все это ушло 46 секунд…

23 апреля.

С утра начали беспокоить корреспонденты ТАСС, АПН и газет. Они уже узнали о наших намерениях выехать сегодня в Ленинград и хотят провести с нами беседы, встречи, интервью… Пришлось дать интервью корреспонденту «Вечернего Ленинграда».

Звонила Маргарита Раценская — наша знаменитая планеристка, жена летчика-испытателя С. Н. Анохина. У них есть дочь, ей 20 лет, она учится на третьем курсе института (изучает английский язык) и уже летает и прыгает с парашютом. Анохин и Раценская поддерживают желание дочери быть космонавткой. Посоветовал им, чтобы дочь сначала закончила институт, а уж потом пыталась попасть на космическую дорогу.

Сегодня С. П. Королев предпринимает очередную попытку вывести на орбиту «Молнию» — спутник, предназначенный для ретрансляции телевизионных передач. У нас уже было несколько попыток решить эту задачу, но все они окончились неудачно. Последний раз спутник был выведен на орбиту, но его антенны не развернулись, и эксперимент не получился. Наша космическая программа пусков спутников-автоматов терпит жестокий провал. Это не случайные ошибки, а именно провал всей системы подготовки таких пусков. Все отдано на откуп только Королеву, его работу никто серьезно не контролирует, ему плохо помогают, а помогать крайне необходимо, особенно в организации наземных испытаний космической техники. Большую помощь Королеву могли бы оказать ВВС, но из-за косности руководства МО, из-за ведомственных барьеров, организации ВВС совершенно не привлекаются к работе по отработке автоматических спутников. Мы помогаем Королеву лишь в

создании и отработке пилотируемых кораблей, но даже и здесь делаем не все, что могли бы. Очень мешает отсутствие «единоначалия в космосе». По этим же причинам отстает и разработка военно-космических тем.

Звонил из Ленинграда Е. И. Рябчиков, он сообщил, что все согласовано и подготовлено для встречи космонавтов. Кроме выступлений и встреч, для Беляева и Леонова запланирована киносъемка на «Авроре», в Петропавловской крепости (каземат, где сидел Кибальчич) и в Эрмитаже (у картины Васнецова «Ковер-самолет»). В последний момент все космонавты захотели взять с собой жен, это несколько «отяжеляет» нашу экспедицию, но пришлось согласиться с их просьбами.

28 апреля.

Позавчера мы самолетом Ту-104 вернулись из Ленинграда. 24 апреля в Таврическом дворце провели устный выпуск журнала «Авиация и космонавтика». Кроме ленинградских товарищей, на встрече выступали летчики-космонавты СССР: Гагарин, Титов, Комаров, Беляев и Леонов. Зал был переполнен, присутствовало руководство города и области, встреча транслировалась по радио и телевидению. После выступлений космонавтов состоялся просмотр фильма «В скафандре над планетой» и большой концерт. Космонавты провели более десяти выступлений на заводах, в институтах, клубах и воинских частях. Вместе с Валентином Петровичем Глушко космонавты побывали в Петропавловской крепости, осмотрели места, где еще в 1931 году под его руководством испытывались первые реактивные двигатели. Были мы и на крейсере «Аврора». Первый комиссар крейсера — участник штурма Зимнего дворца — Белышев очень тепло приветствовал нас на борту корабля. После окончания официальной части программы вечером 24 апреля мы выехали в охотничье хозяйство «Сосновка» на берегу Ладожского озера.

Погода была прохладной, в лесу еще много снега, а на Ладоге — лед. Пришлось отказаться от мысли поохотиться на уток и переключиться на рыбалку и боровую дичь (глухари, тетерева). Я первый раз в жизни охотился на глухаря. В два часа ночи в полнейшей темноте я, Титов и егерь, оставив автомашину, направились к глухариному току. Под ногами хлюпала вода, по лицу хлестали ветки деревьев, в любую минуту можно было выколоть глаз или искупаться в

холодной воде, но нас неудержимо тянуло вперед. Егерь шел впереди, а след в след за ним шли я и Титов. В три часа мы были на месте, через 15–20 минут напряженного внимания услышали первые звуки, издаваемые уже проснувшимися глухарями. На «свидание» с первым глухарем я отправил Титова. Егерь и Титов ушли, я остался один, было еще совершенно темно, только казалось, что восточная часть неба немного светлее. Через 20 минут я услышал одиночный выстрел, а еще через 10 минут увидел Германа и егеря — они несли здоровенного глухаря. Я три раза подходил к токующим глухарям на расстояние 40–50 метров, один раз стрелял, но неудачно. Меня эта неудача мало тронула: мне было интересно испытать весь процесс прослушивания, наблюдения и подхода к глухарям. Титов и Леонов убили по глухарю, Гагарин утку и двух тетеревов. Много наловили рыбы. Поездкой на охоту и рыбалку все были очень довольны.

Сегодня на мандатной комиссии рассмотрели четверых кандидатов в космонавты, все они имеют высшее образование и специальность «штурман-инженер», летают вторыми штурманами на Ту-16. Решили пропустить для дальнейших обследований только двоих. Общее развитие, русский язык и познания о космосе у большинства кандидатов неутешительные. Прошло уже пять суток, как в Советском Союзе вывели на орбиту «Молнию-1»; об этом событии написано во всех газетах, передают сообщения радио и телевидение, а кандидаты в космонавты ничего не знают о «Молнии». Чувствуется, что они мало читают, не знакомятся систематически с новостями, да и особого интереса к космическим делам не проявляют, хотя пишут в рапортах: «Хочу в космос». Правда, всем этим кандидатам по 23–25 лет, они заняты интересной летной работой и, по-видимому, физически не в состоянии уделять много внимания своему всестороннему развитию.

Заходили Кузнецов, Гагарин и Комаров. Кузнецов направился от меня в НТК ВВС защищать план создания тренажерной аппаратуры, а Гагарин и Комаров участвовали в работе мандатной комиссии.

29 апреля.

С 9:00 до 13:00 в планетарии слушали лекции о Луне. Присутствовало около 200 человек от Кузнецова, Волынкина, Холодкова и других организаций. Многое в лекциях уже устарело, полеты американских «Рейнджеров» дали много нового. Остается

неясным главное: какова плотность поверхностного слоя Луны? Американские ученые склонны сравнивать поверхность Луны с мягким снегом или мхом. Посадка и взлет с такой поверхности будут затруднительны. Судя по имеющимся материалам, особенно по снимкам «Рейнджеров», я прихожу к заключению, что у многих ученых наблюдается тенденция несколько преувеличивать трудности выбора места посадки на Луне с учетом плотности ее грунта.

Экспедиция на Луну — это очень сложное дело, ее нужно во всех аспектах готовить уже сейчас, чтобы осуществить через 3–5 лет. У нас есть решение ЦК КПСС и правительства по организации облета Луны в 1967 году и высадке экспедиции в 1968 году. Решения очень важные, но выполняются они плохо, и сейчас уже можно сказать о нереальности запланированных сроков. Я глубоко убежден, что мы можем через три года осуществить экспедицию на Луну, но это возможно только при отличной организации дела и полной мобилизации всех наших возможностей. К сожалению, пока нет ни того, ни другого. Экспедиция на Луну — это полет не одиночного корабля, а полет целой космической эскадры из 3–5 кораблей. На лунной орбите нужно будет иметь не менее трех кораблей, имеющих запасы горючего и средств жизнеобеспечения и способных оказать помощь прилунившимся космонавтам. До проведения экспедиции необходимо выполнить несколько облетов Луны экипажами, наладить систематическое наблюдение за ней с помощью лунных спутников и произвести несколько прилунений и взлетов с Луны автоматических устройств. Возможно, потребуется до прилунения экспедиции доставить на лунную поверхность запасы горючего, кислорода, пищи и необходимую аппаратуру. Корабли, имеющие задачей посадку на Луну и взлет с нее, должны обладать летными данными вертолетов и способностью стыковки на орбите. Высадка экспедиции и запасов на Луне должны производиться в тщательно обследованном районе в круге радиусом не более 50 метров.

Сегодня в Театре Советской Армии ВВС проводят торжественное собрание, посвященное 20-летию победы над фашистской Германией. Там будут все наши космонавты, и я собирался поехать туда же, но позвонил маршал Гречко и попросил показать и прокомментировать кинофильм «В скафандре над планетой». В ожидании приезда

маршала нашлось несколько свободных минут, и рука сама потянулась к дневнику…

Сегодня мне звонил Матвей Петрович Шелыганов — он старый мой друг по работе в Приморье и по спасению челюскинцев. Матвей отличный человек, образцовый семьянин, опытный и высокообразованный генерал, он четверть века работал в разведке, много лет руководил институтом. Ему 57 лет, здоровье и работоспособность у него лучше, чем у многих молодых, но его уволили из армии. Я говорил с заместителем председателя Совета Министров СССР Константином Николаевичем Рудневым и просил его взять к себе на работу Шелыганова. Руднев обещал вызвать Шелыганова и решить вопрос его трудоустройства.

30 апреля.

Вчера кинофильм «В скафандре над планетой», кроме маршала Гречко, смотрели маршал Баграмян, генерал армии Пеньковский, генерал-лейтенант Комаровский и генерал-полковник Брайко. Фильм всем понравился, он дает неплохое представление о трудностях космического полета.

Сегодня на заседании мандатной комиссии рассмотрели пятерых кандидатов. Все пятеро — лейтенанты: штурман-инженер Юрий Алексеевич Шушаков и летчики-инженеры Петр Васильевич Абрамов, Владимир Николаевич Васильев, Виктор Иванович Володин и Валерий Николаевич Емельянов. Эта пятерка кандидатов производит благоприятное впечатление. Думаю, что один-два из них выйдут на большую космическую трассу и прославят и себя, и нашу Родину. Мы имеем намерение до конца года отобрать 40 слушателей-космонавтов. Главком и министр обороны одобрили мои предложения по этому вопросу, но мне известно, что в Генштабе настроены против такого большого набора. Вчера один из штабистов советовал мне ограничиться набором только двадцати человек. Желая позлить его, я заявил, что для нас не только двадцать космонавтов, но и сорок маловато, и, возможно, мы будем набирать больше сорока человек. Для нескольких облетов Луны и для осуществления экспедиции на Луну нам потребуется не меньше двух десятков космонавтов, уже совершивших длительные орбитальные полеты.

Только что от министра позвонил генерал Петров и сообщил, что Малиновский подписал приказ о присвоении звания полковника П. Р.

Поповичу. Итак, уже пять космонавтов — Гагарин, Николаев, Комаров, Попович и Беляев стали полковниками. Титов, Быковский и Леонов — подполковники, а Терешкова майор. Быстрый рост в воинских званиях, пожалуй, далеко не благо. Малоустойчивым натурам, а таких большинство, это может и повредить, вселив в них сомнительную уверенность в то, что им все можно. На днях я рекомендовал Поповича в состав делегации ВВС, выезжающей в Париж на авиационную выставку, а сегодня генерал-полковник Брайко высказал сомнение в достоинствах Поповича для участия в такой поездке. Я подтвердил, что Поповича можно направить в Париж, хотя хорошо знаю, что Павел Романович иногда проявляет излишнюю легкость в поведении и необдуманность в речах (так было на Кубе и в Австрии). Придется с ним серьезно поговорить.

3 мая.

1 и 2 мая провел на даче. Три дня шел холодный дождь — затяжная весна. Сегодня тоже пасмурный и холодный день. Праздники прошли нормально, происшествий нет. Генерал армии Епишев сообщил, что на днях Гагарин должен ехать в ГДР, а Леонов — в Чехословакию. Феоктистов и Егоров поедут в США, короче говоря, добрая половина летчиков-космонавтов убывает за границу, а оставшиеся будут по 2–3 раза в день участвовать во встречах: работать и учиться будет некому. Сегодня у меня необычно плохое настроение. Я не могу определить, чем оно вызвано, видимых причин для хандры нет, но тем не менее прилива энергии и привычной работоспособности тоже нет.

Сегодня у меня были ветераны 5-го ШАК полковники В. М. Пикулик, В. Н. Коряков и П. И. Пестряков. Договорились, что человек 100–120 сослуживцев по авиационному корпусу примут участие в сборе однополчан Второй воздушной армии, который проводит маршал Красовский 15 мая. Я передал Пестрякову 40 фотографий периода войны и просил его принять участие в подготовке стенда, отображающего боевую работу 5-го штурмового авиакорпуса.

5 мая.

Холода продолжаются, вчера и сегодня утром шел мокрый снег. Работать в поле и огородах нельзя: почва раскисла.

Вчера приезжал генерал Н. Ф. Кузнецов, он привозил планы подготовки экипажей к двум очередным полетам — планы я утвердил.

Г. П. Катыс вчера уже закончил 10-дневную тренировку в сурдокамере. Врачи доложили, что Катыс вполне удовлетворительно выдержал все испытания.

Кузнецов доложил также о ходатайстве А. Г. Николаева о снятии взыскания с Германа Титова, наложенного приказом Главкома в январе 1964 года. У меня еще нет полной уверенности, что Титов исправился, но последнее время он ведет себя вполне прилично. Взыскание придется снять, но Германа необходимо держать под постоянным и строгим контролем.

Звонил Быковский, он интересовался судьбой своего рапорта о приобретении в Чехословакии детского молока для его малыша. По этому поводу пришлось просить министра финансов разрешить обменять 150 рублей на чехословацкие кроны, и только после разрешения на обмен денег закажем в Праге молоко.

Сегодня Беляев и Леонов выступают перед участниками парада и в ТАСС. Черединцев сделал для них отличные фотоальбомы, и сегодня Горюнов(в годы войны — командующий 5-й Воздушной армией — Ред.) преподнес их космонавтам. Вчера Терешкова и Николаев были в МИДе и АПН — они готовятся к своей поездке в Париж.

6 мая.

Вчера в Театре Моссовета выступал перед сотрудниками института «Гидропроект» с докладом о 20-летии победы над фашистской Германией.

Только что звонил с полигона С. П. Королев, он сказал, что прочитал материалы моей комиссии о работе экипажа «Восхода-2» и остался ими недоволен. По мнению Сергея Павловича, комиссия не дала ясного заключения о работе экипажа при выполнении ручной посадки. Я объяснил Королеву, что по просьбе Цыбина ему выслали черновой рабочий материал комиссии, которого я не видел, не читал и не подписывал. Обещал до 15 мая оформить и подписать заключение комиссии.

Сегодня Гагарин вылетел в ГДР, а Леонов — в Чехословакию. Перед отлетом оба заезжали ко мне, я их проинструктировал о характере празднеств, о содержании их выступлений и снабдил сувенирами и подарками для Ульбрихта, Новотного и других руководящих деятелей ГДР и Чехословакии.

Сегодня же Главком подписал приказ о снятии взыскания с Титова. Я разрешил Титову перегнать его «Волгу» на ремонт в Горький.

7 мая.

Приближается великий 20-летний юбилей победы над гитлеровской чумой. 20 лет назад утром 9 мая 1945 года летчики моего авиакорпуса еще вылетали на боевое задание в район западнее Брно, где продолжала сопротивляться сильная группировка немцев. Но уже к 8–9 часам немцы полностью прекратили сопротивление и колоннами с оружием шли сдаваться в плен.

Сегодня опубликован Указ Верховного Совета о присвоении звания Героя Советского Союза участникам войны. Всего получили это звание 12 человек большинство посмертно, и среди них генерал армии Ватутин, под командованием которого я воевал. Среди живых награжденных одно знакомое мне имя — Ирина Левченко. Я знаю ее как корреспондента «Правды», она всегда вызывала у меня антипатию, а сейчас, после награждения, я и руки ей не подам. Я уверен, что награждение Левченко и других живых «героев» спустя 20 лет после свершения ими «подвига» — большая ошибка правительства: такие награды возмущают участников войны и умаляют заслуги павших в боях. Сейчас, когда еще живы миллионы людей, принимавших участие в войне, несправедливо отмечать и награждать некоторых, забывая заслуги всех других. Из серии мероприятий правительства по празднованию 20-летия победы наиболее удачные: открытие Музея Вооруженных Сил в Москве и награждение всех участников войны юбилейной медалью.

8 мая.

С утра был в ЦПК. Я намеревался часов пять поработать там с представителями ОКБ-1 и другими товарищами по вопросам оценки деятельности экипажа «Восхода-2» в полете. Королев и его специалисты настоятельно просят смягчить характеристику корабля «Восход-2». В проекте заключения комиссии было написано: «При нахождении экипажа в креслах кораблем «Восход-2» вручную управлять нельзя». Для точной ориентации корабля и производства посадки вручную Беляеву пришлось занять положение поперек кресел, а Леонову — под креслом. Леонов должен был придерживать Беляева поплотнее к креслам, чтобы тот не всплывал и не закрывал своим

телом «Взор». Королев согласился, что во всех последующих «Восходах» будут созданы условия для нормального управления кораблем вручную из кресла, и просил не сгущать краски вокруг этого недостатка на «Восходе-2».

Нам не удалось поработать, как я намечал: Главком ВВС вызвал меня и всех космонавтов к себе к 12 часам. Вершинин в своем кабинете вручил мне, генерал-полковнику Полынину и всем космонавтам — Героям Советского Союза золотые часы с надписью «От ЦК КПСС и Советского правительства Герою Советского Союза…….. в день 20-летия Победы в Великой Отечественной войне».

Вечером был на торжественном собрании во Дворце съездов в Кремле. В президиуме после многолетнего перерыва появился маршал Жуков. Публика встретила Жукова очень приветливо: «Ура! Слава Жукову!» и т. д. С двухчасовым докладом выступил Л. И. Брежнев. Доклад был объективным и содержательным никого не забыли и всем отдали должное. Брежнев хорошо сказал о деятельности Сталина, а битву на Волге назвал сталинградской — участники собрания эти его слова встретили аплодисментами. По моему мнению, в зале нужно было повесить портрет Сталина и вновь назвать Сталинградом хрущевский Волгоград.

10 мая.

Вчера был на параде. Все маршалы, в том числе и Жуков, стояли у мавзолея. Парад хороший, но жаль, что не было авиации. Вершинин излишне перестраховался и не решился за 2–3 недели подготовить авиацию к параду, а сделать это было и нужно, и можно.

Сегодня в 8:40 Терешкова и Николаев вылетели в Париж. Мы с Мусей провожали их на Шереметьевском аэродроме.

В сообщении ТАСС от 6 мая говорится, что американский корреспондент пишет из Нью-Йорка о выступлениях Скуридина и Газенко и приписывает им такое заявление: «У Леонова во время выхода в космос была временная потеря зрения, слуха и ориентации». Я послал Скуридину и Газенко согласованную с Келдышем и Руденко телеграмму с требованием немедленно опровергнуть эту ложь.

Наш посол из Праги сообщил: «Подгорный разрешил Леонову на три дня остаться в Чехословакии». По просьбе ЦК ВЛКСМ дал указание Комарову вылететь сегодня в Киев и выступить там на республиканском совещании молодых ученых. Заходили Попович и

Быковский и от имени всех космонавтов просили сократить их поездки на встречи, приемы и т. д. С 15 мая начинаются экзамены в академии. До конца мая обещал никого не трогать и дать возможность готовиться к зачетной сессии.

Вчера вывели на орбиту, а затем и на трассу к Луне «Луну-5». Этот лунник должен попытаться мягко прилуниться, но если даже он прилунится и жестко, это уже будет большим достижением. Несколько предшественников «Луны-5» не дошли или не попали на Луну, и принципы мягкого прилунения еще ни разу не проверены на практике. Королев и другие авторы лунников потеряли уже веру в свои творения и будут рады хотя бы частичному успеху этого полета.

11 мая.

О полете «Луны-5» сегодня в «Правде» нет ни слова: по-видимому, опять какая-то неудача — надо будет уточнить ход полета у генерала Карася. Говорил с генералом К. А. Керимовым. Он уже ушел из ракетных войск и работает начальником управления в Министерстве общего машиностроения — новом министерстве, созданном для руководства космической промышленностью. Керимов сообщил, что всю ночь занимались расчетами и коррекцией трассы полета, только к утру убедились, что полет идет нормально, и поэтому сообщить в газеты не успели.

Говорил по «ВЧ» с Вершининым (он в районе Львова на показе военной и космической техники для военных делегаций из социалистических стран), доложил ему, что Комаров сегодня уже в Киеве и, если он потребуется при показе космической техники (выставлен корабль Терешковой и все оборудование: скафандр, НАЗ и т. д.), то его можно немедленно доставить к месту выставки.

Звонили сейчас из ЦК КПСС и МИДа. Получено приглашение космонавтам Беляеву и Леонову от Ульбрихта, он приглашает их в ГДР на октябрь. Социалистическая партия Японии приглашает Терешкову и Николаева в Японию на конец октября. Поповича направляем во Францию, Титова — в Финляндию, экипаж Комарова также приглашен во Францию. А сейчас Кордюков из МИДа сообщил, что президент Конго (Браззавиль) приглашает космонавтов посетить его страну. Много и других приглашений. Поездки космонавтов за границу — дело хорошее и полезное и для них, и для нашей страны, но они очень мешают работе и учебе космонавтов.

13 мая.

Итак, «Луна-5» достигла Луны. В сообщении ТАСС не сказано, что она не смогла совершить мягкую посадку, а только указывается, что получена обширная информация, которая будет очень полезной для последующих мягких прилунений. После целой серии неудач полет «Луны-5», бесспорно, следует считать успешным, но ценность его значительно меньше в сравнении с полетами «Рейнджеров-7, -8, -9».

Вчера в ЦПК провел заключительное заседание комиссии по оценке работы экипажа «Восхода-2». От ОКБ-1 присутствовали: Анохин, Фролов, Варшавский и другие. Удалось согласовать «удобные» для ОКБ-1 формулировки по недостаткам системы ручного управления «Восхода-2», снять некоторые обвинения в адрес экипажа и, по существу, оставить все наши требования по усовершенствованию «Восходов».

Королев еще на полигоне. Говорил с ним по «ВЧ» по поводу поездки Комарова, Феоктистова и Егорова во Францию в июне этого года. Пару месяцев назад Сергей Павлович высказал пожелание послать во Францию вместе с экипажем «Восхода» Е. В. Шабарова. Сейчас Королев просит послать Шабарова, Анохина, Цыбина и Фролова. Шабарова мы пошлем, а остальные подождут другой, более подходящей оказии. Всего во Францию поедут восемь человек, старшим я назначил генерал-майора Кузнецова.

Вчера в Центре я впервые в этом сезоне с удовольствием поиграл в теннис, а после игры поплавал в бассейне. Вместе со мной купались Гагарин, Титов, Попович, Беляев и Быковский — все они в восторге от бассейна и оценивают его выше сочинского (санаторий имени Фрунзе).

Я имел намерение подробно и обстоятельно переговорить с Пономаревой, Соловьевой и другими космонавтками, но Пономарева заболела и ее не было в ЦПК. В женской группе положение явно ненормальное. Два месяца назад, когда я впервые говорил с ними о возможности нового женского полета, все они были за полет и не высказывали никаких сомнений в возможностях и оценках кандидаток на полет. После назначения Пономаревой и Соловьевой на подготовку к полету Кузнецова и Еркина склонили на свою сторону Терешкову и теперь единым фронтом хотят доказать, что Пономарева плохой кандидат (заносчива, выпивает, флиртует с мужчинами и т. д.). Я знаю,

что Пономарева не святая, у нее есть немало недостатков, из-за них в первый полет послали не ее, а Терешкову, менее подготовленную для полета, но с отличными качествами человека и коммуниста. Пономарева — единственный кандидат на роль командира корабля «Восход» из числа космонавтов-женщин. Соловьева — отличный кандидат для выхода в космос, но слабее Пономаревой в роли командира корабля. Еркина и Кузнецова по своим данным могут участвовать в космическом полете только в качестве 3-го члена экипажа, а вероятнее всего, вообще не будут участниками космических полетов в ближайшие 5–7 лет. Если из-за недостатков личного характера и ошибок в поведении, отказать Пономаревой в праве участвовать в космических полетах, то женского полета в 1966 году не будет. Надеюсь, что эта атака на Пономареву будет отбита, и она сможет выполнить полет, но для этого потребуется усилий больше, чем я предвидел раньше.

Заходили ко мне генералы Иоффе и Холодков и представитель ОКБ-1 Раушенбах. Обсуждал с ними вопрос о дальнейшем использовании тренажера по стыковке. Решили в 2–3 недели закончить в Ногинске эксперименты по отработке стыковки в интересах ОКБ-1 и в середине июня передислоцировать тренажер в ЦПК ВВС. Все оборудование тренажера, не задействованное на экспериментах, решили немедленно перевозить в ЦПК.

Звонил из ЦК И. Д. Сербин, а из Вологды — первый секретарь обкома. Оба просят направить Беляева на 2–3 дня в Вологду. Беляев охотно соглашается на поездку. Леонова просят направить в Калининград. Я понимаю желание ребят побывать на родине, но из-за неясности вопроса о поездке в Болгарию пока не могу удовлетворить эти просьбы.

15 мая.

Сегодня первый раз в этом сезоне играли с Мусей в теннис в Лужниках. Мусе играть трудновато — мешает операционный шов и глаза подводят, — но у нее сильное желание играть, она верит, что это для нее полезно. У меня также давно уже нет былой резвости, точности и силы удара, но на корте я молодею и после часа игры чувствую себя превосходно.

Сегодня Союз обществ дружбы с зарубежными странами проводит митинг, а индийский посол — большой прием: оба

мероприятия организуются в честь премьер-министра Индии Шастри. Космонавтам и мне прислали приглашения, но из-за перегруженности работой, встречами и подготовкой к экзаменам все отказываются ехать. Пришлось в приказном порядке направить в посольство полковника Беляева, пускай один отдувается за всех. Сегодня Беляев сдавал кандидатский экзамен. Генерал-лейтенант Турчин звонил мне по этому поводу и выразил полное удовлетворение подготовленностью Беляева.

Провел заседание мандатной комиссии по отбору кандидатов в слушатели-космонавты, рассматривали кандидатуры трех врачей и девяти летчиков-инженеров. Из двенадцати человек четверых забраковали врачи, а двое плохо написали диктант по русскому языку и недостаточно подготовлены физически и интеллектуально к роли космонавта.

18 мая.

Вчера из Вологды приезжал секретарь обкома КПСС по пропаганде Другов Василий Иванович. Мы согласовали с ним программу поездки Беляева и Леонова по Вологодской области в конце июня. Я решил с 20 мая отправить Беляева и Леонова в отпуск, а после отпуска организовать их поездки в Вологду и Калининград.

Вчера вечером экипаж Комарова встречался в Центральном аэроклубе СССР с делегацией французской авиационной молодежи.

20 мая.

Вчера и сегодня очень много времени ушло на оформление нашей поездки в Болгарию. Генерал армии Джуров прислал на имя Малиновского шифр-телеграмму, в которой по поручению ЦК БКП и правительства Болгарии приглашает Беляева, Леонова и Каманина с женами провести очередной отпуск в Болгарии и 24 мая принять участие в праздновании Дня славянской письменности и культуры. Вылетать в Болгарию нужно 22 мая, на подготовку к поездке и ее оформление у нас только два дня. Быстро оформить все документы помогли К. А. Вершинин и Н. П. Дагаев. Леонов едет с женой и дочерью, Беляев — с женой и двумя дочерьми, а я — с женой и внучкой. С нами поедет еще подполковник Н. Ф. Никерясов. Вылетаем рано утром 22 мая на самолете Ил-14, с расчетом быть в Софии в 12:30 по местному времени.

Сегодня был в ЦПК. Дал указания Кузнецову на время моей поездки. Беседовал с Пономаревой, Соловьевой, Еркиной и

Кузнецовой. Я дал им месячный срок, чтобы они договорились о единой позиции по вопросу предстоящего женского космического полета, и предупредил их, что если не полетят Пономарева и Соловьева, то вся женская группа окажется нам ненужной и будет распущена.

23 июня.

Вчера Беляев, Леонов и я с семьями вернулись из Болгарии. Впервые за несколько лет целый месяц не вел дневник. О нашем пребывании в Болгарии очень много официальных документов (газеты, альбомы, фото, кино и т. д.), в которых подробно освещается наша поездка. Мы встречались много раз с Живковым, Трайковым, Джуровым и другими руководящими деятелями Болгарии, побывали во всех крупнейших городах (София, Пловдив, Варна, Плевен, Михайловград, Коларовград и другие). Все встречи проходили в очень теплой и дружественной обстановке, космонавты и сопровождающие их лица получили много подарков. Леонов выступал на митингах хорошо, у Беляева выступления были суховаты, стандартны и без огонька. Грубых ошибок в выступлениях не было, но были случаи опозданий на официальные встречи (главным образом из-за жены и дочки Леонова). Космонавты из 30 дней пребывания в Болгарии 25 работали. Отдыха не было из-за большой перегрузки встречами, да и погода в Варне была прохладной. Оля не боялась холодной воды, мы с ней купались ежедневно. Много хлопот и неудобств было из-за Олиных длинных волос, ее плохого аппетита и шалостей с Витой Леоновой. А в общем, поездка прошла очень хорошо. Муся и Оля получили большое удовольствие и увидели много нового и интересного.

25 июня.

Весь вчерашний день провел в ЦПК. На месте были только Терешкова, Николаев, Попович и Титов — все остальные в разъездах или готовятся к поездкам. Кузнецов, Гагарин и экипаж Комарова — во Франции. Беляев и Леонов сегодня улетели в Вологду, Терешкова и Николаев — в Ереван. Основные задачи на июль — отпуск для космонавтов, готовящихся к полетам (группа Берегового) и полеты на самолетах для группы Гагарина. На осень планируются поездки космонавтов в Грецию, Финляндию, Германию, Индонезию, Японию и другие страны. 27 июня группа Берегового улетит в

«Чемитку»(санаторий «Чемитоквадже» — Ред.), большинство офицеров ЦПК также будет отдыхать. Я весь июль буду отдыхать под Москвой.

Встречался с Вершининым и Руденко, оба они очень легко перенесли «американскую пощечину»(Н. П. Каманин имеет в виду успешное завершение 7 июня 1965 года четырехсуточного полета астронавтов Макдивитта и Уайта — Ред.) и нашу очередную неудачу с «Луной-6», а мне полет «Джемини-4» и «лунная пилюля» не дают спать. Все это я предвидел уже 2–3 года назад. 1965 год будет годом, когда американцы начали опережать нас в космосе. Хуже всего то, что это мало трогает наше руководство.

26 июня.

Вместе с Титовым и группой инженеров был в ЛИИ. Мы познакомились с работами Главного конструктора С. Г. Даревского по созданию аппаратуры управления и систем контроля для будущих космических кораблей. Даревский также делает и космические тренажеры, но в его лаборатории всего 75 человек, помещений мало, а заданиями он перегружен выше всяких возможностей. В ближайшие шесть месяцев лаборатория Даревского должна выдать оборудование для новых «Восходов», для кораблей 7К и построить тренажеры по «Восходам» и «Союзу». Ознакомление с ходом работ и реальными возможностями группы Даревского показало, что она не сможет обеспечить аппаратурой даже боевые(летные — Ред.) корабли. Тренажер корабля «Союз» Даревский сделает, в лучшем случае, к июлю 1966 года, а проект тренажера корабля «Восход» еще не закончен даже на бумаге. Вопросы создания тренажеров кораблей для полетов к Луне и планетам пока не рассматриваются, хотя оборудование таких кораблей уже проектируется и создается. Другой организации, которая могла бы работать над космическими тренажерами, у нас нет. Нужно будет убедить Руденко и Вершинина в необходимости добиваться через Дементьева и Смирнова укрепления и развития возможностей лаборатории Даревского.

28 июня.

Сегодня провел заседание мандатной комиссии. Пропустили 12 человек летчиков и инженеров ПВО. Всех решили направить в госпиталь на обследование, хотя у большинства общее развитие невысокое: только 1 из 12 написал диктант на «отлично», два —

удовлетворительно и девять — плохо. Почти все мало читают, почти ничего не знают о космических полетах и слабо подготовлены как инженеры.

Были у меня Гагарин и Титов. Юра рассказал о поездке во Францию, а Герман решал вопросы, связанные с его поездкой в Финляндию.

29 июня.

Собираюсь с 1-го июля в отпуск. Хотелось до отпуска решить хотя бы два вопроса: о сформировании авиационного полка и о строительстве тренажеров для Центра подготовки космонавтов. Но маршал Руденко слишком медлителен и осторожен, он затянет решение этих вопросов. Я сегодня уже дважды беседовал с ним. Он, как и Вершинин, вздыхает по поводу тяжелого положения с тренажерами, уверяет меня, что это очень важная проблема, но ничего реального не предпринимает. Руденко согласен, что полк нужно формировать, но не дает штабу твердого приказа изыскать штатную численность. Сегодня мы получили письмо Келдыша, в котором он предлагает создать в ЦПК группу космонавтов-ученых. Вместо ясного положительного ответа маршал надумал лично обговорить это предложение с Келдышем, и я боюсь, что он запутает и это дело. Я уже дважды говорил с Келдышем по данному вопросу, и он согласился с нашим планом совместных работ: ЦПК проводит отбор и подготовку ученых к космическим полетам, а АН СССР определяет специальности, проводит предварительный отбор кандидатов и готовит программы их научной подготовки.

2 августа.

Вернулся из отпуска и приступил к работе. Весь июль провел на даче в Заборье. В этом году я впервые полностью использовал весь отпуск для отдыха, точнее, для физической работы. Каждый день работал по 10–12 часов, часто ходил за грибами. Лето в этом году на редкость хмурое, каждый день идут дожди, но даже неприятности с погодой не могли испортить всех прелестей отдыха на даче в июле. Часто собирались на даче всей семьей: я, Муся, Ольга Карловна (теща Н. П. Каманина — Ред.), Лева, Люда, Оля и маленький Коля. Внуку исполнится через шесть дней уже четыре месяца, он всех узнает, улыбается и любит быть в компании.

С первого августа почти все герои-космонавты разъехались в отпуск. В Москве — только Титов, ему 9 августа надо лететь в Конго. Беляев и Леонов на Кубе, они возвратятся 6 августа.

Сегодня Вершинин улетел в Крым на отдых, за Главкома остался Руденко. Утром я был у маршала, доложил ему о возвращении из отпуска и о плане работ на ближайшие дни. Со сроками очередного космического полета пока нет никакой ясности. Встречался с генералами Гореглядом, Холодковым, Кузнецовым и Бабийчуком, все они недовольны сложившейся обстановкой из-за отсутствия твердых планов.

Сегодня собирались у В. А. Козлова (первый заместитель министра авиационной промышленности) по вопросу строительства космических тренажеров. Подготовили проект решения ВПК, обязывающий ЛИИ МАП (Строев, Даревский) изготовить для ВВС тренажер корабля ЗКВ в октябре этого года, а тренажер корабля ЗКД — в первом квартале 1966 года. Это решение — только заплатка на зияющей прорехе в области строительства тренажеров для подготовки космонавтов. База ЛИИ очень слаба и не может справиться с задачей создания всех нужных нам тренажеров. Необходимо решение правительства, обязывающее МАП или МОМ строить тренажеры для космонавтов, и выделение для этой цели специального КБ и завода.

3 августа.

Целый день занимался бумагами. Постановление о тренажерах сегодня завизировали маршал Руденко и пять министров. Дал согласие генералу Бабийчуку на подготовку проекта приказа министра обороны, утверждающего правила медицинского отбора кандидатов в космонавты и нормы медицинского контроля и наблюдения за слушателями-космонавтами и летчиками-космонавтами.

Звонила Ирина Соловьева и просила разрешения заниматься две недели парашютными прыжками в сборной ДОСААФ. Я не дал ей сегодня отрицательного ответа, но, по-видимому, откажу завтра. Чрезмерное увлечение прыжками может повредить подготовке к космическому полету.

4 августа.

Провел заседание мандатной комиссии по отбору в космонавты. На сегодня вызывали 15 человек, 7 из них уже забракованы медкомиссией, а из 8 кандидатов, рассмотренных нами, в госпиталь

для дальнейшего стационарного обследования направили 6 человек. Всего мы пропустили через мандатную комиссию уже 284 кандидата, из них направили в госпиталь для стационарного обследования 124. Из этого числа годными признаны только 37 человек: летчиков — 27 (из 148, представленных на мандатную комиссию), штурманов — 6 (из 58) и инженеров — 4 (из 78). Таким образом, из каждых 5 летчиков, 10 штурманов и 20 инженеров отбираются только по одному кандидату. Набор кандидатов в космонавты мы закончим к 15 сентября: пропустим через центральные комиссии более 400 отобранных на местах человек и отберем из них 40 кандидатов. Но я думаю, что в этом году принимать в ЦПК более 20 человек нецелесообразно: формирование авиационного полка для ЦПК задерживается, штаты Центра не увеличиваются и нет плана полетов на ближайшие годы. В такой обстановке лучше не спешить с большим увеличением численности космонавтов.

5 августа.

Был в ЦПК, разбирался с вопросами доработки космических тренажеров «ЗКВ», «ЗКД» и «Волга» (тренажер корабля «Союз» — Ред.). Наметили план мероприятий по нашему участию в создании тренажеров. Вместе с маршалом Красовским осмотрели объекты строительства городка космонавтов (высотный дом, школа, магазин, ясли и дома для офицеров). Строители работают хорошо. Красовский первый раз был в ЦПК, ему все очень понравилось, особенно бассейн, ради осмотра которого он и приезжал (Красовский имеет намерение «отеплить» открытый монинский бассейн).

Сейчас в ЦПК затишье, большинство космонавтов в отпуске. С 15 августа группа из 12 космонавтов возобновит подготовку к предстоящим космическим полетам. По очередному полету нет еще никакой ясности: нет даты полета, нет задания на полет, не определены его продолжительность и состав экипажа. Приказал в недельный срок подготовить проект задания на полет. Все остальные вопросы надо еще утрясать с ОКБ-1 и другими организациями.

Американцы перенесли срок очередного пилотируемого полета с 8-го на 19-е августа, но подтвердили, что он планируется на 8 суток. Этот полет будет большой «затрещиной» для наших руководителей, он подтвердит, что США обгоняют нас в космических делах.

7 августа.

Несколько раз был вчера у Руденко, решали с ним вопросы, связанные с созданием космических тренажеров. После моего доклада о ходе набора кандидатов в космонавты Руденко высказал «умнейшие» соображения: «Я думаю, что набирать новых слушателей-космонавтов нам не нужно, 37 имеющихся космонавтов хватит надолго, да можно и их подсократить».

Я даже не был удивлен этой очередной его глупостью, но он «ляпнул» ее в присутствии Брайко и Холодкова. Пришлось сказать, что я категорически буду возражать против таких намерений, и что такой важный вопрос нельзя обсуждать мимоходом в случайном разговоре. Маршал согласился обсудить этот вопрос специально.

Звонил С. П. Королеву. Он на днях вернулся из отпуска, говорит, что хорошо отдохнул и с новой энергией принимается за работу. В понедельник Королев на три дня едет в Ленинград, мы договорились о встрече после его возвращения.

Звонил Г. А. Скуридин, он высказал пожелание встретиться и обговорить предложения Келдыша по набору ученых-космонавтов. Мы поддерживаем предложения Академии наук и готовы помочь в организации подготовки ученых к полетам в космос.

Сегодня Титова вызывали в ЦК (Усков, Савинкин) и беседовали с ним о «вывихах» в его поведении. Из ЦК Герман заезжал ко мне. Я еще раз по-товарищески пытался предостеречь Германа от новых недоразумений, но не обольщаю себя надеждами на быстрое его исправление. 9 августа Титов с генералом Гореглядом улетают в Конго. Обстановка в семье у Титова сейчас сложная: Тамару он отвез в родильный дом, дочь — в больницу, а сам летит в Африку. Но сейчас уже невозможно отменить полет в Конго. Жизнь сложна сама по себе, а мы ее часто сами еще более усложняем.

9 августа.

На сегодняшнем заседании мандатной комиссии рассмотрели пять кандидатур, из них в госпиталь направили четверых. Все кандидаты из ракетных войск, все хорошо образованы и имеют специальности, близкие к космонавтике. Особенно понравились Бобиков и Киселев.

Получил распоряжение Л. В. Смирнова с резолюцией маршала Захарова: «Крылову, Вершинину, Судцу и Горшкову — участие, Повалию — контроль. Немедленно начать исследования на «Восходах» и строить спецкорабль на базе корабля 7К для решения

задач визуальной и фоторазведки, инспекции, стрельбы в космосе и отработки вопросов раннего предупреждения о ракетно-ядерном нападении». Все продолжается по-старому. Действуем растопыренными пальцами: Крылов не заинтересован в создании космических кораблей, а ему МО поручает руководить этим делом.

13 августа.

Провели заседание мандатной комиссии, рассмотрели кандидатуры восьми инженеров, одного отчислили.

Сегодня получил решение комиссии Высшего совета народного хозяйства СССР по военно-промышленным вопросам № 156 от 28 июля 1965 года «Об изготовлении космических кораблей-спутников «Восход». В решении указаны следующие сроки изготовления кораблей серии «Восход»: № 5, № 6 и № 7 октябрь, ноябрь и декабрь 1965 года соответственно; № 8 и № 9 — февраль и март 1966 года. Эти корабли предназначаются для осуществления длительного (до 15 суток) полета двух космонавтов, проведения экспериментов по многократному выходу космонавта из корабля в космос общей длительностью 3–6 часов, решения задач создания искусственной тяжести и проведения комплекса медико-биологических, физико-технических и военно-прикладных исследований.

Решение обязывает МОМ, МАП, МО, АН СССР и другие ведомства:

1. В месячный срок разработать и утвердить программу научных и военно-прикладных экспериментов для «Восходов» и решить вопрос об изготовлении необходимой аппаратуры. Поставить аппаратуру за полтора месяца до изготовления кораблей.

2. В двухнедельный срок разработать и утвердить план испытаний космических кораблей (самолетных, морских, копровых). Испытания закончить до сроков готовности кораблей к полетам.

Этим же решением поручается ЛИИ МАП строительство двух тренажеров для ВВС: «ЗКВ» — в октябре 1965 года, «ЗКД»- в первом квартале 1966 года.

16 августа.

Вчера на даче отпраздновали день рождения Оли, ей исполнилось шесть лет. Собралась вся семья, все преподнесли Оле подарки и пожелали много хорошего. Валя Терешкова и Андриян Николаев

прислали Оле фотокарточку своей дочери и книгу «Вселенная — открытый океан» с теплыми словами приветствия.

Вчера Гагарин, Терешкова и Николаев улетели в Крым на отдых. Сегодня в Москве нет ни одного космонавта. Завтра должны вернуться из отпусков Комаров и Попович, а Титов прилетит из Конго. Последние три дня и сегодня идет дождь. Все лето холодное и дождливое, июль был сырой и холодный, а август еще хуже июля.

Звонил С. П. Королев. Он недоволен тем, что Челомей начинает строить корабли для облета Луны. Сергей Павлович давно вынашивает мысль захватить монопольное право на строительство космических кораблей и пытается найти среди военных поддержку своим планам. Решением ЦК КПСС и Совета Министров СССР Челомей обязывается построить за 1966 год и первый квартал 1967 года 12 кораблей для облета Луны. Больше года ОКБ-52 работает над выполнением этого задания, и было бы вредно сейчас менять исполнителя. Объем работ и количество строящихся космических кораблей быстро растет, поэтому для дела освоения космоса было бы полезно, чтобы корабли строили несколько фирм, а не одна.

Сегодня я послал маршалу Руденко официальное письмо (он сам попросил об этом) с просьбой решить, сколько в этом году принять слушателей-космонавтов. У нас есть разрешение ЦК и МО набрать 40 человек, но я опасаюсь, что в такой большой группе мы пропустим много слабаков. Я предлагаю принять в этом году только 20 человек, а в 1966 году принять еще 20 и рассмотреть кандидатов из ученых.

19 августа.

Конструктор Уманский (918-й завод МАП) доложил нам свои соображения по разработке космических капсул на одного и двух космонавтов. Одноместная капсула весит 500, а двухместная — 700 килограммов. Капсулы предназначаются для выхода космонавтов из корабля в космос, для инспекции целей, для спасения экипажа в аварийных ситуациях, для спуска с орбиты на Землю срочных грузов (фотокинопленки и другие данные разведки). Идея хорошая, осуществление ее вполне реально, но пока над этим проектом работает группа специалистов на свой страх и риск — МАП, МОМ и ОКБ-1 ничего не делают для его реализации. Все специалисты ВВС высказались за продолжение работ над проектом, поэтому я дал задание подготовить соответствующее письмо в ВПК за подписью

Вершинина и Тюлина. Маршал Руденко согласился с моим предложением поддержать работы по капсулам.

Вчера на заседании мандатной комиссии из восьми кандидатов шестерых направили в госпиталь, а двоих откомандировали в части. Пять инженеров и один летчик произвели на нас очень хорошее впечатление.

Вчера же более часа смотрели американский фильм о полете «Джемини-4», об испытаниях корабля «Аполлон» и исследовательских работах по освоению Луны. Фронт космических исследований в США колоссальный. Американцы уже догнали нас и теперь быстро будут уходить вперед.

Говорил сейчас с секретарем Киевского райкома партии Борисовым, он был на Кубе в составе делегации Кэбина. Кэбин и Борисов распространяют слухи о нескромном поведении Беляева и Леонова. В официальных документах все выглядит хорошо, но слухи ползут… Космонавты уже шесть раз отправлялись в зарубежные поездки в составе партийно-правительственных делегаций, и почти в каждой поездке руководство делегаций оставалось недовольным «нескромным поведением» космонавтов. Только что Титов вернулся из Конго, где восторженно встречали космонавта и мало внимания уделяли партийно-правительственной делегации: президент Конго принял Титова через два часа после его прилета, а делегацию Кэбина — только на второй день; газеты, радио, телевидение все время упоминали Титова и космос и почти не сообщали о приезде делегации. Такое положение не может не обижать руководителей делегаций, и они переносят эти обиды на космонавтов. Я всегда считал, что космонавтов нельзя включать в состав партийно-правительственных делегаций, но в ЦК решили, что можно. Придется этот вопрос официально поставить перед ЦК КПСС.

20 августа.

Говорил по телефону с Королевым. Он чувствует себя неважно: низкое артериальное давление (100/60). Советовал ему ехать домой и полежать, да разве его уложишь. Согласовал с Сергеем Павловичем кандидатов на роль командиров кораблей для первых двух «Союзов». Я назвал Гагарина, Николаева, Быковского и Комарова. Королев согласился с этими кандидатурами и сказал, что Николаева и Быковского он считает первыми кандидатами для облета Луны. Я, в

свою очередь, поддержал это его предложение. Вторым членом экипажа «Союза» при стыковке должен быть инженер, я назвал наших кандидатов на эту роль — Демина и Артюхина. Королев не возражал, но он выдвинул и своего кандидата — К. П. Феоктистова. Договорились, что вопрос о составе экипажей «Союзов» решим при первой же встрече. Согласился Королев и с нашими кандидатами на очередной полет на «Восходе»: Волынов — командир корабля, Катыс — член экипажа, Береговой и Демин — запасные.

Сегодня от генерал-полковника Брайко пришел официальный отказ формировать авиационный полк для ЦПК ВВС. Причина отказа — нет численности.

Получил два письма Н. С. Строева, адресованные Главкому, с просьбой выделить ЛИИ вертолет Ми-4 для отработки способов прилунения. Первое письмо Строев подписал 8 марта, я увидел его только 20 августа. Вершинин фактически отказал в выделении вертолета, а это наше кровное дело. Придется опять говорить начальству неприятности и добиваться выделения вертолета и расширения летной базы ЦПК.

24 августа.

21 августа американцы запустили в космос «Джемини-5» с двумя астронавтами на борту (Купер и Конрад). Главные цели запуска — побить мировой рекорд продолжительности космического полета (рекорд Быковского — 5 суток, задание экипажу «Джемини-5» — 8 суток), провести фотографирование территорий Кубы, Китая, Вьетнама и других стран, осуществить сближение корабля с ракетой «Аджена». Запуск сначала намечался на 8-е августа, затем был перенесен на 19-е, а с 19-го — на 21-е августа. Астронавтов держали в корабле в ожидании старта более 8 часов. В первые же часы полета обнаружились серьезные неполадки в энергосистеме корабля. Руководители полета забеспокоились в связи с возможной вынужденной посадкой. Для выработки электроэнергии применяется способ соединения жидкого водорода с жидким кислородом, но кислород на корабле быстро испаряется и улетучивается, его расход оказался в 20 раз больше расчетного. Сейчас, в 13:48 24 августа, корабль пошел на 45-й виток; в ближайшие 5–6 часов будет принято решение, посадить ли корабль на 49-м витке или продолжать полет до 8 суток. Мне кажется, что возможности для 8-суточного полета у

корабля есть, но экипаж перенес очень много волнений и может не дотянуть до 8 суток, хотя перекрыть рекорд Быковского, наверное, попытается.

25 августа.

В Комитете кинематографии вчера провели пресс-конференцию, посвященную выходу на экран фильма о полете Беляева и Леонова. Выступали я, Комаров и Рябчиков. Вечером перед демонстрацией фильма в кинотеатре «Ударник» нам пришлось выступить еще раз. Это шестая кинокартина о космосе, казалось бы, трудно найти что-нибудь новое и интересное, трудно уберечься от показа уже виденного, но созданный Рябчиковым и Косенко фильм «Человек вышел в космос» интересен и поучителен. На просмотре были С. П. Королев и В. П. Глушко — оба остались довольны фильмом.

Сегодня утром ТАСС сообщил, что экипаж «Джемини-5» получил разрешение продлить полет еще на одни сутки, хотя астронавты доложили, что им холодно (температура в скафандрах упала до 8 градусов). Американцы идут на риск, пытаясь побить рекорд продолжительности полета. Неполадки в энергосистеме корабля и резкое падение температуры, по-видимому, заставят руководителей полета посадить «Джемини-5» раньше намеченного срока, где-то между 60-м и 70-м витками.

Провел сегодня совещание с руководством ЦПК ВВС. Дал подробные указания о разработке предложений по реорганизации ЦПК. Центр подготовки космонавтов должен превратиться в Центр испытательных космических полетов. Это мероприятие встретит сильное сопротивление высокого руководства, но без борьбы ничего хорошего не сделаешь.

26 августа.

Полет «Джемини-5» успешно продолжается, неполадки с падением температуры в скафандрах и сомнения в надежности энергоснабжения корабля преодолены. Руководители полета не теряют надежды на продление его до 8 суток. Сегодня к концу дня экипаж «Джемини-5» может перекрыть результат полета Быковского и установить новый абсолютный мировой рекорд продолжительности космического полета. Шуму будет много, американцы сумеют использовать свой новый успех для нанесения ощутимого удара по престижу Советского Союза.

Всем нам торжество США не доставит удовольствия, но, может быть, этот успех соперников заставит наше твердолобое руководство серьезно задуматься над причинами нашего отставания. Главные «виновники» торжества американцев не столько они сами, сколько наши высокие руководители (Малиновский, Смирнов и другие). За последние 3–4 года Малиновский, недооценивающий военного значения космонавтики, наделал много ошибок, затормозивших развитие наших успехов в космосе. Главной ошибкой Малиновского следует считать его решение возложить руководство космонавтикой на ракетные войска, а не на ВВС. «Рожденный ползать — летать не может!» Космонавты летают, а корабли для них заказывают артиллеристы, они же определяют всю техническую политику, фактически направленную на то, чтобы затормозить усовершенствование пилотируемых космических кораблей и заменить их автоматами. Американцы уже начали использовать космические пилотируемые корабли для военных целей, а у нас два года обсуждается, каким должен быть космический разведчик. Ракетчики против космонавтов-разведчиков, а экипаж «Джемини-5» имеет шесть заданий от военных и уже фотографирует Кубу, Китай, Вьетнам и другие территории.

Состоялся длительный и полезный разговор с маршалом Руденко. Получив мое письмо, он целую неделю молчал, «переваривая» его, а вчера сам начал разговор по существу моих предложений. Маршал согласен набрать в этом году 20 слушателей-космонавтов и будет поддерживать предложение о реорганизации ЦПК. Центр был создан как учебная организация, а, по существу, он проводит испытания космической техники и активно участвует в подготовке и осуществлении всех космических полетов. Руденко дал согласие и на усиление группы инспекторов по космосу. Это еще далеко не победа. Малиновский уже десятки раз отказывал нам, может отказать и теперь. Но неплохо уже то, что Руденко, наконец, понял насущную необходимость организационного укрепления нашего дела.

Провел совещание по составлению перспективного плана пилотируемых космических полетов на ближайшие 3–5 лет. Присутствовали генералы: Иоффе, Волынкин, Арбузов, Кузнецов, Холодков, Газенко, Бабийчук и другие. Проект плана будет подготовлен к 29 августа.

27 августа.

11 часов утра. «Джемини-5» выполняет 87-й виток, еще вчера он перекрыл рекорд Быковского и, по-видимому, будет летать 8 суток. Я давно предвидел возможность такого успеха США, писал письма начальству и вносил предложения о мероприятиях, которые могли бы сохранить наше лидерство в космосе. Но министр обороны Малиновский пальцем не шевельнул, чтобы помочь нашему делу. Я и космонавты за последние пять лет десятки раз встречались с Малиновским. Встречи были шумные, со множеством речей и тостов, но не было ни одного делового разговора. Мы пытались завязать такой разговор, но Малиновский всегда немедленно и грубо прерывал нас.

За последний год американцы добились решающих успехов в космосе: полеты «Маринера-4», «Рейнджеров-7 и -8», «Джемини-4» и, наконец, рекордный полет «Джемини-5». Казалось бы, есть все основания забеспокоиться и задать себе вопрос: в чем дело, почему США нас обгоняют? Но Малиновский и Генштаб и сейчас хранят гробовое молчание, как-будто все идет так, как надо. Мы пять лет утверждали, что социализм — лучшая стартовая площадка для полетов в космос. И вот США доказали, что это не совсем так. У нас есть возможности еще раз вырваться вперед и первыми быть на Луне, но для этого нужно убрать Малиновского, передать космонавтику от Крылова к Вершинину и допустить космонавтов к руководству космическими делами. Но на такие решения ЦК и правительство не пойдут, значит, наше отставание будет продолжаться. Перспектива мрачная, работать в такой обстановке тяжело, но работать нужно. В ближайшие дни соберу всех летавших космонавтов — будем думать, что предпринять, чтобы исправить положение.

30 августа.

Провел совещание по подготовке проекта плана пилотируемых космических полетов на 4–5 лет и по обсуждению программы полетов на четырех очередных кораблях «Восход». Поручили группе товарищей во главе с представителем НТК ВВС подготовить план полетов к 15 сентября. В предварительном порядке были высказаны пожелания включить в план полеты по освоению Луны и полеты военно-исследовательских кораблей.

По программам полетов на «Восходах» договорились о следующем:

1. «Восход-3» с экипажем из двух человек выводится на орбиту в ноябре 1965 года; в 15-суточном полете выполняются исследования по созданию искусственной тяжести и военные эксперименты.

2. На «Восходе-4» летает один космонавт, выполняющий программу военных исследований; продолжительность полета 25 суток.

3. Полеты на «Восходе-5» и «Восходе-6» продолжительностью до 15 суток осуществляются в мае-июне 1966 года; в ходе полетов космонавты выходят в открытый космос, а также проводят военные эксперименты.

31 августа.

Сегодня хороним генерала Александра Ивановича Тодорского. Он был начальником академии имени Жуковского, когда я в ней учился. Ушел из жизни замечательный человек и талантливый военный руководитель. Он умер на 71-м году жизни, здоровье его было подорвано длительной ссылкой.

Вчера получил бумагу с резолюцией маршала Малиновского. Командующий МВО (Московский военный округ — Ред.) генерал армии Белобородов доложил министру о том, что два солдата из ЦПК ВВС (Авдеев и Цепилов) изнасиловали в поселке Первомайский 50-летнюю женщину. На донесении министр написал: «Руденко, Рытову. Сгораю от стыда за вас, ведь это у вас под носом». Руденко переслал документ мне, но я не стал сгорать от стыда: я очень хорошо знаю, что такими заклинаниями и резолюциями порядка в армии не наведешь. Молодежь много пьет, пьянство приносит стране и армии колоссальный вред. Нужны новые кардинальные решения проблемы воспитания молодежи, нужны суровые наказания вплоть до расстрела — сюсюканьем и вздохами делу не поможешь.

«Джемини-5» пролетал почти 8 суток. Америка торжествует победу: Джонсон собирается отправить своих астронавтов в триумфальное путешествие по планете. Такого триумфа могло и не быть. Мы имели и еще имеем все возможности быть впереди в освоении космоса. Только досадные ошибки наших руководителей типа Малиновского, Крылова и Смирнова позволили США выйти в лидеры. Я написал на 8 страницах письмо Брежневу о причинах нашего отставания в космосе. Письмо пока не отправил, хочу посоветоваться с Гагариным и другими космонавтами.

1 сентября.

Был у Королева. Накануне мы договорились встретиться сегодня в ОКБ-1 в 15:00, и за пять минут до назначенного часа я был на месте. Обычно Королев отрывался от работы и всегда сам встречал меня. На этот раз мое появление вызвало небольшое замешательство у секретаря и порученца. Порученец сделал знак головой, показывая секретарю на кабинет Королева, секретарь попросила меня «секундочку подождать» и скрылась за дверью. Через минуту она вернулась и пропустила меня в хорошо знакомый кабинет. Королев встретил меня в дверях рабочей комнаты, он отдыхал, вид у него был немного заспанный и помятый. Сергей Павлович давно уже жалуется на головные боли, низкое кровяное давление и неважное самочувствие. На мой вопрос о его здоровье он ответил: «Я ведь недавно вернулся из отпуска, а чувствую себя неважно. Мечусь вот между кабинетом и переулком Грановского…» (С. П. Королев имеет в виду поликлинику 4-го Главного медицинского управления, расположенную на улице Грановского — Ред.). В ходе беседы Королев снова несколько раз возвращался к своим недомоганиям, а под конец сказал: «Николай Петрович, по-видимому, я уже не смогу быть техническим руководителем. Как вы смотрите на кандидатуру Шабарова, сможет он заменить меня? Или, может быть, ВВС выделят своего технического руководителя?» Я сказал Королеву, что, по моему мнению, сейчас его полноценно не заменит ни Шабаров, ни кто-либо другой, но заменять нужно — Сергей Павлович обязан обратить внимание на свое здоровье и сосредоточить свои силы на главном. Шабаров подходящий кандидат на роль технического руководителя, но он, конечно, не может равноценно заменить Королева — для этого надо обладать талантом Королева.

Мы договорились, что для полетов на «Союзе» приступаем к подготовке Гагарина, Николаева, Быковского, Комарова, Колодина, Артюхина и Матинченко. Королев оставил за собой право позже присоединить к этой группе нескольких инженеров из ОКБ-1. Королев по телефону спросил Анохина: «Как дела с отбором инженеров?» — тот ответил: «Пропустили 100 человек, отобрали 25 кандидатов». Надо признать, что Королев поступает предусмотрительно, подготавливая своих инженеров для будущих полетов. Опыт полета Феоктистова

очень полезен для конструирования космических кораблей. Мы поможем ОКБ-1 подготовить к полетам будущих королевых.

Договорились мы и о кандидатах на очередной полет на «Восходе-3»: Волынов и Катыс — первые кандидаты, Береговой и Демин — запасные. Полет рассчитан на 12–15 суток, Королев считает, что мы сможем осуществить его в ноябре. Я считаю, что раньше декабря, а может быть, и января будущего года полет не состоится. Экипаж может быть подготовлен к полету в октябре, но пуск задерживается из-за неготовности корабля.

Сергей Павлович согласился с моим предложением продолжать подготовку женского экипажа к полету с выходом одной из космонавток из корабля. Я высказал уверенность, что и Пономарева, и Соловьева способны выполнить выход в открытый космос и осуществить полет продолжительностью до 10 суток.

Решили, что в сентябре целесообразно провести совещание с докладами Королева и Челомея о ходе подготовки к облету Луны и высадке экипажа на ее поверхность. Одобрив наше намерение выделить 6–8 космонавтов и начать с ними специальную подготовку по лунной программе, Королев с удовольствием рассказал мне о ходе работ по ракете Н-1. Она должна быть готова в металле к концу 1965 года и будет способна выводить на околоземную орбиту 90 тонн, а после установки форсированных двигателей — и все 130 тонн полезной нагрузки. Королев думает, что для первых экземпляров ракеты Н-1 полезной нагрузкой может служить «горсть» кораблей «Союз».

2 сентября.

Трижды встречался с маршалом Руденко. Главком вернулся из отпуска, а через день в отпуск уйдет Руденко; до его отъезда мне хотелось договориться с ним по ряду вопросов. Он уже согласился с моим предложением по набору космонавтов, и дал распоряжение Брайко по усилению группы инспекторов по космосу, но по вопросу реорганизации ЦПК маршал сегодня «спасовал», хотя неделю назад он дал задание подготовить материалы по преобразованию Центра подготовки космонавтов в Центр испытательных космических полетов. Я доложил ему наши предложения, они были сформулированы так, как предлагал сам Руденко, но он забыл свои собственные установки и увидел в наших предложениях только одни трудности. Наделение

Центра испытательными функциями уже не нравится маршалу, он искал, к чему бы придраться, чтобы забраковать или хотя бы отложить проект реорганизации Центра. Я подробно рассказал Руденко и о моей вчерашней беседе с Королевым, маршалу не оставалось ничего иного, как одобрить принятые нами решения. Плохо, что космонавтикой руководят люди, мало знающие о космосе и принимающие решения по случайным мотивам. Малиновский, Крылов и Руденко уже много напортили в нашем деле.

3 сентября.

После непрерывных летних дождей в конце августа установилась хорошая погода. Две недели было солнечно и сухо, но сегодня с утра снова идет дождь.

Только что был у Вершинина, подписал бумаги в ЦК КПСС о поездке Беляева и Леонова в Германскую Демократическую Республику. Поговорить о делах не удалось: у Главкома сидел его лечащий врач, к тому же Вершинин готовился к заседанию Военного Совета.

Сегодня у меня был полковник Н. М. Рудный (заместитель генерала Бабийчука), он пришел ко мне от Руденко. Маршал Руденко вчера принимал Правецкого и утвердил документ, который ставит наш институт и Центр подготовки космонавтов в подчиненное положение в отношениях с Институтом медико-биологических проблем Минздрава. Это очередной промах маршала: он говорит одно, думает другое, а делает третье. После Рудного ко мне заходил генерал Холодков, он также высказал много нелестного в адрес Руденко. Холодков собирается уходить из ВВС, его отношения с Пономаревым окончательно испортились, он просил меня поддержать его переход на другую должность. Кроме моих прямых обязанностей мне ежедневно десятки раз приходится читать и выслушивать просьбы о помощи (квартиры, пенсии, учеба детей, устройство на работу, семейные неурядицы и другие самые неожиданные просьбы).

Сегодня на место генерала Холодкова я предложил Руденко кандидатуру инженер-полковника Смирнова Всеволода Арсеньевича. Маршал знает Смирнова, знает, что его ценят Королев и другие главные конструкторы. Он немедленно согласился с моим предложением, но опять сделал большую и, может быть, непоправимую ошибку — вызвал к себе Пономарева, чтобы обсудить с

ним это предложение. Пономарев, заходя к Руденко, видел меня выходящим из его кабинета и наверняка догадается, что кандидатуру Смирнова выдвинул я. Пономарев хотел бы поставить на место Холодкова полковника Фролова. Смирнов сильнее Фролова, и у Пономарева не может быть веских доводов против Смирнова, но он все равно будет возражать, хотя бы потому, что эта кандидатура устраивает меня.

6 сентября.

В субботу был в ЦПК. Собирал группу Берегового. Подтвердил вероятность полета «Восхода-3» в ноябре-декабре, назначил готовность экипажей на конец октября. Успокоил Волынова и Катыса, сказав, что они первые кандидаты на полет продолжительностью до 12–15 суток. Пономарева и Соловьева заявили, что они тоже готовы летать 10–12 суток. Дал задание Шонину и Хрунову подготовить предложения по программе полета с выходом из корабля. Приказал полковнику Масленникову оформить приказом группу Гагарина и с 20 сентября начать с ней подготовку к полету на «Союзе». Беседовал с Комаровым по поводу предстоящего его отъезда в Западную Германию. 11 сентября он вместе с генералом Коккинаки поедет на конгресс ФАИ, где ему будет вручена золотая медаль.

Сегодня утром у меня были генерал О. Г. Газенко, космонавты Беляев и Леонов и И. В. Миловидов (АН СССР). 10 сентября группа наших ученых под руководством академика Л. И. Седова выезжает в Грецию для участия в работе Международного астронавтического конгресса. Беляев и Леонов включены в состав советской делегации. Мы обсудили тексты их выступлений, возможные ситуации и вопросы, которые могут возникнуть во время поездки. На конгрессе будет Вернер фон Браун и американские астронавты. Наши отношения с американскими астронавтами должны быть дружескими, но без восхвалений, а отношения с фон Брауном — вежливыми, но сугубо официальными.

Говорил с Вершининым и Рытовым по поводу продолжающегося отрыва космонавтов от работы. Решили «отбивать» почти все запросы на встречи с космонавтами.

8 сентября.

Прочитал доклад американского президента Конгрессу о деятельности США в области авиации и космонавтики в 1964 году. Он

хвалится успехами Америки, и для этого у него есть все основания, а 1965 год для американцев будет еще более успешным. За 12 лет (1954–1965) США затратили на космос 34 миллиарда долларов, в том числе только за последние 4 года — 26,4 миллиарда. Мы на космос тратим значительно меньше, но кроме трудностей с деньгами у нас много и организационных ошибок. У нас нет правительственного органа, который занимался бы только космосом: нет такого органа ни в Академии наук, ни в Министерстве обороны.

Вместе с директором экспериментального завода ВВС Струнниковым был у Вершинина. Струнников заинтересован в переключении завода на космическую тематику. Завод уже многое делает для ЦПК, для фирм Челомея, Янгеля, Парина и других, а на днях я оформил участие завода вместе с предприятием Даревского в создании тренажеров кораблей ЗКД и ЗКВ. Главком одобрил наши предложения и обещал помочь. После ухода Струнникова я еще час беседовал с Главкомом. Наши предложения по использованию «Восходов» он поддержал, а вопросы, связанные с расширением штатов, пока не решил. Вершинин задал мне несколько вопросов: «Сколько космонавтов в США? Все ли наши космонавты смогут участвовать в дальнейших полетах? Что у нас делается по использованию водорода и кислорода как источников электроэнергии? Каковы сроки готовности «Восходов»? Когда полетит «Союз»?» Я обстоятельно ответил на эти вопросы и доложил о наших ближайших задачах и имеющихся трудностях.

Сегодня по линии разведки получили подробные материалы о результатах полета «Джемини-5». Экипаж имел оборудование (кино-, фотоаппаратура, локаторы, визиры и т. д.) для проведения военных исследований и выполнил большинство поставленных перед ним задач. Американцы открыто используют спутники и космические корабли в военных целях, а наши руководители, в частности Микоян, поздравляют их с успехами. Я утверждаю, что у нас были и есть все возможности не уступать первенство США, но мы уже уступаем его по вине Министерства обороны и, в первую очередь, по вине маршала Малиновского.

10 сентября.

Вчера в ЦПК рассмотрел предложения по кадрам, дал указание оформлять документы на увольнение из армии офицеров Гаврилова,

Терентьева, Михайлова, Ковалева, Кузнецова и других, имеющих выслугу 25 лет и возраст старше 50. В Центре есть еще несколько десятков офицеров, которых невозможно полноценно использовать по службе. В интересах дела их надо или увольнять из армии, или переводить в другие части.

Вместе с Хруновым играл в теннис против Шонина и Горбатко. Мы выиграли со счетом 6:1, 6:2. Пономарева и Соловьева играют в теннис еще слабовато, но уже полюбили его и играют с удовольствием.

Уже более трех месяцев группа товарищей из ГКНИИ, ЦПК и других организаций ВВС готовит проект приказа Главкома о выплате денег членам экипажа самолета Ту-104 за полеты на невесомость. Вчера они натолкнулись на сопротивление финансистов и попросили моей помощи. Существуют только два положения, утвержденных министром обороны: по одному из них за выполнение программы исследований (39 полетов) каждому члену экипажа можно выплатить по 1100 рублей, по второму — летчику положено 600 рублей, штурману — 40 процентов, механику — 20 процентов, радисту — 10 процентов от суммы, выделяемой летчику. По одному положению радист может получить 1100 рублей, а по другому — только 60 рублей. И первое, и второе положение не подходят, а третьего нет. Экипажу из шести человек можно выплатить 6600 рублей, и при этом командир получит столько же, сколько и радист, но у Главкома нет права затратить на весь экипаж, скажем, 4000 рублей, распределив их соответственно зарплате членов экипажа. Дико, но факт: Главком своей властью не может решить эту пустяковую проблему. Большинство товарищей, кроме финансистов, высказались за полную и равную выплату всем членам экипажа. В данной обстановке, по-видимому, это самое разумное решение, хотя и самое дорогое.

11 сентября.

Приехал на работу в 8 часов, в штабе только уборщицы и связисты, даже адъютантов еще нет. Заезжал в кремлевскую больницу, сдал анализы на сахар. Первый раз врачи заметили увеличение содержания сахара в моих анализах в 1954 году, за эти годы я почти не лечился и не всегда соблюдал диету. Но последние два года я пью чай без сахара, совершенно не ем сладости, а содержание сахара в анализах растет. Наши врачи настоятельно требуют лечь в госпиталь на обследование — по-видимому, надо будет начинать лечиться.

Сегодня Беляев и Леонов вылетают в Грецию, а Комаров — в Западную Германию. Вчера все они были у меня, мы еще раз обстоятельно поговорили по всем вопросам, которые могут возникнуть в ходе поездок. Разрешил Титову в составе делегации ЦК ВЛКСМ слетать в Киргизию на 40-летие комсомола республики.

Вчера узнал, что Северин, Алексеев, Востоков и другие руководители завода № 918 настроены категорически против женского космического полета и ничего не делают по изготовлению скафандров для Пономаревой и Соловьевой. Я знал и знаю, что на пути организации и подготовки нового женского полета есть и будет еще очень много открытых и замаскированных препятствий. Но такой полет нужен, и мы будем его добиваться. На днях пошлем Северину официальный документ на изготовление скафандров для полета с выходом из корабля.

Получил решение ВПК № 180 от 18 августа 1965 года «О порядке работ по комплексу «Союз». В сентябре этого года должна состояться защита эскизного проекта корабля 7К-ОК, в октябре — защита аванпроекта «7К-ОК». Изготовление кораблей запланировано осуществить в следующие сроки: два корабля — в 4-м квартале 1965 года, два корабля — в 1-м квартале 1966 года и три корабля во 2-м квартале 1966 года. Самолетные и морские испытания кораблей 7К-ОК должны быть проведены в 3-4-м квартале 1965 года, осуществление первой стыковки двух беспилотных кораблей — в 1-м квартале 1966 года. Королев, кстати сказать, высказывает сомнение в надежности системы автоматической стыковки. Более вероятно, что первую стыковку осуществит космонавт. Мы давно предлагаем полнее использовать возможности экипажа в пилотируемых космических полетах.

13 сентября.

Сегодня день рождения Муси, ей уже 56 лет. Вчера мы в кругу семьи отметили эту дату.

Был у профессора Преображенского. Сданные мною анализы на сахар оказались не столь уж плохими, и он разрешил есть все, но не увлекаться сладким, выписал только витамины и рекомендовал раз в месяц заходить консультироваться.

Звонил Николаев, он с женой и дочкой только вчера вернулся из Чувашии. Валя и Леночка чувствуют себя хорошо. Андриян включен в

группу подготовки к полету на «Союзе», и его беспокоит, что врачи могут не разрешить ему полет из-за неприятностей со швом, оставшимся после операции по удалению аппендицита. Он просил разрешения на операцию шва в клинике Вишневского. Я разрешил ему лечь на эту операцию. Вчера же в Москву вернулись Гагарины и Попович.

Газеты сообщают, что двое американских астронавтов в конце октября полетят на 14 суток. Раньше их полета мы ничего не сможем предпринять, да и вероятность нашего полета в ноябре минимальна.

Заходил генерал Холодков, он отказался от намерения взбунтоваться против Пономарева и согласился на перевод в Феодосию. В такой обстановке на место Холодкова можно поставить только Фролова, чтобы освободить должность в Крыму для Холодкова. Смирнов был бы лучше Фролова, но ему уже 59 лет, и кадровики против его выдвижения.

В субботу Главком утвердил наши предложения по программе полетов на «Восходах» и отослал их Королеву, Афанасьеву и Смирнову.

15 сентября.

Накануне весь день провел на совещании командующих воздушными армиями. Доклад о состоянии дисциплины и воспитательной работе в ВВС сделал Главный маршал авиации Вершинин. 1 сентября секретариат ЦК КПСС рассматривал вопрос об убийстве начальника политотдела дивизии пьяным офицером. Командующий 34-й Воздушной армией генерал-лейтенант Логинов, член Военного Совета армии Шульга и другие руководители получили серьезные взыскания. В частях много происшествий, 45 процентов из них совершаются военнослужащими в состоянии опьянения. Очень плохо выступили генерал-лейтенант Колесник и член Военного Совета генерал Лысенко, а хуже всех выступил Шульга. Эти товарищи полностью расписались в своей беспомощности и неспособности руководить подчиненными им частями. Были и хорошие, дельные выступления (Пстыга, Драгомирецкий и другие). Выступил на совещании и генерал армии А. А. Епишев. Он считает, что главная причина слабой дисциплины и большого числа происшествий — в низкой требовательности и плохой работе командиров. Я с ним

совершенно не согласен: низкая требовательность — не причина, а следствие.

Недисциплинированность, пьянство, низкая требовательность — результат ослабления всей системы воспитания в стране. Более 10 лет Хрущев на наших глазах разрушал все устои государства, в том числе и армию. У нас нет авторитетов, нет должного уважения к старшим, нет устоявшихся традиций, а без этого почти невозможно создавать сплоченные коллективы. Слабая дисциплина в армии, как в зеркале, отражает ее упадок в стране. Если совершенно безнаказанно не выполняются решения ЦК КПСС и Совета Министров, то глупо расценивать как происшествие пререкание солдата с сержантом. В стране налицо ослабление государственной дисциплины, и дальнейшее развитие этой тенденции очень опасно. Партия и правительство должны серьезно изучить состояние воспитательной работы с населением и принять решительные меры для ее резкого улучшения.

Вот самый свежий пример неисполнительности на государственном уровне. 12 августа ВПК обязала МОМ (Афанасьев), АН СССР (Келдыш) и ВВС (Вершинин) в месячный срок решить все вопросы по программе полетов на «Восходах». Прошло 33 дня, но пока не было даже попытки выполнить это постановление. ВВС выработали свои предложения по каждому полету и своевременно послали их в МОМ и ВПК. Но, как я сегодня убедился в разговоре с Тюлиным, их пока не рассматривали, а переслали в главк Керимову, который протянет еще месяц-другой и скажет, что мы поздно выходим с этими предложениями: корабли уже готовы для другой программы. Так было все последние годы, так делается и сейчас. Язва неисполнительности в стране разрастается до угрожающих размеров, тормозя наше продвижение вперед. Нужны крутые меры, нужна ясная цель — куда мы идем, — нам необходимы горячая убежденность в правильности избранного пути и железная дисциплина для всех без исключений. За последние годы было совершено много ошибок, они посеяли много сомнений, но не дали ничего нового, более ценного в сравнении с тем, во что мы верили раньше. В этом сейчас главные наши трудности.

Договорился с Королевым в субботу 18 сентября встретиться с группой конструкторов с завода имени Лихачева и послушать их

предложения по созданию лунохода. В. А. Смирнов докладывал мне, что группа конструкторов-энтузиастов много поработала и ей есть что показать и рассказать.

17 сентября.

Вчера в ЦПК уточняли составы групп космонавтов, сроки и программы подготовки к полетам. Беседовал с полковником Хлебниковым о состоянии здоровья Шонина. Шонин один из способнейших космонавтов, учится он на «отлично», один раз его включали в подготовку к полету, но до назначения дублером он не дошел: у врачей были сомнения в переносимости им перегрузок. Я уже несколько раз замечал, что Шонин очень сильно потеет при занятиях спортом. Несколько дней назад я играл с ним в теннис. Играет он прилично, но его красная майка очень скоро стала совершенно черной от пота. Я попросил Хлебникова дать мне характеристику состояния здоровья Шонина. «Потеет, рыхловат, были неполадки с сердечной деятельностью при перегрузках», общими словами пытался отделаться Хлебников. Дал ему неделю, чтобы он внимательно разобрался с состоянием здоровья Шонина и доложил мне.

Беседовал с Волыновым и Катысом, оба они пока не уверены, что полетят, и, естественно, волнуются. Еще раз подтвердил, что они первые кандидаты на полет. На мой вопрос Катысу: «Выдержит ли он 15 суток полета?» — он заверил меня, что у него нет сомнений в успехе полета.

Вчера Вишневский сделал операцию Андрияну Николаеву. Несколько лет назад ему вырезали аппендикс. Операцию провели плохо, и его очень часто беспокоил шов. Перед началом подготовки к полету на «Союзе» Николаев с моего разрешения лег на повторную операцию. Операция прошла хорошо. Вишневский обещает, что через пару недель Андриян будет в строю.

Был у Главкома и подробно доложил ему все наши космические задачи, нужды и «узкие места». Вершинин понимает, что необходимо помогать развитию космонавтики, но он почти ничем не располагает для этого, а любое обращение к министру обороны вызывает только брань последнего. Для перевооружения авиации на новую материальную часть в предстоящей пятилетке нам нужно 80 тысяч единиц численности. Вершинин просил министра о выделении численности, но получил категорический отказ. Перевооружение будет

проводиться с сохранением существующей численности ВВС путем сокращения дальней авиации, укрупнения полков и т. д.

Более часа беседовал с инженером-изобретателем Энвером Ибрагимовичем Ляпиным (он написал мне письмо и просил его принять). При всем моем желании найти в этом человеке и его письме серьезные отклонения от норм психического состояния я ничего подозрительного не заметил — передо мной сидел совершенно нормальный человек и вел умный разговор об универсальном двигателе, который он изобрел. Идея и принцип работы двигателя не новы и решительно отвергнуты наукой. Ляпин уверяет, что он построил модель, которая двигается за счет внутренних сил без всякой связи с внешней средой (нет колес, винта, струи и т. д.). Я посоветовался с И. Л. Орленковым (НТК ВВС), и мы решили разобраться с этим изобретением. Я помню, как года 3–4 назад в наших газетах ученые ругали какого-то американца за подобную идею. Казалось, что от принципа движения за счет внутренних сил ничего не осталось. И вот опять та же идея, только теперь автором изобретения является советский инженер Ляпин. У меня не нашлось оснований, чтобы сразу отвергнуть его предложение, — наоборот, появилось желание основательней вникнуть в эту работу.

18 сентября.

Утром говорил с Левой по поводу вчерашней встречи с Ляпиным. Лева вспомнил, что статьи в газетах об «эффекте Дина» печатались в 1963 году. Заключения наших ученых были резко отрицательными. Лева высказал мнение, что это дело безнадежное, но я все же решил продолжить изучение изобретения Ляпина.

Сегодня мне неожиданно позвонила вдова Я. И. Алксниса: в 1969 году будет 70 лет со дня его рождения. Группа товарищей начала подготовку к изданию сборника, посвященного Алкснису, — они просят меня написать статью о моих встречах с ним — я дал согласие. У меня было много встреч с Алкснисом. Первый раз я увидел Якова Ивановича летом 1929 года на борисоглебском аэродроме, потом мы три раза встречались в 1929 году в городе Спасске. Было немало встреч и в Москве в 1934 году и в последующие годы. Алкснис, в моих глазах, всегда был крупнейшей фигурой в нашей авиации. Он сделал для ее развития больше любого Главкома, которые работали после него.

Как договаривались несколько дней назад, сегодня в 9 утра я позвонил Королеву, чтобы напомнить о его обещании встретиться с группой конструкторов-любителей, работающих над луноходом. Королев суховато ответил: «Николай Петрович, сейчас у меня много людей, и я не могу вам сказать всего, что хотел. Я позвоню через час, разговор будет неприятный». Опять что-то вывело Сергея Павловича из равновесия. Скорее всего, это дело рук Правецкого: он, наверное, сообщил Королеву о моем отказе принять из Минздрава пятерых врачей для подготовки к космическому полету. Вчера я отослал Королеву наши предложения по использованию кораблей «Восход». Эти предложения Королев также встретит в штыки, и опять будет много шума. Но шум — шумом, а дело — делом: к сожалению, Королев нередко шумит напрасно.

20 сентября.

В субботу в конце рабочего дня неприятный разговор с Королевым все же состоялся. Королев возмутился нашим письмом с предложениями по программе предстоящих полетов «Восходов». По первому, третьему и четвертому полетам мы не предлагаем ничего нового, но во втором — вместо полета двух человек на 15 суток с медицинскими задачами — мы предложили полет одного космонавта на 20–25 суток с решением ряда военных задач. Вот это-то предложение и вызвало бурю. Королев сказал мне примерно следующее: «Николай Петрович, вы хорошо знаете состояние кораблей — они уже на выходе. Изменять задание на полет сейчас — значит задержать его на несколько месяцев. Я всегда очень хорошо относился к ВВС и лично к вам и имел основания думать, что вы со мной всегда посоветуетесь, прежде чем предпринять что-либо важное. Сейчас я оказался в глупом положении, мне звонят из МОМа и ВПК и с ехидцей спрашивают: ну, как ваше мнение, будем переделывать корабли под программу ВВС? Я знаю, что вы инициатор этого дела, вы заставили Вершинина подписать это письмо — старик подписывает все, что вы ему предлагаете. Так работать я не могу. Мы можем работать и без ВВС: мы, если будем сами готовить космонавтов, обойдемся и без вашего космоцентра. Мы подготовим и командиров кораблей для очередных полетов».

Пытаясь успокоить Сергея Павловича, я сказал, что мы по существу только повторили наши прежние предложения, сделанные

нами уже дважды в текущем году, что это письмо — ответ на решение ВПК от 18 августа 1965 года и, кроме всего прочего, в нем содержатся только предложения для обсуждения, а не требования. Королева кто-то сильно «подогрел», он не понял всей ценности для него наших предложений. Речь ведь не обязательно должна идти только об уже изготавливаемых кораблях «Восход» — он может поддержать нас в принципе и предложить осуществить нашу программу на других кораблях, заказанных специально для Министерства обороны.

Угрозы Королева отказаться от наших космонавтов не новы: он уже несколько лет готовится к тому, чтобы иметь своих космонавтов. Я думаю, что намерение Королева иметь «все свое» никто не поддержит. Подготовка космонавтов слишком сложное и дорогое дело, чтобы ее можно было осуществлять ведомственно. У нас есть просьбы президента АН СССР и министра здравоохранения о подготовке в ЦПК ВВС ученых и врачей для космических полетов. Эти два документа направлены против королевской тенденции к автономии, и появились они не случайно.

Я не придаю большого значения состоявшемуся разговору — это не первая и не последняя схватка между нами. Я не хотел и не хочу портить отношения с Королевым, но Сергей Павлович часто ведет себя так необдуманно и резко, что от него отходят даже те, кто ценит и любит этого умного, но капризного и деспотичного человека. Сергей Павлович, по существу, одинок, у него очень мало настоящих друзей, и в этом больше всех виноват он сам. Но я, конечно, за Королева.

Сегодня все космонавты, кроме Беляева и Леонова (они в Греции), Поповича (он в Бресте) и Николаева (находится в госпитале после операции), собрались в ЦПК и приступили к занятиям. Завтра я поеду в Центр и проведу там совещание с космонавтами по предстоящим задачам и по состоянию дисциплины. В текущем году не было серьезных происшествий с космонавтами, но случаи нетактичного поведения, опозданий и других мелких ошибок имели место: Леонов без разрешения ездил в редакцию журнала «Огонек», Попович сорвал поездку из Бреста в Пинск и опоздал в Москву, Гуляев нагрубил полковнику Аристову. Надо признать, что воспитательная работа с космонавтами у нас поставлена плохо, во многом они предоставлены сами себе, у нас нет систематической работы с каждым отдельным космонавтом.

В субботу звонил Правецкий и просил разрешения прислать в ЦПК кандидатов в космонавты — врачей Киселева и Ильина — для ознакомления с ними. Сегодня Масленников доложил, что Борис Егоров привез кандидатов, и врачи Центра уже знакомятся с ними.

22 сентября.

Вчера в ЦПК собирал всех космонавтов и руководителей Центра. Поставил задачи по подготовке к космическим полетам до конца этого года и на весь 1966 год. При всех объявил выговор космонавту Гуляеву, указал на слабость дисциплины в Центре, на частые сборы с выпивками по самым незначительным поводам. Обещал резко сократить выступления и встречи космонавтов, а на приемы в правительстве и посольствах посылать по одному. Приглашения на приемы поступают ежедневно и для всех. На завтра, например, в одно и то же время приглашают болгары и Вальтер Ульбрихт.

Имел серьезный разговор с Терешковой. Она по-прежнему непримиримо относится к Пономаревой, считая, что Пономарева вела себя недостойно и ее нельзя назначать в космический полет. Я сказал Вале, что прошлые недостатки Пономаревой нам хорошо известны, из-за них она и не полетела первой, хотя к полету была подготовлена лучше других. За последние два года к Пономаревой нет никаких претензий, все космонавты считают ее достойным кандидатом на полет, и только Терешкова не может простить ей прошлых обид. Я приказал Терешковой не проявлять открыто антипатию к Пономаревой, а активно включиться в качестве руководителя в работу по подготовке очередного женского полета. Я сказал Вале, что если она настаивает на своем мнении о Пономаревой, то пусть напишет официальный рапорт, мы его рассмотрим и примем. Терешкова, по-видимому, поняла, что может попасть в смешное положение, она решила не возобновлять свои наскоки на Пономареву и немедленно приступить к работе по подготовке Пономаревой и Соловьевой к полету.

С Гагариным, Комаровым и Хлебниковым мы еще раз обсудили кандидатуры космонавтов-мужчин на полет с выходом в космическое пространство. К этому полету готовятся четверо: Хрунов, Шонин, Горбатко и Заикин. К Хрунову нет никаких замечаний, он был дублером у Леонова и может отлично выполнить полет. Шонин хорошо подготовленный космонавт, отлично учится в академии, по его

поведению тоже нет никаких замечаний. Но пару лет назад при тренировке на центрифуге у него были зафиксированы неблагоприятные симптомы в работе сердца; кроме того, замечено, что Шонин даже при небольших физических нагрузках очень обильно потеет. По докладам врачей, в наземной обстановке этот недостаток Шонина практически не сказывается на его работоспособности, но на мой вопрос: «Как будет чувствовать себя Шонин, если ему придется в мокром от пота белье быть в скафандре более двух недель?» — врачи не смогли твердо заявить, что работоспособность и самочувствие Шонина будут хорошими. Поручил Хлебникову вместе с Шониным изучить этот вопрос и подготовить предложения по профилактике нежелательных последствий интенсивного потовыделения. Горбатко в гагаринском наборе числится двенадцатым, а Заикин — тринадцатым и самым последним. Оба они малоактивны в общественной жизни, всегда молчат, в академии учатся хуже других (Заикин имеет семь троек, были у него и двойки), общее развитие обоих только удовлетворительное. Правда, за пять лет пребывания в Центре они заметно выросли. Полет они могут выполнить, но с блеском представлять советскую космонавтику не смогут. Гагарин и Комаров высказались в поддержку Горбатко и Заикина: они вместе с ними более пяти лет работают в одном коллективе и не могли поступить иначе. А нам, руководителям, приходится говорить правду в лицо — я высказал Горбатко и Заикину наши сомнения, предупредив, что я делаю это не для того, чтобы отстранить их от подготовки к полету, а с целью побудить полнее и лучше использовать отведенное на нее время и заметно подтянуться там, где они сами еще чувствуют слабину. Поручил полковнику Крышкевичу включить Горбатко и Заикина в активную общественную деятельность и лично руководить их подготовкой к выступлениям.

Заслушал доклад полковника Хлебникова о врачах из Минздрава кандидатах в космонавты. Киселев и Ильин производят хорошее впечатление, они гораздо сильнее нашего подполковника Лазарева и, видимо, придется Лазарева вернуть в институт, а к полету готовить представителей Минздрава.

После нашего неприятного субботнего разговора Королев, по-видимому, одумался и в понедельник дал команду: до 25 сентября подготовить соображения о возможности осуществления

предложенного нами 20-суточного полета на «Восходе», но не одного космонавта, а двух. Судя по всему, реализация этого предложения потянет за собой значительно большие задержки и переделки корабля, чем мы предполагали. Вчера у Королева был полковник Смирнов. Сергей Павлович решил с ним многие вопросы и пытался разыскать меня по телефону для примирительного разговора. Сегодня Королев звонил мне и извинялся за «неприятный разговор». Он еще раз подтвердил, что письмо ВВС ему не понравилось, но он поручил готовить на него объективно обоснованный ответ. После разговора с Королевым из его кабинета позвонил Феоктистов и сообщил о неприятностях при испытаниях «Союза» в Феодосии: 1) нет вертолета Ми-6, болванки (спускаемые аппараты корабля) из степи возят на машинах — вместо двух часов тратят на их доставку по двое суток; 2) из-за отсутствия аппаратуры для зондирования атмосферы утопили в море три имитатора; 3) обработка материалов испытаний идет медленно из-за слабой вычислительной базы; 4) плохо с автотранспортом. Обещал Феоктистову немедленно принять меры. Сегодня полковник Смирнов доложил мне, что он лично разговаривал с генерал-лейтенантом Финогеновым (начальник Научно-испытательного института ВВС во Владимировке — Ред.) и передал ему эту жалобу ОКБ-1. Финогенов ответил: «Если Королева не устраивают наши условия, пускай он проводит испытания в другом месте». Пономарев знает о таком отношении Финогенова к исполнению приказа Главкома и фактически поощряет его. Я сделаю все возможное, чтобы заставить Пономарева и Финогенова исправить ненормальное положение с испытаниями «Союза».

23 сентября.

Провел в Центре совещание с представителями ОКБ-1 (Анохин и другие), ИМБП, ЦПК, нашего института (ИАКМ — Ред.) и группой космонавтов. Обсуждали предложение Королева готовить полет двух космонавтов на «Восходе-3» на 20 суток. Мы отдаем себе отчет, что подготовить такой полет к 15 ноября нельзя из-за неготовности корабля и его систем. Реально существует и прошла испытания кондиционерная установка, рассчитанная только на 12–15 суток полета. Если даже ОКБ Воронина и создаст за две-три недели новую установку, работоспособную в течение 25 суток (что совершенно невероятно), то для ее испытания потребуется почти месяц. Короче

говоря, затея Королева совершенно нереальна. Это не первая и не последняя его «легкая» затея, я уже начинаю привыкать к королевским импульсам, но для дела они обходятся дорого — очень много времени тратится впустую. Если бы в нашем распоряжении были готовые корабли, было бы целесообразнее первый очередной полет готовить на 12–15 суток, второй — на 20 и третий — на 25–30 суток. Полеты со специальными техническими и военными исследованиями могли бы быть более короткими. Наиболее реальным является наше предложение: готовить первый очередной полет двух космонавтов на 15 суток и второй полет одного космонавта на 20–25 суток. Для осуществления таких полетов есть реальные возможности даже в этом году. Чтобы лишить Королева оснований для новой серии упреков в адрес ВВС, мы дали заключение о возможности выполнения 20-суточного полета и соответствии готовящихся космонавтов такому полетному заданию, но оговорили это заключение сроками готовности корабля, его оборудования и документации.

После моего отъезда из ЦПК Егоров и Анохин более двух часов продолжали спорить с Карповым и Комаровым, пытаясь включить в протокол совещания пункт, в котором было бы записано, что ЦПК до 15 ноября подготовит командира корабля и космонавта-ученого для выполнения 20-суточного полета, — они хотели исключить возможность назначения в полет двух летчиков. Я приказал протокол с таким пунктом не подписывать. Егоров и Анохин были вынуждены подписать протокол в нашей редакции.

25 сентября.

Вчера с группой врачей занимался отбором кандидатов в космонавты. Всего через медкомиссию и госпиталь пропущено около 600 человек, признаны годными по состоянию здоровья 60 человек. Решил в период с 18 по 23 октября провести итоговые заседания мандатной комиссии и из 60 кандидатов отобрать только 20 для зачисления в слушатели-космонавты, а 40 человек оставить кандидатами для будущих наборов.

Американцы на сегодня имеют 38 астронавтов и в школе астронавтов готовят еще более 80 человек. Комаров в Западной Германии встречался с американским полковником, который рассказал ему о существовании такой школы и о стремлении американцев всех

кандидатов в астронавты подготовить в первую очередь летчиками-испытателями.

Сегодня Вершинин подписал очень строгую шифр-телеграмму Финогенову по устранению недостатков при испытаниях «Союза» в Феодосии и потребовал ежедекадных докладов об исполнении. Главком подписал также письмо министру обороны о большой перегруженности космонавтов и необходимости сократить их участие в приемах, встречах и других аналогичных мероприятиях. Несмотря на мои твердые намерения не отрывать космонавтов от работы и учебы, все же приходится отрывать их еще слишком часто. Так, для Гагарина только на 1 и 2 октября намечены четыре мероприятия: доклад в Кремле, съемки на выставке, съемки для чехословацкого телевидения и встреча в Люберцах.

27 сентября.

Говорил с полковником Смирновым и Главным конструктором Ворониным о возможности осуществления не позднее декабря этого года 20-суточного полета с новой системой кондиционирования воздуха. Оба заявили, что создание такой системы для обеспечения жизнедеятельности двух человек в течение 20 суток вполне возможно, но на ее отработку и испытания потребуется несколько месяцев. В лучшем случае новая система будет готова в первом квартале 1966 года. Вот так обстоит дело, а Королев «порет горячку» и вводит лишние трудности в подготовку очередного космического полета.

29 сентября.

Третий день продолжается работа пленума ЦК КПСС. Опять идет перестройка промышленности: вместо хрущевских совнархозов вновь создаются министерства. Будут приняты меры, направленные к тому, чтобы заинтересовать коллективы и руководителей предприятий в улучшении качества продукции, совершенствовании и повышении прибыльности производства. Вместо помощи промышленности и сельскому хозяйству — непрерывные перестройки, которые приносят только вред. Правда, сейчас, после десятилетних экспериментов Хрущева, очередная встряска народного хозяйства должна пойти на пользу.

Вчера весь день был в Центре. Провел инструктаж Беляева и Леонова по их поездке в ГДР и Западный Берлин. Беседовал с Терешковой по программе ее поездки в Японию. По просьбе

Терешковой я написал письмо в МИД о внесении некоторых сокращений в программу. Договорился с Гагариным и Комаровым об их выступлениях на период до 5-го октября. Беседовал с Волыновым, Катысом и Береговым о ходе подготовки к полету. Дал разрешение увеличить количество полетов на невесомость для Волынова и Катыса. Более часа говорил с подполковником Деминым о его предложениях по военным исследованиям в космосе. Все, что предлагает Демин, мне известно, и по всем этим вопросам уже идет работа. Беседа была полезной и для меня, и для космонавта Демина.

Сегодня утром ездили с Левой на стадион имени Ленина играть в теннис. Лева стал играть вполне прилично, мы немного потренировались без счета, а потом он играл с Павлом Турчиным и проиграл со счетом 4:6. Я играл с полковником Смирновым и еле выиграл 6:2; 7:5. Последний сет было трудно играть, почти не мог бегать. Сказывается мое падение с велосипеда. Позавчера мы с Олей километров десять проехали на велосипедах (магазин в поселке Заборье, мельница, плотина и санаторий «Подмосковье») — за полтора-два месяца Оля отлично овладела велосипедом и проезжает по всем буграм и канавам на лесных тропках. У ворот санатория я оглянулся назад на дорогу, а Оля в это время немного притормозила. Повернувшись вперед, я увидел, что наезжаю на нее, и резко отвернул… Олю я не сбил, но сам оказался на асфальте, ударился правым бедром и локтем. Правая нога третий день болит — я намеренно сегодня поехал на теннис, чтобы поразмять ногу.

Сегодня Пленум ЦК закончил свою работу — участники Пленума маршалы Вершинин и Руденко вышли на службу. Несколько минут беседовал с Вершининым и более часа с Руденко по вопросу реорганизации ЦПК ВВС в испытательный центр космических полетов. Оба маршала боятся оголить космическую линию: они хотят запрятать все космическое в недрах авиации так, чтобы невозможно было выделить космонавтику из ВВС. Руденко высказался за проведение всех космических испытаний в ГНИКИ ВВС, а за ЦПК он предлагает оставить только подготовку космонавтов, его не смущает то обстоятельство, что Центр давно уже вырос из этой «детской распашонки».

Звонил наш посол в ГДР Абросимов. Он просил разрешения 2 октября лететь в Берлин вместе с Беляевым и Леоновым на одном

самолете. Дал согласие — это будет полезно и для космонавтов, и для посла.

Внимательно прочитал доклад Косыгина, выступление Брежнева и решения Пленума ЦК. Я от души одобряю эти решения, мне нравятся вдумчивость и неторопливость, с которой пытаются исправить итоги деятельности Хрущева.

Был у меня из агентства печати «Новости» (АПН) Валентин Васильевич Михайлов. Он много занимается космической тематикой и уже кое-что написал о наших достижениях в космосе. Мы вели разговор о подготовке к написанию книги «Итоги и перспективы освоения космоса». Я дал согласие на участие в этой работе Гагарина, Терешковой, Комарова и Леонова. Привлечем и генерал-майора О. Г. Газенко. Можно было бы написать очень интересную книгу, материалов много, но у нас будут большие ограничения по описанию техники, проектов и упоминанию фамилий, а это значительно затруднит работу над книгой и исковеркает ее содержание.

«Красная звезда» опубликовала сегодня материалы о 70-летии маршала Василевского. Из всех наших маршалов с наибольшим правом носят это высокое звание Василевский и Рокоссовский. С Василевским я встречался сотни раз, и всегда это были приятные встречи.

Сегодня говорил по телефону с Королевым. Он завтра летит на полигон будет пытаться осуществить мягкое прилунение автомата и надеется, что до 10 октября закончит это дело. Настроение у Сергея Павловича бодрое, он высказал сожаление, что не смог посмотреть луноход, но выразил надежду, что мы посмотрим его после 10 октября. Королев прислал нам письмо с просьбой допустить в ЦПК и ГНИКИ киносъемочную группу по «Восходам», но забыл приложить список группы. Я дал согласие на допуск и просил прислать фамилии кинооператоров. Королев удивился отсутствию списка, а затем признал, что «такое у нас бывает», и рассказал, как на днях он получил от одного инженера длинное и обстоятельное заявление с просьбой о приеме в космонавты, но без фамилии и адреса заявителя.

1 октября.

Незаметно пролетел сентябрь. Чудесный был месяц, теплый, сухой, очень солнечный. Первое утро октября тоже прекрасное. Все деревья в золотом уборе, листопад только начинается. В 6:30, как

обычно, я вместе с Мусей и Олей выехал с дачи. Приятна быстрая утренняя езда, 48 километров я проехал за 38 минут. Обычно утром я еду 40–45 минут, было лишь несколько случаев, когда поездка на машине занимала меньше 40 минут.

Муся сегодня не поехала на теннис, ее заменил Лева. В 7:30 мы уже были на корте и до подхода партнеров сражались один на один. Лева стал играть хорошо — я выиграл у него с трудом 5:4, закончить сет помешали друзья. Против Смирнова и Турчина мы сыграли три сета (6:1, 6:4 и 6:4). Третий сет мы вели со счетом 5:1, но за два часа игры я изрядно устал, да и нога еще дает о себе знать, последний гейм играли плохо и еле вытянули победу. Это была моя первая игра в паре с сыном и я доволен его игрой.

Звонил от Королева Цыбин, договорились с ним о проведении 4 октября встречи представителей ОКБ-1, ВВС, РВСН и Минздрава по вопросу о заданиях на полеты «Восходов».

Получил интересное письмо из Ленинграда. Пишет некто Ветер, ему около 30 лет, он гражданский инженер, самостоятельно готовящийся к космическому полету. Кроме теоретической подготовки, он провел большой комплекс физических тренировок (плавание, прыжки в воду, бег, велосипед, парашютный спорт, батут, лопинг, кресло Барани — на кресле он провел более 6000 вращений — и много других упражнений). Все эти тренировки проводились им изо дня в день в течение 8 лет. Если все, о чем пишет в своем письме Ветер, правда, то он должен быть уже хорошо подготовленным космонавтом. Дал команду вызвать его ко мне на 5 октября.

Звонил секретарь ЦК КПСС Суслов. Он спросил, знаю ли я о статье в одном из югославских журналов, в которой опубликованы три снимка Гагарина рядом с французской гоночной автомашиной, а в тексте значится примерно следующее: «В Париже на авиационно-космической выставке Гагарин занимался больше автомобилями, чем авиацией и космосом». Я ответил Суслову, что с содержанием статьи знаком, статья пасквильная. Французы подарили Гагарину гоночную машину, зная, что он увлекается быстрой ездой. Принять подарок от французов ему посоветовали министры Дементьев и Смирнов и наш посол в Париже Зорин. Суслов удовлетворился моим ответом, но посоветовал быть осмотрительней с подарками космонавтам из капиталистических стран.

2 октября.

Был в Центре. Все космонавты находились в этот день на занятиях в ОКБ-1, а более сотни сотрудников ЦПК уехали на сбор картофеля. Беседовал с генералом Кузнецовым и кадровиком по вопросам аттестации офицеров. Приказал Кузнецову обратить особое внимание на аттестацию космонавтов. Подробность, правдивость и требовательность — главное достоинство любой характеристики.

Более часа беседовал с Вершининым. Главком интересовался ходом учебы космонавтов в академии, составом групп и степенью готовности к космическим полетам тех космонавтов, которые уже приступили к предполетной подготовке. Вершинин выразил пожелание, чтобы все космонавты более упорно изучали английский язык. Главком уже несколько раз говорил мне, что он из-за незнания языка очень неловко чувствует себя с иностранцами и хотел бы предупредить космонавтов об этих неудобствах. Я приказал Кузнецову подготовить за 2–3 дня конкретные предложения по усилению занятий английским языком слушателей-космонавтов и космонавтов.

Сегодня Беляев и Леонов вылетели в Берлин. Терешкова провела встречу в одной из школ по личной просьбе Л. И. Брежнева.

4 октября.

Вершинин сообщил мне печальную весть: умер Иван Федорович Шепилов бывший редактор журнала «Авиация и космонавтика». Здоровье у него было слабое, он перенес три инфаркта, но умер он не из-за сердечной недостаточности, а по причине закупорки (тромба) кровеносной артерии.

Был на совещании в ОКБ-1. Обсуждали программы полетов кораблей «Восход» №№ 5, 6, 7. Руководство ОКБ-1 очень вежливо, но решительно отвергло основные пожелания военных. П. В. Цыбин, проводивший совещание, заявил, что для осуществления всех предложений МО нужно строить десятки кораблей. Пятый корабль полетит с собакой. На шестом и седьмом кораблях полетят на 15 суток экипажи из двух человек, на обоих кораблях будут проводиться испытания системы искусственной тяжести и в ограниченном объеме — медико-биологические и военные исследования. С нашей, военной, точки зрения, испытания системы искусственной тяжести — это не первоочередная задача, ее можно было бы решать на 2–3 года позже, но корабль с этой системой почти на выходе, и сейчас менять

программу его полета поздно. Главная причина малого количества военных экспериментов в космических полетах заключается в том, что Малиновский запрещал и запрещает заказывать корабли для военных целей. Он считает, что кто-то когда-нибудь построит ему идеальный военный космический корабль, и только тогда он даст согласие строить серию таких кораблей. А Королев и Келдыш решают в первую очередь технические и чисто научные проблемы, оставляя для военных экспериментов только попутные возможности. На совещании присутствовали представители Минздрава, ракетных войск и ПВО. Все военные настаивали на разработке военной космической программы, но Цыбин высказался в том духе, что это не является задачей данного совещания, и предложил ограничиться обсуждением программ предстоящих полетов трех кораблей. Я поддержал Цыбина: ОКБ-1 не может разрабатывать военную космическую программу — это дело Министерства обороны. Но в МО нет единого органа, способного решить эту большую задачу.

Час назад у меня был Гагарин. К 16:00 его вызывает маршал Гречко. Я посоветовал Гагарину объяснить маршалу причины наших отставаний и напомнить предложения ВВС по вопросам заказов космических кораблей, письмо Малиновскому о передаче «военного космоса» из РВСН в ВВС и наши просьбы и предложения по военным исследованиям. К Гречко вместе с Гагариным поехал и Вершинин. Главком хотел взять и меня, но Гречко сказал: «Пускай Каманин находится у телефона, потребуется — вызовем. Я не знаю, какие вопросы будет поднимать Гагарин: может, присутствие Каманина будет его смущать». Я не жду больших результатов от этой встречи, и все же такие встречи нужны. Более того, в создавшейся обстановке необходимы и встречи космонавтов с руководителями партии и правительства.

5 октября.

Сегодня Главком собрал у себя Руденко, Брайко, Мишука, Белюнова и меня и рассказал о вчерашней встрече с маршалом Гречко. Гагарин, как я ему и рекомендовал, поставил перед Гречко вопросы нашего отставания в космосе, сделав особый упор на отставании в военных исследованиях. Как заявил Гречко, он все время считал, что ЦУКОС находится в ведении ВВС, и что передача космических дел ракетным войскам ошибочна. Такое заявление не делает чести

маршалу Гречко, а только лишний раз доказывает, как плохо министр Малиновский и его первый заместитель руководят военной космонавтикой. Плохо это аттестует и Вершинина. Когда в прошлом году мы под руководством маршала Бирюзова готовили проекты объединения космоса под эгидой ВВС, Бирюзов неоднократно говорил нам, что эти предложения поддерживают Епишев и Гречко. Вершинин знал, что Гречко за нас, но ни разу не поговорил с ним на эту тему и сдался при первом же окрике Малиновского. В ходе беседы Гречко вызвал генерал-лейтенанта Трусова (заместитель начальника НТК Генштаба) и приказал подготовить на вторую половину ноября заседание Высшего военно-технического совета для рассмотрения вопроса о руководстве военным космосом и наиболее целесообразной организации этого дела в МО. После ухода Гагарина Вершинин еще около часа беседовал с Гречко, последний обещал Главкому внимательно разобраться в космических делах и объединить космос на базе ВВС.

Я уже из опыта знаю, что это еще далеко не победа, ведь у нас очень сильный противник — министр обороны Малиновский. Но теперь я организую такую атаку против Малиновского, что он будет вынужден капитулировать. Меня страшит не сам Малиновский, а то, что мои «друзья» — маршал Руденко и генерал-полковник Пономарев — многое могут испортить своими плохо обдуманными предложениями и своим влиянием на Главкома. Главное сейчас сосредоточить руководство космонавтикой в ВВС, а уж потом реорганизовывать и улучшать его. Пономарев и Руденко пытаются, к сожалению, начинать с реорганизации и увеличения численности.

Вчера выведена на орбиту и направлена к Луне АМС «Луна-7». Все идет пока нормально, и если «Луна-7» полностью выполнит программу и мягко прилунится — это будет большим нашим успехом.

7 октября.

5 октября в конце дня был в Научно-техническом комитете Генштаба. Присутствовали генералы Трусов, Юрышев, Мишук, начальник НТК ПВО и полковник Харичев. Обсуждали в предварительном плане порядок подготовки заседания Совета Министерства обороны по вопросу о военном космосе. Маршал Гречко предложил доложить на заседании Совета о ходе освоения космоса у нас в сравнении с США, о наших недостатках и о том, что

нужно делать и где должен быть ЦУКОС — в ВВС или ракетных войсках. Трусов и Юрышев первоначально намеревались ограничить дискуссию только техническими вопросами. Но после моего выступления они поняли, что гвоздь проблемы в организации дела: оставлять ли существующую дряблость и распыленность руководства космонавтикой или объединить все усилия по освоению космоса в единой организации? Так и только так стоит вопрос. Я понял, что надеяться на поддержку НТК Генштаба у нас нет оснований. Если эта наша атака за объединение космоса на базе ВВС сорвется, то это будет окончательным поражением наших идей. Победа ракетных войск будет готовить поражение СССР в космосе. Вывод один: надо идти в последний и решительный бой и добиваться победы.

Сегодня я рассказал маршалу Руденко о моих намерениях попробовать склонить к защите наших позиций Главкома ВМФ адмирала Горшкова, Главкома ПВО маршала Судца, заместителя начальника Генштаба генерала армии Батицкого и даже Главкома ракетных войск маршала Крылова. Руденко одобрил мой план, но посоветовал поговорить по этому поводу с Вершининым. План мой очень прост: я заставлю говорить космонавтов — пусть они со знанием дела, с авторитетом и молодой энергией попросят этих «старых дядей» не мешать им осваивать космос. На полную удачу этого мероприятия я не рассчитываю, но хотя бы 50 процентов успеха можно предвидеть.

8 октября.

Главком «благословил» меня на тщательную подготовку боя за объединение космоса. Правда, я не сказал ему о наших с космонавтами намерениях — кроме «обработки» военных руководителей обратиться еще и к первому секретарю ЦК КПСС Брежневу. Вершинин и Руденко будут против обращения в ЦК, и я не могу связывать себе руки предварительным разговором с ними по этому вопросу.

Сегодня в 1:08 «Луна-7» шлепнулась на лунную поверхность. Мягкой посадки опять не получилось, а получился пшик. Это очередная наша лунная неудача. Если бы средства, затраченные на лунники, переключить на обитаемые спутники, мы могли бы уже иметь 20-50-суточные пилотируемые полеты на одноместных и двухместных кораблях.

9 октября.

Вчера и сегодня занимался вопросами управления космическими полетами и установления радиосвязи между космическим кораблем и самолетами, подлодками и надводными кораблями. У нас нет единого хорошо организованного пункта для руководства полетами обитаемых кораблей, есть лишь временный командный пункт на полигоне (плохое помещение, нет необходимого оборудования, среди специалистов смен много случайных и недостаточно подготовленных людей). Командный пункт ВВС занимается только посадкой космических кораблей и их поиском после приземления, а командный пункт РВСН — плохой дублер КП полигона. Необходимо срочно создать в Москве на базе ВВС единый командный пункт управления космическими полетами, оборудовать его специальными средствами связи, подготовить специалистов и руководителей полета. Меня беспокоит и отсутствие связи между КП и космическим кораблем с шестого по тринадцатый виток каждых суток полета: почти 9 часов каждые сутки мы не имеем связи с кораблем на УКВ-каналах, а связь на КВ-каналах практически неосуществима. Для надежной радиосвязи с самолетом или подводной лодкой по УКВ-каналу в метровом диапазоне радиоволн необходимо иметь на них громоздкие (10 метров диаметром) подвижные узконаправленные антенны. Установка таких антенн на самолете и подлодке невозможна. Радиосвязь космического корабля с надводным морским кораблем возможна (Быковский установил такую связь), но из-за отсутствия надежной радиосвязи морского корабля с береговыми КП на дальних расстояниях (более 5–6 тысяч километров) такая связь обесценивается. Для более успешного управления космическими кораблями и установления надежной связи их с самолетами, подлодками и другими объектами требуется переход с метровых волн на дециметровые. Это очень сложная задача. Придется продолжать искать пути для более надежного управления полетами космических кораблей и в метровом диапазоне. На будущей неделе проведу совещание связистов ВВС.

На место генерала Холодкова назначен полковник Фролов, сегодня он представляется мне по поводу вступления в должность. Фролова я знаю еще по его работе в ГКНИИ, помню, что, когда в 1960 году я впервые отправился на космодром, вместе со мной летели полковники Фролов, Смирнов и Денисов. Последние три года Фролов работал в Феодосии и много занимался космической техникой.

12 октября.

Вчера вечером ехал на дачу час сорок минут (обычно 45–50 минут). Весь день шел снег, а вечером разыгралась пурга. Видимость — 7-10 метров, дорога очень скользкая, пришлось ехать на скорости 30–40 километров в час и меньше. Всю землю покрыл снег, на даче толщина снежного покрова — 10–15 сантиметров, температура — 3 градуса. Сегодня утром ехать было тоже очень трудно, видел три машины в кюветах, а одна даже перевернулась. Думаю, что этот снежок скоро растает, — до ноября буду ездить на дачу на машине.

Заходил генерал-лейтенант Клоков, он сейчас занимается строительными вопросами нашего института (ИАКМ) и санатория «Чемитоквадже». Клоков просил разрешения слетать в «Чемитку» и на месте разобраться с объемом и ходом строительства возводимых там спортивных сооружений. Этот санаторий мы развиваем как основную базу активного отдыха космонавтов, он расположен в сорока километрах севернее Сочи, у самого берега моря. Рядом с санаторием девственные леса и горы, условия для отдыха и занятий спортом прекрасные. Комаров, Беляев и другие космонавты довольны санаторием, но кое-кто (Леонов, Титов) считают его скучным. Да, в окрестностях санатория только дикая, но красивая природа, там нет театров, ресторанов с джазом и толп людей… Я разрешил генералу Клокову до конца октября побывать в «Чемитоквадже».

Комиссия Генштаба, работавшая над вопросами обитаемости в космосе, возбудила ходатайство о создании на базе нашего ИАКМ Института обитаемости. Маршал Руденко и Главком приняли энергичные меры, чтобы отбить этот очередной наскок на ВВС, — такое решение принесло бы непоправимый вред военной авиации и космосу. Одними из главных идеологов очередной перестройки являются полковник Денисов (из нашего института переведен в Генштаб) и начальник института генерал-лейтенант Волынкин. Последний не оправдал наших надежд — придется в ближайшее время с ним распрощаться.

14 октября.

Провел вчера совещание специалистов ВВС по радиокосмической связи, присутствовало 18 человек. В связи с необходимостью осуществления пилотируемых полетов к Луне и изменением наклона орбиты космических кораблей с 65 градусов до 51 градуса очень

усложняются задачи управления полетами космических кораблей, обеспечения качества и регулярности радиосвязи с ними, выбора районов приземления и организации поиска. Необходимо уже сейчас многое уточнять, улучшать и делать по-новому. Маршал Руденко согласился с моим предложением подготовить обстоятельный доклад министру обороны по состоянию и недостаткам космической связи и наши предложения с учетом перспективы на 4–5 лет.

Из Чехословакии приехали 8 кино- и телеоператоров. Дал им разрешение провести съемки космонавтов в академии, дома и на спортзанятиях. Больше всех достанется Гагарину, он главный герой этих съемок.

Вчера секретариат ЦК КПСС принял окончательное решение о поездке Терешковой и Николаева в Японию. В секретариате Вершинину дали понять, чтобы он при организации поездок космонавтов за границу не увлекался большим числом сопровождающих лиц и выделением для полетов специальных самолетов. На этот раз секретариат все же разрешил использовать специальный самолет и послать четырех сопровождающих.

Был в ЦПК. Договорился с Гагариным о содержании письма космонавтов Брежневу. Решили, что активную работу по подготовке встречи с главкомами будут проводить Гагарин, Николаев, Комаров и Леонов. Я передал Гагарину написанный мною проект письма в ЦК. Гагарина несколько смущает резкость высказываний в адрес маршала Малиновского, хотя он согласен, что по существу о министре все написано правильно. Гагарин взял на себя подготовку к «бою» всех других космонавтов.

Беседовал с Терешковой и Николаевым о предстоящей поездке в Японию. Валя сказала, что ее эта поездка волнует больше, чем визит в Париж, а Андриян имел намерение вообще отказаться от поездки из-за перенесенной операции. Я ознакомил их с уточненной программой поездки, обещал дать по 2–3 варианта выступлений, провести встречу в МИДе и ЦК с товарищами, хорошо знающими обстановку в Японии. Валя очень беспокоится за Аленушку: мать Вали уехала в Ярославль к другой дочери, Аленушка останется только с няней. Я обещал Вале, что врачи ежедневно будут наблюдать за ее дочкой. На 20–21 октября я наметил беседу со всей группой убывающих в Японию.

В присутствии генерала Кузнецова я подвел итоги заграничных поездок (Болгария, Греция, ГДР, Куба) Беляева и Леонова.

Поездки прошли, в основном, хорошо, но со стороны Леонова были случаи поспешных, необдуманных высказываний. По возвращении с Кубы он заявил: «Мне было часто стыдно за руководителя делегации Кэбина, он ярый националист и недалекий человек». Прилетев из Афин, он ляпнул: «Народ Греции встречал нас лучше, чем встречали в социалистических странах». Были ошибки и у Беляева, но менее значительные. Оба согласились, что ошибки имели место. Генерал Кузнецов задал мне вопрос, стоит ли ему переезжать в новый гарнизон? Кузнецов очень мнительный, ему все время кажется, что его вот-вот снимут с должности и на его место поставят Гагарина. Я заявил ему, что до этого еще далеко. Когда Гагарин будет готов командовать Центром (2–3 года уйдет у него на окончание академии), к тому времени я освобожу свою должность для Кузнецова. Правда, я сказал Кузнецову, что моя положительная оценка его двухлетней работы в Центре не мешает мне отметить и его недостатки. Кузнецов много занимается личными делами и еще недостаточно глубоко вникает в работу с космонавтами.

18 октября.

Сегодня мне «стукнуло» 57 лет. Раньше я считал людей в этом возрасте стариками, сейчас мои взгляды на старость изменились. Я себя стариком не считаю. Ежедневно я тружусь по 13–14 часов: встаю в 5:30 и готовлю к поездке машину, час за рулем до Москвы, семь часов работы на службе, час езды до дачи, самые различные физические работы на даче и только после 9 часов вечера у меня появляется потребность отдохнуть. Мои объективные медицинские показатели (по содержанию сахара в крови и артериальному давлению) неважные, а субъективно я чувствую себя хорошо. Сегодня утром, только я зашел в свой кабинет, как генералы Брайко, Кувенев, Ушаков, Горегляд, Бабийчук и другие пришли поздравить меня с днем рождения. Не скрою, мне это было приятно, хотя я никогда не придавал никакого значения подобным датам.

Провел первое итоговое заседание мандатной комиссии по отбору новых слушателей-космонавтов. Присутствовали генералы: Горегляд, Чугунов, Бабийчук, Кузнецов, Волынкин, Бородин; полковники: Гагарин, Крышкевич, Хлебников, Смирнов, Брянов, Аристов,

Гаврилов, Никерясов и другие. На комиссию вызывали одиннадцать летчиков-инженеров. Хорошее впечатление произвели на всех Федоров, Волошин, Шарафутдинов, Щеглов и Крамаренко. Белобородов, Карасев, Чумаков, Кизим, Ивченко и Козельский выглядят значительно слабее: мало читают вообще и почти не читают художественную литературу, один из них не мог даже назвать ни одного произведения Лермонтова. Лейтенант Карасев на мой вопрос: «Курите?» — четко и твердо ответил: «Курил, бросил 8 июля и не тянет». А через 20 минут, во время перерыва, я увидел, как Карасев в туалете с наслаждением затягивается папиросой. Заметив меня, Карасев «проглотил язык», и на мой повторный вопрос: «Курите?» — уже не нашелся, что ответить. Меня эта нечестность поразила, большинство же членов комиссии среагировали иначе: «После такой комиссии закуришь!»

19 октября.

Провел второе заседание мандатной комиссии. Рассмотрели 12 кандидатов из числа летчиков-инженеров (10 — из ПВО и 2 — из ВМФ). Отличное впечатление произвел лейтенант Яковлев. Лейтенанты Петрушенко и Конюхов также прошли без замечаний. Лейтенанты Зенькович, Середа, Климук, Ляхов, Скворцов могут быть зачислены в списки кандидатов. А вот лейтенанты Капустин, Куц, Белих и Фоманин имеют серьезные недостатки, и их, по-видимому, нецелесообразно зачислять в ЦПК.

Сегодня я, Беляев, Леонов и Генин выступаем в Центральном доме литераторов с показом фильма «Человек вышел в космос». Всего о полетах и поездках космонавтов создано более 30 фильмов. Сегодня 20 киноработников, писателей и поэтов мы наградим большим космическим значком за активную работу по космической тематике.

20 октября.

Вчера в Центральном доме литераторов с 18 до 21 часа я, Беляев и Леонов, а также сотрудники редакции журнала «Авиация и космонавтика» провели вечер встречи с писателями, поэтами и киноработниками. Леонов выступал, как всегда, хорошо. Заметно лучше стал держаться на трибуне и Беляев. Группу творческих работников мы наградили большим космическим значком. Автор значка — скульптор Постников; значок получился отличный, мы используем его, в основном, как сувенир при заграничных поездках

космонавтов. Среди награжденных Рябчиков Евгений Иванович — писатель, киносценарист, много сделавший для популяризации космонавтики; Борзенко Сергей Александрович писатель, военный корреспондент и обозреватель «Правды», Герой Советского Союза; писатели: Денисов Н. И., Ляпунов Б. В., Казанцев А. П., Рахилло И. С., Меркулов А. Г., Войнович В. Н. (автор слов популярной песни «На пыльных тропинках далеких планет…»); киноработники: Тихонов М. В. — директор студии «Мосфильм», Косенко Г. М. — режиссер, Боголепов Д. А. — режиссер, Макаров Н. В. — директор многих фильмов о космосе и другие. Вечер прошел очень хорошо, все были довольны. Правда, сегодня мне уже звонил из ЦК КПСС А. И. Сербин и интересовался, есть ли у меня текст моего вчерашнего выступления. Оказывается, в ЦК кто-то донес, будто бы я сказал, что после полета «Джемини-5» советское правительство просило США прислать к нам их специалистов и поделиться с нами опытом этого полета. В действительности я говорил совершенно другое: «После полета Беляева и Леонова группа американских специалистов приезжала в Москву, и по разрешению советского правительства Беляев и Леонов рассказали им подробности своего полета. Это помогло США быстрее подготовить и провести полет с выходом из корабля в космос».

Сегодня провел третье итоговое заседание мандатной комиссии, рассмотрели 12 кандидатов. Отличное впечатление на всех членов комиссии произвел лейтенант Бредихин Павел Тарасович. Хорошие результаты у Сосновского, Филатова, Емельянова, Тимошкина, Писарева, Сарафанова, Зудова и Коваленка. Алымов и Абрамов получили только удовлетворительные оценки. Возраст кандидатов — 23–25 лет. Общее впечатление от всей группы летчиков-инженеров хорошее: из 36 кандидатов можно отобрать 10–12 человек с отличными общими показателями. Эти 36 кандидатов были отобраны из 290 летчиков, пропущенных через все комиссии. В среднем из 25–27 летчиков мы отбираем одного слушателя-космонавта.

21 октября.

Провел четвертое заседание мандатной комиссии. Рассмотрели 17 кандидатур. Отличное впечатление произвели инженеры Колесников, Степанов и Маринин. Лучшим из штурманов выглядит Грищенко, правда, у него есть одно «но»: родной отец Грищенко — русский немец Тевс Генрих Генрихович — до 1952 года был в лагерях. Сын

носит фамилию матери, а отец стал Андреем Андреевичем Тевсом и сейчас работает слесарем. Кандидаты: Поляков, Пицхелаури, Силантьев, Макшов, Судьин, Лисун, Гайдуков, Измалков, Сологуб, Дегтярев и Лапаев редко поднимаются выше удовлетворительных оценок.

Заезжали ко мне Терешкова и Николаев. Более часа беседовал с ними о предстоящей поездке в Японию: разобрали перечень возможных вопросов и ответов на них, просмотрели тексты четырех типовых выступлений. Валя и Андриян чувствуют себя намного уверенней — к этой поездке они готовились больше, чем обычно. Они уже были в иностранном отделе ЦК КПСС, в МИДе, Союзе обществ дружбы, АПН и провели в Москве три встречи с японцами.

Гагарин доложил, что письмо в ЦК КПСС он перепечатал и завтра его подпишут космонавты, а в субботу он лично передаст его помощнику Брежнева.

23 октября.

Накануне провел пятое заседание мандатной комиссии, на котором рассмотрели еще 17 кандидатов. Сегодня в 10 часов утра начнем последнее (итоговое) заседание комиссии — из 65 кандидатов, признанных годными по состоянию здоровья быть космонавтами, мы отберем только 20 слушателей-космонавтов. У нас есть разрешение ЦК КПСС и министра обороны отобрать 40 человек, но основная масса кандидатов 1942–1943 годов рождения «жидковата по здоровью», а общее развитие у многих ниже требуемого уровня, поэтому мы решили набрать в этом году не более 20 человек. Всех остальных будем иметь в резерве для рассмотрения при очередных наборах.

Только что в конференц-зале собирал всех кандидатов, чтобы объявить им решение комиссии, согласно которому в число слушателей-космонавтов приняты следующие товарищи:

а) из летчиков-инженеров — лейтенанты: Волошин В. А., Шарафутдинов А. И., Щеглов В. Д., Крамаренко А. Я., Яковлев О. А., Петрушенко А. Я., Скворцов А. А., Федоров А. П., Климук П. И., Сарафанов Г. В., Зудов В. Д., Кизим Л. Д.;

б) из инженеров — инженер-капитаны: Колесников Г. М., Степанов Э. Н., Лисун М. И.; старшие инженер-лейтенанты: Рождественский В. И., Хлудеев Е. Н., Глазков Ю. Н., сержант Преображенский В. Е.;

в) из штурманов-инженеров — лейтенант Грищенко В. А.;

г) из врачей — майор медицинской службы Дегтярев В. А.

Вчера вечером Гагарин при мне позвонил Брежневу. К телефону подошел помощник Брежнева — Морозов, с которым договорились о встрече. Гагарин передал Морозову письмо космонавтов в ЦК КПСС о недостатках в организации космических исследований. Брежнев в это время был в Киеве, Морозов обещал доложить ему письмо до понедельника (25 октября).

25 октября.

Вчера в 10:30 с аэродрома Домодедово Терешкова и Николаев вылетели на Ил-18 в Хабаровск, а завтра утром они на этом же самолете полетят в Токио. Проводить космонавтов приезжал японский посол с женой, начальник дальневосточного отдела МИДа Судариков, генералы Горегляд, Кузнецов и другие. Сегодня я получил шифр-телеграмму от Виноградова из Токио. Посол сообщает, что японское правительство, в порядке исключения, разрешает космонавтам и сопровождающим их лицам прибыть в Японию спецсамолетом, а всех остальных членов делегации (5 человек) предлагает отправить пароходом.

Рассмотрел с участием девяти лучших специалистов ВВС материалы по космической радиосвязи и дал согласие доложить Главкому выработанные нами предложения:

1) создать штатный командный пункт управления космическими полетами;

2) создать на Кубе вспомогательный командный пункт;

3) внедрить в практику полетов имеющиеся современные системы связи («Заря-65» и другие), продолжать изыскания и исследования по всем перспективным радиосистемам и каналам связи;

4) для круглосуточной связи с космическим кораблем использовать спутники-ретрансляторы.

Заходили ко мне генерал-лейтенант Волынкин, генерал-майор Бабийчук и полковник Карпов. Все они жалуются на маршала Руденко и на Королева. Руденко и, главным образом, Королев настолько запутали организацию медицинского обеспечения космических полетов, что сейчас никто не знает своих обязанностей. Институты ссорятся, а дело стоит.

26 октября.

25 октября в 19:41 по московскому времени США планировали осуществить запуск «Джемини-6» с двумя астронавтами на борту: капитаном ВМС Уолтером Ширрой (командир корабля) и майором ВВС Томасом Стаффордом. В данном полете предполагалось осуществить стыковку корабля с ракетой «Аджена», которая была запущена вчера за 1 час 41 минуту до старта «Джемини-6». В 19:00 по московскому времени старт корабля был отменен из-за отсутствия связи с ракетой «Аджена». Американцы рассчитывали выполнить пуски ракеты и корабля так, чтобы на втором витке «Аджена» была на удалении 1200 миль от «Джемини-6» в момент выхода его на орбиту; после четырех витков расстояние между ракетой и кораблем сокращается до минимума, и через шесть часов полета Ширра с помощью двигателей «Джемини-6» мягко вводит носовую часть корабля в муфту ракеты «Аджена». Вчера полет и стыковка не состоялись, но полет «Джемини-6» состоится, наверное, через несколько дней.

Американский и наш метод стыковки очень прост: он взят из практики авиации (соединение самолетов шлангом для перекачки горючего), но это вовсе не значит, что при первом же полете может осуществиться стыковка космического корабля и ракеты — это был бы ошеломляющий успех американской космической техники. Более вероятно, что при первой попытке стыковка в космосе не состоится, но она обязательно будет освоена. Стыковку необходимо отработать надежно. Для этой цели можно не пожалеть и десятка кораблей и ракет. Обидно, что из-за ошибок Королева и ВПК (Смирнов) наш «Союз», приспособленный для стыковки, опаздывает с выходом на орбиту почти на три года: полеты «Союзов» начнутся не раньше 1966 года. Дай Бог, чтобы стыковка советских космических кораблей состоялась хотя бы во второй половине 1966 года. В ВВС уже более двух лет существует стенд-тренажер для отработки стыковки в космосе, и космонавты давно освоили стыковку на этом тренажере. Наша беда в том, что ОКБ-1 и ракетчики более трех лет разрабатывали полностью автоматическую систему стыковки. Они не верили в возможности космонавтов и только в последнее время взяли курс на повышение их роли в осуществлении стыковки.

Звонил Келдыш. Он, как и Королев, ходатайствует за майора Белоусова, которому мы отказали в приеме в число слушателей-

космонавтов. Белоусову 35 лет, он более шести лет служит на космодроме Байконур, обладает отличным здоровьем и настойчиво пытается попасть в ряды космонавтов. Общее впечатление от Белоусова хорошее, но его тесть во время войны служил переводчиком у немцев и был осужден за пособничество врагу. Сергей Павлович готов написать письма в ВВС, КГБ и другие инстанции, чтобы поддержать Белоусова. Королев обещал также поговорить с Тюлиным, чтобы он вместе с Вершининым подписал письмо Дементьеву о космической капсуле Северина и Уманского.

27 октября.

Собирался завтра вылететь в санаторий «Чемитоквадже» с группой врачей и физкультурников для принятия на месте решения по сооружению физкультурного комплекса и бытовых помещений для отдыха космонавтов, но меня подвел генерал-лейтенант В. Я. Клоков. Он сегодня должен был вернуться из Киева и лететь вместе с нами, но Клоков (он у нас сейчас в роли главного строителя) пока не вернулся и сорвал наш вылет. В «Чемитоквадже» уже многое сделано, и несколько раз там уже отдыхали космонавты. Хочется превратить этот санаторий в образцовый центр активного отдыха летчиков и космонавтов.

28 октября.

Показал сегодня копию письма космонавтов в ЦК КПСС маршалу Руденко и Главкому Вершинину. У меня были основания не говорить с ними о письме до вручения его Брежневу; я был готов отражать их опасения и нерешительность, но оба маршала остались довольны содержанием письма. (Текст письма Н. П. Каманин не приводит в своих записях, но, поскольку именно он является автором этого документа, редколлегия сочла возможным поместить его в данном издании — Ред.)

«ЦК КПСС

товарищу Брежневу Л. И.

Дорогой Леонид Ильич!

Мы обращаемся к Вам по вопросам, которые считаем очень важными для нашего государства и нас.

Всем хорошо известны успехи Советского Союза в освоении космоса, нет надобности перечислять наши победы. Они есть, они останутся в истории и всегда будут гордостью нашего народа. Народ, партия и наши руководители всегда справедливо связывали успехи в

космосе с успехами строительства социализма. «Социализм — лучшая стартовая площадка для полетов в космос». Эта крылатая фраза облетела весь мир. Эти слова с гордостью произносили советские люди, в них верили народы социалистических стран, сотни миллионов людей за рубежом по нашим космическим успехам познавали азбуку коммунизма. Так было. Мы, космонавты, много раз выезжали за границу, мы тысячу раз были свидетелями того, как горячо многомиллионные массы людей различных стран приветствовали успехи Советского Союза в космосе.

Но за последний год положение изменилось. США не только догнали нас, но и в некоторых областях вышли вперед. Полеты космических аппаратов «Рейнджер-7», «Рейнджер-8», «Маринер-4», «Джемини-5» и некоторых других космических аппаратов являются серьезным достижением американских ученых.

Это отставание нашей Родины в освоении космоса особенно неприятно нам, космонавтам, но оно наносит также большой ущерб престижу Советского Союза и отрицательно скажется на оборонных усилиях стран социалистического лагеря.

Почему Советский Союз теряет ведущее положение в космических исследованиях? На этот вопрос чаще всего отвечают так: США развернули очень широкий фронт исследовательских работ в космосе, на космические исследования они выделяют колоссальные средства. За 5 лет они израсходовали более 20 миллиардов долларов и только за 1965 год — 7 миллиардов долларов. Этот ответ в основном правильный. Хорошо известно, что США расходуют на космос много больше, чем СССР.

Но дело не только в средствах. Средств и Советский Союз на освоение космоса выделяет немало. Но у нас, к сожалению, много недостатков в планировании, организации и руководстве этими работами. О каком серьезном планировании космических исследований можно говорить, когда у нас нет никакого плана полетов космонавтов. Кончается октябрь месяц, до конца 1965 года осталось немного времени, а ни один человек в Советском Союзе не знает, будет ли в этом году очередной полет человека в космос, каково будет задание на полет, какова продолжительность полета. Такое же положение было и во всех предыдущих полетах кораблей-спутников «Восток» и «Восход», что создает совершенно ненормальную

обстановку в период подготовки космонавтов к полету, не позволяет заблаговременно в спокойной обстановке готовить экипажи к полету.

Мы знаем, что в стране есть планы создания космической техники, знаем решения ЦК КПСС и правительства с конкретными сроками изготовления космических кораблей. Но мы знаем также, что многие из этих решений не выполняются совсем, а большинство выполняется с большим опозданием по срокам.

Космические полеты людей становятся все более сложными и длительными. Для подготовки таких полетов нужно много времени, нужна специальная аппаратура, учебные корабли и тренажеры, которые сейчас создаются с большим опозданием, кустарным способом. Короче говоря, нужен государственный план космических полетов людей, в котором планировались бы: задача полета, дата, состав экипажа, продолжительность полета, срок готовности корабля, тренажера и другие наиболее важные моменты подготовки полета.

До настоящего времени полеты пилотируемых кораблей проводились по планам Академии наук СССР, а непосредственно управление и техническое обеспечение организовывались представителями промышленности и Министерства обороны СССР. Военные вопросы в программу полета включались довольно относительно, что можно объяснить тем, что внутри Министерства обороны нет организации, которая занималась бы комплексно вопросами освоения космоса. Космосом занимаются все: ракетные войска, ВВС, ПВО, ВМФ и другие организации. Такая раздробленность усилий и средств на освоение космоса мешает делу, много времени уходит на согласование планов и решений, на решениях часто отражается ведомственный подход к делу. Существующее положение с организацией космических исследований противоречит духу решений сентябрьского пленума ЦК КПСС и должно быть изменено.

В 1964 году начальником Генерального штаба маршалом Советского Союза Бирюзовым была создана специальная комиссия. Комиссия, обстоятельно изучив организацию работ по освоению космоса, пришла к выводу о необходимости объединения всех космических работ на базе Военно-Воздушных Сил. Это предложение поддержали маршал Советского Союза Бирюзов С. С., генерал армии Епишев А. А. и маршал Советского Союза Гречко А. А. Но после

трагической гибели маршала Советского Союза Бирюзова эти разумные предложения отбросили и организовали ЦУКОС при ракетных войсках. Но создание этой организации ничего не изменило. Остались ведомственность, раздробленность и несогласованность.

Командование ВВС и мы, космонавты, неоднократно обращались в Генеральный штаб, к министру обороны и в Военно-промышленную комиссию с конкретными предложениями по строительству и оборудованию космических кораблей, способных решать задачи боевого применения. Наши предложения, как правило, не поддерживались руководством ракетных войск. Мы получали резолюции: «Востоки» военного значения не имеют, заказывать их нецелесообразно», «Заказывать «Восходы» не будем, нет средств».

В 1961 году мы имели два «Востока».

В 1962 году мы имели два «Востока».

В 1963 году мы имели два «Востока».

В 1964 году мы имели один «Восход».

В 1965 году мы имели один «Восход».

Американцы в 1965 году запустили три корабля «Джемини» и предполагают запустить еще два до конца этого года.

Почему для полетов наших космонавтов не строили корабли? Во всяком случае не из-за недостатка средств. Это происходит потому, что руководители ракетных войск больше верят спутникам-автоматам и недооценивают роль человека в космических исследованиях. Стыдно признаться, но это факт — в нашей стране, первой пославшей человека в космос, четыре года ведутся дискуссии на тему «Нужен ли человек на борту военного космического корабля?» В Америке этот вопрос твердо и окончательно решен в пользу человека, а у нас и сегодня многие ратуют за автоматы. Только этим можно объяснить, что у нас на 30–40 спутников-автоматов строится 1–2 обитаемых корабля. Многие спутники-автоматы стоят много дороже обитаемого корабля, многие из них не достигают цели. «Востоки» и «Восходы» с человеком на борту полностью выполнили программу научных исследований и вместе с тем принесли для страны большой политический эффект.

Мы не собираемся умалять значение автоматических космических аппаратов. Но увлечение ими, по меньшей мере, вредно. На «Востоках» и «Восходах» можно было бы провести большой комплекс очень нужных военных исследований и довести продолжительность

полета до 10–12 суток. Но у нас нет кораблей, нам не на чем летать, не на чем выполнять программу космических исследований.

Кроме изложенного есть и другие недостатки в организации наших полетов, устранить которые своими силами мы не можем. У нас в стране нет единого штатного пункта управления космическими полетами. В процессе полета космический корабль не имеет связи с командным пунктом в промежуток времени от 6-го до 13-го витка каждых суток. На полигоне не созданы условия для поддержания натренированности и хорошего отдыха космонавтов.

У нас есть еще другие вопросы, которые ждут своего решения. Многие вопросы можно было бы решить и без обращения в ЦК КПСС. Мы неоднократно обращались к министру обороны по этим вопросам. Нам известны обращения командования ВВС в Министерство обороны и правительство, но эти обращения в большинстве не достигали цели. Мы много раз встречались с министром обороны, но, к сожалению, это были не деловые встречи. И сегодня у нас нет уверенности, что поднимаемые нами вопросы могут быть решены в Министерстве обороны.

Дорогой Леонид Ильич! Мы знаем Вашу большую занятость и тем не менее просим Вас познакомиться с нашими космическими делами и нуждами.

Приближается 50-летие Великого Октября. Нам очень хотелось бы для этого великого праздника добиться новых больших побед в космосе.

Мы глубоко убеждены в том, что решение вопроса об объединении военного космоса на базе ВВС, продуманное планирование космических исследований и создание космических кораблей для решения задач боевого применения пилотируемых космических летательных аппаратов в значительной мере укрепят оборонную мощь нашей Родины.

Летчики-космонавты СССР

Ю. Гагарин

А. Леонов

П. Беляев

Г. Титов

А. Николаев

В. Быковский

22 октября 1965 года»

Главком подписал приказ о зачислении в ЦПК 22-х новых слушателей-космонавтов, 21 из них были рекомендованы мандатной комиссией, а 22-м включен инженер-майор Белоусов. Королев очень настойчиво просил о зачислении Белоусова, и я уговорил Руденко и Вершинина удовлетворить ходатайство Сергея Павловича. Белоусов очень хороший кандидат, и мы делаем ему скидку лишь на возраст. «Преступления» его тестя, по-видимому, пустяковые, он был осужден только в 1952 году (до этого считали, что он, будучи связан с немцами, работал на партизан) и освобожден в 1955 году. Сейчас он уже 70-летний старик, и нет надобности ворошить его прошлое.

Дал приказание начальнику Центра подготовки космонавтов начать занятия с новой группой слушателей 1 декабря 1965 года, приказал ежедневно заниматься с ними английским языком. Все кандидаты имеют высшее техническое образование, для подготовки любого из них к полету вполне достаточно одного года. Но мы будем готовить их 2–3 года, чтобы каждый из них мог отлично натренироваться, укрепить характер и поднять общий уровень развития.

Главком сообщил мне, что на ноябрь Терешкову приглашают в Италию и Данию. Американское приглашение Леонову мы решили не принимать.

30 октября.

Получил из АПН книгу Комарова, Феоктистова и Егорова с моим предисловием, изданную во Франции. Сотрудники АПН Бурков и Пищик были так любезны, что написали на книге пару приветственных слов в мой адрес.

Вчера я весь день провел в ЦПК. Присутствовал на отчетно-выборном партийном собрании 1-го отряда космонавтов. Доклад сделал Шонин; выступали Леонов, Быковский, Попович, Гагарин, Беляев, Титов и другие. Доклад и выступления были дельными и острыми. Главное, что беспокоит космонавтов это отсутствие твердых планов космических полетов, малое количество космических кораблей, отсутствие военных экспериментов и недостатки в совершенствовании оборудования (связь, фото- и киноаппаратура, система жизнеобеспечения). Гагарин говорил о нарушениях дисциплины. Присутствие на собрании для меня было полезным, я с удовольствием

послушал Шонина, Горбатко, Хрунова, Волынова, они выступили резко и со знанием дела. Все еще нелетавшие космонавты за шесть лет работы в Центре заметно «выросли», и сейчас любого из них можно посылать в полет. Я в своем выступлении ответил на вопросы, выдвинутые в докладе и прениях, потребовал от коммунистов больших усилий по укреплению дисциплины среди космонавтов и всего личного состава Центра. Обещал в ближайшие дни уточнить сроки готовности космических кораблей и программы подготовки к полетам.

Принимал сегодня заместителя начальника академии имени Жуковского генерала Белоцерковского и руководителя учебной группы космонавтов полковника Бутенко. Они поднимают вопрос о темах дипломных работ Гагарина, Титова, Николаева и других космонавтов. Белоцерковский вместе с Гагариным уже были у Королева; Сергей Павлович обещал принять участие в консультировании дипломников. Академия предлагает три следующие темы: «Орбитальный самолет-разведчик», «Орбитальный самолет-перехватчик» и «Космический корабль для нанесения ударов по объектам на Земле». Я не отверг эти темы, но предложил подумать над комплексной темой «Освоение Луны». В эту тему можно включить автоматические устройства, обитаемые корабли облета, корабли и средства для прилунения и возвращения на Землю. Само собой разумеется, что одной из подтем будет «Оборонное значение освоения Луны». Мы пока не решили, на чем остановиться; я обещал посоветоваться с космонавтами и Главкомом и до 10 ноября дать ответ.

Говорил по телефону с Гагариным, дал ему задание собрать всех дипломников и посоветоваться, над какими темами они хотели бы работать. На мое предложение заняться лунной темой Гагарин ответил сразу: «Тему освоения Луны мы не поднимем». Я рекомендовал ему не торопиться.

Вчера я беседовал с отцом Германа Титова Степаном Павловичем. Он почти ничего не знает о «выкрутасах» сына, хотя и замечал, что Герман частенько возвращается в 11–12 часов ночи. Последние 3–4 месяца Герман Титов ведет себя лучше, но бывает, что он на 3–4 часа (с 19 до 22) «выпадает» из-под нашего контроля. По-видимому, Герман не полностью оторвался от вредных влияний богемы (Кравченко, Булычев и другие): нам нужно за него еще бороться. Я хочу, чтобы в этом деле мне помогли отец и жена Германа.

1 ноября.

День за днем, месяц за месяцем неумолимо приближается старость. Иногда уже чувствуется груз прожитых лет, но сдаваться рано: мне хочется быть активным организатором полетов людей на Луну. Уже в 1967 году можно было бы осуществить облет Луны и вернуться на Землю, а года через 2–3 и побывать землянам на своем вечном спутнике. Каких-нибудь 4–5 лет пройдут быстро и незаметно, и нога человека ступит на Луну. Я всегда верил, что это будет наш советский человек, но последнее время в этой моей уверенности все чаще появляются сомнения…

Американцы развернули для освоения космоса грандиозные силы, кое в чем они уже опережают нас. Мы меньше выделяем средств на космонавтику и очень плохо их используем. О главных наших недостатках в работах по исследованию космоса космонавты написали письмо Брежневу, 22 октября Гагарин передал его лично помощнику Брежнева — Морозову. Сегодня уже 1 ноября, а Брежнев еще даже не читал письмо космонавтов, он находит время заниматься делами Алжира, Замбии и другими «срочными» проблемами, но у него нет часа времени, чтобы поинтересоваться, почему мы отстаем в космосе. Надежды на маршала Гречко также минимальны: он не пойдет против Малиновского. Наша космонавтика остается разъединенной, плохо управляемой, ошибки продолжаются.

Я собирался сегодня встретиться с Королевым и попытаться уточнить сроки и программы космических полетов, но он улетел в командировку. Сергей Павлович давно уже забыл, что обещал выполнить очередной пилотируемый полет в середине ноября. Больше того, ответственные представители ОКБ-1 заявили, что эксперимент по созданию искусственной тяжести снимается, а корабли для выхода в открытый космос (ЗКД) строиться не будут. Если месяц назад еще были надежды на быстрое прояснение обстановки, то сейчас усилиями Королева все окончательно запутано, и до конца года будет сплошной туман.

Промышленность, Академия наук и Министерство обороны целиком зависят от капризов Королева, все «смотрят ему в рот» и ждут от него гениальных решений. А гений давно уже не гениален — последние годы Королев топчется на одном месте, сам очень слабо продвигается вперед и мешает другим (Глушко, Челомей, Воронин,

Северин, Ткачев и другие). Обстановка тяжелая. Иногда опускаются руки, но… отступления не будет. В ноябре мы дадим решительный бой Малиновскому, Смирнову, Королеву, Крылову и всем, кто сейчас тормозит наше продвижение в космос. Есть опасность, что мы не пробьем эту стенку, но мы шли, идем и будем идти вперед, презирая опасности.

Говорил по телефону с П. В. Цыбиным и О. Г. Ивановским. Оба подтвердили, что Королев написал просьбу снять задание по кораблям 3КД под предлогом необходимости ускорения работ по «Союзу». Решения Афанасьева и Смирнова пока нет, а Королев никаких работ по этим объектам уже не ведет. Цыбин подтвердил намерение Королева снять с задания на полет корабля № 6 эксперимент по созданию искусственной тяжести. На проволочках с этой затеей Королев потерял полгода. Еще в марте на полигоне я советовал Сергею Павловичу готовить полет на 10–12 суток, тогда Королев не согласился с моим предложением, а через семь месяцев он, по существу, принял этот вариант полета, правда, с намерением довести его продолжительность до 15 суток.

3 ноября.

Вчера выведен на орбиту «Протон-2» весом 12,2 тонны. Ракета Челомея УР-500 уже второй раз выводит на орбиту спутник весом более 12 тонн. Американцы еще не могут запускать такие тяжелые спутники, а мы запускаем их почти впустую: у нас нет обитаемого корабля такого веса. Это еще одно доказательство того, как плохо у нас с планированием: создали ракету, способную поднимать на орбиту 12 тонн, но забыли подготовить для этой ракеты космический корабль. А ведь можно было бы уже иметь многоместный корабль с продолжительностью полета до 30 суток, с аппаратурой военного назначения и осуществлением маневра на орбите.

Вчера звонил Гагарин. Он сообщил, что письмо космонавтов наконец-то вручено Брежневу, он ознакомился с письмом и оставил его у себя.

Провел сегодня совещание по ходу выполнения плана оснащения ЦПК тренажерами, стендами и учебной аппаратурой. Выяснилось, что многие пункты плана еще не доведены до конкретных исполнителей. Обязал Горегляда вместе с генералами Кузнецовым и Бабийчуком в

недельный срок уточнить все вопросы оформления заказов, плановых сроков и заданий исполнителям и постоянно контролировать ход работ.

Гагарин сообщил, что все космонавты-дипломники одобрительно высказались о теме «Освоение Луны». Вчера я говорил с маршалом Руденко о возможных темах для дипломных работ космонавтов, он выразил сомнение в реализации лунной тематики: «Это для нас не подходит». Придется или убедить его, или обойти: космонавты будут разрабатывать тему «Освоение Луны» — это наиболее близкая и самая интересная для них тема.

Сегодня Николаев и Терешкова звонили из Токио, они беспокоятся о Леночке. Быковский вместе с Вершининым улетел в Качинское училище. Леонов с женой улетел в Кемерово, а Герман Титов — в Прибалтику. Как ни придерживаю я встречи и поездки космонавтов, отрывают их от работы еще очень часто.

Звонил из ЦК КПСС Корионов. Он сообщил, что одному из пионерских отрядов школы № 27 на Кутузовском проспекте (школа, подшефная ЦК КПСС) присвоено имя Аркадия Каманина, и просил командировать в школу одного из сослуживцев Аркадия, хорошо знавших его по фронту.

5 ноября.

Весь день был в ЦПК. Более двух часов беседовал с космонавтами второго отряда (командир — Береговой). Больше всего меня интересовала их работа в ОКБ и институтах. Активно участвовали в беседе Шаталов, Демин, Губарев, Береговой, Воронов и другие. Договорились на конец ноября запланировать конференцию с докладами на темы: облет Луны, экспедиция на Луну, управление полетом, аппаратура жизнеобеспечения и другие вопросы.

Сегодня звонил Гагарин, ему передали из приемной Брежнева, что Леонид Ильич прочитал письмо космонавтов и направил его заместителю председателя Совета Министров Л. В. Смирнову с примерно такой резолюцией: «Космонавты поднимают очень важный вопрос. Будем рассматривать его в ЦК». Смирнов сам виноват в наших неудачах, а в беспорядках в Министерстве обороны он разобраться не сможет. Надеяться, что Смирнов поддержит нас, нет оснований. Было бы верхом желаний, если бы Смирнов объективно признал наши основные промахи и наметил меры по их устранению.

Неудача американцев с «Джемини-6» дает нам 1,5–2 месяца выигрыша во времени, но и за этот срок наша промышленность (ОКБ-1 Королева и другие заводы и КБ) не подготовит космические корабли. Очередной наш полет, по-видимому, состоится не раньше января-февраля 1966 года, хотя Королев более полугода уверял всех, что в ноябре 1965 года обязательно полетит «Восход-3». Американцы также до февраля 1966 года не подготовят новую ракету «Аджена» для ее стыковки с «Джемини-6», поэтому они приняли решение поднять в космос одновременно «Джемини-7» и «Джемини-6» и попытаться осуществить их стыковку. Такой полет они могут выполнить в декабре этого года или в январе 1966 года, при этом ими будут установлены сразу три мировых рекорда:

1. Одновременное пребывание в космосе четырех астронавтов.

2. Полет космического корабля «Джемини-7» с двумя астронавтами на борту продолжительностью до 14 суток.

3. Осуществление стыковки кораблей.

Полной стыковки может и не быть (хотя вероятность ее велика), но американцы сумеют добиться значительного сближения кораблей, то есть с лучшими результатами выполнить то, что в 1962 году сделали Попович и Николаев. Американские ракетчики мечтают и еще об одном рекорде: они хотят одержать большую техническую победу, запустив две ракеты с одной и той же пусковой установки с интервалом в семь дней вместо обычных 60. Правда, мы должны разочаровать американцев: такого рекорда они не добьются. Дело в том, что еще в 1962 году после взлета «Востока-3» ровно через одни сутки с той же установки стартовал «Восток-4». Этот рекорд официально не зарегистрирован, о нем не сообщалось и в печати, и тем не менее он уже установлен нами в 1962 году. Все вышеизложенное лишний раз подтверждает, что у нас еще есть технические возможности быть 2–3 года впереди США по обитаемым космическим кораблям и первыми «пощупать» Луну. Но мы безрассудно не используем эти возможности, делаем много ошибок и можем оказаться в хвосте у американцев.

6 ноября.

Завтра будем праздновать 48-ю годовщину Октября. Ровно 38 лет назад вечером 6 ноября 1927 года — я в форме курсанта Военно-теоретической школы ВВС стоял на мосту над Невой; смотрел на

Зимний дворец, на Петропавловскую крепость, на суда на Неве, расцвеченные флагами и огнями, и думал о том, как сложится судьба моей Родины, как проживу я, что будет со мной через 10–20 лет. Через семь лет мое имя стало известно всей стране — я первым из воинов Родины получил звание Героя Советского Союза. Сбылась моя заветная мечта: я закончил академию ВВС имени Жуковского, командовал бригадой, дивизией, округом. Воевал в Финляндии, Корее, на фронтах Великой Отечественной войны командовал дивизией и корпусом, получил звание генерал-лейтенанта авиации. После войны был председателем ЦК ДОСААФ, затем командующим воздушной армией. Готовил к первому космическому полету Юрия Гагарина и всех других советских космонавтов. Награжден тремя орденами Ленина, а всего у меня 24 ордена и медали. Я 35 лет люблю свою жену и любим ею, у меня хороший сын, хорошие внук и внучка. В моей жизни было много хорошего и по-настоящему интересного. Были и неудачи, было и горе, но в целом я удовлетворен: 38 лет сознательной жизни не пропали даром. Расцвела, похорошела, стала сильной и моя Родина. Многим я горжусь, но иногда меня гложет червь сомнения: мне кажется, что многое мы делаем не так, как нужно. Наши ошибки начинаются сверху — у нас нет настоящей коллегиальности, выборности, отчетности, нет твердых, обязательных для всех, законов. Мы идем к 23-му съезду партии, но у меня нет уверенности, что он внесет кардинальные поправки в нашу жизнь. На съезд соберется вся партийная бюрократия, способная проклинать и Сталина, и Хрущева и надрывать глотку, приветствуя соратников Хрущева. Шверник, Микоян, Косыгин и Брежнев — все они несут тяжелый груз ответственности за состояние дел в стране. Но ни один из них добровольно не уйдет с «капитанского мостика» и не уступит место молодым, честным и незапятнанным…

Вчера у меня было очень высокое артериальное давление (200/115). Только десять лет назад во время учебы в академии Генштаба у меня было два раза зарегистрировано такое давление. Последние десять лет давление колебалось от 140/80 до 180/100 и почти не переходило эти границы. Главной причиной скачков давления я считаю мою езду на автомобиле. Каждый день утром и вечером приходится ездить в темноте, свет встречных машин и напряженное

внимание очень утомляют. Решил прекратить езду на автомобиле — переключусь на электричку.

12 ноября.

Вчера вернулся из Меленок, ездил туда хоронить брата. Александр умер 7 ноября, он лежал в больнице не более 10 суток. Все время был в сознании, сильной боли не чувствовал. В день смерти была у него жена. С ее слов, Александр ни на что не жаловался, сам принял лекарство, сходил в туалет. Потом к нему пришла Шура (первая жена), Александр был в дремотном состоянии, но Шуру узнал и попросил, чтобы пришла сестра Маруся. Спустя 10 минут, когда Шура с Марусей вновь были у постели больного, он был уже мертв. По результатам вскрытия врачи так определили причину смерти: пневмосклероз диффузный.

Последние 5 лет Александр сильно располнел, мало двигался, почти не выходил из дома, тяжело дышал и принимал много различных лекарств. Брат умер на 66-м году жизни, последние 15–17 лет он совершенно не пил, но с 18 лет он вел такой дикий образ жизни (беспробудное пьянство), что приходилось только удивляться выносливости его организма. Природа наградила его железным здоровьем и большими способностями, но Александр плохо воспользовался этим даром. Нас было пять братьев: Александр, Иван, Алексей, Владимир и я. Четверо — уже в могиле, очередь за мной. Из пяти моих сестер четыре еще живы: Маруся (67 лет), Полина (59), Тоня (55) и Лида (53). В возрасте четырех лет умерла сестра Калерия, и после кончины отца (1919 год) и брата Владимира (1923 год) смерть более 40 лет обходила нашу семью (я имею в виду семью моего отца). А за последние два года мы потеряли мать и старшего брата.

На похороны Александра приехали все мои сестры, племянники, племянницы и другие родственники. Похоронили Александра рядом с мамой в могилу отца. На траурном митинге выступали товарищи Александра по партийной организации, секретарь райкома комсомола и райвоенком.

В этот приезд в родной город у меня было много встреч с людьми из «гущи народной»: Забалуевы, Ермилов, Назаров и другие. Прошло уже 38 лет, как я покинул Меленки. За эти годы на моей родине многое изменилось к лучшему. Автобусы, мотоциклы, велосипеды, радио, телевизоры и многие другие предметы быта говорят о движении

вперед. Но есть и такие факты, которые заставляют краснеть. Я хорошо знал близлежащие села и деревни — Ляхи, Домнино, Паново, Левенда, Толстиково и другие. В каждой из этих деревень было по 200–250 коров, более сотни лошадей, много овец, свиней и птицы. В голодные 1919–1921 годы люди здесь были сыты и помогали городу. Теперь на территории десяти сел и деревень создан один Ляховский совхоз, в нем только 200 коров, совхоз убыточный, для скота не хватает кормов. Такое состояние дел лишь подтверждает полный провал нашей политики в деревне. Подобные совхозы есть не только в Меленковском районе, положение с сельским хозяйством в стране очень тяжелое. Что же нам делать? Возвращаться назад к частным небольшим хозяйствам нельзя — такие хозяйства теперь также будут убыточными. Тракторы, машины и вся сельскохозяйственная техника требуют организации хозяйств большого масштаба и, по-видимому, многоцелевых. Мы еще не сумели создать образец организации труда на селе, поиски наши очень затянулись, и дело сельскохозяйственного производства страдает.

13 ноября.

Вчера ночью Терешкова и Николаев вернулись из Японии. Поездка была очень тяжелой. Возвращались они на пароходе «Байкал», море штормило, и всех основательно измотало. По итогам поездки Аристов плохо аттестует Черединцева и уполномоченного КГБ.

В эту ночь я плохо спал: мешал внук, он спал рядом с Мусей. Люда, Лева и Оля больны, у них повышенная температура и кашель. Муся очень устала, мало спит, все время на ногах. Двое внуков, трое больных, да еще все работы по дому — это для нее чрезмерная нагрузка. Я пытаюсь помогать Мусе, занимаюсь с внучатами, но моя помощь слишком мала.

Американцы объявили, что 4 декабря они запустят «Джемини-7», а через 9 суток взлетит «Джемини-6». Корабли должны сблизиться до 100 футов, после чего «Джемини-6» пойдет на посадку, а «Джемини-7» будет продолжать полет до 14 суток. Выполнение программы группового полета четырех американских астронавтов вполне возможно, и это сильно ударит по нашему престижу. Обидно наблюдать нашу бездеятельность, но Брежнев и Малиновский ничего не предпринимают по нашим письмам. Вчера, словно в насмешку,

нами запущена «Венера-2». К Венере мы уже запустили не менее 5–6 ракет, их общая стоимость больше стоимости всех «Востоков» и «Восходов» вместе взятых, а эффект от этих пусков равен нулю, и это никого не смущает. Вся наша космическая программа очень плохо продумана. Роль Министерства обороны ограничена лишь функциями исполнителя: МО запускает все ракеты, но мало заботится о том, чтобы эти пуски делали нас сильнее в военном отношении. Нужен решительный пересмотр всей космической программы, нужно значительно усилить военные исследования в космосе и сократить до предела полеты к планетам — они станут ближе к нам лишь после освоения Луны.

15 ноября.

В субботу ко мне поступил документ от маршала Гречко, в котором говорится о том, что письмо космонавтов Брежневу получило надлежащий ход. Брежнев переслал письмо в Совет Министров с резолюцией: «Л. В. Смирнову. Космонавты поднимают очень важные вопросы, разберитесь, подготовьте предложения для рассмотрения в ЦК КПСС. Брежнев». Смирнов оставил письмо космонавтов у себя, а маршалу Гречко и министру Афанасьеву послал перечень вопросов, поднимаемых космонавтами, с просьбой в 10-дневный срок рассмотреть их лично и представить свои предложения. Маршал Гречко на письме Смирнова написал: «Крылову, Захарову, Вершинину, Судцу, Горшкову. Ознакомиться, имея в виду рассмотрение этого вопроса на Военно-техническом совете МО». В своем письме Смирнов пишет, что этот вопрос будет разбираться не только в ЦК КПСС, но и в Совете обороны.

Сегодня я вызывал к себе генерала Кузнецова, Гагарина, Титова, Николаева, Комарова и Леонова. Гагарин немного простудился на охоте и не приехал. Более двух часов мы беседовали о предстоящих «боях» за объединение космоса, наметили тезисы выступлений Гагарина, Комарова и Титова на Военно-техническом совете. От меня космонавты поехали к маршалу Судцу, чтобы выяснить его позицию. Через два часа они возвратились, первая «разведка боем» оказалась неудачной: Судец высказал желание объединить военный космос в ПВО. Итак, есть уже три претендента на руководство космонавтикой: РВСН, ВВС и ПВО. Я сознаю, что берусь за очень трудную задачу. Противников объединения космоса на базе ВВС будет много. Может

быть, при Малиновском в роли министра обороны мы не добьемся всех своих целей, но неплохо уже и то, что по моей инициативе этот вопрос будет рассматриваться в МО, МОМ, Совете Министров и ЦК КПСС. Уверен, что его рассмотрение будет полезным для всех и несколько активизирует наши космические работы.

Аристов привез мне из Японии браслет, якобы снижающий артериальное давление крови. У меня нет уверенности в целебных свойствах этого чудодейственного средства, но так как оно совершенно безвредно, я надел браслет на правую руку и теперь буду ждать «чуда». По словам Аристова, врачи в Японии многократно убеждались в полезном действии этого браслета в виде металлической цепочки для ручных часов с шестью специальными магнитами. Магниты, конечно, внушают уважение и вносят какую-то таинственность в это средство, но у меня пока нет к нему ни капли доверия.

16 ноября.

Говорил с Главкомом и маршалом Руденко, рассказал им о вчерашней встрече космонавтов с маршалом Судцом. Оба отозвались коротко, но предельно ясно: «А чего ты от него хотел, ведь это же Судец!» А Вершинин добавил: «Если бы космонавты предложили объединить космос на базе ПВО — вот тогда можно было бы ждать, что Судец выскажется против этого предложения».

Сегодня Николаев, Титов и Леонов были у адмирала Касатонова (первый заместитель адмирала Горшкова, который сейчас в отпуске). Моряки остаются верными своей позиции: они полностью поддерживают ВВС. Космонавты собирались поехать к А. А. Епишеву, но оказалось, что он болен. Генерал армии Батицкий в командировке, а к маршалу Крылову решили пока не обращаться.

Звонила Валя Терешкова, ее беспокоит предстоящая поездка в Италию. Я посоветовал ей побольше есть мяса, «плюнуть» на занятия в академии и срочно готовиться к поездке в Италию. Вылет в Рим назначен на 21 ноября. Валя боится отстать от академической программы, но я сказал, что отставание мы ей поможем нагнать, а поездки в Японию, Италию, Америку и другие страны по своей значимости более весомы, чем 1–2 года учебы в академии. Терешкову настойчиво приглашают в Данию на 26 ноября, но я договорился, что в Данию вместо Вали поедут Беляев и Леонов.

Сегодня у меня была М. Г. Тарусская — сотрудница исторического музея. Она настойчиво просила передать в музей мои дневники, фото, различные документы и вещи, связанные с челюскинской эпопеей, Великой Отечественной войной и «утром космической эры».

18 ноября.

Вчера Николаев, Титов и Леонов были у маршала Москаленко, который очень любезно с ними побеседовал и сказал, что давно поддерживает идею объединения космоса на базе ВВС. Одновременно Москаленко высказал сомнение в том, что этот вопрос может решить Министерство обороны, и рекомендовал обратиться в ЦК КПСС к Устинову. Москаленко, по-видимому, не знает о письме космонавтов Брежневу, а его рекомендация обратиться к Устинову совершенно несостоятельна. Устинов — старый друг ракетчиков, он много «помогал» авиации, и мы против обращения к нему.

Звонил М. В. Келдыш. АН СССР проводит в Москве совещание с представителями социалистических стран по использованию космических исследований (метеонаблюдения, связь и другое) в интересах развития народного хозяйства. Мстислав Всеволодович просил организовать встречу космонавтов с участниками совещания. Космонавты очень заняты, но Келдышу было неудобно отказать, и я дал согласие на проведение такой встречи сегодня.

20 ноября маршал Гречко будет проводить совещание по космосу. Мы имеем много сторонников (Вершинин, Гречко, Епишев, Москаленко, Горшков и другие), но у нас немало и противников (Малиновский, Захаров, Крылов, Судец и другие), — так что впереди еще много «боев».

Сегодня генерал-лейтенант С. Ф. Ушаков дал мне почитать материалы одного видного новосибирского экономиста по состоянию дел в СССР. По его данным, жизненный уровень в Советском Союзе в 4,5 раза ниже, чем в Швеции. Наша страна едва-едва входит в двадцатку государств с наиболее высоким уровнем жизни. Средний месячный заработок в СССР не превышает 45 рублей. Средний дневной заработок колхозника составляет всего 1 рубль 80 копеек, рабочего совхоза — 3 рубля 60 копеек, рабочего в промышленности — 4 рубля 50 копеек. Начиная с 1958 года, национальный доход в СССР и темпы роста производства с каждым годом снижаются. В 1958 году

прирост национального дохода составлял 12 процентов, а темпы роста народного хозяйства — около 10 процентов; в 1963-64 годах первый показатель снизился до 4 процентов, а второй — до 2 процентов. За семилетку промышленное производство должно было вырасти на 80 процентов, а сельскохозяйственное — на 70 процентов. Фактически объем продукции сельского хозяйства за семь лет вырос только на 10 процентов, сельскохозяйственные работы механизированы всего на 7 процентов.

Я давно подозревал наличие крупных провалов в нашем сельском хозяйстве, но никогда не думал, что они столь значительны. За все эти безобразия в делах нашей страны должен нести ответственность не только Хрущев, но и Косыгин, Шверник, Суслов, Брежнев, Полянский и все другие помощники и заместители Хрущева. Думаю, что они сумеют уйти от ответственности — на 23-м съезде КПСС они опять будут избраны в вожди и будут продолжать затушевывать все наши безобразия. Выход из создавшегося положения может быть только один — полная смена руководства в партии, правительстве и министерствах, учреждение новых основных законов в партии и в стране. Главное персональная ответственность и выборность, а не назначение на основные руководящие должности. Необходимо категорически запретить повторные выборы секретарей ЦК КПСС, депутатов и других ответственных лиц; при выборах вносить в бюллетени минимум 2–3 кандидатов, избранным считать того, кто получит больше голосов. Сейчас, когда при выборах, например, в Верховный Совет СССР в бюллетень вносится только одна кандидатура, выбора фактически нет, есть только голосование за рекомендуемого кандидата, и поэтому наши депутаты не чувствуют никакой ответственности перед избирателями.

22 ноября.

В субботу 20 ноября у маршала Гречко состоялось заседание Военно-технического совета МО. Кроме Гречко и Захарова, присутствовали все главкомы видов Вооруженных Сил, председатели НТК и более 10 генералов Генштаба. Генерал Карась сделал плохой доклад и путано отвечал на вопросы, содокладчики — генералы Мишук (ВВС) и Легасов (ПВО) — выступили хорошо. В прениях выступили: Алексеев, Харламов, Костин, Серегин и я. Все выступавшие, кроме Мишука и меня, высказались против объединения

космических исследований на базе ВВС. Маршал Гречко поддержал мнение большинства. Все согласны с тем, что мы отстаем от США, но все винят в этом отставании Америку (более развитые промышленность, электроника и т. д.). Некоторые увидели причины нашего отставания в плохой работе Академии наук и промышленности. Ни один генерал не рискнул сказать правду об ошибках и плохой организации работ внутри Министерства обороны. Пришлось попытаться обратить внимание маршалов на наши недостатки. Я коротко, конспективно перечислил наши недостатки:

1. Нет планов пилотируемых полетов.

2. Полеты космонавтов недооцениваются; мы увлекаемся пусками автоматических устройств к Марсу, Венере, Луне, запустили более 30 четырехступенчатых ракет, а для пилотируемых полетов использовали только 8 трехступенчатых ракет, пуски которых оказались в сотни раз эффективнее, чем 30 пусков с беспилотными аппаратами.

3. В полетах на «Востоках» и «Восходах» можно было бы многое сделать в интересах МО, но из-за слабого нашего влияния на промышленность пилотируемые корабли и программы их полетов перегружаются второстепенными экспериментами и аппаратурой.

4. За последние 5 лет не создан ни один новый пилотируемый корабль. Оборудование кораблей, кино-, фотоаппаратура, скафандры, парашюты, системы связи и регенерации воздуха за последние годы почти не изменились к лучшему.

Мое выступление было единственной попыткой вскрыть наши недостатки, но меня не поддержал даже наш Главком — он сидел и молчал, не решаясь выступить против «стенки» артиллеристов и других представителей наземных войск. Более того, Вершинин неправильно ориентировал нас о якобы благожелательной позиции Гречко. Маршал Гречко не рискнул прямо сказать об имеющихся недостатках. В своем заключении он признал критику только частично правильной, но и не высказался однозначно против передачи космоса в ВВС.

Итак, мы потерпели еще одно сокрушительное поражение. Но это поражение и особенно высказывания наших противников на совещании у Гречко (Карась, Алексеев, Костин, Серегин) еще больше убедили меня в нашей правоте. Я верю, что через 5–7 лет представители артиллерии, претендующие на руководство

космонавтикой, «отомрут естественной смертью», и руководить всеми космическими исследованиями в стране будут космонавты. Пока же артиллеристы имеют такое мощное прикрытие, как маршалы Малиновский, Захаров, Гречко, Крылов и многие другие. Но мы будем продолжать борьбу. Надежд на положительное решение этого вопроса в ЦК КПСС или Совете обороны мало — туда не пригласят космонавтов, там тон будут задавать Устинов, Смирнов, Малиновский и другие «знатоки» космоса и «друзья» авиации. В голове бродят несколько вариантов будущих «боев за авиационный космос» — какой-то один из них приведет нас к победе. Наши противники ведут себя трусливо и подло. Генералы из аппарата Генштаба (Алексеев, Серегин) уговорили Гречко не приглашать к нему на совещание космонавтов. Они испугались откровенных и авторитетных высказываний космонавтов и возможного влияния их горячих речей на маршалов. Гречко разрешил быть на совещании только Гагарину, да и то забыл дать ему слово.

Сегодня в 9:30 Терешкова по решению ЦК КПСС должна была вылететь в Рим. Но вчера поздно вечером мне сообщили, что поездка Терешковой, Плисецкой и Крышевой в Италию отменяется из-за отказа президента Италии Сарагата наградить Терешкову золотой медалью за общественно полезную деятельность. Всего несколько дней тому назад наш посол в Италии Козырев сообщал, что наших женщин примут президент и папа Павел. Оказывается, в числе награждаемых была и жена президента США Джонсона, но она отказалась принять награду. По-видимому, этот отказ как-то повлиял и на вручение наград советским женщинам.

23 ноября.

Сегодня начался сбор командующих воздушными армиями и военными округами. Хотел послушать доклады и выступления с мест, но помешали космонавты. Ровно в 9 часов появились Беляев и Леонов — завтра им лететь в Данию, а решения ЦК до сих пор нет. Договорились о характере их выступлений и ответов на ряд возможных вопросов. Позвонил в МИД, договорился о встрече космонавтов со специалистами по Дании. Руководителем делегации будет Крышкевич, я уже дважды подробно беседовал с ним. Он приобрел некоторый опыт заграничных поездок и с порученным заданием справится.

Гагарин, Беляев и Леонов возмущены итогами совещания у маршала Гречко и намереваются добиваться личной встречи с Брежневым. Я успокоил их и рекомендовал не горячиться. Надо еще многое обдумать, взвесить и посоветоваться, прежде чем бросаться в очередную атаку. Я еще не решил, каким путем мы пойдем к нашей цели. Иногда мне хочется «плюнуть» на ракетные войска и их неповоротливые спутники и искать решение наших задач в создании орбитальных воздушно-космических самолетов и самолетов-разгонщиков. Такой путь уже реален, но он долгий. Начало освоения Луны будет положено ракетами и космическими кораблями типа «Союз», а по-настоящему освоение Луны и планет будет осуществляться с использованием воздушно-космических самолетов. Буду принимать меры к ускорению работ по орбитальному самолету и самолету-разгонщику. Первый разрабатывает Микоян, а второй — Туполев. В ближайшие дни надо организовать встречу с Микояном и Туполевым. Я приказал генералу Кузнецову прикрепить к ОКБ Микояна для участия в работах по орбитальному самолету Титова, Филипченко, Матинченко и некоторых других космонавтов. То же самое сделаем и в отношении разработки самолета-разгонщика.

24 ноября.

Был у С. П. Королева, беседовали с ним больше часа. Мы не встречались почти 3 месяца, за 6 лет нашей совместной работы это самый большой перерыв между нашими встречами. Правда, мы много раз разговаривали по телефону, «перебрасывались» бумагами, но настоящего дела было мало. Еще 1 сентября Королев уверял меня, что пилотируемый полет состоится во 2-й половине ноября, но я знал, что полета не будет до конца года из-за медленной работы над кораблем. Королев выглядит усталым. С подчиненными он ведет себя значительно тише. При мне заходил Черток, заходили и другие товарищи Королев был вежлив со всеми. Он рассказал, как на коллегии Министерства обороны его пытались «поколотить», но из этого ничего не вышло. Он сумел доказать, что выпуск космических кораблей задерживается из-за смежников. На мой вопрос: «Когда будет полет?» — Королев ответил: «Что тут поделаешь, Николай Петрович, стою, буксую, нет поставок от кооперации. Все жмут, давай, давай, а что я могу сделать?» Впервые я видел этого человека в некотором смятении и растерянности.

Королев сообщил, что «Восходы» не укомплектованы, серия из 30 «Союзов» налезает на незавершенное производство «Восходов». Он предложил не делать 2 последних «Восхода» (заводские №№ 8 и 9), это позволит раньше изготовить «Союзы». В 1-м квартале 1966 года ОКБ-1 будет выдавать по два «Союза» в месяц, а в конце года — по четыре корабля. «Восходы» №№ 5, 6 и 7 будут готовы только в январе-феврале 1966 года. Королев принял решение снять с «Восхода» № 6 эксперимент с искусственной тяжестью и предлагает готовить этот корабль к полету двух космонавтов продолжительностью 20 суток. Исследования по созданию искусственной тяжести он решил провести на «Восходе» № 7. Я посоветовал Сергею Павловичу вообще отставить этот эксперимент на 2–3 года. Получается все так, как мы предлагали Королеву два месяца назад. Таким образом, нам надо подобрать и подготовить четырех наиболее крепких космонавтов к 20-суточному полету. Выход в открытый космос из «Восхода» отставлен совсем и будет выполнен на «Союзе».

Королев знает содержание письма космонавтов Брежневу и итоги совещания у маршала Гречко. Он утверждает, что в разговорах с Тюлиным, Афанасьевым, Пашковым и Смирновым всегда поддерживал идею объединения космоса на базе ВВС. «Рожденный ползать летать не может» — он вновь и вновь повторял эту фразу. Мы вспомнили наши совместные усилия по заказу серии «Востоков» в 1961 году, а позднее — серии «Восходов». В том, что у нас нет сейчас этих кораблей, виноваты генералы Семенов, Мрыкин, Керимов, маршал Малиновский и Л. В. Смирнов. Королев еще раз подтвердил, что на Совете обороны и везде, где будет обсуждаться вопрос о состоянии дел в космосе, он будет высказываться за предложения космонавтов и руководства ВВС. Я не раз спорил с Королевым, но после обстоятельных бесед мы всегда находили пути сближения наших точек зрения. Сегодняшняя беседа была мирной и полезной.

25 ноября.

Вчера в беседе со мной Королев жаловался на В. П. Глушко. Со слов Королева, Глушко выступил на заседании ВПК с резкой критикой в адрес ОКБ-1 и Королева — критика была нетоварищеской, со стремлением загнать в угол. Королев сказал, что выступление Глушко не понравилось всем присутствующим, а Смирнов даже вынужден был резко оборвать его. Я знаю, что уже несколько лет Королев не ладит с

Глушко. Виновником этой затянувшейся ссоры я всегда считал Королева. Валентин Петрович очень умный и тактичный человек, и я не могу поверить, чтобы он строил козни против Королева. Скорее всего, Сергей Павлович неправильно воспринимает критику в свой адрес. Королев сказал мне вчера: «Глушко считает, что он главный последователь идей Циолковского, а мы — только делатели консервных банок». В разговорах с Глушко я иногда чувствовал некоторую обиду за недооценку деятельности его ОКБ и возвышение Королева после присвоения ему титула Главного конструктора ракетно-космической техники. Глушко, так же как и Королев, академик и дважды Герой Социалистического труда. Ссора этих двух талантливых людей неприятна и очень вредит делу. Надо будет попытаться воскресить их старую дружбу.

Сегодня я провел встречу с 22-мя новыми слушателями-космонавтами. Кроме того, сейчас у нас 32 космонавта, и многие генералы Генштаба, в частности Лебедев и Серегин, считают, что нет никакой надобности набирать новых космонавтов. К этому мнению склоняются и мои начальники — Вершинин и Руденко. Они не знают истинного положения дел и глубоко ошибаются. Я уверен, что в предстоящие 3–4 года может быть выполнено не менее 40–50 пилотируемых полетов и мы будем ощущать недостаток в космонавтах. На встрече с новыми слушателями я коротко познакомил их с перспективами космических исследований и с уже достигнутыми результатами и поставил перед ними конкретные задачи по подготовке к новым полетам. Я смотрел на юные лица лейтенантов Волошина, Щеглова, Яковлева, Зудова, Федорова и других и завидовал им, завидовал их молодости, их возможности многое сделать в освоении космоса. Хотелось верить, что многие из них побывают на Луне, а кое-кто будет готовить, а может быть, и участвовать в экспедициях на другие планеты Солнечной системы…

Звонил Королев, жаловался на Фролова и Бабийчука. Фролов вчера был у Воронина и «наболтал» там, что военная приемка ВВС не будет принимать корабль «Восход-3» (№ 6) из-за того, что испытания системы жизнеобеспечения корабля проводятся не в нашем институте, а в институте Минздрава. Бабийчук же грозил Королеву держать два месяца в госпитале врачей из Минздрава кандидатов на полет. Я обещал Сергею Павловичу разобраться с этими вопросами и разумно

их решить. Королев еще раз подтвердил, что «Восход-3» (№ 6) с космонавтами на борту будет готовиться для полета на 20 суток. По программе полета «Восхода-4» (№ 7) еще вчера он держался за эксперимент с искусственной тяжестью, а сегодня уже высказался за полет врача с проведением медико-биологических исследований. Полет двух космонавтов на 20 суток мы поддержим — это, по сути дела, наше предложение. Программа полета «Восхода-4» с медико-биологическими исследованиями значительно лучше, чем ее первоначальный вариант с экспериментом по искусственной тяжести, но было бы еще лучше, если бы удалось программу полета «Восхода-4» сделать чисто военной.

26 ноября.

Дважды мне звонил Королев. Говорил он и с Главкомом — его беспокоит подготовка испытаний системы регенерации воздуха. Воронин готовит эти испытания в ИАКМ, а Королев хочет проводить их в ИМБП. Я доложил Главкому, что было бы лучше проводить испытания у нас. ИАКМ готов начать их хоть завтра, эта система уже проходила испытания в нашем институте в сентябре и была забракована — после ее доработок целесообразно закончить испытания у нас. Передача испытаний в ИМБП может задержать их начало на 5–7 суток, и все же окончательное решение этого вопроса надо предоставить Королеву. В таком духе Вершинин и вел разговор с Королевым. Вопреки желанию Главного конструктора Воронина и нашим рекомендациям Сергей Павлович принял решение проводить испытания в ИМБП. Это плохое решение и очередной каприз Королева, но формально он имеет право и на такие решения. Для нас эти испытания очень важны: посылать космонавтов в полет на 15–20 суток мы можем только при полной уверенности в надежности системы регенерации воздуха. Для того, чтобы иметь уверенность, нам недостаточно одних испытаний в институте Минздрава. Я приказал Карпову, Фролову и Смирнову параллельно с испытаниями в ИМБП провести испытания и в нашем институте.

Сегодня Главком сам поднял вопрос о необходимости усиления группы инспекторов по космосу и о переименовании занимаемой мной должности в должность «заместитель Главкома по космосу». Он при мне вызвал начальника Главного штаба генерал-полковника Брайко и спросил его о реакции Генштаба на наши ходатайства по этим

вопросам; Брайко ответил, что решения Генштаба пока нет, но генерал-полковник Штеменко обещал решить их положительно.

С Вершининым и Руденко обсудили кандидатуры для полета на «Восходе-3». Оба согласились с моим предложением: командиром корабля назначить Волынова, вторым пилотом — Хрунова или Горбатко, а дублерами — Берегового и Шаталова. Завтра поеду в ЦПК, посоветуюсь с врачами и космонавтами и на месте приму окончательное решение о составах основного и дублирующего экипажей.

29 ноября.

Получил письмо из Тюмени от Бабанкина Федора Сергеевича. Он родился и учился в городе Меленки, среднюю школу окончил в 1920 году. Федор Сергеевич старше меня на семь лет. Я не был знаком с ним, а он знает меня по газетам. Бабанкин по просьбе одной из школ Меленковского района написал книгу «Истории обыкновенного села» о нашем с ним родном городе. Оказывается, до 1779 года Меленки были селом Веретьево (150 дворов, староста Прокопий Валенков). Наместник Владимирской губернии князь Воронцов Роман Илларионович проездом из Мурома в Касимов был в 1779 году в Веретьеве. Местные купцы во главе с Валенковым за большую взятку уговорили Воронцова переименовать село Веретьево в город Меленки. «Быть посему. Милостью моей зваться граду Меленки!» — повелел князь. Так в 1779 году на Унже-реке появился новый русский город Меленки. Вскоре ему был присвоен герб-медальон: в верхней его части был изображен герб города Владимира, а в нижней — на голубом фоне золотая ветряная мельница. Бабанкин прислал мне целую кучу писем — его переписку с издательствами — с просьбой посодействовать ускорению издания книги.

КГБ прислал Вершинину протест по поводу зачисления в слушатели-космонавты инженер-майора Белоусова. Вершинин и Руденко всполошились и готовы были немедленно отчислить Белоусова из ЦПК. По поводу Белоусова у меня все время были сомнения — я зачислил его, уступая настойчивым просьбам маршала Крылова и Королева. Пока мы не будем его отчислять, присмотримся, проверим, а уж потом решим, как с ним поступить.

30 ноября.

Сегодня у меня были сотрудники Государственного исторического музея В. М. Раушенбах, З. Д. Ясман и другие. Музеи нас замучили, все хотят иметь у себя «Востоки», «Восходы», скафандры и все, что связано с первыми полетами людей в космос. Передал музею две книги о полете Гагарина на английском языке, пилотское удостоверение Гагарина и мою академическую медаль, посвященную первому полету человека в космос. Обещал переговорить с космонавтами о передаче музею имеющихся у них реликвий.

Звонил Борис Волынов. 27 ноября я поручил ему выбрать себе в экипаж второго пилота из числа трех подготовленных к полету космонавтов. Хрунов, Горбатко и Заикин имеют примерно равные шансы на участие в полете, но так как он будет продолжаться 15–20 суток, то мне хотелось согласовать выбор второго пилота с командиром корабля. Волынов попросил назначить вторым пилотом Горбатко. Я утвердил его выбор. Итак, длительный полет будут осуществлять Волынов и Горбатко, а дублерами у них будут Береговой и Шаталов.

Заканчивается ноябрь. Через 4 дня американцы полетят на стыковку и доведут продолжительность полета до 14 суток — этот их полет больно ударит по престижу Советского Союза. К сожалению, наши высокие руководители (Малиновский, Смирнов, Келдыш) не испытывают чувство стыда за переживаемый нами позор. Я еще раз со всей ответственностью повторяю, что мы имеем все возможности не уступить первенство Америке (я об этом писал, говорил и заявлял на совещании у маршала Гречко), но для этого нужно резко изменить наше отношение к космическим исследованиям и значительно повысить роль пилотируемых полетов. Мы отправили к Марсу, Венере и Луне в четыре раза больше ракет, чем использовали для полетов космонавтов. В этом, пожалуй, наша главная ошибка.

Завтра Гречко, Руденко, Дагаев и другие военные руководители вылетают в Египет. Руденко просил меня подготовить для египтян несколько космических сувениров. Эта поездка — продолжение хрущевской политики разбазаривания народных средств. Мы очень много внимания уделяем Азии, Африке, Латинской Америке и мало думаем о своих делах. Мы строим заводы в Индии, возводим плотины в Египте и в то же время у себя под Москвой не можем вовремя убрать и сохранить урожай, не можем наладить животноводство. У нас еще

очень много прорех в собственном хозяйстве, много дел на своей земле. Землю надо беречь и украшать — для этого мы и стремимся в космос.

1 декабря.

Беседовал с майором К. К. Телегиным из журнала «Авиация и космонавтика». Телегин изъявил желание написать книгу об эскадрилье имени Ленина. Я пообещал ему помочь справками, советами, фотографиями и сведениями о сослуживцах. Телегин пока никак не проявил себя, у меня нет уверенности, что он может написать хорошую книгу, но уже сама работа по сбору материалов будет полезной для истории нашей авиации.

Сегодня начались занятия у новых слушателей-космонавтов. Не прибыл на занятия майор Дегтярев (ему 32 года, он врач по образованию). Два-три дня назад он вел в Центре разговоры о том, что у него нет желания оставлять московскую квартиру и прекращать занятия над кандидатской диссертацией, а только что генерал Бабийчук доложил мне, что Дегтярева положили в госпиталь: у него стенокардия или что-то в этом роде. Думаю, что зачисление в слушатели Дегтярева — это наша ошибка при отборе: врачи «натянули» ему оценку по здоровью, а мы просмотрели и пропустили хлюпика. С удовольствием вычеркну фамилию Дегтярева из списков слушателей-космонавтов, но до принятия окончательного решения я хочу лично с ним переговорить после его выздоровления.

Долго беседовал с генералом Бабийчуком, высказал ему немало упреков в адрес медицинской службы и попросил лично уделять больше внимания качеству отбора кандидатов в космонавты и особенно внимательно изучать каждого кандидата из числа ученых. При этом я напомнил Бабийчуку, что для ученых мы пойдем на значительные снижения требований по здоровью, учитывая специфику их занятий и разовое участие в космических полетах.

2 декабря.

Изобретатель Ляпин прислал мне второе письмо. Он пишет, что восстановил модель инерционного двигателя и может ее продемонстрировать в действии. Сегодня мы более часа слушали теоретическое обоснование Ляпиным возможности движения за счет внутренних инерционных сил. Теоретические рассуждения изобретателя не убедили нас в осуществимости еще одного принципа

движения, кроме двух общеизвестных — активного, реализуемого при силовом взаимодействии движущегося тела с внешней средой (колесо, воздушный или гребной винт и прочее), и реактивного, осуществляемого за счет отбрасывания массы рабочего тела (ракета, реактивный самолет). Ляпин продемонстрировал движение модели на полу: дощечка размером 15х15 сантиметров с установленными на ней вибраторами медленно ползала по паркетному полу в указанном изобретателем направлении. Инженер-полковники Орленков и Смирнов предложили подвесить модель на нитку и снова запустить вибраторы: если нитка будет отклоняться от вертикали, то возникновение силы тяги в модели будет доказано. Модель подвесили, запустили вибраторы и… нитка все время оставалась в вертикальном положении. Движение по полу, возможно, было результатом вибрации всей модели или эффектом от взаимодействия вибраторов с воздушной средой. Ляпин понял, что ему еще многое надо испытать и проверить, прежде чем заявлять об открытии нового принципа движения. Хотелось верить в возможность его реализации, но изобретатель пока не убедил нас в этом. Я посоветовал товарищу Ляпину еще раз проверить все расчеты и построить более совершенную модель.

4 декабря.

Вместе с Н. С. Строевым, С. Г. Даревским и другими специалистами из ЛИИ были вчера в ЦПК, осмотрели вновь изготовленный тренажер для экипажа «Восхода». Тренажер получился хороший, до 15 декабря его окончательно отладят, и мы сможем приступить к подготовке Волынова и Горбатко к длительному полету. Дал указание подготовить тренажер «Волга» к отработке упражнений по стыковке. Гагарин, Николаев, Попович, Комаров, Титов и Терешкова остались довольны тренажерами и горячо благодарили Строева и Даревского за помощь в оснащении Центра учебными кораблями.

Разговаривал с Поповичем, он очень недоволен поведением Марины, дело у них может дойти до развода. Мне кажется, что Марине надо прекратить полеты, заняться воспитанием дочери и больше уделять внимания мужу. Гагарин как-то уже говорил мне, что Попович решил добиваться развода. В разговоре со мной Попович был менее решителен, и мое предложение отстранить Марину от летной работы смутило его. Я посоветовал Павлу Романовичу окончательно

определить свою позицию и обещал ему свою поддержку. Надо будет в ближайшие дни переговорить с Мариной и независимо от результатов разговора перевести ее на нелетную работу.

Заходил генерал-лейтенант Иоффе. Он по нашему заданию должен построить для ЦПК 4 тренажера. Задание есть, а денег и людей не дают. Посоветовал ему представить полную смету требуемых средств.

6 декабря.

Позавчера мы запустили «Луну-8», она прошла уже больше 300 тысяч километров и завтра в 00:50 должна произвести мягкую посадку на поверхность Луны. Полет проходит нормально, станция обязательно попадет на Луну, но полной уверенности в том, что она мягко прилунится, пока нет. Отработка надежного способа мягкой посадки на поверхность Луны — дело очень сложное. Потребуются десятки экспериментов, прежде чем мы добьемся высокой надежности работы всех систем, обеспечивающих такую посадку.

В тот же день — 4 декабря — американцы вывели на орбиту «Джемини-7» с двумя астронавтами на борту: командиром корабля Фрэнком Борманом и пилотом Джеймсом Ловеллом. 13 декабря должен взлететь «Джемини-6» с Уолтером Ширрой и Томасом Стаффордом на борту. Главные цели пусков этих кораблей осуществление полета «Джемини-7» продолжительностью до 14 суток и сближение двух кораблей до 100 футов. Есть все основания полагать, что американцам удастся установить абсолютный рекорд продолжительности космического полета. Мы, можно сказать, без боя сдали этот рекорд американцам, но наши космонавты не виноваты в этой капитуляции. Они могли бы выполнить такой полет на «Восходе» еще в 1964 году, но… у нас нет кораблей — их не строили из-за недальновидности Малиновского, Смирнова, Устинова и других наших руководителей. Королев еще в 1961 году предлагал дополнительно построить 10 кораблей «Восток». Это предложение Королева было согласовано с ВВС и поддержано нами. Но Малиновский и Устинов были против постройки «Востоков». С 1960 по 1965 год мы десятки раз обращались в Генштаб, к министру и в ВПК с просьбами о постройке космических кораблей. Нам отвечали, что «Востоки» и «Восходы» строить не будем. Вот теперь мы и расплачиваемся за близорукость руководителей.

7 декабря.

«Луна-8» шлепнулась на Луну, мягкой посадки опять не получилось.

Заходил ко мне писатель Геннадий Александрович Семенихин. Он принес два журнала «Москва» № 10 и № 11 за 1965 год, в которых опубликован его роман «Космонавты живут на Земле». Я немного помогал Семенихину в написании романа советами и материалами.

На имя Вершинина получена шифр-телеграмма: «Вершинину, Рытову. 25.12.1965 года исполняется годовщина 319-го вертолетного полка… Военный Совет ДВО (Дальневосточный военный округ — Ред.) и командование воздушной армии убедительно просят Вас направить на празднование ветерана части генерал-лейтенанта Н. П. Каманина и одного из летчиков-космонавтов СССР. Гайдаенко, Бурляй». Вершинин написал на бланке телеграммы: «Каманину. Я не возражаю, но это зависит от обстановки по Вашей работе. Если будет «окно», можете слетать».

8 декабря.

Сегодня у меня были Игорь Чкалов и заведующий музеем В. П. Чкалова в Чкаловске Горьковской области, приглашали приехать 25 декабря на праздник 25-летия музея. Обещал разыскать в своих архивах фотографии с Валерием Чкаловым и передать их в музей. Игорь все больше становится похожим на отца. Я рассказал ему, как однажды Сталин спросил, обращаясь к Чкалову: «Сколько вам лет?» — Валерий ответил: «Тридцать три». Сталин засмеялся и, подражая детям, произнес: «Только тлидцать тли…»

Были у меня сегодня и представители из Куйбышева. Там на одном из заводов приступили к строительству пилотируемого космического корабля-разведчика (7К-ВИ — Ред.) на базе «Союза». Конструкторы и руководители завода выражают желание установить более тесный контакт с космонавтами и пригласить их принять участие в создании учебного корабля для ЦПК. Институт авиационной и космической медицины уже более года ведет работу вместе с заводом по этой теме, пришло время подключиться к работе и ЦПК. Дал все команды по укреплению взаимодействия ВВС с заводом и поблагодарил товарищей за готовность помочь нам в создании учебного космического корабля.

Американцы продолжают успешно летать на «Джемини-7», а по срокам нашего очередного полета пока нет никакой ясности, и тем не менее Волынов и Горбатко будут продолжать подготовку к полету.

9 декабря.

В ИМБП 3 декабря начались испытания регенерационной установки, рассчитанной на 15 суток полета двух космонавтов. Вчера в институт поступила команда от С. П. Королева продлить работу установки до 18–20 суток. Испытания и так проводятся с большими отклонениями от условий реального полета: температура в кабине поддерживается постоянной и равной 21-му градусу, а фактически температура может колебаться от 35 до 10 градусов. При температуре ниже 10 градусов эффективность установки резко снижается, а при нулевой температуре она может «сесть» совсем. В условиях, поддерживаемых при испытаниях, установка дает 18 литров кислорода на человека в час. В спокойном состоянии Волынов потребляет 16,5 литров кислорода в час, а Горбатко — 15,5 литров. При напряженной работе потребление кислорода космонавтами возрастает в 5–6 раз. Можно, конечно, поставить задачу космонавтам, чтобы они поменьше работали и двигались, но при этом после воздействия на них невесомости могут возникнуть неприятные ситуации при спуске: на ослабленные организмы космонавтов резко навалятся большие перегрузки. Вот так отсутствие плана полетов и недоделки в технике собираются компенсировать за счет здоровья космонавтов. На некоторый пересмотр и сокращение программы полета можно пойти, но переходить при этом за опасные пределы нельзя. Я буду настаивать перед Госкомиссией на проведении зачетных испытаний системы регенерации воздуха.

11 декабря.

Гагарин вместе с секретарем ЦК ВЛКСМ Павловым вылетел вчера на Северный флот.

Вчера я, Фролов и Язвинский весь день были в ЦПК. Осмотрели строительство жилых домов, заходили в квартиры слушателей-космонавтов, проверили готовность продовольственного магазина. Недоделок по жилому городку еще много. Дал указание к 20 декабря устранить все недоделки, до 25 декабря проверю выполнение.

Учебный корабль «Восход» еще не готов, но на нем полным ходом идут завершающие работы, которые будут полностью закончены через

неделю.

Присутствовал на общем партийном собрании Центра. В прениях по докладу Крышкевича выступили 9 человек. Главные предложения собрания:

1. Сформировать при ЦПК авиационный полк.

2. Разрешить космонавтам самостоятельные полеты на современных самолетах.

3. Быстрее устранить недоделки по жилгородку (магазин, дороги, ясли, поликлиника, телефонная связь).

4. Создать при ЦПК вычислительный центр.

Сегодня у меня был Яздовский Владимир Иванович. Уже два года, как он в тени. Он виноват в том, что параллельно с нашим Институтом авиационной и космической медицины создан Институт медико-биологических проблем Минздрава. Виноваты в этом и маршал Руденко, и Королев. Два института не нужны — это дорого и вредно. Сейчас институты дерутся между собой за руководящую роль в медицинском обеспечении космических полетов, а дело стоит. Предстоящий космический полет мы еще можем выполнить и без помощи институтов, силами одного ЦПК, но для осуществления будущих длительных полетов многое надо изучать, испытывать и проверять коллективам институтов. Было бы разумно объединить оба института. Яздовский поддерживает эту идею.

Вершинин и Руденко приступили к работе. Сидят тихо в своих кабинетах их, как и все большое начальство, мало беспокоит наше отставание в космосе. Маршал Руденко — один из главных виновников возникшей путаницы в организации медико-биологических исследований. Все его предложения и действия продиктованы боязнью ответственности за «большой космос» и стремлением неразрывно связать космическую медицину с авиационной.

Стоит небывало теплый декабрь. Уже две недели температура днем и ночью колеблется около нуля, снег весь растаял. Полмесяца я не ходил на лыжах, начинаю полнеть. Больше стал заниматься зарядкой и меньше есть, за неделю сбросил 1,5 килограмма.

13 декабря.

Полет «Джемини-7» продолжается. Вчера должен был взлететь «Джемини-6», но старт не состоялся: двигатели ракеты автоматически

(по аварийной команде) выключились через несколько секунд после их запуска. Если сообщение о характере этого происшествия достоверно, то встреча на орбите «Джемини-7» и «Джемини-6» не состоится. Сегодня вечером экипаж «Джемини-7» уже установил новый рекорд продолжительности полета пилотируемого корабля — 9 суток. Пока нет никаких признаков того, что корабль не сможет летать 14–15 дней. Но и то, чего уже добились американцы в этом полете, значительный успех. Мы получили очередную оплеуху, но делаем вид, что все идет так, как мы того хотели.

В субботу сдал анализы на сахар. Сегодня мне сообщили, что результаты анализов очень плохие. Придется начать более строго выдерживать диету и приступить к лечению. Высокое давление и чрезмерно повышенное содержание сахара в крови — это два грозных врага моего здоровья.

Сегодня с Руденко и Вершининым обсуждали вопрос о ЦФ-16 (центрифуга с радиусом плеча 16 метров). Оба маршала согласились добиваться положительного решения о постройке ЦФ-16.

16 декабря.

«Джемини-6» все же взлетел. 15 декабря в 16:37 (по московскому времени) корабль с двумя астронавтами вышел на орбиту. Командир корабля — Уолтер Ширра, второй пилот — Томас Стаффорд. Ширра уже летал на «Сигме-7» (корабль «Меркурий-8» — Ред.), ему 42 года, он женат, имеет двух детей — сына и дочь. Стаффорд — в прошлом летчик-испытатель, ему 35 лет. Итак, в космосе одновременно находятся четверо астронавтов — это уже само по себе рекорд. Оба корабля сходились на расстояние от 60 до 3 метров; совместный полет продолжался в течение трех витков; астронавты хорошо видели друг друга в иллюминаторы. Этот полет — бесспорно, крупный успех астронавтики США.

У нас в верхах царит полное равнодушие к космосу, точнее, не равнодушие, а полная растерянность. Правда, кое-кто начинает понимать, что за наше отставание в освоении космоса могут и строго спросить. Уже ищут виновных. Первым пострадал Олег Генрихович Ивановский, работавший начальником отдела по космосу в аппарате Совета Министров. Во время полета Гагарина он был ведущим инженером «Востока», затем его сразу выдвинули на большую руководящую работу. Ивановский позвонил мне и сказал грустным

голосом: «Ухожу, больше вам мешать не буду…сняли…назначили заместителем главного конструктора в ОКБ».

Вчера ознакомился с письмом Пашкова, адресованным Л. В. Смирнову в ВПК. Пашков пишет: «Необходимо поручить министерствам и ведомствам подготовить предложения, чтобы обеспечить наш приоритет в космосе. Надо заказать еще серию «Восходов» на случай возможных задержек с «Союзом»…» Это письмо могло бы быть полезным года 2–3 назад. Пашков пять лет не поддерживал наши аналогичные предложения, и только теперь до него «дошло». Такие предложения сейчас уже вредны. Теперь не надо ничего менять на «Восходах», а все внимание следует уделить «Союзу». Письмо Пашкова — это признак паники и растерянности нашего руководства.

17 декабря.

«Джемини-6» благополучно приводнился в Атлантическом океане, а «Джемини-7» продолжает полет.

Звонил вчера и сегодня Королеву, хотел согласовать с ним нашу позицию по письму Пашкова, но Королев болен. Мне позвонил Цыбин и сообщил печальную весть о смерти Л. А. Воскресенского. Леонид Александрович Воскресенский более десяти лет был заместителем Королева по пускам, он готовил и осуществлял пуски «Востока» и «Востока-2». Вчера нас постигло еще одно несчастье — очень тяжело заболел В. Н. Кобликов, у него сильнейший инфаркт. Генерал Бабийчук считает, что дни Кобликова сочтены. Печальное дело — провожать в небытие близких друзей. С Кобликовым мы только позавчера вместе обедали и очень оживленно беседовали. Он был весел, здоров и далек от мысли, что может заболеть, а сегодня он лежит в тяжелейшем состоянии. Ряды моих старых знакомых и друзей заметно редеют, на некоторых групповых снимках 30-летней давности почти нет «живого места». Но будем держаться до конца: «деревья умирают стоя», а я хотел бы умереть за работой, в походе, на спортплощадке где угодно, только не в постели…

Сейчас только что отправил Беляева и Леонова в Обнинск (первая атомная электростанция). Вместе с ними поехали Гагарин и полковник Черемных. Получил из АПН перевод книги, изданной в США. Некто Ллойд Мэллан пытается доказать, что Леонов не выходил в открытый космос. Эта беспардонная ложь не делает чести Америке.

18 декабря.

«Джемини-7» летает 14-е сутки. Сегодня, по-видимому, он пойдет на посадку. После полетов 7 кораблей «Джемини» у американцев на 1966 год осталось еще 5 кораблей. В будущем году они обязательно осуществят стыковку, доведут продолжительность полета до 20–30 суток и выполнят много военных экспериментов. 1965 год стал для СССР годом потери ведущего положения в космосе. Семь лет мы лидировали в космических исследованиях, но в этом году вперед решительно вырвались США и они будут делать все возможное, чтобы сохранить лидерство.

Позавчера было восьмичасовое заседание Военно-промышленной комиссии. Смирнов проводил очередное «избиение» смежников Королева. Крепко досталось Пилюгину, Рязанову, Северину, Воронину и многим другим главным конструкторам. Результаты этого совещания печальны: пока не видно конкретных сроков готовности «Восходов» и «Союзов». В такой обстановке ответ на письмо Пашкова может быть только один: форсировать строительство «Союза», новых «Восходов» не делать, а 5 кораблей, имеющихся в заделе, использовать для отработки длительных полетов продолжительностью 15–30 суток и проведения военных экспериментов. В этой сложной обстановке многие товарищи из МО, да и из ВВС начинают метаться и выдумывать рискованные номера и рекордные трюки. На путь трюкачества и неоправданного риска склоняются даже некоторые космонавты, в частности, Беляев. Буду охлаждать слишком пылкие головы.

20 декабря.

«Джемини-7» в субботу благополучно приводнился. Американцы выполнили все, что планировали на 1965 год, и даже больше. СССР в этом году произвел в полтора раза больше пусков, чем в предшествующем, но по пилотируемым полетам мы безнадежно отстали: в 1965 году мы запустили только один корабль «Восход-2». Несколько решений Совета Министров и обещания С. П. Королева, что до конца 1965 года будут построены три «Восхода» и несколько «Союзов», остались на бумаге: кораблей у нас пока нет. Последним решением ВПК Королева обязали обеспечить полет двух «Восходов» и двух «Союзов» до 23-го съезда КПСС.

Вчера умер Маврикий Слепнев. Шел по улице, упал и умер. Ему было 69 лет, он никогда не болел и не жаловался на здоровье. Последний раз я встречался с ним в редакции газеты «Правда» в прошлом году. Из семерки первых Героев Советского Союза троих уже нет в живых — Леваневского, Доронина, Слепнева. Осталось четверо: Молоков, Водопьянов, Ляпидевский, Каманин. Молоков — самый старший из нас, ему уже 72 года. Водопьянову нет еще 65, но он очень много пил, и по здоровью, пожалуй, он самый слабый. Ляпидевский — мой ровесник. У Молокова есть все «основания» пережить всех нас, хотя он и старше меня на 13 лет. Молоков вполне может дотянуть до 90 лет, а мне с моим сахаром и давлением трудно будет добраться и до 70.

Говорил по телефону с Королевым. Он просит поддержать его позицию: новых «Восходов» не строить, 4 уже строящихся корабля использовать для длительных полетов, главные силы сосредоточить на ускорении готовности «Союза». В сложившейся обстановке ничего лучшего не придумаешь: можно еще говорить об уточнении программ полетов «Восходов», а по «Союзу» нужно идти только вперед. Появление «Союза» даст нам осуществление стыковки и реальную возможность облета Луны.

Звонила Валя Терешкова. Ей передали мою рекомендацию быть сегодня в Доме дружбы с народами зарубежных стран на праздновании юбилея журнала «Работница», но Валя настоятельно просила не посылать ее на эту встречу. Она ссылается на болезнь матери, командировку Андрияна и беспризорность Аленушки. Я не приказывал ей ехать, эту встречу можно и пропустить, но мне не нравится ее тенденция уходить от общественной деятельности. Придется с ней серьезно поговорить.

22 декабря.

Позвонил С. П. Королев, и опять у нас с ним получился плохой разговор. Сергею Павловичу звонил Катыс и жаловался, что генерал Кузнецов отстранил его от подготовки к космическому полету. Королев наговорил мне целую кучу претензий: «ВВС продолжают политику отстранения от полета гражданских лиц. Так было при подготовке полета «Восхода», то же продолжается и теперь. Мне надоело такое поведение военных, я буду ставить перед Государственной комиссией вопрос о выделении для «Восхода-3» гражданского экипажа». Я спокойно сказал Королеву следующее: «Катысу объявили только то,

что вероятность его полета на «Восходе-3» сейчас значительно меньше, чем месяц назад, и что для 20-суточного полета лучше подготовлены Волынов и Горбатко. Из ЦПК Катыса не отчисляли, он продолжает заниматься в Центре. Это мое решение было согласовано с вами три недели назад. Ваши угрозы отказаться от наших космонавтов не новы и не делают вам чести. Поступайте, как хотите. Нам тоже надоели ваши постоянные капризы и истерики». Королев ответил: «Ну, будем считать, что мы с вами ни до чего не договорились. Пока».

Вместо того, чтобы серьезно заниматься подготовкой космических полетов, Королев очень часто стал скатываться к мелочам. Он дергает и нервирует людей, вмешивается во все и вся и упускает главное — сроки и качество подготовки космических кораблей. Он уже давно забыл свои обещания осуществить полет «Восхода-3» до ноября 1965 года. Королев слишком разбрасывается и стремится все держать под своим контролем. Этим объясняются его постоянные конфликты с Глушко, Пилюгиным, Ворониным, Косбергом и другими главными конструкторами. Королев пытается влиять и на решения военных. Мы в ряде вопросов отчасти шли ему навстречу, но вмешиваться в наши дела коренным образом мы ему не позволим.

24 декабря я вместе с Мусей и Леоновым полечу на Дальний Восток на юбилейные торжества эскадрильи имени Ленина. Сначала я отказался от этой поездки, но секретари Хабаровского и Владивостокского крайкомов и Военный Совет Дальневосточного округа настоятельно просили меня быть на празднике. Муся не была на Дальнем Востоке более тридцати лет — ей очень хочется посмотреть Владивосток, Спасск, Мучную. Решили посетить места нашей молодости.

Газеты, радио и телевидение «пристают» с просьбами о выступлениях. Резко обрывать поток наших встреч и сообщений о космосе нежелательно, но в создавшейся ситуации выступать никому из нас не хочется. У всех космонавтов — стремление замкнуться, отмолчаться. Был у меня М. Ф. Ребров, уговаривал дать новогоднее интервью в «Красную звезду». Я направил его к Гагарину. Пускай выступает Гагарин — у него для этого оснований больше всех.

Звонили Ляпидевский, Магид и Кренкель — сообщили, что завтра в 11:00 на вертолетной станции состоится гражданская панихида по

Маврикию Слепневу.

Завтра же в ОКБ-1 будем отмечать 60-летие П. В. Цыбина. Все мы стареем и идем к естественному концу. Ряды моих сверстников редеют. Вчера в телеграмме дальневосточников меня поразило слово «старейшего», они написали: «Просим Вас, как старейшего дальневосточника, прибыть к нам на торжества…» Да, прошло уже 36 лет, как я впервые побывал на Дальнем Востоке. Старость? Нет! Я еще могу поработать, мне хочется дотянуть до первого полета людей на Луну. У меня имеется уже значительный опыт организации и подготовки космических полетов, и я считаю своим долгом вложить его в дело освоения Луны.

Звонили Игорь Чкалов и Ольга Эразмовна (вдова В. П. Чкалова — Ред.) — они беспокоятся, будет ли кто-нибудь из космонавтов на праздновании 25-летия музея В. П. Чкалова. Выделил для поездки в Горький Валерия Быковского.

23 декабря.

Декабрь ставит рекорды: температура весь месяц держится около нуля, дождь, слякоть, туман.

Вчера серьезно предупредил генерала Кузнецова за его стремление «пристраивать» в Центр своих знакомых и «знатных людей». Например, управдомом принят Стольников (полковник запаса, Герой Советского Союза, бывший летчик-испытатель, но он больной и старше 50 лет).

Был на похоронах Слепнева, постоял в почетном карауле, встретил многих ветеранов авиации (Ляпидевский, Моисеев, Мазурук, Черевичный, Каминский, Цыбин и другие). Яков Николаевич Моисеев рассказал мне о 35-м авиаотряде, который в 1921 году стал вторым Краснознаменным отрядом 40-й эскадрильи имени Ленина. В 1922 году этот отряд боролся с басмачами в Средней Азии, им командовал Чулков Василий Иванович, он еще здравствует и проживает в Москве. Повидал Кренкеля, Шафрана, Погосова и других челюскинцев.

24 декабря.

Вчера был в ОКБ-1. Праздновали 60-летие Цыбина Павла Владимировича. Выступили более 70 человек: наговорили в сто раз больше того, что может сделать за всю свою жизнь один талантливый человек. Хорошо, что Цыбин скромный и разумный человек. Этот многословный поток восхвалений его не испортит. Вел собрание

Королев, со мной он держался так, как-будто между нами и не было недавнего неприятного разговора. Сергей Павлович провел вечер блестяще — умный он, очень умный человечище, но его портит горячность. Я приветствовал Цыбина от имени Военного Совета ВВС, а Гагарин и Леонов — от имени космонавтов. Академик Парин подарил Цыбину двух собачек. Очень удачно выступил Леонов, он сказал: «Мы не преподносим вам собачек, — мы предлагаем вам наши сердца и умелые руки, а если потребуется, и саму жизнь. Для нас, космонавтов, жизнь — это полеты в космос…»

29 декабря.

Вчера на самолете Ту-104 я, Муся, Леонов и Телегин возвратились из Хабаровска. За четыре дня мы побывали во Владивостоке, Спасске, Черниговке и Хабаровске, провели более десяти встреч с летчиками, моряками, молодежью. Приморье встретило нас большими морозами (до -35 градусов). Продолжается бурный рост Владивостока, Находки, Уссурийска, Арсеньева, Спасска, Хабаровска, Комсомольска и других дальневосточных городов. 30 лет назад в Хабаровске было около 50 тысяч жителей, а сейчас — более 400 тысяч. Примерно так же вырос и Владивосток, а в Комсомольске уже более 200 тысяч населения.

Города Дальнего Востока хорошеют и растут, но этого нельзя сказать о сельских районах (сельским хозяйством занято менее 20 процентов населения). Климат здесь суровый, цены дороже, условия жизни труднее, а все льготы для дальневосточников ликвидировали, из военных почти никто не остается жить на Дальнем Востоке. В Спасске мы с Мусей побывали в доме и комнате, в которой провели медовый месяц и первые три года совместной жизни. Город Спасск и особенно гарнизон произвели на нас удручающее впечатление. Город и гарнизон заметно разрослись, но от этого не стало лучше: много мелких строений, сараи, заборы и везде грязь. А вот гарнизон Черниговки, где сейчас базируется вертолетный полк имени Ленина (бывшая 40-я эскадрилья), содержится отлично. Коллектив и руководство полка производят прекрасное впечатление.

В бухте Золотой Рог, где стоят суда тихоокеанского плавучего измерительного комплекса, мы встретились с моряками «Чамжи», «Чумикана» и «Чукотки». В Хабаровске нас очень тепло встретили командующий округом генерал-полковник Павловский Иван Григорьевич и первый секретарь крайкома Шитиков Алексей

Павлович. В поездке нас сопровождали командующий воздушной армией генерал-лейтенант Гайдаенко Иван Дмитриевич и командующий ПВО округа дважды Герой Советского Союза генерал-лейтенант Боровых. Много помогал нам генерал-майор авиации Небогатов Владимир Никитович (заместитель командующего воздушной армией). Приобрели мы и десятки других хороших друзей. Поездка прошла очень хорошо. Муся ею довольна, во Владивостоке она встретилась с сестрой Любой, с которой не виделась более тридцати лет.

30 декабря.

Генералы Горегляд и Кузнецов уговаривали меня сегодня пересмотреть «Положение о космонавтах». Они хотят значительно урезать льготы космонавтам, особенно тем, кто еще не летал в космос. Высокие оклады (до 350 рублей) и сокращенные сроки выслуги космонавтов в воинских званиях кажутся им завышенными. Но я не согласен кардинально менять действующее «Положение». Настоящие опасности космических полетов еще впереди, и рано упрощать отношение к этому делу.

Говорил сегодня с А. Г. Рытовым о создании на примере вертолетного полка имени Ленина документального кинофильма, посвященного истории отечественной авиации. Рытов целиком согласен с моим предложением. Буду говорить с Рябчиковым о начале работ над этой темой.

Сегодня начал писать воспоминания о челюскинской эпопее. Мне хочется отразить в них героическую работу отряда авиаторов, спасательных партий и самих челюскинцев.

31 декабря.

Кончается 1965 год. Лично для меня он был хорошим годом: родился внук, в семье все здоровы, было много интересной работы. Но я не удовлетворен результатами своего труда: мне и космонавтам не удалось убедить министра Малиновского и руководителей государства в необходимости пересмотреть организацию работ по освоению космоса. Из-за недальновидной позиции Крылова, Толубко, Карася и других ракетчиков нас в этом году обогнали США. В 1966 году нам предстоит большая работа: будет проведено 5–6 пилотируемых полетов, начнут летать «Союзы», пройдут испытания нашей самой мощной ракеты Н-1, осуществится стыковка кораблей на орбите. Этот

год будет решающим для подготовки пилотируемого облета Луны и высадки лунной экспедиции. У нас есть возможности первыми облететь Луну в 1967 году, а в 1968–1969 годах высадить на ее поверхность космонавтов и вернуть их на Землю. Но сейчас у меня уже нет былой уверенности в том, что мы выполним этот план. Много времени мы теряем впустую и подолгу топчемся на одном месте. Я буду продолжать борьбу за реорганизацию руководства космонавтикой. Чем скорее будут объединены наши усилия, тем раньше мы добьемся решающих успехов в освоении космического пространства.

1966 год

Американские астронавты систематически летают в космос, а мы сидим и ждем изготовления космических кораблей. Сроки готовности кораблей только в этом году переносятся уже в третий раз. Сейчас уже всем ясно, что пилотируемого полета в 1966 году не будет, хотя открыто сказать об этом представители промышленности боятся.

3 января.

Первый рабочий день нового года. По докладу генерала Кузнецова, в ЦПК праздники прошли хорошо, происшествий не было. Я новый год встречал в семье. Ольга Карловна, Муся, Лева, Люда, Оля, малой (внук Н. П. Каманина — Николай Ред.) и я — все собрались в кабинете около красивой елки. 1 и 2 января были на даче. Ходил на лыжах, расчищал дорогу, возился с машиной. Температура и в новом году держится около нуля.

Косыгин, Громыко, Малиновский и другие высокие руководители вылетели в Ташкент мирить Индию и Пакистан. Вершинин вышел на работу, а маршал Руденко уехал на месяц в отпуск. Пока по вопросам предстоящих космических полетов нет никакой ясности, кроме пожелания Л. В. Смирнова перекрыть американские рекорды к 23-му съезду КПСС. Пожелание есть, а перекрывать рекорды США пока нечем. Испытания новой системы регенерации воздуха в Институте медико-биологических проблем закончены. С большой натяжкой можно считать, что полет двух космонавтов на 16 суток может быть обеспечен. По мнению специалистов ВВС, необходимо провести зачетное испытание новой системы регенерации и довести ее работоспособность до 20-22-х суток. По данным МОМ (Керимов), полет может состояться во второй половине февраля, но сложившаяся ситуация настолько запутанная, что верить никому нельзя. Будем надеяться, что до открытия 23-го съезда партии полет все же состоится.

Написал письмо маршалу Захарову с просьбой разрешить закупку в Чехословакии двух кинокамер «Адмира»: одна из них будет установлена на борту «Восхода-4». В ЦПК пока такой камеры нет, и космонавты не знают, как с ней обращаться.

Был у Главкома, он только сегодня вернулся из трехнедельного отпуска, но выглядит неважно. У него все больше проявляется старческая склонность к длинным разговорам. Я зашел к нему с намерением подписать один из приказов и письмо маршалу Захарову, на это требовалось 2–3 минуты, а просидел я у Главкома около часа. Вершинин долго рассказывал, как он обследовался в госпитале, как закупал медицинское оборудование, потом перешел к воспоминаниям о своем пребывании в Польше после окончания войны. Я не привык так непроизводительно тратить свое рабочее время и при первой же паузе попросил разрешения уйти, сказав Главкому, что у него в приемной скопилась очередь посетителей.

5 января.

Вчера весь день провел в ЦПК. Беседовал с Гагариным, Титовым, Поповичем, Николаевым, Терешковой, Быковским, Комаровым, Беляевым (Леонов был в академии). Все космонавты настроены необычно пессимистично. Их большой вере в Королева нанесен сокрушительный удар самим же Королевым. Сергей Павлович приезжал в Центр, встречался с космонавтами, провел с ними более шести часов, но не смог сказать ничего определенного по предстоящему полету. На настроении ребят сказывается и неопределенное отношение высокого руководства к их письму в ЦК КПСС. Прошло уже три месяца, как оно вручено Брежневу, но за это время никто даже не побеседовал с космонавтами по содержанию письма. Полнейшее равнодушие наших руководителей к космосу можно объяснить только растерянностью и боязнью разворошить серию наших провалов.

Сегодня мне звонил Г. А. Тюлин, он интересовался степенью готовности космонавтов к очередному полету. Я сказал ему, что через месяц мы будем готовы выехать на полигон. Георгий Александрович сообщил, что он санкционировал проведение нового 20-суточного испытания системы кондиционирования воздуха в кабине корабля. По мнению Тюлина, полет «Восхода-3» может состояться не раньше начала марта. Он также проявил интерес к женскому экипажу и рекомендовал продолжать его подготовку. Я сказал Тюлину, что Пономарева и Соловьева могут выдержать длительный полет, но надежных дублеров у них нет, так как Еркина и Кузнецова на эту роль не подходят.

6 января.

С 8 апреля 1964 года по 15 декабря 1965 года в США было запущено семь кораблей «Джемини», последние пять — с астронавтами на борту. Планы США на 1966 год по полетам кораблей «Джемини» следующие. Полет «Джемини-8» с астронавтами Скоттом и Армстронгом на борту планируется на март 1966 года; один из членов экипажа выйдет из корабля на 90-100 минут и, используя фал длиной 60 метров, будет перемещаться в открытом космосе с помощью ручного реактивного устройства. Полет «Джемини-9» должен состояться в мае 1966 года. Перед экипажем корабля поставлена задача осуществить встречу и стыковку с ракетой «Аджена». В ходе 3-суточного полета «Джемини-9» планируется также встреча со второй ступенью ракеты «Титан-2», которая останется в космосе после выведения на орбиту «Джемини-8». Сроки пусков кораблей «Джемини-10, 11, 12» пока не намечены, однако программы полетов этих кораблей уже известны: «Джемини-10» должен состыковаться с «Адженой» через 102 минуты после ее запуска, а на «Джемини-11, 12» будут отрабатываться маневры по стыковке на орбите. Все эти эксперименты будут проводиться в интересах программы «Аполлон» с целью имитации маневров по стыковке лунной кабины и космического корабля «Аполлон» на орбите вокруг Луны. В ходе одного из последних полетов по программе «Джемини» астронавты попытаются сблизиться со спутником «Пегас», предназначенным для исследования метеорных потоков, и снять находящиеся на нем панели для улавливания метеорных частиц.

США имеют большую и хорошо продуманную программу космических полетов. В 1965 году американцы провели пять пилотируемых полетов, а мы — один. В 1966 году они планируют осуществить еще пять полетов, а у нас пока нет ни программы, ни сроков полетов. Можно только предполагать, что в 1966 году нам удастся осуществить 2–3 полета на «Восходах» и 2–3 — на «Союзах». 1966 год и для нас, и для США будет годом осуществления стыковки кораблей на орбите. Американские конструкторы при осуществлении стыковки больше доверяют астронавтам, а наши — автоматике. Мне кажется, что американцы избрали более верный путь, но только время даст оценку той и другой схеме стыковки.

8 января.

Вчера на даче много возился с машиной, расчищал дорогу, катался на лыжах, более десяти часов провел на свежем морозном воздухе. Вечером ломило все кости, особенно поясницу: чувствовалось, что последнее время я мало занимался физическим трудом. Проснулся в 4 часа утра, за ночь метель перечеркнула все мои труды по расчистке дороги, пробовал вновь расчищать, но труд снова оказался бесполезным: сильный ветер немедленно заметал дорогу. Пришлось отказаться от мысли выехать на автомашине и переключиться на автобус и электричку.

10 января.

Вчера первый раз за эту зиму хорошо прошелся на лыжах (15 градусов мороза, снег сухой, скольжение отличное). Предыдущие выходы были, как правило, при плюсовой температуре и большого удовольствия не доставляли. Оля также ходила со мной на лыжах, она прошла три больших круга (примерно 2 километра).

В субботу я вместе с Тюлиным, Мозжориным, Наримановым и Даревским был в ЦПК. Осмотрели тренажеры «ЗКВ» и «Волга». Тюлин убедился, что в Центр нужно обязательно поставлять первый экземпляр тренажера космического корабля любой новой серии, с тем чтобы использовать этот корабль не только для тренировки космонавтов, но и как доводочный. На тренажере «ЗКВ» уже побывали Королев, Цыбин, Раушенбах и другие работники ОКБ-1: они вместе с космонавтами решали вопросы компоновки кабины и рационального размещения оборудования.

Тюлин горячо поддержал мою идею длительного полета женского экипажа. Он понял, что в создавшейся обстановке этот полет очень выигрышен для нас в политическом, спортивном и научном аспектах. Тюлин заверил меня, что идею женского полета поддержат и в ЦК, и в Совете Министров. Он также сказал, что МОМ принимает все меры к ускорению постройки космических кораблей. На 1966 год намечается 9 пилотируемых полетов: 4 — на «Восходах» и 5 — на «Союзах». В 1967 планируется выполнить 14 полетов, в 1968 — 21 полет, в 1969 — 14 полетов и в 1970 — около 20. В общем, за пятилетку предстоит совершить около 80 полетов многоместных кораблей (по 2–3 космонавта на борту).

Георгий Александрович согласился с нашим предложением — зачетное испытание системы кондиционирования воздуха проводить

не в ИМБП, а в ИАКМ ВВС или на заводе у Воронина. В одном я не убедил Тюлина. Я настаивал на том, чтобы он отказался от эксперимента с искусственной тяжестью и заменил его военными исследованиями. Тюлин понимает необходимость проведения военных экспериментов, но отказаться от испытаний установки по созданию искусственной тяжести он не смог. По-видимому, он связан каким-то решением или соглашением с Королевым.

Несколько дней назад С. П. Королев лег в больницу на 2–3 недели. Ему предстоит операция по удалению опухоли в двенадцатиперстной кишке (автор дневников ошибается: С. П. Королев лег на операцию по поводу изъязвления сфинктера — Ред.). По предварительным данным, операция не тяжелая, но любая медицинская операция сопряжена с определенным риском.

11 января.

Звонил Г. А. Тюлин, он сообщил, что идея полета женского экипажа приобретает все больше сторонников в верхах. Тюлин рекомендовал начать более энергичную подготовку такого полета, заказать скафандры, костюмы, ложементы и все другое, что потребуется для полета.

Сегодня Центр подготовки космонавтов празднует шестую годовщину со дня его организации. Я приказал генералу Кузнецову ограничить праздник рамками части и гостей не приглашать.

Вчера в Ташкенте благополучно закончились переговоры между Пакистаном и Индией — подписана мирная декларация. А сегодня по радио передали печальную весть: скоропостижно скончался премьер-министр Индии Лал Бахадур Шастри. Для СССР и дела мира это очень неприятное известие. Не исключено, что смерть премьер-министра — дело рук его врагов. Во всяком случае — это плохое окончание отлично начатых переговоров.

12 января.

Звонил заведующий отделом ЦК КПСС по оборонной промышленности И. Д. Сербин. Он требует, чтобы ВВС немедленно утвердили план медико-биологического обеспечения предстоящего пилотируемого полета. Промышленность наделала и продолжает делать массу ошибок, а ЦК нажимает не на Королева и Тюлина, а на Министерство обороны. Сегодня я провел специальное совещание наших специалистов (Бабийчук, Карпов, Смирнов, Фролов, Газенко и

другие) с участием Гуровского от Минздрава. Мы рассмотрели проект плана и забраковали его. Минздрав пытается навязать нам в руководители свой институт (ИМБП), мы же настаиваем на том, чтобы все ответственные позиции остались за ВВС. Вершинин обещал мне поддержку, но на него также будет оказан нажим. Хорошо, что нет Руденко, — он давно бы уступил натиску Минздрава и промышленников. Перед медиками ВВС я поставил следующие задачи:

1. Дать прогноз, какую дозу радиации получит экипаж при 20-суточном полете на высоте 1000 километров.

2. Доложить обоснованные оценки потери кальция в химическом составе костной ткани за 20 суток пребывания в невесомости.

3. Обосновать нормы ежесуточного расхода воды космонавтами.

4. Дать рекомендации экипажу по ежедневному режиму в течение 20 суток полета (работа, отдых, сон, спорт и т. д.).

5. Подготовить соображения по медико-биологическому обеспечению 15-20-суточного полета женского экипажа.

13 января.

Натиск на ВВС продолжается: Сербин и Бурназян звонили Вершинину и просили его «призвать Каманина к порядку» и заставить подписать все предложения Минздрава по медико-биологическому обеспечению предстоящих космических полетов. Я подробно доложил Главкому существо наших замечаний и поправок к плану. Вершинин сказал, что к нему на прием просится Бурназян, и попросил проконсультировать его по всем вопросам, которые тот может поднять в ходе беседы. Я сказал, что главное наше разногласие с Минздравом состоит в том, что ИМБП настаивает на проведении испытаний системы кондиционирования воздуха на своей базе, а мы утверждаем, что для таких испытаний лучше подготовлена база ОКБ-124 или ИАКМ. Кроме того, ИМБП пытается вклиниться в качестве руководящей организации в работы на старте, оставляя за ВВС лишь работы до пуска и после полета. Вершинин согласился отстаивать нашу позицию. Он позвонил Тюлину, и тот ответил Главкому: «У нас с ВВС никогда не было разногласий, думаю, что их не будет и впредь, все ваши замечания мы учтем».

Через несколько минут после разговора с Главкомом мне позвонил Тюлин и попросил представить ему письменные предложения ВВС по

составу экипажей для трех кораблей «Восход» и двух кораблей «Союз», в том числе и предложения по составу женского экипажа.

17 января.

Только что вернулся из Дома Союзов, где стоял в почетном карауле у гроба Сергея Павловича Королева. Прошло три дня, как он умер, но до сих пор не верится, что его уже нет среди нас…

В пятницу я весь день был в ЦПК, советовался с космонавтами и руководством Центра о составе экипажей для трех «Восходов» и трех «Союзов». Принял решение на ближайший полет назначить основной экипаж в составе Волынова и Шонина, дублерами утвердил Берегового и Шаталова. Приказал с 17 января возобновить подготовку женского экипажа для полета продолжительностью 15–20 суток; основной экипаж — Пономарева и Соловьева, дублеры — Сергейчик (девичья фамилия — Еркина — Ред.) и Пицхелаури (девичья фамилия Кузнецова — Ред.), срок готовности — 15 марта. Поручил Терешковой руководить подготовкой женского экипажа. Из Центра я поехал прямо на дачу, Кузнецов и Гагарин провожали меня и вслед за мной собирались поехать в ОКБ-1. Около 7 часов вечера на даче раздался телефонный звонок, говорил генерал Кузнецов, он-то и сообщил мне, что умер Сергей Павлович…

Как горная лавина, внезапно и неотвратимо обрушилось на нас это тяжелейшее несчастье. Страна потеряла одного из самых выдающихся своих сыновей, а космонавтика наша осиротела. Королев — главный автор и организатор всех наших космических успехов. Его личные заслуги перед советским народом да и перед всем человечеством — безграничны. Королев многое еще мог свершить, он ушел от нас в расцвете своего таланта.

Я не думаю, что смерть Королева затормозит наше продвижение вперед в освоении космоса — этого не будет: у нас созданы мощные научные и промышленные коллективы, способные успешно решать самые сложные задачи. Последние 2–3 года Королев допускал немало ошибок. Пренебрегая советами и инициативой своих помощников и друзей, он, не желая того, иногда тормозил дело — так было и с центрифугой ЦФ-16, и с «Восходом-3», и с «Союзами». Руководителем ОКБ-1 назначен первый заместитель Королева Василий Павлович Мишин — грамотный и культурный инженер. Конечно, Мишин не Королев — Сергея Павловича трудно заменить одним человеком, и

только общая дружная работа всех коллективов «космической кооперации» может в какой-то степени заполнить зияющую брешь…

Все эти три дня космонавты по очереди дежурят около Нины Ивановны. Она, бедняжка, совсем выбилась из сил. Сегодня космонавты уже несколько раз стояли в почетном карауле у гроба, а в 9 часов вечера будут присутствовать при кремации тела.

Операцию Королеву делал министр здравоохранения Петровский. Королев пришел в больницу на своих ногах, врачи заверили его, что операция продлится несколько минут, а фактически она продолжалась более 5 часов. Ослабленное сердце Сергея Павловича не выдержало такой нагрузки, и наступила смерть.

19 января.

Вчера на Красной площади состоялись похороны Сергея Павловича Королева. Урну с прахом Королева из Дома Союзов вынесли члены правительственной комиссии: Л. В. Смирнов, М. В. Келдыш, Г. А. Тюлин, Ю. А. Гагарин и другие товарищи. От Исторического музея до Красной площади урну несли космонавты. После митинга Брежнев, Подгорный и другие руководители страны подняли урну и подошли с ней к Кремлевской стене. Л. В. Смирнов поставил урну в нишу, и ее закрыли мраморной плитой с надписью:

Королев Сергей Павлович

30.12.1906 — 14.01.1966

Королев занял место в Кремлевской стене рядом с Курашевым, бывшим министром здравоохранения СССР. Меня покоробило от такого соседства, лишний раз напомнившего о большой вине нашей медицины в преждевременной смерти Сергея Павловича.

Все ораторы на траурном митинге упорно подчеркивали мысль о том, что Королев большой ученый, но не самый главный руководитель космических исследований, что у нас немало таких, как Королев. Это неправда. Я знаю, что рядом с Королевым работали тысячи людей, но именно он был Главным конструктором космических кораблей и ракет. Главных конструкторов у нас десятки, но самым Главным из них, несомненно, был Сергей Павлович. Я всегда ценил гений и талант Королева, знал я и его недостатки — они не могут затмить величие фигуры Королева.

В этом году мы попытаемся сделать больше того, что планируют осуществить американцы. Нам нужно выполнить не менее 6–8

пилотируемых полетов. При жизни Королева мы выполняли 1–2 полета в год, сейчас же нам предстоит сделать в 4 раза больше, но уже без него. Насколько я знаю наши силы и возможности, такой скачок возможен, но для этого потребуется напряженный труд всех коллективов, входящих в «космическую кооперацию».

20 января.

Время летит быстро, приближается дата пуска (начало марта), а в верхах все тихо. Для осуществления длительного (до 20 суток) полета еще очень многое не сделано: нет задания на полет, нет готового корабля, ряд систем и приборов не прошли зачетные испытания. Тюлин как председатель Государственной комиссии начал понемногу «шевелиться», но сама комиссия еще не работает. Попытаюсь активизировать работу ОКБ-1 и постараюсь добиться созыва технического руководства и Госкомиссии.

22 января.

Второй день в Кремле идет очень важное военное совещание: рассматривается обстановка на Дальнем Востоке. Есть сведения, что китайцы подтягивают воинские части к нашим границам, — возможны провокации. Правительство решило принять меры для обеспечения безопасности Монголии.

Говорил с Козловым, Цыбиным и Ворониным об ускорении проведения зачетных испытаний системы кондиционирования воздуха. Сегодня промышленники встретятся с представителями ВВС и решат вопрос о месте и сроке испытаний.

Звонил из Генштаба генерал Н. Н. Юрышев, он просил ознакомиться с проектом космической пятилетки и дать замечания ВВС к этому плану.

После моей поездки в ИМБП Бурназян пытался уговорить министра Афанасьева не принимать замечания ВВС, но тот отказался. Теперь Бурназян пытается добиться поддержки у Келдыша. Короче говоря, пока что ИМБП не помогает Министерству обороны, а только создает дополнительные трудности.

24 января.

В субботу в Генштабе я ознакомился с документом, подписанным министрами Афанасьевым и Петровским. Л. В. Смирнов прислал на заключение маршалу Захарову проект решения ЦК КПСС и Совета Министров с уточнением задач министерств и ведомств по

космическим исследованиям. Краткое содержание этого документа, автором и идеологом которого был С. П. Королев, сводится к следующему.

1. Сроки пилотируемого облета Луны и экспедиции на ее поверхность предлагается перенести с 1966–1967 годов на 1968–1969 годы.

2. Выполнение ряда других космических программ также перенести на более поздние сроки (на 1,5–2 года).

3. Создать в МОМ на базе фирмы Челомея в Реутово новый институт для испытаний космической техники. Поручить этому институту подготовку космонавтов.

4. ИМБП Минздрава сделать головной организацией по медико-биологическому обеспечению всех пилотируемых космических полетов.

5. Переложить ответственность за создание космической техники с МОМ на десятки других министерств.

6. Получить от государства сотни миллионов рублей на организацию новых институтов, предприятий, цехов и так далее.

Главный смысл этого документа в том, чтобы промышленность имела более широкие материальные возможности, менее жесткие сроки выполнения заданий и полную бесконтрольность со стороны Министерства обороны. Этот проект плевок промышленников в лицо Малиновскому. Вместо того, чтобы строго спросить с промышленников за невыполнение решений ЦК и Совмина, им позволяют писать проекты новых решений, переносить сроки выполнения заданий правительства и требовать дополнительных благ. Осуществление подобного решения нанесет непоправимый вред обороне страны и окончательно подорвет дисциплину в промышленности, впустую будут израсходованы сотни миллионов рублей. Мы против этого проекта, но от Малиновского можно ожидать чего угодно и даже поддержки этих вреднейших предложений.

25 января.

Вчера Вершинин подписал письмо маршалу Малиновскому с просьбой учредить в ВВС должность заместителя Главкома по космосу, создав при нем управление космических исследований. У меня нет уверенности, что Малиновский положительно решит этот

вопрос. Отказ Малиновского окончательно определит его отношение к ВВС и космонавтике.

Я рассказал Вершинину о проекте решения ЦК и Совмина, о стремлении промышленников уйти из-под контроля МО и навязать нам в руководители по медико-биологическим вопросам ИМБП Минздрава. Вершинин был возмущен подлыми маневрами Афанасьева, Тюлина и Бурназяна и обещал защищать позиции ВВС. Главком сказал много хороших слов и пожеланий, но энергично бороться он уже не сможет: у него осталось мало физических сил, он работает на износ, совершенно не считаясь с состоянием своего здоровья, и очень много курит вопреки рекомендациям врачей. В 8:30 Вершинин всегда уже на работе, а уезжает позже других, он лично вникает во все основные вопросы состояния и деятельности ВВС. Его первый заместитель маршал Руденко и начальник Главного штаба генерал-полковник Брайко вместе не делают и половины того, что делает Вершинин. Больно наблюдать, как один из наиболее грамотных руководителей Вооруженных Сил постепенно сходит в своей роли к нулю, не имея поддержки со стороны министра обороны и более высокого руководства. На последнем Главном Совете обороны Вершинин даже не выступал.

Сегодня Главком подписал письмо маршалу Захарову по центрифуге ЦФ-16. Минздрав своей попыткой заполучить ЦФ-16 в ИМБП на два года задержал ее строительство. Нами получено положительное заключение М. В. Келдыша и Н. Н. Блохина о необходимости для ВВС подобной центрифуги и продолжении ее создания. Наконец-то двухлетняя борьба с Минздравом за ЦФ-16 заканчивается нашей победой. А вообще-то борьба с ИМБП предстоит большая и упорная. Теперь все в ВВС поняли, какую глупость совершил маршал Руденко, дав согласие на создание ИМБП. Этот институт создавался для решения проблем длительных пилотируемых полетов. Сейчас в ИМБП 1700 служащих, он обходится государству в 16 миллионов рублей в год, а отдачи от него никакой. Только поэтому руководство Минздрава (Петровский, Бурназян, Правецкий) и ИМБП (Парин, Нефедов) делают все возможное, чтобы подключиться ко всем пилотируемым космическим полетам. Они пытаются оттеснить ВВС и занять наше место в обеспечении космических полетов. Эта борьба отрицательно скажется на качестве подготовки техники и людей: она

вносит элементы безответственности и волокиты. Министерство обороны могло бы поставить на место Минздрав, но для этого нужно нажимать на Малиновского и Захарова. Пока, правда, от таких нажимов, кроме легкой вони, ничего не получается.

26 января.

Был у Главкома. Вершинин стареет с каждым днем и часто, не улавливая главного, тратит свои тающие силы на мелочи, с которыми справились бы и его заместители. Он ведет очень длинные разговоры по телефону и еще длиннее рассказывает различные эпизоды из своей жизни. Я неоднократно пытался убедить Вершинина в необходимости расширить участие ВВС в освоении космоса за счет сокращения авиации. Главком за «усиление космоса», но против сокращения авиации, а министр дополнительной численности не дает. Наши военные космические усилия развиваются медленно, можно было бы вдохнуть в них жизнь за счет расформирования ряда авиационных частей. Содержание большой военной авиации в наше время — пустая трата средств. Но трудно старикам решительно поддержать новое, молодое и перспективное за счет того, что считалось одним из главных средств вооруженной борьбы вчера, а сегодня еще пытается сохранить свое былое величие.

27 января.

Вчера в редакции газеты «Известия» было много военных: обсуждался план работ вновь созданного военного отдела редакции, начальником которого назначен очень опытный корреспондент Гольцев Валентин Петрович. Вел совещание редактор Толкунов Лев Николаевич. Выступали Главный маршал бронетанковых войск Ротмистров, маршалы Конев, Еременко, Москаленко и другие. Главная мысль всех выступлений и пожеланий: добиваться единства армии и народа, воспитывать у населения любовь к Родине и армии, показывать трудности и героику военных дел, добиваться, чтобы молодежь с желанием шла в армию и чтобы воины, сознавая свой долг перед народом, умело защищали интересы страны и дело построения коммунизма. Перед началом совещания руководители редакции, маршалы и генералы сфотографировались, а в ходе совещания мы уже получили фотоснимки.

28 января.

Вчера в ОКБ-1 провели техническое совещание — первую после кончины С. П. Королева встречу почти всех его соратников по пускам космических кораблей. Совещание вел Мишин, присутствовали: Тюлин, Цыбин, Бушуев, Бурназян, Карась, Керимов, Воронин, Даревский и другие; от ВВС было человек 20 (Кузнецов, Гагарин, Комаров, Карпов, Генин, Бабийчук, Фролов, Смирнов и другие).

По кораблю «Восход» № 5 принято единогласное решение: 1 февраля выехать на старт и произвести пуск в первой половине февраля. Этот корабль полетит без космонавтов, на борту будут собаки и мелкие животные. Полет собак в космос на 30 суток я считаю полной бессмыслицей и напрасной тратой средств. Почти год назад я пытался убедить С. П. Королева в никчемности такого полета. Королев под предлогом новизны кораблей и большого риска полета космонавта на первом корабле убедил Госкомиссию в необходимости пуска технологического корабля с животными на борту. Такой полет подготовлен, и сейчас возражения против него могут только задержать старт корабля № 6 с экипажем на борту. Из этих соображений мы не возражали против пуска корабля № 5 с собаками, но мы твердо знаем, что собаки через 8-10 дней полета сдохнут и этот медико-биологический эксперимент никакой ценности иметь не будет. Однако сам полет корабля в течение 30 суток с сохранением заданных параметров в кабине, спуск и приземление корабля дадут нам ценный материал.

Принято принципиальное решение, что полет корабля № 6 продолжительностью до 18 суток будет осуществлен только после посадки корабля № 5 в период 10–20 марта. Тюлин, Мишин и Бурназян были вынуждены согласиться с предложением ВВС провести зачетные испытания системы кондиционирования на заводе Воронина, а не в ИМБП. Правда, мы не возражали против параллельных испытаний и в ИМБП. Бурназян и Правецкий всеми способами добиваются подключения своего института к подготовке космонавтов. Мне эта «помощь» не нравится. Придется добиваться решения о более четком разграничении обязанностей между двумя институтами космической медицины.

1 февраля.

В субботу весь день был в ЦПК. Присутствовал на тренировке Берегового и Шаталова в учебном корабле «Восход». На тренажере

еще много отказов, особенно плохо работает система «Свинец». Звонил по этому поводу Даревскому, он обещал прислать людей, чтобы они доводили тренажер в субботу вечером и весь день в воскресенье.

После совещаний с руководством Центра и специалистами принял окончательное решение (и объявил его) о составе экипажей для «Восхода-3». До субботы к полету на «Восходе-3» готовились три экипажа, но до полета осталось 30–40 дней, и это время необходимо более полно использовать для подготовки основных экипажей. В присутствии Кузнецова, Крышкевича, Николаева, Комарова и других я объявил, что основной экипаж будем готовить в составе Волынова и Шонина, запасной — в составе Берегового и Шаталова. Товарищей Катыса и Горбатко переключили в состав других экипажей.

Беседовал с Волыновым, Шониным, Береговым и Шаталовым, договорились о режиме суток в полете, о режиме связи, просмотрели весь перечень научных и военных экспериментов (в этих вопросах подготовка космонавтов еще недостаточна). Особое беспокойство вызывает отсутствие устройства для замера расхода воды. Решено, что в полете космонавт будет потреблять 2,088 литра воды, а ее расход будет измеряться… глотками. Волынов и другие товарищи считают, что отсутствие дозатора расхода воды может сорвать полет. Космонавты в полете употребляют воду для смачивания обезвоженной пищи, и в этом процессе измерить расход воды глотками совершенно невозможно. Придется крепко нажимать на Воронина, чтобы он сделал дозатор. Волынов просит сделать выключатель для вентилятора кабины, Береговой высказывается за более рациональное размещение аппаратуры «Свинец», Шонин предлагает небольшие дополнения к НАЗу. Вопросов у космонавтов много, и многое еще окончательно не решено. Буду тормошить всех и вся, чтобы до 5 февраля окончательно утвердить задание и программу полета.

Звонил Герман Титов. Он недавно избран президентом Советско-вьетнамского общества дружбы, сегодня ему надо ехать в Ленинград на областную комсомольскую конференцию, а десятого февраля — в Липецк для переучивания на МиГ-21. Короче говоря, даже Титов просит подсократить для него количество встреч и выступлений. Титова мы намеренно загрузили до предела, чтобы отвлечь его от нежелательных компаний и различных соблазнов. За последний год Герман заметно исправился, он много и с большим интересом

работает. Я назначил его старшим от ЦПК по теме «Спираль», в этой роли ему и ряду его товарищей необходимо самостоятельно летать на МиГ-21. Титову запланированы 120 часов налета, плюс учеба в академии и большая общественная деятельность. Теперь по отношению к Титову мне больше придется следить за тем, чтобы не перегрузить его. Правда, то же самое беспокоит меня и в отношении всех других космонавтов.

2 февраля.

Я уже слышал раньше, но только сегодня прочитал в газете «Московский комсомолец» (№ 20 за 25 января этого года) о полете 99-летней летчицы Саран Левис из Лондона в Новую Зеландию. Посадка в Новой Зеландии произведена 15 декабря 1965 года. Саран Левис — начинающая летчица, но летела одна. Гимнастические упражнения и легкая вегетарианская кухня великолепно сохранили ее здоровье. Это очень интересное событие, жаль, что у нас о нем почти нет сообщений.

Сегодня В. А. Смирнов доложил подробности совещания у Главного конструктора парашютных систем Ткачева. Нас беспокоит проблема надежности парашютной системы, обеспечивающей приземление космических кораблей. В последнее время вес спускаемых аппаратов колеблется в пределах 2900–3200 килограммов, и при испытаниях в Феодосии было три случая разрыва парашютов. Спускаемый аппарат «Восхода-3» весит около 3000 килограммов. Гарантирует ли Ткачев безопасность его спуска? Сам Ткачев десятки раз и устно и письменно давал такие гарантии. 27 декабря на техническом руководстве он еще раз заверил всех присутствующих в надежности парашютов, но специалисты ВВС, ЛИИ и двое заместителей Ткачева усомнились в его оптимизме. Было решено поручить группе специалистов изучить возможности и все недостатки парашютной системы и доложить свои предложения. Специалисты установили, что на испытаниях парашюты рвались из-за неравномерного распределения нагрузки при их раскрытии (на один парашют нагрузка доходила до 16 тонн, а второй почти не был нагружен). Решили снять стропу, соединяющую оба парашюта, и тем самым обеспечить более равномерную их загрузку. Придется провести еще несколько испытаний, чтобы убедиться в правильности принятого решения.

Леонов, Гагарин и другие космонавты просили меня принять меры по запрещению выпуска на широкий экран кинокомедии «Тридцать три»: они считают, что данный фильм принижает заслуги космонавтов. Вчера Вершинин, Рытов, я и группа офицеров центрального аппарата ВВС просмотрели эту кинокомедию. Картина всем понравилась, мы не обнаружили в ней ничего предосудительного. Лично я более часа смеялся и с удовольствием следил за развитием «успехов» Травкина.

Вчера В. А. Черединцев передал Леве десятка два наших семейных фотографий. Хороши снимки внука Коли и внучки Оли, неплохо получились и групповые съемки. Внуку скоро 10 месяцев, он говорит «баба», «папа» и «мама», но до «деда» еще не добрался. Очень любит он ходить с «ходунком» быстро передвигаясь из комнаты в комнату, открывает шкафы и ящики, вытаскивает их содержимое, интересуется всем новым.

3 февраля.

Я попросил сотрудников АПН подобрать мне из английской прессы материалы о полете Саран Левис из Лондона в Новую Зеландию. Оказалось, что эта старушка совершила свой первый в жизни полет на самолете в качестве пассажира. Корреспондент чехословацкой газеты допустил грубую ошибку в переводе с английского, а «Московский комсомолец» без проверки напечатал эту «сенсацию» на своих страницах.

Вчера у Воронина обсуждался план проведения 20-суточного испытания регенератора воздуха для «Восхода-3». План и программа испытания согласованы со всеми заинтересованными сторонами, но руководство ИМБП настаивает, чтобы в плане было записано, что испытание проводит завод Воронина совместно с ИМБП и при участии ВВС. Наши представители настаивали на формулировке: «Испытания проводит завод при участии ВВС, ИМБП и других организаций». Спор непринципиален, но очень характерен для Минздрава, стремящегося занять ведущие позиции по медико-биологическому обеспечению космических полетов.

4 февраля.

ТАСС сообщил о новом выдающемся достижении советской науки и техники: «3 февраля в 21 час 45 минут 30 секунд по московскому времени автоматическая станция «Луна-9», запущенная

31 января, осуществила мягкую посадку на поверхность Луны в районе Океана Бурь, западнее кратеров Рейнер и Марий. Радиосвязь со станцией, находящейся на поверхности Луны, устойчивая. Бортовая аппаратура станции работает нормально».

Это событие всколыхнуло весь мир. Вашингтон, Лондон, Париж высоко оценивают новое советское достижение в космосе. «Такая посадка является главным шагом на пути к высадке человека на Луну», — подчеркивает агентство Ассошиэйтед Пресс. Сегодня ночью и утром были сотни звонков от корреспондентов и организаций с поздравлениями. Только что меня вызывал маршал Вершинин, он интересовался деталями полета АМС «Луна-9» (скорость полета по трассе, скорость вблизи Луны, принцип включения тормозного двигателя, район прилунения и т. д.).

Звонили П. В. Цыбин и другие товарищи из ОКБ-1, там все очень довольны успешным полетом «Луны-9». Сегодня до 12 часов дня было уже три сеанса связи. Сохраняется герметичность кабины, давление и температура в кабине нормальные; полагают, что запасов энергии на АМС хватит на 5–6 суток. Позже сообщили, что телевизионная камера «Луны-9» работает хорошо, получены и просмотрены кадры рельефа лунной поверхности. Сегодня вечером эти кадры будут передавать по Интервидению. Таким образом, «Луна-9» принесла нам сразу четыре большие победы: 1) осуществлено мягкое прилунение; 2) проверена радиосвязь по трассе Земля-Луна; 3) проведены телепередачи с Луны на Землю; 4) подтверждены герметичность кабины и обеспечение в ней условий, необходимых для жизни.

5 февраля.

Телевидение провело вчера пресс-конференцию по итогам полета «Луны-9» с участием Липского, Фокина, Гагарина, Леонова и других. Кадры лунного рельефа, заснятые «Луной-9», не были показаны. Сегодня около 10 утра мы получили сообщение из Лондона о том, что одна из английских космических лабораторий приняла радиосигналы «Луны-9», расшифровала их и получила снимки лунной поверхности, на которых видны скалы и тень от станции. После разговора с сотрудниками ОКБ-1 выяснилось, что материалы съемок до сего времени находятся еще в Симферополе. Получилось так, что англичане раньше нас любовались нашими снимками.

Полковник Момзяков, побывавший в ОКБ имени Лавочкина, подробно рассказал об устройстве, ходе полета и прилунении «Луны-9».

7 февраля.

Весь мир проявляет большой интерес к «Луне-9». Вчера и сегодня газеты, радио и телевидение передают подробности полета «Луны-9», показывают снимки лунных ландшафтов, дают описание эксперимента и очень высоко оценивают его результаты.

В подготовке полета «Восхода-3» все еще много недоработок: тренажер окончательно не доведен, плохо работает система «Свинец», нет всего необходимого медицинского и бытового оборудования.

Сегодня утром звонил маршал Захаров. Оказывается, ему на меня жаловался Бурназян (заместитель министра здравоохранения). Захаров сказал, что не понял, чего хочет от него Бурназян, и просил позвонить Бурназяну и разобраться в его претензиях к ВВС. Позже звонили мне Бурназян и Правецкий. Они хотят, чтобы испытания системы регенерации воздуха на заводе у Воронина были только техническими, а в ИМБП — комплексными и зачетными. Это противоречит решению технического руководства от 27 декабря и просто здравому смыслу. Все специалисты ВВС высказались ранее за то, чтобы оба испытания проводились по единой программе и оба считались зачетными.

9 февраля.

Вчера в ЦПК проверял ход тренировок Волынова и Шонина в учебном космическом корабле. Занятия обеспечены всей необходимой аппаратурой и пособиями и проходят нормально. Приказал к 26 февраля полностью закончить подготовку экипажей, а 27 февраля устроить для них экзамен по готовности к полету (корабль, оборудование, задание, инструкции и так далее).

Весь день вчера и сегодня было много звонков от Тюлина, Бурназяна, Правецкого, Цыбина и других. «Бой за первенство» между медиками продолжается. Я на стороне военной медицины не просто потому, что она «наша». Организации ВВС имеют восьмилетний опыт работы с космонавтами и обеспечили уже восемь пилотируемых космических полетов. Глупо сейчас ломать сложившуюся кооперацию, передавать медицинский контроль в руки Минздрава и создавать обстановку безответственности и двойственности руководства. Нельзя также не учитывать, что ИМБП исследовательский, а не

испытательный институт, и напрасно он пытается отстранить от дела два наших испытательных института и проводить работы, которые до сих пор отлично выполняли ГНИКИ ВВС и Институт авиационной и космической медицины.

10 февраля.

Несколько раз беседовал вчера с Главным маршалом авиации Вершининым. Главком интересовался ходом подготовки Волынова, Шонина, Берегового и Шаталова. Я подробно доложил Вершинину об эксперименте «Свинец» — одном из самых важных и самых трудных экспериментов. В различных пунктах и в разное время на территории СССР будет запущено четыре ракеты: экипаж «Восхода-3» должен визуально наблюдать пуски ракет и специальной аппаратурой засечь их тепловое излучение. Этот эксперимент необходим для создания средств противоракетной обороны. Главком интересовался также ходом строительства Звездного городка, учебой всех космонавтов и нашими отношениями с промышленностью, Минздравом и АН СССР.

Уже поздно вечером Главком вызвал меня в четвертый раз — он разбирался с вопросами создания космического управления ВВС и введения должности заместителя Главнокомандующего по космосу. 15 января Главком послал письмо по этим вопросам маршалу Малиновскому. Я готовил это письмо и докладывал его Вершинину без согласования с начальником Главного штаба ВВС генерал-полковником Брайко. Узнав о письме, Брайко обиделся на меня и пытался охаять его содержание перед Вершининым, но мне удалось вновь заручиться поддержкой Главкома и убедить его в том, что изменять содержание письма не следует. Руденко звонил при мне генерал-полковнику Штеменко, и тот заверил маршала, что вопрос об увеличении штата работников космического направления будет решен положительно.

Сегодня в 13:00 в Доме ученых проводится пресс-конференция по «Луне-9». От различных организаций ВВС я послал на конференцию 20 человек, из космонавтов — только Комарова.

Корабль № 5 с собаками на борту, который будет летать 30 суток, еще не запущен, а «Восход-3» решено запускать только после посадки корабля № 5. Таким образом, запуск «Восхода-3» раньше 15 марта сего года уже исключен. Как я и предвидел, «собачий вариант» задерживает полеты космонавтов, а пользы от полета собачек мы никакой не ждем.

Больше того, я уверен, что они сдохнут значительно раньше окончания полета и этот эксперимент Минздрава принесет нам только одни неприятности.

Генерал-лейтенант Волынкин только что доложил о новой задержке начала испытаний системы регенерации воздуха. ОКБ-1 с согласия ИМБП заменил в «Восходе-3» внутреннюю обшивку на новую — поролоновую, пропитанную специальным составом. Эта обшивка не проходила специальной проверки, и хотя специалисты ИМБП уверяли, что новая обшивка лучше старой (не горит, гигиенична, гигроскопична и так далее), при подготовке испытаний в ИМБП она от малейшего прикосновения лохматилась, от нее отделялись мельчайшие волокна и пыль, что вызывало раздражение слизистой оболочки у людей, работавших в кабине. По поводу этого нового провала ИМБП я говорил с Цыбиным, он признал причины задержки испытаний очень серьезными и обещал сегодня же вечером выдать Воронину ранее проверенную в полетах внутреннюю обшивку кораблей. Полет корабля с новой обшивкой мог бы закончиться вынужденной посадкой или еще более тяжелым происшествием.

11 февраля.

Вчера у председателя Государственной комиссии товарища Тюлина Г. А. собрались Келдыш, Мишин, Цыбин, Шабаров, Керимов, Правецкий, Строганов (ЦК КПСС), Киясов (Совет Министров) и я. Более трех часов обсуждали вопросы организации космических полетов в 1966 году.

Пуск корабля № 5 с собаками решили произвести 22–23 февраля с расчетной продолжительностью полета 20 суток. К полету собак все подготовлено, поэтому я не возражал против пуска, но сказал, что этот полет военных не интересует и мы не ждем от него ничего ценного и достойного внимания. Пуск «Восхода-3» назначили на 20–23 марта. Я предложил командиром корабля «Восход-3» назначить Волынова, вторым пилотом — Шонина и запасными — Берегового и Шаталова. Правецкий предложил ввести в состав экипажа товарища Катыса. Против этого предложения высказались Мишин, Цыбин и я. Утвердили состав экипажей, предложенный ВВС. Мишин внес предложение снять эксперимент по созданию искусственной тяжести в полетах кораблей № 7 и № 8. Я поддержал Мишина: мы уже больше года доказываем необходимость перенести этот эксперимент с

кораблей ЗКВ на «Союз» — это даст нам возможность установить на «Восходах» новую аппаратуру для военных исследований весом до 700 килограммов.

Решили, что управление полетами кораблей № 5 и № 6 будем осуществлять не с полигона, как это было во всех предыдущих полетах, а из Москвы. Государственная комиссия после вывода кораблей на орбиту будет перелетать в Москву. По моему предложению для непосредственного управления полетом создаются четыре смены оперативной группы во главе с одним из членов Госкомиссии, смены будут дежурить по 6 часов.

Тюлин, Келдыш и Мишин высказались за необходимость подготовки к полетам на «Союзах» инженеров и ученых различных специальностей, я выразил свое полное согласие с их мнением и попросил Келдыша и Мишина дать нам списки товарищей, которых они рекомендуют для отбора в космонавты.

Сегодня я доложил Вершинину и Руденко о решениях, принятых на вчерашнем совещании — оба маршала одобрили их.

В связи со смертью С. П. Королева и перемещением ряда товарищей по службе из состава Госкомиссии выбыли: Королев, Керимов, Мрыкин, Захаров, Гусев, Кобзарев и Нариманов. Для руководства предстоящими космическими полетами утвержден новый состав Госкомиссии: Тюлин — председатель; заместители председателя — Келдыш, Руденко, Мишин, Смирницкий; члены комиссии Касатонов, Казаков, Карась, Мельников, Каманин, Курушин, Цыбин, Спица, Шабаров, Правецкий, Булычев. Из 17 членов Госкомиссии 9 — кадровые военные. При таком составе комиссии можно было бы успешно отстаивать интересы Министерства обороны, но военные часто действуют разрозненно, и только поэтому промышленники берут верх над ними.

14 февраля.

Всю Москву и Подмосковье завалило снегом. Утром я с большим трудом выбрался с дачи: вчерашние мои старания по расчистке дороги пропали даром.

В субботу более шести часов был в Центре. Вместе с Гагариным, Николаевым и Комаровым обсуждали рассчитанный на два с половиной года план подготовки экспедиции на Луну.

Сегодня был в ИМБП Минздрава, там уже третьи сутки идет испытание регенерационной системы. Утром мне позвонил Тюлин, его беспокоит, что температура в корабле распределяется очень неравномерно (вверху 25 градусов, а внизу 15). Я вызвал в ИМБП Главного конструктора Воронина, врачей и инженеров (Генин, Смирнов, Фролов и другие). Решили эксперимент продолжать, порекомендовав испытателям переместить часть подвижного оборудования. Из ИМБП все поехали на завод к Воронину; в 17 часов он начнет свои испытания. Воронин учел все ошибки ИМБП и принял меры для обеспечения лучшей циркуляции воздуха в кабине корабля.

15 февраля.

Дома целый лазарет: у Муси продолжаются боли в левом боку, Оля еще не оправилась от гриппа, заболели Люда и внук. Малого особенно жалко: он плохо спит ночью, сильно похудел, почти ничего не ест. Сегодня утром я носил его на руках минут 30, он стонал и жалобно бормотал: «…Вава, вава, ай-ай…»

Гагарин и Комаров подготовили мне справку о подготовке и осуществлении мягкой посадки на Луну. Краткое содержание справки сводится к следующему.

Проектирование автоматической станции «Е-6» для посадки на Луну началось в 1960 году. Первый пуск АМС «Е-6» был осуществлен 2 апреля 1963 года[3] («Луна-4»). Из-за неисправностей в системе управления двигателем не удалось осуществить коррекцию, и станция прошла в 160 тысячах километров[4] от Луны.

9 мая 1965 года была запущена «Луна-5»: из-за замерзания масла в гироскопах системы ориентации не была осуществлена коррекция траектории АМС.

8 июня 1965 года осуществлен пуск «Луны-6»: двигатель коррекции не включился, станция прошла мимо Луны.

4 октября 1965 года: коррекция траектории «Луны-7» прошла успешно, но не включился тормозной двигатель — станция упала на Луну.

3 декабря 1965 года: полет «Луны-8» успешно продолжался до момента наддува баллонов-амортизаторов перед запуском тормозной двигательной установки (ТДУ). При наддуве один из баллонов лопнул, что привело к нарушению ориентированного положения станции.

Двигатель запустился в нерасчетное время (позже) и проработал 9 секунд вместо расчетных 45. Станция совершила жесткую «посадку».

31 января 1966 года в 14:31:17 запущена «Луна-9». В процессе отработки станции серии «Луна» учитывались неисправности и отказы, имевшие место в предыдущих полетах, и объект непрерывно совершенствовался. Основные характеристики АМС «Луна-9» по данным справки, подготовленной Гагариным и Комаровым, таковы:

1. Общий вес — 1602 килограмма (после отделения от последней ступени ракеты).

2. Параметры корректирующей ТДУ (КТДУ): тяга — 4500 килограммов; масса топлива для коррекции траектории и торможения — 847 килограммов; время работы при коррекции траектории — 6 секунд, при торможении — 45 секунд.

3. Масса объекта перед посадкой — 430 килограммов.

4. Масса станции без КТДУ и баллонов-амортизаторов — 79,5 килограмма.

5. Обеспечиваемый телевизионной аппаратурой минимальный различимый размер предметов на местности на расстоянии 2 метра — 15–20 миллиметров.

6. Время существования станции на поверхности Луны — до 5 суток (один час телепередач в сутки).

Прилунение станции произошло 3 февраля 1966 года в 21:45:30 по московскому времени, через 4 минуты 10 секунд раскрылись телеантенны и 3 из 4-х ленточных радиоантенн. Связь со станцией была устойчивая, в 4:50 4 февраля по команде с Земли «Луна-9» начала обзор лунного ландшафта и передачу изображения на Землю. Снимки получились отличные. Поверхность Луны шероховатая, но твердая, нет признаков пыли, видны отдельные камни размером 15–20 сантиметров. Поверхность имеет много мелких углублений и бугорков. Видны отдельные углубления, поперечные размеры которых составляют несколько метров. Ввиду отсутствия у Луны атмосферы небо на снимках совершенно черное. Отсутствие рассеянного света дает очень контрастные тени.

Звонил Тюлин, он просит «освежить» программу военных экспериментов в космосе на 1966 год. Договорился с ним, что тренажер корабля «Л1» будем готовить и оформлять одним общим решением Совета Министров по кораблям для облета Луны.

16 февраля.

На испытаниях в ИМБП температура в корабле остается неравномерной: перепад между значениями температуры вверху и внизу равняется 12 градусам; принятые меры пока не дают результата. В заводских испытаниях у Воронина при закрытых шторках радиатора теплообменника перепад температур всего 2 градуса, средняя температура устойчиво держится на уровне около 20 градусов.

На сегодня намечалось заседание Госкомиссии, но неожиданно заболел Тюлин, заседание перенесли.

17 февраля.

Ознакомил Главкома с проектом плана подготовки экспедиции на Луну. Вершинин очень внимательно изучил план и проявил готовность поддержать все наши предложения. План рассчитан на 2,5 года, будем готовить 5–6 экипажей. Экипаж экспедиционного корабля «Л-3» будет состоять из двух космонавтов. В состав экипажей будем включать космонавтов, уже летавших в космос. Программа экспедиции предусматривает следующие основные этапы полета комплекса «Л-3»:

1. Старт с орбиты ИСЗ на траекторию полета к Луне.

2-3. Коррекции траектории полета к Луне на удалении 150–200 тысяч километров от Земли.

4. Переход одного космонавта из лунного орбитального корабля (ЛОК) в лунный корабль (ЛК) через открытый космос.

5. Разделение ЛОК и ЛК.

6. Запуск двигателя ЛК для схода с орбиты искусственного спутника Луны (ИСЛ).

7. Маневр перед посадкой и посадка ЛК.

8. Выход космонавта на поверхность Луны и возвращение его в ЛК.

9. Старт ЛК на орбиту ИСЛ.

10. Стыковка ЛК и ЛОК.

11. Переход космонавта из ЛК в ЛОК через космос.

12. Разделение ЛК и ЛОК.

13. Старт ЛОК с орбиты ИСЛ на траекторию возвращения к Земле.

14-15. Коррекции траектории возвращения к Земле.

16. Торможение спускаемого аппарата в верхних слоях атмосферы.

17. Вход в плотные слои атмосферы.

Для выполнения плана подготовки лунной экспедиции надо уже сейчас рассмотреть кандидатов на роль командира корабля «Л-3» и на роль космонавта, выходящего на лунную поверхность.

Необходимо немедленно формировать авиационный полк, заказывать летающие лаборатории, создавать тренажеры, скафандры, стенды, оборудование и приступать к подготовке космонавтов.

18 февраля.

Вчера провели заседание Госкомиссии по пуску корабля ЗКВ («Восход» № 5 Ред.). Присутствовали все члены комиссии и человек 50 конструкторов и разработчиков систем. Впервые заседание проходило без С. П. Королева и на новом месте (Миусская площадь, дом 3, Министерство общего машиностроения).

Все главные конструкторы доложили о полной готовности к пуску корабля № 5 с собаками. Решили осуществить пуск 22–23 февраля. Серьезные замечания были только по парашютной системе: было уже четыре случая разрыва парашютов при испытаниях в Феодосии. Система рассчитана на нагрузку порядка 2,6 тонны, сейчас же ей приходится спускать груз весом 3,0–3,3 тонны — система перенапряжена и может отказать. Товарищ Ткачев заверил Госкомиссию, что он гарантирует надежный спуск груза весом не более 2,9–3,0 тонны.

Представители воронежского завода, изготовляющего двигатели для третьей ступени, доложили, что в декабре 1965 года при испытаниях на стенде был случай разрушения двигателя из-за ВЧ-колебаний, причина которых не установлена. Это уже 4-й случай возникновения ВЧ-колебаний — все они произошли при работе двигателей на стенде, при пусках ракет ВЧ-колебания не возникали. Завод дал гарантию надежной работы двигателей.

Пуск корабля № 6 («Восход-3») намечен на 22–23 марта, с тем чтобы посадку его осуществить до 12 апреля. При рассмотрении вопроса об организации управления полетом корабля № 6 я выступил против предложений ОКБ-1 по составу оперативных групп, решили поручить ОКБ-1 и ВВС согласовать их состав.

После окончания заседания Госкомиссии маршал Руденко, Мишин, Цыбин и я уединились в одном из кабинетов и повели откровенный разговор — «два против двух», как выразился Василий

Павлович Мишин. Мы более часа убеждали Мишина и Цыбина в том, что ИМБП своими попытками вклиниться в практическую работу кооперации военных организаций, обеспечивающих пилотируемые полеты, наносит вред делу и что поддержка, которую получает ИМБП от ОКБ-1 в своих притязаниях, противоречит духу решений ЦК КПСС и Совмина по созданию ИМБП. Мишин и Цыбин упорно защищались. Спор был продолжен в кабинете Тюлина в присутствии Келдыша и Правецкого. У Тюлина соотношение сил было уже не в нашу пользу: «пять — против двух». Никаких решений не приняли, поручили мне и Цыбину попытаться подготовить согласованные предложения по составу оперативных групп. В проекте ОКБ-1 руководителями оперативных групп назначались Правецкий, Каманин, Спица и Карась. Мы добивались замены Спицы и Карася на Кузнецова и Гагарина. Спица и Карась никогда не руководили полетами космонавтов, они плохо знают корабль и задание на полет и совершенно не знают космонавтов. Полет будет проходить на пределе технических и человеческих возможностей, в этих условиях руководить полетом должны люди, отлично подготовленные для этой цели. Победы мы пока не добились, но в стане «противников» уже не стало единства: Цыбин нас поддержал, Мишин заколебался. Будем добиваться полной победы…

Не успел я закончить последнюю фразу в дневнике, как раздался звонок маршала Руденко: «Мы обсудили с Вершининым все вчерашние события, решили на рожон не лезть, обструкций не устраивать. Учтите это в своих переговорах с Мишиным и Тюлиным». Это заявление — директива на отступление по всему фронту, но отступления не будет. Я не рассчитывал на помощь маршалов, особенно на помощь Руденко. Три года назад Руденко решил «поставить Институт авиационной и космической медицины на новые рельсы, освободить его от несвойственных ему задач» — и поставил, и освободил, и помог создать ИМБП. Сейчас ему не с руки драться с теми, кому он помогал создавать новый институт. Руденко мне всегда только мешал: без него вчера в разговорах с Тюлиным и Мишиным можно было бы добиться большего, его горячность и прямолинейность (негибкость) часто используются против нас.

Был Герман Титов, говорили с ним более часа. За последний год он ведет себя безукоризненно (нет ни одного «сигнала»). Мы его

нагрузили полетами (120 часов в год), дали задание работать вместе с ОКБ Артема Микояна над созданием орбитального самолета, поручаем проводить много встреч и выступлений — он загружен до предела. Я рад успехам Германа, но еще не совсем уверен, что срывов у него больше не будет.

19 февраля.

Был на совещании у заместителя министра авиационной промышленности В. А. Казакова. Присутствовали Строев, Козлов, Даревский и около 20 разработчиков систем для тренажера «Союз». Дата готовности тренажера — 31 марта, но, как всегда, промышленность (в первую очередь ОКБ-1) не укладывается в запланированные сроки. ОКБ-1 не выдало еще всех исходных данных, не подготовило макет корабля, много срывов и недоделок и по вине других КБ. Решили: до 16 марта поставить в ЦПК ВВС все необходимое для сборки тренажера, с тем чтобы 15 апреля сдать его в эксплуатацию; 22 февраля созвать в ОКБ-1 совещание разработчиков тренажера и договориться по графику дальнейших работ.

После совещания обсуждали проект решения Совмина по созданию мощной тренажерной базы для подготовки космонавтов и выделению головной организации, которая отвечала бы за создание тренажеров. Казаков и Строев высказались за то, чтобы такая база создавалась в МОМ. Мы, военные, пытались убедить Казакова в необходимости развивать тренажерную базу Даревского. Казаков, Строев и Даревский дали понять, что если им вернут из МОМ один-два завода и будут подкреплять развитие базы материально, то они смогут выполнить задачи создания тренажеров для космических полетов.

21 февраля.

Вчера был на даче только с Ольгой Карловной. Муся, Оля и малой еще не совсем оправились от гриппа. День был отличный, я ходил на лыжах, расчищал снежные завалы, запускал автомашину, много гулял.

Сегодня приезжал ко мне Главный конструктор тренажеров Даревский Сергей Григорьевич. Беседовали более трех часов, договорились общими усилиями через ЦК КПСС (Строганов) добиваться утверждения правительством наших предложений по развитию базы ЛИИ для постройки всех космических тренажеров. Наш план предусматривает создание тренажеров, обеспечивающих

облет Луны, высадку космонавта на Луну, возвращение лунной экспедиции на Землю, а также проведение военных исследований на космических аппаратах.

В ЦПК работу по созданию тренажеров возглавляет полковник Яковлев. Объем этой работы так быстро растет, что Яковлев уже «не тянет», — мне хотелось заменить его летчиком-космонавтом В. М. Комаровым. Я говорил с Владимиром Михайловичем на эту тему, он правильно понимает значение работ по оснащению ЦПК тренажерами и другим учебным оборудованием, но опасается, что эти работы помешают ему готовиться к очередному космическому полету. Пришлось согласиться с доводами Комарова и дать ему возможность готовиться к полетам по программе освоения Луны.

22 февраля.

На письме, которое Вершинин 15 января послал Малиновскому, министр написал: «Вершинину вместе с Генштабом подготовить предложения». Сегодня я вместе с генералом Полежаевым был в Генеральном штабе. Генералы Серегин и Попков и два полковника пытались опорочить и полностью отвергнуть наши предложения. Мне и Полежаеву пришлось выдержать тяжелый бой. До полной победы еще очень далеко, но нам удалось добиться от генштабистов главного признания необходимости усиления космического аппарата ВВС. Главное затруднение в решении вопроса: где взять численность? Решили в недельный срок рассмотреть возможные варианты, изучить состояние дел в ЦПК, части Фролова и институтах ВВС и на общем совещании отработать согласованные предложения. Генерал Серегин — старый противник ВВС, он еще немало попортит нам крови. Правда, сегодня он вел себя вполне прилично.

24 февраля.

22 февраля в 23:10 по московскому времени выведен на орбиту спутник «Космос-110» (корабль «Восход» № 5 — Ред.) с двумя собаками на борту Ветерком и Угольком. Этот спутник — головной корабль серии из пяти новых «Восходов» — должен летать 25 суток. Главная задача его полета — проверка всего оборудования корабля перед пуском «Восхода-3». Попутно проводится биологический эксперимент с собаками, мелкими животными и насекомыми. Мы предлагали в свое время послать на орбиту в этом корабле одного космонавта суток на 20–25. С. П. Королев не согласился с нами и

решил готовить «собачий вариант». Это решение, задержавшее полет космонавтов на 4–5 месяцев, в научном плане ничего не дает. Есть все основания полагать, что собаки сдохнут через 7-10 дней полета из-за трудностей автоматического обеспечения их воздухом, водой и пищей.

Сегодня еще раз обсуждали разногласия между ВВС и Минздравом. Руденко колебался, он склонен уступить нажиму Смирнова, Бурназяна и генштабистов. Я и Бабийчук пока держимся; дождемся, по-видимому, тумаков и прямого приказа: «Не рассуждать, а выполнять».

Подготовка Волынова, Шонина, Берегового и Шаталова подходит к концу: 28 февраля будем принимать у них экзамен на готовность к полету на «Восходе-3». Испытания регенератора воздуха в ИМБП и у Воронина в ОКБ-124 проходят нормально и на сегодняшний день характеризуются следующими показателями:

Организатор Длительность, Температура, Влажность, Оценка
испытаний сутки градусы проценты результатов
ИМБП 12 24–16 70 Удовлетво
рительно
ОКБ-124 10 18–16 65 Хорошо

25 февраля.

Сегодня проводили занятия в московском планетарии. Присутствовали Главком Вершинин, маршал Руденко, все космонавты и слушатели-космонавты, было много товарищей и из других военных организаций, занимающихся космосом. Главная тема занятий — Луна. Мы прослушали лекции трех наших крупнейших знатоков Селены. Троицкий, Козырев и Михайлов очень хорошо изложили нам все, что на сегодня известно о Луне. Особенно интересным было сообщение Козырева о том, что поверхность Луны формировалась под воздействием вулканических процессов и приливных явлений из-за влияния Земли. Метеорные тела тоже оставили свои отпечатки на лике Луны. Мне лунная поверхность представляется в виде слегка затвердевшего мха.

1 марта.

Вчера весь день в ЦПК принимали экзамены по готовности к полету у Волынова, Шонина, Берегового и Шаталова. Кроме генералов и офицеров ВВС в приеме экзаменов участвовали представители ОКБ-1 во главе с Цыбиным, ИМБП (Н. Н. Гуровский) и других

институтов и КБ. Космонавты показали отличные знания корабля, оборудования, задания, инструкций, условий полета и всех запланированных экспериментов. Единогласно было решено поставить всем космонавтам оценки «отлично».

Испытания регенерационной установки в ИМБП прекращены в 15:00 25 февраля из-за падения в составе атмосферы процентного содержания кислорода и увеличения углекислоты. Испытания продолжались только 14 суток. Мы (ВВС) были тысячу раз правы, когда категорически возражали против предложения Минздрава провести только один зачетный эксперимент в ИМБП. Если бы не было испытаний у Воронина (ВВС настояли на их проведении вопреки резолюции Л. В. Смирнова), то сейчас, после провала эксперимента в ИМБП, пришлось бы вновь начинать испытания, и тем самым был бы сорван срок пилотируемого полета (до 23 марта). У Воронина эксперимент продолжается уже 15 суток, но и в этих испытаниях есть недостаток: установка все еще работает на 2-м патроне, а при нормальной работе должен был бы кончаться уже 3-й патрон (всего в установке 4 патрона — каждый на 5 суток) — это свидетельствует о параллельной работе 2-го, 3-го и 4-го патронов. Таким образом, не исключено, что система регенерации воздуха может «скиснуть» в любой момент, — короче говоря, система еще не доведена до надежной работы в течение 20 суток.

Последние три испытания парашютной системы тоже прошли плохо: были разрывы парашютов. Корабль надо уже вывозить на полигон, но он не готов. Правда, я уверен, что под нажимом начальства Воронин и Ткачев дадут «добро» на использование своих систем в полете. Но такое «добро» недорого стоит, и с такой практикой подготовки космических полетов мы можем иметь крупнейшие неприятности.

Сегодня газеты сообщают о гибели двух американских астронавтов, они разбились при тренировочном полете на самолете (астронавты Эллиот Си и Чарлз Бассетт — основной экипаж «Джемини-9» — погибли в авиакатастрофе на самолете Т-38 28 февраля 1966 года — Ред.). Ни у нас, ни в Америке еще не погиб ни один человек во время космического полета. Но трагедии в космических полетах неизбежны, они будут происходить на глазах у всего человечества и потому будут особенно впечатляющими. Надо

делать все возможное, чтобы повышать гарантии безопасности космических полетов. Пока же все наоборот — и у нас, и в Америке налицо спешка в подготовке полетов, многое делается недоброкачественно, и вероятность происшествий в космосе растет. Как это ни странно звучит, но самым надежным у нас был полет Гагарина. Самым опасным до настоящего времени являлся полет «Восхода-2», но еще более опасным может оказаться предстоящий полет «Восхода-3». Полеты в космос становятся все более продолжительными, орбиты более высокими, а эксперименты и научные исследования все более сложными. В таких условиях гарантии безопасности полета неумолимо уменьшаются. Казалось бы, все конструкторы должны заботиться о большей технической надежности оборудования и систем пилотируемого космического корабля, а фактически мы идем по пути снижения их надежности.

2 марта.

Утром Г. А. Тюлин сообщил, что заседание Госкомиссии по «Восходу-3» состоится завтра, а спустя некоторое время он снова позвонил и рассказал об изменении планов. Очередная попытка запустить лунную станцию закончилась неудачно. До съезда надо запустить «Луну-10» и «Молнию», к полету «Восхода-3» многое еще не готово, поэтому возникла мысль передвинуть его пуск на вторую половину апреля. Келдыш поддержал это предложение, у ВВС тоже нет оснований торопиться: космонавты уже готовы к полету, но оборудование «Восхода-3» еще требует доработок. Я дал согласие Тюлину на перенос срока пуска «Восхода-3».

Сегодня все газеты сообщают об итогах полетов двух наших АМС: «Венера-2» — прошла в 24 тысячах километров от Венеры, а «Венера-3» — попала в планету, имея на борту вымпел Советского Союза.

3 марта.

Чуда не произошло: прекратились испытания и у Воронина. После переключения работы установки со второго патрона на третий воздушная среда в кабине продолжала ухудшаться, при переходе на четвертый патрон наступило временное улучшение состава воздуха, но через несколько часов процентное содержание кислорода вновь начало снижаться, а углекислого газа — расти. Нормальные условия в корабле поддерживались лишь в течение 16 суток, последние 12 часов

испытатели находились в условиях постепенного, но неуклонного ухудшения состава воздуха в кабине.

Проведено уже четыре испытания регенерационной системы, и во всех четырех она нормально функционировала только по 14–16 суток, а полет рассчитан на 18–20 суток. Для осуществления такого полета нужна система, надежно работающая в течение 21–22 суток. Воронин намечает некоторые усовершенствования регенерационной установки. Он, в частности, собирается герметизировать патроны и в каждом патроне сделать пробку, которую космонавт будет открывать вручную перед включением патрона. Это усовершенствование может улучшить работу системы, но оно имеет и свои слабые стороны, которые могут свести к нулю все его возможные «плюсы». Дело в том, что очередной «неразогретый» патрон будет включаться в работу не сразу на полную мощность, и за время перехода с одного патрона на другой в кабине корабля может создаться тяжелая обстановка с воздушной средой.

4 марта.

Вчера провели заседание Госкомиссии. Корабль № 5 нормально продолжает полет. Собаки, вопреки моим ожиданиям, живы, и их состояние удовлетворительное. Есть только один очень существенный «минус» этого полета: мы не принимаем радиопередач с корабля, бортовые передатчики работают, но приема нет — по-видимому, не развернулись антенны корабля. В связи с недостаточной (по результатам испытаний) надежностью регенерационной системы, парашютов и средств связи принято решение перенести пуск «Восхода-3» с марта на апрель. Главный конструктор Мишин высказал пожелание осуществить пуск 15–20 апреля.

Главный конструктор Воронин доложил на заседании свои предложения по доведению системы регенерации воздуха для надежной работы в течение 20 суток. Герметизация патронов и установка на них пробок, может быть, и доведут работу системы до 20 суток, но эти усовершенствования значительно затруднят работу экипажа. Дело в том, что в кабине корабля космонавту очень трудно добраться до пробки регенерационного патрона. Кроме того, переход с одного патрона на другой будет осуществляться через 5,5 суток, каких-либо индикаторов для переключения на очередной патрон нет — эта особенность системы потребует от экипажа постоянного наблюдения за параметрами воздуха кабины.

Главный конструктор Ткачев дал согласие на допуск парашютной системы «Восхода-3» к полету. Главный конструктор Быков и военные связисты договорились о мероприятиях по повышению надежности средств связи с кораблем.

Сегодня мы отправляем письмо в Совет Министров по центрифуге ЦФ-16. Письмо подписали генерал армии Батицкий, Келдыш, Афанасьев и Бурназян. Авторы письма настаивают на продолжении работ по ЦФ-16, создание которой тормозилось более двух лет ошибочной позицией Минздрава. Большая центрифуга ЦФ-16 крайне необходима для подготовки космонавтов к полетам, особенно к облету Луны и экспедиции на Луну.

Звонили Гагарин, Терешкова, Николаев и Леонов — все они жалуются на большой отрыв от работы и учебы на встречи, конференции и другие мероприятия. Некоторым космонавтам приходится выступать по 20–40 раз в месяц. Сегодня все космонавты на городской партийной конференции, и одновременно им запланированы выступления на районных собраниях, посвященных 8 марта. Егорычев не отпускает космонавтов с конференции, опять будут срывы встреч, обиды и жалобы на нас — «бюрократов».

11 марта.

Сегодня утром умер отец Люды. Люда видела его четыре дня назад, он был здоров и ни на что не жаловался. Лева и Люда очень переживают эту потерю.

Вчера в ЦПК более двух часов занимался в учебном корабле «Восход-3». Беседовал с Волыновым, Шониным, Береговым и Шаталовым, ребята изрядно устали. Я дал команду подсократить их рабочий день на ближайшие недели. Заходила Терешкова, доложила, что девушки настойчиво и успешно готовятся к космическому полету. Все космонавты закончили переезд из Чкаловской в новый гарнизон (рядом со служебной территорией Центра). Квартиры одиннадцатиэтажного дома всем нравятся, космонавты и члены их семей довольны.

Северин настаивает на том, чтобы мы сообщили ему фамилии четырех кандидатов для полета на 7К-ОК с указанием, кто на каком месте будет размещаться в корабле. Для «Союза» мы уже готовим 12 космонавтов, но кто из них полетит в числе первых, еще неизвестно.

Сегодня вечером я встречаюсь с Тюлиным и Мишиным, надо будет согласовать с ними состав экипажей для первых полетов на 7К-ОК.

12 марта.

Вчера Тюлин, Мозжорин и я провели встречу с представителями ТАСС, АПН, радио, телевидения и центральных газет. Договорились о плане мероприятий по предоставлению общественности более полной информации о ходе подготовки к предстоящему полету «Восхода-3».

После окончания этого совещания мы с Г. А. Тюлиным около часа обсуждали ряд вопросов по подготовке очередных космических полетов. Георгий Александрович продолжает поддерживать идею женского полета и рекомендовал продолжать подготовку экипажа Пономарева-Соловьева. По программам полетов «Восхода-4» и «Восхода-5» пока нет окончательного решения, но Тюлин согласился с моим предложением готовить для «Восхода-4» экипаж в составе Берегового и Катыса. Обсудили мы и кандидатов в состав экипажей первых кораблей 7К-ОК. С октября 1965 года мы готовим для полетов на этих кораблях следующие экипажи: 1) Гагарин — Воронов, 2) Николаев — Горбатко, 3) Быковский — Матинченко, 4) Комаров — Колодин, 5) Заикин — Хрунов, 6) Попович — Артюхин. Для полетов первых двух кораблей целесообразнее использовать экипажи Быковского и Комарова, но это только мое личное мнение. В ближайшие дни эти вопросы надо решить окончательно и приступить к более конкретной подготовке экипажей и для «Восходов», и для «Союзов».

Обсудили с Тюлиным и вопросы организации руководства полетами. В проекте решения Госкомиссии для этой цели предлагается создать четыре смены (в каждой смене 45–50 специалистов), возглавляемые Карасем, Каманиным, Спицей и Правецким. Я убедил Тюлина в том, что для роли руководителя полета товарищи Карась, Спица и Правецкий совершенно не подходят — эту роль лучше их могут выполнять генерал Кузнецов, Гагарин, Николаев, Комаров и другие космонавты. Мы договорились, что решением Госкомиссии для каждой смены будут утверждены руководитель смены (администратор — член Госкомиссии) и руководитель полета (космонавт). Тюлин предложил мне подготовить «Положение о руководителе полета» и высказал мнение о целесообразости сделать эту должность независимой от руководителя смены. У меня создалось впечатление,

что Георгий Александрович хорошо понимает всю сложность и ответственность управления полетами и что мы найдем правильное решение этой проблемы.

Говорили мы и о развитии базы Даревского для строительства тренажеров. Тюлин обещал поддержать наши проекты по усовершенствованию строительства тренажеров и оснащению ими Центра подготовки космонавтов.

14 марта.

Неожиданно умер академик Норайр Мартиросович Сисакян. Четыре дня назад я говорил с ним по телефону по поводу поездки Терешковой в Швецию. Он был здоров, весел и жизнерадостен, а теперь его уже нет. Сисакян был крупным биологом и много внимания уделял космической биологии и медицине.

15 марта.

Вчера состоялось заседание Госкомиссии: обсуждали ход полета «Космоса-110». Состояние животных и параметры атмосферы кабины (давление, температура, влажность, содержание углекислого газа и кислорода) пока удовлетворительные, но выявилась стойкая тенденция постепенного ухудшения состава воздуха в кабине. Сегодня пойдет уже 21-й день полета, все его задачи уже выполнены. П. В. Цыбин и Б. Б. Егоров высказались за прекращение полета. Воронин заявил, что система кондиционирования воздуха рассчитана на 36 суток и может еще работать, после чего многие высказались за продолжение полета. Решили создать посадочную комиссию в составе: Руденко, Цыбин, Каманин, Фадеев, Раушенбах, Безвербый, Гагарин, Николаев, Комаров, Егоров, Кузнецов, Воронин, Северин и другие — всего 25 человек. Посадочной комиссии поручили провести тщательный анализ состояния животных, параметров атмосферы кабины, условий посадки и поиска и принять решение о дате посадки (в пределах между 15–17 марта).

Вчера же маршал Руденко провел первое заседание посадочной комиссии. Поручили всем специалистам подготовить доклады за ночь с 14 на 15 марта. Сегодня в 11 часов комиссия соберется на КП Генштаба, чтобы решить вопрос о посадке «Космоса-110».

Провели второе заседание посадочной комиссии. За прошедшие сутки обстановка в кабине «Космоса-110» почти не изменилась, немного понизилось парциальное давление кислорода (со 143 до 136

миллиметров ртутного столба) и чуть-чуть повысилось процентное содержание углекислого газа (с 0,89 до 0,91). Врачи высказались за посадку сегодня, большинство инженеров (Цыбин, Воронин и другие) — за посадку завтра, когда условия посадки по району приземления и прогнозу погоды будут существенно лучше. Приняли решение сажать корабль завтра — 16 марта — на 330-м витке полета в районе между Сталинградом и Уральском. Сегодня в 15:30 поступят данные телеметрии, если они покажут резкое ухудшение условий в корабле, то будем производить аварийную посадку сегодня в районе Куйбышев — Чкалов.

Вчера и сегодня утром погода была совсем весенняя, но вот уже более 4-х часов идет обильный снег. Опять вернулась зима…

17 марта.

У нас вчера был большой космический день: сажали наших собак и следили за полетом двух американских астронавтов. Решение о посадке «Космоса-110» мы приняли еще 15 марта, а вчера в 14:00 дали команду на спуск. Все команды на посадку прошли нормально, в 17:15 корабль приземлился в 210 километрах к юго-востоку от Саратова с перелетом в 60 километров от расчетной точки. Все радиосредства корабля и наземные пеленгаторы работали хорошо. Через 30–40 минут после посадки на радиомаяк «Космоса-110» вышли два самолета (Ан-12 и Ил-14), десантировавшиеся с них семеро парашютистов доложили: «Состояние корабля и собак нормальное». Погода в районе посадки была очень плохой: высота облачности — 100 метров, видимость — 1–2 километра, местами — туман. Все самолеты, взлетевшие из Энгельса, пришлось сажать в Воронеже, а вертолеты вообще не смогли вылететь. Техническую команду из Саратова отправили дрезиной до Александрова-Гая.

Сегодня утром первым (в 7:04) из Саратова к кораблю вылетел вертолет Ми-4 нефтеразведки, наши вертолеты добрались до корабля на 1–2 часа позже. Тюлин и Смирнов выразили неудовольствие медлительностью поисковых средств ВВС. Надо признать, что у нас плохо организован поиск космических кораблей. Наши средства поиска далеки от совершенства. В этом деле мы особенно плохо выглядим на фоне четкой организации поиска американских астронавтов. Вчера взлетел в космос «Джемини-8» с астронавтами Нейлом Армстронгом и Дэвидом Скоттом. Корабль должен был летать

2–3 суток, планировалось осуществить четыре стыковки с ракетой «Аджена» и выход астронавта Скотта за борт корабля на 2–3 часа с удалением от него до 30 метров. Экипаж «Джемини-8» не выполнил поставленные перед ним задачи[5] и на седьмом витке первых суток полета произвел вынужденную посадку в Тихом океане. Через два часа американские астронавты были подобраны службой поиска.

Сегодня с 12 до 15 часов маршал Руденко был в ВПК, там на него наседали за плохую организацию поиска космических кораблей. Руденко отбил атаки на ВВС и перешел в контрнаступление. Он доложил, что служба поиска ВВС организована плохо из-за того, что нет численности, средства поиска примитивны и устарели, а все наши попытки заказать новое оборудование и добиться выделения людей для службы поиска не поддерживаются Генштабом. Ветошкин обещал на одном из заседаний ВПК рассмотреть нужды службы поиска и усилить ее средствами и людьми.

21 марта.

В субботу я был в ЦПК, проверял готовность группы Волынова. Оба экипажа поддерживают натренированность, заполняют бортжурналы и занимаются спортом. Волынов просил разрешения не бриться в полете. Шонин, Береговой и Шаталов тоже считают бритье излишеством. Приказал бритвы в полет не брать.

Сегодня провел совещание с представителями прессы, в котором участвовали Денисов, Романов, Остроумов, Ребров, Песков, Летунов и Булушев. Корреспонденты предложили много нового и интересного в целях более широкого освещения предстоящего полета. Основные предложения представителей прессы я одобрил, организовал для них ознакомление с «Восходом-3» и его экипажами, но некоторые предложения требуют санкции ЦК и технически сложны в реализации. Например, осуществление в полете связи космонавтов с Жаком Ивом Кусто французским ученым, ведущим эксперименты под водой. Я посоветовал товарищам обратиться с этими вопросами в правительство, а для оперативной связи журналистов с КП полета оборудовать в Генштабе комнату прессы. Надо признать, что у нас недостаточно продуман весь комплекс мероприятий для освещения космических полетов в прессе, по радио, телевидению, в кино и т. д. Этим делом в полном объеме мог бы заняться отдел пропаганды ЦК, но он не проявляет интереса к космосу. Только этим можно объяснить

бесчисленные преграды на путях распространения информации о наших космических полетах.

Терешкова вернулась из Казани, а Комаров — из Баку, где они принимали участие в республиканских съездах комсомола. 18 марта Гагарин не ночевал дома и явился на службу около 12 часов дня: ходил по ресторанам с участниками московской областной конференции.

23 марта.

Тюлин отправился на полигон для запуска «Молнии» и «Луны-10». Вчера без Тюлина и Мишина провели в ОКБ-1 техническое совещание, руководили им Цыбин и Шабаров. Работа совещания прошла спокойно и деловито. Выступали Цыбин, Шабаров, Воронин, Северин, Даревский, Хлебников, Хрусталев и другие товарищи.

Полет корабля 3КВ № 5 («Космос-110») прошел успешно, оборудование корабля работало хорошо, если не считать, что не раскрылись антенны «Зари», не «пищал» после посадки «Комар», неустойчиво работали ионные датчики, а «Сигнал» на КВ-режиме был слышен только в зоне прямой видимости. Уровень радиации на высоте 900 километров был незначительным. Собаки чувствуют себя удовлетворительно, но отмечается некоординированность их движений и, по-видимому, у них произошла значительная потеря кальция в костях. Полет корабля № 5 дает нам большую уверенность в успехе длительного полета «Восхода-3».

Главная причина задержки этого полета — неудовлетворительные результаты испытаний системы кондиционирования воздуха. Новые — пятые по счету испытания, которые проводятся сейчас в ИМБП и у Воронина, проходят успешно. Сегодня заканчиваются уже 16-е сутки испытаний в ИМБП, есть надежда, что система регенерации проработает 18–19 суток. Корабль «Восход-3» готов к отправке на полигон, носитель уже на полигоне. После окончания испытаний системы регенерации (10 апреля) можно готовить «Восход-3» к пуску, ориентировочно он может состояться 20–22 апреля.

Перенос пуска на эту дату осложняет проведение эксперимента «Свинец» (регистрация инфракрасного излучения при старте ракет). Для выполнения эксперимента «Свинец» необходима видимость экипажем ночного горизонта, а низкое стояние Луны может затруднить наблюдение. Кроме того, авторы «Свинца» после трехмесячной

работы с экипажем сейчас предлагают новую методику проведения эксперимента. Я дал приказание генералу Кузнецову разобраться вместе с космонавтами в сущности предлагаемых изменений в методике проведения эксперимента и возможности ее надежного освоения в оставшийся короткий срок (10–15 дней). «Свинец» очень важный и ценный эксперимент, но подготовлен он, по вине ПВО, плохо.

25 марта.

Три года назад Мусе вырезали паховую грыжу. Через три месяца после операции она чувствовала себя совершенно здоровой, играла в теннис, много работала физически и не замечала усталости. Но последний год она все чаще жалуется на боли в левом боку, предполагая, что боли связаны с операционным швом. Специалисты провели обследование и поставили диагноз: колит и опущение почки. Для более обстоятельного обследования я отвез Мусю 22 марта в госпиталь имени Мандрыки. Уже две недели болеет Оля. Она ни на что не жалуется, но у нее отечность лица (особенно вокруг глаз) и все время держится температура от 37,5 до 38,4. Все меры, принимаемые врачами, пока не дают результатов. Лева замучил себя работой над диссертацией. Работает по 12–14 часов, мало и плохо спит, много курит, мало ест и выглядит очень усталым. Вчера у него было очень низкое артериальное давление (95/45) — это сильная гипотония, упадок сил. Сегодня утром поговорил с Левой. Я настойчиво советовал ему бросить курить, постараться нормально спать, меньше сидеть за расчетами и писаниной и побольше бывать на воздухе. Так что семейные дела у меня неважные. Вчера у меня было давление 190/105 — это уже многовато, по-видимому, на моем самочувствии сказывается не только работа, но и домашняя обстановка. Но будем крепиться и работать. «Деревья умирают стоя» вот так хотел бы умереть и я, но не раньше, чем через 10–15 лет. На этот срок моих сил может хватить при разумном их использовании и при нормальной обстановке на работе и дома.

Вчера в ЦПК ознакомился с новой методикой проведения эксперимента «Свинец». Уверенности, что эксперимент пройдет хорошо, у меня не прибавилось.

Вчера же мне позвонил маршал Захаров и в резкой форме заявил следующее: «Товарищ Каманин, Генеральный штаб — это вам не

полигон Байконур, и собирать здесь корреспондентов я не разрешаю. Представьте мне список всех гражданских лиц, которых вы допускаете на КП. Впредь пропускать на КП гражданских будут только с моего разрешения. Доложите о нашем разговоре председателю Государственной комиссии». Этот звонок явился результатом неудачной попытки редактора «Известий» (он обратился лично к Захарову) добиться для прессы сносных условий работы.

Мы предпринимаем энергичные попытки дать нашему народу и всему человечеству побольше информации о предстоящем длительном полете в космос, а бюрократ в форме маршала плюет на все наши усилия. Если бы Захаров знал, как много делается для сбора информации с моего личного разрешения для печати, кино, радио и телевидения, он пришел бы в ужас и засадил бы меня в тюрьму. Но другого выхода нет: я твердо знаю, что в интересах СССР надо заранее готовить мощный поток информации о полете, и я буду делать все возможное, чтобы этот поток был как можно больше.

Вчера мы получили от маршала Захарова и вторую пилюлю. Он отказался подписать вместе с Вершининым письмо Л. В. Смирнову по уточнению задач Института медико-биологических проблем Минздрава и Института авиационной и космической медицины ВВС. Эти институты продолжают драчку и распри, и не занимаются проблемами длительных (межпланетных) полетов, хотя для этого и создавался институт Минздрава.

Сегодня у меня были Гагарин, Попович, Терешкова, Быковский, Комаров, Беляев и Леонов. Николаев немного приболел, а Титов — еще в Липецке. Вся девятка — делегаты 23-го съезда КПСС. Мы говорили о поведении космонавтов на съезде, в перерывах между заседаниями и о встречах с делегатами. За последние месяцы накопилось немало «шероховатостей» в поведении героев космоса. Любой самый маленький промах космонавта в позе, жесте, слове, одежде или даже в выражении лица становится известным широкой публике и часто истолковывается не в его пользу. В целом я доволен поведением всей девятки, но у каждого из девяти есть небольшие огрехи, и, если мы добьемся, чтобы их было поменьше, то все будет хорошо.

26 марта.

В ИМБП закончились испытания системы кондиционирования воздуха, они продолжались 18,5 суток вместо расчетных 20. Этот результат хотя и лучше прежних, но он лишний раз подтверждает, что полет «Восхода-3» может быть рассчитан только на 17–18 суток. Испытания у Воронина еще продолжаются, есть основания надеяться, что он дотянет их до 19 суток, но это ничего уже не изменит — ясно, что 20-суточного полета в этом году не будет.

Вместе с Терешковой были у Муси, всполошили весь госпиталь. Муся была очень довольна встречей с Валей, она ее не видела почти два месяца.

Был у меня Титов, рассказал о ходе освоения им самолета МиГ-21 в Липецке. Герман очень жизнерадостен и быстрословен, идеи из него бьют ключом. Он просил разрешить ему летать и в дни работы 23-го съезда КПСС, но я убедил Титова в несостоятельности его намерения, посоветовал очень внимательно поработать на съезде и обещал после съезда создать все необходимые условия для полетов, а также не перегружать его встречами в апреле. Я сказал Герману, что доволен его работой и поведением за последний год, но пока мы ему «папаху» не дадим, хотя многие торопят меня присвоить Титову звание полковника. Герман правильно меня понял и подтвердил, что он держит и будет держать данное мне слово. На мои слова: «Будешь еще и полковником, и маршалом» — Герман отпарировал: «Вот уж маршалом я никогда не буду, не тот у меня характер». Герман прав, он иногда излишне прямолинеен и не всегда уживчив с сослуживцами и старшими. На днях Вершинин и Рытов спрашивали меня, почему я не представляю Титова к званию полковника. Я доложил Вершинину, что Титовым я занимаюсь больше, чем кем бы то ни было из космонавтов. У нас с Германом было много бесед и серьезных разговоров. Год назад я твердо заявил Титову: «Еще один случай плохого поведения, и я перестану тебя уважать и поддерживать. Приближается съезд партии и выборы в Верховный Совет, но мы не сможем тебя делегировать в эти самые авторитетные органы, если ты коренным образом не изменишь свое поведение». По-видимому, Герман понял, что надо круто менять образ жизни, и у него хватило сил на «исправление» курса. Если до июня Титов не сорвется (съезд, выборы, поездки), то в июле присвоим ему звание «полковник».

28 марта.

Вчера и сегодня — дождливые и нудные дни. Весна нас не балует: в марте было только два солнечных дня. Хмуро на небе, тяжело на душе. Звонила Муся из госпиталя и сообщила: «Уролог считает, что больна левая почка», — и поспешно добавила, что не будет оперироваться. По-видимому, врач говорил о необходимости оперативного вмешательства.

В субботу звонил с полигона Г. А. Тюлин, он просил прислать на полигон самолет Ил-18 и помочь найти в районе Акмолинска обломки ракеты УР-500 (не сработала вторая ступень). Это уже вторая неприятность «в честь» съезда (первой была автоматическая лунная станция). Собирались к съезду запустить «Восход-3», «Молнию», «Луну-10» и тяжелый спутник. Сегодня уже 28 марта, завтра откроется съезд, а мы никак не можем порадовать делегатов съезда очередным успехом в космосе.

Мне несколько раз звонили председатель ЦК ДОСААФ генерал армии Гетман и Владимир Коккинаки. В скором времени предполагается избрание Коккинаки президентом ФАИ, а вместо него на должность вице-президента ФАИ и председателя Федерации авиационного спорта СССР они хотели бы избрать одного из космонавтов. Наиболее подходящей фигурой на эту должность все считают В. М. Комарова. Несколько дней назад я рассказал Владимиру Михайловичу об этом и попросил его определить свое отношение к этому очень почетному предложению. Сегодня Комаров был у меня. Предварительно он побывал в Тушине и ознакомился с объемом предлагаемой ему работы. Исполнение новых обязанностей потребует 80–90 дней в году. Совместить эту работу с работой начальника 3-го отдела Центра подготовки космонавтов и с личной подготовкой к новому космическому полету будет очень трудно. Комаров правильно оценил обстановку и попросил меня поддержать его отказ от этого назначения. Сегодня я обсуждал этот вопрос с Вершининым и Руденко — они согласились не настаивать на назначении Комарова. Маршал Руденко предложил рассмотреть кандидатуру Кожедуба, но Вершинин выразил сомнение в согласии Кожедуба пойти на эту работу и одновременно несколько раз подчеркнул, что он с удовольствием передал бы его в ДОСААФ.

Получил письмо от Константина Ветра — кандидата в космонавты. Он несколько лет очень упорно и настойчиво готовит себя

к космическим полетам. Наши врачи дали заключение: «Психически ненормален». Сначала я усомнился в справедливости заключения генерала Бородина, но… сам Ветер подтверждает диагноз врачей. В своем письме полковнику медицинской службы Федорову Ветер заявляет, что он будет прыгать с парашютом с 400-метровой скалы. Есть в письме и другие места, которые наводят на грустные размышления. Очень жаль этого начинающего сумасшедшего — он обладает такой волей и целеустремленностью, каких мало у нормальных людей.

29 марта.

В Кремле открылся 23-й съезд партии. Все летчики-космонавты и мое начальство (Вершинин, Рытов, Руденко) — делегаты съезда. Грустно как-то наблюдать это событие со стороны, хотелось бы активно участвовать в работе съезда лично, но я доволен уже тем, что космонавтика представлена на съезде целой девяткой моих воспитанников.

Заходил генерал-полковник Брайко, он сообщил, что подписана директива Генерального штаба о введении в ВВС должности помощника Главнокомандующего ВВС по космосу вместо моей теперешней должности заместителя начальника по боевой подготовке ВВС. Брайко и Ушаков поздравили меня с новой должностью. Я не удовлетворен решением Генштаба. ВВС просили учредить должность заместителя Главкома и создать космическое управление, а вместо этого Захаров и Малиновский учредили должность помощника Главкома (ниже категория и меньшие права) и дали только шесть инспекторов. Правда, надо признать, что и это решение — небольшой шаг вперед. В роли помощника Главнокомандующего у меня будет больше возможностей воздействовать на весь центральный аппарат и учреждения ВВС в интересах развития космонавтики.

Получил директиву маршала Захарова о создании службы Солнца. Решением Совета Министров такая служба создана при Академии наук. Десятки институтов и других научных организаций будут изучать Солнце, наблюдать и прогнозировать его деятельность в интересах обеспечения безопасности космических полетов. Служба Солнца для космических полетов — это то же самое, что метеослужба для полетов самолетов. ВВС должны наблюдать за Солнцем с аэростатов и самолетов и замерять уровень радиации на различных

высотах. Министр обороны поручил Главкому ВВС организовать службу Солнца в интересах Министерства обороны, а Главком поручил это дело мне. Есть служба космической медицины, есть служба поиска космических объектов, есть служба Солнца, и на все эти три службы у меня нет ни одного дополнительного человека. Есть приказы, директивы, распоряжения, а исполнять их некому: все наши просьбы добавить нам работников Генштаб отклоняет, но одновременно добавляет нам работу.

30 марта.

Утром занимался с внуком. Коля сделал первые шаги 1,5–2 месяца назад, а сейчас он уверенно ходит из комнаты в комнату. Для него открылись новые возможности познания мира, и он торопится все увидеть и схватить.

Более часа обсуждали с полковником Фроловым ближайшие перспективы создания военных космических кораблей. Проектов и решений много, а кораблей нет. Сотрудник ОКБ-1 Молодцов предлагает использовать для военных целей «Восходы». Он считает, что для военной аппаратуры на «Восходе» можно высвободить более тонны веса. Постройка военных кораблей на базе «Союза» затягивается, а «Восходы» можно сравнительно быстро приспособить для военных целей. По решению Совета Министров должны быть построены еще четыре «Восхода» (№№ 6, 7, 8, 9), но МОМ и ОКБ-1 пытаются закончить серию «Восходов» кораблем № 7, корабли № 8 и № 9 они не хотят строить. Необходимо будет настаивать на полном исполнении решения Совета Министров по строительству «Восходов», и последние корабли серии использовать для проведения военных экспериментов.

Решали с Сибиряковым вопросы обеспечения посадки «Восхода-3». В связи с большой длительностью полета и вероятностью ночной посадки возможный район приземления корабля получается очень большим и надежность обеспечения быстрого поиска корабля низка.

31 марта.

Из Парижа получили приглашение А. А. Леонову. Его просят приехать в Париж 12 апреля, провести пресс-конференцию, посвященную пятилетию первого полета человека в космос, и принять участие в выставке произведений Жюля Верна, современных

писателей и художников на космические темы. На выставке будут представлены также рисунки и картины самого Леонова. Леонов 2 апреля улетает в Будапешт, из Венгрии он вернется не раньше 7 апреля, а 11 апреля ему нужно будет лететь в Париж.

Тюлин с полигона еще не возвратился. МОМ и ОКБ-1 о предстоящем полете молчат. Многое еще не сделано для полета «Восхода-3», а по следующим полетам нет совершенно никакой ясности. Все мои попытки уточнить планы и программы полетов на 1966 год остаются безрезультатными. В такой обстановке надо быть готовым к любому возможному заданию на полет, поэтому приходится одновременно готовить около десяти различных экипажей. Короче говоря, наши космические дела продолжают ухудшаться, особенно наглядно это подтверждают наши провалы «в честь» 23-го съезда КПСС.

1 апреля.

После целого ряда неудач вчера запущена на трассу полета к Луне станция «Луна-10». Основное назначение станции — выход на орбиту искусственного спутника Луны с целью исследования окололунного пространства.

Сегодня с С. Г. Фроловым были в Совете Министров, беседовали с Киясовым, Царевым, Щегольковым и Богдановым. Я добивался уточнения позиций ВПК по трем вопросам:

1. О строительстве центрифуги ЦФ-16. Все согласились, что ЦФ-16 надо строить. Решили «оживить» кооперацию участвующих в создании центрифуги организаций, составить новый график работ и подтвердить письменно необходимость строительства ЦФ-16.

2. О строительстве тренажеров. Согласились впредь включать в основные решения Совета Министров по созданию космических кораблей и все вопросы по строительству тренажеров.

3. О программах полетов «Восходов» № 7, № 8 и № 9. Киясов согласился, что ясности здесь нет, более того, есть стремление вообще не строить эти корабли. Я твердо высказался за постройку трех последних «Восходов» с целью использования их для военных экспериментов. Главный мой мотив: не переоценивать еще нелетавший корабль 7К-ОК и пока не отказываться от проверенных полетами «Восходов».

Встреча была полезной.

2 апреля.

Каждый день бываю у Муси в госпитале. Пока врачи не могут определить причину ее жалоб на боли в левом боку. Беспокоит меня и состояние Оли: у нее уже три недели повышенная температура и отечность лица. Говорил сегодня с генералом Бабийчуком о направлении Оли в Институт детской терапии.

Вызвал Леонова, рассказал ему о предстоящей поездке на 2–3 недели во Францию. Обсудили с ним ответы на возможные вопросы западных корреспондентов.

Завтра (в воскресенье) не будет заседаний съезда, но космонавтам отдохнуть не дадут. Получено распоряжение ЦК: завтра Гагарину принять участие в телевизионной съемке для ГДР; трем космонавтам сфотографироваться с делегатами съезда в космическом павильоне ВДНХ, а одному провести встречу с австрийской делегацией. Кроме того, всем космонавтам необходимо принять участие в съемках с различными иностранными делегациями в Кремле.

Говорил с ответственными представителями ПВО и РВСН, получил их согласие на поддержку позиции ВВС по строительству трех последних «Восходов».

Тюлин вчера вернулся с полигона, но сегодня он был весь день у начальства, и встретиться с ним не удалось.

4 апреля.

Оля, я и Ольга Карловна были вчера на даче. Теплый, солнечный день. Ходили с Олей на мельницу, любовались разливом реки Рожайки. Оля гуляла более шести часов, температура у нее и утром, и вечером была нормальная.

Сегодня передано сообщение ТАСС о полете «Луны-10». Станция выведена на окололунную орбиту. С «Луной-10» установлена двусторонняя радиосвязь, станция передала на Землю партийный гимн коммунистов «Интернационал».

Из ОКБ-1 звонил К. Д. Бушуев. Он просил назвать представителей от ВВС в макетную комиссию по Л-1 (корабль для облета Луны). Выделил в комиссию Гагарина Ю. А., Комарова В. М., Никитина Ю. П., Фролова С. Г., Смирнова В. А., Иванушкина Б. П., Бебутова А. П. и Генина А. М.

Позицию ВВС по полной постройке серии «Восходов» поддерживают Легасов (ПВО) и Карась (РВСН). Будем готовить

письмо Смирнову Л. В. за подписью трех главкомов с просьбой продолжить выпуск «Восходов» и использовать их для военных экспериментов.

6 апреля.

Был сегодня на заседании 23-го съезда. В прениях по докладу Косыгина выступили министр черной металлургии, министр культуры, директор Сельскохозяйственной академии, секретарь Краснодарского крайкома и другие товарищи. Лучше других выступила Е. А. Фурцева. Все идет, как обычно — так, как было и при Сталине, и при Хрущеве: преувеличивают ошибки ушедших, хвалят сидящих в президиуме и клянутся, что выполнят любое задание.

7 апреля.

Сегодня Вершинин, Титов и Терешкова принимают в Академии имени Жуковского делегацию ГДР, прибывшую на 23-й съезд. На встрече будут Вальтер и Лота Ульбрихт. Товарищи из ЦК, организовавшие эту встречу, звонили и просили от имени Лоты Ульбрихт, чтобы на встрече была Терешкова. Пришлось дать согласие, хотя формально я не имею права отрывать делегатов от заседаний съезда.

Тюлин уже несколько дней заседает в Комитете по Ленинским премиям, и я никак не могу его поймать. Ясно, что полета «Восхода-3» не будет и в апреле, но хотелось бы уточнить новую дату старта, изменения в программе полета и так далее. Главная причина задержки старта «Восхода-3» — отказ третьей ступени носителя при запуске «Молнии». Ракета упала в районе севернее Барабинска, и до сих пор ее не нашли. Выяснить причину отказа третьей ступени необходимо потому, что она используется при выводе на орбиту «Восхода-3». Есть и другие причины затяжки старта. Все это не делает нам чести, но, по-видимому, до окончания работы съезда выяснить ничего не удастся: Смирнов, Устинов, Келдыш и другие руководители космической программы СССР заняты на съезде. Реально обстановка может проясниться не раньше 14–15 апреля.

8 апреля.

Закончил свою работу 23-й съезд партии. От ВВС в ЦК избран один Вершинин. В прошлом составе Центрального Комитета КПСС кандидатом в члены ЦК был маршал Руденко, а маршалы Красовский и Скрипко были в составе ревизионной комиссии. Все космонавты,

кроме Поповича, принимали участие в голосовании при выборах членов ЦК. Попович лежит больной, брат жены Марины поставил ему под глазом огромный синяк — это его «благодарность» за то, что Попович вытащил его в Москву, устроил учиться, кормил и поил, но при переезде в новый гарнизон не обеспечил отдельной квартирой. Вокруг космонавтов «пасется» столько родственников и «друзей», что придется принять меры по спасению космонавтов от этого налета.

Сегодня был у Г. А. Тюлина. Полет «Восхода-3» действительно переносится на конец апреля, а может быть, и на более поздний срок. Тюлин сказал, что Мишин ставит вопрос о снятии с постройки «Восхода-4» и «Восхода-5». Сам Тюлин за завершение строительства всей серии «Восходов» и просит ВВС поддержать его позицию. Он согласился с моим намерением послать на десять дней Волынова, Шонина, Берегового и Шаталова на отдых в «Чемитоквадже». Предложения ВВС по реорганизации службы поиска Тюлин также поддерживает и готов сделать доклад на эту тему в ВПК. Мое предложение учредить должность руководителя космического полета и сменных руководителей полетом Тюлин одобрил. Он сказал: «Вчера я получил проект Цыбина по организации смен для руководства полетами — проект сырой, это шаг назад. Ваше предложение лучше это шаг вперед. Я согласен с вашим проектом и разошлю его руководящим членам Госкомиссии, а вас я попрошу сделать все возможное для согласования его с Мишиным, Карасем и Правецким». Мишину и Карасю наше предложение вряд ли придется по душе, если они разберутся в его существе. До сих пор всеми космическими полетами фактически руководил С. П. Королев, а все мы (даже председатель Госкомиссии и президент Академии наук) выступали в роли его помощников. Сейчас мы предлагаем передать руководство космическими полетами представителям ВВС и тем самым как бы отодвигаем на второй план представителей других ведомств (Тюлин, Келдыш, Мишин и другие).

9 апреля.

Собирался с утра поехать в ЦПК и побеседовать с космонавтами, но получил приказ: «К 12:00 9 апреля все космонавты — делегаты съезда — должны быть в Кремле в Георгиевском зале. Члены Политбюро ЦК КПСС будут фотографироваться с военными делегатами съезда». Пришлось изменить весь план сегодняшних работ.

Комарова и Феоктистова, убывающих сегодня в Калугу на празднование пятилетия полета Гагарина, я проинструктировал по телефону. Леонов, которому предстоит 11 апреля лететь в Париж, заедет ко мне из Кремля, и мы договоримся по всем вопросам его двухнедельной поездки во Францию.

11 апреля.

В субботу более часа один на один беседовал «по душам» с Ю. А. Гагариным. Поводом для разговора явились синяк под глазом Поповича и отказ Гагарина встретиться с представителями телевидения ГДР. Я упрекнул Гагарина в том, что он недостаточно влияет на космонавтов, а его личные ошибки мешают ему быть авторитетным и требовательным командиром. Гагарин признал свои ошибки, но пытался их сгладить влиянием «больших» людей, особыми обстоятельствами и трудностями контроля за космонавтами. Он и все космонавты берут под защиту Поповича и одновременно настойчиво просят уволить Марину Попович из армии, запретить ей летать, а ее брата отдать под суд за избиение космонавта.

По рассказу Гагарина, синяк под глазом у Поповича появился при следующих обстоятельствах. Павел и Марина собрали у себя на квартире нескольких делегатов 23-го съезда из Киева, пригласили Николаева, Терешкову, Горбатко с женой и других. После ухода гостей Марина застала Поповича, обнимающимся с женой Горбатко, и, как кошка, вцепилась ему в лицо. Попович, защищаясь, по-видимому, ударил Марину. На защиту Марины выскочил ее брат и нанес Поповичу сильнейший удар в глаз. При таких обстоятельствах суд над братом Марины будет судом над Поповичем и космонавтами. Я не дал согласия Гагарину на передачу этого дела в суд. Придется лично разобраться с этой очередной «аварией» Поповича.

Кузнецов, по-видимому, во многом уступает космонавтам. Вот и сегодня он, Гагарин и Николаев подписали ходатайство о присвоении Титову звания «полковник», хотя все они знали мое мнение, что с этим делом торопиться нельзя. Пришлось отказать ходатайствующим. Одновременно я подписал представление к званию «полковник» Валерия Быковского.

12 апреля.

Пять лет прошло с того дня, когда Юрий Гагарин первым из людей поднялся в космос. Времени прошло немного, а перемены —

разительные. Освоение космоса идет бурными темпами. В сегодняшних газетах много материалов по итогам космической пятилетки: в «Правде» опубликована статья Главного маршала авиации Вершинина, в газетах «Красная звезда», «Сельская жизнь» и в журналах «Огонек» и «Крылья Родины» опубликованы мои статьи, много публикаций и других авторов, в том числе космонавтов. Время проделало заметные бреши в рядах тех, кто готовил и осуществлял полет Гагарина. Нет уже среди нас Королева — нашего Главного. Похоронили Вознесенского и академика Сисакяна. Многие: Руднев, Смирнов, Келдыш, Захаров, Мрыкин, Глушко, Пилюгин и другие ушли от «пусковой кнопки». Смирнов, Келдыш, Глушко и другие товарищи и сегодня многое делают для освоения космоса, но они уже не принимают личного участия в подготовке полетов, как это было пять лет назад.

Вчера был у Муси в госпитале, беседовал с врачами, смотрел рентгеновские снимки почек: правая почка нормальная, а на левой видна опухоль. Характер опухоли определить трудно, врачи склонны думать, что это не рак, но тем не менее настаивают на немедленной операции. Муся несколько дней назад была категорически против операции. «Буду тянуть, сколько протяну», — говорила она. Вчера Муся была уже склонна согласиться с требованиями врачей и только просила меня проконсультироваться у хирурга Вишневского, а сегодня она заявила: «Я не хочу здесь больше оставаться». Естественно, что ее страшит эта операция, особенно после трагического случая с Королевым. Очень тяжело принимать решение об операции; еще тяжелее уговаривать Мусю, но, по-видимому, хирургическое вмешательство неизбежно, и только оно может дать надежду на благополучный исход.

13 апреля.

Сегодня ровно 19 лет, как умер Аркадий. После этой трагедии у нас были и другие несчастья: смерть Михаила Николаевича (тесть Н. П. Каманина — Ред.), тяжелая и опасная операция у Левы, операция грыжи у Муси, — но потерю Аркадия нам с Мусей не забыть никогда. Сейчас над нашей семьей нависла тень нового большого несчастья: болезнь Муси и предстоящая ей тяжелая операция. Три дня меня неотступно тревожат мысли о том, хватит ли у Муси сил и мужества перенести все боли, сомнения и муки. Вчера она несколько раз

повторяла одну и ту же фразу: «Коля, я не хочу покидать вас так рано!» От таких слов мурашки бегут по коже, трудно удержаться, чтобы не зарыдать, а надо улыбаться, подбадривать Мусю и готовить ее к тяжелому испытанию. У меня много сомнений, но надо надеяться и верить в лучшее, укреплять Мусю в надежде на благополучный исход.

Гагарин, Терешкова, Николаев и другие космонавты, узнав о предстоящей Марии Михайловне операции, предлагали сделать все от них зависящее, чтобы помочь своей «матушке». Я поблагодарил ребят за внимание к Марии Михайловне и попросил пока ничего не предпринимать. Вчера я советовался с Петровским, Правецким, Вишневским, Волынкиным и Бабийчуком о состоянии Муси. Общий и единодушный вывод специалистов: делать операцию как можно быстрее и именно там, где Муся проходила обследование, то есть в госпитале имени Мандрыки.

Вчера в 15 часов провели митинг у обелиска «Космос». В 16 часов были у Кремлевской стены на месте захоронения С. П. Королева. Присутствовали все космонавты, многие конструкторы, академики и близкие Королева. В 17 часов в Кремлевском Дворце съездов провели торжественное собрание. Блестяще, лучше всех, выступила Терешкова, хорошо — Гагарин. Хуже всех выступил президент Академии наук СССР М. В. Келдыш. Он очень путанно читал текст своего выступления, два раза 23-й съезд КПСС назвал тринадцатым. Брежнева коробило от этих ошибок. Я всегда считал Келдыша плохим оратором и слабым организатором, а вчера он показал себя совсем плохо.

14 апреля.

Встречался вчера с генералами А. Г. Карасем и И. И. Спицей, обсуждал с ними вопросы организации управления предстоящим полетом. Карась и представители ОКБ-1 высказывались ранее за оперативную группу из 4-х смен, руководителями смен они называли Спицу, Агаджанова, Большого и Фадеева. ВВС предлагали назначить руководителем полета маршала Руденко, а во главе смен поставить сменных руководителей полетов из числа летавших космонавтов. В результате длительного обсуждения решили не назначать руководителя полета, а старшими смен оперативной группы по управлению полетом назначить Каманина, Цыбина, Карася и Спицу (все члены Госкомиссии). Гагарина, Николаева, Комарова и Леонова назначили

заместителями руководителей смен. Генерал Карась подтвердил свое согласие поддержать позицию ВВС и ПВО и добиваться полного завершения плана постройки «Восходов».

Сегодня утром у меня была Валя Терешкова, говорили о ее поездке в Швецию. Валя немного волнуется, пришлось ее подбодрить. От меня Терешкова поехала в МИД, потом — к шведскому послу, после чего проведет в Доме дружбы встречу со шведскими корреспондентами.

Рассмотрел и подписал документы по управлению полетом (о руководстве полетом, о составе оперативной группы и смен, о составе посадочной группы и многое другое).

Вчера звонил Тюлин и назначил на сегодня заседание Госкомиссии, но сегодня утром отменил его. Оказывается, вчера при испытаниях на стенде разрушилась третья ступень ракеты (блок «И»). Это уже третье разрушение блока «И» из-за ВЧ-колебаний, все они произошли на испытательных стендах. За шесть лет (более сотни пусков) произошло только два отказа третьей ступени, причем характер отказов не связан с ВЧ-колебаниями. По моему мнению, задерживать полет из-за этой неприятности нет оснований, но изучить и проанализировать все случаи отказов блока «И», конечно, нужно.

15 апреля.

Вчера вечером Валя Терешкова, Андриян Николаев и я были у Муси в госпитале. Муся выглядит значительно лучше, чем несколько дней назад, и делает все, чтобы подготовить себя к тяжелому испытанию. Валя и Андриян поделились опытом перенесенных ими операций и горячо убеждали Мусю верить в хороший исход операции. Муся обещала стойко держаться. Так было вчера. А сегодня в разговоре по телефону Муся опять напомнила мне о консультации с А. А. Вишневским. По-видимому, кто-то из больных охаивает хирургов госпиталя и превозносит успехи Вишневского: эти разговоры смущают Мусю и вселяют в нее беспокойство. Сегодня я еще раз разговаривал с Вишневским. Александр Александрович сказал: «Завтра в 9:30 привозите больную ко мне, посмотрим ее». Я поговорил с Бабийчуком и хирургом Симоновым, оба настойчиво советовали не ездить к Вишневскому: по их мнению, обращение к нему обидит профессора Аркадия Алексеевича Бочарова и уролога Николая Петровича Козлова, которые готовятся оперировать Марию Михайловну. Если же решиться

проводить операцию у Вишневского, то будут необходимы дополнительные обследования и затяжка операции по времени. Сегодня вечером я буду пытаться убедить Мусю принять окончательное решение оперироваться в госпитале имени Мандрыки. Колебания и нерешительность сейчас могут только повредить ей, а квалификация и опыт профессора Бочарова не вызывают сомнений.

18 апреля.

В субботу Андриян Николаев, шведский посол с супругой, представители МИДа, я и другие товарищи проводили Терешкову в Швецию. Вместе с ней полетели Кассирова и Аристов. Валя выглядит неважно — ей, по-видимому, надо лечиться. Вечером был у Муси в госпитале. Муся старается держаться твердо: она поняла, что лучший выход из создавшегося положения — операция, и делает все необходимое, чтобы встретить тяжелое испытание во всеоружии. За неделю она заметно посвежела, спит хорошо, все анализы и температура нормальные. Нет никаких признаков для опасений, что опухоль раковая, но всякое бывает… Лучше сделать операцию раньше, пока опухоль широко не распространилась, а организм еще крепок.

Вчера Ольга Карловна, Оля и я были на даче. Все много работали: гребли, мели, подрезали кусты, сжигали мусор и сучья. Ходил с Олей в лес за подснежниками. Много занимался с ней: читал, играл в шахматы, рассказывал сказки и были. Оля резковата и даже груба с прабабушкой, правда, эта грубость взаимная. Со мной Оля ведет себя хорошо. Люда и Ольга Карловна в отношении Оли допускают много ошибок: грубят, кричат, запугивают и непрерывно во всем ограничивают. В порядке «самообороны» Оля настороженно относится к каждому их слову.

Последние дни идут хорошие теплые дожди, дорога перед дачей размокла, несколько дней буду ездить электричкой.

21 апреля.

Вчера был день тяжелых испытаний для Муси и всей нашей семьи. Операцию назначили на 9:30 20 апреля, но уже в 9 часов хирург Н. С. Симонов сообщил мне по телефону, что операция отложена на 2–3 часа из-за израсходования предназначенного для нее запаса крови. Операция началась около 13 часов, а в 14:15 Симонов позвонил и рассказал мне о ее ходе. Опухоль на левой почке оказалась «доброкачественной кистой» — так ее окрестил профессор А. А.

Бочаров, делавший операцию. Позже мне позвонил Бочаров и поздравил с большой удачей. Он признался, что его смущала вероятность раковой опухоли, но сейчас все опасения позади; киста удалена, а почка полностью сохранит работоспособность. Вечером я был у начальника отделения. Он сказал, что все врачи и обслуживающий персонал рады хорошему исходу операции и надеются на полное и быстрое выздоровление Марии Михайловны. Около шести часов вечера я заходил к Мусе. Она была в тяжелом состоянии, но открыла глаза, узнала меня и еле слышно прошептала: «Ладно, Коля, все хорошо, уходи». Вид Муси больно поразил меня. Операция прошла успешно, главная опасность, кажется, позади, но Мусе придется пережить еще много мучений.

Сегодня утром дежурный врач сообщила: «Ночь больная провела нормально, пульс — хороший, давление — нормальное, температура — 37,3».

Звонил Г. А. Тюлин. Он сообщил, что по блоку «И» еще много неясностей. Госкомиссию на этой неделе собирать не будем. Решили оставить космонавтов до конца апреля на юге.

22 апреля.

Был вчера у Муси в госпитале, ей немного лучше. Я стал рассказывать ей о ходе операции, о характере опухоли… Оказалось, что все это она уже знает от врачей. Ей тяжело говорить, она просила, чтобы, кроме меня, к ней пока никто не приходил.

Сегодня был у меня генерал Н. Ф. Кузнецов и рассказал о неприятностях у космонавтов. Попович разводится с Мариной. Жены космонавтов собираются писать письмо с просьбой уволить Марину Попович из армии и лишить ее родительских прав. Космонавты требуют суда над братом Марины. Беляев не выполнил приказ полковника Масленникова о проведении расследования происшествия в семье Поповича.

Я уже три недели не был в ЦПК, там за это время накопилось много нерешенных вопросов. Чем меньше мы работаем с космонавтами, тем больше у них прорех и ошибок. Когда молодые здоровые люди не заняты настоящим делом, они начинают искать точки приложения своей энергии и находят их чаще всего в выпивках, картах, встречах с женщинами и других сомнительных способах времяпровождения. Весь Центр уже более года готовит очередной

космический полет, мы были готовы осуществить его еще в октябре 1965 года, но дата полета переносится уже пятый раз по вине промышленности.

25 апреля.

У Муси сегодня утром температура 37,3 (вчера была 37,6). В субботу у нее сняли дренаж, вливали кровь и глюкозу. Настроение у Муси все еще нервное и тревожное.

Вчера Оля, я и Ольга Карловна весь день провели на даче. С 6 утра до 7 вечера работал в саду, долго возился с новым электронасосом, приспосабливая его для откачки воды из подвала. Ходили с Олей к мельнице и плотине на речке Рожайке, собирали подснежники в лесу.

Позавчера из Швеции возвратилась Терешкова. По докладу Аристова, поездка прошла очень хорошо. Терешкову принимал король Швеции Густав Адольф. Была встреча в парламенте и других высоких учреждениях страны. В беседе с учеными Швеции Валя допустила ошибку в объяснении перерыва связи на этапе спуска космического корабля: она сказала, что после сгорания основных антенн мы выпускаем запасные. Представитель КГБ Кассирова во время поездки Терешковой в магазины для покупки подарков дочери оставила Валю на попечение жены нашего посла, а сама целых четыре часа отсутствовала. Посол Белохвостиков очень переживал этот случай, но согласился не делать о нем специального донесения.

В субботу был в ЦПК. Около двух часов беседовал с Гагариным, Комаровым, Николаевым, Быковским, Беляевым, Поповичем, Горбатко, Пономаревой, Соловьевой и другими товарищами. Горбатко за нарушение режима объявил выговор в приказе. Поповича отстранил от подготовки к полету на 7К-ОК, предупредив, что мы снимем его с должности заместителя командира отряда и подумаем над вопросом, рекомендовать ли его кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР. Попович полностью признал свою вину в организации выпивки у себя на квартире, последствием которой была драка с женой и ее братом. В общем, разговоры с космонавтами были не из приятных, а Гагарин даже обиделся на мое замечание в его адрес. Я намеренно при всех высказал сожаление, что положительное влияние Гагарина на космонавтов явно недостаточно, что иногда и у него бывают досадные срывы. Крепко досталось и Николаеву как командиру отряда.

Заместитель начальника Академии имени Жуковского сообщил мне план заключительных занятий и защиты дипломов космонавтами. Мы думаем, что к 50-й годовщине Октября космонавты могут закончить академию, но тем из них, кто будет участвовать в полетах на 7К-ОК, будет почти невозможно уложиться в этот срок. В ближайшие дни надо будет персонально определить, для кого главным должна быть подготовка к полетам, а для кого — окончание академии. По предварительным соображениям, целесообразно к полетам готовить Комарова, Быковского, Николаева и Гагарина, а для всех остальных запланировать окончание академии до октября 1967 года.

26 апреля.

Вчера у меня был очень радостный день: состояние здоровья Муси заметно улучшилось, температура утром — 37,2, пульс — 80[, был 120[6]]. Муся поверила, что будет жить и будет здоровой, — это для нее сейчас самое лучшее лекарство. Вчера мы с ней говорили более 40 минут, сейчас ее интересует все: дача, внуки, знакомые и десятки разных мелочей.

Сегодня я был в ЦПК. Терешкова доложила о поездке в Швецию и просила разрешения посетить Марию Михайловну. Комаров показал ход сборки тренажера «7К-ОК». Сборка тренажера очень затянулась. Я приказал Кузнецову лично ее контролировать и о результатах работ ежедневно докладывать. Звонил Главный конструктор Даревский, его беспокоит завтрашнее рассмотрение вопроса о тренажере «Л-1» на заседании Военно-промышленной комиссии. Есть сведения, что Пашков, Казаков и Литвинов договорились передать все работы по тренажерам в МОМ. Такой вариант решения не устраивает Даревского, не нравится он и мне. Буду просить Главкома выступить на ВПК в защиту Даревского. Объявил Николаеву и Поповичу, что руководство ВВС не будет препятствовать избранию Поповича в Верховный Совет СССР. Пока в отношении Поповича ограничимся снятием его с занимаемой им должности и отстранением от подготовки к полету. Принял решение обязать Поповича, Титова, Леонова, Волынова, Шонина, Заикина, Гагарина и Соловьеву до октября 1967 года окончить академию, а для Николаева, Быковского и Горбатко окончание академии запланировать на 1968–1969 годы и главным для них считать участие в полетах на кораблях 7К-ОК.

27 апреля.

Комаров, Фролов и Смирнов доложили о заседании макетной комиссии ОКБ-1 по Л-1.

Корабль Л-1, по мнению специалистов ВВС и космонавтов, выполняется по проекту, который по качеству и надежности уступает «Востокам» и «Восходам». Главные недостатки корабля: отсутствие скафандра, запасного парашюта корабля и УКВ-сигналов при спуске на парашюте. УКВ-сигналы начинают выдаваться только через 10 секунд после приземления. Есть много и других, более мелких недостатков, на исправление которых ОКБ-1 дало согласие. Однако ОКБ-1 категорически возражает против размещения на корабле Л-1 скафандра и запасного парашюта и усиления его радиосредств. Возражения, как всегда, мотивируются ограничением веса и отсутствием времени на доработку. Более двух лет назад было принято решение ЦК КПСС и Совета Министров СССР о постройке лунных кораблей. Это решение промышленностью не выполнено. Два года пропали впустую, а сейчас Устинов «жмет», чтобы в 1967 году состоялся облет Луны. Но чудес не бывает — за один год хороший космический корабль не создашь. Вот почему появляются корабли типа Л-1.

29 апреля.

Вчера Главком подписал приказ о снятии Поповича с должности заместителя командира отряда космонавтов. Главком долго мялся, ему не хотелось подписывать такой приказ, пришлось убеждать и доказывать воспитательное значение этой меры.

Был у меня Леонов и подробно рассказал о поездке во Францию. Леонов провел более 80 выступлений, французы встречали его очень хорошо, а наши посольские «халатничали».

Заходил Герман Титов, поделился впечатлениями об Афганистане. Я предложил Титову должность заместителя командира отряда космонавтов и дал ему недельный срок для обдумывания моего предложения. Последний год Герман ведет себя образцово — этим он еще раз доказал, что у него крепкий характер.

Валя Терешкова привозила своих подопечных в мединститут, заходила ко мне, записалась на пленку (приветствие Армении). Говорили мы с ней и о необходимости ее лечения, но Валю больше беспокоит болезнь сестры и недомогания матери, а заботы о собственном здоровье она откладывает на отпуск. Надо будет найти

подходящую форму проведения ее тщательного медицинского обследования и оздоровительных мероприятий.

Были у меня сегодня генералы Волынкин и Газенко и полковник Генин. Они доложили о мероприятиях института совместно с моряками по длительному глубинному морскому эксперименту (4–5 человек в течение 4-х месяцев будут находиться на глубине 200 метров).

Вечером был у Муси в госпитале. Второй день у нее нормальная температура, третий день она уже понемногу сидит. Медленно, но уверенно ее организм набирает силы.

30 апреля.

Звонил генерал Н. Ф. Кузнецов, он доложил, что Герман Титов не ночевал дома. Этот звонок для меня был очень неприятным. Только вчера я сказал Герману, что доволен его поведением и готов выдвинуть его на должность заместителя командира отряда космонавтов. Титов, по-видимому, не окончательно порвал свои связи с артистами, художниками и другим окружением, которое в прошлом уже подводило его. Вот и вчера он где-то «завяз» в знакомом «болоте». Нет, борьба за Титова еще не закончена. Я рано поверил в его полное исправление, ему еще надо много помогать.

Лева получил очередное воинское звание «инженер-майор». Для матери это будет большая радость. Лева работает много и добросовестно, но он взялся за очень трудную тему: «Воздухозаборники для самолетов больших сверхзвуковых скоростей». Последнее время Лева почувствовал всю трудность этой темы и немного растерялся. Надо будет с ним побеседовать и разобраться в его трудностях. Неважно у него и со здоровьем. Короче говоря, я обязан помочь сыну. После выздоровления Муси надо будет уговорить Леву лечь на обследование в авиационный госпиталь.

Только что еще раз звонил Кузнецов. Он беседовал с Титовым, но Герман отказался сообщить, где он провел ночь. Титов считает, что к нему придираются и что в свободное время он может быть там, где захочет.

3 мая.

Уже трое суток как я не виделся с Мусей. 1 мая у нее были Валя Терешкова и Андриян Николаев, вчера — Лева. Сегодня около 12 часов Муся сама позвонила по телефону. Она уже второй день

понемногу двигается. Первомайские праздники я, Лева, Люда, Оля и Коля провели на даче. Все было очень хорошо, нам не хватало только Муси. Праздничные дни были холодными и дождливыми. Мы с Олей ходили в лес и на реку, катались на велосипедах, чистили участок, подрезали кусты и деревья, жгли мусор. В ЦПК праздники прошли без происшествий, все космонавты провели выходные дни дома.

Сегодня говорил с маршалом Руденко и генерал-полковником Брайко о состоянии службы поиска и эвакуации космических объектов. Оба высказались за передачу этой службы в мое подчинение. Тяжелое наследство оставляет мне генерал Кутасин, но в интересах дела надо эту службу немедленно принимать и укреплять. Служба поиска, служба Солнца, медицинская служба, подготовка космонавтов и участие в создании космической техники — важнейшие участки космической деятельности ВВС, а для управления ими нет центрального аппарата. Правда, маршал Малиновский вдвое увеличил мою группу (вместо 3 стало 6 человек) и разрешил создать аппарат службы поиска (8 человек). Вместе с подразделением полковника Фролова и аппаратом генерала Бабийчука у нас не набирается и сотни специалистов, а у американцев на аналогичных участках работают в центральном аппарате более 500 человек. Еще хуже обстоит у нас дело в работающих на космос войсковых частях, институтах и центрах там «голод» на штатные единицы более ощутимый.

6 мая.

Получена предварительная команда: пуск «Восхода-3» может состояться 20–27 мая. Подобных команд было так много, что все мы уже не верим, что она окажется окончательной. Дал команду ЦПК, службе поиска и медицине подготовить все необходимое для обеспечения полета «Восхода-3» в случае его старта в период 20–27 мая.

Вчера в ЦПК встречался с Волыновым и Шаталовым — они очень устали от бесконечных переносов даты старта, хотя и пытаются это скрывать. Советовался с Гагариным и Николаевым по «делу» Поповича и последней гулянке Титова. Оба они склонны ограничиться в отношении Поповича и Титова словесным внушением. Пришлось указать им на слабость их позиции и подтвердить необходимость строгого наказания Поповича (исключение из группы по подготовке к полету на 7К-ОК) и Титова (задержка присвоения звания полковника).

Сегодня первый раз в этом году выбрался в Лужники на теннис. Играли один на один с В. А. Смирновым; 35 лет я всегда играл в паре с Мусей, а в этом году ей, наверное, врачи не разрешат взяться за ракетку.

Звонил скульптор Постников, он сообщил, что сегодня в 20:30 будет демонстрировать по телевидению два новых бюста Аркадия и расскажет о его полетах на фронтах Великой Отечественной войны.

11 мая.

Много работы, нет времени на записи… У Муси здоровье медленно, но идет на поправку. Она и все мы верим, что скоро наша хозяйка вернется в родной дом.

Вчера был на заседании ВПК. Вел заседание заместитель председателя Совмина Л. В. Смирнов. Обсуждался вопрос о полете «Восхода-3». Тюлин, Мишин, Бурназян и я доложили, что полет «Восхода-3» полностью подготовлен и 25–28 мая можно осуществить пуск. Потом выступил Смирнов и высказался за отмену полета «Восхода-3» по следующим мотивам:

1) полет на 18 суток не даст ничего нового;

2) осуществление полета «Восхода-3» задержит работу над 7К-ОК, и в 1966 году мы не будем летать на «Союзе», а это наш основной корабль, — необходимо форсировать выпуск кораблей типа «Союз», чтобы уже в этом году выполнить на них несколько пилотируемых полетов;

3) полет без маневра на орбите и без стыковки покажет наше отставание от США и будет воспринят общественностью как доказательство превосходства американцев.

Смирнова поддержали Пашков, Калмыков и Царев. Пришлось мне вновь выступать и доказывать необходимость полета «Восхода-3». Потом выступали Афанасьев, Мишин, Келдыш, Воронин, Цыбин, Дементьев, Мозжорин, Щеулов и другие. Я и другие выступавшие говорили о том, что подготовка к полету закончена, — он даст нам ценный опыт длительного пребывания людей в условиях космоса и позволит установить два мировых рекорда, превзойдя 14-суточный полет американцев. Если полет «Восхода-3» не состоится, то большой труд тысяч людей и огромные средства пропадут впустую. Длительные полеты на строящихся кораблях типа «Союз», рассчитанных лишь на трое суток полета, невозможны, а создание новых кораблей потребует

много времени. На «Восходе-3» запланировано выполнить много ценных экспериментов, в том числе и военных, а на первых «Союзах» осуществить большинство из них нельзя. Короче говоря, мы представили так много веских доводов за осуществление полета, что Смирнову пришлось отступить. Приняли решение созвать Госкомиссию по пуску, еще раз обсудить готовность к полету и назначить дату старта. В заключение Смирнов добавил: «Мы еще раз проанализируем обстановку, посоветуемся и послушаем предложения Госкомиссии».

Я никогда не был в восторге от Смирнова и Пашкова, а на этом заседании мне было просто стыдно за наших руководителей космической программы. Более трех лет назад я предупреждал, что мы окажемся в очень тяжелом положении, если не будем летать. Уйма времени ушла впустую, и теперь исправить положение — восстановить наше лидерство в космосе — почти невозможно, тем более с такими руководителями, как Пашков и Смирнов.

13 мая.

Вчера провели заседание Госкомиссии по пуску «Восхода-3». Первым слушали доклад Главного конструктора А. А. Голубева (Воронеж, ОКБ-154) по блоку «И». Голубев доложил, что третья ступень прошла более 500 стендовых испытаний и более 100 летных пусков. В полетах был лишь один отказ третьей ступени (27 марта 1966 года при попытке вывести на орбиту очередного спутника «Молния»), но не было ни одного случая возникновения ВЧ-колебаний. Отказ при пуске «Молнии» произошел из-за прогара одной из камер сгорания. При стендовых испытаниях было зарегистрировано 7 случаев разрушения двигателя из-за высокочастотных колебаний, причину возникновения которых долгое время не удавалось установить (первые отказы двигателя третьей ступени при испытаниях на стенде появились перед полетом Терешковой). Многочисленные комиссии провели сотни исследований и испытаний и пришли к выводу, что ВЧ-колебания возникают из-за локальных взрывов в удлиненных топливных магистралях стенда в случае попадания в них масла, керосина или кислорода. Голубев доложил, что ОКБ провело все работы по доводке двигателя и установило строгий контроль за процессом обезжиривания топливных трубопроводов. Он заверил комиссию, что ОКБ-154 гарантирует надежность работы блока «И»

при пуске «Восхода-3». Однако выступлениями и вопросами Тюлина, Глушко, Мишина и других членов Госкомиссии было выявлено, что оптимистичное заявление Голубева недостаточно обосновано и не подтверждается военпредом завода. Глушко и Тюлин заявили о необходимости дальнейших исследований по выяснению причин возникновения ВЧ-колебаний.

Главный конструктор Воронин в своем докладе о готовности системы регенерации заявил: «Система регенерации испытана, доведена, поставлена на корабль и может обеспечить 18-суточный полет двух космонавтов».

Цыбин доложил о готовности корабля, а Шабаров сообщил о ходе работ по носителю на полигоне.

При обсуждении докладов о готовности к пуску среди членов Госкомиссии не оказалось былого единодушия: чувствовалось отсутствие С. П. Королева; не было единой воли и большого стремления осуществить полет. Многие из членов Госкомиссии знали мнение Смирнова и Пашкова о нецелесообразности полета «Восхода-3» и не решались твердо высказаться за полет. Решили: подготовку к полету продолжать, потребовать от Голубева и Воронина в трехдневный срок дать окончательные заключения, согласованные с военной приемкой, о допуске блока «И» и системы регенерации к полету «Восхода-3». Пуск может быть осуществлен в период 22–28 мая, перенос пуска на июнь или июль фактически сорвет полет. Есть большие опасения, что Смирнов и Пашков добьются своей цели и отменят полет «Восхода-3».

14 мая.

Вчера Вершинин, Рытов, Руденко, Брайко и я долго обсуждали проект «Положения об обязанностях помощника Главнокомандующего ВВС по космосу». Мы с Брайко предлагали подчинить помощнику Главкома все части и учреждения ВВС, занимающиеся космосом. Вершинин и Руденко высказались за более широкое участие в космических делах Главного штаба, Пономарева, Катрича, Кобликова и других. Решили оставить в непосредственном подчинении помощника Главкома только Центр подготовки космонавтов, медико-биологическую службу и службу Солнца. «Положением» помощнику Главкома предоставлено право представлять командование ВВС при взаимодействии с другими ведомствами и министерствами, а также

право контроля работы всех частей и учреждений ВВС, занимающихся космической тематикой.

Тюлин сообщил мне вчера, что на полигоне в связи с ожидаемым приездом Шарля де Голля полным ходом идет ремонт всех помещений, в которых размещались раньше наша экспедиция по пуску, космонавты и обслуживающий персонал; так что в данное время негде размещать космонавтов, врачей, членов Госкомиссии и других специалистов. Тюлин просил командировать на полигон толкового офицера, который вместе с начальником полигона мог бы определить возможности размещения экспедиции по пуску «Восхода-3». Я немедленно отправил на космодром подполковника Никерясова.

Сегодня в 9:15 Никерясов был уже на месте и приступил к выполнению задания. Эта новая «кутерьма» с размещением людей на полигоне дополнительное доказательство того, что высокое начальство не одобряет наше стремление запустить «Восход-3».

15 мая.

В Кремлевском Дворце съездов открылся 15-й съезд комсомола. На съезд прибыли почти четыре тысячи делегатов, представляющие 23 миллиона комсомольцев, а также делегации из 72 стран. Делегатами съезда избраны все летчики-космонавты СССР, кроме Феоктистова. Знамя ЦК ВЛКСМ в зал заседаний вносил Леонов. Гагарин и Терешкова избраны в президиум съезда, в президиуме весь состав Политбюро ЦК КПСС, кроме А. Н. Косыгина, который находится сейчас в Египте. После сформирования рабочих органов съезда выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев. Он поблагодарил комсомол за активную помощь партии в деле строительства коммунизма и успехи в воспитании молодежи и наметил основные задачи ВЛКСМ: бороться за высокое качество продукции, добиваться заинтересованности молодежи в работе в деревне и в развитии сельского хозяйства, лучше учиться, воспитывать из молодежи преданных бойцов за коммунизм, перенимать энергию и энтузиазм борьбы за лучшее будущее от старших поколений, встретить 50-летие Октября и 100-летие со дня рождения Ленина новыми большими успехами.

Тридцать лет назад я был делегатом 10-го съезда ВЛКСМ. За эти годы в стране и комсомоле произошли колоссальные изменения. Почти 95 процентов всех присутствующих на этом съезде родились после 10-

го съезда, в президиуме нет ни одного человека из тех, кто был в президиуме съезда 30 лет тому назад. Недалеко от меня сидели Ворошилов, Микоян и Шверник — при открытии 10-го съезда они были в президиуме. Среди гостей наберется еще один-два десятка людей, принимавших участие в работе 10-го съезда комсомола. Новый дворец, новые люди и новые веяния жизни. Тридцать лет назад мы шли за Лениным и Сталиным. Сейчас много говорят о Ленине, забыли Сталина и не упоминают Хрущева и Брежнева. Брежнев поступает осмотрительно, не развенчивая окончательно Хрущева, но ему не восстановить то хорошее, что было при Сталине, и в первую очередь, крепкую государственную и партийную дисциплину, авторитет власти и партийного руководства. Сталин для нашей Родины и для советского народа сделал очень много, и история восстановит имя Сталина рядом с именем Ленина.

16 мая.

Звонили Строганов и Тюлин. Оба подтвердили, что в Воронеже все еще продолжаются жаркие дебаты о надежности двигателя третьей ступени: военная приемка завода не дает согласия на допуск блока «И» в полет. Тюлин сказал, что дня через два будем принимать решение, но мне уже и сейчас ясно, что полета «Восхода-3» в мае не будет. И вообще полеты «Восходов» поставлены под большое сомнение.

Звонил с полигона Никерясов и доложил, что космонавтов и всю экспедицию можно разместить на второй площадке. Тюлин хотел бы от меня услышать доклад о невозможности удовлетворительного размещения космонавтов на полигоне — это ему нужно как дополнительный довод против полета в мае, но я не дам ему такого довода. Раньше, при всех предыдущих пусках, вся экспедиция размещалась на второй, десятой и семнадцатой площадках, а сейчас нам дают только вторую. Разместить всех на одной площадке будет очень трудно, но ради осуществления полета «Восхода-3» мы пойдем и на эти трудности. Правда, наша готовность к уступкам по размещению личного состава экспедиции уже не может существенно повлиять на принятие решения о полете. Скорее всего, он будет отложен по мотивам недостаточной надежности двигателя третьей ступени и системы регенерации воздуха, хотя обе эти системы сейчас более надежны, чем во всех предыдущих пусках. Главной причиной

того, что полет может не состояться, являетя то, что против него высказались Смирнов и Пашков.

19 мая.

Мусю выписали из госпиталя, и вчера я отвез ее на 10-дневный отдых в санаторий в Болшево. Муся на 4 часа заезжала домой, пообедала с нами, приняла ванну, собралась в дорогу, и в 17 часов я и Оля проводили ее до санатория.

Вчера был по вызову в административном отделе ЦК КПСС у Москалева, Гришенцова и Грачева. Беседовали более двух часов. Поводом для вызова в ЦК явилась процедура оформления меня на должность помощника Главнокомандующего ВВС по космосу. По моей кандидатуре вопросов и разговоров не было, говорили о наших «прорехах» в деле освоения космоса. Я рассказал сотрудникам ЦК о всех недостатках в развитии нашей космонавтики, особо выделив главные из них:

1) в стране нет государственного органа, который бы систематически руководил освоением космоса (ВПК и Смирнов занимаются космосом по совместительству);

2) в Министерстве обороны нет органа и ответственного лица, которые объединяли бы все военные интересы в космосе (ЦУКОС и генерал-лейтенант Карась работают фактически только над заказами техники); министр обороны маршал Малиновский не понимает и недооценивает военного значения космоса, а наших советов не слушает, просьб главкомов не удовлетворяет;

3) в Академии наук, в промышленности, да и в Министерстве обороны недооценивается роль человека в освоении космоса; произведено более 200 пусков космических объектов и лишь 8 из них (4 процента) с экипажем на борту;

4) за шесть последних лет в СССР не построено ни одного принципиально нового корабля, «Восход» — это только модификация «Востока»;

5) создание нового космического корабля «Союз» затянулось на 3–4 года из-за излишней автоматизации процессов стыковки и управления полетом вследствие неверия в возможности космонавтов. По этой же причине плохо у нас обстоит дело и с изготовлением тренажеров, не развивается единственная база строительства тренажеров в ЛИИ.

Рассказал я и о десятках наших устных и письменных обращений к Малиновскому и Смирнову, о письме космонавтов Брежневу и о том, что 99 процентов наших обращений и просьб не принимаются во внимание.

Сегодня получил очередное постановление ВПК за № 101 от 27 апреля 1966 года «Об утверждении плана работ по созданию пилотируемых кораблей 7К-Л1». Постановление очень важное, ряд вопросов мы должны решить в двухнедельный и месячный сроки. Принято оно было 27 апреля, а прибыло в ВВС 16 мая — вот так у нас начинают свой путь многие важнейшие решения. В данном документе, подписанном Л. В. Смирновым, есть ссылка на постановление ЦК КПСС от 3 августа 1964 года за № 655–268 по облету Луны и высадке экспедиции на Луну. Военно-промышленная комиссия постановила следующее:

«1. Одобрить представленный МОМ план работ по изготовлению и отработке пилотируемых кораблей 7К-Л1, предусматривающий:

а) изготовление 14 кораблей 7К-Л1: одного — в 3-м квартале 1966 года, двух — в 4-м квартале 1966 года и остальных — на протяжении 1-3-го кварталов 1967 года;

б) начало наземной отработки кораблей 7К-Л1 — октябрь 1966 года;

в) начало летных испытаний 7К-Л1 — четвертый квартал 1966 года — первый квартал 1967 года.

…4. Поручить МОМ и МАП совместно с МО и другими министерствами и ведомствами в двухнедельный срок разработать, согласовать и представить на утверждение в ВПК план-график разработки, изготовления и поставки комплексного и специализированных тренажеров «7К-Л1» (головной исполнитель ЛИИ МАП) в сроки, обеспечивающие подготовку космонавтов к полетам на кораблях 7К-Л1.

…6. Поручить МО совместно с МОМ, МАП, Министерством радиопромышленности, Министерством связи, Министерством гражданской авиации, Министерством морского флота, КГБ и другими ведомствами в месячный срок подготовить, согласовать и представить на утверждение в ВПК план-график работ по обеспечению обнаружения, спасения и эвакуации экипажей и кораблей 7К-Л1.

Предварительные исходные данные выдает МОМ в двухнедельный срок.

…8. За исполнением решения установить личный контроль.

О ходе работ ежемесячно докладывать в комиссию Президиума Совета Министров СССР по военно-промышленным вопросам».

Звонил Г. А. Тюлин и передал: «Полета «Восхода-3» в мае не будет, работа переносится на середину июля. Дайте все необходимые распоряжения». Для меня уже было ясно, что Смирнов сорвет полет «Восхода-3». Остается только надеяться, что корабли 7К-ОК, 7К-Л1 и 7К-Л3 будут летать лучше и чаще «Востоков» и «Восходов». Работать без такой надежды невозможно.

20 мая.

Сегодня хоронили Н. Ф. Гритчина. Я вместе с ним работал около трех лет в ДОСААФ — это был честный и добросовестный работник.

Вчера поставил в известность генерала С. Ф. Ушакова (Брайко ушел в отпуск, и Ушаков остался за начальника Главного штаба ВВС) о решении ВПК от 27 апреля 1966 года по облету Луны в 1967 году. Я обратил внимание Ушакова на большую ответственность Главного штаба за поиск возвращающихся после облета Луны кораблей. Пока ВВС неспособны обеспечить надежный поиск космических кораблей на суше и в акваториях всей нашей планеты. Даже поиск на территории СССР отработан недостаточно хорошо. Генерал Кутасин за 6 лет почти ничего не сделал для усовершенствования средств поиска. Предстоит большая и очень трудная работа по созданию надежных средств поиска, а времени на эту работу у нас осталось менее года. За год надо наверстать то, чего не сделали за шесть лет. Надо оборудовать пеленгаторами морские корабли и самолеты, разработать систему взаимодействия авиации с морскими средствами поиска, создать телеуправляемые лодки, сбрасываемые с самолетов, и заказать, испытать и освоить много другой, более современной поисковой техники.

23 мая.

В субботу был в ЦПК. В связи с переносом полета «Восхода-3» на июль я решил отпустить Волынова, Шонина, Берегового и Шаталова в отпуск до 1 июля. Дал команду генералу Бабийчуку обеспечить отдых космонавтов с женами и детьми в санатории «Чемитоквадже». Разрешил Кузнецову и всем летавшим космонавтам лечь на

обследование в авиационный госпиталь. Рекомендовал отправить в отпуск в июне как можно больше офицеров из постоянного состава ЦПК.

Только что позвонила Муся и сказала, что врачи решили ее выписать. Она просила приехать за ней к 16 часам. Итак, лечение Муси закончено, все страхи и волнения за ее здоровье уже позади. Но ей нужно будет еще несколько месяцев строго выдерживать режим; дома это сделать довольно трудно, без моей помощи здесь не обойтись, поэтому сегодня я договорился с Главкомом о том, что с 1 июня пойду в отпуск.

25 мая.

Сегодня говорил с Тюлиным и Казаковым. Оба они — должники перед ВВС: решением ВПК от 27 апреля 1966 года МОМ и МАП обязывались в двухнедельный срок подготовить план-график постройки тренажера «7К-Л1», в тот же срок МОМ должно было дать исходные данные для создания средств поиска спускаемых аппаратов кораблей. Я пригрозил обоим, что мы напишем жалобу в ВПК. Тюлин и Казаков обещали до 28 мая ликвидировать задолженность.

Муся уже третий день на даче. Постепенно она набирает силы, температура у нее нормальная, но до полного выздоровления еще далеко.

Купил сегодня три покрышки с камерами для Левиной «Волги». Позавчера, когда мы с Мусей ехали на дачу на его машине, в Домодедове мне пришлось менять колесо. Три покрышки, работающие на этой машине с 1959 года, пришли в очень плачевное состояние. Муся просила меня подарить Леве три новых колеса ко дню его рождения (21 июля). Я выполнил эту просьбу почти на два месяца раньше. За три комплекта пришлось уплатить 250 рублей. Автомобили, запчасти и резина очень дороги. Эксплуатация двух автомобилей обходится нам не менее 2000 рублей в год.

ЦК и МИД настаивают на том, чтобы в июне Беляев поехал в ГДР, Комаров в Японию, а Терешкова и Николаев — в Югославию. Дал согласие на поездку Беляева, по остальным поездкам будем возражать.

28 мая.

Завтра ухожу в отпуск и до 1 июля вести дневник не буду. Я думал отдыхать в августе или сентябре, но перенос полета «Восхода-3» на июль так перегрузил программу работ во втором полугодии, что для

отпусков там уже не будет времени. Июнь неожиданно оказался наименее загруженным месяцем. Отпуск в июне меня вполне устраивает и по семейным обстоятельствам: я проведу весь отпуск на даче и буду помогать Мусе восстанавливать здоровье и присматривать за внуками.

И все же я отрываюсь от дел без особого желания: остается очень много нерешенных вопросов. Строительство центрифуги ЦФ-16, формирование авиационного полка, реорганизация ЦПК, создание тренажеров для облета Луны и высадки на Луну, укрепление службы поиска — все эти вопросы пока обозначены только на бумаге. Их осуществлению мешает еще многое и, в первую очередь, отсутствие четкой линии развития космонавтики. Министр обороны Малиновский, Генеральный штаб, а за ними и Вершинин с Руденко не проявляют энергии в деле освоения космоса в военных целях. После того, как Руденко не избрали в ЦК и в депутаты Верховного Совета, он совсем скис и тормозит даже те мероприятия, с которыми ранее был согласен. По натуре я оптимист: я верю, что новое и разумное обязательно победит. Но ожидаемые победы приходят иногда с большим опозданием.

1 июля.

Более месяца не брал в руки ручку. Кажется, и писать разучился: пальцы огрубели от тяжелой физической работы. Целый месяц провел на даче, помогал Мусе поправляться после операции, учил Олю плавать, а Колю ходить и меньше набивать себе шишек. Отдохнул я очень хорошо и чувствую себя лучше, чем после возвращения с какого-нибудь курорта.

За этот месяц в наших космических делах не произошло ничего нового. Правда, В. П. Мишину дали звание академика и утвердили его в должности Главного конструктора ОКБ-1.

21 июня Гагарин и Леонов приезжали ко мне на дачу. Они просили разрешения организовать встречу космонавтов с Брежневым. Я не возражал против их намерения. Мы уточнили вопросы, по которым желательно говорить с Леонидом Ильичом: вопросы, в основном, те же, что и в письме космонавтов от 22 октября 1965 года. На сегодня наши космические дела выглядят еще хуже, чем 8–9 месяцев назад. Полет «Восхода-3» уже не «просвечивается», а надежды на «Союз» пока не оправдываются. Раньше октября полет

космонавтов не состоится, и есть большая вероятность того, что в 1966 году пилотируемых полетов в СССР вообще не будет.

К большому количеству ошибок в строительстве космических кораблей и создании оборудования для них добавилась еще одна большая глупость. Дело в том, что Тюлин, Бурназян и Мишин добились решения ВПК о подготовке для кораблей 7К-ОК смешанных экипажей. Это значит, что вместе с хорошо подготовленными военными космонавтами (Гагарин, Николаев, Быковский) полетят «инвалиды» (Анохин, Фролов, Макаров, Волков). Все эти кандидаты ОКБ-1 по здоровью совершенно непригодны к полету и еще даже не начали подготовку к нему. Суточный полет Феоктистова и Егорова проявился только галлюцинациями и переживаниями, но трехсуточный полет неподготовленных людей может закончиться более печально. Этого не понимают Смирнов, Бурназян, Мишин и другие. По вопросу о смешанных экипажах я говорил с Вершининым и Руденко. Я просил их не давать согласия на включение в состав экипажей «инвалидов» и настаивал на том, что, в крайнем случае, мы должны отказаться от участия в таких, плохо подготовленных, полетах. Пускай промышленность и Минздрав готовят полностью свои экипажи. Вершинин и Руденко обещали отстаивать необходимость качественной подготовки экипажей.

Последние десять дней июня в СССР гостил президент Франции генерал де Голль. Встречали и провожали его лучше, чем кого бы то ни было раньше. Президент Франции разрушает НАТО, подставляет подножку США и ФРГ, обещает вместе с нами строить новую Европу и укреплять мир. Я далек от того, чтобы восхищаться результатами этого визита, но и недооценивать его значения нельзя. Шарль де Голль поступает мудро, когда отказывается идти в ногу с Джонсоном и ищет новые пути в обеспечении мира.

2 июля.

Говорил с генералами Мишуком, Гореглядом, Бабийчуком, Кузнецовым и маршалом Руденко, встречался с полковниками Фроловым и Аристовым, с летчиком-космонавтом Егоровым. Из всех разговоров ясно одно: сроки очередного полета еще не определены, и нет ясности, кого готовить к полету. Неделю назад Тюлин, Мишин и Цыбин были у Руденко. Для первого пилотируемого полета на двух кораблях 7К-ОК (ориентировочно, в сентябре-октябре этого года) они

предлагают свой экипаж в составе Долгополова, Елисеева и Волкова. Запасный экипаж — Анохин, Макаров и Гречко, кроме того, ОКБ-1 готовит еще двух дублеров — Кубасова и Бугрова, а от ВВС на первый полет они просят только Комарова. Маршал Руденко утверждает, что он отказался обсуждать вопрос об экипажах в таких составах и просил Тюлина прислать нам официальное предложение по составу экипажей космических кораблей. Прошла неделя, а обещанного документа от Тюлина нет.

Стремление ОКБ-1 иметь в экипажах своих людей в принципе нельзя отвергать, но делать это за 2–3 месяца до полета и включать в состав экипажей пожилых людей (Анохину более 50 лет), имеющих серьезные недостатки по здоровью и почти неподготовленных к полету, по меньшей мере, неразумно. Особенно неприятны попытки «протащить» в полет малопригодных людей при наличии в ЦПК космонавтов, имеющих шесть лет специальной подготовки и абсолютное здоровье. Для выхода в космос (переход из корабля в корабль) нужны молодые, здоровые люди с хорошо оттренированным вестибулярным аппаратом, но Тюлин и Мишин не понимают всей сложности предстоящего полета. В ЦПК есть 8 космонавтов (Комаров, Горбатко, Хрунов, Быковский, Воронов, Колодин, Гагарин и Николаев), которые с сентября 1965 года начали подготовку к данному полету, через два месяца любой из них сможет отлично его выполнить. Кандидаты в полет от ОКБ-1 не сумеют за два месяца получить даже удовлетворительную подготовку. Абсурдность решений, которые предлагают представители промышленности, для нас очевидна, но их не так легко отбить, поскольку Тюлина и Мишина поддерживает Смирнов (правительство) и Устинов (ЦК КПСС), а нас не поддерживают Генеральный штаб и маршал Малиновский.

5 июля.

Вчера был в ЦПК. Гагарин отдыхает в Карловых Варах, Беляев — в Риге. Титов продолжает осваивать в Липецке полеты на МиГ-21. Комаров вместе с секретарем ЦК ВЛКСМ Павловым находится в Японии. Терешкова и Попович были в этот день на занятиях в академии. В Центре я виделся только с Николаевым, Леоновым и Быковским. Ознакомился с ходом сборки тренажера «7К-ОК». Макет спускаемого объекта и бытового отсека на месте, но нет еще внутреннего оборудования корабля, очень медленно идет сборка

оптических имитирующих устройств. Нет никаких согласованных решений о дате окончания работ по изготовлению тренажера. Даревский и Казаков, Мишин и Тюлин десятки раз обещали «нажать» и «ускорить», но обещаний своих не выполняют. Придется опять скандалить, надоедать начальству и добиваться окончания работ хотя бы в сентябре.

Сегодня звонил Цыбин и сообщил, что назначенные на 7 июля занятия космонавтов в ОКБ-1 по кораблю 7К-ОК переносятся на следующую неделю — это, по-видимому, попытка затормозить ход подготовки наших космонавтов и подтянуть подготовку кандидатов в космонавты от ОКБ-1. 15 июля МОМ, Минздрав и ВВС обязаны доложить Смирнову согласованные предложения по составу экипажей (решение № 144 от 15 июня 1966 года), но Тюлин пока молчит и не пытается согласовать их с нами. Судя по всему, Мишин взял курс на ускорение подготовки своих людей, и надо ожидать самого худшего: Тюлин и Мишин при поддержке Бурназяна и Келдыша могут выйти с предложением послать в первый полет на двух кораблях 7К-ОК только своих космонавтов.

7 июля.

Получил вчера от председателя Государственной комиссии по пуску пилотируемых кораблей Г. А. Тюлина предложения о подготовке экипажей для полета на 7К-ОК № 3 и № 4:

Члены № ВВС МОМ
экипажей
3 Комаров В. М. Долгополов Г.А.
Командиры Беляев П. И. — дублер Гречко Г. М. — дублер
кораблей:
4 Быковский В. Ф. Елисеев А.С.
Николаев А. Г. — дублер Анохин С. Н. — дублер
3 Макаров О. Г.
Бугров В. Е. — дублер
Испытатели:
4 Кубасов В. Н.
Волков В. Н. — дублер

«Министерство общего машиностроения считает необходимым вести подготовку группы космонавтов для полетов на 7К-ОК в следующем составе:

Окончательное решение будет принимать Государственная комиссия в процессе подготовки полетов».

Эти предложения Тюлина и Мишина все ставят вверх ногами. Промышленникам мало того, что они «зашились» со строительством космических кораблей и на протяжении четырех лет не выполняют свои же планы и десятки решений ЦК КПСС и правительства. Сейчас они хотят вклиниться в процесс подготовки космонавтов, изломать его и приспособить к своим ведомственным интересам.

ВВС уже шесть лет готовят космонавтов, мы подготовили и осуществили восемь пилотируемых космических полетов. Одиннадцать подготовленных нами космонавтов побывали в космосе, за шесть лет никто не высказал в их адрес ни одной претензии.

В сентябре 1965 года мы создали группу по подготовке к полетам на кораблях 7К-ОК. В нее вошли Гагарин, Николаев, Комаров, Быковский, Горбатко, Воронов, Хрунов и Колодин.

Эта группа уже десять месяцев готовится к полету. И вот сейчас, когда до полета остается 2–3 месяца (это очередной срок промышленников, но мне кажется, что они и на этот раз не подготовят корабли к полету в октябре), Тюлин и Мишин предлагают кроме четырех космонавтов ВВС готовить еще восемь человек из МОМ. Они считают возможным за 2–3 месяца из инженеров подготовить командиров экипажей космических кораблей. До сих пор и у нас, и в США командирами кораблей были только летчики, и на их подготовку требовалось минимум 1–2 года.

Все кандидаты МОМ в свое время проходили медицинские обследования в ВВС и были по состоянию здоровья признаны негодными к космическим полетам. Руководство МОМ намеревается провести своими силами конкурс среди кандидатов на полет по знанию космической техники, чтобы в лучшем свете выставить именно своих представителей. Кандидаты МОМ не проходили испытания на центрифуге, не тренировались в невесомости в полетах на Ту-104, не летали на самолетах и не прыгали с парашютом. Короче говоря, МОМ намерено поломать все требования к профессии космонавта, провести ускоренную кустарную подготовку своих кандидатов и протолкнуть их в полет.

9 июля.

Два последних дня я целиком занят подготовкой Вершинина и Руденко к «бою» за интересы Министерства обороны в космосе. Провели много бесед, изготовили уйму справок, перечитали десятки решений правительства. Оба маршала обещают: «Смело мы в бой пойдем!» и собираются убеждать Малиновского, Смирнова и Устинова в правоте позиции ВВС.

В начале 1966 года были надежды, что он будет годом новых больших побед СССР в космосе. На этот год было намечено четыре полета кораблей «Восход» и четыре — 7К-ОК. Сейчас уже ясно, что ни один «Восход» не полетит, а из четырех кораблей 7К-ОК, в лучшем случае, полетят только два. Вместо триумфа 1966 год принесет нам лишь дальнейшее отставание в космосе от США. Причина нашего отставания заключается в плохом руководстве космическими исследованиями со стороны Устинова, Смирнова, Келдыша и Малиновского, а конкретнее — в плохой работе ОКБ-1 и ЦУКОС МО. «Восходы» загубили из-за попытки поставить на них плохо продуманный эксперимент по созданию искусственной тяжести. Специалисты ВВС всегда возражали против этого эксперимента, но руководители ОКБ-1 не слушали наших советов и потеряли на этом более года. Полеты кораблей «Союз» (7К-ОК) можно было бы осуществить еще в 1962–1963 годах, если бы Королев прислушивался к нашим советам и не гнался за полной автоматизацией процесса стыковки, а больше доверяя космонавтам, часть операций по маневру, сближению и стыковке возложил бы на экипаж. Недооценка роли человека в космосе и погоня за излишней автоматизацией систем космических кораблей «съели» у нас, как минимум, три года.

13 июля.

По вопросам отставания от США в проведении военных исследований в космосе и пилотируемых космических полетов я подготовил письма министру обороны и в ЦК КПСС. Письма пока лежат без движения. Маршал Руденко собирается встретиться со Смирновым и попытаться уговорить его поддержать позицию ВВС, но у меня, Вершинина да и Руденко нет больших надежд на Смирнова, поэтому мы принимаем необходимые меры давления на него.

Вчера я был в ОКБ-1, более двух часов беседовал с Цыбиным (Мишин в командировке). Беседа была откровенной и полезной. Я прямо заявил Цыбину, что мы не можем подготовить командиров

кораблей из инженеров за 2–3 месяца (для этого нужно 2–4 года) и будем возражать против допуска к выходу из корабля в космос людей с серьезными дефектами в здоровье, без солидной проверки в условиях невесомости и специальной тренировки вестибулярного аппарата. Одновременно я заверил его, что мы готовим и будем готовить для полетов в космос гражданских лиц из Академии наук, МОМ и других министерств, но эта подготовка не может носить «пожарный» характер и должна отвечать требованиям и законам, которыми ВВС до сих пор руководствовались при подготовке космонавтов. У меня создалось впечатление, что Цыбин понял всю несуразность позиции ОКБ-1 по подготовке экипажей, но он связан решениями Мишина, Тюлина и наследством Королева. Договорились, что Цыбин обсудит все эти вопросы с Мишиным, после чего мы снова встретимся с руководством ОКБ-1 и попытаемся найти общий язык.

Звонил из МОМ И. П. Румянцев. Он сообщил, что есть проект открыть в доме, где жил С. П. Королев, мемориальный музей, и просил моего согласия включить Гагарина в состав совета музея. Я дал такое согласие.

14 июля.

Провел совещание по центрифуге ЦФ-7. Экспериментальный завод ВВС строит для ЦПК первую отечественную центрифугу радиусом 7 метров. Строительство центрифуги заканчивается, и она может быть смонтирована в 1967 году, но есть задержка с проектированием здания, нет ясности, кто будет выполнять монтажные работы, и не оформлено финансирование части работ. По всем этим вопросам принял решения и обязал конкретных исполнителей до 30 июля представить согласованные предложения. Для ЦПК мы планируем в одном здании установить две центрифуги: ЦФ-7 и ЦФ-16. Первую мы строим сами, а вторую решением ЦК КПСС и правительства обязано построить МАП со сдачей ее в эксплуатацию в 1967 году. ЦФ-16 пока не строится, и все наши попытки заставить Дементьева возобновить работы по ней пока безрезультатны.

Был у меня Павел Попович. На днях он уезжает в отпуск, Марина с Наташей уже в Крыму. По-видимому, Попович решил попробовать сохранить семью и не разводиться с Мариной. Трудно сказать, прав ли он. Космонавты бранят его за слабость характера.

Заходил Леонов, он успешно ликвидирует «хвосты» в академии и собирается в отпуск в Венгрию. Я пожурил его за шесть килограммов лишнего веса, он обещал следить за собой и больше заниматься спортом.

15 июля.

Мне позвонил Семичастный и сообщил, что он говорил с Брежневым по поводу просьбы космонавтов о встрече. Брежнев обещал принять Гагарина, Леонова и Каманина 28–29 июля. Гагарин должен вернуться из Чехословакии 25 июля, а Леонов улетит в Венгрию 20 июля, но для встречи с Л. И. Брежневым вернется 27 июля. Откровенно говоря, я не жду больших результатов от этой встречи: слишком сильны наши противники — Устинов, Смирнов и Малиновский, но мы расскажем Леониду Ильичу о всех наших недостатках и промахах в освоении космоса, которые дали возможность США вырваться вперед.

Был у меня полковник М. Ф. Гаврилов. Он прослужил в армии более 30 лет, 6 последних из них работал в моем аппарате. Подготовка у него слабенькая, но работник он добросовестный и очень исполнительный. Последние годы у него были большие неприятности с женой, ему пришлось оформить развод и переехать от семьи в отдельную комнату. Уже более года Гаврилов аттестован на увольнение из армии, но генерал Горегляд неоднократно ходатайствовал передо мной об отсрочке его демобилизации. Сегодня мы окончательно договорились с Гавриловым о сроках увольнения. Я разрешил ему отпуск до 5 сентября, а по возвращении из отпуска он будет оформлять свой уход на пенсию. Вместо Гаврилова уже приступил к работе инженер-полковник Ващенко, который более шести лет работал в ЦПК ВВС, отлично знает космонавтов, технику и методику подготовки людей к космическим полетам.

19 июля.

Вчера дважды звонил К. А. Керимов, а во второй половине дня он прислал проект письма Л. В. Смирнову. В письме за подписью Тюлина, Руденко и Бурназяна предлагается готовить к полету на 7К-ОК 12 человек: от ЦПК — четырех командиров кораблей, от ОКБ-1 — четырех командиров кораблей и четырех испытателей. В конце письма есть приписка, что окончательное решение о кандидатах на полет принимает Госкомиссия. Если иметь в виду, что руководители ОКБ-1

намереваются устроить для всех кандидатов на полет экзамен по космической технике (на котором своим поставят пятерки, а нашим тройки) и что Госкомиссия у них в руках (Тюлин, Мишин, Келдыш, Правецкий), то из письма следует, что полетят только кандидаты из ОКБ-1. Маршал Руденко категорически отказался подписывать такое письмо, как противоречащее решению Совета Министров от 3 августа 1960 года. Я написал письмо маршалу Малиновскому, Главком его с удовольствием подписал, затем он позвонил генерал-полковнику Повалию (начальник Главного оперативного управления Генштаба) и попросил его побеседовать со мной по существу вопроса. В письме мы просим министра: 1) поддержать позицию ВВС — посылать в космос только здоровых людей, закончивших программу подготовки в ЦПК;2) возбудить ходатайство перед правительством о подтверждении решения Совета Министров от 3 августа 1960 года, в котором говорится о том, что космонавтов в СССР для всех министерств и ведомств готовит только ЦПК ВВС.

21 июля.

Маршал Малиновский согласился с нашими предложениями и на письме Вершинина написал: «Захарову, Вершинину. Подготовить записку и проект решения в ЦК КПСС». Вчера мы подготовили оба документа, сегодня их одобрили Руденко и Вершинин. Я послал Аристова в Генштаб согласовать наши предложения с Главным оперативным управлением.

Вчера я, Кузнецов, Николаев и Фролов были в ОКБ-1. Более двух часов беседовали с Мишиным, разобрали много взаимных претензий. Мишин обижался, что военные космонавты ведут себя, по его мнению, заносчиво, недостаточно глубоко изучают корабль «Союз», а ВВС не разрешают кандидатам в космонавты от ОКБ-1 летать на невесомость на Ту-104. Мы очень легко отбили эти претензии и предъявили Мишину дюжину наших: задержки строительства «Восходов» и «Союзов», несвоевременная поставка оборудования для тренажеров, запреты Северину выдавать ЦПК скафандры, «нелегальная» подготовка космонавтов и другие.

Мишин настоятельно просил, чтобы ВВС приняли в ЦПК для подготовки к полету на «Союзе» 8 кандидатов от ОКБ-1. Он считает, что окончательная их подготовка должна проводиться в ЦПК и что в полет будут посланы именно его кандидаты. Мишин очень яро

защищал кандидатуру Анохина, он неоднократно говорил: «Инженеры справятся со стыковкой лучше летчиков». Расстались мы очень вежливо, обе стороны несколько раз высказали пожелания развивать контакты и укреплять взаимодействие, но по основному вопросу — о составе и подготовке экипажей для 7К-ОК — полной ясности и договоренности не достигли. Мишин обещал в ближайшие 2–3 дня выслать нам все документы на кандидатов в космонавты от ОКБ-1, а я дал согласие изучить кандидатов и определить, сможем ли мы за 2 месяца подготовить их к полету.

Вчера же в МАП у Казакова мы разбирались с ходом работ по строительству тренажера «Союз». Песчанский и Даревский как главные конструкторы и создатели тренажера выглядят плохо. Приняли решение закончить строительство тренажера до 30 августа и обязали Даревского составить график поставок, работ и приемки, исходя из этого срока. Даревский должен будет лично ежедневно руководить всеми работами и через каждые три дня докладывать об итогах их выполнения. Я обязал Кузнецова, Яковлева и Филекина лично больше заниматься «Союзом» и немедленно докладывать о любой задержке или неисполнении графика работ.

Комаров возвратился вчера из Японии. Японская и французская печать сообщила, что космонавт Комаров при встрече с японскими студентами заявил: «СССР в скором времени пошлет на Луну автоматический корабль и возвратит его на Землю, потом на таком корабле слетает на Луну собака, а затем уже полетит человек». Я спросил Комарова, говорил ли он что-либо подобное. Комаров признался, что говорил. По этому инциденту мне звонили из ЦК и Совета Министров: по-видимому, Комаров увлекся и наговорил много лишнего.

23 июля.

Вчера был в ЦПК. Мы договорились с Мишиным встретиться в Центре, но он не смог приехать — на него «навалилось» высокое начальство: Устинов, Смирнов и Афанасьев более пяти часов выясняли в цехах причины нашего отставания, но… они не там искали. Главная причина нашего позора в плохом, поверхностном руководстве космическими исследованиями со стороны Устинова, Смирнова, Келдыша и Малиновского. Увлечение автоматами, недоверие космонавтам, отсутствие твердых планов, плохая исполнительность,

низкая требовательность и ошибки ОКБ-1 в конструкции кораблей — вот чем объясняется отставание СССР от США в освоении космоса.

Беседовал с Волыновым, Шониным, Береговым и Шаталовым. Приказал им немедленно возобновить подготовку к полету на «Восходе-3». Полковнику Масленникову дал указание спланировать подготовку экипажей для «Восхода-3» так, чтобы к 15 сентября выполнить всю программу тренировок. Беседовал с космонавтами, готовящимися для полета на 7К-ОК, обратил внимание Николаева, Комарова, Быковского и других на случаи нарушения режима и необходимость усилить занятия по изучению материальной части корабля.

Американский корабль «Джемини-10», пилотируемый астронавтами Джоном Янгом и Майклом Коллинзом, завершил вчера трехдневный полет посадкой в Атлантическом океане; приводнение состоялось в 900-х километрах восточнее мыса Кеннеди. Через 30 минут после приводнения астронавты были уже на борту авианосца. Это был замечательный полет. Астронавты дважды выполнили стыковку с ракетами «Аджена-10» и «Аджена-8», причем последняя ждала встречи с «Джемини-10» на орбите несколько месяцев. После стыковки астронавты включали двигатели и осуществляли маневры. В одном случае двигатель работал 16 секунд и поднял корабль до рекордной высоты — порядка 760 километров над Землей. Коллинз на 50 минут выходил из корабля и удалялся от него на 15 метров на всю длину фала, пользуясь индивидуальным реактивным устройством для перемещения в пространстве.

Полет «Джемини-10» лишний раз подтвердил всю серьезность нашего отставания от США. Казалось бы, пора это понять даже таким «дубам», как Устинов и Малиновский, но они упорно не хотят признавать причины невыполнения нашей космической программы. Да это и понятно — они не хотят заниматься разоблачением своих промахов, ошибок и пассивности.

25 июля.

Звонил Г. А. Тюлин, его тоже беспокоит затяжка с определением экипажей для «Союзов». Он сказал, что посоветовался с Устиновым и дал указание Мишину: «Командирами кораблей будут уже летавшие космонавты, а членами экипажей — кандидаты от ОКБ-1». Мишин еще пытается отстаивать свое намерение послать в космос на первых

«Союзах» только своих людей, но Тюлин заверил меня, что его решение твердое и в ближайшие дни ОКБ-1 пришлет в ЦПК четырех кандидатов для подготовки их в качестве членов экипажей кораблей 7К-ОК. Это неплохой сигнал — можно сказать, что на 50 процентов мы уже одержали победу. Я советовался с Вершининым о нашей позиции в дальнейшем. Решили ускорить прохождение письма в ЦК КПСС от Малиновского; кандидатов от ОКБ-1 в ЦПК пока не принимать, а если получим приказ обязательно готовить и их, то организуем подготовку так, чтобы готовились в качестве членов экипажей и космонавты ВВС (Хрунов, Горбатко, Воронов и Колодин).

Главный конструктор Г. И. Северин позвонил мне и выразил недовольство тем, что ОКБ-1 сделало на «Союзе» люк диаметром только 660 миллиметров: через такой люк космонавт с ранцем на спине выходит из корабля с большим трудом, а вход в корабль почти невозможен. Северин настаивает на увеличении люка до 700 миллиметров, а ОКБ-1 против увеличения люка и за перенос ранца со спины на ноги. Северин просил поддержать его позицию. В основном он прав: люк надо делать шире. Но сейчас, во избежание задержки полета, можно согласиться и с креплением ранца на ногах. Одновременно надо потребовать от ОКБ-1 увеличения люка на последующих кораблях.

Звонил Ф. Н. Петров. Завтра в Институте марксизма-ленинизма будут отмечать его 90-летие, он пригласил на юбилей Вершинина, меня и космонавтов. Придется послать одного космонавта поприветствовать самого старого (член партии с 1896 года) коммуниста планеты.

27 июля.

Был вчера в ЦПК, беседовал со слушателями-космонавтами. Рассказал им о сложившейся обстановке, указал на значительное усложнение техники и необходимость более углубленной подготовки к полетам. В летной, физической и теоретической подготовке слушателей-космонавтов обнаружены некоторые недостатки, плохо еще с изучением английского языка. На месте принял ряд решений по улучшению качества занятий; численность групп по физподготовке и изучению английского языка сократил в два раза (4–6 человек вместо 12–15). За семь месяцев пребывания в ЦПК ни один из 21 слушателя не замечен в выпивках, курении и каких-либо других серьезных

нарушениях. Но кое-какие отклонения от норм имели место: Шарафутдинов получил двойку по астрономии, Щеглов самовольно ушел на пляж, а Скворцов, взлетая на МиГ-21, слишком рано убрал шасси (в конце разбега) и был на волосок от тяжелого летного происшествия. Всех предупредил, что при повторении подобных нарушений виновные будут отчисляться из Центра.

К 15 часам я, Комаров, Хрунов, Горбатко и Ващенко поехали в ЛИИ. У Н. С. Строева собрались кроме офицеров ВВС Мишин, Цыбин, Северин, Алексеев, Анохин, летчики-испытатели и испытатели космической техники. Мы просмотрели кинокадры о ходе экспериментов на самолете Ту-104 по надеванию испытателями скафандров в условиях невесомости и переходу из корабля в корабль. Люк корабля имеет диаметр 660 миллиметров, а поперечное сечение космонавта в наддутом скафандре и с ранцем на спине составляет 650 миллиметров. Четыре испытателя десятки раз пытались выходить и входить в корабль. 50 процентов попыток оказались неудачными. Было много случаев, когда прямоугольная коробка ранца не проходила через круглое отверстие люка. Испытателям приходилось проделывать акробатические трюки, чтобы протолкнуться в люк, причем особенно труден вход в корабль. Все единодушно признали, что необходимо расширить люк или изменить форму и уменьшить размеры ранца. Мишин заявил, что для кораблей № 3 и № 4 увеличить люк уже невозможно, корабли почти готовы, и переделка люка задержит полет на 6–8 месяцев, но он согласен внимательно изучить возможности увеличения люка на последующих кораблях. Северин сказал, что он не может изменить форму ранца и уменьшить его размеры. Договорились, что сегодня в ОКБ-1 будут продолжены попытки найти согласованное решение. Одновременно решили продолжать испытания и подключить к испытателям космонавтов Хрунова и Горбатко. Предложение об участии в испытаниях космонавтов внес Северин, и в этот момент Мишин допустил большую бестактность. В присутствии Хрунова, Горбатко и всех собравшихся он выкрикнул: «А зачем Хрунова и Горбатко включать в испытания? Ведь они не полетят в космос…» Создалась очень неприятная ситуация, все с недоумением смотрели на меня. Пришлось сказать Мишину, что вопрос о том, кто полетит, будет решаться не здесь, и вряд ли уместно сейчас говорить об этом. Мишин понял свой промах и сказал, что он не возражает

против участия в испытаниях Хрунова и Горбатко, но одновременно настаивает на включении в группу испытателей от ОКБ-1 Анохина и Елисеева. Такое предложение возмутило даже невозмутимого Строева (начальник ЛИИ), он сказал: «Я очень уважаю Анохина, но нужно ли включать его в группу испытателей? Над этим нужно серьезно подумать». А Северин и Алексеев добавили: «На Анохина скафандра нет и раньше, чем через 2–3 месяца, не будет». Вся эта сцена — лишняя иллюстрация нашей плохой работы, подтверждение того, что ВПК (Смирнов) плохо руководит промышленностью и пытается вмешиваться в подготовку космонавтов. В сложившейся обстановке было бы целесообразно заставить ОКБ-1 на кораблях № 5, № 6 и последующих расширить люк до 720 миллиметров, а для того, чтобы не срывать сроки полета кораблей № 3 и № 4, люки в них не переделывать, а Главного конструктора Северина обязать перенести ранец со спины на пояс. Северин утверждает, что для такого изменения подвески ранца ему потребуется три месяца. Думаю, что здесь он перебрал, — с этой работой можно справиться и за месяц. Подвеска ранца на поясе значительно облегчает выход и вход через люк, но космонавт с ранцем на поясе выглядит не совсем обычно: нарушается уже сложившееся представление об экипировке космонавтов.

Много звонят из редакций газет, журналов, радио и телевидения. Все ищут материал на космические темы, просят разрешения писать о годовщинах полетов Титова, Николаева и Поповича, но я всем отказываю. Сейчас, когда американцы так часто летают в космос, а мы сидим и ждем кораблей, стыдно писать о наших былых успехах.

Звонил Гагарин, он вчера вернулся из Чехословакии, где отдыхал с Валей в Карловых Варах. Я поставил перед ним главную задачу: до 1 октября 1966 года полностью закончить подготовку экипажей для кораблей 7К-ОК. Сейчас вся группа (Гагарин, Комаров, Николаев, Быковский, Хрунов, Горбатко, Воронов и Колодин) в сборе.

За два месяца мы можем отлично подготовить космонавтов, учитывая, что некоторые из них уже 6 лет в ЦПК и 10 месяцев готовятся к данному полету, но нам очень мешают попытки ОКБ-1 навязать нам своих кандидатов на полет. Командирами кораблей будут наши космонавты — этого мы уже добились. Но кто полетит в качестве членов экипажей — еще трудно сказать, хотя я убежден, что лучше Хрунова и Горбатко кандидатов нет.

28 июля.

Договорился по телефону о встрече с П. В. Дементьевым (министр авиационной промышленности). У Дементьева, который более двух лет «бунтует», не выполняя решение ЦК и правительства о постройке для ВВС центрифуги ЦФ-16, находится письмо начальника Генштаба, Келдыша, Петровского и Афанасьева с просьбой продолжить работы по созданию ЦФ-16. На эту тему с ним много раз говорили маршалы Вершинин и Руденко, но результатов не добились. Надо попытаться доказать Дементьеву, что своим упрямством он наносит вред делу освоения космоса.

Говорил и с министром гражданской авиации Е. Ф. Логиновым. Он отказался передать нам два Ту-104 для оборудования самолетов-лабораторий для полетов на невесомость. У нас есть только два таких самолета (в ЦПК и ЛИИ), а для подготовки космонавтов и испытаний оборудования кораблей Л-1 и Л-3 нам нужны еще два самолета. Из всех имеющихся в СССР типов самолетов Ту-104 наиболее подходящий для этой цели, но в ВВС этих самолетов нет, и приходится их выпрашивать у ГВФ. Логинов не понимает всей важности и срочности оборудования двух Ту-104 для полетов на невесомость. Надо попытаться и этого министра убедить в обоснованности наших настойчивых просьб.

Маршал Вершинин вчера был на заседании ВПК, где рассматривались вопросы подготовки ракет и кораблей для облета Луны. Из рассказа Вершинина о том, как проходило это заседание, я понял только одно: у всех разработчиков систем (Челомей, Мишин, Воронин, Северин и другие) очень много задержек никто не укладывается в сроки, записанные в решениях ВПК. Смирнов настоял на том, чтобы к 15 апреля 1967 года все было готово к облету Луны беспилотными кораблями с возвращением и посадкой на Землю. Думаю, что этот срок никто не выдержит; дай Бог, чтобы до конца 1967 года мы смогли выполнить хотя бы один беспилотный облет Луны. Пилотируемый облет Луны в 1967 году практически нереален. Правда, нам иногда удаются самые невероятные эксперименты, а часто мы терпим провалы там, где, казалось бы, есть все основания для успеха. Я уже десятки раз убеждался в плохой работе ВПК и лично Смирнова по координации и руководству работами ОКБ, институтов и предприятий, создающих космические корабли.

Сегодня Вершинин подписал письмо в ЦК КПСС. Генштаб значительно переработал наш проект письма, смягчил формулировки претензий к промышленности, убрал факты, характеризующие провалы и задержки в создании кораблей и подготовке полетов. Но главное в письме осталось: обоснование необходимости усилить военные исследования в космосе, ускорить строительство космических кораблей и запретить кустарщину и упрощения в подготовке космонавтов. Кроме Малиновского, Захарова и Вершинина, письмо подписал Н. И. Крылов. В данном случае у ВВС не было оснований возражать против подписи письма Крыловым, но мы хорошо знаем, что он один из тех, кто виновен в наших неудачах в космосе.

29 июля.

Звонил Гагарин. Вчера он с группой космонавтов был в ОКБ-1 на занятиях по изучению корабля «Союз». Гагарин считает, что отношение организаторов занятий от ОКБ-1 к космонавтам заметно изменилось к худшему. Особенно нагло вел себя Лобанов (заместитель С. Н. Анохина), высказавший пожелание, чтобы на следующих занятиях от ЦПК были только командиры кораблей, которые, по его мнению, должны заниматься вместе с кандидатами на полет из ОКБ-1. По-видимому, Мишин дал своим подчиненным какие-то новые распоряжения в духе высказываний о подготовке «смешанных» экипажей. Я коротко объяснил Юре все перипетии нашей борьбы против попыток Мишина и Тюлина навязать нам новые «методы» и сроки подготовки космонавтов и заверил его, что командование ВВС, Генштаб и даже министр обороны будут отстаивать существующий порядок подготовки космонавтов.

Вчера Хрунов несколько раз осуществил на самолете Ту-104 выход в скафандре из космического корабля и возвращение в корабль. Все испытатели были поражены ловкостью и силой космонавта: при размещении ранца на спине четыре испытателя около ста раз пытались осуществить выход и вход в корабль, и более 50 процентов их попыток оказались безуспешными, а Хрунов за один полет три раза вышел и трижды с первой попытки вошел в корабль. Не сомневаясь в способностях и подготовленности наших космонавтов, мы все же считаем, что десять миллиметров зазора в люке корабля маловато даже для Хрунова.

1 августа.

В субботу в ЦПК беседовал с Береговым. Космонавты обижаются на Берегового за его встречи с начальством (Мишин, Руденко и другие) и попытки ускорить свое продвижение как кандидата на очередной полет. Положение Берегового особое — он лучший летчик из космонавтов, но ему уже 46 лет. Кроме того, его рост превышает лимиты, установленные для роста командиров кораблей «Союз», а «Восходы» законсервированы и могут вообще больше не полететь. Короче говоря, у Берегового есть все основания для беспокойства. Я объяснил Береговому, что мы договорились с Мишиным и Севериным о допуске его к полету на пятом или шестом корабле «Союз» и оформили для него заказ на кресло и другое индивидуальное оборудование. Рассказал я ему и о наших усилиях «воскресить» четыре корабля «Восход». Береговой меня понял и обещал искать пути для более тесных контактов с космонавтами.

Проверил ход подготовки к полету Волынова и Шонина. За полмесяца они восстановили свои навыки; через месяц они будут полностью готовы к полету. Играл в теннис один против Волынова и Шонина и выиграл у них со счетом 6:1. Потом играл один на один с Волыновым и обыграл его с сухим счетом 6:0. Волынов в этом году стал играть заметно лучше, но для тенниса он, пожалуй, тяжеловат.

Сегодня звонил Мишин, он просил прислать к нему космонавта Хрунова. Хрунов намного успешнее испытателей выходит и входит в корабль. Мишин, по-видимому, хочет лично удостовериться в успехах Хрунова.

В субботу П. В. Цыбин привез в Главный штаб ВВС программу подготовки испытателей от ОКБ-1. Тюлин, Бурназян и Келдыш, утвердившие программу добиваются, чтобы в первых полетах на «Союзах» кроме космонавтов от ВВС участвовали два испытателя от ОКБ-1. Месяц назад мы могли бы серьезно рассмотреть такое предложение, а сейчас, когда четыре маршала (Малиновский, Захаров, Крылов и Вершинин) написали в ЦК КПСС письмо о запрещении кустарщины в отборе и подготовке космонавтов, мы можем делать только вид, что не возражаем против подготовки кандидатов на полет от ОКБ-1. Правда, Мишин сам «помогает» нам в затягивании этого дела: две недели назад он обещал выслать все документы на своих испытателей, но пока документы к нам не прибыли.

2 августа.

Только что позвонил М. И. Мишин (адъютант министра обороны). Он сообщил, что Малиновский после двух дней раздумий все же подписал письмо в ЦК КПСС. В письме ясно выражена тревога за наше отставание в космосе и сформулированы предложения о мероприятиях по ликвидации отставания. Если бы Малиновский поддерживал предложения ВВС 3–4 года назад, не было бы того, что мы имеем теперь: мы отстали от США минимум на 1–2 года. Поможет ли нам ЦК? Надеяться на полную поддержку наших предложений в ЦК, где космосом занимаются Устинов и Сербин, нет оснований. Они поддерживают Л. В. Смирнова и промышленников и, неся ответственность за провалы в промышленности, попытаются смягчить и отвести удары от своих подопечных. Но все же им трудно будет просто отмахнуться от такого письма: они будут вынуждены что-то предпринять. Нас устроили бы мероприятия по ускорению постройки космических кораблей и отказ промышленников от вмешательства в систему подготовки космонавтов.

5 августа.

В ЛИИ МАП провели вчера очень важное совещание, на котором присутствовали: Строев, Казаков, Литвинов, Мишин, Цыбин, Бушуев, Северин, Алексеев, Комаров и другие. Решали вопрос о размещении ранца не на спине, а на поясе космонавта. Просмотрели кинокадры о дополнительных испытаниях и убедились, что выход и вход в корабль при размещении ранца на спине затруднен, а при размещении его на поясе условия выхода и входа улучшаются. Лучшим решением было бы расширение люка корабля и размещение ранца на спине, но Мишин и Литвинов категорически возражали против расширения люка на первых экземплярах «Союза». Пришлось Северину под нажимом министров и Мишина дать согласие на переделку ранца и размещение его на поясе. Эти работы могут быть закончены не раньше конца октября. Северин, Строев, Казаков, Алексеев и я настаивали на увеличении люка на «Союзах», начиная с корабля № 8, и на всех кораблях Л-1. Мишин согласился рассмотреть этот вопрос.

Главный конструктор Алексеев высказал просьбу немедленно решить вопрос о кандидатах на предстоящие полеты. Завод № 918 не может одновременно обеспечить скафандрами, ложементами и другим индивидуальным снаряжением 16 кандидатов (8 — от ВВС и 8 — от ОКБ-1). Решили, что командирами первых двух кораблей будут

Комаров и Быковский, а их дублерами — Николаев и Гагарин. Вопрос о членах экипажа пока остался открытым. Я заявил, что Малиновский не согласился с предложениями ОКБ-1 и обратился по этому поводу в ЦК КПСС. Решили пока готовить скафандры на предполагаемых членов экипажа: Хрунова и Горбатко — от ВВС, Анохина и Елисеева — от ОКБ-1. Решение по кандидатам от ОКБ-1 было принято только под нажимом Мишина и Литвинова (я, Северин, Алексеев, Строев и Казаков высказались против).

На этом совещании у меня было несколько схваток с Мишиным. Мишин настаивал на том, что заказывать скафандры должно только ОКБ-1. Все шесть лет скафандры изготовлялись фактически только на тех космонавтов, которых представляли ВВС, хотя прежде, чем давать заказ на скафандры, я всегда согласовывал кандидатов на полет с С. П. Королевым и председателем Государственной комиссии. Мишин считает, что ВВС не имеют права заказывать скафандры. Пришлось несколько раз выступать против легкомысленных заявлений Мишина.

3 августа Мишин прислал мне письмо, в котором просил подключить восемь кандидатов от ОКБ-1 на занятия вместе с космонавтами ВВС при испытаниих в Феодосии корабля 7К-ОК на плаву, а на другой день он заявил, что запретил проведение занятий в Феодосии. Я ответил Мишину, что «запретил» — это не метод решения сложных задач, запретить многое можем и мы, а ему все же не следует забывать, что испытания проводятся на базе ВВС. Мишин не нашелся, что ответить, и пробормотал: «Мы же вам платим…»

Я уже десятки раз встречался с академиком В. П. Мишиным при исполнении им роли Главного конструктора. Я знал, что Мишин никогда не сравняется с Королевым, но надеялся, что он и не наделает больших глупостей. К сожалению, уже целая серия глупостей налицо: он восстановил против себя всех космонавтов и руководство Министерства обороны; легкомысленные, скороспелые решения и высказывания Мишина вредят делу и ничего не прибавляют к его авторитету.

Был у меня Гагарин. Наша очередная попытка встречи с Брежневым опять провалилась: Брежнев улетел на юг. Мало надежд и на то, что в отсутствие Брежнева письмо четырех маршалов получит надлежащий ход. Скорее всего, письмо попадет к Устинову, который направит его Смирнову, а тот начнет подавлять «бунт военных». От

меня Гагарин поехал в правление общества «СССР-Куба». Ему как президенту этого общества нужно много поработать, чтобы ликвидировать завалы в делах. Гагарин просил меня разрешить ему начать тренировочные полеты на самолетах и парашютные прыжки. Полеты я ему разрешил, а по поводу прыжков мы договорились, что парашютные тренировки он пройдет за 2–3 месяца до его полета в космос. Мы за повторный полет Гагарина, но не на первых кораблях серии «Союз». В 1967 году Гагарин, возможно, снова слетает в космос.

Более двух часов беседовали с Руденко по космическим делам (Руденко остался за Главкома, Вершинин сегодня улетел в Судак). Мы констатировали, что пока нет намеков на улучшение дел в подготовке очередных пилотируемых полетов и нет уверенности, что нам удастся исправить грубые ошибки промышленников.

Позвонила Терешкова и сказала, что у нее в семье все хорошо. Она хочет встретиться со мной и кое о чем посоветоваться. Договорились, что завтра или я приеду в Центр, или она — в Москву.

Звонил Мишин, а потом Цыбин — оба пытаются сгладить наши вчерашние расхождения и навязать нам подготовку Анохина, Елисеева, Волкова и Кубасова. Я дал согласие рассмотреть этих кандидатов, как только получим на них личные дела. Вчера Мишин уверял меня, что личные дела уже в ВВС, но и сегодня их у нас еще нет. ОКБ-1 только на пересылке личных дел потеряло целых три недели. И так у них тянется любое дело. Мишин обещал передать нам макет корабля для самолета Ту-104 сначала 20 июля, потом 7 августа; сроки десятки раз переносятся — это затягивает создание тренажеров, удлиняет время подготовки космонавтов и плохо отражается на качестве работ.

8 августа.

Вчера к нам на дачу приезжали Валя Терешкова, Андриян Николаев, Аленушка и Валентин Черединцев. Аленушка в сравнении с нашим Колей кажется очень слабенькой девочкой, хотя она на десять месяцев старше. Наш бутуз за последние месяцы очень хорошо поправился и выглядит богатырем. Сама Валя бледна, худа, нервно напряжена. Андриян чувствует себя хорошо, но ему не хочется быть дублером у Быковского, он высказал желание полететь на одном из первых кораблей 7К-ОК. Андриян готовится к полету, и до полета мы не можем дать ему отпуск, а Валя уже в отпуске и первые две недели отдыхала дома, но ее замучили родственники с обеих сторон, да и

заботы об Аленке требуют много времени. Врачи настоятельно рекомендуют ей поехать на юг отдохнуть и попринимать специальные ванны. Валя намеревается взять с собой и Аленку говорит, что врачи не возражают против ее поездки вместе с дочкой, — но мне такая поездка кажется опасной для слабенькой Аленки. Все наши остались довольны Валей, а Муся, как всегда, проявила к ней почти материнскую привязанность.

Лева, я, Андриян и Черединцев сыграли несколько партий в бильярд. Игру в бадминтон сорвал сильный грозовой дождь…

Как я и предвидел, письмо четырех маршалов попало к Устинову, который 4 августа наложил на нем резолюцию, адресованную Смирнову, Афанасьеву, Малиновскому: «Представить согласованное решение». 5 августа Малиновский, прочитав резолюцию Устинова, написал: «Начальнику Генштаба и главкомам отстаивать позицию МО». Резолюция Малиновского логична, основываясь на ней, можно пытаться поправить наши космические дела, но маршал Руденко допустил сегодня еще одну большую ошибку. К нему приезжал Тюлин и уговорил его подписать письмо Смирнову, утверждающее, что «для полета на 7К-ОК в ЦПК готовятся восемь космонавтов ВВС и в ОКБ-1 отобрано восемь кандидатов, которые направляются для обучения в ЦПК». Маршал Руденко не выполнил нашей договоренности отбивать все атаки ОКБ-1 и нарушил приказ министра: «Отстаивать позицию МО». Дав согласие Тюлину на направление 8 кандидатов от ОКБ-1 на обучение в ЦПК, Руденко нанес нам «удар ножом в спину». Придется проявить максимум изобретательности и упорства, чтобы доказать, что в космос надо посылать подготовленных космонавтов, а не «инвалидов», наспех отобранных из числа сотрудников ОКБ-1. Руденко имел все основания просто отказаться от направления кандидатов от ОКБ-1 в ЦПК, но он избрал более трудный и опасный для нас путь. Дело в том, что все кандидаты от ОКБ-1 отлично знают космическую технику (такие специалисты с опытом полетов в космос действительно нужны промышленности) и предложения Мишина поддерживают Афанасьев, Келдыш, Петровский, Смирнов, Устинов. И все же Мишин, Тюлин, Келдыш и другие товарищи ошибаются в сроках и методах отбора и подготовки космонавтов. Буду продолжать борьбу и доказывать обоснованность наших методов и сроков подготовки людей для космических полетов.

10 августа.

Накануне из Совета Министров приезжал Щегольков Борис Васильевич. Он привозил на подпись Главкому письмо в ЦК КПСС о сроках пусков шести кораблей «Союз». Несколько лет подряд планы готовности кораблей систематически срываются. Решением ВПК в начале этого года были установлены сроки пусков «Союзов»: двух технологических кораблей — в августе, двух кораблей с экипажами на борту — в сентябре-октябре и еще двух пилотируемых кораблей — в ноябре 1966 года. Сейчас уже ясно, что пуски в эти сроки не состоятся. Смирнов, прикрывая огрехи ОКБ-1 и промышленности, просит ЦК КПСС утвердить новые сроки пусков: кораблей № 1 и № 2 (без экипажей) — в сентябре-октябре, кораблей № № 3, 4, 5, 6 (с экипажами) — в четвертом квартале 1966 года или в первом квартале 1967 года. Этим проектом создается законная лазейка для того, чтобы не летать на «Союзах» в 1966 году, а это означает, что пилотируемый полет в этом году у нас вообще не состоится.

Вчера звонил Г. А. Тюлин, он сказал, что собирается ехать к Мишину. «Буду воспитывать Мишина и во второй половине дня повезу его в Центр подготовки космонавтов», — добавил Тюлин. Пришлось и мне поехать в Центр. Тюлин, Мишин, Правецкий и полковник Кириллов («бог огня» на космодроме) приехали в Центр раньше меня. Вместе мы осмотрели только корпус «Д», бассейн и профилакторий, другие сооружения они осмотрели до меня. Гостей принимали Гагарин, Николаев, Комаров и другие товарищи. После обеда мы всей компанией объехали на автобусе жилой городок. Гагарин познакомил гостей с объектами строительства: уже выстроены 11-этажный дом для космонавтов, два дома для семей офицеров, школа, магазин, детский сад и ясли; строятся второй 11-этажный и 9-этажный корпуса, стадион; ведутся работы по благоустройству городка. Потом мы все поднялись на 11-й этаж дома космонавтов и полюбовались видами с балкона квартиры космонавта Демина. На седьмом этаже нас встретила и затащила к себе Валя Терешкова — пришлось выпить по рюмке коньяка за здоровье хозяйки. Побывали мы и в квартире Гагарина, здесь обошлось без коньяка: гости запросили «SOS». Дом и квартиры космонавтов всем понравились. Лучше других обставлена квартира Терешковой. Во время этой встречи Тюлин намеками и короткими репликами дал мне понять, что ему надоели попытки Мишина

организовать подготовку космонавтов в ОКБ-1 и что он будет пытаться нормализовать отношения между ОКБ-1 и ВВС. Мишин и Правецкий держались довольно скромно и не поднимали вопросов, связанных с их идеей готовить «для себя» космонавтов в ОКБ-1. Это была первая поездка Мишина в Центр. Озирая с 11-го этажа окрестности, он признался: «Около тридцати лет не был я в этих местах…»

Звонил сегодня В. Н. Правецкий. Он пытался выяснить порядок направления кандидатов от ОКБ-1 в ЦПК, его интересовали наши намерения по их медицинскому освидетельствованию, а также возможности совместной работы специалистов ИМБП и ЦПК. По всей вероятности, этот звонок был разведкой наших позиций после вчерашней встречи. Я сказал Правецкому, что прежде, чем направлять людей на обучение в ЦПК, мы пропускаем их через обследование в госпитале (ЦНИАГ) и что для кандидатов из ОКБ-1 исключений не будет.

Вчера в Феодосии при испытаниях объекта 7К-ОК не раскрылся запасной парашют. Приходится делать вывод, что парашютная система корабля 7К-ОК хуже парашютной системы «Востока». Да и весь корабль выглядит неважно: малые размеры люка, устарелое связное оборудование, несовершенная система аварийного спасения и многое другое. Если еще к тому же откажет автоматика стыковки (что вовсе не исключено), то мы станем свидетелями позорного провала нашей космической программы.

11 августа.

Сегодня получил новый документ, подтверждающий мои прогнозы о сепаратных и незаконных действиях ОКБ-1 по организации подготовки «своих» космонавтов. Программы подготовки космонавтов утверждает Главнокомандующий ВВС — так записано в утвержденном правительством «Положении о космонавтах», которое пока еще никто не отменял. В нарушение Постановления правительства Мишин, Тюлин, Бурназян и Келдыш создали и утвердили программу подготовки экипажей для первого облета Луны на космическом корабле Л-1. Программа рассчитана на шесть месяцев, будет выполняться не на базе ЦПК ВВС и с военными не согласована — фактически вся подготовка экипажей будет осуществляться ОКБ-1 без участия Центра подготовки космонавтов. Я никогда не был высокого мнения об организаторских «талантах» Келдыша, всегда

сомневался в порядочности и честности Бурназяна, хорошо знаком с мальчишеским упрямством Мишина, но в этом документе они превзошли сами себя. Мягко выражаясь, этот документ — величайшая глупость, а точнее — это антисоветская практика и проявление действий, которые могут только повредить нашим усилиям по освоению космоса (и уже вредят!). 30 июля эту программу утвердил и Тюлин, который лучше других ее создателей знает условия космического полета и понимает необходимость тщательной подготовки космонавтов, но и он пошел на поводу у Мишина. Это большая ошибка Тюлина, и мне кажется, что он и сам уже понял, что его увлекают на неверный путь. Поездка Тюлина с Мишиным в ЦПК 9 августа подтверждает мои предположения о прозрении Тюлина, но пока нет заметных сдвигов в позиции Мишина. Ну что же, тем хуже для Мишина — теперь у меня есть все основания бороться с Мишиным, Бурназяном и Келдышем как с людьми, которые наносят вред делу подготовки космонавтов.

Только что звонил Г. А. Тюлин. «Ну как, направлять к тебе людей из ОКБ-1?» — спросил Георгий Александрович. Я ответил, что три недели назад дал согласие Мишину принять его людей и пропустить их через медкомиссию, но Мишин вместо людей прислал 5 августа… бумагу, информирующую руководство ВВС о ходе подготовки космонавтов в ОКБ-1. Я заверил Тюлина, что мы примем кандидатов от ОКБ-1 и пустим их в «обработку». Дал распоряжения генералам Бабийчуку и Бородину по организации медицинского обследования предлагаемых Мишиным кандидатов.

Вчера провел совещание с генералами Мишуком, Арбузовым, Волынкиным, Бабийчуком, Газенко и другими по вопросам инженерной психологии. Генштаб предлагал нам (ВВС) заняться этой проблемой в интересах всех видов Вооруженных Сил, а когда Институт авиационной и космической медицины отказался от такой высокой чести, в Генштабе предложили возложить это дело на НИИ-2 ПВО. Мы решили просить Генштаб поручить работы над этой проблемой Военно-медицинской академии.

15 августа.

В субботу я, Лева и космонавты Комаров, Шаталов, Матинченко и Лазарев ездили на открытие сезона охоты в Мещерское охотничье хозяйство (деревня Погостище). Озера отличные, просторы

необъятные, но уток мало. Вечером охоту не разрешили. В час ночи мы с Левой и Комаровым выехали на лодке в охотничьи угодья; озера мелкие: мотор включать было опасно — более часа добирались до шалашей на веслах. Ночь была очень звездная, на озере — идеальная тишина. Мы, как зачарованные, наблюдали звездопад, я насчитал более десятка «падений». Медленно светлел восток, и заметно менялся цвет неба, постепенно гасли звезды. В первом шалаше мы высадили Комарова, во втором — Леву, а в последнем боевую позицию занял я. Но большой охоты не было: утки летали мало и высоко — я сделал всего четыре выстрела, Комаров — шесть, Лева — 25; все стреляли на предельно больших дистанциях. Лева убил две утки, а нам с Володей пришлось пережить горечь полной неудачи. В 9:45 мы уже выехали обратно и в 13 часов были на даче, угостили Комарова и шофера холодным молоком и отправили спать. Вечером в воскресенье к нам на дачу приезжал П. Е. Турчин, мой бывший сотрудник по ЦК ДОСААФ.

Сегодня утром позвонил В. П. Мишин и сказал, что направляет в мое распоряжение восемь кандидатов от ОКБ-1. Мишин просил учесть те знания, которые уже имеют кандидаты, и предоставить им возможность продолжать участие в испытаниях в ЛИИ и ОКБ-1. Я обещал Василию Павловичу, что мы примем во внимание имеющиеся у кандидатов знания и по возможности будем выделять им время для участия в испытаниях. Итак, борьба за кандидатов на полет принимает новые формы. ОКБ-1 передает своих людей на подготовку в ЦПК, и Мишин надеется, что мы подготовим всех его кандидатов для первых полетов на «Союзах». Я же уверен, что большая часть его кандидатов «срежется» на медицинской комиссии, а прошедшие наш медицинский отбор должны будут пройти еще солидную подготовку в ЦПК, прежде чем мы в состоянии будем доложить: «К космическому полету готовы». Короче говоря, если нам строго не прикажут, мы не будем их готовить к первым полетам на «Союзах».

17 августа.

Получил два письма от В. П. Мишина. В письме от 15 августа он пишет о направлении в ЦПК восьми кандидатов от ОКБ-1 — Анохина С. Н., Елисеева А. С., Макарова О. Г., Кубасова В. Н., Долгополова Г. А., Волкова В. Н., Гречко Г. М., Бугрова В. Е. В письме от 16 августа изложены принципиальные взгляды Мишина на подготовку к космическому полету всей этой группы; взгляды эти ошибочны они

противоречат решениям правительства и уже наносят вред подготовке очередных космических полетов. Вот полный текст этого письма, копии которого посланы Тюлину и Правецкому:

«Помощнику Главнокомандующего ВВС по космосу, генерал-лейтенанту авиации Каманину Н. П. Решением ВПК № 144 (пункт 7) от 15 мая 1966 года поручено МОМ СССР (тов. Тюлину) совместно с МО СССР (тов. Вершининым) и Минздравом (тов. Бурназяном) рассмотреть состояние подготовки экипажей для проведения испытаний космического корабля 7К-ОК, имея в виду включение в состав экипажей инженеров и научных работников, разработчиков объектов ракетно-космической техники. В соответствии с указанным решением в ОКБ-1 совместно с Минздравом произведены отбор и подготовка космонавтов-испытателей. Программа и план подготовки утверждены МОМ СССР, АН СССР и Минздравом.

Корабли 7К-ОК включают в себя большое количество сложных автоматических и полуавтоматических систем и агрегатов. В программе полета большое место уделяется системам ручного управления. Так как в дальнейших работах ОКБ-1 МОМ предусматривает значительное увеличение роли космонавтов в управлении системами космического корабля, что позволит снять ряд сложных приборов и упростить автоматические системы управления, в ходе летного эксперимента на кораблях 7К-ОК космонавты-испытатели должны проверить ряд этих решений. Проверка конструкторских решений может быть выполнена только высококвалифицированными специалистами, непосредственно участвующими в проектировании и наземной отработке кораблей.

Такие специалисты и отобраны в ОКБ-1 МОМ для первых полетов космического корабля 7К-ОК. Материалы, характеризующие испытателей и их подготовку, Вам направлены. В связи с тем, что в соответствии с утвержденной программой индивидуальная подготовка испытателей — кандидатов в состав экипажей, — в основном, закончена, прошу Вас согласовать с нами план завершения подготовки экипажей. План должен предусматривать участие экипажей в разработке полетной документации, полетного задания, инструкции экипажу по управлению и эксплуатации корабля, программы научных исследований, инструкции по выдаче данных на борт корабля и т. д., а также практическую отработку на тренажерах совместных действий

экипажей по программе полета. Учитывая, что инженеры-испытатели ОКБ-1 проводят отработку систем корабля в процессе наземных испытаний в КИС (контрольно-испытательная станция — Ред.), ТБК-60 и в условиях невесомости на Ту-104, располагаемое на тренировки время ограничено. Прошу срочно решить вопрос о дальнейшей подготовке экипажа.

Медицинское заключение о годности к полету выдает Министерство здравоохранения СССР.

Главный конструктор Мишин».

Все в этом письме поставлено с ног на голову, все перепутано и многое просто ложно, поскольку отбор и подготовка космонавтов, по действующим решениям правительства, осуществляются только ЦПК ВВС, а программы подготовки утверждает Главком ВВС. В письме Мишина есть, правда, одно важное для нас признание в том, что разработчики «Союза» из ОКБ-1 увлеклись автоматизацией и что в будущем они будут больше доверять экипажам и упрощать оборудование космического корабля. Это увлечение «съело» у нас целых три года и стало одной из главных причин нашего отставания в космосе.

Сегодня я получил сообщение о том, что 28 августа американцы запустят второй технологический корабль «Аполлон», и если этот запуск пройдет удачно, то в ноябре 1966 года США выведут на орбиту «Аполлон» с тремя астронавтами на борту (продолжительность полета до 14 суток). Успех такого полета отбросит нас еще дальше назад и окончательно закрепит ведущую роль Америки в освоении космоса. Вместо того, чтобы все внимание уделять качеству подготовки техники и людей к очередным космическим полетам, нам руководителям и организаторам таких полетов — приходится тратить уйму времени на улаживание споров и разногласий между ведомствами.

18 августа.

День авиации. Вчера в Театре Советской Армии провели торжественное собрание. Сегодня Руденко, Рытов и я были на приеме в ЦК ВЛКСМ. Отлично выступали С. П. Павлов, Галина Корчуганова (чемпион мира по высшему пилотажу) и другие товарищи.

К генералу Бабийчуку приезжали Правецкий и Гуровский, несколько позже Правецкий звонил мне. Они продолжают добиваться, чтобы мы, минуя медицинскую комиссию ВВС, направили кандидатов

от ОКБ-1 прямо в Центр подготовки космонавтов. Я сказал Правецкому, что мы готовы принять людей из ОКБ-1 в любое время, но прежде, чем начнем с ними какие-либо занятия, направим их в ЦНИАГ на обследование.

19 августа.

Вчера вечером провел на телевидении устный выпуск журнала «Авиация и космонавтика». Программа выпуска была подготовлена плохо, добрая половина намеченных для выступлений участников встречи не явилась (Кожедуб, Горбатюк и другие). Сценарий встречи был рассчитан на 80 минут, а телевидение отвело нам только 40. Пришлось за час до начала выступлений все переделывать, сокращать и заново готовить сценарий. Передачу вел я; кроме меня выступали: дважды Герои Советского Союза Ворожейкин и Сивков, генералы Стефановский и Болотников, космонавт Комаров и участник гражданской войны красновоенлет Аккерман Жан Робертович. Все выступления прошли удовлетворительно, но в целом организацией передачи я не доволен. Редакция «Авиации и космонавтики», и в частности полковник М. И. Голышев, плохо подготовили программу встречи и не имели твердой договоренности с ее участниками. Из телецентра мы с Комаровым и Ворожейкиным поехали в Дом журналиста, где нам также пришлось выступать.

Вчера позвонил генерал Гудков и сообщил, что министр присвоил Герману Титову звание «полковник». Более двух лет я задерживал присвоение Титову очередного воинского звания, но последний год он хорошо поработал. Надеюсь, что Титов не уронит этого звания, хотя до сих пор у меня нет полной уверенности в стойкости и уравновешенности его характера.

Сегодня после двухнедельного перерыва (из-за занятости кортов международными соревнованиями) играл в теннис один на один с генералом Яценко. Когда я раньше смотрел игры Яценко с другими партнерами, мне казалось, что он играет сильно и натренирован лучше меня. Откровенно говоря, я даже побаивался играть с ним один на один, но оказалось, что у страха глаза велики: сегодняшнюю встречу, как и две предыдущие, я у него выиграл.

Руденко приказал мне вместе с генералом Бабийчуком поехать к Тюлину, чтобы отстаивать наши позиции по отношению к кандидатам от ОКБ-1. Решение Руденко неправильное, но приказ есть приказ:

поедем к Тюлину и еще раз попытаемся образумить его самого и его партнеров: Мишина, Келдыша, Бурназяна. Правда, все они в своих ошибках зашли так далеко, что им уже трудно отступать, но мы обязаны сделать все возможное, чтобы найти лучший выход из неприятной ситуации и обеспечить высокое качество подготовки космических полетов.

22 августа.

В субботу в ЦНИИ-30 собирали представителей всех министерств и ведомств, участвующих в разработке средств поиска. Иоффе, Матвеев и другие товарищи достаточно энергично взялись за разработку научно обоснованной системы обнаружения и поиска космических кораблей, жаль только, что эта работа начинается на три года позже того срока, на котором в свое время настаивали ВВС. От Иоффе я поехал к Тюлину. Кроме меня у Тюлина были Правецкий, Гуровский и генерал Бабийчук. Тюлин и Правецкий настаивали на том, чтобы мы приняли на обучение в ЦПК восемь кандидатов от ОКБ-1 обследования их в госпитале (ЦНИАГ). Я и Бабийчук отстаивали нашу позицию: отбор кандидатов в космонавты проводить только через ЦНИАГ (отборочную комиссию ВВС). Мы обвинили представителей Минздрава в недобросовестном подходе к отбору кандидатов (Анохину 56 лет). Тюлин и Правецкий согласились не настаивать на кандидатуре Анохина (об этом Тюлин тут же позвонил Мишину). Решили, что 22 августа врачи ВВС и Минздрава встретятся в ЦНИАГ и договорятся, на какой срок направлять кандидатов в госпиталь.

23 августа.

Позвонил из Феодосии Гагарин и доложил, что группа космонавтов (Николаев, Быковский, Комаров, Хрунов, Горбатко, Колодин и Воронов) провела по два парашютных прыжка с приводнением в море. Тренировки по подъему космонавтов с воды на вертолет и выходу в гидрокостюмах из космического корабля на воду будут выполнены сегодня и завтра.

Вчера я был в Совете Министров в аппарате Л. В. Смирнова, беседовал с Киясовым, Семеновым и Богдановым. Речь шла о письме в ЦК КПСС товарищей Смирнова, Афанасьева, Бурназяна и Келдыша по вопросу о создании в МОМ нового центра подготовки космонавтов-исследователей и космонавтов-испытателей для АН СССР и гражданских министерств. Это письмо еще не подписано Смирновым,

но он его, по-видимому, подпишет. Письмо не согласовано с Министерством обороны, более того, оно в корне противоречит письму четырех маршалов в ЦК КПСС и не согласуется с резолюцией секретаря ЦК Д. Ф. Устинова о представлении в ЦК КПСС согласованных предложений по этому вопросу. Я коротко изложил своим собеседникам позицию МО:

1. Министерство обороны в принципе согласно с необходимостью готовить гражданских космонавтов-исследователей и испытателей.

2. Такую подготовку ЦПК ВВС уже проводил (Феоктистов, Егоров, Катыс) и может обеспечить подготовку космонавтов для всех министерств и ведомств.

3. Создавать новый ЦПК нецелесообразно (дорого, осложняется вопрос об ответственности за подготовку экипажей, возможно снижение качества подготовки).

4. Стремление МОМ и Минздрава взять на себя отбор и подготовку космонавтов может нанести ущерб военным исследованиям в космосе (в МО не будет опыта полетов со стыковкой, к Луне и на Луну, так как в этих полетах будут участвовать только гражданские лица).

5. Военные усилия США в космосе настоятельно требуют, чтобы СССР активизировал работу в космосе в интересах обороны, а Афанасьев и Бурназян проявляют активность в противоположном направлении. В Америке промышленность, наука и государственные инстанции работают на Пентагон, а у нас АН СССР и промышленность пытаются превратить Министерство обороны в подсобную для своих планов организацию.

Свое возмущение планами Афанасьева, Бурназяна и Келдыша я выразил маршалу Руденко и генералу Штеменко, временно исполняющему должность начальника Генерального штаба. Оба посоветовали мне срочно написать докладную министру обороны маршалу Малиновскому. В аппарате Генерального штаба я подготовил по этому вопросу товарищей Повалия, Жукова и Язвинского.

Мишин и Тюлин решили направить в ЦПК не восемь кандидатов, как они раньше настаивали, а только четырех (Елисеев, Волков, Кубасов и Гречко). Вчера врачи ВВС и Минздрава пришли к общему согласию направить в ЦНИАГ Елисеева. По трем остальным

кандидатам пока не договорились: Минздрав против направления их в госпиталь, а врачи ВВС — за.

Сегодня отправил письмо маршалу Малиновскому о сепаратных действиях Келдыша, Афанасьева и Бурназяна.

26 августа.

Вчера в США с мыса Кеннеди с помощью ракеты-носителя «Сатурн-1» произведен запуск космического корабля «Аполлон» без экипажа. Полет корабля, общий вес которого составляет 28 тонн, рассчитан на 93 минуты. Корабль должен набрать высоту 706 миль. Приводнение «Аполлона» намечается в Тихом океане. Запуск произведен с целью отработки систем корабля «Аполлон», с использованием которого США планируют в будущем совершить экспедицию астронавтов на Луну. Если этот полет пройдет успешно, то уже в конце этого года трое американских астронавтов будут 14 суток летать на «Аполлоне» по орбите вокруг Земли, что станет новым и веским доказательством того, что наше отставание от США нарастает.

Советская автоматическая станция «Луна-11», запущенная 24 августа в сторону Луны, успешно продвигается к цели.

29 августа.

В субботу звонил В. П. Мишин, приглашал на празднование 20-летия ОКБ-1. Взвесив всю сложность наших взаимоотношений, я решил воздержаться от встречи с Мишиным. Послал на торжество только Николаева и Быковского.

В субботу в ЦПК разбирался с программой подготовки экипажей для полетов на кораблях 7К-ОК. По вине ОКБ-1 складывается тяжелая обстановка с подготовкой экипажей, последние два-три месяца много времени тратится нерационально. ОКБ-1 не дает нам перечня научных экспериментов и методик их проведения; нет инструкций экипажу, рекомендаций по пользованию оборудованием и бортжурналов; затягивается изготовление тренажера. Все это создает угрозу, что за два месяца невозможно будет закончить подготовку даже наших космонавтов, а для подготовки по очень сокращенной программе кандидатов от ОКБ-1 потребуется минимум 4 месяца.

Гагарин рассказал мне о том, как проходили тренировки космонавтов в Феодосии. Для выполнения двух парашютных прыжков на море, подъема космонавтов с воды в вертолет и выхода в гидрокостюмах по плану отводилось два-три дня, а фактически

затрачено восемь дней. Вместо того, чтобы тренировать 8 человек, как мы договаривались с Мишиным, пришлось тренировать 16 человек. Узнав о том, что восьмерка наших космонавтов вылетела в Феодосию, Мишин отправил туда же восемь своих кандидатов и распорядился не давать космического корабля для занятий космонавтов ВВС, если в этих занятиях не будут участвовать одновременно и кандидаты от ОКБ-1.

31 августа.

Сегодня привез с дачи Олю — ей завтра первый раз идти в школу. Совершенно незаметно пролетели последние семь лет.

В. П. Мишин прислал всю свою команду во главе с Анохиным. Всех отправил в госпиталь, дал указание Бабийчуку не задерживать Кубасова, Гречко и Бугрова в госпитале более 3–4 дней, остальных можно обследовать обстоятельнее. Из восьмерки кандидатов от ОКБ-1 мы в ближайшие дни отберем двух-трех и будем форсировать их подготовку. Правда, у меня нет уверенности, что за два месяца мы из этих парней сделаем космонавтов, — лучше было бы вместо них готовить к полетам Хрунова и Горбатко. Но в интересах осуществления полетов надо быть готовым к выполнению и такого решения, когда в состав экипажей в обязательном порядке включат кандидатов из ОКБ-1.

2 сентября.

Доложил маршалу Руденко предложения по распределению космонавтов по группам и закреплению их за космическими кораблями.

1. «Восход» — Волынов, Шонин, Береговой, Шаталов.

2. «7К-ОК» — Гагарин, Комаров, Николаев, Быковский, Хрунов, Горбатко, Воронов, Колодин.

3. «Спираль» — Титов, Куклин, Филипченко, Береговой, Шаталов.

4. «7К-ВИ» — Попович, Губарев, Артюхин, Гуляев, Белоусов, Колесников.

5. «Алмаз» — Беляев, Шонин, Матинченко, Демин, Заикин, Воробьев, Лазарев.

6. «Л-1» (облет Луны) — Волынов, Добровольский, Воронов, Колодин, Жолобов, Комаров, Быковский.

7. «Л-3» (экспедиция на Луну) — Леонов, Горбатко, Хрунов, Гагарин, Николаев, Шаталов.

Руденко, в основном, согласился с предложенным мною составом групп, но высказался за усиление группы «7К-ОК».

Кроме наших (ВВС) космонавтов на полеты на 7К-ОК, Л-1 и Л-3 претендуют и кандидаты от ОКБ-1 и АН СССР. Я давно просил Королева и Келдыша направить к нам в ЦПК своих кандидатов, чтобы у нас было достаточно времени на подготовку и комплектование экипажей. Вместо направления к нам кандидатов Мишин и Келдыш добиваются создания своего ЦПК и тем самым задерживают подготовку космонавтов для облета Луны и экспедиции на Луну. Мы будем отбивать попытки создания нового ЦПК и одновременно будем готовить экипажи для кораблей Л-1 и Л-3.

5 сентября.

Сегодня из ЦНИАГ в ЦПК поступили три кандидата от ОКБ-1: Кубасов, Волков и Гречко — по заключению наших врачей, эта тройка, при некоторых послаблениях в требованиях к здоровью, может быть допущена ко всем тренировкам в ЦПК. Анохин и Бугров забракованы, а Елисеев, Долгополов и Макаров будут продолжать обследование в госпитале.

Вышел на работу после отпуска Главный маршал авиации Вершинин. Уходят в отпуск Тюлин, Мишин и Руденко. До ноября пилотируемых полетов не будет, а, скорее всего, их не будет до 1967 года.

7 сентября.

Весь день провел вчера в ЦПК. Беседовал с Волковым, Гречко и Кубасовым; ребята искренне верят и надеются, что за два месяца мы подготовим их к космическому полету. Они неплохо знают космическую технику, охотно занимаются спортом, но их медико-биологическая подготовка к полету совершенно недостаточна (они имеют всего по три полета на истребителях, по два парашютных прыжка и по одному-двум полетам на невесомость). При усиленной тренировке за один-два года можно было бы и из них подготовить космонавтов для выхода из космического корабля, но за два месяца сделать это невозможно. После выполнения двухмесячной программы они в сравнении с Хруновым и Горбатко будут выглядеть, как цыплята перед орлами.

Подробно объяснил Поповичу его задачи, как старшего группы космонавтов по кораблю 7К-ВИ (военно-исследовательский корабль).

Беляева назначил старшим группы космонавтов по «Алмазу» (военная орбитальная станция).

Вчера играл в теннис с подполковником Суриновым — лучшим теннисистом ЦПК. Я выиграл два сета со счетом 6:2, 9:7. А сегодня с разгромным счетом обыграл генерала Яценко — 6:2, 6:1, 6:0. Как говорят мои партнеры, вчера и сегодня я в хорошей спортивной форме. Я удовлетворен результатами своей игры в теннис, жаль только, что скоро, наверное, начну сдавать: годы неизбежно скажут свое решающее слово.

Звонил Главный конструктор Гай Ильич Северин, он хотел уточнить, на кого шить скафандры для полетов на 7К-ОК. Я подтвердил необходимость иметь в готовности скафандры для Хрунова и Горбатко. Распоряжение В. П. Мишина об изготовлении скафандров на Анохина и Елисеева я охарактеризовал как легкомысленное, так как Анохин забракован по возрасту и состоянию здоровья, а решение по Елисееву можно будет принять только после заключения ЦНИАГ. Обещал Северину, что через 10–15 дней я смогу высказать свое мнение о кандидатах из ОКБ-1.

Из ОКБ-1 привозили программы испытаний ракетно-космических комплексов «УР-500 — Л-1» и «Н-1 — Л-3». В оба документа Правецкий вставил пункты о подготовке космонавтов, излагая их в своей трактовке: «Космонавтов готовят МОМ, Минздрав и ВВС». В обоих документах эти пункты я вычеркнул.

8 сентября.

Сегодня в 7:30 Беляев, Леонов, Крышкевич и Климов вылетели в Сирию. Вчера вся делегация была у меня, поговорили об особенностях обстановки в Сирии и о возможных наиболее трудных вопросах от представителей прессы. Сейчас для нас самые трудные вопросы: «Почему полтора года не летаете?», «Когда будет очередной полет?», «Кто сейчас лидирует в космосе — СССР или США?». Мы обстоятельно разобрали ответы на все подобные каверзные вопросы. Я рекомендовал товарищам держаться группой, одиночных встреч не допускать, на границу с Израилем не ездить (мне сообщили из МИДа, что сирийцы собираются организовать поездку на границу).

Вчера Брайко, Руденко и Вершинин одобрили мое предложение по распределению штатной численности, отпущенной ВВС Генштабом для организации службы поиска. Институту Иоффе я выделил 80

единиц, генералу Кутасину — 55, Фролову — 18, для службы Солнца — 4 единицы.

14 сентября.

Не вел дневник почти неделю — был очень занят. Сейчас над планетой летает «Джемини-11», экипаж которого уже провел несколько успешных стыковок с ракетой «Аджена». На 15-м витке второй пилот Ричард Гордон вышел в космос. Он был связан с кораблем девятиметровым фалом и передвигал с помощью ручного реактивного устройства. Гордон соединил корабль с «Адженой» тридцатиметровым тросом. Предполагалось, что Гордон пробудет в открытом космосе 115 минут, но он находился за бортом корабля только 35 минут: астронавт получил приказ вернуться в корабль после того, как он сообщил, что ему стало очень жарко так сильно он вспотел, что почти ничего не видит. Сегодня на корабле «Джемини-11» вышел из строя один из его 16 двигателей реактивной системы управления.

Американские астронавты систематически летают, а мы сидим и ждем изготовления космических кораблей. Сроки готовности кораблей только в этом году переносятся уже третий раз. Сейчас уже всем ясно, что пилотируемого полета в этом году у нас не будет, хотя открыто сказать об этом представители промышленности боятся.

В последние дни я участвовал в трех больших совещаниях по вопросам подготовки космонавтов. 10 сентября состоялось совещание у Г. Н. Пашкова (ВПК), на котором присутствовали Литвинов, Керимов, Правецкий, Трегуб, Царев, Богданов; от ВВС были Руденко, я и генерал Мороз. В начале совещания Пашков и другие намеревались внести небольшие поправки в проект трех министров о создании нового ЦПК. После выступлений военных и напоминания о письме четырех маршалов и резолюции Устинова все гражданские участники совещания сбавили тон и стали уверять, что они против создания нового ЦПК и за организацию подготовки космонавтов-исследователей и космонавтов-испытателей в ЦПК ВВС. После длительных дебатов решили поручить Киясову, Керимову и мне подготовить письмо в ЦК КПСС.

12 сентября у Киясова собрались: Керимов, Трегуб, Цыбин, Правецкий, Царев, Богданов и я. Все согласились с моим предложением готовить письмо за подписью Афанасьева, Келдыша,

Петровского и Малиновского. Решили: новое «Положение о космонавтах» не писать, а только внести добавления и некоторые изменения в существующее. Кроме того, исключили из решения все просьбы Минздрава о строительстве зданий, выделении средств, штатной численности и других средств для создания базы нового ЦПК. По существу остались несогласованными только вопросы отбора и медико-биологической подготовки космонавтов-исследователей и космонавтов-испытателей. Все гражданские руководители были за то, чтобы передать эти функции Минздраву, а я настаивал на том, чтобы отбор и медико-биологическая подготовка всех космонавтов сохранились за Министерством обороны.

Вчера я, Кузнецов, Гагарин, Цыбин и Анохин продолжили в ЦПК обсуждение «проблемы» подготовки космонавтов. Для нас, военных, в этом вопросе нет проблем: ВВС могут обеспечить подготовку космонавтов для всех министерств и ведомств. Но Мишин, Тюлин и Правецкий хотят «руководить» отбором и подготовкой кандидатов в космонавты и иметь право назначать в космический полет любого своего любимца. Мы же отстаиваем практику коллективных и единодушных решений по отбору кандидатов и их назначению в экипажи космических кораблей.

Звонил маршал Руденко, он рассказал о вчерашнем визите к нему Правецкого. Правецкий просил передать Минздраву наш опытный завод. Руденко ответил ему: «Если я только заикнусь о передаче завода, меня выгонят из Министерства обороны — и правильно сделают!»

19 сентября.

В субботу в ЦПК провел совещание. Присутствовали: Кузнецов, Масленников, Гагарин, Николаев, Попович, Быковский, Терешкова, Комаров, Беляев и Леонов. Отсутствовал Титов — я отпустил его на два дня в Ленинград по личным делам. Обсуждали положение, создавшееся в результате попыток ОКБ-1 и Минздрава создать гражданский центр подготовки космонавтов. Я объяснил космонавтам задачи и трудности нашей борьбы против сепаратных действий Минздрава и ОКБ-1. Все космонавты очень недовольны В. П. Мишиным. Они считают, что Мишин не понимает всей сложности процесса подготовки к космическим полетам и склонен упрощать его. Гагарин, Леонов и Комаров высказались за необходимость организации встречи космонавтов с Брежневым или Косыгиным.

Ребята верят, что подобная встреча может еще что-то изменить к лучшему.

Сегодня генерал Бабийчук доложил, что 18 кандидатов в космонавты от АН СССР проходят сейчас обследование в ЦНИАГ, а всего в списке, который прислал нам Келдыш, 24 кандидата. Мишин и Правецкий рассматривают этот шаг Келдыша как игнорирование им интересов Минздрава и ОКБ-1.

Маршал Руденко вчера убыл в отпуск, а Вершинин улетел сегодня в Прагу. Киясов более недели молчит, за 10 дней не может отредактировать записку в ЦК по вопросу о подготовке космонавтов-испытателей и космонавтов-исследователей.

21 сентября.

Из АПН приезжал ко мне Юрий Булушев. По моей рекомендации он берется написать книгу «Кандидат в космонавты». В работе над книгой он использует письма желающих лететь в космос (десятки тысяч писем) и материалы о Константине Ветре. Булушев побывал уже в Ленинграде, провел три дня в беседах с Ветром, его женой, родственниками и друзьями. Юрий — убежденный сторонник Ветра, он загорелся идеей написания книги о кандидатах в космонавты. Я готов помогать Булушеву написать интересную и полезную для молодежи книгу.

Вчера в ЦПК был на совещании у Главного конструктора Даревского. Комплексный тренажер «7К-ОК» будет готов, в лучшем случае, в конце октября. Основные задержки возникают из-за неотлаженности оптических устройств и недоделок по вине ОКБ-1. Говорил с Цыбиным. Он обещал в недельный срок закончить все работы по тренажеру, за которые отвечает ОКБ-1.

26 сентября.

Вчера к нам на дачу приезжал мой племянник Виктор Каманин, студент второго курса железнодорожного института. Ему только 21 год, но он уже имеет вес 97 килограммов. Виктор готовит из себя тяжеловеса, занимается штангой, ядром, диском, но вид у него далеко не спортивный. По характеру он очень молчалив и болезненно самолюбив; на меня он всегда производит странное впечатление. Мне его жаль, я помогаю ему деньгами и советами, но он меня почти не интересует. Другое дело — Виктор Крашенинников (сын моей старшей сестры Марии Петровны); с ним интересно поговорить,

сыграть в шахматы, его я всегда встречаю с улыбкой. А вообще-то, наши родственники нам с Мусей за 35 лет изрядно надоели бесконечными просьбами о помощи. Минимум 15–20 процентов моего заработка постоянно уходит в карманы родственников.

28 сентября.

Вчера вместе с Н. Ф. Кузнецовым и П. В. Цыбиным проверили ход работ по тренажеру «7К-ОК», по оборудованию самолета Ту-104 макетами космических кораблей, а также готовность ТБК-60 к проведению испытаний. Ту-104 и ТБК-60 будут готовы, в лучшем случае, 10 октября: главные задержки — из-за неготовности скафандров с новой подвеской ранцев. Окончание работ по тренажеру тормозится доводкой оптических устройств. Все три объекта будут предоставлены для тренировки космонавтов 15–20 октября. Таким образом, первая половина октября не может быть использована для тренировок в составе экипажей, а индивидуальную подготовку космонавты ВВС, в основном, уже закончили. Можно было бы наших космонавтов до 15–20 октября отпустить в отпуск, но я не могу этого делать без согласования с Г. А. Тюлиным, а он — в отпуске. Мишин вчера вернулся из отпуска и приступил к работе. Попробую договориться с ним по этому вопросу.

29 сентября.

Звонил Мишин. Он заверяет, что сумеет обеспечить пуск двух кораблей 7К-ОК с космонавтами на борту во второй половине декабря 1966 года. Таких обещаний от ОКБ-1 мы получали десятки. Жизнь научила нас не верить словам, а судить по делам. Дела же пока идут плохо: в ОКБ-1, кроме самого Мишина, никто не верит в возможность осуществления полета в этом году. Испытания многих систем кораблей не закончены, по некоторым системам требуются значительные работы по их доводке (парашюты, система кондиционирования и т. д.). Мишин обещал секретарям ЦК осуществить полет в конце текущего года и пытается выполнить свое обещание. Уход наших космонавтов в отпуск в этих условиях могут использовать против ВВС и вину промышленности в неготовности кораблей прикрыть «неподготовленностью» экипажей. Такой возможности я Мишину не предоставлю — пускай сам отвечает за свои огрехи. Сегодня дал команду Гагарину объявить всем кандидатам на полет, что отпуска в

этом году у них не будет. Надо форсировать подготовку к полету, чтобы закончить ее полностью к 1 декабря.

Вчера звонил мне Романов — председатель Госкомитета по кинематографии. Он просил заснять на кинопленку для Канады несколько кадров тренировки космонавтов. Звонил и только что назначенный министр общественной безопасности Щелоков, пока еще исполняющий обязанности второго секретаря ЦК партии Молдавии. Щелоков просил командировать в Кишинев 8–9 октября Терешкову или еще кого-нибудь из космонавтов на празднование 500-летия Кишинева. Я обещал послать в Молдавию одного из космонавтов.

30 сентября.

Узнал вчера новость, которая поразила меня: в правительстве готовится решение о назначении председателем Госкомиссии по пускам пилотируемых космических кораблей Керимова Керима Алиевича. Керимов работает сейчас начальником 3-го Главного управления МОМ, дело он знает, но с обязанностями председателя Госкомиссии не справится, — на этом посту кроме знаний нужен и большой авторитет. Первым председателем Госкомиссии был министр Руднев, вторым — министр Смирнов, третьим — заместитель министра Тюлин. Опускать ранг председателя Госкомиссии ниже замминистра опасно. Членами Госкомиссии являются десятки главных конструкторов, заместители министров, президент Академии наук, маршалы и генералы. Даже Тюлин с трудом справляется с ролью руководителя Госкомиссии, Керимов же не сумеет удержаться и на последнем, самом низком уровне руководства ее деятельностью, а впереди — труднейшие задачи по облету Луны и высадке экспедиции на Луну. Под «доблестным» руководством Устинова и Смирнова наши космические дела продолжают катиться вниз, и пока нет заметных признаков изменений к лучшему.

3 октября.

В субботу в ЦПК встречался с С. Г. Даревским. Есть опасения, что тренажер «7К-ОК» не будет готов и в конце октября. Затягивается и готовность ТБК-60 и самолета Ту-104.

Сегодня я подробно доложил Главкому сложную обстановку с подготовкой полета на 7К-ОК. Я также попросил у Вершинина согласия пожаловаться в ЦК на министра Дементьева, отказывающегося выполнять решение ЦК КПСС и Совета Министров

о строительстве большой центрифуги (ЦФ-16). Вершинин высказался против жалобы, но посоветовал при личной встрече с Дементьевым попытаться уговорить его. У меня только что были Гагарин, Титов, Комаров и Леонов. Ребята просили разрешения обратиться по вопросу о строительстве ЦФ-16 к секретарю ЦК КПСС Устинову. Я одобрил это намерение, хотя и не верю в успех такой попытки.

5 октября.

Решением правительства создан Совет по проблемам освоения Луны. Председателем Совета назначен министр Афанасьев; члены Совета — министры, заместители министров, академики, главные конструкторы космической кооперации. От Министерства обороны в состав Совета вошли только генерал-лейтенанты Карась и Соколов. От ВВС в составе Совета нет никого. Сегодня мне звонил И. П. Румянцев — ученый секретарь Совета. Он просил меня прибыть на заседание Совета и предупредить генерала З. А. Иоффе о том, что на заседании будет заслушан его доклад о системе поиска и эвакуации космических аппаратов.

10 октября.

В субботу при выполнении прыжков с парашютом сломал ногу Георгий Гречко — один из четырех кандидатов от ОКБ-1 на полет на корабле 7К-ОК. На его счету имелось уже 30 прыжков, и в ЦПК он выполнял четвертый прыжок. Метеорологические условия и грунт были нормальные, но Гречко допустил ошибку и приземлился на одну ногу. Из числа кандидатов от ОКБ-1 Гречко самый сильный, и очень жаль, что он «выбыл из игры».

В субботу в ЦПК я разбирался с составом группы «Л-1»; старшим группы вместо Быковского, занятого подготовкой к полету на 7К-ОК, назначил полковника Берегового. Проверял успехи космонавтов в освоении тенниса. Неплохо играют в теннис Гагарин, Титов, Попович, Николаев, Быковский, Комаров, Волынов, Хрунов и Горбатко. Остальные космонавты и все слушатели-космонавты играют посредственно. Из космонавтов лучше других играют Горбатко и Хрунов. Хрунова я одолел легко, а Горбатко оказал мне упорное сопротивление. Правда, перед игрой с Горбатко я сыграл два сета с генерал-лейтенантом Никишиным и победил его со счетом 6:1, 6:2. В этом году, в возрасте 58 лет, я играл в теннис лучше, чем все

предшествующие годы. Сказались систематические тренировки — не менее трех-четырех в неделю.

Только что сообщили о смерти маршала Ф. А. Астахова. Я работал с ним в 1947-48 годах в ГВФ.

12 октября.

Более двух лет я веду борьбу за выполнение решения ЦК КПСС и Совета Министров о строительстве большой центрифуги для ЦПК. Королев, Бурназян и Правецкий многое сделали, чтобы сорвать это строительство. В данное время главным противником создания ЦФ-16 является министр авиационной промышленности Дементьев. Вершинин, Руденко и я несколько раз разговаривали с Дементьевым на эту тему. Он прямо не отказывает нам, но вот уже почти год тормозит восстановление работ по ЦФ-16.

Вчера секретарь ЦК Д. Ф. Устинов вызвал к себе Гагарина, Комарова и Леонова и имел с ними часовую беседу. Эту встречу я устроил с целью добиться возобновления строительства центрифуги ЦФ-16 для ЦПК. Устинов выслушал ребят очень внимательно, обещал разобраться с постройкой ЦФ-16 и принять меры. Кроме этого вопроса Устинов интересовался подготовкой к полету на корабле 7К-ОК, спрашивал, каково отношение ВВС и космонавтов к кораблю «Восход-3», советовал поплотнее взаимодействовать с ОКБ-1. Встреча была полезной. По высказываниям Устинова можно судить о том, что промышленники (Мишин, Смирнов) «начинили» его односторонней и недостаточной информацией. Характерно, что теперь даже Устинов считает, что руководство ОКБ-1 излишне увлекалось автоматизацией и мало верило в возможности космонавтов.

Позвонил генерал Кузнецов и доложил, что Мишин сегодня дал приказ возобновить работы по подготовке к полету корабля «Восход-3». Генерал Бабийчук доложил, что из 24 кандидатов в космонавты от АН СССР заканчивают обследование в госпитале 19 человек. Только пять человек из 19 можно с натяжками допустить к подготовке к космическим полетам — большинство кандидатов забраковано из-за недостатков вестибулярного аппарата, высокого кровяного давления и плохого зрения.

13 октября.

Проводили в последний путь маршала авиации Ф. А. Астахова. Последний раз я говорил с ним по телефону месяца три назад, тогда он

чувствовал себя довольно бодро и был полон планов организации встреч ветеранов авиации с молодежью.

Сегодня Терешкова, Аристов и Кассирова вылетели в Бельгию. Валя основательно подготовилась к этой поездке и чувствует себя более уверенно, чем перед поездкой в Париж.

Генерал Кузнецов поехал с группой космонавтов к В. Н. Челомею. Работы над «Алмазом» (орбитальная космическая станция) идут успешно. По планам МОМ через год «Алмаз» должен быть на орбите. «Алмаз», по замыслу его создателей, будет находиться на орбите около двух лет, а экипаж должен будет сменяться через каждые два месяца. Двухмесячное пребывание космонавтов в невесомости дело непроверенное и пока маловероятное, но две недели полета экипаж может выдержать. На год полета станции потребуется 25 экипажей и 25 пусков ракет для вывода на орбиту транспортных кораблей. Если же считать, что за год каждый экипаж может побывать в полете 2–3 раза, то и в этом случае для эксплуатации «Алмаза» потребуется не менее 10 экипажей.

14 октября.

Вчера в аппарате Совета Министров (у А. И. Царева) Керимов, Правецкий и я работали над текстом письма в ЦК КПСС об организации подготовки космонавтов-исследователей и космонавтов-испытателей. Правецкий и Керимов согласились с тем, что летно-космическую подготовку испытателей и исследователей, а также подготовку экипажей проводят ВВС; но они пытались отстоять за Минздравом СССР право решающего голоса в определении годности кандидатов к полету по состоянию их здоровья. Я защищал существующее положение, по которому только ВВС дают заключение о годности кандидатов на полет. Этот вопрос остался несогласованным. По моему мнению, отбор и общую (кроме летной) подготовку испытателей и исследователей можно отдать гражданским министерствам и АН СССР, и только после включения испытателей (исследователей) в состав экипажа (примерно за 6 месяцев до полета) всю ответственность за их предполетную подготовку должно нести Министерство обороны.

Царев подтвердил, что Керимов назначен председателем Госкомиссии по пускам кораблей 7К-ОК.

21 октября.

С 18 по 20 октября были с космонавтами на охоте в Спас-Клепиках под Рязанью. Этот выезд я устроил потому, что космонавты, готовящиеся к полету на 7К-ОК, уже более года не отдыхали. Вместе со мной на охоту ездили Кузнецов, Гагарин, Николаев, Леонов, Хрунов, Горбатко, Черединцев и Лева. Охотничье хозяйство, принадлежащее Совету Министров РСФСР, имеет территорию в 12000 гектаров, из которых более 2000 занимает озеро, на озере много камыша, островков и заболоченных мест. Условия для гнездовья отличные, уток много — более месяца уже идет охота, а на озере еще не менее 5000 уток. Правда, пролетающих уток почти нет, а местные «научились» обходить опасные зоны на большой высоте. Гагарин убил 12 уток, Леонов — 9, Кузнецов, Хрунов, Горбатко и Лева — по 2, я и Николаев счет трофеям не открыли. У Леонова тульское пятизарядное автоматическое ружье с удлиненным стволом, из этого ружья он на моих глазах сбил двух уток с расстояния 80-100 метров. У Гагарина тоже очень хорошее ружье, из которого он уверенно сбивал летящих уток на дистанции 45–50 метров. У всех остальных ружья дают убойную кучность не дальше 30 метров.

Вечером 18 октября отметили день моего рождения. Леонов от имени всех космонавтов поблагодарил меня за отцовское отношение к ним и за все мои хлопоты. Гагарин, поднимая тост за мои 58 лет, сказал: «Мы, Николай Петрович, не чувствуем, что вам 58 лет, очень часто вы оказываетесь моложе нас. От всей души желаем вам еще десятки лет быть таким же молодым душой и крепким физически, каким мы знаем вас за годы совместной работы!»

26 октября.

Вчера обсуждали у Руденко план мероприятий ВВС по обеспечению пилотируемого облета Луны. Более 40 позиций плана были единогласно одобрены, но два пункта — постройка тренажера по стыковке «Волга» и оборудование двух самолетов Ту-104 для полетов на невесомость — вызвали возражения Иоффе, Пономарева и Руденко. Решили попытаться возложить оборудование самолетов на ОКБ А. Н. Туполева, а постройку «Волги» — на ЛИИ МАП (Даревский). На этом мы только потеряем время: промышленность не возьмет на себя работы по созданию «Волги» и оборудованию самолетов.

Вчера я, Леонов, Безыменский и Осипов (издательство «Молодая гвардия») выступали на молодежном вечере, посвященном 48-й

годовщине комсомола. Вечер организовали комитеты комсомола ВВС и Щелковского комбината имени Я. М. Свердлова. С поэтом Безыменским я впервые познакомился в 1934 году. Сейчас ему около 70 лет, чувствует он себя хорошо и выступает отлично.

28 октября.

У Д. Ф. Устинова состоялось вчера совещание по готовности 7К-ОК. Срок пуска технологических кораблей опять перенесли, теперь он назначен на 20 ноября. Пуск кораблей с экипажами Мишин считает возможным не раньше 10 января 1967 года, но Устинов приказал готовить пуск на 20 декабря 1966 года. Пуск 20 декабря почти исключается: еще не готовы корабли, не готов тренажер, не закончено оборудование самолета Ту-104 для полетов на невесомость, космонавты еще не приступили к тренировкам в ТБК-60. Мишин пытался объяснить задержку пуска неподготовленностью экипажа и свалить вину в срыве сроков полета на ВВС, хотя и ребенку ясно, что вся ответственность за бесконечные переносы полета ложится на ОКБ-1 и, в частности, на самого Мишина. ОКБ-1 и Мишин виноваты в неготовности тренажера, ТБК-60 и самолета Ту-104 и, тем самым, в затягивании сроков готовности экипажей. Мы десятки раз письменно и устно заявляли, что после приемки тренажера и оборудования Ту-104 и ТБК-60 нам нужно минимум два месяца для завершения подготовки экипажей. До назначенного срока полета осталось чуть более 50 суток. Так как за 10–12 суток надо выезжать на старт, то на завершение подготовки космонавтов остается всего 40 суток, но и их мы не можем использовать из-за неготовности тренажера и других объектов.

29 октября.

Царев отредактировал письмо в ЦК КПСС и Совет Министров об организации подготовки космонавтов-испытателей и космонавтов-исследователей. Оно уже подписано Келдышем и министрами Афанасьевым и Петровским, заделаны также подписи Смирнова и маршала Захарова. В первой редакции письма Афанасьев, Петровский и Келдыш просили ЦК разрешить им создать новый Центр подготовки космонавтов для нужд гражданских ведомств, однако благодаря твердой позиции Министерства обороны (письмо четырех маршалов) эта попытка была отбита. В последней редакции письма речь идет только о подготовке испытателей и исследователей, но она разделяется между МОМ, Минздравом, МО и АН СССР: министры пытаются

организовать подготовку космонавтов по принципу «у дитяти семь нянек…» Вчера я отказался завизировать такое письмо, заявив, что мы не возражаем против самой идеи подготовки экипажей с испытателями и исследователями, но предполетную подготовку таких экипажей можно и нужно организовать только в ЦПК ВВС, — это не потребует дополнительных затрат и, главное, ответственность за ее качество будет нести лишь Министерство обороны, а не три министерства и АН СССР, как предусматривается в письме.

31 октября.

В субботу ночью выпал первый обильный снег. В ночь на воскресенье было только 2 градуса ниже нуля, а сегодня мороз покрепчал. Вчера мы с Олей пробовали кататься на лыжах, но ходить было очень тяжело: под снегом вода. Катал Колю на салазках. Пробовал и он встать на лыжи, но это, конечно, для него еще рановато.

Был в субботу в ЦПК, рассматривал и корректировал все планы и программы подготовки экипажей для 7К-ОК. Сейчас в нашем распоряжении всего 40 дней на завершение подготовки экипажей, и к тому же нет никакой уверенности, что тренажер будет готов к 15 ноября. Приказал готовить Комарова командиром на активный корабль, а Быковского — на пассивный. Гагарина и Николаева будем готовить дублерами. В оставшийся короткий срок можно удовлетворительно подготовить для выхода в космос только Хрунова и Горбатко. Подготовить для этой цели Кубасова, Волкова и Елисеева за оставшиеся 40 суток нельзя. Необходимо немедленно решать вопрос о составе основного и запасного экипажей, с тем чтобы получше подготовить хотя бы основной экипаж. Мишин и Тюлин, а также представители ВПК настаивают на включении в основной экипаж кандидатов от ОКБ-1, но мы категорически против этого, а начальство (Смирнов, Устинов) отказывается решать этот вопрос и лишь постоянно твердит о необходимости договориться МОМ и ВВС о составе экипажей. В такой обстановке иногда хочется по-русски отматерить начальство или отказаться от участия в этих безответственнейших действиях, и лишь понимание того, что это может повредить делу, призывает к сдержанности, заставляя настойчиво искать более разумные решения.

1 ноября.

Утром заходил Герман Титов. Сегодня ночью он во главе делегации вылетает во Вьетнам. Летит он туда второй раз, но в данном случае не просто как космонавт, а как президент Общества советско-вьетнамской дружбы. Я посоветовал ему быть поосторожнее в Пекине (при перелете во Вьетнам и обратно они будут ночевать в Пекине).

Сегодня несколько раз звонили Мишин и Цыбин, их беспокоит ход испытаний объекта 7К-ОК у Финогенова и окончание отладки тренажера, ТБК-60 и самолета Ту-104. Я обещал помочь в организации работ в праздничные дни 6–8 ноября. Договорились с Мишиным завтра встретиться и согласовать все вопросы подготовки полета, намеченного на 20 декабря. Мишин не уверен, что он подготовит корабли к середине декабря. Нам также очень трудно подготовить экипажи к этой дате.

5 ноября.

3 ноября в Феодосии произвели сброс спускаемого аппарата космического корабля 7К-ОК с самолета на высоте 10500 метров. Сброс осуществлен с целью испытаний запасной парашютной системы корабля. После отделения от самолета спускаемый аппарат устойчиво снижался, нормально вышел вытяжной парашют, хорошо раскрылся основной парашют и после того, как его намеренно отстрелили, нормально раскрылся запасной. Спуск на основном и запасном парашютах проходил при заметных пульсациях их куполов, а объект вращался со скоростью один оборот в секунду. (Оба эти явления крайне опасны: пульсации часто заканчиваются порывами строп, а вращение спускаемого аппарата закруткой купола и, в конечном счете, отказом парашюта). На высоте 1500 метров стропы запасного парашюта порвались, и спускаемый аппарат разбился и сгорел. Это происшествие может значительно задержать пуски 7К-ОК. В спускаемом аппарате корабля находится около 70 килограммов перекиси водорода, используемой для стабилизации спуска корабля; после раскрытия парашюта остатки перекиси водорода (до 30 килограммов) выбрасываются за борт. В данном случае перекись водорода попала на парашют и «пережгла» стропы: каждая стропа нормально выдерживает нагрузку в 450 килограммов, а после «ожога» перекисью водорода стропы без особого усилия разрываются руками.

Последние три дня маршал Руденко и я вели переговоры и совещались со Смирновым, Пашковым, Царевым, Сербиным и

Тюлиным. Мы пытались убедить их в том, что создавать дополнительную систему подготовки космонавтов (МОМ, Минздрав и АН СССР) дорого и вредно, и что для первого полета на 7К-ОК уже подготовлен экипаж от ЦПК ВВС (Комаров, Быковский, Хрунов и Горбатко), а выдвигаемые кандидаты на полет от ОКБ-1 (Волков, Кубасов, Елисеев) не могут быть удовлетворительно подготовлены за 2–3 месяца — на их подготовку потребуется еще не меньше 6–8 месяцев. Наша упорная позиция в вопросе о составе экипажа сильно поколебала наших противников, но они пока не отказались от своих намерений, мешающих нам качественно готовить космонавтов к полету. Подготовка Комарова, Быковского, Хрунова и Горбатко может быть закончена к 10 декабря. Однако представители ВПК и Тюлин с Мишиным настаивают на подготовке и кандидатов от ОКБ-1, а это в сложившейся обстановке может только резко снизить качество подготовки экипажа и удлинить ее срок. Вчера Тюлин и Руденко послали в ВПК доклад с перечнем кандидатов, проходящих подготовку к полету (это уже третий такой доклад!), но они снова не договорились о составе основного экипажа, написав, что решение о нем примет Государственная комиссия.

9 ноября.

Отпраздновали 49-ю годовщину Октября, все прошло нормально. 5 ноября заезжал ко мне Гагарин, он просил ускорить присвоение очередного воинского звания Леонову. Более месяца назад мы отослали министру все аттестационные материалы, но министр болел и на службе не был. Я попросил Петрова, адъютанта министра, доложить их Малиновскому когда он появится. Сегодня мне позвонил Петров и сообщил, что министр подписал приказ о присвоении Леонову звания «полковник». На параде 7 ноября Малиновский выступал хуже обычного сказываются его болезни и старость. Давно пора Малиновскому и многим другим старикам уходить на покой.

Все три дня праздника провел на даче. Много ходил на лыжах, гулял с Олей и Колей. Оля на лыжах ходит хорошо. Уже две недели стоит чудесная зимняя погода, держится хороший снежный покров. Сегодня в шесть утра я также ходил на лыжах, скольжение отличное.

Тренажер, ТБК-60 и самолет Ту-104 пока еще не готовы. Осуществление полета на кораблях 7К-ОК 20 декабря уже нереально,

так как подготовку экипажей на Ту-104 мы не сможем закончить раньше 20 января.

Вышел на экран кинофильм «Космонавты в Калуге и Ленинграде», снятый по сценарию Е. И. Рябчикова. Этот фильм готовился нами под названием «У истоков космонавтики». В нем было много внимания уделено С. П. Королеву, его встречам с космонавтами, учеными и конструкторами. По приказанию Г. Н. Пашкова (ВПК) фильм обкорнали, вырезав из него все кадры о Королеве. Мне удалось сохранить только один экземпляр полного фильма с кадрами о С. П. Королеве, я передал его на хранение в ЦПК ВВС.

10 ноября.

Получили сегодня два решения ВПК: одно с заключением экспертной комиссии по НИР, обеспечивающей поиск и эвакуацию лунных кораблей, а другое — по комплексам «УР-500К — Л-1» и «Н-1 — Л-3» (облет Луны и экспедиция на Луну). В последнем решении указывается, что Постановление ЦК КПСС и Совета Министров от 1964 года по лунным кораблям выполняется неудовлетворительно, и вновь выдвигается требование выполнять все работы по лунным кораблям и ракетам вне всякой очереди — как задания особой государственной важности. Подобных решений, выговоров и окриков становится все больше, атмосфера вокруг наших космических дел накаляется с каждым днем. Большое начальство с приближением 50-й годовщины Октября будет требовать эффектных космических полетов, но бумагами и криками делу уже не поможешь слишком много времени ушло впустую.

Сегодня несколько раз звонили Мишин и Цыбин — оба пытались навязать мне подготовку четверых «выходящих» от ОКБ-1. Я заявил Мишину, что согласно нашей устной договоренности на состоявшемся три месяца назад совещании у Н. С. Строева ЦПК готовит к выходу в космос Хрунова, Горбатко и двух кандидатов от ОКБ-1. Наши длинные телефонные дебаты ни к чему не привели. Договорились с Мишиным встретиться завтра.

11 ноября.

Был в ОКБ-1, более двух часов беседовал с Мишиным, Цыбиным и Анохиным. Мишин еще раз заверил меня, что он выведет на орбиту беспилотные корабли 7К-ОК № 1 и № 2 до 26 ноября, а пилотируемые корабли № 3 и № 4 — до конца декабря. Вылет космонавтов на

полигон должен состояться не позже 12–15 декабря. На предполетную подготовку экипажей в нашем распоряжении остается только 30 дней, а по расчетам ЦПК на нее нужно минимум два месяца. В такой обстановке следовало бы сосредоточить все усилия на подготовке основного экипажа, а запасный экипаж готовить по возможности. В состав основного экипажа было бы целесообразно включить наиболее подготовленных кандидатов для такого полета (Хрунов, Горбатко), но Мишин, вопреки здравому смыслу, настаивает на подготовке к выходу в космос только своих людей (Елисеев, Кубасов, Волков, Макаров). При мне он по телефону пожаловался на меня Тюлину и Пашкову. Пришлось им обоим объяснять по телефону, что ВВС делают все возможное, чтобы подготовить два экипажа, но сделать это трудно и нужно срочно принять окончательное решение ВПК о составе хотя бы основного экипажа. Короче говоря, мы так и не пришли к окончательному соглашению, и для выхода в космос будем готовить две пары: Хрунов — Горбатко и Елисеев Кубасов.

В ходе дебатов Мишин в горячности наговорил много несуразностей. Он, например, заявил: «Я сам буду принимать экзамены у космонавтов, и военные получат «двойки», а наши — «пятерки»…» На это я ответил ему, что С. П. Королев всегда был в курсе знаний космонавтов, он очень объективно проверял их подготовленность, без предвзятого намерения поставить им «двойки». Я сказал Мишину: «Двойки» можем и мы поставить вашим кандидатам, но мы этого делать не будем». Для проверки знаний космонавтов приказом Главкома ВВС будет назначена экзаменационная комиссия — она и даст объективную оценку их подготовленности. Расстались мы миролюбиво, повторяя взаимные призывы: «Надо кончать «холодную войну» и улучшать контакты!»

12 ноября.

В ЦПК приезжали Керимов, Правецкий, Гуровский, Цыбин, Анохин и другие товарищи из ОКБ-1. Они пытались доказать, что подготовку космонавтов к полету можно закончить за 36 рабочих дней. Кузнецов, Гагарин и я убеждали их в том, что в месячный срок подготовить к полету можно только военных космонавтов, а на подготовку кандидатов от ОКБ-1 нужно как минимум 2–3 месяца, но даже при таких сроках они будут подготовлены значительно хуже военных.

14 ноября.

Состоялось заседание технического руководства в ОКБ-1. Мишин и другие главные конструкторы доложили о готовности к отправке на полигон кораблей «Союз» № 1 и № 2. После совещания в кабинете Мишина остались Келдыш, Пашков, Строганов, Керимов, Карась, Цыбин, Северин, Кузнецов и другие. Мишин пытался добиться нашего согласия на включение в состав основного экипажа Елисеева и Кубасова. Я заявил, что если полет планируется осуществить в декабре, то за оставшийся месячный срок до отъезда на полигон мы можем подготовить только военный экипаж в составе Комарова, Быковского, Хрунова и Горбатко. От имени ВВС я официально заявил, что Елисеева и Кубасова подготовить к полету в декабре невозможно. Келдыш, Мишин, Пашков и Керимов были очень недовольны моим заявлением и пытались доказать обратное. Разошлись — вновь не договорившись.

16 ноября.

В 10 часов меня вызвал в ЦК КПСС И. Д. Сербин. На беседе, которая продолжалась более часа, присутствовал Строганов. С Сербиным я встречался много раз. Человек он грубоватый, любит показать свою силу и не стесняется в средствах и выражениях, когда хочет оказать давление на собеседника. Во время сегодняшней встречи Сербин был на удивление учтив, предупредителен и очень внимательно слушал меня. На его вопрос: «Как идут дела с подготовкой космонавтов?», — я ответил двумя словами: «Очень плохо». А на вопрос: «Почему плохо?», — пришлось обстоятельно рассказать о всех трудностях и неприятностях во взаимоотношениях с ОКБ-1. Особое внимание я уделил подготовке экипажей для «Союза», убедительно доказав Сербину, что Комаров, Быковский, Хрунов и Горбатко, уже шесть лет готовящиеся к полетам, подготовлены значительно лучше, чем Елисеев и Кубасов. Я заявил, что ВВС, в принципе, не возражают против подготовки кандидатов от ОКБ-1. Мы уже готовили гражданских кандидатов (Терешкова, Феоктистов, Егоров), но мы были и будем категорически против резкого сокращения сроков подготовки, особенно тех космонавтов, которым предстоит выход в космос.

По вопросам и замечаниям, которые в ходе беседы высказали Сербин и Строганов, я понял, что они, во-первых, слабо знают

особенности и объем подготовки космонавтов и, во-вторых, побаиваются вторгаться в эту область со своими подсказками и рекомендациями. На замечания Сербина о том, что сложившиеся отношения между ВВС и ОКБ-1 ненормальны, что надо готовить космонавтов-испытателей для промышленности и срочно решать вопрос о составе экипажа для «Союза», (имеется в виду экипаж двух состыкованных кораблей «Союз» — Ред.) я ответил, что в сложившейся обстановке, по моему мнению, лучшим решением было бы послать в первый полет целиком военный экипаж, а ко второму полету подготовить Елисеева и Кубасова. Однако, Мишин и многие другие руководители слишком далеко зашли с заявлениями о том, что в качестве «выходящих» полетят инженеры ОКБ-1, и им трудно теперь отказаться от этих заявлений. Имея также в виду, что есть решение ВПК о включении в состав экипажа «Союза» специалистов ОКБ-1, можно пойти на то, чтобы «выходящими» были: самый сильный из военных (Хрунов) и наиболее подготовленный из гражданских (Елисеев). Сербин и Строганов ухватились за мое последнее предложение и высказались в том духе, что оно может удовлетворить обе стороны и гарантировать выполнение задания. В 12:15 позвонил Горегляд и сообщил, что в 13:00 в ОКБ-1 собирается Госкомиссия. Пришлось извиниться и прервать полезную беседу. При прощании Сербин пообещал: «Мы еще вас побеспокоим по этому поводу».

В 13 часов в кабинете Мишина собрались Келдыш, Керимов, Руденко, Карась, Правецкий и я. Совещание открыл Керимов, который доложил, что он, Цыбин и Правецкий ознакомились с ходом подготовки космонавтов и считают, что надо окончательно решить вопрос о составе основного экипажа «Союза». Он предложил экипаж в составе: Комаров, Быковский, Елисеев, Кубасов. Я внес другое предложение: назначить в основной экипаж Комарова, Быковского, Хрунова, Горбатко. Предложение Керимова поддержали Мишин, Келдыш и Правецкий. За мое предложение голосовали Руденко и Карась. Единодушного решения принято не было, началась очередная перепалка. Келдыш сгоряча предложил записать в решении Госкомиссии, что ВВС сорвали подготовку экипажей для кораблей «Союз». Предложение Келдыша было настолько нелепым и необоснованным, что его не решились поддержать даже Мишин и Керимов. Келдыш, поняв, что «сел в лужу», сбежал с совещания.

После ухода Келдыша маршал Руденко высказал свое неудовлетворение работой Госкомиссии: комиссия в полном составе не собиралась, решений об отправке кораблей на полигон и о дате пуска нет, а председатель и техрук собираются тем не менее вылетать на полигон. Руденко заявил о необходимости срочно созвать на заседание Госкомиссии всех ее членов. Керимов испугался такого заявления маршала и предложил собрать Госкомиссию завтра в Москве. С ним не согласился Мишин, который сказал, что завтра всем надо вылетать на старт, и заседание Госкомиссии провести на полигоне. Сошлись на том, что окончательное решение о дате и месте заседания Госкомиссии примет Керимов после того, как он сегодня вечером побывает на приеме у секретаря ЦК КПСС Устинова.

17 ноября. Тюра-Там.

Маршал Руденко и я разместились на второй площадке полигона Байконур в гостинице № 1. У нас в номере две комнаты, два местных телефона, обещают поставить и телефон «ВЧ», по которому прямо из номера можно переговорить с Москвой. Есть все удобства, радио и даже телевизор, принимающий московские программы…

Сегодня в два часа ночи меня разбудил телефонный звонок — генерал Горегляд передал приказ маршала: «В 9:00 быть у меня в кабинете, в 10:30 вылетаем на полигон». Я ждал такого приказа, зная, что пришло время нашей новой, большой «космической волны». Времени до выезда на работу и на приготовление к отлету было еще много, можно было часа четыре и поспать. Я прилег, но уснуть уже не смог: перебирал мысленно все этапы нашего космического пути — крупнейшие победы и многие досадные ошибки. Я тысячу раз готов повторить, что успехи США в космосе за последние два года могли бы быть не такими впечатляющими. Конечно, американские астронавты успешно выполнили программу полетов на кораблях «Джемини», но при нашей хорошей работе все их достижения могли бы быть лишь повторением полетов советских космонавтов. Только ошибки и пассивность нашего руководства (не летали почти два года при наличии кораблей «Восход») создали хороший фон для успехов американцев в космосе…

В 9:00 я был у Руденко, вместе с ним заходил к Вершинину. Константин Андреевич интересовался программой предстоящего полета и методом стыковки кораблей. За 15–20 минут я конспективно

ответил на все вопросы Главкома и в 10 часов выехал на аэродром Чкаловская. Держалась нулевая температура, дождь «съел» весь снег, стоял густой туман. К моему приезду у самолета Ан-10 уже собрались Керимов, Карась, Кузнецов, космонавты Быковский, Комаров, Хрунов, Елисеев и еще много других гражданских и военных товарищей. Через пятнадцать минут приехал маршал Руденко. Его задержал маршал Захаров, который позвонил Руденко и сказал примерно следующее: «Чего вы с Каманиным ставите шлагбаумы кандидатам на полет от ОКБ-1? Хочет Мишин послать на Луну своих людей, пускай и посылает, не мешайте ему в этом». Маршалу Захарову совершенно необязательно знать детали подготовки космонавтов, но забыть о письме четырех маршалов в ЦК КПСС, которое он тоже подписывал, непростительно даже начальнику Генерального штаба. В письме было сказано: «Назначать в полет военных и гражданских лиц, полностью закончивших обучение в ЦПК ВВС»…

В 11:30 полковник Долгов на самолете Ил-14 произвел полет на разведку погоды. На земле в это время видимость была 300–400 метров. Долгов доложил: «Лететь можно, высота нижней кромки облачности 70 метров, видимость 700 метров». Взлет и весь полет прошли без замечаний. В хвостовом салоне разместились Руденко, Керимов, Карась и я. Полет продолжался 4 часа 10 минут, и почти все это время маршал Руденко говорил о наших взаимоотношениях с ОКБ-1, о трудностях подготовки космонавтов, о недопустимости полетов в космос слабо подготовленных людей. Все сказанное им было рассчитано на «просвещение» Керимова и Карася и, должен признать, имело немалый успех.

Посадку в Тюра-Таме мы произвели уже в темноте. Начальник полигона доложил, что помещения на 17-й и нулевой площадках законсервированы. Пришлось разместить космонавтов, экипажи самолетов и товарищей, обеспечивающих полеты Ту-104 на невесомость, в гостинице на 10-й площадке. Полковник Масленников доложил мне, что все разместились и устроились удовлетворительно, и на завтра можно планировать полет на Ту-104. Полет я разрешил и обещал добиться перевода всей нашей экспедиции на 17-ю площадку.

18 ноября.

Утром на завтраке встретился с Рязанским и Правецким, они прилетели на 4 часа позже нас: группе конструкторов во главе с

Мишиным пришлось ждать летной погоды на аэродроме Домодедово более восьми часов. 16 ноября на совещании в ОКБ-1 Руденко, Керимов, Карась, Правецкий и я предлагали утром 17-го провести заседание Госкомиссии в Москве, а во второй половине дня вылететь на полигон только Керимову, Мишину, Каманину и Правецкому. Мишин закапризничал и стал убеждать нас, что утром 17-го ему надо обязательно быть на полигоне, иначе пуск будет задержан на сутки. Каприз Мишина поддержал Устинов — в результате целый день потерян впустую, правда, это не задержит пуск кораблей, как уверял нас Мишин.

В 10 часов утра Руденко и я приехали на 31-ю площадку (18–20 километров восточнее второй), где встретились с Мишиным. Более двух часов знакомились с ходом подготовки первого и второго кораблей к пуску. Пока есть все основания думать, что их пуск состоится 26–27 ноября. На коротком совещании под руководством председателя Госкомиссии Керимова (присутствовали Мишин, Руденко, Карась, Правецкий, Курушин и я) решили завтра в 16:00 провести заседание Государственной комиссии и определили его повестку дня. После обеда члены Госкомиссии поехали на 113-ю площадку для ознакомления с ходом работ по носителю Н-1.

Ракета Н-1, задуманная С. П. Королевым еще в 1960–1961 годах, будет весить на старте 2700–3000 тонн и сможет выводить на околоземную орбиту объекты весом 90-110 тонн. Первая ступень ракеты имеет 30 двигателей, общая высота ракеты — 114 метров. Строительство филиала завода, МИКа и старта для Н-1 началось на Байконуре в 1963 году и пока еще не закончено. Два заводских цеха и примыкающий к ним корпус сборки ракеты производят грандиозное впечатление. Таких громадных по размерам (более 100 метров длина, 60 метров высота и более 200 метров ширина) промышленных сооружений я еще не видел, да их и нет нигде (если не считать, что в США для ракеты «Сатурн» построен недавно подобный сборочный корпус). Работы по сборке технологического экземпляра ракеты идут полным ходом. В 1967 году ракета будет собрана, будут отработаны транспортировка ее на старт, заправка и подготовка к пуску. В 1968 году носитель Н-1 должен обеспечить полет экспедиции на Луну. Строительная площадка старта Н-1 занимает более одного квадратного километра. На расстоянии 500 метров друг от друга сооружаются два

пусковых стола, а между ними и вокруг них под землей строится многоэтажный «город» с сотнями комнат и специальных помещений. Осматривая это чудесное творение гения Королева, я восхищался успехами нашей техники и одновременно с грустью отмечал, что за последние пять лет на полигоне ничего не сделано по улучшению условий для подготовки космических экипажей.

…Сейчас уже десятый час вечера. Более четырех часов продолжается беседа Руденко с Мишиным (организовали эту встречу я и Керимов). Мы договорились с Руденко дать согласие Мишину на включение в состав основного и запасного экипажей 7К-ОК (№ 3 и № 4) по одному кандидату от ОКБ-1. В предвидении такого варианта решения нашего спора с ОКБ-1 я сформировал экипажи в следующем составе: основной экипаж — Комаров, Быковский, Хрунов, Елисеев; запасный экипаж — Гагарин, Николаев, Горбатко, Кубасов.

В районе Москвы очень плохая погода (туман). За неделю мы выполнили там только один полет на Ту-104 на невесомость, а нужно за месяц выполнить минимум 24 полета. Такое положение могло привести к срыву подготовки космонавтов к середине декабря. Пришлось вчера перегнать Ту-104 и два обслуживающих самолета Ан-12 на аэродром Тюра-Там и проводить здесь тренировки космонавтов в невесомости. Сегодня Ту-104 произвел первый полет на невесомость.

…Уже более пяти часов длится беседа маршала и Главного конструктора. Хочется верить, что они найдут пути для прекращения распрей между ОКБ-1 и ВВС.

19 ноября.

Вчера вечером Руденко вернулся от Мишина очень поздно — их беседа длилась около шести часов. Более часа маршал рассказывал мне об их беседе, но для меня в его рассказе не было ничего нового. Мишин вновь требовал подготовить кандидатов от ОКБ-1 к предстоящему полету, он согласился иметь на лунных кораблях (Л-1, Л-3) в качестве командиров кораблей космонавтов ВВС, но настаивает на том, чтобы вторыми пилотами (испытателями) были представители ОКБ-1. В итоге, Руденко сдал наши позиции, дав согласие Мишину на включение в основной экипаж 7К-ОК двух «выходящих» от ОКБ-1 (Елисеев, Кубасов). Маршал был сегодня на аэродроме, беседовал с Масленниковым, космонавтами, инструкторами и приказал вызвать

Кубасова 21 ноября из Москвы, а вместо него в Москве возобновить подготовку Волкова.

Более полугода я вел с Мишиным принципиальную борьбу за высокое качество и обоснованные сроки подготовки космонавтов. В этой борьбе меня поддерживали шесть маршалов: Малиновский, Гречко, Захаров, Крылов, Вершинин и Руденко. Мишина поддерживали Устинов, Сербин, Смирнов, Пашков, Келдыш, Афанасьев, Петровский. В последнее время ЦК КПСС и Совмин усилили нажим на военных, и маршалы забыли о своем письме и резолюциях в защиту интересов обороны страны и безопасности космических полетов. Первым сдался маршал Захаров, а потом Руденко испугался телефонного звонка Захарова («Почему ставите шлагбаумы кандидатам от ОКБ-1?») и заявления Келдыша о том, что ВВС срывают подготовку полета. Раза три я пытался вернуть Руденко на наши прежние согласованные позиции. Победа была уже близка — на встрече в ЦК КПСС 16 ноября мне удалось убедить Сербина и Строганова, что «выходящими» надо послать в полет одного сильнейшего из ВВС (Хрунов) и одного, лучше других подготовленного, от ОКБ-1 (Елисеев). Нужно было продержаться еще 10–15 дней, но у маршала не выдержали нервы («Лбом стенку не пробьешь! За них — все, а нас даже наше начальство отказалось поддерживать — мы с тобой остались только вдвоем…»). Однако, меня Руденко не переубедил: борьбу еще можно продолжать, но теперь уже против всех, без союзников и другими методами.

Сегодня провели заседание Госкомиссии. Членов Госкомиссии было только семь: Керимов, Мишин, Руденко, Карась, Правецкий, Курушин и я. Из главных конструкторов были Рязанский, Мнацаканян, Ткачев и другие, всего же на заседании присутствовали более 100 человек. Для меня это было первое заседание Госкомиссии на полигоне без С. П. Королева. В повестке дня были следующие вопросы:

1. О ходе подготовки изделий № 1 и № 2 — докладчики П. М. Катаев (в/ч 44275), А. И. Осташев (п/я 651), М. Ф. Шум (филиал п/я 651).

2. Готовность контрольно-измерительного комплекса — А. П. Романов (в/ч 32103).

3. Готовность средств поиска — С. П. Сибиряков (ВВС).

4. Обсуждение состава оперативных групп — И. Е. Юрасов (п/я 651).

5. Программа полета — К. П. Феоктистов (п/я 651).

6. О готовности изделий № 3 и № 4 и принятие решения об их отправке на полигон — В. П. Мишин (п/я 651).

Приняли решение продолжать подготовку ракет и кораблей к пускам. Пуск активного корабля назначен на 26 ноября, пуск пассивного корабля — на 27 ноября.

На заседании произошел неприятный инцидент. Председатель Госкомиссии Керимов нетактично запретил генерал-лейтенанту Карасю задать вопрос конструктору Мнацаканяну. Карась возмутился и между ними произошла некрасивая перепалка.

20 ноября.

Сегодня воскресенье, но мы работаем. В 10 часов утра слушали доклад Феоктистова о программе полета. Программа полета каждого корабля рассчитана на четверо суток. Самым важным являются маневр, сближение и автоматическая стыковка кораблей. Если при пуске пассивного корабля удастся вывести его на удаление не более 20 километров от активного, то стыковка может осуществиться на первом-втором витке пассивного корабля, а если удаление окажется больше 20 километров, то потребуются сутки на маневр и сближение кораблей.

После утверждения программы полета Руденко, я и Правецкий поехали на аэродром. Я обещал Правецкому взять его с собой в полет на невесомость на Ту-104, но оказалось, что из 12 членов экипажа самолета можно безболезненно для полетного задания снять с борта только одного человека, место которого занял я. Перед Правецким пришлось извиниться.

Отличная среднеазиатская погода сегодня нахмурилась. На высоте 7000 метров была еще облачность, а для безопасного проведения горок на самолете Ту-104 нужна хорошая видимость горизонта: на этой высоте самолет разгоняется до максимальной скорости и затем переходит в резкий набор высоты (с 7000 до 10000 метров). В момент прекращения набора высоты на 20–25 секунд возникает невесомость — вот эти-то очень короткие секунды мы и используем для тренировки космонавтов. Сегодня со мной на невесомость летали Комаров, Быковский, Хрунов и Елисеев. Хрунов выполнял упражнение по

переходу из бытового отсека пассивного корабля в бытовой отсек активного корабля. Елисеев отрабатывал выход из корабля и вход в корабль. Громоздкий скафандр, 50-килограммовый ранец на ногах и резкое перемежение невесомости с перегрузками делают эти упражнения очень тяжелыми, но Хрунов и Елисеев выполнили задание хорошо. Я чувствовал себя в полете отлично, на всех горках я был отвязан и в непосредственной близости наблюдал работу космонавтов.

Вчера Мишин показал мне шифр-телеграмму от Охапкина и Цыбина. Они вносят предложение, чтобы один из выходящих космонавтов отошел от корабля на 10 метров (с тросом) и заснял на кинопленку состыкованные корабли и переход другого космонавта из одного корабля в другой. Леонов и американские астронавты по нескольку раз отходили от корабля, но для выполнения этого задания они очень много тренировались. Ставить космонавтам за месяц до полета такую трудную задачу, по меньшей мере, легкомысленно — ни один из гражданских кандидатов к ней не подготовлен. Такое задание может выполнить только Хрунов (он имеет более 50 полетов на невесомость), но и ему необходимо выполнить дополнительно 8-10 полетов, чтобы уверенно подготовиться к этому эксперименту. За 4 дня Ту-104 (командир корабля полковник Таюрский) сделал пять полетов на невесомость. Если летать с такой максимальной нагрузкой, то до 10 декабря можно выполнить программу-минимум (24 полета), но для дополнительных полетов времени не остается. Я попросил Мишина и Керимова завтра решить, кого готовить на отход от корабля на 10 метров.

Вечером Руденко, Керимов, Правецкий и я были в бане. Рекорд установил Руденко — он пять раз лазил на самый верхний полок и находился в бане два часа. Я мылся не более 15 минут и в парную не ходил. После ужина решили посмотреть кино, но киномеханик полчаса не мог наладить показ картины. Плюнув на всю эту бестолковщину, я пошел на свежий воздух. На улице моросил мелкий дождь, все небо было закрыто облаками, погода продолжала ухудшаться. Напротив здания экспедиции ОКБ-1 просматривались небольшие, но известные всему миру домик космонавтов и домик Сергея Павловича Королева. Они были пусты, только у Мишина горел свет. Я долго гулял в садике между домиком космонавтов и домиком Королева. За шесть лет тут были сотни интереснейших встреч с

Королевым, космонавтами и многими из тех, кто готовил первые космические полеты. Вспомнились беседы с Королевым один на один. Было много случаев, когда мы расходились во мнениях, спорили, искали самые лучшие решения, но мы никогда не заходили в тупик. Королев, безусловно, лучше Мишина знал технику и условия космических полетов, а главное — он лучше знал людей. Он был очень волевым, мог принимать твердые решения, но он знал также, что иногда нужно и посоветоваться, послушать мнение специалистов и найти согласованное решение. Мишин хочет, чтобы в нем тоже видели волевого руководителя, и пытается копировать действия Королева, но не имея авторитета, опыта и знаний, какими обладал Сергей Павлович, он часто попадает в неприятные ситуации.

21 ноября.

Погода продолжает портиться, появилась угроза срыва полетов на невесомость. Принимаю меры к возможному перебазированию Ту-104 и группы космонавтов в Мары или Красноводск.

После завтрака Руденко, Керимов и я зашли к Мишину. Договорились к 11:00 собраться на 31-й площадке, послушать космонавтов о ходе подготовки к полету и решить вопрос о дополнительной тренировке по отходу от космического корабля на 10 метров. Феоктистов, Осташев и другие ведущие специалисты ОКБ-1 считают, что полет пилотируемых кораблей невозможно осуществить раньше 5-15 января, а Мишин «жмет» на 25 декабря. Разница в сроках пуска на 15 дней имеет колоссальное значение и для нас — нам дорог каждый лишний день для подготовки космонавтов. Сегодня утром Мишин еще раз подтвердил, что надо ориентироваться на пуск 25 декабря, а это значит, что на подготовку космонавтов в нашем распоряжении осталось только 20 дней.

В 11:00 на 31-й площадке состоялась намеренно устроенная мной встреча космонавтов с руководством Госкомиссии. Присутствовали Керимов, Мишин, Руденко, Каманин, Комаров, Быковский, Хрунов, Елисеев, Масленников, Ващенко, Моисеенко, Анохин и другие. Мишин рассказал о ходе подготовки кораблей 7К-ОК №№ 1, 2, 3, 4 к пуску, обратил внимание на то, что 7К-ОК — это базовый корабль для Л-1 и Л-3, и что освоение маневра и стыковки необходимо нам для открытия «зеленой улицы» космическим полетам к Луне. Василий Павлович предупредил, что сроки полетов приближаются, и поэтому

космонавтам надо умело использовать каждую минуту на подготовку к полету. Керимов и Мишин задавали много вопросов, отвечали им, в основном, Моисеенко, Масленников и Комаров. Особенно удачно выступил Комаров. Он убедительно доказал, что необходимо немедленно начать предполетные тренировки экипажей и попросил разрешения Госкомиссии продолжать тренироваться экипажам в составе: Комаров, Быковский, Хрунов, Елисеев и Гагарин, Николаев, Горбатко, Кубасов. Мишин дал согласие на тренировки в таком составе, что равносильно его решению по составу основного и дублирующего экипажей. После того, как экипажи выполнят все тренировки, маловероятно, чтобы кто-нибудь внес предложение об изменениях в их составе.

Для меня еще неясно, что повлияло на Мишина, — долгая ли беседа его с маршалом Руденко или моя встреча в ЦК с Сербиным и Строгановым (16 ноября Сербин и Строганов согласились с моим предложением послать в полет Хрунова и Елисеева). Однако, появилась новая угроза качеству подготовки основного экипажа. Дело в том, что полковник А. Н. Душин (КГБ) сообщил мне дополнительные сведения к биографии Елисеева. В свое время он сменил отцовскую литовскую фамилию Курейтис на фамилию матери (Елисеева). Его отец, Курейтис Станислав Адамович, в 1935 году был осужден на 5 лет за антисоветскую агитацию. В данное время отец Елисеева работает в Москве начальником лаборатории Центрального научно-исследовательского института кожевенно-обувной промышленности. Елисеев в 1966 году расторгнул брак с гражданкой Шкаликовой, от которой у него есть дочь 1960-го года рождения, и женился на Комаровой.

Кроме согласия на смешанную пару «выходящих», Мишин сделал еще один крупный шаг для сближения с ВВС. Ранее он несколько раз грозился лично проверить знания военных космонавтов и поставить им «двойки», а сегодня дал согласие на оформление приказом Главкома ВВС экзаменационной комиссии с председателем от ВВС и одинаковым количеством членов от промышленности и Министерства обороны.

Сегодня Мишин нечаянно проговорился мне и Руденко, что 16 ноября в ответ на его жалобу на сложность отношений с ВВС Устинов сказал: «Я вас мирить не буду, сами найдите общий язык с ВВС». Вот

где основная причина потепления наших отношений. Теперь я буду делать все возможное, чтобы закрепить наметившуюся тенденцию к лучшему взаимопониманию.

22 ноября.

Накануне поздно вечером между Руденко и Мишиным опять состоялся длинный разговор. Во время их встречи звонил секретарь ЦК Устинов, на его вопрос: «Какие у вас взаимоотношения с ВВС, и как идет работа?», — Мишин ответил: «Работаем с ВВС дружно, вот сейчас рядом со мной маршал Руденко, принимаем все меры, чтобы уложиться в установленные вами сроки полета. Космонавты летают на невесомость». Устинов в разговоре с Руденко сказал: «О всех ваших делах я докладывал Брежневу, нас всех беспокоит большая активность американцев. Надо сделать все возможное, чтобы уже в этом году иметь новые успехи».

Маршал Руденко показал Мишину сведения КГБ к биографии Елисеева. Оказалось, что Мишин знает эти данные, и у него нет полной уверенности, что Елисееву разрешат лететь. Мишин просил форсировать подготовку Кубасова, но и тренировки Елисеева не прекращать. Я позвонил полковнику Душину и еще раз попросил выслать нам официальное заключение КГБ на Елисеева.

Вчера Феоктистов провел занятия с космонавтами на корабле № 1. Главная тема занятий — обеспечение безопасности перехода из корабля в корабль и киносъемка состыкованных кораблей и самого процесса перехода. Для выполнения предложенной специалистами ОКБ-1 киносъемки одному из выходящих космонавтов надо отойти на тросе на 10 метров от корабля. Подготовить такой выход за месяц до полета оказалось сложным делом даже для Хрунова. Космонавты предложили рассмотреть возможность съемки с использованием 10-метрового выдвижного штатива. Феоктистов и Мишин поддержали предложение космонавтов и дали задание Бушуеву проработать этот вариант.

Руководство Госкомиссии заслушало обстоятельный доклад А. И. Осташева (руководитель испытаний от ОКБ-1) о ходе подготовки пилотируемых кораблей. Без сокращения сроков проверок и испытаний и без перенапряжения людей (испытатели работают по 12–14 часов в сутки) корабли будут готовы к пуску 5 января 1967 года, но если дополнить команду испытателей сотней офицеров от полигона и

полсотней специалистов от промышленности, а также сократить продолжительность некоторых операций, то возможно окончание подготовки кораблей к 25–29 декабря. Решили готовить пуск на конец декабря. Я предложил использовать для помощи испытательным бригадам 22 слушателя-космонавта. Осташев и Мишин встретили это предложение с восторгом. Для слушателей практика работы на кораблях 7К-ОК будет самой лучшей учебой — на полигоне они увидят очень много полезного и интересного, а кроме всего прочего, внося такое предложение, я имел в виду дальнейшее укрепление связей ВВС с ОКБ-1.

Сегодня Керимов, Мишин, Руденко, Карась и я в 11 часов были на аэродроме, где осмотрели оборудование самолета Ту-104 и побеседовали с космонавтами о трудностях полетов на невесомость. Самолет был готов для полетов 5 ноября, но до 17 ноября удалось выполнить всего один полет, а за пять суток пребывания на аэродроме Тюра-Там уже выполнено шесть полетов. Здесь все дни — голубое небо, а в районе Москвы — туманы с видимостью 200–100 метров. Из Москвы второй день не могут вылететь два Ил-14 со слушателями-космонавтами, их не выпускают к нам по погодным условиям. Для выполнения минимальной программы полетов для тренировок в невесомости нам необходимо выполнить еще 17 полетов, плюс два полета на медицинские исследования и 6–8 полетов на обеспечение подготовки киносъемки состыкованных в космосе кораблей. Таким образом, всего потребуется еще 25–27 полетов, и если удастся сохранить тюра-тамский темп тренировок, то нам нужно 23–24 дня — это настолько жесткие сроки, что один день простоя из-за погоды грозит срывом всей программы тренировок.

Выход из этой трудной обстановки еще возможен: назначить в полет хорошо подготовленных Хрунова и Горбатко. Второй, менее удачный вариант комплектования основного экипажа — Комаров, Быковский, Хрунов, Елисеев тоже дает некоторую гарантию выполнения полетного задания. Неделю назад я принял решение готовить первый экипаж в составе: Комаров, Быковский, Хрунов, Елисеев, а второй — в составе: Гагарин, Николаев, Горбатко и Кубасов. С 16 ноября подготовка экипажей ведется в таких составах, но маршал Руденко своей властью вызвал сюда Кубасова (я был категорически против его вызова) и сейчас здесь трое «выходящих». Руденко и

Мишин приняли «мудрое» решение: готовить трех «выходящих», пусть, мол, они соревнуются — полетят двое лучших из трех. Сегодня Руденко и Мишин объявили космонавтам это решение. Все космонавты и их тренеры обескуражены таким распоряжением, оно может очень вредно отразиться на качестве подготовки космонавтов и безопасности полета. О каком, спрашивается, соревновании может идти речь, если Хрунов имеет 52 полета в скафандре на невесомость, Елисеев — 16, а Кубасов — 3? Дав такое головотяпское распоряжение прямо космонавтам, что называется «через мою голову», Руденко улетел в Карши, Мишин и Керимов уехали на вторую площадку, и теперь мне вместе с космонавтами придется распутывать «ребусы» руководителей.

Если когда-нибудь кто-либо будет читать эти строки, то непосвященному в тонкости нашего дела человеку может показаться, что промышленность (Мишин) и ВВС (Каманин) вели длительную борьбу только из-за ведомственных разногласий по вопросу о том, кого назначать в полет с выходом из корабля — военных космонавтов (Хрунов и Горбатко) или гражданских (Елисеев и Кубасов). По существу же борьба идет из-за наших принципиальных расхождений. Мы (ВВС) за то, чтобы в космос летали тщательно отобранные люди, получившие длительную специальную подготовку. Конечно, в будущем в качестве пассажиров в космос станут летать и дети, и женщины, и старики, но членами экипажей космических кораблей всегда будут специально подготовленные космонавты. Если сейчас послать в полет плохо подготовленных людей, то это может привести к тяжелой катастрофе, которая будет позором для СССР и затормозит наши работы по освоению космоса. Но если даже полет окажется удачным, то он принесет нам не меньшие неприятности: победят легкомысленные люди, ратующие за участие в космических полетах почти неподготовленных людей (Мишин и Правецкий добивались моего согласия на полет 56-летнего Анохина и на подготовку к полету за один месяц Макарова). Боясь неприятностей от начальства, маршал Руденко пошел почти на полную капитуляцию и сейчас заискивает перед Мишиным. Я капитулировать не буду. Возможно мне придется уйти с работы раньше времени (лбом стенку не прошибешь!), но я не изменю своей совести и убеждениям. Я фактически отменил распоряжение маршала Руденко, председателя Госкомиссии Керимова

и технического руководителя Мишина, приказав полковнику Масленникову, подполковнику Моисеенко и всем космонавтам продолжать подготовку к полету в составе экипажей, определенных мною 16 ноября.

Сегодня я три раза слушал выступления Елисеева, задавал ему вопросы, наблюдал его работу по подготовке к полету. Мое впечатление: Елисеев сильный, ловкий и волевой человек, грамотный и культурный инженер. За год-полтора из него можно было бы подготовить хорошего космонавта, очень жаль, что мы занимаемся с ним менее трех месяцев. Кубасова я знаю меньше, но мне кажется, что его способности более скромные. Сегодня я крепко отчитал Хрунова — самого ловкого и выносливого из наших космонавтов (для выхода в космос у нас нет человека, подготовленного лучше, чем он). Хрунов допускает неряшливость в речи: говорит «штука» вместо слова «карабин», употребляет и другие словечки и выражения, режущие слух.

Только что говорил с Мусей по телефону. Я уже скучаю по моей старушке, по Оленьке и малому.

23 ноября.

Прекрасное морозное тихое утро, мороз около пяти градусов, снега нет, видимость бесконечная, голубое небо над нами — погода в Тюра-Таме нас пока балует…

Сегодня был на 17-й площадке. С марта 1965 года тут многое изменилось к лучшему: построена высокая и очень красивая телевизионная башня, заканчивается строительство водоочистительного сооружения на Сырдарье, улучшены дороги и планировка территории, больше стало деревьев. С удовольствием постоял у вязов, посаженных космонавтами. Я принимал участие в посадке деревьев вместе с Комаровым, Феоктистовым, Егоровым, Беляевым и Леоновым. Деревья остальных космонавтов посажены без их участия энтузиастами Звездограда. Теннисный корт, баскетбольная, волейбольная и другие площадки в полном порядке, но сейчас космонавты загружены до предела предполетной подготовкой и мало занимаются спортом.

Улетая в Карши, маршал Руденко собирался вернуться не раньше 24 ноября, но уже вчера вечером стало известно, что сегодня в 6:00 по московскому времени он вылетит обратно в Тюра-Там. По-видимому,

он говорил по телефону с Вершининым, и тот передал ему требование ЦК немедленно согласовать с МОМ (Мишин, Керимов) проект письма в ЦК КПСС о космонавтах-испытателях и космонавтах-исследователях. Министерству обороны и ВВС это письмо совершенно не нужно, значительно изменилась и цель постановки данного вопроса со стороны МОМ. Главная причина разногласий заключена в позиции, занятой Минздравом. Мы категорически отвергаем все попытки Минздрава присвоить себе руководящую роль в отборе космонавтов и в медико-биологической подготовке орбитальных космических полетов. Институт В. В. Парина (ИМБП — Ред.) создан для того, чтобы заниматься проблемами длительных (до года и более) полетов, а не мешать военным (как это часто случается сейчас) в освоении ближнего космоса. На днях у меня была длительная беседа с В. И. Правецким (начальник 3-го Главного управления Минздрава) по его инициативе. Встреча началась с того, что Правецкий сказал: «Николай Петрович, вы и руководство ВВС часто загоняете нас в угол и не даете возможности дышать…», но беседа оказалась полезной: договорились, что будем пытаться идти на сближение, на более четкое разграничение задач между институтами космической медицины и упрочение взаимодействия.

Несколько раз беседовал с генерал-лейтенантом А. Г. Карасем — начальником Центрального управления космических средств (ЦУКОС). Ведомство генерала Карася и он лично в очень большой степени виноваты в наших сегодняшних отставаниях. Это они загубили серию кораблей «Восход» из-за глупейшего эксперимента с искусственной гравитацией и они же готовили резолюции маршала Малиновского типа: «Корабли «Восход» не имеют военного значения…»Востоки» очень дороги, заказывать их не будем…» Долгое время они недооценивали роль и значение человека в космическом полете, эта недооценка продолжает сказываться и сейчас на кораблях серии «Союз» (маневр и стыковка) и на наших лунных кораблях. Я несколько лет упорно боролся против позиции ракетных войск, реализуемой в деятельности ЦУКОС. Надо признать, что в этой борьбе на мою долю выпало больше неприятностей, чем побед. Но были и победы, и главная из них — признание активной роли космонавта в управлении космическим кораблем. За последние два года наши «сражения» несколько поутихли. Сейчас Карась ищет нашей

поддержки в своих разногласиях с Мишиным и Керимовым. Я обещал ему, что интересы Министерства обороны мы будем защищать вместе и общими усилиями будем пытаться сглаживать шероховатости в личных взаимоотношениях между членами Госкомиссии.

В 12 часов по местному времени из Карши вернулся маршал Руденко. Он немного приболел. Мы разместили его на 17-й площадке в доме Челомея и поручили заботам врачей. Я пока остаюсь на второй площадке. Сегодня вечером Керимов предложил мне переехать поближе к космонавтам, но до пуска (27–28 ноября), пожалуй, лучше быть здесь.

На сегодня космонавты произвели уже 9 полетов на невесомость из 12 запланированных, завтра выполнят еще два. 25 ноября — день профилактики самолета Ту-104. Я решил не задерживать здесь основной экипаж на 2–3 дня из-за одного полета и завтра вечером отправить его в Москву. Сегодня больше часа занимался с Комаровым и Быковским — мы уточнили объем тренировок на тренажере, количество «подъемов» в барокамерах, готовность членов экипажа к проведению научных и военных экспериментов, бегло рассмотрели целый ворох полетной документации. Вывод один: и здесь, и в Москве еще очень много работы. Дал команду Кузнецову, Гагарину, Николаеву и Горбатко прилететь сюда на самолете Ан-12, который должен доставить на полигон подогреватель для Ту-104 и одну автомашину «Волга». Маршал Руденко утвердил все мои мероприятия, в том числе отправку в Москву на самолете Ил-14 Комарова, Быковского, Хрунова и Елисеева.

Вчера Москва из-за тумана не приняла и не выпустила ни одного самолета, даже самолет английского премьера Вильсона вынуждены были посадить в Ленинграде. Сегодня в 10 часов по московскому времени к нам вылетели два Ил-14 со слушателями-космонавтами.

24 ноября.

Вчера в 21 час по местному времени два Ил-14 со слушателями наконец-то добрались до нас. Вместе с ними прилетели генерал Карпов, Борис Егоров и другие врачи. Завтра слушатели вольются в состав испытательных бригад и будут помогать готовить корабли 7К-ОК к полетам.

Утром провел совещание со слушателями, поставил перед ними задачу образцово поработать на сборке и испытаниях 7К-ОК, изучать

корабли Л-1 и основное оборудование полигона. Работы и занятия будут продолжаться до 1-15 января 1967 года. Командир отряда слушателей-космонавтов полковник Беляев высказал мне свои сомнения в ценности такой стажировки и пожелание поменьше ломать учебную программу подготовки слушателей. Я выразил Беляеву сожаление в том, что он недооценивает представившейся возможности поработать слушателям на «живых» кораблях, которые будут готовиться в полет с их участием.

Сегодня перебрался на 17-ю площадку в домик космонавтов. В течение 6 лет для размещения космонавтов на полигоне использовались строения 10-й, 2-й и 17-й площадок, сейчас готовится дом для космонавтов и на 31-й площадке. Все эти помещения нас совершенно не удовлетворяют. Еще в 1961 году вместе с С. П. Королевым мы поставили перед Министерством обороны вопрос о строительстве на полигоне комплекса зданий и сооружений для подготовки космонавтов к полету, но из-за ведомственных раздоров между ВВС и РВСН этот вопрос долго не решался. Только в октябре 1965 года мне удалось добиться письменного распоряжения маршала Гречко и согласия маршала Крылова на строительство комплекса. Крылов, правда, не согласился с моим предложением о месте строительства. Я предлагал строить комплекс на берегу реки Сырдарьи на 17-й площадке, а Крылов — на 113-й площадке, рядом со стартом Н-1. Сегодня я имел возможность детально разобраться в преимуществах и недостатках 17-й и 113-й площадок. 113-я площадка имеет только одно преимущество: близко старт Н-1. Зато 17-я площадка равно удалена от многих стартов (30–40 километров), совершенно изолирована от посторонних лиц, имеет отличный микроклимат (300 метров от реки), на прилегающих территориях много зелени, заложен спортивный комплекс и парк космонавтов.

Имеющиеся на 17-й площадке три дома (домик космонавтов, дом Челомея и домик топографической команды) на ближайшие 1–2 года как-никак обеспечат размещение космонавтов на полигоне, но для высококачественной подготовки их к будущим полетам необходимо немедленно начать строительство комплекса. Месяца три назад я принимал в Москве группу проектантов комплекса. Проект, в основном, закончен. В комплекс входят: спальные комнаты на 80-100 человек, комнаты отдыха, учебные классы, медицинские кабинеты,

спортивный зал, бассейн, столовая, кинозал. Сегодня я говорил с маршалом Руденко и Правецким, оба обещали на заседании Госкомиссии поддержать мое предложение о постройке комплекса не на 113-й, а на 17-й площадке. Возражение маршала Крылова против строительства на 17-й площадке обосновывалось тем, что в непосредственной близости от водозаборных сооружений нельзя строить жилые здания. С этим возражением можно согласиться и внести поправку в мое предложение — строить комплекс не восточнее, а западнее существующего домика космонавтов, при этом комплекс удаляется от реки еще на 200–300 метров, что вполне удовлетворяет санитарным требованиям.

Звонил в Москву, дома все нормально, но Муся жалуется на боли в области послеоперационного шва. В Москве и сегодня туман с видимостью 100–200 метров, метеослужба не обещает хорошей погоды и ночью. Возможно, придется отправлять Ил-14 с Комаровым, Быковским, Хруновым и Елисеевым до Горького (от Горького до Москвы они смогут добраться поездом). При таком варианте завтра космонавты будут уже в Москве и приступят к тренировкам. Очень вероятно, что и группу Гагарина придется отправить из Москвы в Горький поездом, а из Горького в Тюра-Там — на самолете Ил-14.

Заходил полковник Масленников, он только что вернулся с аэродрома. Сегодня, как и вчера, Ту-104 выполнил два полета на невесомость, а всего в Тюра-Таме за 7 дней сделано 10 таких полетов. Теперь Хрунов имеет 56, а Елисеев — 20 тренировок в невесомости.

25 ноября.

7 часов утра, на востоке за Сырдарьей разгорается заря — опять будет отличное морозное утро и много синевы над головой. Сегодня на самолете Ту-104 проводится профилактика — полетов не будет.

В наши планы обменяться экипажами за один день погода внесла свои коррективы. Оказалось, что вчера к вечеру не только район Москвы был покрыт плотным туманом, но и на всей громадной территории от Куйбышева до Минска и от Ленинграда до Ростова были прекращены всякие полеты. Я выпустил самолет Ил-14 с космонавтами 24 ноября в 15:30, надеясь, что они сумеют добраться до Горького или хотя бы до Куйбышева, но даже это скромное намерение не удалось выполнить: Горький и Куйбышев закрыло туманом, и самолет «заночевал» в Актюбинске. Поздно вечером звонил из

Москвы генерал Кузнецов — он надеется, что 25 ноября ему с группой Гагарина удастся вылететь к нам на Ан-12. Я разрешил ему любой вариант перелета, который может обеспечить прибытие космонавтов на полигон к исходу 25 числа.

Вчера у меня был «медицинский день»: я вел длительные беседы с руководителями космической медицины. Между генералом Карповым и нашими медиками, с одной стороны, и Правецким, Егоровым и другими представителями Минздрава, с другой, — установились нормальные отношения. Карпов и Егоров доложили, что они согласовали все вопросы медицинского обеспечения предстоящего полета, создали единую медицинскую бригаду (36 человек), готовят помещения, завезли аппаратуру и уточняют методику проведения работ. Я приказал Карпову внимательно разобраться с задачами и методикой научных исследований, выполняемых группой врачей Института авиационной и космической медицины на самолете Ту-104 при полетах на невесомость. Мне кажется, что эти работы проводятся в отрыве от тренировок космонавтов и не направлены на их совершенствование. Посоветовался с Карповым по поводу перевода Газенко из нашего института в Академию наук и о кандидатах на его место. Карпов за перевод Газенко, но он категорически против назначения на освобождаемую им должность (заместитель начальника института по науке) Искакова, Генина или Яздовского. Я просил Карпова подумать и назвать мне других кандидатов.

Сегодня получил от маршала Вершинина интересную выписку из сообщений ТАСС от 19 ноября 1966 года.

«Изменение графика осуществления проекта «Аполлон». Нью-Йорк. 17 ноября. Корреспондент агентства «Юнайтед Пресс Интернэшнл» передает с мыса Кеннеди: Американское Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства, ссылаясь на трудности с ракетами и кабинами, сегодня изменило график осуществления проекта «Аполлон» и отменило один орбитальный полет с участием трех астронавтов, который был назначен на эту зиму. Изменение графика, очевидно, преследует цель обеспечить возможность своевременного выполнения американской программы полета на Луну, хотя НАСА об этом не заявило. По новому графику отменяется второй полет пилотируемой кабины «Аполлон» с астронавтами Уолтером Ширрой, Доном Эйзелом и Уолтером

Каннингемом. Кроме того, по новому графику передвигается срок первого испытания в полете ракеты «Сатурн-5».

Первый орбитальный пилотируемый полет «Аполлона», который должны совершить Вирджил Гриссом, Эдвард Уайт и Роджер Чаффи, будет проведен, как было намечено первоначально, в первом квартале будущего года. Полагают, что он может состояться не раньше февраля.

Второй орбитальный пилотируемый полет «Аполлона» должен был состояться тоже в первом квартале 1967 года, но по новому плану этот полет вообще отменяется. НАСА заявило, что Ширра, Эйзел и Каннингем теперь составят резервный экипаж для первого полета «Аполлона». Экипаж, который сначала был назначен в резерв для этого полета, будет переключен на более поздний полет.

По новой программе полетов на 1967 год в рамках проекта «Аполлон» за полетом «Аполлона-1» последует первый непилотируемый полет малого лунного корабля с помощью ракеты «Сатурн-1». За этим последует двойной запуск: сначала запуск корабля «Аполлон» с помощью ракеты «Сатурн-1», а день спустя — запуск с помощью такой же ракеты непилотируемого малого лунного корабля, предназначенного для посадки на Луну. Пилотируемый корабль «Аполлон» затем проведет маневр встречи с лунным кораблем на орбите вокруг Земли, чтобы прорепетировать операции для последующих полетов на Луну.

НАСА по-прежнему стремится осуществить полет людей на Луну к 1969 году. Как сообщило управление, второй непилотируемый полет гигантской лунной ракеты «Сатурн-5» передвинут с первого полугодия 1967 года на второе полугодие. Первый пилотируемый орбитальный полет с помощью ракеты «Сатурн-5» был назначен на конец 1967 года, и НАСА заявило, что этот план остается в силе. Если все будет идти, как намечено, четвертый запуск трехступенчатой ракеты «Сатурн-5», может быть, будет попыткой посадить пилотируемую кабину на Луну. Возможно, что эта попытка будет предпринята в первой половине 1968 года, хотя считается, что скорее всего, она будет сделана в конце 1968 года.

НАСА сообщило, что проблемы отработки систем, которые привели к изменению графика, в основном, вращаются вокруг трех моментов, а именно:

— неудача с системой охлаждения кислорода для космического корабля «Аполлон-1» во время испытания в барокамере на мысе Кеннеди;

— уничтожение отсека корабля «Аполлон», где размещаются большой двигатель и запасы для астронавтов, во время испытаний в Сил-Бич (штат Калифорния) в прошлом месяце; этот отсек предназначался для первого запуска ракеты «Сатурн-5», и теперь он будет заменен отсеком, который готовился для отмененного второго пилотируемого орбитального полета;

— целый ряд проблем со второй ступенью ракеты «Сатурн-5»; первый экземпляр этой ступени еще не испытан, и его доставка на мыс Кеннеди запаздывает уже на четыре месяца».

Несколько месяцев назад НАСА широко оповестило весь мир, что первый полет «Аполлона» с экипажем на борту состоится в декабре текущего года. Перенос этого полета на первый квартал 1967 года дает нам возможность до его осуществления выполнить 3–5 полетов пилотируемых кораблей. Вполне выполнимо примерно такое задание: запустить два «Союза» в декабре, один «Восход» — в январе и два «Союза» — в феврале 1967 года. По словам Мишина и других руководителей промышленности, такой план вполне реален, но Мишину и промышленникам мы уже разучились верить.

Вчера Мишин закатил очередную истерику. Беляев согласовал с Осташевым, Анохиным и Феоктистовым план занятий со слушателями-космонавтами на ближайшие три дня, но когда Осташев попытался доложить этот план Мишину, тот сразу взорвался и очень грубо накричал на него. Беляев, Ващенко и Никерясов, которые в числе многих других присутствовали при этом, были глубоко возмущены этой унижающей Мишина сценой.

26 ноября.

Вчера в 16:30 по местному времени прилетел Ан-12, на котором на полигон прибыли Кузнецов, Гагарин, Николаев, Горбатко, Колодин и Белоусов, а в 13:00 по московскому времени самолет Ил-14 с экипажем В. М. Комарова произвел посадку в Москве. Таким образом, обмен экипажами произведен вовремя, и сегодня экипаж Гагарина уже выехал на аэродром для полетов на Ту-104 на невесомость.

Беседовал более часа с Кузнецовым, Гагариным, Николаевым и другими, объяснил им обстановку (резкое улучшение

взаимоотношений с ОКБ-1), рассказал о решениях Госкомиссии и поставил задачу на ближайшие дни. Особо предупредил всех, чтобы не допускали рецедивов периода нашей «холодной войны» с ОКБ-1. Гагарина, Николаева и других особенно волновали вопросы организации экзаменов и проверки подготовленности экипажей к космическому полету, так как Мишин неоднократно публично заявлял, что он лично будет проверять космонавтов ВВС и по знанию космической техники поставит им «двойки». За время пребывания на полигоне нам удалось уладить и этот вопрос. 22 ноября маршал Руденко написал, а Мишин завизировал приказ о назначении экзаменационной комиссии из 13 человек. Председателем комиссии назначен я, заместителями — Цыбин и Кузнецов. От ОКБ-1, кроме Цыбина, в состав комиссии вошли Анохин и Раушенбах.

Вчера вечером провели заседание Государственной комиссии. Повестка дня включала семь пунктов.

1. Состояние работ по объектам 11Ф615 № 1 и № 2 (кораблям «Союз» — Ред.) и изделиям 11А511 № 1 и № 2 (ракетам-носителям «Союз» — Ред.) и готовность их к завершающим операциям. Предложения по дальнейшим работам. План работ на стартовой позиции. Докладчики: инженер-подполковник Катаев Павел Михайлович, Осташев Аркадий Ильич, Шум Михаил Федорович.

2. Готовность основных систем объектов и изделий к обеспечению дальнейших работ.

Докладчики по системам объектов: Богомолов Владислав Николаевич, Лаврентьев Дмитрий Константинович, Невзоров Борис Григорьевич, Азаров Анатолий Васильевич, Зотов Юрий Николаевич, Кондауров Евгений Васильевич, Рязанский Михаил Сергеевич, Солодов Дмитрий Мстиславович, Гайков Анатолий Васильевич, Кричевский Владимир Георгиевич, Салецкий Станислав Викторович, Лодочников Эвальд Акимович, Николаев Василий Николаевич, Степанов Владислав Иванович, Сидорова Руфа Григорьевна, Гузенко Владимир Павлович, Мауер Меер Евсеевич, Когутенко Александр Гаврилович, Изгородин Владимир Евгеньевич, Гусев Михаил Иванович, Ткачев Федор Дмитриевич.

Докладчики по системам изделий: Июдин Анатолий Павлович, Горшков Семен Иосифович, Кротов Валентин Константинович, Осипов Михаил Владимирович, Зотов Юрий Николаевич, Крайнев

Виктор Васильевич, Лодочников Эвальд Акимович, Солодов Дмитрий Мстиславович.

3. Готовность стартовой позиции к обеспечению работ по испытаниям и запуску изделий 11А511 с объектами 11Ф615 № 1 и № 2. Докладчики инженер-подполковник Катаев Павел Михайлович и Хлебников Борис Иванович.

4. Готовность КИК (контрольно-измерительного комплекса — Ред.) к обеспечению работ по управлению полетом объектов 11Ф615 № 1 и № 2. Докладчик инженер-подполковник Романов Алексей Петрович.

5. Готовность полигона к работам с объектами 11Ф615 № 1 и № 2. Докладчик — генерал-майор Курушин Александр Александрович.

6. Заключение технического руководителя.

7. Разное.

Конструкторы и руководители испытаний доложили: «Оба корабля «Союз-1» и «Союз-2» с носителями прошли все проверки и испытания и готовы к полету». Мишин коротко заключил: «Корабли и ракеты можно вывозить на старт и готовить к пуску». Решили: «В 9-10 часов утра 26 ноября вывозить объекты на старт. Автономные и комплексные проверки закончить до исхода 26 ноября (27 ноября резервный день). Пуск первого корабля произвести 28 ноября в 16:00, второго — через сутки».

Для руководства полетом Госкомиссия создала три смены оперативной группы, состав которой утвердили Керимов и Мишин. Первая смена: Карась А. Г. — руководитель смены, Феоктистов К. П. и Фадеев П. Г. — заместители руководителя смены, Гагарин Ю. А., Анохин С. Н., Целикин Е. Е., Севастьянов В. И., Карпов Е. А., Рязанский М. С., Тополь А. Ф., Мнацаканян А. С., Милицин А. В., Пестеров Е. С. Вторая смена: Каманин Н. П. — руководитель смены, Юрасов И. Е. и Романов А. П. — заместители руководителя смены, Николаев А. Г., Моисеенко А. А., Варшавский В. П., Егоров Б. Б., Пиковский И. И., Богомолов Б. И., Сусленников В. В., Горин Ф. А., Селезнев Б. В. Третья смена: Правецкий В. Н. — руководитель смены, Осташев А. И. и Кравцов Ю. Ф. — заместители руководителя смены, Горбатко В. В., Кузнецов Н. Ф., Ващенко И. П., Макаров О. Г., Какурин Л. И., Меньшиков, Зеленщиков Б. И., Кандауров Е. В., Абрамович С. К., Фроликов А. А.

Сегодня Гагарин, Николаев, Кубасов и Горбатко дважды слетали на невесомость. На разборе полетов присутствовали генерал Кузнецов, Анохин, Аксенов и я. Гагарин высказался в том духе, что перенос ранца со спины на ноги затрудняет движения и требует более длительной и кропотливой подготовки. Кубасов технически грамотно и откровенно доложил о своих ошибках на первых горках, но разговорная речь его засорена: он через каждые 3–4 слова говорит «значит». У Горбатко на первых горках также были ошибки, но он быстро их устранил. Аксенов — ведущий инженер по испытаниям от ОКБ-1 несколько раз пытался доказать мне необходимость его постоянных полетов с экипажем, с тем чтобы отработать методику выхода, входа и перехода космонавтов из корабля в корабль. Моисеенко и другие резонно заметили ему, что методика уже отработана при полетах в ЛИИ и при тренировках экипажа Комарова, и менять методику в конце тренировок неразумно. Но Аксенов упорно доказывал, что он не уверен в целесообразности перехода из корабля в корабль способом «однохвата», и пытался навязать «разнохват». Все космонавты и даже Кубасов высказались за переход «однохватом» (обе руки сверху поручня), «разнохват» (одна рука сверху, другая снизу поручня) был хорош при размещении ранца на спине, но с переносом ранца на ноги этот способ затрудняет переход. Выявилось также, что самое сложное при надевании скафандров (космонавты при этом помогают один другому) — это надевание четвертой по счету перчатки: было много случаев неполной герметизации.

27 ноября. 17-я площадка.

Вчера вместо 9:00 корабль вывезли на старт только в 17:30. При стыковке корабля с ракетой и при погрузке на установщик было много неожиданностей и задержек. Общая длина ракеты с кораблем составляет 46 метров, а установщик сконструирован с расчетом на более скромные размеры. Носовая часть ракеты выступает далеко вперед от конечной опоры установщика. Устойчивость ракеты в горизонтальном положении на установщике оказалась недостаточной, существовало даже опасение, что корабль перетянет первую ступень и ракета «клюнет носом». При погрузке в нескольких местах помяли обтекатель корабля и борта ракеты.

При вывозе ракеты с кораблем из МИКа присутствовали Керимов, Мишин, Правецкий, Кириллов и сотни две специалистов. В МИКе у

меня был неприятный разговор с Мишиным. Этот академик ведет себя, как легкомысленная девчонка. Он, к сожалению, совершенно не знает условий работы космонавтов при выходе из космического корабля, ничего не понимает в методах и трудностях подготовки их к полету, а вмешивается во все детали нашей работы и пытается навязать свои решения. На этот раз он придрался к тому, что в составе экипажа Гагарина прилетел Горбатко, а не Волков. На вопрос Мишина: «Почему не взяли Волкова?», — я ответил: «Волков никогда не был в составе экипажа и не может быть подготовлен к полету за 2–3 недели, а Горбатко уже более года готовится к полету в составе экипажа и может закончить подготовку через 10–15 дней». У Мишина не нашлось что мне ответить, кроме его обычных фраз: «Наши инженеры более грамотны… Вы протаскиваете своих людей, хотите поставить нас перед свершившимся фактом, что ваши лучше подготовлены… Из этого ничего не выйдет, так мы с вами не сможем работать…» Кругом было много людей, рядом с нами стоял и молчал Керимов. Место для такого разговора было выбрано явно неподходящее. Я прямо спросил Мишина: «Чем вам помешал Горбатко? Мы не настаиваем на том, чтобы он летел первым, но он помогает готовить Кубасова…» В это время последовали важные команды, связанные с вывозом объекта, и разговор остался незаконченным.

Вчера вечером и сегодня утром мы с Руденко дважды обсуждали наши взаимоотношения с Мишиным. Я предложил занять твердую позицию и прекратить уступки капризам Мишина. Маршал согласился с моей характеристикой Мишина, ему тоже надоели его капризы и истерики, но Руденко опасается, что сила на стороне Мишина (ЦК и Совмин), а нас, кроме Вершинина, никто не поддержит. Позиция маршала Захарова («Не ставить шлагбаумы…») и необдуманная реплика Келдыша («Записать, что ВВС срывают подготовку космонавтов») выбили Руденко из колеи. Он дал понять мне, что не намерен продолжать борьбу, заявив: «Нас с тобой выгонят, а Мишин останется». С этой «позиции» Руденко решает теперь все вопросы. Я сегодня продолжаю готовить экипаж Гагарина в полном составе, и никакие капризы Мишина и соглашательства Руденко не изменят ход дела. Еще 4–5 дней, и решающая стадия подготовки двух полных экипажей будет закончена, а вопрос о том, кто полетит, пускай решают Госкомиссия и правительство. Я доложу свои соображения о

кандидатах на полет и буду их отстаивать, хотя хорошо знаю, что останусь в меньшинстве и, может быть, даже без поддержки Руденко и Вершинина.

Сегодня утром говорил с Мусей. Она с ребятами на даче, все здоровы.

28 ноября.

Сегодня должен состояться первый пуск «Союза», которого на основании обещаний Королева мы ждем уже более четырех лет. Промышленность задержала изготовление кораблей из-за излишней их автоматизации: «Союзы» должны стыковаться автоматически, даже без космонавтов на борту. Эти корабли способны маневрировать и обладают другими хорошими качествами, но у них много и недостатков. Завтра должна состояться первая в мире стыковка двух беспилотных космических кораблей. Правда, американские астронавты на кораблях «Джемини» уже выполнили несколько стыковок с ракетами «Аджена». От успешных полетов «Союзов» зависит наше ближайшее (2–3 года) космическое будущее: на базе «Союзов» строятся лунные корабли.

29 ноября.

Сейчас 3 часа ночи по местному времени, я несу дежурство на командном пункте по руководству полетом первого корабля «Союз». За последние 20 часов было много важных событий. Вчера с 10 до 12 часов Мишин провел два заседания технического руководства по «Союзам» № 1 и № 2. В 12 часов Госкомиссия, заслушав доклады конструкторов систем о готовности корабля и ракеты к пуску, приняла решение приступить к заправке ракеты и произвести пуск «Союза» № 2 в 16:00 по местному времени. В повестку заседания Государственной комиссии были включены шесть пунктов.

1. Готовность изделия 11А511 № 2 и объекта 11Ф615 № 2 к пуску и состояние работ по подготовке изделия 11А511 № 1 с объектом 11Ф615 № 1 к вывозу на стартовую позицию. Докладчики: инженер-полковник Кириллов Анатолий Семенович, Июдин Анатолий Павлович, Горшков Семен Иосифович, Кротов Валентин Константинович, Осипов Михаил Владимирович, Шум Михаил Федорович, Осташев Аркадий Ильич, Хлебников Борис Иванович.

2. Готовность всех служб и средств полигона, обеспечивающих пуск изделия 11А511 № 2 с объектом 11Ф615 № 2. Докладчики:

генерал-майор Курушин Александр Александрович, инженер-майор Насонов Владимир Петрович, инженер-майор Овчинников Виктор Александрович.

3. Готовность всех средств командно-измерительного комплекса. Докладчик — инженер-полковник Фадеев Николай Григорьевич.

4. Готовность к работе средств поиска, обнаружения и эвакуации объекта 11Ф615 № 2. Докладчик — инженер-полковник Сибиряков Сергей Николаевич.

5. Заключение технического руководителя и подписание протокола о пуске изделия 11А511 № 2 с объектом 11Ф615 № 2.

6. Принятие решения о вывозе изделия 11А511 № 1 с объектом 11Ф615 № 1 на стартовую позицию.

Все работы по подготовке пуска шли очень четко и точно по графику. В 16 часов (с опозданием на 0,2 секунды от расчетного времени) ракета унеслась в безоблачную высь. Операции по подготовке и пуску ракеты передавались по внутренней телевизионной системе. Наблюдение за работами по подготовке пуска по телевидению позволяет видеть одновременно значительно больше, чем это возможно при нахождении у ракеты. При подготовке пусков пилотируемых кораблей Королев и я всегда находились у ракеты. Мишин по традиции и в этот раз был рядом с ракетой, а Руденко, Керимов и я наблюдали работу на старте из бункера по телевидению. Сам пуск мы с Руденко, Кузнецовым, Гагариным, Николаевым, Беляевым и Егоровым наблюдали с НП (наблюдательный пункт Ред.). Пуск прошел отлично, невооруженным глазом я видел отделение первой ступени. (Корабль «Союз», 7К-ОК № 2, запущенный 28 ноября 1966 года, получил официальное название «Космос-133» — Ред.)

После пуска все руководство Госкомиссии собралось на КП второй площадки. Первые сведения о ходе полета были благоприятные, и я решил часа три отдохнуть, так как в 23 часа моя смена заступала на дежурство. В 22 часа позвонил с КП Гагарин и сообщил, что в полете выявились большие неполадки. Через десять минут приехал Руденко и сообщил печальные вести. Оказалось, что на борту корабля по непонятной причине за 15 минут израсходовалось все рабочее тело для ДПО (двигатели причаливания и ориентации), и корабль получил закрутку со скоростью два оборота в минуту. По уточненным данным перигей орбиты «Союза» составлял всего 179

километров, и существование корабля на орбите ограничивалось 39-ю витками. Это известие меня очень огорчило: неудача при первом же пуске неизбежно задержит освоение кораблей «Союз».

В 24 часа Керимов, Мишин и Карась ушли отдыхать. Мне и трем заместителям Мишина (Черток — в Евпатории, Бушуев — в Москве и Юрасов — в Тюра-Таме), а также космонавтам Феоктистову и Николаеву пришлось разбираться в причинах происшествия и готовить предложения для Госкомиссии. Все сошлись на том, что на 13-м витке надо попытаться с помощью ионной системы ориентации остановить вращение корабля, а на 16-м витке выдать команду на спуск корабля с использованием этой же системы ориентации. Посадку решили произвести на 17-м витке, но предварительно, выдав дополнительную команду на спуск с использованием автоматической солнечной ориентации. Мишин согласился с нашими предложениями, и мы передали предварительные команды по исполнению принятого решения.

Это происшествие срывает пуск второго корабля «Союз», а следовательно, и эксперимент по автоматической стыковке кораблей. Мы (ВВС) шесть лет упорно боремся против переоценки возможностей полностью автоматизированных систем космических кораблей, и выступаем за повышение роли экипажа в полете, но ОКБ-1 пока еще остается на своих ошибочных позициях. Ошибок набирается много: гибель технологического корабля ЗКД перед полетом Леонова и Беляева, отказ в полете «Восхода-2» автоматики перед посадкой корабля, сегодняшняя неудача с «Союзом» — вот далеко не полный перечень жертв увлечения автоматизацией. При большем доверии космонавтам и упрощении многих систем пилотируемых кораблей мы уже в 1963 году могли бы овладеть стыковкой на орбите, но погоня за полной автоматизацией систем космических кораблей привела нас к позорному отставанию от США и будет еще долго мешать нам в освоении космоса.

30 ноября.

Почти двое суток я непрерывно находился на КП. Сейчас 22 часа по местному времени. Корабль «Союз» спущен с орбиты, все решения приняты, доклады сделаны, рассмотрены и утверждены Госкомиссией планы дальнейших работ. Завтра в 8 часов вылетаем в Москву. Попытаюсь изложить ход событий в хронологическом порядке.

Около 10 часов по местному времени 29 ноября после многих консультаций со специалистами (Черток, Бушуев, Феоктистов, Юрасов, Осташев и другие) было решено сажать корабль на 17-м витке с использованием АСО (автоматическая солнечная ориентация). На борт корабля были переданы все исполнительные команды, но вскоре после их передачи у некоторых товарищей возникли сомнения в правильности переданных команд. Времени для повторения команд или проверки их содержания не было, и Мишин принял решение отбить команду на посадку. Позже по данным телеметрии мы убедились в том, что команды были переданы правильно.

На 18-м и 19-м витках мы попытались посадить корабль с использованием ионной ориентации, однако корабль не послушался наших команд и продолжал полет. 20-й и последующие витки были малоудобны для посадки — пришлось оставлять аварийный корабль на орбите. Для большей уверенности в том, что корабль продержится на орбите еще сутки, на борт были переданы команды на подъем орбиты корабля. Мы не знали параметры орбиты «Союза» с 21-го по 29-й виток (эти витки проходят над Атлантикой и почти «не освещаются» нашими ИПами).

Ночь была тревожной. Многие специалисты высказывали сомнения в возможностях корабля продержаться на орбите до 29-го витка. К утру по телеметрии было установлено, что корабль принял все три команды на включение двигателей: система ионной ориентации стабилизировала корабль, и двигатели включались, но их работа в первом случае продолжалась 10, во втором — 13, а в третьем — около 20 секунд. Во всех трех случаях при включении двигателей нарушалась стабилизация корабля, появлялись большие угловые колебания, и двигатели автоматически выключались, не дав полного импульса. После осуществления двух попыток спуска корабля и одной попытки повысить его орбиту мы не знали результатов этих маневров и с большим нетерпением ждали 29-го витка, на котором корабль должен был пройти в зоне радиовидимости наших самых восточных ИПов в Приморье.

В 9 часов утра корабль появился над восточными окраинами Советского Союза, но он не «отвечал» на наши запросы. На 30-м витке корабль «ожил», принял все наши команды и выдал квитанции — у нас вновь появилась надежда посадить корабль. На 32-м витке на борт

«Союза» были переданы команды на спуск, корабль принял их к исполнению, выдав квитанции. Мы не были уверены в посадке на 33-м витке и продублировали команды на спуск для посадки на 34-м витке. Корабль не сел на 33-м витке — продолжительность работы двигателей опять была недостаточной. На 34-м витке в пятый раз сработала ионная ориентация, включились двигатели, чтобы столкнуть корабль с орбиты, и… «Союз» наконец-то пошел на посадку. Радиолокаторы ПВО наблюдали корабль над Краснодаром, Гурьевым, Актюбинском и сделали последние засечки в 200 километрах юго-восточнее Орска. Корабль прекратил полет над территорией Советского Союза в 14:32 по московскому времени, сейчас уже 23:30 по местному, прошло одиннадцать часов, но до сих пор нет точных данных о местонахождении и состоянии корабля. Поступает очень много противоречивых сообщений. Самолеты не сделали ни единой засечки спускающегося корабля. Однако, есть доклады из Москвы и Орска о том, что корабль дважды запеленгован, и есть несколько сообщений из Орска о том, что в различных районах якобы видели спуск парашюта. Из всего вороха имеющихся сведений достоверно известно лишь одно: на 34-м витке корабль пошел на спуск — на участке Краснодар — Гурьев — Орск было много сообщений, подтверждающих его снижение.

До 20 часов по местному времени в районе вероятного приземления корабля летали самолеты, но ни один из них «не слышал» сигналов с борта «Союза». Вероятно корабль взорвался при спуске от срабатывания системы АПО (автоматический подрыв объекта 23-мя килограммами тола). В 20 часов я приказал службе поиска посадить самолеты и вертолеты и возобновить поиск утром 1 декабря. Затем Мишин, Керимов, Руденко, Карась, я и другие еще раз проанализировали обстоятельства происшествия и решили: считать полет законченным, создать четыре аварийные комиссии, поручить им до 6 декабря проанализировать все данные о полете и установить причины происшествия; продолжать подготовку к полету кораблей № 3 и № 4; корабль № 1 снять со старта, разрядить и хранить в МИКе, имея в виду возможность его одиночного пуска в середине декабря.

1 декабря. Москва.

В 8:00 по московскому времени на самолете Ан-10 вылетели с полигона в Москву. Из-за плохой погоды в Москве сначала сели в

Куйбышеве, посадку в Москве произвели в 14:40.

Кутасин доложил, что визуальный поиск с самолетов космического корабля «Союз» продолжается, но пока не обнаружено никаких следов его приземления. Теперь уже не может быть сомнений во взрыве корабля. Для выяснения причин происшествия нам во многом мог бы помочь сам корабль, если бы он оказался целым, но теперь придется ограничиться лишь анализом имеющихся данных. Причины отказов в работе систем корабля будут детально изучать специальные комиссии. Пока есть ясность, да и то неполная, лишь в вопросе о том, какие системы отказали на борту корабля. Вот основные отказы:

1) полное непроизвольное истечение рабочего тела из системы питания двигателей причаливания и ориентации (ДПО); 2) недостаточная стабилизация корабля при включении тормозного двигателя; 3) отказ «Трала» на 15-м витке.

Полет хотя и закончился неудачно, но он дал нам возможность оценить и некоторые ценные качества нового корабля: проверены устойчивость работы системы ионной ориентации и многократность включения двигателей; мы убедились, что корабль послушно изменяет орбиту (маневрирует), и что его можно заставить снизиться даже при неисправностях в системе стабилизации. В ходе дебатов о причинах происшествия Мишин, Керимов, Рязанский и другие неоднократно соглашались с нашим мнением, что корабль можно было спасти, если бы вместо манекена в корабле был космонавт.

2 декабря.

Утром Кутасин рассказал мне о всех предпринятых попытках отыскать в районе Орска осколки корабля «Союз». На поиск было задействовано много самолетов, вертолетов и наземных команд. Власти Оренбургской области оказывали помощь службе поиска. Но все оказалось напрасным: пока не обнаружено ни малейшего доказательства, что обломки корабля упали в районе Орска или где-либо еще на территории Советского Союза.

Генерал Кузнецов с экипажем Гагарина и специалистами ВВС вчера вечером должен был на трех самолетах (Ту-104, Ил-14 и Ан-12) вылететь из Тюра-Тама в Москву. Сегодня на 9 часов утра положение было такое: Ту-104 еще не вылетел, Ил-14 взлетел и вынужденно сел обратно, а Ан-12 «заночевал» в Куйбышеве.

Вчера я был вынужден наказать Гагарина. Он был включен в список для полета на Ту-104 на невесомость 1 декабря, и вечером 30 ноября должен был участвовать в проигрывании полета и лечь спать в 22:30. В проигрывании полета он не участвовал, в гостиницу космонавтов явился только в 2 часа ночи… Я отстранил Гагарина от полета. Меня возмутило не столько его опоздание, хотя и оно в условиях подготовки к космическому полету совершенно недопустимо, а то, что он выпивал и сел за руль автомашины в состоянии опьянения. Плохо вел себя на полигоне и мой непосредственный подчиненный подполковник Ващенко — инспектор центрального аппарата ВВС. Он также явился в гостиницу на два часа позже отбоя и фактически не выполнил (все перепутал) мое распоряжение о подготовке списков пассажиров на все отлетающие в Москву самолеты. Ващенко утром 1 декабря прилагал много усилий, чтобы исправить положение, но мало преуспел в этом.

3 декабря.

Был в ЦПК, просмотрел кинофильм о полетах на невесомость Хрунова и Елисеева. Хрунов все упражнения выполняет более четко, быстрее и при меньшей затрате физических и моральных усилий, чем Елисеев. Приказал устранить ошибки в титрах и дополнить фильм данными медицинского контроля и оценками за каждое упражнение. Ознакомился с ходом тренировок Комарова, Хрунова и Елисеева на тренажере, послушал разбор очередной тренировки. С генералом Кузнецовым и полковником Масленниковым разобрали все вопросы подготовки и проведения экзаменов, назначенных на 14 декабря: зкзаменовать будем экипажи Комарова и Гагарина (8 человек).

С Цыбиным удалось согласовать процедуру проведения экзаменов. Меня несколько беспокоило агрессивное намерение Мишина поставить за технические знания «двойки» всем космонавтам ВВС. Сейчас ни Мишин, ни кто другой из ОКБ-1 уже не ведут подобных разговоров, но возможны рецидивы. ОКБ-1 намеревалось прислать на экзамены 20 специалистов в качестве экзаменаторов. Удалось договориться, что вопросы экзаменуемым задают только члены экзаменационной комиссии, а специалисты присутствуют лишь в качестве консультантов. Договорились, что в каждом билете будет пять вопросов, дополнительных вопросов можно задавать не больше пяти. Все члены комиссии за ответ на каждый вопрос ставят отметки

по пятибалльной системе, при отметке «три» и ниже экзаменаторы представляют письменную мотивировку. Решили также, кроме оценок на экзаменах, учесть оценки за выполнение упражнений в ТБК-60, на тренажере и в полетах на самолете Ту-104.

6 декабря.

Воскресенье и понедельник провел на даче. Снега мало, но все же ходили с Олей на лыжах, катались с горок. Лева, Люда и Коля остались в Москве: малой в субботу заболел (ел снег), и врачи запретили выходить с ним на улицу.

4 декабря звонил на дачу генерал Кутасин. Он доложил, что самолеты и вертолеты очень тщательно обследовали всю полосу (Актюбинск-Семипалатинск) вероятного разброса осколков корабля «Союз», но ничего не нашли. По уточненным данным ПВО и расчетам НИИ-4 (институт Министерства обороны, участвовавший в создании средств командно-измерительного комплекса — Ред.) корабль прошел район Орска на высоте 70-100 километров. Специалисты НИИ-4 считают, что сработал АПО, корабль взорвался, и его обломки должны были упасть в воды Тихого океана восточнее Марианских островов. Я разрешил прекратить поиск обломков корабля.

Кутасин сообщил также, что в субботу 3 декабря на заседании ВПК обсуждался вопрос о создании службы поиска лунных кораблей. Смирнов и другие начали беспокоиться в связи с приближающимися сроками полетов лунных кораблей и полной неготовностью существующей службы поиска к обнаружению их в акваториях океанов и на территориях иностранных государств. Более двух лет назад мы ставили этот вопрос перед ВПК — тогда от нас отмахнулись, как от назойливых мух. Последний раз мы просили ВПК рассмотреть проблемы службы поиска в начале 1966 года, направив Смирнову наши предложения, но он вернул их в Генеральный штаб, а теперь, за 2–3 месяца до полета первых лунных кораблей, «бьет тревогу» и обвиняет ВВС в неготовности средств поиска. Решения опять не приняли, а лишь поручили группе товарищей вновь подготовить предложения, хотя все наши материалы по организации и оснащению службы поиска почти год лежат в Генштабе и в аппарате Смирнова.

7 декабря.

Только что, в 19:00 вернулся с очень важного совещания. Маршал Руденко, Мишин и я встретились в кабинете Керимова и рассмотрели

списки кандидатов в экипажи кораблей «Союз» и Л-1. Вчера в Центре я, Кузнецов и Цыбин в предварительном порядке согласовали списки, предложенные ЦПК и ОКБ-1. Сегодня все наши предложения были утверждены без существенных изменений. Для полетов на пяти кораблях «Союз» (№№ 3–7 — Ред.), кроме уже готовящихся двух экипажей (Комаров, Быковский, Хрунов, Елисеев и Гагарин, Николаев, Горбатко, Кубасов), решили готовить еще два экипажа. Один экипаж в составе: Береговой, Шаталов, Волков, Макаров. Состав другого экипажа (для полета на корабле № 7) пока не определили, но решили, что командира корабля будем готовить из числа шести вышеназванных военных космонавтов (Комаров, Быковский, Гагарин, Николаев, Береговой, Шаталов — Ред.), а двух членов экипажа — из четырех кандидатов: Ланкина и Фартушного из института Патона (для осуществления в космосе электросварки), инженера Колодина (ЦПК ВВС) и одного из инженеров ОКБ-1.

На этом же совещании решили начать по пятимесячной программе подготовку экипажей кораблей Л-1. Для облета Луны будет изготовлено 8 пилотируемых кораблей, но Мишин считает, что реально можно рассчитывать на полеты шести кораблей с космонавтами. Мы решили готовить для них девять экипажей. Командирами кораблей будут Комаров, Быковский, Николаев, Гагарин, Леонов, Хрунов, Волынов, Береговой, Шаталов, а членами экипажей — Елисеев, Кубасов, Макаров, Волков, Гречко. Все согласились с моим предложением, что кандидатами на роль командира первого лунного корабля следует считать Комарова, Быковского и Николаева. Первых кандидатов от ОКБ-1 на облет Луны в качестве членов экипажа Мишин обещал назвать 8 декабря. Мишин и Керимов не возражали против начала подготовки космонавтов-исследователей от Академии наук, Мишин выразил, правда, сомнение в кандидатуре Ершова (баллистик). Руденко и я сказали, что мы тоже далеко не в восторге от него и, если Келдыш не будет настаивать на подготовке Ершова, заменим его другим кандидатом. Совещание поручило мне и Цыбину оформить состоявшиеся решения официальным документом и утвердить его у председателя Госкомиссии.

Керимов и Мишин подтвердили версию о падении осколков «Союза» в океан и заявили, что причины всех отказов на «Союзе» ясны: перепутали газовые рули и поставили дефектный двигатель

причаливания и ориентации. На завтра на 17:00 назначено заседание Госкомиссии, на котором заслушаем доклады четырех аварийных комиссий и примем решение о плане и сроках дальнейших работ. Мишин предлагает 12 декабря вылететь на полигон и до 18 декабря осуществить пуск «Союза» № 1 с целью проверки работы всех систем корабля, после чего принять решение о сроках пуска двух пилотируемых кораблей «Союз» с осуществлением их стыковки. Мы согласились с предложениями Мишина. В связи с тем, что 14 декабря я должен принимать экзамены у экипажей, руководство Госкомиссии разрешило мне вылететь на полигон утром 15 декабря или позже прямо в Евпаторию (по предложению Мишина, управлять полетом будем из Евпатории).

8 декабря.

Новый экипаж (Береговой, Шаталов, Волков и Макаров) сегодня приступил к полетам на невесомость на самолете Ту-104. По плану завтра должны были начаться практические занятия космонавтов в ТБК-60, но занятия отложены из-за поломки редуктора.

Полковники Фролов и Смирнов доложили о ходе испытаний «Союза». Они полагают, что до 18 декабря испытания не будут закончены, и сомневаются в целесообразности одиночного пуска корабля «Союз». На завтра во Владимировке намечены испытания САС (система аварийного спасения). Я решил послать туда генерала Горегляда с группой офицеров. Фролова беспокоит не только перекись водорода, которая уже «сожгла» нам два парашюта, но и сама работа стабилизирующих двигателей. За последние дни выяснилось, что при температуре ниже минус 20 градусов катализатор, превращающий жидкую перекись водорода в газ, действует неэффективно, и стабилизированного спуска может и не быть. Мы уже два раза «обожглись», рисковать третий раз было бы просто глупо. Я рекомендовал Фролову и Смирнову выступить сегодня на Госкомиссии и изложить все свои сомнения в надежности систем корабля «Союз» и соображения по срокам испытаний и пусков. Ясно одно — Мишина торопят, и он, уступая подталкиванию сверху, идет на сокращение сроков испытаний, и тем самым снижает надежность и качество подготовки кораблей.

Заходил Иоффе и жаловался на Мишина. В соответствии с решением правительства ОКБ-1 должно было выдать ЦНИИ-30 в

сентябре 1966 года исходные данные для разработки системы поиска лунных кораблей. На основании этих данных ЦНИИ-30 до конца декабря должен был разработать систему поиска. До сих пор ОКБ-1 не выдало исходных данных, дело не движется. Иоффе пытался справиться с Мишиным своими силами, но убедился, что это невозможно, и теперь просит о помощи. Придется еще раз нажимать на Мишина.

9 декабря.

Вчера вечером провели заседание Госкомиссии. Заслушали доклады Солдатенкова, Раушенбаха, Спицы, Рязанского и Цыбина. Все аварийные комиссии единогласно решили, что отказы систем корабля «Союз» № 2 не имеют принципиальных (связанных с их конструкцией) дефектов, а являются следствием ошибок при сборке и проведении испытаний объекта отдельными исполнителями. Обнаруженные неисправности будут устранены на всех кораблях 7К-ОК до 15 декабря. Госкомиссия утвердила выводы аварийных комиссий и решила провести одиночный пуск корабля «Союз» № 1 в период 15–18 декабря. Против одиночного пуска возражал только представитель Главного конструктора Мнацаканяна разработчика системы автоматической стыковки «Игла». Он пытался доказать необходимость полета двух кораблей без экипажей для осуществления автоматической стыковки. Отвечая ему, Мишин заявил следующее: «Я до сих пор не могу простить себе, что в свое время согласился с настойчивыми требованиями Мнацаканяна идти по пути автоматической стыковки. Если бы мы больше доверяли космонавтам, то уже имели бы стыковки кораблей. Я за пуск одиночного корабля и за попытку осуществить впоследствии стыковку с участием экипажей…» Я целиком разделяю это заявление Мишина.

Наиболее содержательным был доклад Цыбина. Он сообщил, что проведено более четырехсот автономных и комплексных испытаний систем и агрегатов. Самые ответственные испытания проводятся совместно с ВВС. Не закончены испытания в ТБК-60, испытания запасной парашютной системы и системы аварийного спасения. Цыбин заявил, что эти испытания могут быть закончены к 10 января 1967 года, но комиссия обязала закончить их к 5 января.

В заключение выступил Мишин и доложил, что для пуска корабля «Союз» № 1 целесообразно выехать на полигон 12 декабря, пуск

осуществить 15 или 16 декабря, управление полетом вести из Евпатории; если пуск пройдет нормально и все испытания будут удовлетворительно закончены до 5 января, то полет со стыковкой двух пилотируемых кораблей «Союз» можно будет выполнить до 29 января 1967 года. Слушая выступление Мишина, я вспомнил июньское совещание у Смирнова, когда он (Смирнов) фактически «зарезал» пуск «Восхода-3» (Волынов и Шонин были полностью готовы осуществить 16-18-суточный полет). Тогда Смирнов мотивировал отмену пуска «Восхода» необходимостью сосредоточить все усилия на подготовке пусков «Союзов» в октябре-ноябре этого года. Проходит декабрь, скоро будет два года, как в СССР не проводятся пилотируемые полеты. Виноваты в этом, в первую очередь, ОКБ-1, Смирнов и секретарь ЦК КПСС Устинов.

Вчера Мишин и Цыбин подписали соглашение о составе и подготовке экипажей для кораблей «Союз» и Л-1. Этот документ должен прекратить разжигание страстей при выборе кандидатов на предстоящие полеты и содействовать улучшению отношений между ОКБ-1 и ВВС. Можно считать, что ВВС отбили основные атаки Министерства общего машиностроения (Афанасьев), Министерства здравоохранения (Петровский) и Академии наук СССР (Келдыш), направленные на создание нового центра подготовки космонавтов из гражданских специалистов. Вся подготовка космонавтов в ближайшие 3–4 года будет проводиться только в ЦПК ВВС и без влияния на ход этой подготовки со стороны Минздрава, МОМ и АН СССР. Правда, вчера Правецкий просил рассмотреть вопрос о направлении в институт Парина (ИМБП — Ред.) экипажей Комарова и Гагарина для проведения трехсуточного эксперимента с целью определения норм потребления кислорода космонавтами. Для дела такой эксперимент не нужен (мы знаем нормы потребления кислорода каждым космонавтом), а для здоровья испытуемых он вреден. Я отказал Правецкому, хотя он и ссылался на одобрение его предложения маршалом Руденко и Мишиным.

Вчера похоронили Ивана Ананьевича Лавренова: тромб попал в легкие, и 55-летний здоровяк умер. Последние годы генерал Лавренов был членом Военного Совета ракетных войск, я знал его с 1947 года, когда мы вместе работали в Гражданском воздушном флоте.

Сегодня узнал, что министр обороны маршал Советского Союза Малиновский тяжело болен (рак) и уже не вернется на работу. Редеют ряды старой гвардии. У меня пока еще нет сбоев в работе по состоянию здоровья, и хочется успеть сделать все возможное для освоения Луны. Лет через 5–7, когда рейсы на Луну станут обычным явлением, можно будет уйти на отдых.

10 декабря. Дача «Заборье».

Только что (около 20:00) уложили Колю спать. Он сегодня днем не спал все собирался ехать на дачу. Коля целую неделю не выходил на улицу, а первые три дня недели у него был сильный кашель и высокая температура. Сегодня мы с ним немного погуляли. Лева и Люда уехали на экскурсию в Ленинград на двое суток. Все заботы о детях легли на Мусю, я стараюсь ей помогать. Оле уже восьмой год, учится в школе она хорошо, успешно осваивает английский язык, занимается музыкой. Оля очень способная девочка, но капризная, невыдержанная и нередко бывает грубой со старшими. В этом виноваты мы сами: мы ее излишне баловали и, не желая того, вложили в ее характер значительную долю эгоизма. Лева и Люда тоже грубят Оле, а она ревнует всех взрослых к Коле. Я постоянно уговариваю Мусю и Ольгу Карловну быть поближе к Оле, больше ей верить и поручать хотя бы небольшую работу. Муся любит Олю, много с ней занимается, но как воспитательница она не имеет достаточного терпения и иногда срывается на грубость. Я уверен, что мог бы влиять на воспитание Оли, но для этого надо иметь немного больше свободного времени. И все же я чувствую, что надо и мне больше уделять внимания воспитанию ребят.

Вчера провели Совет главных конструкторов. Решено до 10 января закончить все доработки и испытания на кораблях № 3 и № 4, с тем чтобы обеспечить их пуски в конце января или в феврале. Пуск корабля № 1 решили осуществить 15–16 декабря. 12 декабря на полигон вылетают главные конструкторы, Керимов и Мишин. С ними полечу и я, а Руденко, Карась и Правецкий остаются пока в Москве, но после пуска они прилетят в Евпаторию.

На Совете имел место один инцидент, который напомнил всем, что «холодная война» между Минздравом и ОКБ-1, с одной стороны, и ВВС, с другой, еще далеко не утихла. Правецкий внес предложение провести в институте Минздрава трехсуточные занятия с экипажами кораблей «Союз» в макете корабля. Мишин и Цыбин поддержали

Правецкого. Пришлось выступить против и сказать, что подобные занятия мы проводили при подготовке полетов на «Востоках» и «Восходах» и убедились, что они почти бесполезны, так как не дают возможности определить количество кислорода, потребляемого членами экипажа в условиях космического полета (по Правецкому это главная цель занятий), и данные, полученные на земле, могут значительно отличаться от реального потребления кислорода в полете. Меня поддержали Кузнецов, Гагарин, Феоктистов, Бушуев и полковник Смирнов. Пришлось создать комиссию для проработки предложения Правецкого. Я приказал генералу Кузнецову договориться с Главным конструктором Ворониным и совместными усилиями отбить попытки Минздрава «подержаться» за космонавтов. Науки в этом эксперименте никакой нет, а есть большое желание принять участие в подготовке экипажей к полету в целях поднятия авторитета института.

В конце совещания Мишин ознакомил присутствующих с графиком изготовления кораблей Л-1 для облета Луны. Два корабля Л-1 уже находятся на полигоне: эти корабли (№ 1 и № 2) предназначены для отработки беспилотного облета без возвращения на Землю. Корабли № 3 и № 4 предназначаются также для беспилотного облета Луны, но с возвращением на Землю. Эти полеты предполагается выполнить в марте-мае 1967 года. На 25 июня того же года запланирован первый пилотируемый полет вокруг Луны с возвращением на Землю. На совещании были рассмотрены графики поставок, график изготовления комплексного тренажера и проект решения ВПК по программе полетов на Л-1 в целом. Все конструкторы высказывали сомнения в возможности выполнить работы в столь сжатые сроки, но Мишин разъяснил, что эти сроки не он придумал — они продиктованы сверху (Устинов, Смирнов).

11 декабря.

Более часа гулял на даче с Колей. Я соорудил для него небольшую горку, но снега еще маловато — катание с горки пришлось заменить пешей прогулкой.

В 18 часов за нами приехал на «Волге» Александр Яковлевич (водитель служебной машины — Ред.), и мы поехали в Москву. Коля впервые ехал на машине ночью, его очень интересовали огни, встречные машины, дома и люди. Увидев большое пламя из трубы

коксогазового завода, он сказал: «Костер», — и это было очень удачное определение — большое красное пламя полыхало от сильного ветра.

В Москве я весь вечер помогал Мусе возиться с ребятами, выкупал Колю и уложил его спать.

12 декабря. Тюра-Там.

20:00 по местному времени, я сижу в своей комнате в гостинице космонавтов на 17-й площадке. Три часа назад наш самолет Ан-12 приземлился на местном аэродроме. Со мной прилетели Шаталов, Ващенко, Муравьев, Клоков, Никитин и Бакуменко. Четверо из этих офицеров впервые на полигоне, они еще ни разу не наблюдали старт ракеты, не были на технических позициях и не знают всех тонкостей подготовки космических кораблей к полету. Предстоящий пуск «Союза» не требует прямого участия специалистов ВВС в работах по подготовке корабля и дает возможность изучить опыт работы на полигоне. На 40 минут раньше нас произвели посадку еще два самолета из Москвы. На них прилетели представители промышленности, в том числе Керимов и Мишин.

В субботу 10 декабря я был в Министерстве обороны на просмотре кинофильма «Аполлон». Присутствовали: Гречко, Захаров, Штеменко, Ивашутин, Вершинин, Руденко и еще с десяток генералов. Фильм подготовлен ГРУ (Главное разведывательное управление — Ред.) Генштаба и нашим Институтом авиационной и космической медицины и дает полное представление о грандиозных работах США в космосе. Особенно впечатляют кадры о ракетах «Сатурн-1», «Сатурн-5» и кораблях «Джемини» и «Аполлон». Ракета «Сатурн» собирается в вертикальном положении (высота корпуса сборки 160 метров) и в таком положении вывозится на старт. Обращают на себя внимание особая тщательность и плановость подготовки ракет и кораблей к пуску, громадный объем испытаний и наличие большого арсенала тренажных средств для подготовки астронавтов. Люди, знающие трудности выполнения нашей космической программы, после просмотра этого фильма могут получить более ясное представление о нашем отставании от США и иллюзорности надежд на восстановление лидерства СССР в освоении космоса.

13 декабря.

Вчера вечером просмотрел вместе с офицерами два американских кинофильма о полете «Джемини-6» и «Джемини-7» и о выходах

астронавтов в открытый космос. Все основные операции по сближению и стыковке с ракетой «Аджена» американцы выполняют вручную. Это и позволило им опередить нас в освоении стыковки. Характерно, что при выходах в космос астронавты использовали с помощью шланга запасы кислорода на корабле, а кислород в баллонах нагрудного ранца имел назначение аварийного запаса. Перед полетом с выходом в открытый космос астронавты провели более ста тренировок по выходу из корабля, причем большая часть тренировок проводилась в скафандре в бассейне невесомости. При нахождении в открытом космосе пульс у астронавтов учащался до 160 ударов в минуту, наблюдалась повышенная утомляемость и усиленное потовыделение. В трех выходах из четырех они не смогли полностью выполнить задания из-за непредвиденных осложнений.

Оценивая все трудности работы в открытом космосе, приходится только сожалеть, что у нас многие (Мишин, Смирнов, Керимов, Тюлин, Руденко) не понимают большой опасности этой работы и легкомысленно идут по пути упрощения подготовки космонавтов. Сейчас, оглядываясь на пройденный путь, я больше всех виню в создавшейся обстановке маршала Руденко: это он поставил три года назад наш Институт авиационной и космической медицины на «новые рельсы» — «отколол» от него значительную группу людей во главе с Яздовским, отобрал здания и материальные ресурсы и передал все это в Минздрав для создания нового института космической медицины. Три года работает новый институт, и все три года идет непримиримая борьба между ВВС и Минздравом за руководство медико-биологическим обеспечением космических полетов. После создания нового института Королеву, Мишину и в целом промышленности стало легче: им удобнее иметь дело с Минздравом, чем с ВВС. Правецкий, Парин и другие руководители института на все пожелания и требования Мишина отвечают: «Есть, будет сделано». В угоду Мишину они пошли на резкое снижение медицинских требований при отборе космонавтов и считают возможным допустить к полетам 56-летнего одноглазого Анохина и других товарищей, имеющих серьезные изъяны в здоровье. Больше того, Парин, Егоров и Горбов выдвинули и защищают «теорию», согласно которой в космос надо посылать не самых здоровых людей. Из-за такой позиции Минздрава между специалистами (ИАКМ и ИМБП Ред.) часто возникают

большие споры и баталии. Так например, наши врачи, основываясь на многолетнем опыте авиации и анализе осуществленных космических полетов, утверждают, что при расчете расхода кислорода космонавтами в космическом полете надо исходить из нормы 25 литров в час, а в Минздраве считают возможным снизить ее до 22 литров в час. Мы предъявляем жесткие требования к промышленности, чтобы конструкторы космических кораблей больше заботились о безопасности полетов на них, а Минздрав идет на необоснованные скидки в этих требованиях.

Керимов сказал мне вчера вечером по телефону: «Завтра у нас день ожиданий». Я не уловил точного значения его слов «день ожиданий» и решил, что ожидаются результаты комплексных испытаний ракеты и корабля. Только сегодня утром, увидев на 31-й площадке ракету на старте и полное отсутствие людей около нее, я понял, что ракетчики получили выходной день, а ракета полностью готова и ждет заправки. Первый раз за все время нашей совместной работы ОКБ-1 точно выдержало назначенный срок готовности ракеты. 10 декабря в Москве Мишин сказал, что есть возможность пустить ракету 14 декабря. Сегодня я убедился, что даже Мишин иногда держит слово.

В 16 часов провели совещание по организации управления полетом. Выступая на этом совещании, Мишин основательно запутался, Керимов ему «помогал», но поправлять их было неудобно: присутствовало много подчиненных Мишина. Все же главный вопрос решили правильно: после вывода корабля на орбиту управление полетом передать в Евпаторию, а самим вылететь туда самолетами. После совещания я предложил просмотреть американские фильмы о полетах «Джемини-6, -7, -11». Все остались довольны просмотром. Мишин и Керимов поблагодарили меня за показ интересных фильмов.

14 декабря.

Итак, сегодня должен состояться второй беспилотный пуск корабля «Союз». Сейчас 7 часов утра по местному времени, а в 11:00 Государственная комиссия соберется с обычной для предстартовых заседаний повесткой дня.

1. Готовность изделия 11А511 № 1 и объекта 11Ф615 № 1 к пуску. Докладчики: инженер-полковник Кириллов Анатолий Семенович, Пиковский Израиль Исакович, Богомолов Владислав Николаевич,

Юрасов Игорь Евгеньевич, Июдин Анатолий Павлович, Горшков Семен Иосифович, Осипов Михаил Владимирович, Кротов Валентин Константинович, Хлывов Николай Николаевич, Лодочников Эвальд Акимович, Козлов Дмитрий Ильич, Хлебников Борис Иванович.

2. Готовность всех служб и средств полигона, обеспечивающих работу с изделием 11А511 № 1 и объектом 11Ф615 № 1. Докладчики: генерал-майор Курушин Александр Александрович, инженер-майор Насонов Владимир Петрович, инженер-полковник Овчинников Виктор Александрович.

3. Готовность средств командно-измерительного комплекса. Докладчик инженер-полковник Фадеев Николай Григорьевич.

4. Готовность к работе средств поиска, обнаружения и эвакуации объекта 11Ф615. Докладчик — генерал-лейтенант Каманин Николай Петрович.

5. Заключение технического руководителя и подписание протокола о пуске изделия 11А511 № 1 с объектом 11Ф615 № 1.

Я предусмотрел, что, возможно, на заседании комиссии генералу С. Ф. Долгушину — заместителю командующего 73-й Воздушной армией — придется вместо меня доложить о готовности к работе всех авиационных средств поиска. Обычно такие доклады делал я или полковник Сибиряков. Долгушин будет докладывать первый раз, поэтому вчера вечером я предупредил его о готовности к докладу, а сегодня в 8:00 проверю, как он подготовлен.

Вчера Керимов и Мишин очень придирчиво разбирали списки поисковых команд: их беспокоило отсутствие данных о прибытии представителей промышленности в состав этих команд.

Вчера днем Кутасин заверил меня, что сюда к нам вылетает подполковник Гузенко, который хорошо знает поисковую службу, а поздно ночью полковник Сибиряков сообщил, что маршал Руденко берет Гузенко с собой в Крым, а к нам вылетает подполковник Сидоров. Сидорова я не знаю, он новичок в службе поиска — придется еще раз самому проверить готовность службы поиска к работе.

Только что позвонил подполковник Сидоров — он прилетел из Москвы в три часа ночи. Как я и предполагал, Сидоров не взял с собой карты размещения средств поиска и списки поисковых команд и ничего не знает о фактической готовности средств поиска. Если такого докладчика выпустить на Госкомиссию, он опозорит ВВС. В какой уже

раз нас подводит генерал Кутасин, и до сих пор ему все сходило с рук. Придется об этом очередном провале Кутасина доложить Главкому, а на Госкомиссии выкручиваться самому…

… Случилось большое несчастье — неизмеримо большее, чем подрыв корабля «Союз» № 2 при его спуске 30 ноября. Вторая попытка запустить «Союз» закончилась трагически. Час назад наступила полная темнота (сейчас около 17 часов по местному времени), и определить все размеры бедствия пока невозможно. Ясно одно — корабль и ракета сгорели на пусковом столе, а старт 31-й площадки разрушен мощными взрывами… Попытаюсь, однако, изложить все по порядку.

В 8:30 ко мне прибыли с докладами генерал Долгушин и подполковник Сидоров. По первым же их словам я понял, что ни один из них не готов для доклада на Госкомиссии, особенно бледно выглядел подполковник Сидоров. Сидорова я немедленно вернул на КП аэродрома для приведения в полную готовность средств поиска, а генерала Долгушина взял с собой в машину, чтобы вместе с ним поехать на заседание Госкомиссии. Дороги сильно обледенели, и мы ехали до 31-й площадки около полутора часов. За это время я на всякий случай подготовил Долгушина к докладу на Госкомиссии. Сергей Федорович уже несколько раз участвовал в поисках космических кораблей и обстановку в пределах Туркестанского округа знает хорошо.

В пристартовом домике 31-й площадки в 11 часов началось заседание Государственной комиссии. В заседании участвовало более сотни конструкторов и специалистов, из членов Госкомиссии присутствовали только Керимов, Мишин, Курушин и я. Хорошо и быстро прошли обычные доклады о готовности к пуску корабля и ракеты. Кириллов, Козлов, Юрасов и Мишин доложили о полной готовности к пуску. Госкомиссия приняла решение: разрешить заправку ракеты и произвести пуск в 16:00 по местному времени. После окончания заседания все члены Госкомиссии подписали решение и задание на полет.

Около 13 часов мы с Долгушиным зашли в дом космонавтов (трехэтажное здание юго-восточнее МИКа), откуда Долгушин вызвал вертолет, чтобы быстрее добраться до КП аэродрома. Ожидая прилета вертолета, мы стали вспоминать о совместной работе и встречах с

Василием Сталиным. У меня таких встреч было особенно много в 1948–1952 годах, когда мы вместе с ним готовили и проводили воздушные парады в Тушине. Кроме того, я близко знаком с людьми, которые долгие годы работали с Василием (Долгушин, Луцкий, Коренков, Горбатюк, Руденко и другие), и почти 30 лет жил рядом и часто встречался с Анной Сергеевной Аллилуевой (родная сестра Н. С. Аллилуевой — матери В. И. Сталина Ред.) и ее детьми. Маршал Руденко был начальником Василия Сталина почти всю войну, он много рассказывал мне о его похождениях. Я знал также, что С. Ф. Долгушин в 1942–1943 годах был на Калининском фронте в составе 32-го Гвардейского истребительного авиаполка, которым командовал В. И. Сталин, а после войны Долгушин был командиром Калининской бомбардировочной дивизии и до 1952 года участвовал в тушинских парадах. Я задал Сергею Федоровичу вопрос о его взаимоотношениях с Василием Сталиным, и он рассказал мне много интересного. Оказывается, для него Василий Сталин, вопреки распространенному мнению, не только бесшабашный гуляка, но и отличный летчик, очень требовательный и заботливый командир. Когда в начале 1943 года 32-й авиаполк получил приказ прикрывать боевой вылет полка штурмовиков и после изучения задачи и маршрута полета выяснилось, что ни штурмовики, ни истребители из-за нехватки горючего не вернутся на свою территорию, Василий Сталин отказался выполнять боевое задание. В ответ на требование маршала А. А. Новикова выполнять приказ он заявил, что не может оставаться на аэродроме и полетит вместе со своим полком. Перед угрозой гибели двух полков и сына И. В. Сталина маршал Новиков отменил боевой вылет.

В беседе незаметно прошло время, в 14 часов Долгушин улетел на вертолете на аэродром. Я переговорил по «ВЧ» с маршалом Руденко, генералами Кутасиным и Гореглядом и сообщил им, что после выхода «Союза» на орбиту немедленно вылечу в Евпаторию.

Около 15 часов ко мне в машину попросился Главный конструктор Ткачев, вместе с ним мы побывали у ракеты, а по 15-минутной готовности уехали на НП № 1 (300 метров от ракеты). Прошли все команды, после команды «Зажигание» появились, как всегда, клубы пламени и дыма, но они были меньше, чем обычно, и ракета оставалась неподвижной на пусковом столе. Через несколько секунд послышалась команда: «Воду на старт!» Стало ясно, что пуск

не состоялся, а на старте возник пожар. Прошло несколько минут, и пламя погасло. Ракета стояла на пусковом столе и «парила» чуть больше обычного. Прозвучала команда: «Из бункера не выходить, к старту не приближаться».

Примерно в 16:40 все машины с НП поехали к старту, в моей машине были Ткачев и Ващенко. Я решил заехать в дом космонавтов и передать на аэродром команду об отмене вылета в Евпаторию. Ткачев, Ващенко и я вошли в дом, а шофер остался с машиной в пяти метрах от подъезда. Не успели мы подняться на второй этаж, как послышался приглушенный взрыв. Ващенко пытался убедить меня, что никакого взрыва не было — просто на первом этаже что-то передвигают, — но я выбежал на улицу и, увидев на высоте 600–700 метров за зданием МИКа большой парашют, понял, что сработала САС — система аварийного спасения. Когда мы поднялись на третий этаж и выглянули в окно, то увидели горящую ракету: горела ее третья ступень, пламя быстро ползло вниз по ракете, и можно было ожидать мощного взрыва первой ступени. Я скомандовал всем отойти от окон в коридор и, уходя последним и закрывая дверь, заметил вспышку на старте. Через 2–3 секунды последовала серия мощных взрывов. Стены нашего дома и потолок «ожили», посыпалась штукатурка, все стекла в окнах вылетели. Подойдя к разбитым окнам, мы увидели догорающий остов ракеты и огромные клубы черного дыма. Все комнаты были засыпаны битым стеклом и штукатуркой, большие осколки стекла, как пули, врезались в противоположные от окон стены. Останься мы в комнатах на несколько секунд дольше, и всех нас срезало бы осколками битого стекла, как косой. Наш дом находился метрах в 700-х от стартовой площадки, но от взрыва пострадали и дома, удаленные на расстояние более километра от старта. На улице перед домом, где мы только что оставили шофера с машиной, тоже было очень много битого стекла, но машины и шофера на месте не оказалось. Шофер ефрейтор Бабин оказался очень смышленым малым: как только прозвучал первый слабый взрыв, он отъехал от зданий на открытое место и укрылся с машиной за складкой местности.

Через 20–30 минут после взрывов мы встретились у МИКа с начальником полигона генералом Курушиным, с Осташевым, Хлебниковым и другими товарищами. Все они были во время взрывов недалеко от старта (на удалении 100–200 метров) и уверяли, что

ближе, чем они, к ракете никто не подходил. Правда, Осташев видел, как Кириллов, Керимов и Мишин вышли из бункера и направились в сторону старта. Телефонная связь с бункером и стартом была нарушена, и нас очень беспокоила судьба Мишина, Керимова и Кириллова. Пожар и взрывы были не такими неожиданными и скоротечными, как при трагическом взрыве ракеты Р-16 в октябре 1960 года, но мы не могли убаюкивать себя такими мыслями. Я готов был пойти к старту и искать пропавших товарищей, но генерал Курушин заверил меня, что аварийные и санитарные команды находятся уже в непосредственной близости от старта и что они лучше нас знают свое дело.

Ночь закрыла от нас масштабы бедствия, завтра обстановка будет более определенная, но и сейчас уже ясно, что пилотируемые полеты «Союзов» отброшены этим происшествием еще на несколько месяцев. Особенно длительные задержки будут вызваны разрушением старта. Будет, по-видимому, легче построить новый старт, чем восстанавливать разрушенный, но на это потребуется не меньше года. Вся программа полетов «Союзов» и кораблей Л-1 для облета Луны теперь под угрозой срыва.

Истинная причина аварии пока неизвестна. Мне хочется оставаться сугубо объективным в оценке случившегося. Выводы делать рано, но я уже слышал от многих: «Не везет Мишину…» И невольно вспоминается суворовское: «Раз везет, два везет, но надобно же и уменье». Уменья у Мишина мало. Вместо того, чтобы уйти с головой в технику и сосредоточить все усилия на повышении качества и надежности ракет и космических кораблей, он большую часть своего времени тратил на борьбу с ВВС за усиление роли ОКБ-1 в подготовке космонавтов и на защиту притязаний Минздрава. Надо признать, что несмотря на мое сопротивление, ему удалось, благодаря беспринципности маршалов Захарова и Руденко, в значительной мере осложнить подготовку космонавтов для кораблей «Союз» и Л-1.

15 декабря.

За ночь не поступило никаких новых данных. Человеческих жертв пока не зафиксировано. Керимов, Мишин и Кириллов невредимы и отделались только испугом. Обдумывая происшедшее и обобщая личные наблюдения, хочу вкратце описать свои впечатления о происшествии и первые предположения о его причинах.

После команды «Зажигание» включились и заработали двигатели только второй ступени, двигатели первой ступени не работали, и поэтому ракета не поднялась ни на метр. После отбоя цикла запуска и команды «Воду на старт!» положение на старте в течение 35–40 минут не казалось угрожающим: не было ни дыма, ни пламени, поднимались только клубы водяного пара, перемешанные с парами кислорода. По-видимому, Мишин и Кириллов решили, что опасность пожара и взрыва ракеты уже позади, и дали команду на подъем ферм обслуживания, так как без них ракета могла завалиться от довольно сильных порывов ветра. При сближении ферм с ракетой произошло срабатывание САС, причиной которого могло быть небольшое накренение ракеты. В результате воздействия порохового заряда САС на ракету начался пожар третьей ступени, а затем он распространился на вторую и первую ступени. Создается впечатление, что Мишин и Кириллов поспешили с подъемом ферм, не полностью уяснив обстановку, но поспешность принятия ими такого решения можно объяснить наступающей темнотой и отсутствием уверенности в том, что ракета не упадет при порывах ветра. После тщательного осмотра места происшествия, опроса специалистов, просмотра пленок и изучения других материалов причины аварии должны проясниться…

В 9:00 на второй площадке Мишин собрал совещание специалистов, обсуждали в предварительном порядке причины происшествия. Основными докладчиками были Дорофеев и Июдин.

После предварительного просмотра пленок Дорофеев, Июдин и другие считают, что внезапная остановка двигателей первой ступени через несколько секунд после их запуска объясняется поломкой клапана перепуска кислорода. Создали две аварийные комиссии. Первой из них поручили изучить все имеющиеся материалы, осмотреть остатки ракеты, проанализировать ход запуска и представить официальный доклад о причинах отказа двигателей первой ступени. Второй аварийной комиссии (под председательством Юрасова) поручили разобраться в причинах срабатывания САС и возникновения пожара. В состав этой комиссии я назначил от ВВС подполковника Никитина.

Мы проводим испытания САС во Владимировке (в субботу 10 декабря уже провели первый отстрел), поэтому для нас очень важно знать все достоинства и недостатки этой системы. Я предложил

Мишину в окончательное заключение ВВС по испытаниям САС включить и вчерашний аварийный «эксперимент» (спускаемый аппарат корабля «Союз» благополучно приземлился на парашюте в 300 метрах от старта). Мишин согласился с моим предложением.

После совещания Мишин, Курушин, я и другие поехали осматривать старт. Печальная картина предстала перед нами. В радиусе 200–300 метров валялись обломки ракеты (ее остов при взрыве выбросило в северный газоотводящий лоток). На старте в 11 часов утра еще дымились различные части стартового оборудования и остатки ракеты. Все оборудование старта полностью разрушено. По мнению специалистов на его восстановление потребуется не меньше шести месяцев. Во время взрыва погиб майор Коростылев, несколько человек получили тяжелые ранения.

По рассказам Мишина, Керимова и Кириллова, после команды «Воду на старт!», отключения электропитания и полного отбоя всем системам признаков опасности пожара не было — был разрешен выход людей из бункера и укрытий. Мишин, Кириллов, Дорофеев и другие подошли к ракете, обошли ее кругом, потрогали руками боковушки и, не заметив ничего подозрительного, дали команду на поднятие ферм и вызвали на старт подразделения обслуживания. Во время поднятия ферм к старту подтянулось много людей, которые должны были подняться на них для детального осмотра ракеты и корабля. В момент завершения подъема ферм одна из них задела ракету и несколько накренила ее. Автоматика САС при накренении ракеты более 7 градусов автоматически срабатывает, и происходит отстрел спускаемого аппарата корабля: пороховой двигатель поднимает его на высоту 600 метров, после чего он приземляется на парашюте. Ракета во время запуска двигателей первой и второй ступеней, по-видимому, была несколько смещена от штатного положения, поэтому и произошло столкновение фермы с ракетой. После срабатывания САС загорелась третья ступень ракеты — все бросились разбегаться в разные стороны. Керимов, Мишин и Кириллов укрылись в бункере, многие успели отбежать на 100–200 метров и укрыться за складками местности и постройками. Видели бегущим от ракеты с группой солдат и майора Коростылева, но он решил укрыться за бетонными стенами старта и поплатился жизнью за свою ошибку. Мишина, Керимова, Кириллова, Дорофеева и несколько

десятков военных и гражданских специалистов спасло то обстоятельство, что между моментом отстрела спускаемого аппарата и взрывом первой ступени прошло почти две минуты.

После осмотра старта мы поехали в МИК, где Керимов проводил совещание со строителями. Речь шла о трудностях и сроках восстановления стартовых сооружений. Было решено готовить для пусков кораблей «Союз» и Л-1 старт второй площадки.

16 декабря.

Вчера вечером просмотрели кинопленку о пуске и пожаре ракеты. К сожалению, съемка осуществлялась с большого расстояния, к тому же на кинопленке не зафиксированы моменты срабатывания САС и взрыва первой ступени. Ближе к ночи на полигон прилетел министр общего машиностроения Афанасьев Сергей Александрович, он разместился рядом с нами на 17-й площадке (в том же доме, где останавливались Хрущев и генерал де Голль). Афанасьев, Мишин и Керимов после ужина занимались разбором происшествия и подготовкой материалов к заседанию Госкомиссии, которое состоится сегодня в 10:00 в здании МИКа на второй площадке.

На 8:00 по московскому времени я назначил вылет в Москву трех Ан-12 и одного Ил-14 (на Ил-14 я отправлю Клокова, Никитина и Бакуменко). Вылет моего самолета Ан-12 назначил на три часа позже.

…20:00 по московскому времени, я сижу в Куйбышеве на железнодорожном вокзале в комнате военного коменданта. Мы вылетели из Тюра-Тама в 11:15 по московскому времени, но через три часа полета сели в Куйбышеве: Москва с 10 часов прекратила прием самолетов из-за плохой погоды — туман, снегопад, гололед и обледенение. Говорил с КП ВВС, улучшения погоды не обещают до второй половины завтрашнего дня, и велика вероятность, что завтра погоды не будет весь день. Принял решение ехать поездом. Генерал Цедрик прислал за нами машины, по дороге на вокзал я заехал в штаб ВВС округа, просмотрел карту погоды, проконсультировался с метеорологами и убедился в правильности решения ехать поездом. Поезд № 103 отходит из Куйбышева в 21:23 и прибывает в Москву в 15:36 следующего дня. Дорога долгая, но зато наверняка завтра вечером буду дома.

Сегодня с 10 до 12 часов Госкомиссия разбирала причины пожара и взрыва ракеты. Выступали: Мишин, Юрасов, Июдин, Кириллов,

Кротов, Максимов, Дорофеев и другие.

Первым свои соображения по происшествию доложил Мишин. Он мужественно признал, что ОКБ-1 при разработке САС допустило грубые просчеты в логике системы. Неожиданно для всех оказалось, что при обесточивании контактов САС, происходящем при отбое пуска, гироскопы САС через некоторое время встают на упоры и автоматически выдают команду на отстрел спускаемого аппарата. До этого считалось, что срабатывание САС возможно только в трех случаях: по команде руководителя пуска, при накренении ракеты свыше 7 градусов и при падении ниже определенного уровня давления в камерах сгорания двигателей ракеты. Мишин, Кротов, Кириллов и другие признались, что до происшествия они не знали о возможности срабатывания САС при обесточивании ее контактов. Кроме того, Мишин считал, что при срабатывании САС пожар исключается, а оказалось, что пожар практически неизбежен, так как при разделении спускаемого аппарата корабля и его приборного отсека срабатывают 32 пороховых заряда и разрываются коммуникации. К стыду своему, я только на заседании комиссии узнал, что 11 декабря при испытаниях САС во Владимировке тоже возник пожар, но он был только в приборном отсеке корабля благодаря тому, что ступени ракеты не были заправлены горючим. Генерал Горегляд и полковник Фролов серьезно виноваты в том, что своевременно не сообщили мне о результатах испытаний САС во Владимировке. На Госкомиссии в адрес ВВС не было высказано никаких замечаний, но тем не менее я чувствую, что специалисты ВВС могли бы предотвратить происшествие. Нас оправдывает только то, что мы настаивали на проведении полного комплекса испытаний до начала пусков кораблей «Союз», а Мишин решил, что пуски без экипажей и наземные испытания можно проводить параллельно.

В конце своего доклада Мишин не выдержал курса на самокритику и высказал мысль, что первопричиной происшествия является отказ двигателей первой ступени. Июдин (представитель ОКБ Глушко) убедительно доказал, что причиной отказа двигателей первой ступени была поломка кислородного клапана блока «Г» и что этот отказ мог привести только к переносу пуска на 2–3 дня. Причиной катастрофы была несовершенная, точнее, дефектная логика САС.

18 декабря. Дача «Заборье».

Сегодня у нас на обеде был гость — Леонид Алексеевич Чижиков. Мы с ним в 1930-1933-х годах были летчиками 40-й авиаэскадрильи имени Ленина, вместе учились в академии и вместе воевали. Когда я на Калининском фронте командовал авиационной дивизией, он был у меня начальником штаба дивизии (1942 год, Андреаполь). После войны, когда мой штурмовой корпус стоял в Румынии (1946 год, Арад), Чижиков командовал Брашевской дивизией. Он уже лет 10 на пенсии, но мы продолжаем поддерживать дружеские отношения.

Сейчас меня больше, чем до взрыва ракеты, мучает мысль: имею ли я право уступить соглашательской тенденции Захарова, Вершинина и Руденко в деле комплектования экипажей для космических кораблей «Союз» и Л-1. Я лучше других знаю, к чему могут привести уступки в таком принципиальном вопросе, и никогда не прощу себе, если из-за этих уступок произойдут тяжелые происшествия. Пока я не принял твердого решения, какой линии держаться дальше. Завтра буду иметь большой разговор с Вершининым, Руденко и Рытовым, посоветуюсь с Гагариным, Комаровым и другими космонавтами, а потом придется принимать нелегкое решение — или продолжать борьбу против Мишина и военного руководства, или уходить в отставку.

16 декабря на Госкомиссии кроме разбора происшествия рассмотрели и план дальнейших работ. Очередной одиночный полет беспилотного корабля «Союз» назначен на 15 января 1967 года. Для этой цели будут готовиться корабли № 3 и № 5. Пуск планируется осуществить со второй площадки, но старт второй площадки к пуску «Союзов» еще не готов, для его дооборудования требуется большая работа. Перед заседанием Госкомиссии специалисты полигона говорили, что для подготовки старта потребуется 2–3 месяца, однако на Госкомиссии они и их начальник генерал Курушин дали молчаливое согласие подготовить старт за месяц. Носитель придется готовить на второй площадке, а корабль — на 31-й (на второй площадке нет средств заправки двигателей и систем корабля рабочим телом и невозможно проведение ряда испытаний). Реально пуск двух пилотируемых кораблей «Союз» может состояться в марте. На подготовку экипажей прибавляется еще 2–3 месяца, но это существенно не изменит качество подготовки военных и гражданских кандидатов на полет — во всех отношениях военные будут лучше подготовлены к полету и смогут лучше выполнить задание.

19 декабря.

Сегодня все газеты вышли с портретами Брежнева. Леониду Ильичу исполнилось 60 лет, и в связи с этим ему присвоено звание Героя Советского Союза. Я никогда не одобрял самонаграждения Сталина и Хрущева, мне всегда это казалось унизительным для главы государства. За последние годы вошло в практику давать за старость (60, 70 лет и т. д.) звание Героя Социалистического Труда, что в какой-то мере оправдывает и награждение Брежнева. Обидно только, что наши самые высокие руководители не могут поставить себя выше обычных человеческих слабостей. Я всегда восхищался Сталиным. И даже теперь, когда его имя и его дела пытаются затенить, когда мы узнали о нем много нового, — и это новое его не украшает, — я все же считаю Сталина великим и твердо верю, что его имя будет жить в веках. Но для меня Сталин в простом сером гражданском костюме и дороже, и ближе, чем Сталин — генералиссимус.

Более двух часов беседовал с маршалом Руденко (Главком весь день был на сессии Верховного Совета). Выяснилось, что ни Вершинин, ни Руденко не получали доклада (шифровки) об испытаниях САС во Владимировке и ничего не знали о пожаре, который имел место при испытаниях. Более того, полковник Фролов доложил по телефону, что по визуальным наблюдениям испытания прошли хорошо, а на кинопленке был зафиксирован небольшой пожар в приборном отсеке, который через одну минуту сам собой прекратился.

От маршала Руденко я узнал, что Вершинин, Захаров, Смирнов, Афанасьев, Келдыш и Петровский подписали письмо в ЦК КПСС о подготовке космонавтов-испытателей и космонавтов-исследователей. Этот документ сейчас выглядит совершенно иначе, чем 3–4 месяца назад, когда под ним были только подписи Келдыша, Афанасьева и Петровского. Я не видел последнего текста письма, но, со слов Руденко, оно теперь не затрагивает принципиальных позиций ВВС. Однако наши противники настолько сильны, что до официального решения ЦК у меня нет уверенности в незыблемости наших позиций.

Провел разбор испытаний САС во Владимировке. Горегляд, Бабийчук, Фролов и Смирнов уверяли меня в том, что до 14 декабря они фактически ничего не знали о пожаре при испытаниях во

Владимировке и по этой причине не могли сообщить мне об этом на полигон.

20 декабря.

Провел совещание с руководящим составом ЦПК. Объяснил причины и обстоятельства происшествия с «Союзом», обратил внимание на недостаточное знание космонавтами и специалистами ЦПК системы аварийного спасения. Приказал Кузнецову и начальнику медслужбы внимательно изучить все возможности медицинского контроля за космонавтами (особенно за «выходящими») на кораблях «Союз» и подготовить предложения по его усовершенствованию.

Гагарин и Николаев просили разрешить отпуск экипажам «Союза», но я отложил решение об отпуске до разговора с Мишиным и Керимовым. Главкома я и сегодня не видел — утром я уехал прямо в ЦПК, а вернувшись на службу, узнал, что он целый день был у министра.

Звонил Тюлин — председатель Государственной комиссии по Л-1, он сообщил, что от ВВС членами Госкомиссии назначены Руденко и я. Тюлин обещал в ближайшие дни собрать первое организационное заседание Госкомиссии.

В американской прессе появились сообщения о запуске в СССР 28 ноября «Космоса-133» и о взрыве его в воздухе. Американские специалисты делают правильные предположения, что «Космос-133» это не обычный спутник серии «Космос», а новый пилотируемый корабль, выведенный на орбиту с целью его испытаний без экипажа на борту. Кроме того, они пишут еще о двух взрывах космических кораблей, которые якобы имели место в СССР в сентябре и октябре этого года. Американцы чувствуют, что мы начали подготовку к очередной серии пилотируемых полетов, но они далеко не все знают о наших действительно больших трудностях и неприятностях на этом пути.

22 декабря.

Более года я добиваюсь сформирования авиационного полка специально для летной и парашютной подготовки космонавтов, и уже несколько раз Генштаб отказывал нам в решении этого важного вопроса. На последнее ходатайство Вершинина маршал Захаров наложил резолюцию: «Против формирования полка не возражаю, но только за счет численности ВВС». Дело сдвинулось с мертвой точки

пока лишь формально, поскольку в ВВС нет свободной численности. Пришлось долго уговаривать Вершинина и Брайко согласиться на расформирование одной эскадрильи и нескольких других подразделений ВВС, чтобы высвободить необходимую численность. 16 декабря генерал Брайко доложил в Генштаб предложения ВВС о формировании полка с указанием конкретных подразделений, за счет численности которых можно его осуществить.

Дело усовершенствования службы поиска затянулось. Сегодня я с Кутасиным, Гореглядом и Фроловым более часа занимался этим вопросом. До 25 декабря представим в правительство наши предложения по организации поиска лунных кораблей Л-1 и Л-3.

Маршал Руденко, уходя сегодня в отпуск, передал мне к исполнению кучу труднейших дел, которые «пролежали» у него несколько месяцев, но так и не были решены. Это, в первую очередь, реорганизация службы поиска спускаемых космических аппаратов, строительство ТБК-60, формирование экипажей для «Союзов», организация службы Солнца и многие другие.

Встречался с Главкомом. Вершинин объясняет все наши космические неудачи двумя причинами: 1) плохо налаженной в промышленности системой испытаний; 2) личными недостатками Мишина. В основном, Главком прав: хотя причины последних неудач и были заложены еще при Королеве, но особенно ощутимо они проявились из-за спешки и слабого контроля со стороны Мишина за всем комплексом работ.

Главком рассказал мне, что на днях он читал журнал «Стихия и жизнь», в апрельском номере которого опубликована статья о наших полетах в Арктике в 1934 году, и попутно выразил свое недовольство министром обороны по поводу его неоднократных отказов в присвоении мне звания генерал-полковника. Вершинин сказал: «Один из первых героев, командовал корпусом на войне, командовал воздушной армией, сейчас руководишь таким важным делом, с каким нельзя сравнить ни одну армию, а вот штатная категория у тебя из-за каприза Малиновского только генерал-лейтенант». Я просил Вершинина не расстраиваться из-за бюрократического крючкотворства министра. «Работа мне нравится — пока есть силы, я буду ее продолжать, и задержка с присвоением очередного воинского звания никак не отразится на качестве моей работы», — заявил я Главкому.

23 декабря.

Вчера в ОКБ-1 провели заседание Госкомиссии по 7К-ОК. Заслушали доклады Чертока, Бушуева и Фролова о самопроизвольном срабатывании САС 14 декабря. Комиссия, в основном, подтвердила вину разработчиков САС (ОКБ-1). Приняли решение комиссии о проведении ряда доработок САС.

24 декабря.

Провели первое заседание Госкомиссии по Л-1 под председательством Тюлина. Доклады о готовности корабля Л-1, носителя УР-500К и старта сделали Мишин, Челомей и Бармин.

Это заседание хорошо уже тем, что впервые в официальной обстановке встретились руководители всех ведущих организаций, которым предстоит многое сделать, чтобы выполнить облет Луны космонавтами до ноября 1967 года — к 50-летию Октябрьской революции. Решено первый облет Луны кораблем Л-1 с космонавтами на борту запланировать на 26 июня 1967 года, а до этой даты выполнить четыре полета кораблей Л-1 без экипажа.

Для вывода лунных кораблей на орбиту будет использована ракета УР-500К, способная поднять 19 тонн. Ракета УР-500К — это модификация ракеты УР-500, уже четыре раза выводившей в космос спутники «Протон» весом более 12 тонн: к двухступенчатой УР-500 добавляется третья ступень — получается УР-500К. По расчетам она может обеспечить прямой полет вокруг Луны и обратно на Землю, но так как УР-500К еще не летала, то в целях повышения надежности полетов Мишин предлагает осуществить подсадочный вариант: ракета УР-500К выводит на околоземную орбиту корабль Л-1 без экипажа, а носитель «Союз» выводит на ту же орбиту корабль 7К-ОК («Союз») с экипажем, корабли производят стыковку, и космонавты через открытый космос переходят из корабля 7К-ОК в корабль Л-1, после чего корабли расстыковываются, 7К-ОК идет на посадку на Землю, а Л-1 разгоняется и уходит в облет Луны. После того, как будут выполнены 4–6 пусков УР-500К, можно будет осуществить и прямой полет к Луне корабля Л-1 с экипажем. Пока же надо, по-видимому, готовиться к обоим вариантам облета. Вариант со стыковкой более сложный и более дорогой. Мне больше по душе прямой полет, но пока не будет уверенности в надежности ракеты УР-500К, мы вынуждены

готовиться к акробатическим номерам со стыковкой и переходом космонавтов из корабля в корабль.

26 декабря.

Сегодня в ЦПК провели торжественное собрание и ужин в честь 50-летия генерала Кузнецова Николая Федоровича. Было много адресов, подарков и хороших пожеланий. В 50 лет Кузнецов продолжает летать на современных истребителях, поддерживая уровень летчика 1-го класса. Во время войны Кузнецов сбил 36 немецких самолетов и дважды был тяжело ранен. Он успешно командовал Черниговским высшим летным училищем и вот уже три года работает начальником ЦПК ВВС.

28 декабря.

С большой группой генералов и офицеров ВВС (17 человек) был в ОКБ-52 у В. Н. Челомея. Владимир Николаевич был очень любезен и в течение пяти часов лично знакомил нас с ходом работ ОКБ-52 по космической тематике. Мы прослушали отличную лекцию, просмотрели кинофильмы, ознакомились с музеем, побывали в цехах.

Впервые я побывал в ОКБ Челомея вместе с маршалом Вершининым в 1961 году. За прошедшие с тех пор годы мы много раз встречались с Челомеем, но это были встречи на заседаниях, совещаниях и приемах — деловых встреч за эти пять лет не было. Все это пятилетие я взаимодействовал с Королевым и его сотрудниками, а последний год — с Мишиным. Приятно было отметить, что за это время конструкторская и производственная база ОКБ-52 заметно окрепла и расширилась. На всем, что мы видели (ракеты и космические корабли), заметно влияние культуры авиационного производства: продуманность планов и проектов, высокое качество изделий, ювелирная отделка деталей — все существенно лучше, чем в ОКБ-1.

У Челомея, кроме боевых ракет для морского флота, хорошо работает стратегическая ракета «сотка» (УР-100 — Ред.), неплохо показала себя УР-200 (девять пусков), хорошо зарекомендовала себя ракета УР-500 (четыре пуска с «Протонами»), проходит испытания ракета УР-500К, которой предстоит выводить на орбиту корабли Л-1 весом 19 тонн. На базе УР-500 и «сотки» Челомей разработал проект ракеты УР-700, который одобрен экспертной комиссией МОМ, но пока нет решения о ее постройке. На строительство детища Королева

ракеты Н-1 — страна уже израсходовала сотни миллионов рублей, и сейчас строить УР-700 параллельно с Н-1 наши руководители не решаются. Американская ракета «Сатурн-5» будет выводить на орбиту высотой 200 километров 130 тонн, наша ракета Н-1 — 95 тонн, а ракета УР-700 способна поднять 145 тонн. Почти по всем показателям УР-700 лучше «Сатурна-5» и значительно лучше ракеты Н-1. Ракета Н-1 была задумана 5–6 лет назад и вполне естественно, что ее расчетные и конструкторские данные хуже, чем у УР-700, но прекратить разработку Н-1 уже невозможно — ее надо обязательно довести до конца. Вполне возможно, что именно ракете Н-1 выпадет честь доставить первых людей на Луну, но сейчас уже ясно, что дальнейшая модернизация Н-1 невозможна, нужно создавать новую, более мощную ракету. Такой ракетой может стать УР-700, и работы по ней надо бы начинать немедленно, однако Смирнову и Устинову трудно решиться на постройку УР-700, так как именно они поддержали Королева с его Н-1 и отодвинули в тень проект Челомея. Сложилась очень трудная ситуация, из которой Челомей ищет выход, добиваясь поддержки военных и сильных мира сего, но пока он не получил ощутимой помощи. Первые опыты Челомея в создании пилотируемого ракетоплана не пошли дальше бумаги, он добился некоторого успеха лишь со спутниками-автоматами.

Сейчас главной задачей для себя Челомей считает создание орбитальной станции «Алмаз». Я побывал в «Алмазе», внимательно ознакомился со всеми его отсеками и пришел к выводу: это хороший многоцелевой корабль. Предполагается, что «Алмаз» будет находиться на орбите не менее года. Через каждые два месяца к «Алмазу» будет подходить транспортный корабль для смены экипажа из трех человек. «Алмаз» задуман и осуществлен в металле неплохо, но у нас пока нет уверенности, что в 1967–1968 годах мы сможем держать экипажи на орбите по два месяца. Более вероятно, что смена экипажей будет производиться чаще. В дальнейшем, после осуществления специальных мероприятий и установки на «Алмазе» дополнительного оборудования, смена экипажей станет возможной через 2–3 месяца.

Принятым три года назад решением ЦК и Совмина Челомей обязан был готовить корабль для облета Луны, а Королев — корабль для экспедиции с высадкой на Луне. Это решение не было выполнено, Королев добился того, чтобы строительство лунных кораблей и для

облета, и для экспедиции было поручено ему. После ухода Хрущева Королев легко добился победы над Челомеем, но эта «легкая победа» отняла у нас почти два года: Челомей не строил лунные корабли, а ОКБ-1 начало строить их только в 1966 году. Хотя задача создания лунных кораблей и была снята с Челомея, но он и коллектив ОКБ-52 успели многое сделать в данном направлении и по инерции, на свой страх и риск, продолжают работу над этой темой. Я имел удовольствие ознакомиться с лунным кораблем Челомея и посидеть в кресле космонавта. Корабль ОКБ-52 значительно проще, надежнее и более полно отработан, по сравнению с тем, что имеется на сегодня по кораблю Л-3 в ОКБ-1. К сожалению, корабль Челомея рассчитан только на прямой полет, он весит 45 тонн, и его можно вывести на орбиту только ракетой типа УР-700 или Н-1.

Общее впечатление от работ ОКБ-52, от работающих в нем людей, от порядка в цехах и качества производства хорошее. Производственная база ОКБ-52 больше напоминает современный авиационный завод, а в ОКБ-1 осталось еще немало уголков, сохранившихся от времен, когда на его территории располагался артиллерийский завод. Мы договорились с Челомеем укреплять взаимодействие и условились, что в первых числах января я привезу в ОКБ-52 Вершинина и Руденко. Сегодня я уже послал в ОКБ-52 полковника Аристова с кинофильмами о полетах «Джемини-6, 7, 11» и о программе «Аполлон».

31 декабря.

Вчера провели второе заседание Госкомиссии по Л-1. Мишин, Челомей и Бармин доложили, что по состоянию готовности лунного корабля, ракеты УР-500К и старта первый беспилотный пуск Л-1 может состояться в конце января. Выезд членов Госкомиссии на старт назначили на 10–12 января. На заседании были заслушаны доклады о мероприятиях, необходимых для обеспечения полетов лунных кораблей.

1. Доклад генерала Спицы и Главного конструктора Рязанского о ходе дооборудования измерительных пунктов. На развитие командно-измерительного комплекса требуется более 100 миллионов рублей, в том числе 50 миллионов на оснащение морских судов. Для управления полетами лунных кораблей оборудуются в первую очередь измерительные пункты в Евпатории и Уссурийске.

2. Доклад полковника Сибирякова и капитана 1-го ранга Дмитриева о службе поиска. ЦНИИ-30 (Иоффе) совместно с десятком военных и гражданских организаций провел большую исследовательскую работу по обоснованию необходимых для службы поиска морских, авиационных, радиосвязных и других средств.

До последнего времени служба поиска ВВС занималась поиском приземлившихся космических аппаратов только на территории СССР. Предстоящие полеты лунных кораблей поставили перед службой поиска новые задачи. Лунные корабли должны производить посадку на сушу на территории СССР, но существует большая вероятность их приводнения в водах Индийского океана или приземления на территории Ирана, Пакистана, Индии и других стран. Наша служба поиска совершенно не приспособлена для поисковых работ в океане. Сейчас надо создавать по существу новую службу поиска. 21 декабря маршал Захаров своей директивой возложил на ВВС роль головной организации по поиску на суше, а на ВМФ — ответственность за поиск в морях и океанах. Для обеспечения поиска в океане и на суше за пределами СССР требуется 12–15 тысяч человек, необходимо также специально оборудовать десятки морских кораблей, самолетов, вертолетов. Кроме того, нужно создать новые средства управления и выполнить большой объем работ по реконструкции наземных радиостанций и пеленгаторов. В ВВС организацией поиска руководит Главный штаб, но генералы Брайко и Кутасин ничего не делают для ускорения развития службы поиска. Бездеятельность Главного штаба ВВС и Генерального штаба привела к тому, что мы начинаем полеты к Луне в обстановке, когда поиск возвращающихся кораблей совершенно не обеспечен. Можно успешно долететь до Луны, благополучно возвратиться к Земле и… погибнуть после приземления или приводнения из-за плохой организации поиска. Для службы поиска требуется большая штатная численность, сотни миллионов рублей и добросовестная, энергичная работа Брайко и Кутасина — ничего этого пока нет. Я уже несколько раз докладывал Вершинину и Руденко о плохой работе Кутасина, но все мои попытки улучшить организацию службы поиска не достигли цели. Вчера Госкомиссия решила: создать под председательством маршала Руденко подкомиссию (члены — Касатонов, Лобов, Казаков, Булычев и другие) и поручить ей решить все конкретные вопросы организации службы поиска ВВС и ВМФ.

3. По моему докладу «О некоторых принципах подготовки экипажей для лунных кораблей» Госкомиссия приняла следующее решение:

1) В январе 1967 года начать подготовку экипажей для кораблей Л-1 по пятимесячной программе.

2) В состав экипажей для Л-1 включить командиров кораблей, имеющих опыт космических полетов (необязательно на корабле 7К-ОК), и членов экипажа, для которых опыт космического полета необязателен.

3) Создать группу космонавтов для полетов на кораблях Л-1, независимую от группы, готовящейся для полетов на кораблях 7К-ОК; подготовку обеих групп проводить параллельно и экипажи, выполнившие полет на 7К-ОК, переключать на подготовку к полетам на кораблях Л-1.

4) Поручить ВВС (Каманину), ОКБ-1 (Мишину) и Минздраву (Гуровскому) в пятидневный срок сформировать группу кандидатов в состав экипажей кораблей Л-1.

---

notes

Примечания

1

этого абзаца в книге нет — *Хл.*

2

да нет — намеренный — *Хл.*

3

первый — 4.01.63 — неудачный запуск — *Хл.*

в 8500 км — *Хл.*

однако совершил впервые в мире стыковку — *Хл.*

6

В книге этого нет — *Хл.*